

136-4-13 154-164

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

КАСАЮЩИХСЯ

801-12
116

ДО

ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

А. П. Хорошихина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНСЕЛЯ, СТРЕМНИЦАЯ, № 12

1876

СБОРНИКЪ СЪДЕРЖАНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вместо предисловія	1
Отъ Оренбурга до Казалинска	3
„ Казалинска до Ташкента	8
„ Ташкента до Токмака	15
„ Ташкента до Кокана	26
Очерки Кокана	39
Отрывки изъ дневника въ Коканѣ	53
Отъ Кокана до Ходжента	64
„ Ташкента до Самарканда	65
Изъ дорожныхъ замѣтокъ отъ Самарканда до Оренбурга	71
Очерки Ташкента	77
Сугутъ	142
Долина Зеравшана	156
Самаркандъ	184
Первый каранъ	238
Катта-бурганскій отдѣлъ	242
Весна 1868 г. въ Средней Азіи	255
Замѣтка о зякетѣ въ Бухарскомъ ханствѣ	294
Очерки Семирѣчья	300
Кызылкумскій дневникъ	395
По окраинамъ Букана	413
Пустыня на Востокъ отъ Тамды	429
Оазисъ Тамды, въ пустынѣ Кызылъ-кумъ	438
Пустыня Кызылъ-кумъ	443
Воспоминаніе о Хивѣ	473
Рабы персіане въ Хивинскомъ ханствѣ	483
Народы Средней Азіи	487
Узбеки Кенегезъ	516
На переправѣ	520
Хивинскій походъ (стихотвореніе)	532

22554-45.

2007082685

Предлагая читателямъ «Сборникъ» сочиненій покойнаго Александра Павловича Хорошхина, собранныхъ и изданныхъ, въ память его, по распоряженію Туркестанскаго генералъ-губернатора, Константина Петровича Фонтъ-Кауфмана, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ этого сборника.

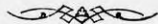
Покойный Александръ Павловичъ Хорошхинъ происходилъ изъ дворянъ Уральскаго казачьяго войска. Первые годы своего дѣтства онъ провелъ на Нижнеуральской линіи, гдѣ и выучился киргизскому и калмыцкому языкамъ. Воспитываясь въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ еще болѣе освоился съ этими языками, тагъ пригодившимися ему впослѣдствіи, при его разъѣздахъ по краю и безпрестанныхъ сношеніяхъ съ туземцами. Выпущенный изъ корпуса хорунжимъ въ Уральское казачье войско (1859 г.), онъ состоялъ въ Уральскомъ № 1-мъ полку по 1865 годъ; послѣ чего, по возвращеніи на родину, есаулъ Хорошхинъ отправился на службу въ Туркестанскій край, гдѣ занималъ различныя должности по военно-народному управленію и участвовалъ въ походахъ: бухар-

скомъ (1868 г.), хивинскомъ (1873 г.), причемъ, по занятіи города русскими войсками, состоятъ въ совѣтъ, учрежденномъ при ханѣ, и коканскомъ (1875 г.). Въ этомъ послѣднемъ походѣ подполковникъ А. П. Хорошкинъ убить въ дѣлѣ при крѣпости Махрамъ, во время преслѣдованія отступавшаго непріятеля.]

Разнообразныя и интересныя свѣдѣнія о Туркестанскомъ краѣ, собранныя Александромъ Павловичемъ втеченіе своей 10-ти лѣтней въ немъ службы, составляютъ содержаніе этого «Сборника», полезнаго для каждаго интересующагося нашей далекой окраиной.

Миръ праху твоему, честный труженикъ!

П. Маевъ.

Вмѣсто предисловія. ✓

✓ Наши среднеазіятскія области доселѣ пугаютъ воображеніе всякаго, живущаго вдали отъ нашихъ восточныхъ границъ, а потому иныя представляютъ себѣ неудобства дороги сюда и недостатки жизненныхъ потребностей, т. е. воды и т. д., въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Не мало, правда, помогаютъ заблуждаться на счетъ здѣшней стороны преувеличенные рассказы досужихъ господъ, съ пылкимъ воображеніемъ, здѣсь побывавшихъ. Оставимъ эти рассказы при ихъ авторахъ-герояхъ: дороги здѣшнія далеко не такъ ужасны, какъ, можетъ быть, рисуетъ ихъ неукротимое воображеніе. Онѣ, подь-часъ, дѣйствительно, не представляютъ удобствъ даже нашихъ проселковъ; но чего же требовать отъ края, которому всего четыре года минуло со дня его возрожденія? Назадъ тому четыре года, т. е. при коканцахъ, здѣсь нельзя было шагнуть безъ того, чтобы не рисковать жизнью. Теперь по степи и по Сыръ-Дарьинской Области поѣзжай, кто хочетъ... Конечно, на здѣшнихъ станціяхъ нѣтъ кофе, но что же прикажете дѣлать? Пусть каждый, собираясь въ дорогу, позаботится въ Оренбургѣ о всемъ необходимомъ, и, вполне увѣренный, что киргизы на него не нападутъ и волки или тигры не заѣдятъ, онъ спокойно проѣдетъ наши степи съ одного конца до другаго. Развѣ гдѣ нибудь лошадей не скоро дадутъ, или ихъ не будетъ совсѣмъ, или не понравится упряжь и т. п.; но все это не рѣдкость и на Руси, а въ степи, гдѣ, кромѣ киргизовъ, никто не берется содержать

станцій, такіе случаи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими неисправностями, извинительны. Но извиненія, по моему, мало: стоитъ благодарить киргизовъ, что они не отказываются содержать станцій, а не бить ямщиковъ, какъ это позволяютъ себѣ нѣкоторые «благородные» рыцари, представители, будто-бы, цивилизаціи въ дикихъ странахъ.

Я буду очень доволенъ, если предлагаемая статейка, не смотря на свою краткость, послужитъ для отправляющихся сюда съ далекаго сѣвера или юга Россіи путеводителемъ и доставитъ кому-нибудь, хотя минутное, развлеченіе въ дорогѣ. Это и было главнымъ поводомъ появленія статьи въ печати.

Замѣтки мои имѣютъ характеръ, по преимуществу, топографическій, хотя мѣстами касаются и этнографіи края; впрочемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, безъ малѣйшихъ претензій на специальность; почему и личныя впечатлѣнія мои; и вся обстановка, при которой я совершалъ переѣзды, оставлены почти въ томъ видѣ, какъ они были записаны.

Къ статьѣ приложены: b) маршруты, c) курсъ туземной монеты, и d) собраніе необходимыхъ въ дорогѣ киргизскихъ и сартовскихъ фразъ, которыя я призналъ нужнымъ помѣстить, потому что мнѣ не одинъ разъ приводилось снабжать ими путниковъ, незнакомыхъ со здѣшнимъ языкомъ.

Были же когда то разосланы въ войска, для руководства въ Дунайскихъ Княжествахъ, молдо-валахо-турецкіе разговоры и словари, напечатанные русскимъ шрифтомъ. Попытаемъ и мы примѣнить къ дѣлу языкъ киргизовъ и сартовъ.

Самаркандъ.
Январь, 1869.

I.

Отъ Оренбурга до Ѳазалинска. *)

Совѣты на дорогу.—Путь до Орска.—Пуховыя шали.—Орскъ.—Степная станція.—Фортъ Карабутаѣвъ.—Уральское укрѣпленіе.—Каракумъ.—Вола.—Проѣзжіе кунды.—«Жалобныя» книги.—Ямщики-киргизы.—Лошади.—Верблюды.

Пользуясь правомъ путеводителя, статья моя, прежде всего, предлагаетъ путнику нѣсколько совѣтовъ, чтобы предохранить его отъ промаховъ и непріятностей. Начнемъ съ экипажа.

Экипажъ на желѣзномъ ходу, безспорно, лучше повозки на деревянныхъ осяхъ; но если вы не надѣетесь на оси, въ данную минуту, то лучше возьмите запасныя: иначе много времени потеряете гдѣ нибудь на починку экипажа. Притомъ же, кузнецы есть только въ укрѣпленіяхъ и въ сартовскихъ городахъ. Запасныя оси всегда пригодятся, такъ какъ здѣсь экипажи, вообще, дороги. Экипажи на деревянныхъ осяхъ дешевле и отчасти удобнѣе для ѣзды по песку и по грязи. Запасъ на дорогу нѣсколькихъ, разной толщины, веревокъ, мазі для колесъ, другаго экзмпляра сердечника (шкворень) и другихъ принадлежностей экипажа предоставляется благоусмотрѣнію путешественника; но особенное, исключительное вниманіе нужно обратить на колеса, способныя, по здѣшнимъ дорогамъ, повергнуть безпечнаго путешественника въ неисходное отчаяніе, заставить его, со всѣмъ багажемъ, сидѣть сначала среди степи, потомъ на станціи и, затѣмъ, отправиться далѣе на перекладной или верхомъ на конѣ, а не то и на верблюдѣ.

*) Печатавъ эту статью мы должны оговориться и напомнить читателямъ, что она писана въ 1869 г. Теперь въ многомъ дорога изменилась къ лучшему; юртъ и землянокъ нѣтъ и въ поминѣ и на каждой станціи путешественникъ встрѣтитъ и станціонный домъ, и самоваръ съ чайной посудой.

На каждой степной почтовой станции имется по три или по четыре тройки и потребная на это число лошадей сбруя. Иногда, при большом разгонѣ, проѣзжимъ приходится дожидаться, пока сбруя вернется домой; поэтому все́мъ *пѣдущимъ стѣпно* нелишне *запасаться*, по возможности, хоть старой *сбруей* въ Оренбургѣ, на толчкѣ: расходъ невеликъ; за-то не будете остановокъ, потому что лошадей у киргизовъ довольно. Но берегите ваши хомуты и дугу отъ киргизовъ, которые, подъ-часъ, весьма вороваты: увезутъ, напимѣрь, хомутъ, не снимая его съ лошади. Берегите также хлѣбъ, составляющій для киргизовъ лакомство. Остаться въ степи безъ хлѣба очень легко, если вы будете раздавать кусочки попрошайкамъ-яшникамъ или плохо положите ваши запасы.

При самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вы проѣдете разстояние отъ Оренбурга до Ташкента въ три недѣли, а потому, на это время, кромѣ чая, сахара и непременно мѣднаго чайника, необходимо запастись хлѣбомъ, который, впрочемъ, можно имѣть, хотя и плохой, въ фортахъ и городкахъ; табакомъ, холодными закусками: сыромъ, колбасой и т. п.

Вообще, если вашъ экипажъ помѣстителенъ и проченъ, *не оставляйте въ немъ ни одного уголка пустымъ*: вещь, кажу-щаяся ненужной въ Оренбургѣ, заставитъ васъ вспомнить о ней дорогой или въ Ташкентѣ, подъ-часъ съ раскаяніемъ, что не запаслись ею. Здѣсь все очень дорого и плохо.

Распорядившись, такимъ образомъ, посылайте за лошадьми — и въ путь.

По дорогѣ, до Орска, нѣтъ ничего достойнаго вниманія, кромѣ пуховыхъ шалей, перчатокъ, чулковъ и носковъ, которые пригов-ляются въ этой мѣстности оренбургскія казачки, и такъ ис-кусно, что на лондонской всемірной выставкѣ была, говорятъ, огромная шаль, проходившая очень свободно чрезъ обыкновенное кольцо съ мизинца. Ыдущимъ осенью или зимой нелишне купить изъ такихъ вещей, что нужно.

Дорога до Орска идетъ по равнинѣ, и только двѣ послѣднія станции передъ городомъ покрываютъ *Губерліи* или *Губерлинскія горы*, начало Уральскаго хребта. По мнѣнію моему, ихъ удобнѣе проѣхать днемъ, нежели ночью.

Городъ *Орскъ* находится уже въ киргизской степи, на лѣ-

вомъ берегу рѣки Урала. Орскъ былъ когда-то даже крѣпостью, но, съ умиротвореніемъ окрестныхъ киргизовъ и построеніемъ форта Карабутака, орская крѣпость утратила смыслъ и обратилась въ одинъ изъ непривлекательнѣйшихъ уѣздныхъ городишекъ. Въ Орскѣ двѣ почтовые станции: одна для возвращающихся изъ степи — *русская*, другая для ѣдущихъ въ степь — *киргизская*.

Съ Орска начинается киргизская степь, по которой вы и поѣдете отъ станции до станции, или, вѣрнѣе, отъ землянки до землянки, по самой однообразной, порою совсѣмъ неоживленной мѣстности. Правда, и землянки иногда не имѣютъ стеколъ, но все-таки онѣ похожи на жилье... Будьте мужественны: вамъ, можетъ быть, придется гдѣ-нибудь прождать часъ и болѣе, пока ящики вашей отпряжешь лошадей, отыщется по сосѣдству въ оврагѣ кибитку (юрту) и притащить изъ нея — наговорившись предвари-тельно съ хозяевами о томъ, кто вы, въ какомъ экипажѣ ѣдете и т. п. — какого-нибудь полусоннаго киргиза, который, къ довер-шенію всехъ вашихъ несчастій, объявитъ, что лошадей нѣтъ, что онѣ увезли на слѣдующую станцію проѣзжаго, что до стан-ции этой считаютъ тридцать верстъ (на самомъ дѣлѣ, ихъ будетъ за 50), и порадуетъ васъ своими ожиданіями лошадей къ свѣту... А то, извольте, онѣ можетъ также доложить вамъ, что лошади есть, но только въ степи, вотъ недалеко, за пригоркомъ, и что онѣ уже послали за ними... Все это неправда. Завернитесь въ шубу и спите до утра: оно, по пословицѣ, мудренѣе вечера. Ло-шади, навѣрное, ранѣе половины слѣдующаго дня не вернутся, а посылатъ за ними за пригорокъ киргизъ и не думалъ; если же и послали, то посланный захватилъ съ собою кусокъ грязнаго вой-лока и легъ спать за бугромъ, до утра... Да, все это очень пе-чально, въ особенности, если вы не знаете языка и некому пере-дать киргизамъ ваши требованія. Но такія непріятности суще-ствуютъ только между Орскомъ и Казалинскомъ. Отъ Казалинска, гдѣ начинается Сыръ-Дарьинская Область, и до Ташкента, на каждой станции есть смотритель-солдатъ или казакъ, знающій языкъ. Тутъ дѣла идутъ иначе.

Первое степное укрѣпленіе послѣ Орска, на пути нашемъ, бу-детъ *фортъ Карабутака*. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ гли-

няныхъ казармъ, для небольшого гарнизона, и изъ маленькой цитадели, на горѣ, съ какой-то странною башней.

Бдущимъ въ тяжелыхъ экипажахъ, съ семействами, и господами робкаго десятка *не советую* пускаться изъ Карабутака въ дорогу на Уральское укрѣпленіе *ночью*, въ особенности темною: непосредственно изъ воротъ станціи идетъ крутой спускъ и поворотъ направо, кругомъ горы, на рѣкѣ Карабутахъ, гдѣ, по неосторожности соннаго ямщика, легко можно получить большую неприятность. По выѣздѣ въ степь дорога пойдетъ ровная, почти ничѣмъ неотличающаяся отъ той, что проѣхали до Карабутака, какъ и само *Уральское укрѣпленіе* *), въ которое приведетъ васъ эта дорога, мало чѣмъ отличается отъ него; развѣ только цитадель въ немъ обширнѣе карабутацкой, да вокругъ есть небольшое поселеніе съ нѣсколькими кабаками и лавочками. Въ цитадели церковь и лекарь.

Съ Уральскаго укрѣпленія прекращаются почтовые землянки и черезъ три или четыре станціи начинаются пески *Каракумъ*. Въ переводѣ на русскій языкъ слово это значитъ *черный песокъ*. На всемъ пути черезъ Каракумъ я нигдѣ не видалъ ни крупинки черного песка, а потому думаю, что пески эти названы такъ по ихъ непривѣтливости, которая, впрочемъ, по почтовой дорогѣ, не заявляетъ себя ничѣмъ особеннымъ, кромѣ обычнаго однообразія окрестныхъ видовъ, остановокъ среди дороги отъ песку и безспія лошадей и дурной воды въ колодцахъ. Советую *вовсе не пить* эту воду, или, по крайней мѣрѣ, приправлять ее сиропомъ или виномъ. Она не особенно неприятна на вкусъ, но весьма дурно дѣйствуетъ на желудки непривычные, особенно на изнѣженные изысканными яствами и питіями. Чай изъ каракумской воды плохъ. Говорятъ, что почтовая дорога пролегаетъ по лучшей части Каракумовъ, въ остальныхъ частяхъ своихъ еще болѣе непривѣтливыхъ.

Почтовые домики замѣнены въ Каракумѣ *кибитками*, безчисленное множество разъ описанными разными путешественниками. Въ нѣкоторыхъ станціонныхъ кибиткахъ есть желѣзные печи, а въ иныхъ и совсѣмъ Русью пахнетъ: въ нихъ помѣ-

*) По киргизски—Джарь-мула.

щаются казаки, содержащіе, мѣстами, по почтовой дорогѣ въ Каракумѣ пикеты. Это—для порядка; но я помню, какъ, на станціи Джалавли, казачій урядникъ, завѣдывающій пикетомъ, обѣщавши дать лошадей мнѣ, прибывшему прежде и съ казенной подорожной, отдалъ изъ проѣзжимъ торговымъ бухарцамъ, конечно не даромъ. Хорошъ примѣръ для киргизовъ! Вообще нужно быть осмотрительнѣе и отстаивать права казенной подорожной: иначе бухарцы, исключительно люди торговые, всюду будутъ встрѣчать преимущество, благодаря нѣсколькимъ гривнамъ и чаю, который они пьютъ почти на каждой станціи, и все-таки уѣзжаютъ прежде неосмотрительнаго обладателя казенной подорожной.

«*Жалобныя*» книги существуютъ на очень многихъ станціяхъ, но пользы отъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей. На ихъ дѣйственныхъ страницахъ досужіе путешественники изощряютъ иногда свое остроуміе, или плачутся на судьбу... Ревизуются ли такія книги или нѣтъ—неизвѣстно. Да и что толку въ ревизіи?.. Киргизы дикі и просты, и если причиняютъ проѣзжимъ неприятности медленностью, то безсознательно, а проѣзжіе, въ свою очередь, нерѣдко бьютъ ихъ. Кто правъ, кто виноватъ—судить трудно, и въ *жалобныхъ* книгахъ того не прописано... На водку киргизы-ямщики просятъ всѣ, хотя и не всѣ пьютъ ее; однако есть и такіе, что не отказываются отъ рюмки и пьютъ, при случаѣ, въ фортахъ, какъ и русскіе люди. Вообще же киргизы, какъ мусульмане, водки не употребляютъ. Лошади въ Каракумѣ незавидны, потому собственно, что дороги песчаны, и вы не отказывайтесь отъ верблюдовъ, даже прямо требуйте ихъ! Верблюды везутъ хотя и медленнѣе лошадей, но за то не станутъ. Относительно кротости и послушности верблюдовъ будьте покойны, хотя все-таки предупреждайте возницъ, чтобы въ корень (т. е. въ оглобли) запрягали верблюда болѣе смирнаго. Съ хорошимъ запасомъ терпѣнія и снисходительности, вообще необходимыхъ въ степи, вы отлично проѣдете пески Каракумъ, и какъ только начнутъ показываться передъ вами вдали лиманы Аральскаго Моря, а потомъ даже и самое море, и въ туманныхъ очертаніяхъ горы, можете поздравить себя съ окончаніемъ пути по Каракуму. Вы уже въ Сыръ-Дарьинской Области; осѣдлые пункты по дорогѣ будутъ чаще, виды разнообразнѣе и дорожныхъ удобствъ сравнительно больше.

Отъ Казалинска до Ташкента.

Городъ Казалинскъ.—Фортъ № 2.—Переправы черезъ р. Сыръ-Дарью.—Городъ Перовскъ.—Саксаулъ и колючка.—Развалины Саурана.—Туркестанъ.—Мечеть Хазретъ-Ахмедъ-Исави.—Базаръ.—Дорога до Икана.—Иканъ.—Арсь.—Чимкентъ.—Мѣстный Араратъ.—Сходство библейскихъ сказаній.—Ташкентъ издалика.

Казалинскъ *) первый уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской Области, состоитъ, кромѣ укрѣпленій, изъ значительнаго поселенія и въ состояніи удовлетворить многія изъ вашихъ дорожныхъ нуждъ. Въ Казалинскѣ есть гостиница, лавки, мастеровые, квартиры въ домикахъ поселянъ и проч.

Въ Казалинскѣ зимуетъ аральская флотилія.

Дорога изъ Казалинска, или, въ просторѣчїи, Казалы, на фортъ № 2-й, мѣстами пересѣкается пригаціонными канавами, и потому предосторожности по ней нѣлиши, особенно если, за предъидущій путь, замѣчены въ экипажѣ какія-либо перепѣны къ худшему.

Близъ форта № 2-й, который, самъ по себѣ, не обращаетъ на себя вниманія, проѣзжіе переправляются на баркасѣ черезъ р. Сыръ-Дарью и до города Перовска ѣдутъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки. Тутъ дорога одинаково покойна, а потому, при постановкѣ экипажа на баркасѣ, нужно наблюдать за рабочими: пристани не совсѣмъ удобны и экипажу легко могутъ нанести поврежденія, которыя потомъ не нетати обнаружатся въ дорогѣ. Поэтому, кромѣ просьбы къ являющейся на переправу дежурной командѣ, также какъ и на переправѣ близъ Перовска, необходимо присоединить, въ видѣ поощренія, тамъ и самъ «на водку». Переправляться ночью не совѣтую, особенно людямъ семейнымъ.

Подъ городомъ Перовскомъ, въ восьми верстахъ отъ него, вы снова переправляетесь на правый берегъ Сыра.

Перовскъ основанъ на мѣстѣ коканской крѣпости Акъ-Ме-

*) Прежде фортъ № 1, по киргизски Казала.

четь, взятой оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, графомъ Перовскимъ, въ 1853 году.

Перовскъ, какъ и Казалинскъ, только еще возникаютъ. Но тѣмъ не менѣе оба города, вмѣстѣ съ Ташкентомъ, общають первыми выдвинутыя впередъ изъ среды здѣшнихъ полуазіатскихъ, полурусскихъ остьдлостей.

За Перовскомъ, вмѣстѣ съ мѣстностью, начинается измѣняться и природа. Своеобразный и печальный *саксауловый лѣсъ* и *колючій кустарникъ* тянутся на большія разстоянія по обѣ стороны пути, и *фазаны* по одному и стаими перелетаютъ дорогу, порой въ недалекомъ разстояніи; а потому, обладая ружьемъ, можно доставить себѣ удовольствіе охотой; за успѣхи ея, впрочемъ, никто не поручится: фазанъ хоть и подпускаетъ къ себѣ близко, но быстро скрывается въ кустахъ. Въ Перовскѣ и въ Джукелѣ, равнымъ образомъ, у киргизовъ, кочующихъ въ районахъ этихъ мѣстъ, фазанъ весьма обыкновенная птица. Правда, довольно фазановъ на базарахъ и въ Туркестанѣ, Чимкентѣ и Ташкентѣ, но здѣсь они сравнительно дороги и какъ будто хуже. *Тигры*, безчисленные въ первые годы существованія сыръ-дарьинскихъ укрѣпленій, сохранились до сихъ поръ и безпокоятъ, иногда, по словамъ киргизовъ, стада; но примѣровъ нападенія на проѣзжихъ не слышно; развѣ черезъ-чуръ пыльное и пугливое воображеніе способно нарисовать разные страхи; на самомъ же дѣлѣ тигръ, издалика слышавъ стукъ экипажа, бѣжитъ прочь. Охотниковъ на этого звѣря, говорятъ, мало. Изъ дикихъ травоядныхъ, въ лугахъ по Сыру водятся будто-бы козы и тарпаны.

По мѣрѣ приближенія къ маленькому форту *Джукелу*, вѣдь отъ дороги начинаютъ всплывать надъ горизонтомъ горы *Кара-тау*, называющіяся въ этой мѣстности *Идермен-тау*, которыя сопровождаютъ путешественника съ лѣвой стороны почти до Чимкента. По рассказамъ, горы эти покрыты зимовками, кочевьями и пашнями киргизовъ, богаты разнаго рода дичью, даже оленями, тиграми и кабанами. Кромѣ горъ вдали и развалинъ *Саурана*, какъ значится на картахъ, или *Саурана*, какъ произносятъ киргизы, до Туркестана не встрѣчается ничего интереснаго. *Сауранъ* издалика предстанетъ передъ путникомъ своими стѣнами, изъ-за которыхъ въ одномъ мѣстѣ выглядываютъ верхушки

каких-то оригинальных башенъ, въ формѣ гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ рейнвейна. Башни эти очень высоки и съ нихъ въ былые годы, будто-бы, бросали осужденныхъ на смерть преступниковъ. По другому преданію, башни построены Тамерланомъ *), въ угоду его любимой внучкѣ, нелюбившей сидѣть въ гаремѣ и большой охотницѣ любоваться окрестностями и видомъ громадной мечети Хазрета, которая отсюда уже видна. Значитъ, и городъ Туркестанъ недалеко.

Дорога идетъ подъ самыми стѣнами Саурана, а потому любознательному путнику представляется возможность проникнуть за эти стѣны и подивиться на средне-азіятскія постройки и на терпѣніе, съ которымъ накладывались одна на другую огромныя массы глины. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, имѣлась надобность въ этой городѣбѣ, потому что почти всѣ занятые доселѣ города обнесены глиняными стѣнами. Возника-киргизъ разказывалъ мнѣ, что давнымъ-давно когда-то Сауранъ былъ городомъ, слѣды котораго какъ-будто замѣтны по направленію къ горамъ, и принадлежалъ какому-то султану (?), кочевавшему лѣтомъ въ сосѣднихъ горахъ, а зимовавшему въ Сауранѣ, гдѣ имѣлись помѣщенія, базары, мечети и войско. Караваны приходили въ Сауранъ со всѣхъ сторонъ и торговля въ немъ процвѣтала. Но калмыки **) напали на городъ и разрушили его. Но какимъ лѣтописцемъ угодно будетъ вамъ провѣрить это сказаніе—не знаю; но, глядя на громадныя стѣны, со слѣдами полуразвалившихся бойницъ и башенъ, я невольно думалъ о томъ, что творилось за ними въ былое время, какія страсти и цѣли оживляли ихъ, и какъ младенчествоующее человечество глупо играло своими судьбами и безслѣдно ушло, оставивъ по себѣ лишь безмысленныя массы глины. А посмотрите на здѣшнюю природу, на горы, до прихода нашего сюда, нетронутыя, и, рядомъ съ этимъ, на полнѣйшее всеобщее невѣжество отъ мала до велика, на царящее здѣсь искаженіе природы человеческой. Здѣсь люди какъ-будто спали, и сонные безсознательно шли пастари указаннымъ имъ, отцами и религіею,

*) Тамерланъ или, правильнѣе, Тимуръ-ленкъ, хромой Тимуръ, родился въ 1336 г., умеръ въ 1405 году.

**) Безъ сомнѣнія, это случилось во второй половинѣ XVII вѣка. Ни прежде, ни послѣ калмыки тутъ не были.

путемъ жизни. Религіозный фанатизмъ и замкнутость господствовали во всей силѣ. Отношенія не вырабатывались; женщина презиралась и пока презирается; правда была мнѣомъ; направить на путь истинный было некому, и поколѣнія за поколѣніями плелись и плетутся, нога за ногу, не имѣя, въ прошломъ и настоящемъ, ничего, кромѣ кровавыхъ драмъ безъ смысла, кромѣ многихъ сотенъ тысячъ жертвъ, падшихъ тоже безсознательно, и кромѣ пелѣныхъ формъ жизни, весьма рельефно характеризующее нравственное несовершенство массъ. Безъ посторонняго вліянія, Средней Азіи никогда бы не проснуться, и участь ея — оставить по себѣ лишь кучи глины—была бы участью неизбежной. Но время, исцѣляющее всевозможныя болѣзни, уврачевало уже отчасти, и окончательно уврачуешь, общественныя раны здѣшняго населенія, больного нравственно и хилого физически. Благотворное вліяніе русской власти не замедлило обнаружиться. Дороги свободны; купецъ смѣло идетъ со своимъ караваномъ и спокойно спитъ дома, увѣренный, что ни чей произволъ не обезпokoитъ его; горожанинъ не бoится за свою красавицу—жену или дочь; рабство уничтожено; взаимныя разбойничьи шайки, горы наполнились искателями ихъ богатствъ; конкуренція по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности начала обнаруживаться... Кажется, на первое время довольно нашихъ заслугъ въ Средней Азіи?..

✓ *Туркестанъ*, или, по-сартовски, *Хазретъ-Султанъ*, первый средне-азіятскій городъ по пути сюда, взятъ въ 1864 году. Я подѣхалъ къ Туркестану ночью, но доселѣ помню впечатлѣніе перваго средне-азіятскаго города. Ночи здѣсь великолѣпны потому, что небо и звѣзды необыкновенно ярки, и созвѣздія какъ-будто непохожи на наши сѣверныя. Туркестанъ, какъ и всѣ почти средне-азіятскіе города, окруженъ садами. Огромные стройные тополи красиво окаймляютъ дорогу между садами и въ общемъ производятъ необыкновенное впечатлѣніе на воображеніе небывалаго въ здѣшнихъ краяхъ путника. Присоедините шумъ арыковъ—и кругомъ васъ невиданная вами оригинальная обстановка.

✓ Въ Туркестанѣ достойна вниманія мечеть временъ Тимура-Хазрета-Ахмедъ-Яссаи, а по-русски просто *Азретъ*. Въ ней похороненъ мусульманскій святой теологъ *Ахметъ-Яссаи*, потомъ

ки котораго, живущіе въ Туркестанѣ, и доселѣ избавлены отъ податей. Мечеть, по величинѣ своей, принадлежить къ тѣмъ семи громаднымъ постройкамъ Тимура, которыя, здѣшними лѣтописцами, считаются чуть не семью чудесами свѣта. Къ нимъ же принадлежитъ цитадель г. Шарсабиса и мечети г. Мешеда (въ Перси).

Мечеть Хазретъ-Яссави подробно описана въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ.

Узкая улица ведетъ къ воротамъ мечети; ихъ охраняетъ часовая. Дворъ мечети обстроенъ садами, въ которыхъ временно или постоянно помѣщались, въ прежнее время, служители храма, богомольцы и весь тотъ людъ, который необходимъ при мечетяхъ въ мусульманскихъ государствахъ: дуана (юродивые), странники и т. п. Теперь сады эти, также и небольшая мечеть надъ могилой упоминаемой выше непосѣды-внучки Тимура, на томъ-же дворѣ, равно и самъ Хазретъ, пусты. Кажется, разъ въ недѣлю «правовѣрные» стекаются со всѣхъ концовъ города, вмѣстѣ съ богомольцами издадека, и творять намазъ надъ могилой Ахмеда.

Заднимъ фасадомъ мечеть почти примыкаетъ къ стѣнѣ цитадели. Если войти на барбетъ, то Туркестанъ откроется во всѣ стороны, кромѣ той, съ которой выется громада Хазрета, съ гнѣздомъ аиста на одномъ изъ своихъ куоловъ. Тутъ, глядя на узкія и кривыя улицы, на низкія сады съ плоскими крышами, на сады съ ихъ стройными и высокими красавицами-тополями, на движеніе разнообразной, характерной толпы, можно составить себѣ понятіе о наружномъ видѣ всѣхъ средне-азиатскихъ городовъ. А чтобы разочароваться—нужно спуститься съ барбета и идти на базаръ. Узнія, только въ лѣтній зной сухія, улицы приведутъ васъ на базаръ. Онъ очень невеликъ въ сравненіи съ ташкентскимъ, но оригиналенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Средне-азиатскій базаръ состоитъ обыкновенно изъ сплошной линіи лавокъ съ разными разностями и дѣлится на ряды, т. е. чайный рядъ, ситцевый и т. п., или представляетъ собою смѣшеніе разныхъ предметовъ торговли. Такъ, около лавки съ мелочью, т. е. со шнурками, тесемками и т. п., находите трактиръ, въ сущности такую же лавку, въ которой на большомъ очагѣ готовятся туземныя кушанья; далѣе встрѣчаете рядъ шипящихъ самоваровъ, кувшины для чая, китайскія чашки, мѣшокъ съ кишмишемъ и кучу туф-

лей у порога. Тутъ пьютъ чай. Потомъ идетъ лавка мясника, съ вывѣшанными на показъ бараньими тушами; за ней видите лавку, набитую халатами, азіятскими и русскими тканями, платками и т. п.; далѣе кондитерскую, уставленную мѣшками съ фиесташками, кишмишемъ, орѣхами, урюкомъ, увѣшанную виноградомъ и дынями, искусно оплетенными соломой, во избѣжаніе порчи, и т. д. Всѣ эти лавки дверей не имѣютъ; только на ночь наружная сторона ихъ сплошь забирается досками, сквозь которыя, проѣзжая по улицѣ ночью, видите огоньки. Въ лавкѣ, среднеазіецъ, кромѣ торговли, творитъ омовеніе и намазъ, занимается туалетомъ, мастерствомъ, пьетъ чай, ѣстъ и спитъ, не бывая дома по недѣлѣ и болѣе. Такимъ образомъ, базаръ, торговля является единственными проявленіями общественной жизни средне-азіатцевъ, вообще сонныхъ и лѣнивыхъ.

По пути изъ Ташкента въ Чимкентъ замѣчательна дорога отъ Туркестана до деревни *Иканъ*, дорога ровная, какъ столъ, по которой, въ декабрѣ 1864 года, сотня уральцевъ, подъ командою есаула Сѣрова, въ теченіе трехъ сутокъ геройски выдержала напоръ безчисленныхъ коканскихъ скопищъ и почти вся легла, спасши г. Туркестанъ.

Деревня или, на иныхъ картахъ, крѣпость *Иканъ* очень бѣдна; иканцы, послѣ дѣла Сѣрова, сильно пострадали за преданность русскимъ, отъ полчища Алимкула, который ихъ почти всѣхъ велѣлъ гнать въ Ташкентъ. И полунагихъ, босыхъ и голыхъ, съ семействами, ихъ погнали по зимней дорогѣ для того, чтобы нищенствовать въ Ташкентѣ.

Два послѣднія станціи къ Чимкенту заслуживаютъ также вниманія путешественника.

Станція *Арсъ* или, по-русски, *Арысъ* расположена на рѣкѣ Арсѣ, весьма неглубокой, но быстрой, а потому, переправляясь черезъ нее у станціи въ бродъ, не мѣшаетъ слушаться ямщиковъ, которымъ это дѣло знакомо. Со станціи Арсъ до слѣдующаго пикета пойдетъ отвратительная дорога по кособорамъ. Всѣмъ прислѣвшимъ на Арсъ къ ночи, рекомендуется переспать, потому что и днемъ можно встрѣтить по этой дорогѣ большія непріятности, даже въ родѣ перелома руки или ноги, или, по крайней

мѣрѣ, значительныхъ поврежденій въ экипажѣ. Тормазъ въ этой мѣстности необходимъ.

Чимкентъ—второй средне-азиатскій городъ, по дорогѣ отъ Оренбурга до Ташкента. Чимкентъ, городъ наиболѣе пострадавшій отъ штурма, расположенъ вокругъ горы, занятой цитаделью. Дорога въ цитадель идетъ съ базара по крутому подъему. Въ городѣ очень порядочный базаръ. Русская слободка застроилась изрядно; въ лавочкахъ можно кое-что испустить.

Слово Чимкентъ въ переводѣ значитъ *зеленый городъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ Чимкентѣ много садовъ, много воды и городъ имѣетъ вообще привѣтливую фizioномію.

Съ Чимкента дорога, почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на югъ и все время идетъ въ виду горъ Каратау, которые въ одномъ мѣстѣ подходятъ къ ней такъ близко, что является желаніе подняться на хребетъ. Но это обманъ зрѣнія: горы высоки и далеки. Та, что всѣхъ ближе и особенно манитъ, зовется *Казбекъ*. Въ мѣстныхъ преданіяхъ она играетъ роль нашего *Арап-та*. По словамъ туземцевъ, на ней есть слѣдъ ковчега Ноя. Подобное сходство библейскихъ сказаній съ преданіями и книгами мусульманъ встрѣчается очень часто. Напримѣръ, толкованіе имамовъ Агзамовъ сновидѣнія халифа Гаруна почти ничѣмъ не отличается отъ сказанія библіи объ Іосифѣ и Фараонѣ. Объясняется это просто тѣмъ, что мусульманство весьма много заимствовало изъ библіи.

О Ташкентѣ, окруженномъ садами, будто широкою лентою, я надѣюсь поговорить въ особомъ трудѣ; здѣсь же замѣчу только, что въ русскомъ кварталѣ Ташкента, именно въ домѣ Жемчужникова, есть нумера, а въ слободахъ много квартиръ; пзвозицики, на самыхъ разнообразныхъ колесницахъ, укажутъ бѣхми-стера и т. д.

Отъ Ташкента до Токмака,

Дорога до Аулія-ата;—Манкентъ.—Горы Алатау и Каратау. — Аулія- ата. — Александроградъ.—Коканскія и наши крѣпости.—Поселыне.—Каракиргизы.

Дорога отъ Ташкента до Аулія-ата идетъ черезъ Чимкентъ и далѣе черезъ небольшой городокъ *Манкентъ*, который представляетъ единственную осыдлость на всемъ пути между Ташкентомъ и Аулія-ата. И не мудрено: всѣ степи, по лѣвую сторону дороги, и всѣ горы по правую населены кочевниками киргизами и каракиргизами, ненуждающимися, какъ извѣстно, ни въ тѣни садовъ, ни въ кровлѣ осыдлага жилища. По дорогамъ этой мѣстности встрѣчаются вереницы навьюченныхъ верблюдовъ и кавалькады киргизскихъ всадниковъ и всадницъ: это перекочевываютъ киргизы, мѣняя степи на горы и горы на степи. Тѣ и другія, кажется, безпредѣльны.

Горы провожаютъ путешественника по правую руку вплоть до Аулія-ата, гдѣ, недалеко отъ города, почтовая дорога ушельемъ выходитъ на долину Таласа, быстрой горной рѣчки, пропадающей въ разливахъ озера Каракуль, въ кочевьяхъ киргизовъ большой орды. На Таласѣ построены Аулія-ата.... Но прежде покончимъ съ городами.

✓ Водораздѣлъ рѣкъ Чу и Таласа, начинаясь у Аулія-ата подъ именемъ Александровскаго хребта, идетъ на востокъ къ озеру Иссык-Кулю и покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ. Туземцы зовутъ горы эти Алатау—*пестрыя горы*. Трудно придумать названіе проще и картиннѣе этого, даннаго дикарями, бродящими по горамъ во всякую пору года, по снѣгу и по зелени, въ морозъ и оттепель, которая, между прочимъ, и вызвала названіе, когда дикарь съ какой-нибудь вершины любовался величественной и безпредѣльной панорамой горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

✓ Подъ именемъ Алатау извѣстны здѣсь и всѣ прочія горы, окружающія озеро Иссык-Куль и очерчивающія долины рѣкъ: *Сусамыра*, *Джумтала* и *Нарына*, изъ которыхъ образуется р. Сыръ-Дарья. Всѣ горные кряжи южнѣе, по рѣкамъ *Келесу*, *Чат-*

калу и Чирчику, известны въ народѣ и въ географіи подъ названіемъ *Каратау*, «черныхъ горъ». Онѣ покрываются снѣгомъ только въ зимніе мѣсяцы и также населены каракиргизами, просто киргизами и осѣдлыми таджиками, вплоть до праваго берега Сыра, и такъ же живописны, какъ и горы Алатавскія.

✓ Минеральныя и другія богатства Алатавскихъ горъ пока еще не изслѣдованы. Но слышно, что въ горахъ много строеваго лѣса, который, конечно, значительно облегчитъ колонизацію Чуйской долины и нагорнаго края, если только колонизація не будетъ найдена стѣснительной для туземнаго населенія, состоящаго изъ незначительнаго числа осѣдлыхъ туземцевъ (сартовъ) и многочисленныхъ киргизскихъ родовъ Большой и Дикокаменной ордъ.

✓ Уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской Области *Ауліэ-ата* (святой отецъ) расположенъ на рукавахъ р. Таласа, когда рѣка эта, пройдя нижнимъ теченіемъ своимъ долину между хребтами Уртау и Александровскимъ, поворачиваетъ на сѣверъ и огибаетъ справа первыя возвышенности Александровскихъ горъ. Таласъ дѣлится тутъ на нѣсколько рукавовъ и бѣжитъ довольно быстро, какъ и всѣ вообще горныя рѣчки и арыки этой мѣстности. Городъ расположенъ по лѣвому берегу лѣваго рукава рѣки и состоитъ изъ цитадели, хорошо командующей окрестностями, незначительной русской слободки и сартовскаго поселенія. Ауліэ-атинскій базаръ не великъ, но торговля на немъ, въ особенности скотомъ и хлѣбомъ, постоянно весьма значительна. Скотъ и хлѣбъ доставляются киргизами и каракиргизами и, сравнительно съ другими мѣстными областями, весьма дешевы. Въ будущемъ, и тѣмъ болѣе съ построеніемъ здѣсь города Александрополя, пункту этому предстоитъ важное торговое и административное значеніе. Лучшимъ мѣстомъ для новаго города, по мнѣнію моему, была бы обширная площадь къ востоку отъ нынѣшняго поселенія, съ почвою твердой, нетронутой, пересѣченная съ сѣвера на югъ свѣтлыми и бѣстрыми рукавами Таласа, которыми, въ свою очередь, проходи подъ Александровскими горами, находящимися весьма недалеко, окаймляла бы городъ съ востока. Большой почтовый путь изъ Сибири, караванный путь черезъ горы въ Коканъ, сообщество киргизовъ, богатыхъ скотомъ и хлѣбомъ, умѣренный климатъ, вода изъ лучшихъ въ краѣ, довольно живописная мѣстность, все

это служить хорошимъ ручательствомъ за процвѣтаніе новаго города, потому что непременно привлечетъ торговыя и промышленныя силы. Кромѣ всего этого, основаніе Александрополя немалую пользу принесетъ и цивилизаціи края, населеннаго, по преимуществу, дикими и доселѣ воинственными родами киргизовъ, извѣстныхъ въ нашихъ старыхъ и даже въ нѣкоторыхъ новыхъ географіяхъ подъ названіемъ *дикокаменныхъ* или *закаменныхъ*.

✓ При коканскомъ правительствѣ, съ Ауліэ-ата начинался рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ или *кургановъ*, вмѣщавшихъ въ себѣ гарнизоны, съ помощію которыхъ правительство только и могло, въ случаѣ надобности, напиримѣръ при сборѣ податей, вліять на своихъ бродячихъ и дикихъ подданныхъ. Но приказы хана и ауліэ-атинскихъ бековъ, вѣдавшихъ эту мѣстность, порою не имѣли никакого значенія, потому что тѣ же самые киргизскіе бии и каракиргизскіе мананы, что лежатъ теперь спокойно, хотя и не всегда, въ аулахъ, осаждали бековъ въ ихъ резиденціи Ауліэ-ата и опустошали окрестности города, не боясь коканскихъ пушекъ. Причиною такихъ народныхъ движеній были, по большей части, безсовѣстные поборы, сопровождавшіеся за частую захватомъ биевъ и манановъ, въ чаяніи, что ихъ выкупятъ родичи. И родичи иногда дѣйствительно выкупали ихъ, но иногда, выведенные изъ терпѣнія, шли войной противъ правительства, правительственное вліяніе котораго было вообще плохо. А потому со стороны правительства благоразумно было позаботиться о вліяніи чисто-физическомъ: объ укрѣпленіяхъ и пунктахъ, тоже, впрочемъ, не всегда страшныхъ для дикихъ наѣздниковъ. Укрѣпленія были на урочищахъ Меркэ, Чалдыварѣ, Аксу, Пишпекѣ и Токмакѣ. По мѣрѣ движенія русскихъ войскъ съ сибирской границы, пункты эти, кромѣ Пишпека, очищались отъ коканскихъ гарнизоновъ сами-собою. Пишпекъ штурмовали два раза, потому что, послѣ перваго штурма, онъ не былъ занятъ нашимъ гарнизономъ, и вслѣдствіе того возобновленъ коканцами. Токмакъ, Аксу, Чалдываръ и Меркэ были брошены. Затѣмъ, безъ особыхъ усилій со стороны русскихъ войскъ, хотъ и съ большими потерями для несчастнаго населенія, была взята крѣпость Ауліэ-ата, и такимъ образомъ долина р. Чу, съ киргизскими и каракиргизскими ко-

чевьями, была завоевана вся. Изъ названныхъ выше укрѣпленныхъ пунктовъ, кромѣ Ауліа-ата, были оставлены и существуютъ теперь Меркэ и Токмакъ.

Меркэ находится въ 140 верстахъ восточнѣе Ауліа-ата, почти у подножія Александровскихъ горъ, и состоитъ изъ небольшого форта, на мѣстѣ коканскаго кургана, съ гарнизономъ изъ казаковъ, почтовой станціи, одного или двухъ частныхъ домовъ и нѣсколькихъ сартовскихъ лавочекъ.

Печальный уломокъ этотъ, по общимъ отзывамъ, не пользуется, въ добавокъ ко всему, здоровымъ климатомъ. По моему мнѣнію, онъ утратилъ и всякое значеніе, какъ административный и стратегическій пунктъ, потому что русская власть сравнительно далеко проникла уже въ горы, у подножія которыхъ стоитъ укрѣпленіе Меркэ, и на мѣстѣ его, въ настоящую пору, достаточно было бы имѣть лишь почтовую станцію и, пожалуй, на всякій случай казачью команду человекъ въ тридцать, для захвата воровъ и грабителей въ сосѣднихъ аулахъ дулатовъ и султовъ. Пикетъ Меркэ не потребовалъ бы ремонта крѣпостныхъ стѣнъ, въ которыхъ на этой мѣстности нѣтъ теперь ни малѣйшей надобности, и которыя тутъ же, напротивъ, на южномъ склонѣ Александровскаго хребта, въ верховьяхъ рѣки Таласа, были бы вполне на своемъ мѣстѣ. Здѣсь наше вліяніе, за неприступностью горъ, пока еще довольно слабо, а между тѣмъ и мѣстность выгодна для укрѣпленія, потому что всѣ кочующіе по Таласу каракиргизы богаты хлѣбомъ и скотомъ: сообщеніе Ауліа-ата долиною Таласа будетъ тоже среди богатыхъ хлѣбомъ родовъ: коши и сару; наконецъ, съ занятіемъ коканскаго укрѣпленія Куртки, на Нарынѣ, что, въ свою очередь, положительно необходимо, между нимъ и Александрогородомъ весьма полезно имѣть укрѣпленный пунктъ: иначе Куртка будетъ слишкомъ далеко заброшена въ горы. При томъ же и горнопромышленность, необезпеченная ничѣмъ съ востока, нуждается пока въ вооруженной поддержкѣ со стороны правительства. Впрочемъ, вліяніе наше на горный край, въ послѣднее время, отчасти уже упреждено построеніемъ укрѣпленія на р. Нарынѣ, у бывшаго китайскаго моста. Трудную задачу эту выполнилъ одинъ изъ достойнѣйшихъ дѣятелей здѣшняго края, генералъ-маіоръ Я. И. Краевскій.

Кромѣ Меркэ, между Ауліа-ата и Токмакомъ осѣдлыхъ пунктовъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, почтовые помѣщенія этой линіи лучшія въ цѣломъ краѣ. Здѣшнія станціи какъ русскіе, такъ и туземцы называютъ *тикетами*. Эта почтовая линія заведена и устроена генераломъ Черняевымъ, память котораго живетъ и долго будетъ жить въ окрестныхъ аулахъ простодушныхъ номадовъ.

Около пикета Пишпека, при коканцахъ было укрѣпленіе и поселокъ; но теперь ничего не существуетъ, хотя и говорили, что кто-то изъ туземцевъ желаетъ поселиться тутъ снова. Это было бы вполне хорошо, потому что въ окрестностяхъ есть и остатки коканскихъ садовъ, всегдашнихъ спутниковъ сартовскихъ осѣдлостей, и земля благоприятная, по слухамъ, въ особенности для овощей. Пишпекскіе арбузы и дыни пользуются извѣстностію. Но при обилии воды, которую съ избыткомъ шлютъ по всему пространству между Меркэ и Токмакомъ сосѣднія Александровскія горы, здѣсь вообще достаточно развито земледѣліе. Бѣда лишь въ томъ, что рѣчки и арыки, проходя черезъ дорогу, портятъ ее, подчасъ затрудняютъ путешественника и тѣмъ ослабляютъ общее пріятное впечатлѣніе пути между Меркэ и Токмакомъ.

Уѣздный городъ Семирѣченской Области, *Токмакъ*, построенъ недалеко отъ коканскаго кургана того же имени и заключается въ себѣ небольшой фортъ, роты на двѣ гарнизона, незначительную свободу поселянъ и небольшой базаръ.

Положеніе поселянъ доселѣ неосмыслено. Они шли собственно въ Томскую или Омскую губерніи и дошли до нихъ; но, по недостатку будто бы свободныхъ и удобныхъ земель, направились къ Токмаку, услышавъ объ удобствахъ окрестностей этого пункта. Конечно, время возьметъ свои и тѣ десять семействъ, которыя живутъ теперь около Токмака, въ весьма недалекомъ будущемъ, сдѣлаютъ свое дѣло, скажутъ свое слово въ исторіи колонизаціи Чуйской долины. Поселенія могутъ быть основаны, кромѣ Токмака, на Чалдыварѣ и у Пишпека. Но, предварительно всякихъ начинаній, необходима хозяйственная съемка и, по возможности, подробное описаніе земель для того, чтобы уравнивать права на пользованіе угодьями между поселянами и каракиргизами.

Кочевое племя это издавна живетъ здѣсь. Границами его ко-

чевій служить на западъ Меркэ, на сѣверъ рѣка Чу, на востокъ горы Тянь-Шань и на югъ верхнее теченіе Сыра.

✓ Происхождение каракиргизовъ въ точности неизвѣстно. Есть основаніе думать, что каракиргизы, какъ и кураминцы, о которыхъ я буду говорить, родня всѣмъ подвластнымъ намъ ордамъ: Большой, Средней и Малой, потому что составляютъ колено той великой узбекской орды, которая, въ началѣ тринадцатаго вѣка, приведена Чингизомъ. Сами каракиргизы, полные дикой поэзіи, какъ и горы ими обитаемыя, обставили свое происхождение легендами, характеризующими ихъ простоту и дикость, какъ истыхъ дѣтей природы. Напримѣръ, прародительницей своей они считаютъ какую-то красную собаку.... Впрочемъ, любопытныхъ отсылаю къ «Запискамъ Русскаго Географическаго Общества», за 1863 г., гдѣ есть о каракиргизахъ многія подробности. По рассказамъ, предки каракиргизовъ или, по-русски, *черныхъ киргизовъ*, будто-бы бѣглые рабы султановъ со всѣхъ трехъ ордъ, всѣ тѣ, кому было и голодно, и холодно, и больно подъ властью ничѣмъ не обузданныхъ повелителей. И они ушли на окраину территоріи, какъ это было и на Руси, гдѣ казачество, выдѣлившись изъ общества, въ лицѣ угнетенныхъ холопей, основалось на крайнихъ предѣлахъ родины, сложило себѣ экономическіе и другіе законы, обычаи, дало себѣ одежду, выработало свой языкъ, нравы и всю обстановку жизни, не мѣняя, однако, религіи, и, наконецъ, въ окружающихъ его экономическихъ и другихъ условіяхъ края нашло свое благосостояніе, даже избытокъ. Можно допустить, что все это случилось и съ каракиргизами; у нихъ осталась магометанская религія и быть всѣхъ киргизовъ; сохранилась, хотя и не вполне, одежда, но во многомъ измѣнились ихъ нравы, языкъ и характеръ. Начать съ того, что у нихъ нѣтъ султановъ, нашихъ дворянъ, людей *бѣлой кости*, за то есть манапы, правда, ничѣмъ неотличающіеся отъ толпы, однако весьма любимые ею. Должно думать, что они потомки знаменитыхъ наѣздниковъ германскаго вѣка каракиргизовъ; это люди нерѣдко бѣдные, темные, но въ большинствѣ уважаемые народомъ до того, что онъ зоветъ себя рабомъ (куль) манаповъ и умираетъ за нихъ въ схваткахъ.

✓ Языкъ каракиргизовъ сходенъ съ сартовскимъ, хотя несо-

бенно отличается и отъ общаго киргизскаго. Тѣмъ не менѣе знающему киргизскій и даже сартовскій языки понять каракиргиза на первыхъ порахъ трудно, какъ и знающимъ лишь киргизскій языкъ сначала трудно понять сарта. Впрочемъ, синтаксисы каракиргизскаго, сартовскаго и киргизскаго нарѣчій совершенно между собой тождественны. Конечно, это объясняется однимъ общимъ узбекскимъ корнемъ всѣхъ трехъ названныхъ мною нарѣчій, потому что каракиргизы, называющіе себя также просто *кыргызъ*, суть узбеки, и въ окрестностяхъ Самарканда есть одно колено узбекское, *кыргызъ*, пришедшее съ Чингизомъ изъ-за Тянь-Шаня въ составъ великой Узбекской Орды. Это свѣдѣніе имѣетъ болѣе правдоподобія; но пусть этнографы разберутъ дѣло основательнѣе.

✓ Одежда каракиргизовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти ничѣмъ не отличается отъ общей киргизской. Разница въ головномъ уборѣ женщинъ, саукуля, высокой убранный жемчугомъ и расшитой шелкомъ остроконечной шапкѣ, которая, однако, рѣдко попадаетъ въ Малой Ордѣ, да въ сапогахъ, отличающихся у каракиргизовъ положеніемъ каблукъ едва не посрединѣ подошвы. Обувь эта, впрочемъ, очень удобна для горъ, какъ и сартовскіе сапоги и туфли съ острыми желѣзными каблуками удобны для ходьбы по грязи сартовскихъ городовъ, когда прохожій, съ помощію своихъ острыхъ пятокъ, едва-едва бредетъ иной разъ стороной, имѣя съ одного боку стѣну, на которую опирается, а съ другого бездну грязи.]

Каракиргизы не могутъ назваться народомъ красивымъ, стройнымъ, но все же они племя здоровое, хоть и сухопарое, и обращаютъ на себя вниманіе миниатюрностію ногъ и рукъ. Про отвагу и ловкость каракиргизовъ въ горахъ печего и говорить. Женщины каракиргизовъ красотой не славятся, кромѣ племени сарыбагышъ.

Подъ самымъ Токмакомъ у насъ скопился тарантасъ. Пославъ ямщика за почтовой телѣгой и оставивъ при тарантасѣ казака, я и спутникъ мой К* пошли бродить по окрестнымъ овощнымъ плантаціямъ (багчѣ). Была половина августа и мы хотѣли попытать счастье, не найдемъ-ли зрѣлый арбузъ. Близъ перваго же шалаша насъ окружила толпа полунагихъ, или совсѣмъ нагихъ, черныхъ, востроглазыхъ киргизятъ, и мы, въ сопровожденіи ихъ, пошли

по багчамъ, много перепортили арбузовъ (за которые, разумѣется, заплатили) и наконецъ напали на одинъ, оказавшійся довольно зрѣлымъ. Мы съѣли лакомиться.

— Какого вы рода? спросилъ К* толпу присѣвшихъ вокругъ насъ киргизятъ.

— Сарыбагышъ, отвѣчали нѣсколько голосовъ разомъ.

— Говорятъ, у сарыбагышей очень красивы дѣвушки, замѣтилъ шутиливо К*, а вы молодцы—посмотрите на себя...

— Да, отвѣчалъ мальчикъ старше другихъ: наши дѣвушки хороши, какъ это... И онъ указалъ на золотой погонъ К*.

Маленькій дикарь не нашелъ лучшаго сравненія для красоты своихъ соплеменницъ.

Коренныя кочевки сарыбагышей находятся на сѣверномъ берегу озера Иссык-Куля; наши собесѣдники были байгуши, бѣдники. Впрочемъ, довольство и даже богатство встрѣчаются между каракиргизами нерѣдко, благодаря ихъ хищности. Должно думать, что они поправили свое положеніе на счетъ своихъ же притѣснителей-киргизовъ, которыхъ они зовутъ «сопьяками» (*манка-казаки*), но подчасъ, и весьма недавно, каракиргизы не щадили и другъ друга, равно и трусливыхъ сартовъ. Нѣкоторые каракиргизскіе роды не такъ воинственны, и издавна занимаются земледѣліемъ, а именно сару и кощи, въ долинѣ Таласа; исключительное занятіе другихъ теперь скотоводство, хотя они нечужды и земледѣлію, а въ былое время—набѣги, *барымта*, по-русски *баранта*. Тутъ выдвигались своей отвагой и умомъ личности, становившіяся потомъ въ главѣ цѣлыхъ поколѣній—*манаты*; тутъ храбрыхъ народъ давалъ кличку—*батыръ* (богатырь), которая не умирала многіе десятки лѣтъ, за многими осталась доселѣ, а на печатяхъ манановъ я видѣлъ это слово нерѣдко. Напримѣръ: *Байтык-батыръ, сынъ Каная-батыра*. И лежатъ эти богатыри на родныхъ долинахъ и по горамъ подъ высокими мазѣрь (памятниками), на которые ориентуруется протѣзжій дикарь, или дожидаятъ свой вѣкъ мирно, пожалованные русскими офицерскими чинами. Въ большинствѣ они сознали, что съ русской властью пришла иная пора, хотя подчасъ дикая воля беретъ свое...

Каракиргизы воинственны, точнѣе—хищны. Но хорошимъ оружіемъ они зацѣпиться не успѣли. Да и откуда, отъ кого? Сосѣди

съ одной стороны—китайцы, съ другой—сарты, съ третьей—киргизы. Извѣстно, что тѣ и другіе, и третьи только въ послѣднее время, можетъ быть, сознали негодность своихъ фитильныхъ ружей... Всякая другая воинская принадлежность каракиргизовъ тоже незамысловата: они носятъ тѣ же кривыя сабли, кажется, имѣютъ копья и... только. Что у нихъ оригинально, такъ это сѣдла: по складу почти тѣ же, что и у всѣхъ киргизовъ, но разнятся тѣмъ, что необыкновенно малы и окованы мѣдью, какъ и вся принадлежность, т. е. узда, пахвы (нахвостники), нагрудники усажены мѣдными бляхами. Сѣдла держатся на лошади съ помощью одного катаура (первой подпруги) и требуютъ отъ всадника большой привычки, сноровки, въ особенности, когда лошадь горяча: тогда на миниатюрномъ, настоящемъ каракиргизскомъ, сѣдлѣ держись... Но я видѣлъ толстяковъ-киргизовъ, которымъ крошечныя сѣдла были, кажется, такъ же удобны, какъ иному барину кресло. Старинныя каракиргизскія стремена, первообразъ стремянъ всѣхъ киргизовъ вообще, дѣлаются изъ дерева и, съ помощью металлическихъ, по большей части мѣдныхъ, гвоздиковъ обкладываются кожей. Коня каракиргизовъ весьма обыкновенны, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, и я не могу сказать о нихъ что-либо особенное, хотя слышалъ похвалы имъ, впрочемъ отъ господъ съ подозрительнымъ авторитетомъ.

Полагаю, что каракиргизскіе кони привычны къ горнымъ крутизнамъ—и только. Переносливости степныхъ киргизскихъ коней въ нихъ допустить нельзя, потому что въ горахъ слишкомъ недостаточно воды, сѣнгу и вообще влаги для того, чтобы горная лошадь не годилась для голой и знойной степи, какъ и лошадь равнинъ не всегда пригодна въ горахъ.

Рогатый скотъ каракиргизовъ мелокъ; онъ служитъ при перекочевкѣ, когда быки, коровы и даже телята несутъ на спинахъ вьюки, всадника или всадницу. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, на животномъ бываетъ сѣдло, и вы невольно вспоминаете извѣстную русскую пословицу... Черезъ переносе животное, обыкновенно еще въ молодости, продѣвается деревянное кольцо, къ которому привязывается арканъ... Съ помощью этого оригинальнаго и мучительнаго инструмента, даже дѣти распоряжаются животнымъ по произволу. Верблюды каракиргизскіе принадлежатъ

тъ той же породѣ, что и вообще киргизскіе. Бараны мелки и пѣнятся сравнительно съ киргизскими недорого.

✓ Кромѣ скотоводства, общаго всѣмъ киргизамъ, нѣкоторые роды занимаются исключительно земледѣліемъ. Напримѣръ, *сару* и *коши*, на Таласѣ, которые разбогатѣли отъ земледѣлія съ приходомъ русскихъ и съ прекращеніемъ прежнихъ безобразныхъ поборовъ. Теперь подати всѣхъ кочевниковъ ограничиваются тремя рублями въ годъ съ каждой кибитки или юрты.]

Назвать точную цифру кибитокъ каракиргизовъ пока нѣтъ возможности, но, думаю, что скоро это будетъ легко. А потому мы поименуемъ лишь мѣста кочеванія каракиргизовъ.

а) Родъ *султы*, раздѣляющійся, въ свою очередь, на нѣсколько родовъ и отдѣленій, кочуетъ лѣтомъ въ Александровскихъ горахъ и по р. Сусамыру; зимуетъ въ долинѣ р. Чу.

б) *Сарыбагышъ*—на сѣверномъ берегу Иссыкъ-куля.

с) *Саякъ*—частію на Сусамырѣ, частію на рѣкахъ Джумгалѣ и Кашкарѣ.

д) *Кутлусайтъ* и другіе—въ горахъ по рѣкамъ Таласу, Сусамыру, Карабурѣ, Чаткалу и другимъ.

Къ сожалѣнію, подробныя и точныя свѣдѣнія о нагорномъ краѣ вообще, полагаю, пока еще въ будущемъ; ихъ трудно собирать по недоступности горъ и по неопредѣленности нашихъ границъ и нашего вліянія на сосѣдей. Только постояннымъ успѣхамъ оружія, сдѣлавши русское имя грознымъ и уважаемымъ во всей Средней Азіи, мы обязаны вліяніемъ на каракиргизовъ. Помимо страха предъ нашими штыками и пушками, и имя Черняева живетъ между каракиргизами: онъ умѣлъ привязать къ себѣ этихъ дикарей и они звали и зовутъ его *батыромъ*. Я слышалъ, что одинъ старый и почтенный манапъ, кажется изъ рода сарыбагышъ, начиналъ письма свои къ Черняеву такъ: «*Сыну моему, военному губернатору, генералу Черняеву...*» Тогда въ подданствѣ Россіи были роды сарыбагышъ, султъ, коши и сару. Другіе платили дань Кокану. Скоро передался многочисленный родъ саякъ; за нимъ, лѣтомъ 1867 года, перешелъ, хотъ и не вполнѣ, родъ кутлусайтъ, и... кто знаетъ? можетъ быть, благодаря славѣ русскаго имени, передадутся и другіе роды, которыхъ, вокругъ озера Иссыкъ-куля, на Нарынѣ и южнѣ въ предѣлахъ Коканскаго хан-

ства, говорить, еще довольно. Предварительно необходимо упрочить наше вліяніе на тѣхъ, которые къ намъ уже пришли; иначе цѣль правительства—умиротворить край—не будетъ достигнута по причинамъ весьма простымъ: дикари ничѣмъ несвязаны въ горахъ, и какой нибудь разбойникъ *Байтыкъ*, нашаливъ, имѣетъ почти полную возможность откочевать съ своими аулами въ горы на Джумгалъ или въ верховья Нарына. Такъ едва не случилось въ 1867 году, когда манапъ этотъ, разграбивъ манапа Рускуль-бека и уклоняясь отъ слѣдствія, имѣлъ, по сообщенію бывшаго на Нарынѣ съ отрядомъ полковника Полторацкаго, намѣреніе уйти въ коканскіе предѣлы, но не могъ исполнить его потому, что дорогу, кромѣ полковника Полторацкаго, стерегли саяки, родственники ограбленнаго Рускуль-бека. Манапа этого я видѣлъ, въ ту пору, въ Ауліэ-ата. Ему за пятьдесятъ лѣтъ, и онъ, благодаря лишь ограбленію его Байтыкомъ, *въ первый разъ въ жизни* пріѣхалъ въ Ауліэ-ата и увидѣлъ, что такое хотя бы даже и сартовская *остѣлость*... А разграбившій его Байтыкъ тогда только что вернулся изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ депутатомъ къ Высочайшему двору въ числѣ прочихъ остѣлыхъ и кочевыхъ представителей населенія нашей Средней Азіи. Вотъ и судите этихъ господъ, какъ вамъ угодно...

Второю причиною нескорого достиженія правительствомъ цѣлей, относительно нагорнаго края, я долженъ назвать постоянную пропаганду ислама, которую ведутъ въ горахъ исключительно ради корысти, заѣзжіе изъ Кокана и другихъ городовъ ханства муллы и набираютъ въ каракиргизскихъ кочевьяхъ за свои молитвы много разнаго добра... Кто цензурируетъ мистическія проповѣди этихъ эксплуататоровъ?

А горы Алатавскія, съ ихъ дикими обитателями, богаты и неприступны, и наши крѣпости, вмѣсто долинъ Таласа, Чаткала и Нарына, стоятъ пока въ долинѣ р. Чу...

Отъ Ташкента до Кокана.

Дороги до Той-тубе.—Курамъ.—Тиллау.—Горы Кендиръ-Диванъ.—Муламиръ.—Козленокъ.—Кованскіе ликеты.—Семь городовъ.—Рѣка Сыръ-Дарья.—Курганъ.—Хлѣбъ-соль хана.—Почетная одежда.—Переправа.—Юродивый.—Летучій песокъ.—Каменная стена и сады.—Байбута.—Новый подарокъ хана.—Неожиданное гостепріимство.—Наймаңчи.—Сѣбѣи Кокана.

Въ Коканъ ѣздить или черезъ укрѣпленіе Тиллау, или черезъ городъ Ходжентъ. Мы должны были ѣхать черезъ Тиллау, а потому направились къ селенію Той-тубе или Той-тепе. Это сартовская деревня въ четырехъ или въ пяти ташахъ отъ города Ташкента. Линейная мѣра *таиш*, по словамъ однихъ, равняется восьми нашимъ верстамъ, по словамъ другихъ—1,000 шагамъ *). Въ первомъ случаѣ, до Той-тубе должно быть 32 версты или 40 верстъ, во второмъ, если принять шагъ за аршинъ, до Той-тубе должна быть *одна съ чѣмъ-то верста*. Впрочемъ, недѣльность послѣдней цифры, да и всего вообще, что касается сартовской географіи, весьма наглядно объясняется тѣмъ, что, выѣхавъ изъ Ташкента въ 12 часовъ дня, я съ транспортомъ едва-едва достигъ Той-тепе къ 10 часамъ ночи... Но, помимо неточностей въ опредѣленіи сартовскихъ линейныхъ мѣръ, ненужно забывать свойства дороги. До р. Чирчика, верстахъ въ восьми отъ Ташкента, можно пробѣхать сносно, хотя въ половинѣ Чирчикъ, играя самъ по себѣ, шутить съ пробѣжими подчасъ плохія шутки. Съ Чирчика начинаются испытанія... Я, объѣхавъ почти весь здѣшній край, никогда не видѣлъ ничего безобразнѣе, въ буквальномъ, точномъ смыслѣ этого слова, дороги отъ Чирчика до Той-тепе... Представьте себѣ сплошную, съ глубокими выбоинами, грязь по брюхо лошади, арыки съ берегами, изрытыми ногами животныхъ, съ мостиками, составныя части которыхъ (жерди, камышъ и т. п. ничѣмъ не связанныя) разползлись во всѣ стороны; пред-

*) Ташъ—значитъ *камень*. Между Коканомъ и Ходжентомъ, на дорогѣ, лежатъ огромные валуны, которыми и считаютъ туземцы разстоянія.

ставьте все это почти на каждомъ шагу, на разстояніи 30 слишкомъ верстъ, и дорога до Той-тубе предъ вами, если вы хоть отчасти знакомы съ характеромъ почвы и всѣхъ другихъ прелестей нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Я, съ командою, провозжалъ багажъ миссіи въ Коканъ. Вьюки колыхались на спинахъ лошадей и увлекали ихъ въ бездны грязи... Транспортъ останавливался, поднимали лошадь, поправляли вьюкъ и шли далѣе... Черезъ двадцать сажень снова паденіе какого-нибудь буцефала, снова мученія... Но какъ бы ни было, мы достигли Той-тепе. Въ деревнѣ этой за 100 дворовъ; на улицахъ почти всегда невылазная грязь, навозъ; все печально...

Мы въ Курамъ.

Курамою зовется вся мѣстность на югъ отъ рѣки Чирчика *) и до Ходжента, на востокъ до кряжа Кендиръ-Диванъ, о которомъ я буду говорить ниже, и на западъ до праваго берега Дарьи. Курамъ частію покрыта зеленѣющими зимой и сухими въ жары холмами, частію гориста, напริมѣръ къ Ходженту. Населеніе ея состоитъ изъ киргизовъ, отлнчныхъ, впрочемъ, отъ всѣхъ прочихъ киргизовъ тѣмъ, что кураминцы живутъ почти осѣдло.

Давнымъ-давно когда-то—не знаю, вѣдѣствіе какихъ политическихъ или иныхъ обстоятельствъ, въ одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ Средней Азій, которые, кажется, совсѣмъ не обследованы исторіей, да едва ли когда и будутъ ею тронуты, оборвыши со всѣхъ трехъ подвластныхъ намъ киргизскихъ ордъ, Большой, Средней и Малой, люди разныхъ поколѣній, отшатнулись отъ своихъ ауловъ въ эту мѣстность, и, будучи оборвышами, слѣдовательно не имѣя кибитокъ (юртъ), городили куры (дворы) и создали подобіе кибитокъ изъ камыша, котораго въ этой мѣстности вообще много, или рыли землянки. Потомъ время, вырабатывая въ неизмѣнномъ теченіи своемъ лучшія начала жизни оборванцевъ, указало имъ все то, что могла дать природа мѣстности, въ томъ числѣ указала имъ и долину рѣки *Ангрена*. Сарты окрестныхъ осѣдлыхъ пунктовъ Ташкента, Тиллау, Ходжента и горныя таджики повліяли на нихъ виѣшней обстановкой, и условія быта кураминцевъ измѣнились. Кураминцы надѣли чалмы, начали строить

*) Рѣка Чирчикъ идетъ изъ горъ Карагау и впадаетъ въ р. Сыръ-Дарью.

вышлаки (зимовки) и постепенно превратились почти въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ, доставляющихъ на базары Ташкента, Тиллау, Кереучи и Ходжента рисъ, клеверъ (люцерну), топливо (камышъ) и прочее, весьма немногое. Частію кураминцы все-таки остались вѣрными своему прошлому и своимъ *курамъ*, и заглядывая, мимоѣдомъ, въ юрты изъ камыша, я видѣлъ въ нихъ крайнее убожество, почти нищету, хотя у стѣнъ юрты и стоговъ рисовой соломы видѣлись коровы, лошаденки и верблюды. Кураминцы не похожи на сартовъ, не похожи и на прочихъ киргизовъ, несмотря на то, что далекое прошлое ихъ весьма тѣсно связано съ тѣмъ народомъ, который мы зовемъ собственно киргизами-кочевниками. Это объясняется и подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что кураминцы, называя себя кураминцами (дворниками), причисляютъ себя, однако, къ тому или другому поколѣнію которой-либо изъ названныхъ выше трехъ ордъ, и, благодаря преданіямъ, не сбиваются въ своей генеалогіи.

На всѣхъ базарахъ Ташкента вы узнаете кураминца по черному, отъ копоти, лицу, по нагольной шубѣ желтаго цвѣта, и вообще по грязной наружности, верхомъ на верблюдѣ, навьюченномъ камышемъ, мѣшками съ рисомъ и т. п. На вопросъ вашъ: «курама?» онъ, не повертывая головы, промолвитъ: «курама...»

Изъ Той-тепе мы должны были слѣдовать на укрѣпленіе *Тиллау*. До Тиллау туземцы считаютъ семь ташей или 56 верстъ.

Вся эта мѣстность холмиста; горы, а именно краѣ *Кендиръ-Диванъ*, идутъ далеко влѣво дугою съ сѣвера на югъ, чертя ущельями. Черезъ одно изъ нихъ течетъ рѣка Ангренъ *)—золотое дно Курамы, потому что долина этой рѣки почти вся занята рисовыми плантаціями, и съ холмовъ праваго берега рѣки, на которой мы выѣхали, чтобы потомъ спуститься въ долину, она представилась, и направо и налѣво, до послѣднихъ предѣловъ кругозора, вся сплошь въ плантаціяхъ разныхъ формъ и величинъ. Мѣстами онѣ были затоплены, что составляетъ необходимое условіе подготовки земли подъ рисъ. Видъ открылся хорошій.

*) Рѣка Ангренъ, по мѣстному Ангуранъ, направляется въ Сыръ-Дарью. Впрочемъ, въ пору созрѣванія риса, она не доходитъ до р. Дарьи, распространяясь по своей долині на плантаціи. Наибольшая ширина долины 8 верстъ.

Мы спустились въ долину и скоро достигли Тиллау. Въ селеніи этомъ 150 дворовъ. Русская крѣпость, въ сущности оборонительная казарма, обнесенная отчасти рвомъ и валами, находится въ сторонѣ, впрочемъ недалеко. При коканцахъ тутъ была урда, т. е. цитадель, гдѣ жили беки.

Тѣсу въ этихъ мѣстахъ вообще немного. Онъ, какъ и всюду въ Средней Азіи, присущъ лишь пунктамъ осѣдлымъ, а потому и около русскаго укрѣпленія, построеннаго на мѣстѣ коканскаго, недалеко есть остатки нѣкогда роскошнаго, по рассказамъ туземцевъ, сада одного изъ тиллаускихъ бековъ.

Тиллау — пунктъ пограничный съ коканскимъ ханствомъ. Съ Тиллау горы вступаютъ въ свои права, и выюки мои, сваливаясь по временамъ, начали чаще обращать на себя вниманіе. Стало холоднѣе. Мы подходили къ краю Кендиръ-Диванъ, покрытому снѣгомъ. Впереди было ущелье Казанъ-Бузаръ; до него отъ Тиллау будто-бы 24 версты; тутъ начинается подъемъ на краѣ Кендиръ-Диванъ и тутъ же проходить будто-бы граница съ ханствомъ.

Краѣ Кендиръ-Диванъ составляетъ продолженіе того отрога горъ Кара-тау, который проходитъ въ виду Ташкента. Снѣгъ на этихъ горахъ бываетъ только зимою; съ осени, иногда и по зимѣ, на нихъ стоитъ гололедица, и дороги—если только можно назвать дорогами узкія тропинки, мѣстами надъ страшными обрывами—бываютъ весьма опасны. На наше счастье, хребетъ былъ покрытъ глубокимъ снѣгомъ. Подъемъ начался съ ущелья *Казанъ-Бузаръ*, весьма узкаго, въ гору, съ отвѣсными гранитными боками. Казанъ-бузаръ въ переводѣ значитъ *котлы разобьетъ*, намекая, какъ я слышалъ отъ туземцевъ, на то, что если бы пошелъ по ущелью верблюдъ, навьюченный чугунными котлами, то, качаясь, разбилъ бы ихъ гдѣ-нибудь о гранитныя стѣны этого коридора, чему, правда, не мало помогъ бы и ручей, прикрытый мѣстами крошечными плохими мостиками, съ продавленной настилкой. Мнѣ досталось въ этомъ ущельѣ съ моими выюками... За Казанъ-Бузаромъ дорога пошла въ гору все выше и выше, по глубокому снѣгу, приблизилась къ подножію громаднаго снѣжнаго конуса и, цѣпляясь за его бока зигзагомъ, то вправо, то влѣво, выступила на вершину. Это гора Кендиръ-Диванъ. На ней стоялъ небольшой

конный караванъ, ожидавшій, когда мой транспортъ уступить ему тропинку для спуска. И онъ спустился потомъ съ горы, и все видѣли какъ лошади были увлекаемы вьюками впередъ, ныряли въ снѣгъ по плечи, поднимались, вздымая бѣлую пыль, и тянулись далѣе.

Съ Кендиръ-Дивана открывается изрядный видъ на горы и даже частью на долину Ангрена. Зоркіе люди говорили, что видятъ даже Тилляу по синѣющему лѣсу, но я не видѣлъ ничего, кромѣ тумана надъ долиной Ангрена, красноватыхъ вершинъ, пройденныхъ нами предгорій и снѣга, казалось, безконечнаго снѣга горъ, сливавшегося на востокъ съ твердью и съ тучами, плывшими тамъ и сямъ ниже насъ или вровень съ нами.

Скаты горъ и овраги мѣстами поросли рѣдкимъ своеобразнымъ лѣсомъ; но я плохой ботаникъ; я знаю лишь, что туземцы (таджики) называютъ эти, по большей части, одиноко, хотя и не въ далекомъ одно отъ другаго разстояніи, растущія деревья, *арча*; что они плотны, крѣпки, весьма скоро поддаются гніенію, что таджики употребляютъ ихъ на постройки и на все въ своемъ домашнемъ обиходѣ, а поклонники Ламы и Будды курятъ листовую арча въ кумирняхъ.

Спускъ съ Кендиръ-Дивана по снѣгу шелъ версты три. Дорога была шире и изъ снѣжной перешла снова въ каменистую; спуски и подъемы стали мельчать. До заката мы достигли селенія *Мулламиръ*, до котораго отъ Тилляу считаютъ 7 ташей.

Мулламиръ—таджикское селеніе въ 30—40 дворовъ, расположенное на обрывѣ, весьма бѣдно и живетъ кое-какъ земледѣліемъ, удобряя каменистую почву навозомъ.

Квартиры мисіи оказались весьма незамысловатыми. Напримѣръ, подъ транспорты и лошадей былъ отведенъ громадный сарай, въ первомъ отдѣленіи котораго помѣстились казаки и джигиты, во второмъ лошади, а въ третьемъ нѣкоторые члены посольства. Оба посланника (кокандскій посланникъ, Сарымсакъ-ходжа*), бывшій въ Ташкентѣ, сопровождалъ мисію до Кокана) имѣли особую, немногимъ приличнѣе нашей, квартиру. Выходъ изъ сарая былъ

* *) *Ходжа* высшее сословіе, потомки Али, зятя Магомеда. *Хаджи* всѣ, кто сходилъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомеда.

одинъ; печей и трубъ, кромѣ небольшихъ отверстій въ потолкахъ, не было и въ поминѣ, и дымъ отъ костра, разложеннаго казакими и джигитами, также и газъ отъ жаровни въ нашемъ помѣщеніи, доставили намъ немало удовольствія... Между тѣмъ, было холодно. Но усталость всегда беретъ свое: мы спали крѣпко.

На зарѣ слѣдующаго дня, когда, навьючивъ на лошадей транспортъ, я грѣлся у костра, ко мнѣ подошелъ джигитъ Бердыкулъ, подаль шесть кокановъ (двугривенныхъ) и сказалъ:

— Кокандскій посланникъ приказалъ мнѣ отдать вамъ эти деньги и просить васъ и команду вашу не покупать ничего, а требовать все, что вамъ будетъ нужно, отъ него... Онъ очень сердится на того, кто вчера продалъ вамъ козленка... Онъ говоритъ, что вы гости хана...

Это очень любезно подумалъ я, и, волей неволей, положилъ коканы въ карманъ.

Наканунъ я, дѣйствительно, купилъ козленка, котораго мы и съѣли съ казакими и джигитами. Я не знаю, какъ дошло это до посланника, только съ Мулламира мы и кони наши поступили на изживеніе хана. Я и не подозревалъ подобной щекотливости гостепріимства его высокостепенства, хотя наканунъ получилъ отъ казначея Сарымсака-ходжи команду мяса, а на лошадей клеверъ и ячмень, и Сарымсакъ-ходжа, человекъ неглупый и добрый, проѣзжая въ это утро мимо транспорта, дружелюбно поприветствовалъ меня козленкомъ.

За Мулламиромъ, въ оврагѣ *Кумбиль*, переложеномъ поперекъ невысокой стѣной изъ булыжника, стоитъ кокандскій пикетъ: сакля и навѣсы. Въ отворенныя двери я видѣлъ двѣ-три чалмы; длинныя фитильныя ружья стояли рядомъ снаружи у стѣны сакли. Говорятъ, блюстители порядка сами первые обижаютъ подъ-часъ проѣзжихъ, которымъ по этой дорогѣ никакъ нельзя миновать ихъ логовища. Въ этомъ-же оврагѣ насъ встрѣтилъ кокандскій разъѣздъ въ 5—6 всадниковъ въ панцыряхъ и съ ружьями, и проводилъ до селенія *Бодарханъ*, находящагося въ 8 верстахъ. Въ Бодарханѣ 100 дворовъ; жители таджики. Влѣво отъ Бодархана, въ 4 верстахъ, между горъ, стоитъ городокъ *Пангазъ*, въ 1000 дворовъ; за Бодарханомъ, въ одной верстѣ, на пути нашемъ попадаются кышлакъ *Курукъ* въ 100 дворовъ, затѣмъ

городокъ *Шайданъ* въ 500 дворовъ. Здѣсь штабъ-квартира тѣхъ 500 конныхъ сарбазовъ, которые разбросаны въ этой мѣстности по селеніямъ и пикетамъ. Проѣзжая по улицамъ Шайдана, мы видѣли въ одномъ мѣстѣ человекъ десять конныхъ сарбазовъ, стоявшихъ неподвижно рядомъ, съ ружьями въ рукахъ... Я доселѣ не знаю, что это означало. Въ Шайданѣ изрядный базаръ.

Влѣво отъ Шайдана, въ горахъ-же, на 16 верстѣ разстоянія, лежитъ селеніе *Курумсаранъ*, въ 300 дворовъ; въ 4 верстахъ кышлакъ *Кудашъ*, въ 40 дворовъ, и въ 12 верстахъ городокъ *Аишъ*, въ 1,000 дворовъ; вправо къ Дарьѣ, въ 16 верстахъ, находится укрѣпленіе *Камышъ-Курганъ*, въ 8 верстахъ отъ котораго лежитъ извѣстный *Соръ-Куль*, солончакъ, снабжающій солью и ханство, и союдей кругомъ на далекое разстояніе. Собственно солянаго самосадочнаго озера съ растворомъ, или тузлукомъ, близъ Камышъ-Кургана, говорятъ, нѣтъ. Соль вывѣтривается и промывается изъ солончака (соръ), вслѣдствіе чего и не обладаетъ должными качествами: она желта и горьковата.

Во всѣ названные мною городки, селенія и кышлаки имѣютъ одну общую кличку *Иты-кентъ*—«семь городовъ», и всѣ они, судя по тѣмъ, которые мы проходили, должны быть очаровательны лѣтомъ, потому что расположены въ скалистыхъ ущельяхъ, среди садовъ, по быстрымъ и прозрачнымъ горнымъ ручьямъ.

Отъ Шайдана мы шли каменистыми горами еще восемь верстъ, и выбрались потомъ на ровную каменистую же и необозримую на право и лѣво степь. Рѣка Сыръ-Дарья едва бѣжала впереди. До нея оставалось двѣнадцать верстъ. Растительности на пути нашемъ не было почти никакой; только одно одинокое дерево, помню, стояло влѣво отъ дороги. Кажется, это была тоже *арча*.

По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, каменникъ началъ сглаживаться, такъ что къ *Кургану* (постоялому двору) на берегу рѣки, гдѣ находится переправа, мы подѣхали по песку. Мѣстность эта зовется Чильмайрамъ, по имени могилы мусульманскаго святаго, находящейся на противоположномъ берегу, на высокомъ-высокомъ цилиндрическомъ, въ родѣ башни, песчано-глинистомъ курганѣ.

Опять курганъ.... Но здѣсь слово это употреблено мною уже совершенно въ иномъ смыслѣ: на востокъ стеной полосы Евро-

пейской Россіи и на Кавказѣ *курганомъ* зовется холмъ, или мало-россійская *могила*, киргизское *тюбѣ*, и сартовское *тепѣ*. Впрочемъ, слово *курганъ*, въ смыслѣ возвышенности, встрѣчается и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ оно является слѣдомъ татарскаго ига, какъ и слова: башмакъ (давить), деньги (тенге), алтынъ (золото) и т. п., не исключая и многихъ названій городовъ, рѣчекъ и проч.

Въ здѣшнихъ краяхъ слово *курганъ* или *курганча* значитъ крѣпость, также дворъ, обнесенный глиняной стѣной, съ навѣсами или безъ навѣсовъ вокругъ, съ саклями или безъ нихъ. Подобныхъ кургановъ весьма много по всѣмъ дорогамъ Средней Азіи и даже въ горахъ. Въ курганахъ укрываются ночью путники и караваны; въ курганахъ, въ былое время, защищались отъ непріятеля, что, впрочемъ, чаще бывало въ горахъ, у каракиргизовъ, когда родъ шелъ на родъ барантой. Кургановъ много въ Алатавскихъ горахъ, по пригороднымъ садамъ и по всѣмъ вообще дорогамъ. Курганы среди степи напоминаютъ наши одинокіе хутора пахарей или скотоводовъ.

Курганъ, въ которомъ помѣстилась миссія для ночлега, съ двухъ сторонъ обнесенъ былъ саклями и съ двухъ навѣсами. Первыя заняла миссія, вторыя лошади. Сакли были дырavy и весьма грязны; навѣсы, сравнительно, лучше саклей.

Я развѣивалъ транспортъ, когда на дворъ вѣхала толпа сартовъ. Это былъ бекъ Маназаръ со свитою, прибывшій изъ Кокана привѣтствовать миссію. Онъ привезъ также *дастарханъ*, т. е. хлѣбъ-соль отъ хана. И въ самомъ дѣлѣ, когда, сложивъ вьюки и поставивъ часового, я пошелъ въ саклю нашего посланника и расположился тамъ около закуски, въ дверяхъ показалось лицо Сарымсака-ходжи и послышалось слово: «дастарханъ!..»

Посланникъ нашъ всталъ и вышелъ изъ сакли принять дастарханъ; я остался въ саклѣ и сквозь двери слышать, какъ посланникъ благодарилъ хана за дастарханъ; потомъ онъ вошелъ въ саклю и, слѣдомъ за нимъ, гуськомъ начали входить слуги бека Маназара и Сарымсака-ходжи съ подносами, наложенными фисташками, гранатами, миндалемъ, урюкомъ (сушеные персики), кишмишемъ (сушеный виноградъ) разныхъ сортовъ, свѣжимъ виноградомъ, леденцомъ, сартовскими конфетами изъ муки, сахара

и масла, хлѣбомъ, въ видѣ лепешекъ сложенныхъ и прѣсныхъ, колотымъ сахаромъ и сахаромъ въ головкахъ.

Я не ѣдалъ пока среднеазиатскихъ фруктовъ лучше присланныхъ ханомъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и послѣ во все время пребыванія миссіи за-границей.

Подносы разставили на полу передъ посланникомъ, и миссія занялась дастарханомъ.

— Ваше благородіе, сказалъ вошедшій въ саклю казакъ: васъ требуетъ коканскій посланникъ.

Я вышелъ вслѣдъ за казакомъ и близъ двери встрѣтилъ Сарымсака—ходжу; за нимъ стояли слуги съ подносами.

— Это твоимъ сарбазамъ (т. е. казакамъ) и джигитамъ (т. е. милиціонерамъ), сказалъ Сарымсакъ-ходжа, указывая на подносы; прикажи принять...

— Пусть будетъ доволенъ ханомъ Богъ и пошлетъ ему великое счастье! отвѣтилъ я и кликнулъ вахмистра. Казаки и джигиты благодарили за дастарханъ въ тѣхъ же выраженіяхъ. Сарымсакъ-ходжа и свита его были очень довольны... За неимѣніемъ посуды, казаки ссыпали лакомства безразлично въ овсяныя торбы и частію въ глиняной *ахуръ* (ясли), подъ навѣсомъ. Они прозвали кладъ свой *лавочкой*...

Вечеромъ, члены миссіи были приглашены въ саклю Сарымсака-ходжи, гдѣ пили чай, получили *серпанъ*, т. е. почетную одежду, разумѣется, въ видѣ халатовъ, до безконечности любимыхъ азіатцами вообще и сартами въ особенности. Халаты, данные намъ въ этотъ разъ, были изъ полшелковой матеріи *адресъ* или *адрысъ*, и, возвращаясь изъ сакли коканскаго посланника, я слышалъ отъ попадавшихся мнѣ навстрѣчу мусульманъ поздравленія и пожеланія счастья въ новой почетной одеждѣ.

На этомъ ночлегѣ конямъ нашимъ, вмѣсто ячменя, котораго въ здѣшнихъ мѣстахъ не сѣять, отпустили *джугары*, нѣчто въ родѣ кукурузы. Лошади ѣли джугару плохо, потому, будто-бы, по словамъ однихъ, что не привыкли къ этому роду хлѣба, а по словамъ другихъ потому, что въ джугарѣ было много песку и мелкихъ-мелкихъ голышей (по казачьи галекъ), которые, играя на зубу, конечно, отталкивали животныхъ отъ джугары. Впрочемъ, каждое изъ высказанныхъ мнѣній имѣетъ свою долю правды...

Въ Чильмайрамѣ транспортъ былъ сложенъ на четыре двухколесныя арбы, нанятые заранѣе съ лѣваго берега Дарьи. Не разгружая, ихъ ставили на какое-то подобіе нашихъ досчаниковъ и на шестахъ переправляли въ два раза на противоположный берегъ. На счастье наше, рѣка была неподвижна, хотя на зарѣ я былъ разбуженъ сильнымъ шумомъ вѣтра и, зная удобства переправы, задалъ себѣ вопросъ о возможности или невозможности быть въ этотъ день на другомъ берегу. Вообще, переправа у Чильмайрама неудобна, потому что нагрузка и выгрузка весьма затруднительны по отсутствію сходней, особенно на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ лошади, побуждаемая нагайками, волей-неволей должны были прыгать за бортъ досчаниковъ въ воду по колено, такъ какъ къ самому берегу досчаники не подходятъ. Тамъ не менѣе все кончилось благополучно: ноги животныхъ остались цѣлы.

Нашъ посланникъ выразилъ-было желаніе наградить паромщиковъ за труды, но Сарымсакъ-ходжа отвѣтилъ на это отказомъ, потому-де, что *«люди и лодки принадлежатъ хану...»* Сто-роною я слышалъ, что за переправу у Чильмайрама ханъ получаетъ съ контрагента 1,000 тилей, т. е. 3,800 руб. въ годъ.

Проѣхавъ версту отъ парома, мы встрѣтили *дуана* (юродиваго). Онъ живетъ и зиму и лѣто на курганѣ, въ памятникѣ надъ могилой святаго, живетъ подаеніемъ. Впрочемъ, деньги онъ не беретъ, и весьма разумно: на нихъ тутъ ничего не купишь, а беретъ лишь хлѣбъ. Глупою и жалкою наружностію своею онъ невольно привлекъ на себя вниманіе; ему хотѣли дать денегъ, но кто-то сказалъ, что это лишнее. Дуана глупо хохоталъ. Я проѣхалъ мимо его своей дорогой далѣе, и, случайно повернувшись на ѣздѣ, на новый взрывъ хохота сумашедшаго, замѣтилъ, что коканскій посланникъ, ѣхавшій впереди, стоитъ около дуана и, нагнувшись съ сѣдла на правую сторону, что-то съ нимъ говорить.... Дуана уже не смѣялся. Я въ раздумьѣ до сихъ поръ, какъ Сарымсакъ-ходжа успѣлъ отстать и что могло быть общаго между дипломатомъ и юродивымъ? Жилище дуана вышло въ лѣво отъ насъ въ полверстѣ. Дорога пошла частію по песку, частію по суглинку. На пути попадались горы песку, кочующаго въ этой мѣстности туда и сюда, по волѣ вѣтровъ.

Не представляя особенно-страшнаго явленія, эти тучи песку

все так серьезны на столько, что мѣстность, на сѣверъ отъ могилы Чильмайрама, гдѣ мы переправились черезъ Дарью, и на югъ до кышлака Улугъ-Диканъ-туда (на пути нашемъ), въ 10—12 верстахъ отъ переправы, и отъ могилы же Чильмайрама на востокъ, на 16 верстъ до кургана (постоялаго двора), на переправѣ противъ урочища *Акджаръ* *), подвержена разнымъ случайностямъ отъ летучаго песку. Онъ, съ помощію вѣтровъ, замѣчательныхъ въ этой мѣстности по ихъ силѣ, испытанной нами на себѣ, заваливаетъ пригационныя канавы, плантаціи и даже выгоняетъ населеніе изъ деревень. По словамъ туземцевъ, деревни, или кышлаки, Улугъ-диканъ-туда и сосѣдній Кичикъ-диканъ-туда, лѣтъ пять тому назадъ, составляли одинъ кышлакъ, разбитый на два песчанымъ ураганомъ, который, постояннымъ напоромъ на извѣстный околосокъ саклей, выгналъ ихъ обитателей и раздѣлилъ кышлакъ на два: большой и малый Диканъ-туда. Площадь урагана можно приблизительно опредѣлить въ 200 квадратныхъ верстъ.

Отъ переправы до слѣдующаго ночлега нашего, кышлака *Байбута*, считаютъ четыре таша (32 версты). Транспортъ былъ на арбахъ и на мою долю выпала колесная дорога степью. Прямо въ лицо дулъ сильный холодный вѣтеръ, такъ что даже лошади воротили на сторону морды; арбы шли тихо. Миновавъ кышлаки Диканъ-туда, мы вышли на голую каменистую высокую степь и шли крайней ея верстъ десять. Вправо, т. е. на западъ, въ виду нашемъ, на всемъ протяженіи степи, къ ней примкнули кышлаки, плантаціи и множество лѣсу; лѣво пропадала въ пространствѣ выпуклая, сплошь покрытая крупными глыбами степь. Воображаю, какой оригинальный и пріятный контрастъ представляетъ эта мѣстность лѣтомъ, въ зной, когда по степи нельзя пройти босому человѣку, а рядомъ въ тѣни савовъ журчатъ армы.... Мы встрѣтили на каменной дорогѣ нѣсколько тощихъ, надобно думать заблудившихся, коровъ и телятъ, которые ѣли—буквально ѣли—цѣликомъ конскій пометъ.... Говорятъ, что зимой и осенью тутъ вообще голодно, а кормить скотъ клеверомъ,

*) Противъ Акджара Дарью можно перейти въ бродъ. Впрочемъ, удобно это будто-бы только осенью и зимой, а весной, понятно, рѣка дѣлается полнѣе отъ горныхъ снѣговъ, и ее съ трудомъ переѣзжаютъ лишь на верблюдахъ.

или даже соломой, средствъ, конечно, достаетъ не у всѣхъ. Это ясно и по наружности кышлаковъ, обстроенныхъ, по большей части, бѣдно, уныло. Развѣ только лѣтомъ, когда полуденное солнце вызоветъ зелень на деревья и плантаціи, и когда печальное населеніе, бросивъ закоптѣлыя дымныя сакли, выйдетъ въ въ полѣ добывать хлѣбъ свой въ потѣ лица, кышлаки эти можно назвать красивыми уголками. Впрочемъ, только красивыми.... Народъ во всемъ ханствѣ угнетенъ; право собственности существуетъ для него номинально; произволь администраціи, отъ послѣдняго аксакала до бека, не имѣетъ границъ; правительство слабо и тупо.... Но ѣдемъ далѣе.

Я не могу назвать поименно тѣ кышлаки, чрезъ которые мы прошли въ этотъ день и достигли ночлега, кышлака *Байбута*. Онъ населенъ и богаче другихъ. Миссію помѣстили въ домъ одного изъ зажиточныхъ обывателей; на томъ же дворѣ остановился и коканскій посланникъ, Сарымсакъ-ходжа.

По обязанности, я наблюдалъ за командой, разгружавшей арбы, когда услышалъ свое имя... Я оглянулся и увидѣлъ Сарымсакъ-ходжу. Онъ стоялъ у двери своего помѣщенія и манилъ меня къ себѣ.

— Что прикажете? спросилъ я, подходя и ничего не подозревая.

Сарымсакъ, быстро и молча, хотя и съ доброй улыбкой, сорвалъ съ меня лѣвой рукой фуражку, правой же изъ-за борта халата, по просту изъ-за пазухи, вытащилъ шнуръ шелкомъ *тюпи* (мурмолку) и началъ напавивать ее на мою голову, не взирая на нѣкоторые неудобства этой операціи: тюпи была мала и волосамъ моимъ досталось... Сарымсакъ-ходжа продолжалъ добродушно улыбаться и, убѣдившись, что тюпи вполне обхватила, такъ сказать, мою голову, объявилъ мнѣ, что ханъ прислалъ тюпи всѣмъ членамъ мисіи и желаетъ, чтобы мы носили тюпи... Я, въ тѣхъ же выраженіяхъ, благодарилъ его высокостепенство за подарокъ, едва стацилъ его съ головы и, встрепанный, доложилъ почтеннѣйшему Сарымсаку-ходжѣ, что въ данную минуту шеголять въ тюпи я не могу, потому что занятъ моими обязанностями, но что не премину воспользоваться этимъ прекраснымъ головнымъ уборомъ при первомъ удобномъ случаѣ, какъ пользовался-де и сегодня въ

пути, въ непогоду, почетнымъ халатомъ хана. Затѣмъ я спря-
талъ шлыкъ въ карманъ.

Я нашелъ членовъ миссиі, въ ихъ помѣщеніи, съ тюпи на
головахъ и въ халатахъ; на полу стоялъ обильный дастарханъ.

На утро, 24-го декабря 1867 года, мы отправились, непо-
средственно, въ г. Коканъ, до котораго отъ Байбута всего восемь
верстъ. Вътеръ бушевалъ съ прежнею силою; дорога шла частью
солончаками, частью черезъ арыки и ручьи, выступившіе изъ бе-
реговъ и разлившіеся кругомъ. Окрестности полны кышлаками и
лѣсомъ. Въ одномъ изъ попутныхъ кышлаковъ, аксакалъ остано-
вилъ транспортъ, пригласилъ меня въ саклю, любезно усадилъ у
огня и напоилъ чаемъ. Я немало дивился и радовался такому
дружелюбію, тѣмъ болѣе, что насъ почти на каждомъ шагу на-
родъ бранилъ въ глаза и за-глаза въ самыхъ непечатныхъ вы-
раженіяхъ. Въ этой же саклѣ, бѣдно одѣтый, но скромный и
благоразумный сартъ бросилъ на огонь передо мною горсть ка-
кой-то душистой травы. Я зналъ этотъ обычай мусульманъ, вы-
ражающій привѣтствіе путешественнику отъ человека небольшого,
темнаго. Я далъ бѣдняку нѣсколько кокановъ и поспѣшилъ дог-
нать транспортъ, подходившій уже къ кышлаку *Наймачи*, въ
трехъ верстахъ отъ города. Тутъ я нашелъ членовъ миссиі. Они
сидѣли у огня въ дымной саклѣ и ждали Сарымсака-ходжу, кото-
рый уѣхалъ впередъ, будто бы за разрѣшеніемъ его высокосте-
пенства хана въѣхать миссиі въ городъ... Необходимый дастарханъ
покрывалъ полъ сакли.

Сарымсакъ-ходжа вернулся черезъ часъ; съ нимъ пріѣхалъ
нѣкто Сарымсакъ-датха *), Ханъ выслалъ его привѣтствовать миссию;
потомъ онъ былъ нашимъ приставомъ. Въ кышлакѣ Наймачи
всего сто дворовъ; мы миновали его скоро. Предъ нами откры-
лась голая равнина версты на полторы, и мы увидѣли ворота
Газавлыкъ или *Чильмайрамъ*, и стѣны Кокана.

Рчерки Кокана.

Вѣздъ въ городъ. Топографія города.—Стѣны.—Раздѣленіе города.—Число
жителей.—Мечети.—Медресе.—Караванъ-сарай. Базаръ.—Мостъ Мадали-Хана.
Урда.—Аркъ (ханскій замокъ).

Каменные ворота *Газавлыкъ* находятся въ с.-з. части города
Кокана. Непосредственно за ними по обѣ стороны раскинулись
кладбища между которыми и проходить улица. Затѣмъ начи-
наются сакли, лавочки и вся та обстановка сартовскихъ оебдло-
стей, на которую мы любуемся и въ Ташкентѣ, и въ Самаркандѣ,
и во всѣхъ здѣшнихъ городахъ. Сначала народу на улицахъ было
мало, но по мѣрѣ приближенія нашего къ медресе *Мадали-Хана*,
къ медресе—*Джами* и базару, этому центру азіатской жизни,
толпы становились гуще и гуще.—На всѣхъ лицахъ было напи-
сано неудовольствіе... Вотъ направо медресе Джами, вотъ на
лѣво обширная платформа передъ медресе Мадали-Хана. Мы ѣдемъ
среди толпы; кругомъ чалмы, чалмы и, казалось, не было края
чалмамъ... Мы огибаемъ налѣво платформу медресе Мадали-Хана
и передъ нами весь передній фасадъ этого огромнаго зданія. По
всей платформѣ и во всѣхъ окнахъ безъ стеколъ, которыя не въ
обычаѣ, — халаты, серьезные лица и тѣ же бѣлыя чалмы, рѣзко
рисующіяся, на желтоватыхъ не штукатуренныхъ стѣнахъ.—
Далѣе мы повернули направо снова въ узкую улицу и въѣхали
на мостъ Мадали-Хана. Съѣхавъ съ моста, мы захватили частичку
базара и затѣмъ снова кривыми, хотя и сухими и какъ бы
лучше ташкентскихъ обстроеными улицами, достигли нашей квар-
тиры. — Она была назначена въ домъ богатаго купца Мурзы-
Хакима, находящагося въ Ташкентѣ въ качествѣ повѣреннаго
Коканскаго хана.

✓ Городъ Коканъ слыветъ въ народѣ и официально подъ име-
немъ *прелестнаго*. Обыкновенно на монетѣ коканскаго чекана
на одной сторонѣ выбивается имя хана, напримѣръ, Сеидъ Муха-
медъ-Худаяръ-ханъ, а на другой: *бита въ прелестномъ Коканѣ*
1283 геджры. Коканъ построенъ назадъ тому 160 лѣтъ, при

*) Датха—звание равное нашему подполковнику.

Сауръ-ханъ, на трехъ оврагахъ, спускающихся съ ближайшихъ отроговъ Кашгаръ-давана, горъ, отдѣляющихъ Коканское ханство отъ Кашгара. Овраги эти зовутся: Западный *Катта-сай* или *Урда-сай* или *Муюмубарекъ-сай*, восточный *Каттаканъ-сай* и протокъ между ними въ восточной части города *Кара-су*. Соединившись въ сѣверовосточной части города, они идутъ въ рѣку Сыръ—Дарью между кышлаками, мѣняя нѣсколько разъ названія. Много въ городѣ и другихъ овраговъ, но главными считаются эти. Глубокіе сами по себѣ, они скудны водой, бѣгущей по нимъ лишь въ видѣ ручьевъ, изъ горныхъ снѣговъ,—обстоятельство, которымъ объясняются тѣ зобы, которыхъ такъ много въ населеніе Кокана. Впрочемъ, весною Катта-сай играетъ сильно. Колдцевъ въ городѣ нѣтъ, но почва до того насыщена водою, что гдѣ ни капни, тутъ и вода. Въ самомъ дѣлѣ, по общимъ отзывамъ, на аршинъ глубины уже встрѣчаются водяныя жилы, что служить отчасти причиною отсутствія погребовъ, которыхъ почти нѣтъ, и нѣкотораго неудобства отхожихъ мѣстъ, резервуары которыхъ значительно углублять будто бы нельзя.

Коканъ расположенъ на мѣстности совершенно ровной. Окрестности на большое расстояние полны арыками, плантациями и лѣсомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подходитъ къ самой стѣнѣ.

Укрѣпленія города состоятъ изъ глиняной стѣны, общей всемъ среднеазиатскимъ городамъ, мѣстами весьма плохой, въ особенности у Катта-Канскаго водопада въ южной части города и у воротъ Сармазаръ въ сѣверной, словомъ, тамъ, гдѣ подъ стѣною вступаютъ въ городъ и выходятъ изъ него овраги Катта и Каттаканъ сай.

Вокругъ города считаютъ, примѣрно, болѣе 16 верстъ; наибольшая длина города около 5 верстъ съ с. з. отъ воротъ Газавлытъ, въ которыхъ въѣхала миссія, и на ю.-в. до воротъ Маргеланскихъ. Городъ раздѣленъ на 12 частей, по числу 12 воротъ. Во всемъ городѣ 540 *махалля* (кварталовъ), въ которыхъ имѣется по одному подручному *аксакалу*. Домовъ 22,000. Цифра эта была причиною недоумѣнія и съ моей стороны; но меня увѣрили, что домовъ менѣе быть не можетъ, если не болѣе. Жителей 80,000 душъ, мечетей во всемъ городѣ будто-бы 600, по 50 на каждую

часть города. Впрочемъ, мечети никто не считалъ, а показанія мусульманъ, какъ въ этомъ, такъ и во всехъ другихъ случаяхъ, весьма живы, потому что мусульмане вообще любятъ поразить всякаго кафыра (невѣрнаго) цифрою мечетей, медресе и т. п., отдавая въ этомъ случаѣ дань національной гордости, по примѣру всехъ даже цивилизованныхъ народовъ.—Правда, что и гордиться-то больше нечѣмъ.

Медресе—15; въ нихъ мулла (студентовъ) до 1,500 человекъ. Рѣзко выдаются по громадности постройки медресе Мадали-Хана и медресе Джами. Онѣ изъ жженого кирпича и, какъ улы, кишатъ муллами; о другихъ медресе я ничего не знаю, да и предметъ, думаю, не особенно важенъ, а если и заслуживаетъ вниманія, то единственно въ смыслѣ научномъ, пожалуй, и политическомъ, потому что медресе — главные разсадники крайняго невѣжества и всего того, что и въ Ташкентѣ, и во всей Средней Азійи ослабляетъ наше вліяніе на край и тормозитъ наши усилія указать народу здѣшнему лучшіе пути во всехъ проявленіяхъ его жизни.

Караванъ-сараявъ въ Коканѣ 10. — Собственно для хлопка одинъ. Въ *Закетъ-сарая* живутъ повѣренные русскихъ купцовъ.

Коканскій базаръ великъ и очень чистъ, какъ и ташкентскій, онъ мѣстами крытый; но ташкентскій во всехъ отношеніяхъ не въ состояніи выдержать никакого съ нимъ сравненія, да и вообще городъ Коканъ не можетъ быть сравненъ съ Ташкентомъ по чистотѣ и примизнѣ улицъ, грандіозности мечетей и медресе, исправности мостиковъ черезъ арыки и величинѣ мостовъ, изъ которыхъ мостъ *Мадали-хана*, черезъ Катта-сай каменный на аркахъ, съ лавками по обѣ стороны, дѣлаетъ большую честь его строителю, *Ходжа-Датха*.

Эта часть города очень оживлена, потому что тутъ проходитъ большая улица на базаръ, а базаръ главное проявленіе среднеазиатской жизни. Южная часть города какъ будто пустынь. Тамъ, недалеко отъ Катта-канскихъ воротъ и водопада того же имени, тогда находилась *урда* или *аркъ*, т. е. ханскій замокъ. Размѣры Урды неизвѣстны, но стѣны ея сложены изъ жженого кирпича и довольно высоки. Главный въѣздъ въ нее съ сѣверной стороны по отлогой каменистой лѣстницѣ. Въ южной стѣнѣ есть калитка.

Урда построена муллою Алимкуломъ назадъ тому болѣе 10-ти лѣтъ, въ бытность его регентомъ ханства.

Старая урда высится въ сѣверной части города. Она была въ заброшѣ, но скоро, по отъѣздѣ миссиі нашей изъ города, ханское правительство распорядилось поправлять развалины, и, конечно, не безъ заднихъ мыслей, можетъ быть даже въ чаяніи нашествія «неверныхъ». Теперь ханъ живетъ въ этой урдѣ и въ новомъ дворцѣ, отдѣланномъ на европейскій ладъ.

VI.

Жители.—Занятія.—Подати.—Недружелюбіе къ «невернымъ».—Русскіе солдаты и татары.—Барвара Черепанова.

Населеніе города Кокана и Коканскаго ханства изъ *узбековъ* (кипчаки, киргизы, кара-киргизы и кара-калпаки) и *таджиковъ* съ ихъ отраслью сартами.]

Полагають, что все населеніе настоящей территоріи Коканскаго ханства простирается до 2 милліоновъ. Кромѣ городовъ: Кокана, Маргелана, Андыджана, Уша, Намагана и другихъ, оно пріютилось въ кышлакахъ (деревняхъ), которыхъ къ городу Кокану причислено будто бы 360, а къ остальнымъ городамъ 1214.

Представителями не мусульманскихъ націй въ Коканѣ служатъ *евреи, индѣйцы и русскіе*, впрочемъ, въ весьма незначительномъ количествѣ, въ особенности послѣдніе.

Осѣдлое населеніе пашетъ землю, работаетъ на фабрикахъ и торгуетъ; кочевое—водитъ скотъ и... разбоишничаетъ.

Торговля ханства идетъ исключительно съ Россіей и съ Кашгаромъ, какъ съ ближайшими сосѣдями, и частью съ Бухарой. Дороги совершенно спокойныя по нашей территоріи, а именно на Ходжентъ и далѣе на Самаркандъ, на Ташкентъ (черезъ горы) и на Аулія-ата (тоже черезъ горы), не безопасны на Кашгаръ, отношенія котораго, а равно и кипчакскихъ племенъ, къ ханскому правительству находятся постоянно въ весьма неопредѣленномъ, если даже не въ натянутомъ положеніи. Это неизбѣжно отражается на торговлѣ и на всемъ.

Купеческіе капиталы ханства, какъ и въ нашихъ среднеазиатскихъ городахъ, въ точности неизвѣстны; тѣмъ не менѣе, по смыслу шаригата съ капитала берется $\frac{1}{40}$ (закетъ). Но злоупотребленіе въ этой операціи неисчислимы, да и неизбежны при отсутствіи контроля и жадности сартовъ къ пріобрѣтенію безъ малѣйшаго разбора способовъ.

Вотъ главныя статьи торговли Кокана:

Въ Ташкентъ идетъ хлопокъ, фрукты, шерсть, кожи, шелкъ, опій и шелковыя матеріи коканскихъ и маргеланскихъ фабрикъ.

✓ Въ Коканъ черезъ Аулія-ата изъ киргизскихъ степей сбываются многіе десятки тысячъ барановъ, а изъ Ташкента идутъ: русскія мануфактурныя произведенія, сахаръ, желѣзо и т. п. Изъ Бухары везутъ въ Коканъ остъ-индскій чай, индиго, коленкоръ, кисею, опіумъ и шелковыя матеріи бухарскихъ фабрикъ.]

Оригинальную статью торговли Бухары съ Коканомъ и Кашгаромъ представляетъ собою русскій ситецъ, который изъ Оренбурга или Петропавловска идетъ на Казалинскъ, потомъ черезъ Бухару, Самаркандъ и Ходжентъ достигаетъ Кокана.

✓ Не думаю, чтобы при сосѣдствѣ съ Коканомъ нашихъ русско-ташкентскихъ купцовъ подобное, путешествіе товара приносило хорошіе барыши.]

Торговля Кокана съ Кашгаромъ вертится на тѣхъ же статьяхъ, какъ и съ Бухарой. Впрочемъ, Кашгаръ, въ свою очередь, сбываетъ въ Коканъ опій, фарфоровую посуду, серебро въ слиткахъ (ямбы) китайскія шелковыя матеріи (кимхапъ) и совершенно своеобразные войлоки и ковры.

✓ Когда мы были въ Коканѣ, торговля невольниками въ Коканѣ существовала. Молодой рабъ (кулъ) стоитъ 30 червонцевъ (тиллеръ *) и молодая невольница-дѣвушка (чура) 40 червонцевъ. Впрочемъ, торговля рабами, въ послѣднее время, говорятъ, почти не существуетъ.]

Перехожу къ промышленности ханства. Она не можетъ быть названа разнообразной. Единственная отрасль ея, заслуживающая вниманіе, это производство шелковыхъ и полупелюшковыхъ матерій

*) Коканскій червонецъ или тилля ходитъ въ 3 р. 80 к. и ровно въ 4 р. Бухарскую тиллю берутъ за 4 и 4 р. 20 к. и даже до 4 р. 50 к. серебромъ.

на фабриках Намангана, Кокана и Маргелана. Матеріи эти суть: шая (канаусъ), адрясъ и бикасапъ. Последнія двѣ полушелковыя. Всѣ онѣ далеко уступаютъ своимъ соименницамъ изъ Бухары.

Другіе виды промышленности Кокана очень обыкновенны. Даже привилегіи на какую-либо отрасль промышленности Коканъ не имѣетъ. Такъ, напримѣръ, Самаркандъ славится своими сѣдельниками, Гисаръ извѣстенъ своими ножами и сабельными клинками, Бухара гремитъ коврами и т. д. За Коканомъ никакихъ, такъ сказать, художествъ не имѣется, кромѣ его шелковыхъ фабрикъ. Вамбери, писавшій свой очеркъ о Коканскомъ ханствѣ по разсказамъ, говоритъ, что коканскіе кнуты и уздечки пользуются большою извѣстностью. Я нахожу, что это небольшая услуга промышленности; при томъ же я видѣлъ на коканскомъ базарѣ все тѣ же жесткіе, вонючіе и полусырые ремни, что и въ Ташкентѣ. По особому заказу, правда, сдѣлаютъ и нагайку, и уздечку лучше, но все это не промышленность. Въ Коканѣ, кромѣ фабричнаго производства, могъ бы развиваться и весьма сильный горный промыселъ, да гнетъ невѣжества и замкнутости хранить пока горныя богатства подъ землею. Между тѣмъ, мнѣ говорили, что въ горахъ, покрывающихъ почти все ханство, есть золото, серебро и каменный уголь, много мѣди, свинцу и желѣза. Но народъ неумѣетъ и не хочетъ заняться горнымъ дѣломъ вообще, а свинецъ, напримѣръ, не позволяетъ почему-то разрабатывать будто бы правительство. Только одно желѣзо коканцы кое-какъ плавятъ, и, по недостатку русскаго желѣза, дѣлаютъ изъ своего кетмени (мотыги), казаны (котлы) и т. п.

Кромѣ названныхъ богатствъ, въ коканскихъ горахъ есть и другія сокровища. Повѣренный купца Первушина, А. П. Хрѣнниковъ, ѣхавшій съ нами изъ Кокана по дорогѣ на Ходжентъ, въ окрестностяхъ небольшого городка Канибадама, осмотрѣлъ нефтяной ключъ, а покойный докторъ А. П. Абдіевъ *) тутъ же нашелъ сѣрный источникъ. Не знаю, пользуются-ли ими коканцы; знаю только одно, что они очень дѣнны, крѣпко замкнулись въ рамки «шаригата» и не хотятъ выйти изъ нихъ, хотя бы даже въ ви-

дахъ собственного благосостоянія. Впрочемъ, въ шаригатѣ сказано: плати хераджъ и тананъ (земледѣльческія подати), плати закеть (торговая подать) и подставляй голову, когда хану вздумается ее отрѣзать... Въ шаригатѣ не говорится: совершенствуйся непрестанно, иди впередъ... Значитъ, нечего и толковать. Обратимся къ податямъ.]

Подати коканскаго населенія почти тѣ же самыя, что и въ нашихъ среднеазіатскихъ провинціяхъ, т. е. *хераджъ* (подать съ земледѣльческихъ продуктовъ), *тананъ* (сборъ поземельный) и *закетъ* (торговая пошлина, въ родѣ гильдейскихъ). Разница въ томъ, что въ ханствѣ нѣтъ кибиточнаго сбора (это русскій сборъ съ дыма) и хераджъ берется въ размѣрѣ $\frac{1}{5}$ *) части урожая, да въ случаѣ войны или по прихоти хана, или бековъ, подданные подвергаются денежнымъ поборамъ въ размѣрахъ самыхъ фантастическихъ: тутъ пользуется случаемъ и воруетъ, для чего и беретъ съ народа лишнее, и деревенскій или квартальный асакалъ, воруетъ сборщикъ отъ бека, воруетъ бекъ, воруетъ ханскій назначенъ имъ, была взята и представлена къ нему полностью... А какъ это происходитъ—онъ и знаетъ, и не знаетъ.

Всѣ пошлины и налоги, безъ исключенія поступаютъ въ казну хана. На нихъ содержится дворъ, войско и на нихъ же относятся всѣ вообще расходы **). Но вопреки всевозможнымъ политико-экономическимъ и другимъ законамъ, выдуманнымъ нечестивыми «кафырами», народъ не видитъ своихъ денегъ, не видитъ на себѣ самомъ послѣдствій своихъ трудовъ и безсознательно трудится для дармоедовъ. Добро бы брали одиѣ подати по «шаригату»—нѣтъ, жадно берутъ все, когда вздумается, не соразмѣряя народныхъ силъ.

Я не допускаю, чтобы до коканцевъ не доходили слухи о спокойномъ житьѣ-бытьѣ ихъ собратіи—нашихъ новыхъ подданныхъ, защищенныхъ закономъ Бѣлаго Царя ***). Вамбери говоритъ по этому поводу нижеслѣдующее, и съ нимъ нельзя не согласиться:

*) У насъ въ Сыръ-Дарьинской области берется $\frac{1}{10}$, а въ Зеравшанскомъ округѣ $\frac{1}{5}$, какъ было и при бухарцахъ.

**) Цифра будетъ ниже.

***) Акъ Падша—Бѣлый Царь—выраженіе, усвоенное всей Средней Азіей.

*) Убитъ 27 мая 1868 года въ дѣлѣ съ бухарцами у деревни Кара-тубе.

«Многие из нихъ (среднеазиатцевъ), и особенно купцы, долго жившие въ Россіи, посмотрѣли бы на переѣзду правленія равнодушно, потому что хотя они и питаютъ ненависть къ немагометанамъ, но выхваляютъ ихъ за любовь къ правдѣ и порядку, которымъ отличаются невѣрные».

Между тѣмъ, на насъ всюду смотрѣли косо... Конечно, это религиозный фанатизмъ, который всѣми силами поддерживаютъ въ народѣ муллы; конечно, это та ненависть, которую отъ вѣка всѣ, даже развитые, но побѣжденные народы питали къ своимъ побѣдителямъ. Впрочемъ, насъ бранили лишь по ту (лѣвую) сторону Дарьи. Тогда говорили, что горные таджики праваго берега да и самый Наманганъ будто бы давно желаютъ прихода русскихъ. Но совершенно другое нужно сообщить собственно о населеніи г. Кокана: оно вольнолюбиво и даже буйно.

Бѣгле русскіе солдаты въ ту пору въ Коканѣ были. Но, съ пріѣздомъ нашей миссіи, они были куда-то на время высланы изъ города. Сколько ихъ было—неизвѣстно.

Русскихъ татаръ въ городѣ было будто бы до 15 человекъ. Они жили въ Коканѣ издавна и были уже дряхлы. Впрочемъ, бѣгле и плѣнные русскіе и татары живутъ также въ г. Узгенѣ, что на Кашгарской дорогѣ. Сколько ихъ и кто они узнать возможности не было. Не удалось также въ то время узнать и о судьбѣ плѣнницы Варвары Черепановой. Печальная исторія этой русской дѣвушки стоитъ того, чтобы ее рассказать.

Въ 1863 году, при нападеніи на укрѣпленіе Вѣрное шайки коканцевъ изъ Токмакского гарнизона, казачка Черепанова, тогда 13 или 14-лѣтняя дѣвочка, была взята въ плѣнъ на покосѣ. Въ 1866 году въ Ташкентѣ, разспрашивая о русскихъ людяхъ въ Коканѣ, я узналъ, что Черепанова живетъ во дворцѣ хана, при его матери, за родную дочь, что она уже почти совсѣмъ омуслиманилась и даже научилась мѣстной грамотѣ.

По возвращеніи покойнаго поручика Служенки *) изъ плѣна въ Бухарѣ, когда разговоръ нашъ зашелъ о русскихъ людяхъ, живущихъ въ этомъ городѣ, онъ, въ числѣ прочихъ, назвалъ и Че-

репанову. Онъ говорилъ, что она замужемъ и живетъ въ домѣ Кушъ-беги (перваго министра), гдѣ одно время жилъ и онъ.

VII.

Ханъ—его семейство—его положеніе—доходы.—Монетный дворъ.—Государственный совѣтъ.—Власть судебная.—Беки.—Мусульманкулъ.—Якубъ-бекъ.—Эмигранты въ Кашгаръ.—Войско—его содержаніе.—Наше возвращеніе въ Ташкентъ.

✓ Сейдъ Мухамедъ-Худояръ-ханъ имѣетъ отъ роду не болѣе 40 лѣтъ. Онъ очень хорошо сохранился. Ханъ полонъ, свѣжъ и обѣщаетъ прожить долго. Семейство его состоитъ изъ 8 законныхъ женъ, 5 сыновей, изъ которыхъ старшій 26 лѣтъ, подъ руководствомъ дядьки изъ персидскихъ рабовъ своего отца, править городомъ Андыджаномъ, и 2 дочерей. Одна изъ нихъ въ 1863 г., когда эмиръ Музаффаръ возвратилъ ей отцу царство, взята эмиромъ за себя. Она была тогда четвертой женой бухарскаго повелителя.

✓ По словамъ Вамбери, настоящій эмиръ Музаффаръ—человѣкъ ученый, мулла, т. е. законникъ; Худояръ-ханъ Коканскій этимъ не отличается. Но, рассказываютъ, что онъ любитъ механику и самъ, въ случаѣ надобности, исправляетъ свои часы и органы, которыхъ ему надарено множество и туркестанскими, и оренбургскими губернаторами. Ханъ любитъ соколиную охоту и часто принимаетъ увеселительныя поѣздки въ разныя мѣстности своихъ владѣній, оставляя за себя въ городѣ наиба, т. е. намѣстника, которымъ всегда бываетъ нѣкто Атабекъ.)

Ханъ большой охотникъ до лошадей, которыхъ у него въ армѣ будто бы болѣе 300. Говорятъ, онъ отличный наѣздникъ и лично весьма храбрый человѣкъ, что неоднократно доказалъ въ своей, исполненной тревогъ, жизни: онъ два раза лишился престола.

✓ Въ 1845 году 13-лѣтній Худояръ былъ возведенъ на ханство воинственнымъ кипчакомъ Мусульманкуломъ, на дочери котораго женился и правилъ подъ опекою тестя до 1853 года, когда старшій братъ его Мулла-ханъ завладѣлъ престоломъ и принудилъ Ху-

*) Убитъ при защитѣ самаркандской пшадели въ іюнѣ 1868 года.

доюра бѣжать въ Бухару, подѣ покровительство настоящаго эмира Музафара.

Они составили заговоръ и Мулла-ханъ былъ убитъ. Эмиръ снова возвелъ Худояра, правившаго въ этотъ разъ только 4 мѣсяца, потому что средній братъ Шахмурадъ, съ помощію кипчаковъ, снова выгналъ его въ Бухару. Это было въ 1863 году. Эмиръ снова двинулся на Коканъ и снова возвелъ на царство Худояра.

Нелишне замѣтить, что править Коканомъ вообще трудно, что списокъ коканскимъ ханамъ, пострадавшимъ или даже погибшимъ за послѣдніе 70 или 80 лѣтъ въ водоворотѣ народныхъ страстей, весьма краснорѣчиво говоритъ о томъ народѣ, среди которыхъ мы здѣсь живемъ: или зарѣзаны, или бѣжали...

Худояръ-ханъ править ханствомъ въ третій разъ и, конечно, послѣ двухъ неудачъ вполне убѣжденъ, что ему съ его войнами когда нибудь и въ третій разъ будетъ плохо, тѣмъ болѣе, что добрыхъ и сильныхъ въ народѣ совѣтниковъ у него мало. Почти всѣ министры отличаются невѣжествомъ, фанатизмомъ и ненавистью къ реформамъ, какъ бы незначительны и видимо полезны онѣ ни были. А потому ханъ самъ по себѣ, по отзывавъ достовѣрныхъ людей, доступный прогрессу, испытываетъ много непріятныхъ столкновений, съ нѣкоторыми изъ своихъ совѣтниковъ.

Доходы коканскаго хана состоятъ изъ нижеслѣдующихъ статей:

а) Закета—торговыхъ пошлинъ въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ капитала; б) (фраку) танана—поземельнаго сбора съ садовъ и овощныхъ плантацій, и с) хераджа— $\frac{1}{10}$ урожая съ разнаго хлѣба.

Это сборы, такъ сказать, главные, основные, опредѣленные «шаригатомъ». За ними слѣдуютъ сборы, установившіеся обычаемъ, а именно: съ переправъ черезъ р. Сыръ-Дарью, со скота киргизовъ и каракиргизовъ, съ лавокъ, вѣсовъ и наконецъ тѣ фантастическіе поборы, вѣрнѣе грабительства, о которыхъ было замѣчено выше.

Пошлины собираетъ особое лицо съ званіемъ мехтера (министра финансовъ).

Советъ хана состоитъ изъ нѣсколькихъ сановниковъ, изъ которыхъ каждый получаетъ по 1,500 четвертей разнаго рода хлѣба. Эта дача составляетъ жалованье.

Судъ и расправа въ коканскомъ ханствѣ, какъ и во всѣхъ

мусульманскихъ государствахъ, бываютъ основаны или на «шаригатѣ», или на обычаяхъ (адетъ), или, наконецъ, на произволѣ хана или бека.

По шаригату судятъ казы (судьи), которыхъ собственно въ г. Коканѣ 3: Казы-калянъ (верховный судья), казы-раисъ (судья охранитель религіи) и казы-аскеръ (военный судья). Въ провинціальныхъ городахъ бываетъ обыкновенно по одному и рѣдко по двое казы.

По обычаю рѣшаютъ дѣла: ханъ, сановники, городскіе и сельскіе старшины, наконецъ, беки-правители городовъ.

Въ силу изстари сложившихся порядковъ, каждый бекъ въ своемъ городѣ—тотъ же ханъ. Засѣвъ по обыкновенію въ урѣ (цитадели) города, онъ страхомъ своей власти и оружія располагаетъ жизнью и достояніемъ жителей и только разъ или два въ годъ является ко двору съ рапортомъ и съ тарту, т. е. съ дарами его высокостепенству хану, и, по усмотрѣнію, людямъ сильнымъ при дворѣ... Можно себѣ представить, какъ это дешево обходится народу, въ особенности людямъ богатымъ, потому что беку иначе негдѣ взять, и сама жизнь, какъ-разъ для нихъ, для бековъ, выработала глупѣйшій обычай, по которому хозяинъ непременно долженъ подарить своему гостю что либо, а тѣмъ болѣе, если онъ особа важная... такимъ образомъ бекъ побирается добромъ съ купцовъ и везетъ къ хану, который, въ свою очередь, побирается со всѣхъ бековъ и самъ дѣлаетъ иногда визиты къ именитымъ торговымъ людямъ. Подобныя посѣщенія раззоряютъ иной разъ чуть не въ конецъ!.. «Пусть онъ поправится» говорить послѣ этого ханъ, или какой нибудь бекъ, и отмѣчаетъ кого либо изъ поправившихся уже послѣ прошлагодняго визита капиталистовъ и снова отправляется сдѣлать ему честь своимъ посѣщеніемъ, а, въ сущности, за подарками въ видѣ хорошихъ коней со сбруей, ковровъ, халатовъ, фруктовъ и даже безъ всякой церемоніи—звонкой монеты. Таковъ обычай.

По мнѣнію весьма достовѣрныхъ людей, у коканскаго народа нѣтъ между представителями его, т. е. сановниками и беками—ни одной симпатіи. Одни лишь кипчаки чтутъ память своего славнаго соплеменника Мусульманъ-гулу въ сынѣ его—Автобачѣ, играющемъ, впрочемъ, при дворѣ хана весьма и весьма неопредѣлен-

ную роль. Этот молодой человек почему-то постоянно живет в Коканѣ, а не в кочевьях родичей, почти каждый день кушает пилавъ (правильнѣе палау), съ одного блюда съ его высокостепенствомъ, и держитъ себя пока весьма примѣрно. — Но надобно помнить, что кипчаки заклятые враги Худояра, что Автобача сынъ убитого Худояромъ знаменитого кипчака Мусульманъ-кула и что обстоятельства подъ - часть совершенно неожиданно выдвигаютъ людей на первый планъ и весьма рѣдко ошибаются въ выборѣ. Возьмемъ названнаго выше Мусульманъ-кула. Простой кипчакъ, сотникъ коннаго войска, онъ два раза спасалъ Коканъ отъ бухарцевъ и 8 лѣтъ былъ регентомъ ханства. Конецъ его, правда, очень печаленъ: онъ повѣшенъ въ началѣ 1853 года, съ воли зятя своего Худояра, тепершняго хана, и предъ смертію въ рѣчи своей къ народу съ эшафота, который вопреки обычая былъ для него собственно построенъ, — онъ упрекалъ правительство и народъ въ безобразіи ихъ поведенія, напороочилъ всѣ предстоящія невзгоды и нашествіе съ сѣвера «невѣрныхъ»... По странному совпадению обстоятельствъ графъ Перовскій, въ 1853 году, вскорѣ послѣ смерти коканскаго регента, взялъ первую крѣпость Акъ-мечеть (нынѣ Перовскъ) и съ этого года «невѣрные» начали съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе осуществлять предсмертное пророчество умнаго Мусульманъ-кула. Возьмемъ другой примѣръ того, какъ безошибочны въ своихъ выборахъ политическія обстоятельства.

Якубъ-бекъ, тепершній правитель Кашгара, издавна весьма популяренъ не только въ Коканскомъ ханствѣ, котораго онъ былъ когда-то подданнымъ, но и во всей Средней Азій онъ всегда выдавался изъ толпы сановниковъ умомъ и энергіей.

Во второе правленіе Коканомъ Худояра, Якубъ-бекъ навлекъ на себя чѣмъ-то глѣвъ неопытнаго, 20-лѣтняго хана и, спасая свою голову, бѣжалъ въ Бухару. Вскорѣ пришлось бѣжать туда и самому хану. Они жили въ Бухарѣ, не вида другъ друга. Потомъ, когда братъ Худояра Шахмурадъ, съ помощію кипчаковъ, овладѣлъ Коканомъ, — Якубъ-бекъ вернулся въ Коканъ и, будто-бы за отвѣтъ новому регенту Алимкулу, умному и храброму противнику генерала Черняева, что съ русскими бороться нельзя, Якубъ-бекъ былъ какъ бы изгнанъ изъ отечества въ Кашгаръ. Правда, что это похоже на Алимкула, человека энергическаго, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и большаго фанатика, сохранившаго вліяніе послѣ бѣгства хана Шахмурата и на вновь вступившаго на престолъ Худояра; правда, что и рѣчь Якубъ-бека, не менѣе умнаго и энергичнаго, похожа на дѣло, похожа тѣмъ болѣе, что онъ, не задолго передъ этимъ, сдалъ графу Перовскому Акъ-мечеть; но, думаю, все-таки, что причиною удаленія Якуба не могло быть какое либо пустое обстоятельство, иначе изъ-за одного слова было бы непрактично терять полезнаго человека. Якубъ родомъ сартъ, а Алимкулъ стоялъ во главѣ кипчаковъ. Въ ту пору эти двѣ національности хорошо помнили еще свою междоусобную войну, сопровождавшую смерть Мусульманъ-кула. Но какъ бы то ни было, Якубъ-бекъ уѣхалъ въ Кашгаръ и теперь полновластно правитъ Алтышаромъ, т. е. шести-градьемъ, а именно, городами: Кашгаромъ, Яркендомъ, Жерисаромъ, Аксу, Учтурпаномъ, Хутаномъ и другими. Власть Якубъ-бека, говорятъ, сильна. Съ Худояромъ онъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Лучшіе люди Кокана ушли къ Якубу. Дома ихъ въ Коканѣ разграблены и проданы въ пользу казны; жены и дѣти ихъ питаются чѣмъ Богъ послалъ. Это не должно удивлять насъ, потому что понятія среднеазіатцевъ о правахъ женщины и взглядъ на нее крайне непохвальные. Эмигрировавшіе супруги, конечно, печалятся о брошенныхъ ими, чуть не на голодную смерть, семействахъ столько же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ. Извѣстно, что мусульмане «по закону» могутъ имѣть женъ сколько угодно, хоть въ каждомъ городѣ, и богатые люди пользуются этимъ правомъ... Въ Кашгарѣ же собственно на этотъ счетъ существуетъ не то обычай, не то законъ, по которому всякій пріѣзжій, хоть на самое короткое время, будь онъ эскимось или янки, не говоря уже «о правобѣрныхъ», непременно долженъ обзавестись подрукою жизни и потомъ, уѣзжая изъ города, отпустить ее на всѣ четыре вѣтра... За достовѣрность этого оригинальнаго обычая, напоминающаго гражданскій бракъ, не ручаюсь.

Дорога въ Кашгаръ идетъ на г. Ушъ, потомъ Небесными горами черезъ ущелье Терекъ-дипанъ. Караваннаго ходу будто бы 18 дней и колесной дороги вовсе нѣтъ. Есть и другія дороги, но о нихъ я ничего не знаю. Впрочемъ, всѣ онѣ не безопасны: ихъ стерегутъ номады — кипчаки.

Войска у хана будто бы по списку до 30,000, въ томъ числѣ пѣхота, кавалерія и артиллерія.

Орудій большихъ и малыхъ до 40 штукъ. Порохъ дѣлается внутри города, но хранится въ ханскомъ замкѣ.

Военная музыка находится въ первобытномъ состояніи.

Пѣхотой и артиллеріей командуетъ *Атабекъ*; кавалеріей *Ширам-бий*. Такимъ образомъ, имъ принадлежитъ высшее военное званіе: минбаши (тысяченачальниковъ).

Непосредственно за ними слѣдуютъ:

Понсады, которыхъ въ арміи хана будто бы только 12. Они получаютъ въ годъ по 1,000 четвертей разнаго хлѣба.

Юзаши (сотники).

Пянчбаши (пятидесятники).

Унбаши (десятники).

Пѣхота дѣлится будто бы на роты.

Кромѣ параднаго сюртука, пѣхота получаетъ въ годъ: по два халата, по 1 рубахѣ, по парѣ сапоговъ и по двѣ прѣсныя лепешки.

Махрамы, деньщики или адъютанты хана, изъ преданнѣйшихъ ему людей, старшіе 10 человекъ получаютъ въ годъ по 200 четвертей разнаго хлѣба. Всѣмъ прочимъ кавалерійстамъ выдаютъ въ годъ по 25 четвертей разнаго хлѣба, по 3 халата и по 1 парѣ сапоговъ.]

Полное содержаніе воинскихъ чиновъ стоитъ хану будто-бы около 150,000 червонцевъ. Но припомнимъ, что въ Коканѣ всѣ и очень много крадутъ, а потому нечему удивляться, что войско и народъ не всегда довольны своимъ положеніемъ. Выхода отъ этого ни хану, ни народу, ни даже самому войску скоро не найти если только nebude сильнаго посторонняго вліянія.

III.

Отрывки изъ дневника въ Коканѣ

въ 1867—68 годахъ.

Близкое сосѣдство и постоянныя, изъ года въ годъ возрастающія, дружескія сношенія Россіи съ Коканомъ, упрочили миръ между этими двумя странами. На русскихъ уже привыкли смотрѣть въ Коканѣ, какъ на обычныхъ гостей; но еще недалеко то время, когда въ Коканѣ и правительство, и народъ смотрѣли на русскихъ крайне недружелюбно. Поэтому дневникъ офицера, посѣтившаго Коканъ въ концѣ 1867 года, представляетъ крупный интересъ; читая его, можно сравнивать *тогдашнее* и *нынешнее* положеніе русскихъ людей въ Коканѣ и видѣть, насколько упрощено русское вліяніе въ этомъ ханствѣ Средней Азіи.

24 декабря 1867 года кортежъ нашего посольства двигался по улицамъ города Кокана. Толпа не оставляла насъ ни на шагъ и бранилась. Для посланника (*) и его свиты былъ отведенъ домъ Мирзы-Хакима, а для конвоя посольства — сосѣдній домъ бека Мирзы-Ахмеда. Разгрузивъ транспортъ, причемъ любопытному народу, напавшему на арбы съ вьюками, порядкомъ досталось отъ сарбазскихъ нагаекъ, я пошелъ въ квартиру посланника. Дворъ ея имѣлъ два выхода; у обоихъ караулъ состоялъ изъ полицейскихъ сарбазовъ или *актаяковъ*, что въ переводѣ означаетъ бѣлая палка. Этотъ знакъ составляетъ, впрочемъ, единственное отличіе коканскихъ полиціеменовъ отъ окружающей ихъ толпы. Обнявши палку, положенную по той или другой діагонали груди, сложенными крестъ на крестъ руками (такъ велитъ уставъ), актаяки по одному, по двое или по трое сопровождали обыкновенно меня въ моихъ ночныхъ странствованіяхъ по городу. Я ходилъ нерѣдко на свиданія съ сибирскимъ казакомъ, заброшеннымъ издавна, волею судебъ, въ далекій Коканъ, и проживающимъ тамъ можетъ быть и доселѣ.... Но вернемся къ дому Мирзы-Хакима.

*) Генеральнаго штаба подполковника Шауфуса.

Во многихъ домахъ мусульманскаго Ташкента есть хорошо рописанныя, въ азіятскомъ вкусѣ, комнаты; но все же я не видѣлъ ничего лучше въ этомъ родѣ, какъ потолокъ и стѣны въ трехъ комнатахъ, отведенныхъ въ Коканѣ подѣ свиту нашего посланника. Цвѣты и арабески всевозможной окраски и формъ бросаются въ глаза отовсюду, куда вы ни взгляните; но и въ самой пестротѣ этой проглядываетъ настолько много оригинальности, что я нерѣдко засматривался на потолокъ и въ особенности на карнизы, хотя мои глаза достаточно привыкли уже ко всѣмъ подобнымъ узорамъ и цвѣтамъ, какихъ не найдется ни въ одномъ ботаническомъ атласѣ. Обыкновенно сакли даже и у богатыхъ людей, строятся безъ оконъ. Въ домѣ Мирзы-Хакима — большія свѣтлыя окна, а на полу богатые ковры. Мебель, хотя и незамысловатая, была сдѣлана къ пріѣзду посольства. Затѣмъ европейская посуда, лампы и вся, по возможности, европейская обстановка, даже небольшая аптечка, завезенная Мирзой-Хакимомъ изъ Россіи—все это вызывало совершенно заслуженное уваженіе и удивленіе ко вкусамъ и предприимчивости нашего коканскаго амфитріона. Самъ хозяинъ небольшого роста, еще не старый человекъ. Онъ бывалъ въ Россіи ежегодно и его знаютъ на всѣхъ ярмаркахъ, отъ Семипалатинска до Нижняго. (*) Я не встрѣчалъ въ здѣшнемъ населеніи человека, добрее и привѣтливѣе Мирзы-Хакима. Его очень уважаетъ ханъ, который и приказалъ ему принять миссію къ себѣ въ домъ. Другой коканскій другъ нашъ, нѣкто Миралимъ, также часто бывалъ у насъ въ квартирѣ. Они большіе пріатели съ Мирзой-Хакимомъ, и я помню, какъ они сговаривались, по окончаніи торговыхъ дѣлъ своихъ въ Нижнемъ, проѣхать въ Петербургъ и даже до Парижа. Мирза-Хакимъ и Миралимъ говорятъ по-русски.

Домъ бека Мирзы-Ахмеда, гдѣ помѣстился конвой миссіи и стояли наши лошади, находится не далеко отъ дома Мирзы-Хакима, чрезъ улицу. Онъ обширенъ и пустъ. Хозяинъ, какъ и мно-

*) Нужно замѣтить, что въ настоящее время Мирза-Хакимъ живетъ постоянно въ Ташкентѣ въ качествѣ повѣреннаго хана, что онъ уже кавалеръ ордена Станислава 1 ст. и св. Анны 2-й, съ брилліантами въ ту пору когда писался нашъ дневникъ, Мирза-Хакимъ былъ только почетнымъ кунцомъ.

гіе, недовольные правительствомъ, ушелъ въ Кашгаръ, къ тамошнему беку Якубу.

Для того, чтобы достигнуть собственно дома Мирзы-Ахмеда, нужно пройти во-первыхъ, обширный дворъ, гдѣ при насъ помѣщался караулъ изъ нѣсколькихъ сарбазовъ; затѣмъ, узкій переулокъ велъ на другой, не менѣе широкій дворъ, а съ него направо—на маленькій дворикъ, снова мимо караула; тутъ начнутся уже тѣ тайники жизни среднеазіятскаго магната, въ которыхъ, можетъ быть, не задолго до пріѣзда нашего, томилась въ гаремной неволѣ женщина, дрожала и замирала на каждомъ шагу рабъ, и гдѣ въ данную минуту русскіе казаки разложили свои сѣдла, разставили ружья. Здѣсь же русскіе милиціонеры-киргизы совершаютъ обычныя свои омовенія, а съ высокой террасы зорко, хоть и лѣниво, повидимому, смотритъ совсѣмъ заплывшій жиромъ глазъ ханскаго соглядата, Ингама-караулъ-беги, который ежедневно, передъ закатомъ солнца, ѣздитъ къ хану докладывать о нашемъ поведеніи.

Присмотръ за нами былъ достаточно строгъ для того, чтобы, въ свою очередь, строго осматриваться на каждомъ шагѣ. Открыто писать, не было никакой возможности, а потому, найдя свой коканскій дневникъ недостаточно полнымъ для ровнаго разсказа о нашей жизни въ Коканѣ, я изложу здѣсь наши приключенія въ отрывкахъ изъ этого дневника, который я велъ урывками, иногда ночью, въ темной комнатѣ. Впечатлѣнія перваго дня, помню, записалъ я, накрывшись одеяломъ, потому что это былъ первый день въ Коканѣ, когда за нами особенно строго смотрѣли; мы ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ еще не ознакомились, а рисковать не хотѣлось. И такъ....

24 декабря. Выйдешь на улицу—и старый, и малый ругаютъ тебя въ глаза. На дворѣ нашемъ три караула; сарбазы приходятъ къ казакамъ и бесѣдуютъ съ ними, сидя надъ разложенными на полу углями, которыми согрѣвается наше помѣщеніе. Имъ очень понравилась наша вакса и они стащили въ нашу саклю почти всѣ сапоги, прося казаковъ вычистить ихъ. Рисуя остаться совсѣмъ безъ ваксы, одинъ изъ казаковъ потребовалъ у нихъ кусокъ мыла и, смѣшавъ его съ толченымъ углемъ, вычистилъ имъ остропятаые сапоги ихъ хоть-куда!

Сегодня я не утерпѣлъ, чтобы не посѣтить нашихъ купцовъ, живущихъ въ якеть-сараѣ. Ихъ здѣсь только четверо. Всѣ они одѣты по-азіатски, нѣкоторые даже обрили себѣ голову. Купцы ведутъ замкнутую жизнь, какъ по недостатку времени для прогулокъ, такъ и потому, что на улицѣ ихъ оскорбляютъ народъ, въ особенности же *диваны* (юродивые), которые пользуются своимъ убожествомъ, и, во имя ислама, получаютъ съ невѣрныхъ коканы (двугривенные) за право добраться благополучно до дверей якеть-сарая... Разсказывали курьезный случай съ русской повозкой, завезенной въ Коканъ кѣмъ-то изъ купцовъ. Узнавъ, что въ якеть-сараѣ есть русская арба, народъ долго осаждалъ ворота, любопытствуя взглянуть на арбу о 4 колесахъ. Всѣ купцы, или точнѣе—прикащики купцовъ, говорятъ по-сартовски и, не смотря на многочисленные оскорбленія, не задумываются передъ своимъ дѣломъ. Незадолго до нашего пріѣзда, прикащикъ купца Первущина, нѣкто Шамшинъ, отправился съ караваномъ въ Кашгаръ, и я слышалъ сегодня, что онъ уже въ г. Ушѣ. Ханъ далъ ему трехъ проводниковъ до кашгарской границы. Затѣмъ Шамшинъ (одинъ-одинехонекъ изъ русскихъ въ цѣломъ караванѣ) долженъ былъ идти наудачу. Нельзя не сочувствовать смѣлости прикащика *).

У мусульманъ теперь *ураза* (постъ), а потому здѣсь, въ столицѣ, обыкновенно въ 5 часовъ пополудни, выстрѣломъ изъ орудія, извѣщаютъ городъ, что ханскій дворъ *аузъ-аиты*, т. е. буквально: «открылъ ротъ», или началъ ѣсть. Извѣстно, что магометане во время поста не ѣдятъ днемъ и зато вдоволь вознаграждаютъ себя ночью. На утренней зарѣ новый выстрѣлъ возвѣщаетъ что *аузъ-беркъ*—ротъ запертъ.

25 декабря. Среди самого сладкаго сна, сегодня утромъ я былъ разбуженъ стукомъ дверей, которыя въ здѣшнихъ домахъ исключительно створчатая, и голосомъ сарбаза, державшаго въ каждой рукѣ по свѣчѣ. Онъ заявилъ, что скоро будетъ выстрѣлъ, а затѣмъ начнется молитва и чаепитіе. Со всѣмъ неудовольствіемъ не во время разбуженнаго человека, я отвѣчалъ, что послѣдняя передъ свѣтомъ молитва (*сахари*) и затѣмъ послѣднее

*) Всѣ эти подробности помѣщены здѣсь потому, что въ настоящее время русскіе люди въ Коканѣ живутъ какъ дома.

въ эту ночь чаепитіе, а также и выстрѣлъ, до насъ не касаются, потому что мы привыкли въ эту пору ночи спать. «Ну и спите», равнодушно отвѣтилъ сарбазъ и вышелъ изъ сакли. Я задалъ себѣ вопросъ: гостепріимство или шпіонство привело его къ намъ въ эту раннюю пору? Вообще, за нами шпіонять весьма усердно. Утромъ я пошелъ взглянуть лошадей и, между прочимъ, осмотрѣть дворъ, весьма широкій, пустынный, съ закоулками. «По пусту не расхаживай!» закричалъ мнѣ какой-то бородачъ, шедшій мимо, когда я заглянулъ въ дверь одной пустой сакли. «Не болтай безъ толку и ты, и ступай своей дорогой», отвѣтилъ я. «Гдѣ мои казакъ и джигиты—тамъ я долженъ знать все». Бородачъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ посмотрѣлъ на меня.

Жирный согладатый Ингамъ, несмотря на то, что, не далѣе какъ полгода тому назадъ бѣжалъ сюда изъ Ташкента, бросивъ жену и дѣтей, тоже весьма настойчиво стережетъ порогъ нашей сакли и, конечно, снабженъ инструкціями. Надобно думать, что инструкціи эти до утра настоящаго дня были не особенно благоприятны для насъ; нѣкоторые изъ нашихъ милиціонеровъ-киргизовъ хотѣли съѣздить подковать лошадей, но Ингамъ ихъ не пустилъ. Я доложилъ объ этомъ посланнику; завязались объясненія съ приставомъ и съ другими сановниками, и все кончилось наконецъ тѣмъ, что коканцы вышли сухи изъ воды (по крайней мѣрѣ, они такъ думали). Остались виноваты одни джигиты: «пусть-де они ѣдутъ въ кузницу или куда угодно—намъ еще дадутъ даже провозжатыхъ (т. е. шпіоновъ)»).

Въ половинѣ дня у нашего посланника были повѣренныя и прикащики русскихъ купцовъ. Первый русскій посланникъ въ Коканѣ радушно привѣтствовалъ ихъ и пригласилъ на обѣдъ, оказавшійся, по общимъ соображеніямъ присутствовавшихъ на немъ,—первымъ обѣдомъ, на которомъ въ такомъ далекомъ уголкѣ, какъ Коканъ, пили шампанскимъ здоровье Бѣлаго Царя, пили за наше русское дѣло въ здѣшнемъ краѣ и—за коканскаго хана! Послѣ обѣда я снова отправился въ якеть-сарай, подъ предлогомъ выбора подносовъ, на которыхъ должны быть поднесены хану подарки туркестанскаго генералъ-губернатора, и кромѣ нашихъ купцовъ, видѣлъ издавна живущаго здѣсь сибирскаго казака Власова. Онъ служить у хана коноваломъ.

26 декабря. Все посольство разъехалось сегодня по городу, кто куда. Я один остался дома и привожу въ порядок мои замѣтки. Нашъ приставъ Сарымсакъ-датха остался со мной, но—онъ въ другой комнатѣ. Между нами въ приемной стоитъ казакъ, которому запрещено пускать ко мнѣ кого-либо. Я еще мало знакомъ съ приставомъ. Онъ кажется весьма и весьма обыкновеннымъ, добродушнымъ сартомъ. Окончивъ замѣтки мои, я вышелъ къ нему и разговорился съ нимъ о томъ о семъ, а въ заключеніе показавъ ему виды Петербурга, изданія Даціаро. Удивленію его, какъ говорится, не было границъ. Налюбовавшись рисунками, онъ прицѣпилъ къ боку на тонкій и длинный шерстяной кушакъ обыкновенную коканскую шапку и отправился съ докладомъ къ хану. По отъѣздѣ пристава, явился ко мнѣ секретарь тѣста хана, получившій въ Ташкентѣ, въ числѣ прочихъ членовъ коканскаго посольства, въ подарокъ серебряные часы.

— Я желалъ бы получить вмѣсто ихъ деньги, сказалъ онъ! согласится ли вашъ посланникъ выдать мнѣ за нихъ коканами?

— Я думаю, что не откажетъ, отвѣтилъ я.

— А много онъ дастъ?

— Ужъ если дастъ, то, полагаю, ни мало-ни много, а то, что слѣдуетъ... Зачѣмъ же вы отвергаете подарокъ и просите деньги?

Сартъ съ ужимками объявилъ, что деньги для него лучше, что русскіе дадутъ за часы больше. Потомъ онъ всталъ и ушелъ, не простившись. Это часто случается: иной разъ сартъ встаетъ и уходитъ на половинѣ вашей рѣчи.

Вскорѣ пріѣхалъ отъ хана нашъ приставъ.

— Здоровъ-ли повелитель? спросилъ я.

— Слава Богу, отвѣтилъ приставъ: спрашивалъ о здоровьи въсѣхъ васъ и приказалъ смотрѣть, чтобы вы ни въ чемъ не нуждались. Нашъ повелитель очень добръ.

Я поблагодарилъ за это въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ, на языкѣ сартовъ. Поговоривъ немного, датха улегся на свою постель, посланную на полу, и началъ рассказывать про свою бурную молодость. И въ этотъ разъ онъ легъ потому, что у него болѣла нога, поврежденная въ молодости на извѣстной среднеазіатской игрѣ *конбури*.

Посланникъ и свита вернулись сегодня домой съ новыми подарками. Нашъ совсѣмъ задрали здѣсь халатами.

27 декабря. Сегодня, въ 9 часовъ утра, мы поѣхали представиться хану. Такъ какъ день былъ базарный, то на улицахъ было много народу. Всѣ смотрѣли косо, но бранились мало, должно быть потому, что вчера туземный полиціймейстеръ за это отстегалъ двоихъ нагайками. Но вотъ *аркъ* или помѣщеніе хана. Аркъ, по вышинѣ своихъ стѣнъ, издали похожъ на огромное медресе, потому что сложенъ изъ жженого кирпича; на самомъ же дѣлѣ это огромный дворъ, въ обрѣзъ съ краями весьма значительнаго возвышенія, отчего въ аркѣ поднимаются обыкновенно по широкой, отлогой, каменной лѣстницѣ. Ханъ ѣздитъ по ней верхомъ, а простые смертные слѣзаютъ съ коней у первой ступени лѣстницы. По лѣвую сторону лѣстницы, подъ навѣсомъ, стоятъ орудія съ ихъ прислугой, въ голубыхъ мундирахъ; по правую сторону арка, на площаді, училась тысяча 3—4 сарбазовъ и слышалась какая-то неопредѣленная музыка. Когда мы въѣхали на площадь предъ аркомъ, тысячи народа, сдерживаемаго полиціейскими, плотною стѣною окружали аркъ и смотрѣли на нашъ поѣздъ. У лѣстницы мы слѣзли съ коней. На каждой ступени лѣстницы стояло, по ту и по другую сторону, по сарбазу, какъ мы сначала думали, но послѣ оказалось, что это были офицеры. Нашъ ввели въ заблужденіе ружья, бывшія у нихъ въ рукахъ. На офицерахъ были мундиры, шитые на груди золотой и серебряной мишурой; нѣкоторые ружья были со штыками своего коканскаго приготовленія. Почти у всѣхъ офицеровъ персидскія лица, съ выбритыми подбородками и довольно безмысленными, туго глядящими глазами; эти воины, склонивъ нѣсколько на бокъ голову и откинувъ ее немного назадъ, какъ-будто мечтательно смотрѣли въ пространство. Кажется, это имѣло цѣлью придать болѣе торжественности ханской аудіенціи, но со стороны все это казалось—просто смѣшнымъ.

Взобравшись на лѣстницу, мы вступили въ крытые ворота. Тамъ тоже стояли по обѣ стороны, недалеко одинъ отъ другаго, бородатые воины, частью въ красныхъ, частью въ синихъ мундирахъ и, какъ и первые, съ ружьями въ рукахъ. И здѣсь тоже персидскія лица. Миновавъ ворота, мы вступили во дворъ и мимо мечети вошли въ длинный коридоръ. Тутъ открылось новое зрѣлище: вдоль обѣихъ стѣнъ коридора, на лавкахъ сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, чамоносцы, съ опущенными къ землѣ глазами;

концы кривых сабель, торча между сидѣвшими, какъ бы нарочно были выровнены въ линію. Слышались вздохи и молитвы. Я шелъ въ нашемъ кортежѣ послѣднимъ; впереди меня, по два въ рядъ, шли казаки и милиціонеры-киргизы съ подарками отъ генералъ-губернатора хану. Посланникъ со своею свитою былъ впереди. Въ коридорѣ, наполненномъ чалмоносцами, меня съ подарками остановили. Появился какой-то высокаго роста человекъ въ розовомъ ситцевомъ халатѣ, съ бѣлою палкою въ рукахъ, и громко спросилъ: «гдѣ здѣсь *калямъ-шерифъ*» (т. е. *священное перо*, такъ мусульмане зовутъ перо). Я отвѣтилъ ему, что священнаго пера здѣсь нѣтъ, а есть вотъ то и то, и при этомъ назвалъ ему подарки. Розовый халатъ скрылся. Впослѣдствіи оказалось, что револьверъ въ шкатулкѣ и футлярѣ изъ англійской кожи конанцы издали приняли за книгу и прежде, чѣмъ поднесли хану подарокъ, ему уже было извѣстно, что въ числѣ ихъ есть *священное перо*. Розовый халатъ вернулся вскорѣ и развязно скомандовалъ намъ идти за нимъ. Мы пошли по коридору подъ прямымъ угломъ направо, попрежнему мимо рядовъ сидящихъ чалмоносцевъ и наконецъ вышли на широкій дворъ, обстроенный высокими зданіями съ окнами. Намъ, подвели къ небольшому крыльцу, кругомъ котораго видно было множество туфлей. Мы вступили въ переднюю комнату, очень обыкновенную, затѣмъ вошли въ другую комнату, устланную краснымъ сукномъ. На стѣнѣ нѣсколько постукивали трое русскихъ часовъ съ бѣлыми циферблатами, росписанными розами; другаго убранства въ комнатѣ я не замѣтилъ: было не до этого! Вдоль лѣвой же стѣны сидѣли на коляхъ ханскіе министры. Самого хана мнѣ не было видно за свитою посланника, но я уловилъ минуту и черезъ толпу казаковъ пробрался впередъ, чтобы взглянуть на хана. Онъ сидѣлъ на полу, на небольшомъ коврижѣ, поджавъ подъ себя ноги; на немъ былъ подушечковый халатъ изъ матеріи зеленого цвѣта, называемой бикосабъ; борты халата были оторочены бѣлой тесьмой. На головѣ хана была огромная кисейная чалма, а въ рукахъ—четки. Ханъ недуренъ собою, полонъ и свѣжъ. Онъ смотрѣлъ ласково, привѣтливо улыбался и прикладывалъ то ту, то другую руку къ груди, въ знакъ выраженія благодарности. Я не слышалъ его голоса: пріемъ и взаимныя привѣтствія окончились еще въ то время, когда мы стояли въ коридорѣ и искали

въ числѣ подарковъ священное перо. Нашъ приставъ также сидѣлъ въ числѣ сановниковъ, только на лѣвой сторонѣ.

Скоро аудіенція окончилась и мы вышли. Когда мы возвращались дворомъ, посланникъ, замѣтивъ, что ханъ смотритъ въ окно, остановился и салютовалъ ему рукою. Мы сдѣлали тоже. Нѣтъ сомнѣнія, что ханъ сильно заинтересовался прибывшими къ нему русскими, которыхъ онъ видѣлъ еще въ первый разъ, или по крайнѣй мѣрѣ—русской военной одеждой. Недаромъ на другой или на третій день ханъ приказалъ призвать къ себѣ Власова, и какъ авторитета, допрашивалъ его: что за *арканъ* (веревка) изъ серебра виситъ черезъ плечо у русскаго посланника? Нашъ посланникъ подполковникъ Шауфусъ, былъ офицеромъ генеральнаго штаба.

✓Пройдя дворъ, мы вступили въ тотъ же коридоръ, уже пустой, снова вышли во дворъ и наконецъ вошли въ какую-то саклю. Въ ней ярко пылалъ каминъ. На дворѣ было холодно и затопленный каминъ пришелся какъ-разъ кстати. Полъ былъ уставленъ подносами съ лакомствами: это былъ ханскій достарханъ или хлѣбъ-соль. Фрукты были и разнообразны, и хороши на рѣдкость. Прошло нѣсколько времени и въ саклю вошелъ начальникъ конницы Ширъ-Али-бій, въ черномъ, шитомъ золотомъ, халатѣ съ краснымъ кушакомъ. Онъ извѣстенъ, какъ отважный наѣздникъ и заклятый врагъ всего русскаго. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Атабекъ, начальникъ пѣхоты и артиллеріи, бывший въ плѣну послѣ взятія русскими войсками коканской крѣпости Пишпекъ. На немъ былъ короткій, фиолетоваго бархата кафтанъ, бобровый шапка и шашка въ золотыхъ ножнахъ. Наружностью своею Атабекъ напоминалъ древняго русскаго боярина. За Атабекомъ пришелъ мехтеръ, т. е. министръ финансовъ Миръ-Камиль. Онъ былъ одѣтъ очень просто. Всѣ они сѣли рядомъ и долго бесѣдовали съ посланникомъ.]

Мы уже достаточно отогрѣлись и поѣли фруктовъ, когда отворилась дверь и въ комнату вошелъ тестъ хана, Сарымсагъ-ходжа, во главѣ нѣсколькихъ слугъ, несшихъ халаты. Въ этотъ разъ не были забыты даже казаки и милиціонеры-киргизы: всѣмъ дали по халату, а мы, т. е. офицеры, получили по два.

По выходѣ изъ арка, мы получили позволеніе взглянуть на

ученье сарбазовъ: нестройная и пестрая толпа сарбазовъ въ одиночку или гуськомъ двигалась передъ дворцомъ, по всемъ направленіямъ. На большинствѣ изъ нихъ были красныя куртки и черныя смушковые шапки. Жалкая музыка, состоящая изъ трубъ, флейтъ и еще какихъ-то инструментовъ, играла однообразно и жалобно. Я и докторъ ѣхали вдоль этой толпы, саженьхъ въ 10 отъ нея, когда одинъ воинъ приложился и выстрѣлилъ по нашему направленію. Лошади наши шарахнулись. Выстрѣлъ, конечно, былъ холостой, иначе пуля, миновавъ насъ, непременно свалила бы кого нибудь въ толпѣ народа, который густою стѣной подвигался вслѣдъ за нами.

28 декабря. Посѣтили сегодня Атабека, начальника пѣхоты. У воротъ его мы нашли парныхъ часовыхъ. На дворѣ стояли въ двѣ шеринги человекъ 15 сарбазовъ. Это—почетный караулъ. Приемная Атабека оказалась небольшою, свѣтлою и теплою комнатою, съ окнами.

Возвращаясь домой, мы замѣтили, что нашъ приставъ, датха сидѣлъ въ караулѣ, у воротъ, надъ жаровней; одинъ изъ полицейскихъ брелчалъ передъ нимъ на двухструнной балалайкѣ какую-то дребедень, безъ такта и смысла; но датха внимательно слушалъ и покачивался изъ стороны въ сторону.

29 декабря. Сегодня были у Ширъ-Али-бія; онъ живетъ по спартански, сурово, въ мрачной, закопченной и пыльной саклѣ. Ширъ-Али угощалъ насъ плодомъ и яйцами. Зашла рѣчь о его ранахъ. Онъ снялъ съ лѣвой ноги сапогъ и показалъ намъ глубокій слѣдъ раны пулею, ниже колѣна. Ширъ-Али увѣряетъ, что у него 40 ранъ пулями. Я рассказывалъ о парододахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Ширъ-Али слушалъ и, казалось мнѣ, думалъ: «славны бѣбны за горами.» Онъ заклятый врагъ русскихъ.

30 декабря. Заѣзжали въ зикеть-сарай, гдѣ торгуютъ и наши русскіе купцы. Народу въ сараѣ множество; русскія лавки набиты покупателями, въ томъ числѣ и женщинами. Изъ зикеть-сарая мы отправились вокругъ городскихъ стѣнъ. Онѣ мѣстами неприступны; кругомъ ихъ, гдѣ два рва, гдѣ одинъ. Рвы довольно исправны.

31 декабря. Насъ посѣтилъ сынъ Ширъ-Али-бія, молодой и довольно дикій человекъ, лѣтъ 19. Онъ немного хромъ, потому

что нечаянно ранилъ себя изъ ружья, защищая отъ русскихъ Ташкентъ, въ 1865 году. Въ немъ живутъ наклонности его отца. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ казначей хана, молодой человекъ, недурной наружности, покупной рабъ. Онъ привезъ намъ подарки: посланнику полный сартовскій туалетъ, не исключая мужского бѣлья и сапоговъ, и по халату намъ.

1 января 1868 года. Вчера мы, первые изъ русскихъ, встрѣчали новый годъ въ Коканѣ. У посланника былъ по этому случаю ужинъ. Коканскіе министры плохо справлялись съ ножами и вилками. Ширъ-Али ничего не ѣлъ, отзываясь воздержаніемъ, но кажется что онъ просто не хотѣлъ осквернять себя пищею невѣрныхъ. Всѣ русскіе торговые люди встрѣчали съ нами новый годъ. Хану посылали мороженое, но посланные встрѣтили хана на дорогѣ, ѣхавшаго въ баню: во дворцѣ нѣтъ бани и ханъ ѣздитъ мыться куда-то въ городъ. Ханъ былъ верхомъ и за нимъ ѣхали двѣ закрытыя арбы.

Сегодня мы были съ визитомъ у мехтера, т. е. министра финансовъ. Онъ говоритъ, что изъ ханства товаровъ вывозится болѣе, нежели ввозится въ него. Впрочемъ, никакой отчетности по коканскому министерству финансовъ не существуетъ. У мехтера на поясѣ цѣлая связка серебряныхъ печатей разныхъ формъ и величинъ; каждая имѣетъ свое назначеніе, по свойству корреспонденціи.

2 января. Вчера вечеромъ были на ужинѣ у нашихъ купцовъ, въ зикеть-сараѣ. Отъ воротъ сарая, до одной изъ лавокъ, они настлали желтаго верблюжьяго сукна, а тамъ, гдѣ посланникъ долженъ былъ слѣзть съ лошади,—постлали коверъ. Стѣны одной изъ лавокъ, превращенной въ приемную, были завѣшаны краснымъ сукномъ. Министры хана были также за ужиномъ и при тостахъ кричали ура. Нѣкоторые изъ нихъ даже пробовали наше шампанское. Кстати сказать, что сегодня ханъ принималъ мороженое, которое было послано къ нему вчера.

Проводивъ министровъ, съ которыми уѣхалъ къ хану и нашъ посланникъ, мы продолжали ужинъ и закончили его нашимъ народнымъ гимномъ.

Это посѣщеніе нашимъ посланникомъ хана было прощальнымъ его визитомъ. На утро 3 января мы выѣхали изъ города въ тѣ

же ворота, въ которыя и въѣхали. Мы направились на Ходжентъ. До границы провожалъ насъ приставъ Сарымсагъ-датха, которому очень хотѣлось ѣхать съ нами и до Ходжента, гдѣ онъ надѣялся взглянуть хоть на одну русскую женщину—да нельзя было безъ позволенія хана....

Такъ было принято въ Коканѣ первое посольство Туркестанскаго генералъ-губернатора.

IX.

Отъ Кокана до Ходжента.

Кышлаки. — Ходжентъ. — Опять Курама.

Свѣдѣнія о городѣ Коканѣ и о Коканскомъ ханствѣ мною сообщены уже. Здѣсь же представлю я лишь краткія замѣтки объ обратномъ пути миссіи изъ Кокана.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Коканѣ, миссія наша была выпровожена изъ города по дорогѣ на Ходжентъ, въ тѣ же ворота, въ которыя въѣхала.

Отъ Кокана до Ходжента пролегаетъ отличная колесная дорога по весьма оживленной мѣстности. Дорога идетъ черезъ кышлакъ *Бишъ-арыкъ*, потомъ черезъ небольшой, но извѣстный по обилію фруктовыхъ садовъ, городокъ *Канибадамъ*, что значитъ много миндаля; далѣе черезъ большой кышлакъ *Каракчи-кумъ* (воровской песокъ). Мѣстность тутъ, дѣйствительно, песчаная, и близъ кышлака высятся остатки огромныхъ нѣкогда крѣпостныхъ стѣнъ. Изъ Каракчи-кума ѣдутъ прямо въ Ходжентъ.

Ходжентъ принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ русской Средней Азіи, по своему положенію на большомъ торговомъ пути изъ Бухары въ Коканъ и Кашгаръ. Въ Ходжентѣ довольно фабрикъ шелковыхъ тканей, которыя въ другихъ нашихъ средне-азіатскихъ городахъ не выдѣлываются. Въ Ходжентѣ хорошо развито шелководство. Цитадель замѣчательна по своей неприступ-

ности. Есть весьма изрядное русское поселеніе и хорошій базаръ. Здѣсь же переправляются на правый берегъ Сыра, гдѣ, съ одной стороны, открывается живописный видъ на городъ, а съ другой высятся горы *Курамы*, и по казачьимъ пикетамъ, черезъ развалины коканской крѣпости Кереучи и кышлака кураминцевъ, вы достигаете Той-тепе.

X.

Отъ Ташкента до Самарканда.

Зангата.—Старый Ташкентъ.—Чиназъ.—Переправа черезъ р. Сыръ.—Предмостное укрѣпленіе.—Голодная степь.—Мирзарабатъ.—Картина степи.—Дизахъ.—*Джиганута*.—Горы Нуратанъ-тау.—Яны-Курганъ.—Долина Зеравшана.

Изъ Ташкента въ Самаркандъ два пути: черезъ Чиназъ и Ходжентъ. Первый короче, но утомительнѣе, потому что проходить по голодной степи. Тѣмъ не менѣе, путь этотъ предпочтается. Здѣсь мы и поѣдемъ.

До Чиназа (на р. Сыръ-Дарьѣ) дорога очень оживлена и даже живописна. Она идетъ вдоль рѣки Чирчика, по обработанной мѣстности. На пути встрѣчаются или кочевья киргизовъ, или кышлаки (деревни) сартовъ. Изъ нихъ кышлакъ *Замгата* посѣщается жителями Ташкента лѣтомъ, во время годового праздника курбанъ-аитъ. Тогда ташкентцы, и старый и малый, спѣшаютъ въ Зангату, и въ тѣни его садовъ и рошъ распиваютъ чай, любуются плясками бача (плясуна) и т. п. Сарты, въ этомъ отношеніи, похожи на русскій народъ, который тоже, какъ извѣстно, имѣетъ обыкновеніе праздновать нѣкоторые праздники въ полѣ, въ рошѣ или просто на могилкахъ. Мусульмане всѣ свои большіе праздники отправляютъ непременно, если не за городомъ, то въ одномъ изъ садовъ внутри города. Такъ, напримѣръ, въ праздникъ руза-аитъ ташкентцы веселятся въ саду Шайханъ-тауръ, который на-

ходится внутри города, и очень недалеко отъ русскаго квартала, а праздниѣ курбанъ-антъ проводятъ въ садахъ Запгата, съ которыми соединены какія-то священныя преданія.

Въ окрестностяхъ станціи *Старый Ташкентъ* (по-сартовски «Иски-Ташкентъ») былъ когда-то, по преданіямъ туземцевъ, большой городъ, перенесенный, по причинѣ какихъ-то неудобствъ, на мѣсто настоящаго расположенія Ташкента. Впрочемъ, преданія очень сбивчивы, хотя близъ дороги въ *Старый Чиназъ* («Иски-Чиназъ») видны какія-то голыя возвышенности, называемыя туземцами мѣстомъ стараго города Ташкента.

Коканское укрѣпленіе *Чиназъ* занято и упразднено въ 1865 году. Стѣны цитадели и небольшой поселокъ съ базаромъ остались въ ихъ первобытномъ видѣ, съ тою лишь разницею, что, съ построеніемъ на пять верстъ южнѣе, на берегу р. Сыра русскаго форта и слободки, коканскія сооруженія получили названіе *Стараго Чиназа*.

Новый Чиназъ принадлежитъ къ числу значительныхъ русскихъ осѣдлостей здѣшняго края. Тѣмъ не менѣе, Чиназъ, пока еще въ будущемъ, хотя и теперь не лишенъ значенія, какъ мѣсто переправы черезъ р. Сыръ въ наши задарьинскія провинціи. Кромѣ того, Чиназъ снабжаетъ Ташкентъ рыбою, а подѣ-часъ и икрою. Впрочемъ, рыбный промыселъ не достигъ еще надлежащихъ размѣровъ по незначительности населенія вообще, и въ особенности населенія, способнаго владѣть рыболовными снастями.

Переправа черезъ Сыръ находится у самой крѣпости. Желѣзный паромъ, или *барказъ*, на которомъ обыкновенно переправляются, и удобенъ, и спокоенъ въ какую угодно погоду. Правда, онъ ходитъ очень медленно, но противъ этого ничего не подѣлаешь...

Рѣка насупротивъ Чиназа очень широка. Среди ея высятся два острова. Спустившись къ восточному острову, барказъ идетъ вдоль его бичевью противъ теченія, и потомъ снова спускается по рѣкѣ къ *предмостному укрѣпленію*. Оно построено при генералѣ Черняевѣ и состоитъ изъ рва, вада и нѣсколькихъ землянокъ. Здѣсь всегда есть небольшой караулъ близъ склада камыша, заготавлиаемаго на топливо.

И такъ, вы на лѣвомъ берегу р. Сыра, на окраинѣ *голодной*

степи, которая не замедляетъ вступить въ свои права, лишь только путешественникъ отъѣдетъ отъ предмостнаго укрѣпленія нѣсколько верстъ, т. е. когда кончается прибрежныя камыши. Да, за ними раскинется ширь и гладь почти на 150 верстъ, до города Дизаха.

По голодной степи отъ Чиназа къ Дизаху *два дорожки*; обѣ онѣ и длинны, и утомительны своимъ однообразіемъ. Онѣ расходятся отъ предмостнаго укрѣпленія и соединяются на половинѣ пути къ Дизаху, на Мирзарабатѣ. Это огромное каменное зданіе, похожее издали на театръ, построено вмѣстѣ съ тѣми цистернами, которыя встрѣчаются въ этой мѣстности, болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, при эмирѣ Абдулла-ханѣ. *Мирза* значитъ писарь, а слово *рабатъ* постройка, имѣющая исключительно значеніе быть пристанищемъ путникамъ. «Рабаты» строились или правительствомъ, или частными лицами, по общанію, и носить иногда ихъ имя! Напримѣръ, первая станція отъ Чимкента къ Ташкенту называется *Беглербеги*, потому что ташкентскій правитель Беглербеги построилъ тутъ, по общанію, *рабатъ*, въ которомъ теперь помѣщаются казачій пикетъ и почтовая станція.

Мирзарабатъ построенъ, конечно, какъ пристанище путниковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ имѣлъ когда-то и другое назначеніе. По темнымъ преданіямъ края, теперешняя голодная степь была когда-то, въ особенности по южной окраинѣ своей, хорошо орошена и обработана. Она питала въ ту пору много скота и производила хлѣбъ, такъ что администрація не лишнимъ находила высылать въ степь своихъ агентовъ, въ лицѣ сборщиковъ податей, которые, будто бы жили и писали, что имъ было нужно, въ Мирзарабатѣ.

Таковы преданія о Мирзарабатѣ. Пытливые и ученые люди добьются точныхъ извѣстій о немъ сами.

Въ недалекомъ прошломъ, Мирзарабатъ служилъ пристанью шайкамъ барантачей. Около Мирзарабата взяли имя въ плѣнъ покойный поручикъ Служенко. Конные почтари-киргизы, слѣдуя изъ Дизаха, стараются миновать Мирзарабатъ, опасаясь неприятныхъ встрѣчъ съ звѣроподобными рыцарями степи, и значительно уклоняются степью вправо отъ прямой математической линіи, которая соединяетъ Мирзарабатъ съ предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Для большей последовательности въ описаніи, вернемся назадъ и прослѣдимъ объ дороги отъ переправы къ Мирзарабату.

Правая дорога идетъ сначала камышами, потомъ голой степью. На ней есть нѣсколько колодцевъ съ дурною водой.

Лѣвая дорога упирается въ озеро Бу-Яншикуль, въ 12-ти верстахъ отъ предмостнаго укрѣпленія, и имѣетъ на пути своемъ нѣсколько плохихъ колодцевъ и сухую цистерну временъ Абдула-хана.

По той и по другой дорогѣ Мирзарабата достигаютъ въ одинъ день.

Съ Мирзарабата, также въ одинъ день, доѣзжаютъ до города Дизаха. На половинѣ этой дороги есть цистерна, въ которой иногда бываетъ вода. Здѣсь окрестности носятъ на себѣ слѣды ирригаціи; вправо и влѣво начинаютъ очерчиваться горы... Значить, недалеко городъ Дизахъ...

Голодная степь очень утомительна и всегда печальна; но весенняя картина голодной степи не такъ тяжело дѣйствуетъ на путешественника, какъ видъ степи въ знойный лѣтній день. Весною, особенно въ концѣ апрѣля, степь, мѣстами, на большія пространства, покрывается зеленою, ярко-красными подсыжниками и... черепахами, которыя, заслышавъ весеннее солнце, открываютъ отверстіе своихъ норъ и гуляютъ по степи многими тысячами. Это, такъ называемыя, надземныя черепахи (*testudo*). Въмѣстѣ съ ними пробивается изъ земли и стебель невѣдомаго растенія изъ семейства зонтичныхъ, вырастающій за лѣто въ деревцо, иногда до трехъ футовъ вышиною. Растеніе это здѣсь, въ шутку, зовутъ *бухарской капустой*. Имъ покрыта вся голодная степь. Стебель его мучнистъ и ни на что негоденъ, потому что и горитъ плохо, и весьма неприятно пахнетъ. Бухарская капуста, подсыжники и нѣкоторые виды солянокъ — вотъ и вся флора голодной степи.

Проточной воды въ степи нѣтъ. Колодезную воду пьютъ только при нуждѣ... А потому, запасъ воды изъ рѣки Сыра, необходимъ во время переѣзда по голодной степи. Переѣзды совершаются съ *оказіей*, т. е. съ конвоемъ изъ пѣхоты или изъ казаковъ. Возчики-сарты всегда имѣютъ для себя и для своихъ лошадей за-

пасъ воды въ *турсукахъ* *), и самые фешенебельные господа пьютъ въ голодной степи воду, отзываются овчиной... Но не буду запугивать ничье воображеніе печальною картиною степи лѣтомъ, когда она неоживлена даже черепахами, и когда только однѣ *фаланги* бѣгаютъ по ней, да одинокая птичка, Богъ вѣсть какими судьбами залетѣвшая въ это царство тишины и зноя, чиркается иногда надъ вами въ пространствѣ, и опять все тихо, неподвижно...

Голодная степь способна доставить много сильныхъ ощущеній... Сильнѣйшее изъ нихъ зовется *жаждой*... За нимъ слѣдуютъ *скука* и *утомленіе*, такъ что весьма и весьма обыкновенный сартовскій городишко Дизахъ кажется, послѣ степи, чуть не раемъ. Онъ, пожалуй, и вполне показался бы раемъ, но впечатлѣніе его въ голодной степи сильно подрываютъ родники, въ восьми верстахъ отъ него, гдѣ усталые путешественники утоляютъ жажду... Какъ благодѣтельны были бы эти ключи верстѣ на тридцать съ вершнѣ!..

Уѣздный городъ Сыръ-Дарьинской Области *Джизакъ* или, правильнѣе, *Дизахъ* (отнюдь не *Джузакъ*, какъ говорятъ здѣсь) находится у подножія сѣвернаго склона Нурагинскихъ горъ. Дизахъ похожъ на всѣ средне-азіатскіе города. Русскіе въ Дизахѣ жили сначала въ старой цитадели, но потомъ, по неудобству и тѣснотѣ ея, гарнизонъ, а съ нимъ и торговцы, выведены изъ города на *ключи*, въ 3—4 верстахъ отъ города. На «ключяхъ» предполагается даже укрѣпленіе, подъ именемъ *Ключевого*.

Горы *Нураганъ-Тау*, проходящія мимо Ключевого и Дизаха, съ востока на западъ, составляютъ продолженіе *Санзарскаго хребта*. Близъ Ключевого онѣ невысоки, холмисты и разрѣзываются широкимъ ущельемъ, по которому бѣжитъ быстрая рѣчка, названная русскими *Змѣйкой*.

На половинѣ пути по этому ущелью, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно предполагать главныя явленія совершившагося здѣсь когда-то геологическаго переворота, стоятъ, по обѣ стороны дороги, недалеко другъ отъ друга, двѣ гранитныя массы; у подножія одной

*) По киргизамъ-туркамъ, а по сартовски мамахъ — кожаный мѣшокъ, для кукла, воды и т. п.

изъ нихъ бѣжитъ Змѣйка, у подножія другой идетъ дорога. Это — *Иланутъ* или, по-русски, «Тамерлановы ворота». На правой твердынь, если ѣхать изъ Дизаха, изсѣчена въ гранитѣ арабская надпись, никѣмъ доселѣ неразобранная; въ лѣвой горѣ есть пещера. Глубокій мракъ неизвѣстности окружаетъ прошлое всего этого мѣста, и съ преданіемъ о какомъ-то змѣѣ, обитавшемъ въ пещерѣ лѣвой горы, неразлучно имя Тамерлана, по волю котораго будтобы начертана надпись на правой твердынь...

Горы Нурата, или Нуратынь-тау, идутъ отъ этого мѣста прямо на западъ, постепенно возвышаясь и переходя изъ холмистыхъ въ крутыя и скалистыя. Западнѣе Дизаха, къ нимъ прилегаютъ широкая равнина *Аузъ-Кингъ*, ограниченная на сѣверѣ холмистыми горами *Чимтау*; изъ Ключеваго укрѣпленія, на долину эту, проѣзжаютъ или черезъ городъ, или доломъ *Гандумчашъ*, и потомъ котловиною *Кюябашъ*. Долиною Аузъ-Кингъ можно ѣхать до города Нурата, и все время подъ горами. Перевалы черезъ нихъ на южный склонъ въ бассейнъ р. Зеравшана всюду конные; на арбахъ ѣздить только въ Тамерлановы ворота. Ближайшій къ Дизаху конный перевалъ идетъ черезъ ущелье *Бершиакюль*, въ 20-ти верстахъ отъ города; затѣмъ есть трудный перевалъ, еще на 20 верстъ западнѣе, *Кумбиль-койташъ*, спускающійся къ ключу Амандаръ, противъ кышлака *Нурекъ*, лежащаго у подножія той огромной горы, которую въ ясную погоду такъ хорошо видно изъ Дизаха на западъ.

Въ ущельяхъ и логахъ Нуратанынь-тау много кышлаковъ (зимовокъ). Они населены только зимой, потому что обитатели этой мѣстности, узбеки разныхъ поколѣній, весной, лѣтомъ и осенью ведутъ жизнь кочевую.

Вообще, горы Нуратанынь-тау извѣстны мало. А знакомство съ ними, особенно теперь, съ занятіемъ долины Зеравшана, необходимо во всѣхъ отношеніяхъ. Въ началѣ 1868 года майоръ (нынѣ подполковникъ) Гриппенбергъ обрѣкогносцировалъ горы вплоть до города Нурата. Рекогносцировка имѣла цѣлю разслѣдованіе условій, на которыхъ можетъ существовать въ горахъ Нуратанынь-тау укрѣпленіе. Нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія этого намѣренія правительства, потому что населеніе горъ дико, воровато и такъ же мало знакомо съ нами, какъ и мы съ

нимъ, тогда какъ намъ, въ качествѣ цивилизаторовъ, прежде всего нужно познакомиться со всѣми трущобами края. Нуратинскія горы суть трущобы, извергавшія когда-то шайки грабителей на дорогу отъ Дизаха до Яны-Кургана. Онѣ выдвигались на неосторожныхъ проѣзжихъ, захватывали ихъ и пропадали въ щеляхъ Нуратанынь-тау. Теперь тутъ все спокойно, хотя безъ оружія все-таки не ѣздить, потому что на грѣхъ мастера нѣтъ: дорога проходить тѣсной.

Передъ *Яны-Курганомъ* мѣстность сглаживается и похожа на обыкновенную степь.

Яны-Курганъ, при бухарцахъ, имѣлъ укрѣпленіе, и, до взятія Самарканда, здѣсь стоялъ нашъ передовой отрядъ, съ честію оберегавшій отъ бухарцевъ окраины нашей территоріи, подъ командою полковника (нынѣ артиллеріи генералъ-майоръ) Абрамова. Изъ Яны-Кургана, черезъ укрѣпленіе на *Каменномъ Мосту* (гышыкунуръ), вы достигаете долины рѣки Зеравшана и, миновавъ кышлаки *Актюбе* и *Джанбай-Базаръ*, выѣзжаете на рѣку. Еще издалека засинѣютъ передъ вами высоты *Чуаната*, знаменитыя штурмомъ 1-го мая 1868 года. За ними *Самаркандъ*... Но о немъ, какъ и о прочихъ приобрѣтеніяхъ нашихъ, въ экспедицію генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, поговоримъ послѣ.

Изъ дорожныхъ замѣтокъ, отъ Самарканда до Оренбурга *).

По старой привычкѣ дѣлиться съ публикой тѣми впечатлѣніями, которыя даютъ дороги Средней Азіи, я, проѣхавъ отъ Самарканда до Оренбурга, спѣшу написать мои замѣтки, руководясь какъ

*) Статья эта была предназначена авторомъ къ помѣщенію въ одной изъ столичныхъ газетъ, какъ корреспонденція изъ края, тогда еще почти вовсе неизвѣстнаго. Мы не сочли нужнымъ исключить ее, въ виду вѣрности взглядовъ автора на положеніе наше въ Азіи.

и всегда, тѣмъ, что каждое слово о Средней Азій всегда имѣть цѣну.

Начну *ab ovo*. Я выѣхалъ изъ Самарканда въ концѣ сентября. Тамъ ожидали въ ту пору Туркестанскаго генераль-губернатора, который и отправился туда въ началѣ октября для подробнаго обозрѣнія Зеравшанскаго округа. Въ ту пору пограничный край этотъ былъ совершенно спокоенъ и отношенія наши къ сосѣдямъ находились въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, мы подробнѣе взглянемъ на эти отношенія и познакомимъ читателей съ нашими сосѣдами.

Зеравшанскій округъ, вмѣстѣ съ Закавказскимъ, можетъ быть названъ самой южной провинціей Россіи. Сѣвѣрною гранью своею онъ примкнута къ Джизакскому уѣзду Сыръ-Дарьинской области *); на востокъ онъ граничитъ съ разными мелкими владѣльцами горныхъ таджиковъ, каковы Магіанъ, Кштутъ и Урмитанъ (нынѣ составляютъ нагорные тюмени Зеравшанскаго округа), на югъ съ вольнымъ Шарсабизомъ, принадлежащемъ узбекскому племени Кенегезъ (нынѣ провинція Бухары), наконецъ на востокъ — съ Бухарскимъ ханствомъ. Отношенія наши къ горнымъ таджикамъ пока не весьма мирны; но частыя междоусобія таджикскихъ бековъ весьма серьезно отражаются на нашемъ пограничномъ населеніи, а потому вопросъ о занятіи горныхъ таджикскихъ владѣній является очереднымъ, въ особенности рядомъ съ вопросомъ о занятіи Кокана, что рано-ли поздно-ли также неизбежно **). Почти тоже можно сказать и о кенегезахъ; мнѣ кажется, что это величественное и сильное племя, даже по занятіи нами его владѣній, будетъ относиться къ намъ болѣе, чѣмъ враждебно, благодаря дѣйствительно воинственному духу и безграничной увѣренности въ своей непобѣдимости. Про отношенія наши къ Бухарѣ нечего и говорить: сынъ эмира теперь въ Петербургѣ и намѣренія правительства относительно этого ханства покрыты пока мракомъ неизвѣстности. Въ Средней Азій всѣ политическіе вопросы выясняются весной и лѣ-

томъ, а потому нужно подождать весны 1870 года, которая выяснитъ также и наши виды относительно Хивы. Теперь-же можно выразить только желаніе, чтобы окончательное занятіе всей Средней Азій послѣдовало какъ можно скорѣе, иначе мы неизбежно отстрочиваемъ на неопредѣленное время успѣхи нашего вліянія на край, хотя затраты все равно идутъ своимъ чередомъ. Ошибочно было бы думать, что это окончательное занятіе встрѣтитъ серьезныя препятствія; намъ это можетъ лишь казаться, потому что доселѣ мы дѣйствовали въ краѣ весьма экономически, если можно такъ выразиться, а потому представленія о препятствіяхъ являются сами собою. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ можетъ быть названо вмѣшательство англичанъ, черезъ посредство авгановъ; но это препятствіе значительно слабѣетъ, если вспомнимъ, что Авганистану теперь не до насъ, что *protégé* англичанъ Ширали, эмиръ Кабула, имѣетъ сильнаго соперника въ Абдрахманъ-ханѣ, которому покровительствуетъ Персія и который чтимъ авганами, какъ правитель добрый и справедливый. Когда я уѣзжалъ изъ Самарканда, посланникъ Абдрахмана былъ тамъ: онъ ожидалъ пріѣзда генерала Кауфмана. Значитъ и съ этой стороны перевѣсъ нашъ. Наконецъ мы имѣемъ своего собственного претендента на авганскій тронъ—это Искандеръ-Ханъ. И выходить, въ концѣ концовъ, что намъ, для упроченія нашего положенія въ Средней Азій, нужно больше войска, больше полномочія генераль-губернатору. Помимо нашего нравственного превосходства, нашего вліянія на край, тамъ необходимы и силы оружія: азіятецъ къ этому привыкъ. Вообще мы слишкомъ увлекаемся гуманными тенденціями, не желая прослыть народомъ отсталымъ; а англичане, признанные всѣмъ міромъ за народъ высокопросвѣщенный, хозяйничаютъ, все-таки, въ Индіи далеко не такъ снисходительно, какъ мы, и больше насъ во всемъ успѣваютъ. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется то, что они хорошо знаютъ азіятцевъ и строго блюдутъ свои интересы. Но довольно. Поговоримъ о Самаркандѣ и о прочемъ.

Самаркандъ, о раззореніи котораго ходило въ публикѣ такъ много слуховъ, теперь какъ и прежде, городомъ небольшой, чистенькій и въ слухахъ о томъ, что мы его совсѣмъ выжгли, я вижу только новое подтвержденіе того, что общество наше ничего

*) Теперь этотъ уѣздъ упраздненъ и частію отошелъ къ Ходжентскому, частію же—къ Туркестанскому уѣздамъ.

**) Авторъ писалъ это въ 1869 г.

не знает о Средней Азии. Война, безспорно, одно из величайших бедствий человечества, но это, все-таки, отнюдь не дает нам права искажать события. Мир — величайшее благо народов, врачует раны, нанесенные войной. Эти избиты истины я повторяю здесь потому, что наши среднеазиатские провинции уже отдохнули от войны, что все или почти все эмигрировавшие уже вернулись, города заселяются и колонизация края русскими, по возможности, идет вперед. Так, Яны-Кургань, что в 70 верстах от Самарканда, по дороге к Ташкенту, когда изрядная оседлость, почти 1½ года не существовала, благодаря военным обстоятельствам. Теперь Яны-Кургань снова весьма изрядно заселилась; около Дизака (Джизак) в один год, как из земли выросла, довольно большая русская слободка *). Чиназ — обещает быть большим русским городом; русский квартал Ташкента имеет почти 5 верст в диаметре, в Ходженте, Чимкенте и Аулие-ата также имеются слободки. О прежней Сыр-Дарьинской линии нечего и говорить: там русские оседлости существуют давно (Казала, Перовск, форты № 2 и Джукель).

Вообще, в деле колонизации Средней Азии мы добились некоторые успехи, но за то далеко не можем похвастаться нашими путями сообщений, хотя у нас есть и пароходы, и почтовые тракты. Впрочем, виноваты в этом больше свойства страны.

Пароходы плавают по р. Сыру между Казалинском и Чиназом и плавают до того медленно, в особенности против течения, что в день проходят от 15 до 20 верст. Прибыв в Чиназ для того, чтобы ехать на пароходе, я ждал его 5 дней и не дождался. Каждый день я ходил на берег Сыра посмотреть — не курится ли на горизонте вожделенный дымок; но все было тщетно!.. Я замечал, напротив, по изменениям очертаний одной песчаной косы, что река мельчет день от дня, что составляет общее свойство рек Средней Азии, в особенности осенью и зимою, потому что источники их находятся на высоких горах. Я кончил тем, что поехал на почтовых, о которых и поговорю здесь в общих чертах.

От Ташкента до Чимкента лошади сносны, но не имется хо-

роших почтовых помещений *). К Туркестану лошади лучше, а почтовые станции, собственно в районе г. Туркестана, построенные подполковником Головым, очень хороши. За Туркестаном начинается Перовский уезд, обращающий на себя серьезное внимание неудобствами почтового тракта. За ним следует уезд Казалинский, в котором путь снова лучше, а современным, без сомнения, будет также хорош, как и в районе г. Туркестана.

Из Казалы на Оренбург, через пески на Каракум, в последнее время ездили обыкновенно на вольнонаемных верблюдах, хотя на каждой станции в районе Сыр-Дарьинской области до станции Джукель есть и почтовые лошади. Но беда в том, что четыре последние станции перед Уральским укреплением в районе Тургайской области: Терекли, Джалаулы, Кутый-куль и Джалангач-куль были совсем без лошадей; а потому, во избежание задержки, все предпочитали ехать на долгих. Кроме скуки от езды шагом, проезжий чувствует себя на этом тракте необыкновенно тяжело от ожидания нападения киргизов, взволнованных, как известно, новым положением обоих управлений.

Проезжий невольно готовится и обрекает себя на что-то, слушая рассказы о том, как, когда и кого на этом тракте зарезали киргизы и всетаки, волей-неволей, едет, потому что деться некуда: деть в полной зависимости и от мирных киргизов, которые, может быть и не зарежут его, но за то наврное обернут, произвольно налагая плату за лошадей, напиваясь на водку и на подарки. По тракту от Уральского укрепления до Орска, с перевозом на правый берег Урала, в станицах Оренбургских казаков безобразия эти вознаграждаются полнейшим порядком. По слухам есть надежда, что с заключением новых контрактов с почтосодержателями тракты киргизской степи Оренбургского ведомства улучшатся.

Но что же это за положение об управлении киргизами? В заключение поговорим кратко и об этом.

*) Все, относящееся до почтового тракта, в настоящее время радикально изменилось, и тракт, содержимый ныне г. Кузнецовым, можно считать одним из самых благоустроенных.

*) При Ключевом укреплении; теперь это укрепление упразднено. Изд.

Положеніе это выработано такъ называемою «Степною Комисією», которая только проѣхала по краю и начертала для него законы. Положеніе это почти во всемъ тождественно съ тѣмъ, которое дѣйствуетъ теперь въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, гдѣ также въ первое рѣзко замѣтна была его неприимчивость къ дѣлу; но все таки тамъ, благодаря тому, что сарты умнѣе киргизовъ, и потому что туркестанская администрація дѣйствуетъ въ краѣ осѣдломъ, явной оппозиціи не было; въ киргизской же степи, по милости нѣкоторыхъ вредныхъ вліяній извнѣ, а именно изъ Хивы, и по милости уфимскаго мусульманскаго духовенства, какъ это слышалъ я здѣсь, возникали недоразумѣнія между народомъ и администраціей, выразившіяся открытымъ востаніемъ, хотя работы по введенію новаго положенія и дѣлались, будто бы на труды по приготовленію киргизовъ къ принятію новаго положенія и на труды по введенію этого же положенія. Въ Уральской области бунтъ этотъ, благодаря опытности генерала Вережкина, былъ подавленъ чуть ли не въ три недѣли, и край успокоился; за то въ Тургайской области дѣло не кончено, кажется, еще и до сихъ поръ *). Впрочемъ, весьма легко предположить, что затишье это обуславливается наступленіемъ зимы, холодами, потому что, какъ и выше сказано, политическія вопросы Средней Азіи рождаются весною или лѣтомъ, и замираютъ на зиму. Подождемъ; тѣмъ не менѣе, согласитесь, грустно сознаться въ томъ, что мы плохо еще знаемъ киргизовъ, недостаточно сильны нашимъ нравственнымъ на нихъ вліяніемъ, что мы не имѣемъ хорошихъ путей и вообще ходимъ по Средней Азіи пока ощупью, отчего подчасъ и спотыкаемся... Впрочемъ, будемъ терпѣливы; вовремя свое возьмемъ и наша роль цивилизаторовъ дикихъ странъ, рано или поздно оправдается. Другихъ утѣшеній у меня пока еще нѣтъ.

*) Писано въ 1869 году.

Рчерки Ташкента.

Старый городъ:—время его основанія—положеніе—наружный видъ.—Жилища сартовъ. Общественныя, торговыя и промышленныя учрежденія и проч.

Время основанія Ташкента покрыто глубочайшимъ мракомъ неизвѣстности, и не смотря на всевозможныя средства, я не могъ проникнуть сквозь этотъ мракъ, для того, чтобы рассказать хоть какую нибудь таинственную легенду объ основаніи города; не говоря уже о событіяхъ историческихъ, свѣдѣній о которыхъ у меня нѣтъ, также какъ надежды найти ихъ когда либо...

Все это очень печально. Но даже Ходжи Юнусовъ, житель Ташкента изъ русскихъ татаръ, человѣкъ просвѣщенный, членъ разныхъ русскихъ ученыхъ обществъ, отозвался полнѣйшимъ невѣденіемъ, какъ исторіи города, такъ и матеріаловъ для нея. Дошли до меня смутныя слухи о существованіи какой-то исторіи Ташкента, написанной какимъ-то мѣстнымъ лѣтописцемъ; но по неточности свѣдѣній о книгѣ и по невѣжеству муллъ, къ которымъ я обращался, муллъ, помѣшанныхъ на книгахъ духовнаго содержанія, отыскать исторію Ташкента оказалось подвигомъ не легкимъ. Въ каталогѣ, приложенномъ къ брошюрѣ Френа: *Indications bibliograph. etc a nos employes et voyageurs en Asie* (Петербургъ 1845 г.), высланной въ Ташкентъ официально, для руководства при отысканіи интересныхъ восточныхъ книгъ, подъ № 101 значится исторія Туркестана *). Книга эта написана *ташкентцемъ* Мухамедомъ (не на арабскомъ ли языкѣ? спрашиваетъ Френъ въ скобкахъ) около половины XI вѣка нашей эры;

*) Здѣсь нужно разумѣть не городъ Туркестанъ, извѣстный въ мусульманскомъ мірѣ подъ именемъ Азретъ-Султана, а Туркестанъ, т. е. Среднюю-Азію.

но въ томъ-же каталогѣ, подъ № 212, та же книга уже на турецкомъ языкѣ называется исторіей Китая, исторія о династии Чингизъ Хана и принадлежитъ, по мнѣнію Френа, первой половинѣ XVI вѣка. Та-ли это книга, о которой я слышалъ, другая-ли, и если въ ней что либо о Ташкентѣ,—я незнаю, хотя № 101-й все-таки наводитъ насъ на нѣкоторыя предположенія о времени основанія города, а именно: возьмемъ половину XI вѣка, т. е. 1050 годъ, и вычисливъ, находимъ, что Ташкентъ существуетъ уже болѣе 800 лѣтъ, иначе автору книги не для чего было-бы называть себя Мухамедъ-ташкенди т. е. Мухаммедъ *ташкентскій*. Предположеніе, правда, очень смѣлое, тѣмъ болѣе, что и Френъ не говоритъ ничего утвердительнаго, ограничиваясь фразой: *ainsi, que je le présum*, фразой весьма эластичной вообще и въ особенности рядомъ съ вопросомъ: не на арабскомъ-ли языкѣ написана исторія Мухамеда-ташкенди?

Книга № 212, написанная тѣмъ-же ташкенцемъ въ первой половинѣ XVI вѣка, а именно около 1550 года, показываетъ, что городу, если не болѣе 800 лѣтъ, то и не менѣе 300. На чемъ остановиться?

Ученыхъ стариковъ,—этихъ владзей премудрости и старины, я не пыталъ, потому что толку отъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ очень мало. Остается, не рискуя ничѣмъ, удовольствоваться сказаніями народными о томъ, что Ташкентъ стоялъ прежде на ю.-в. отъ настоящаго мѣста, верстахъ въ 30, по дорогѣ на Чиназъ, гдѣ и теперь имѣется деревня *Эски-Ташкентъ*, т. е. старый Ташкентъ, что р. Чирчикъ, *) подмывая берегъ, заставила часть жителей переселиться выше и построить ту громадную массу безпорядочно разбросанныхъ саклей, мечетей, караванъ-сараявъ и проч., которую мы теперь называемъ Ташкентомъ.

Слышалъ я также, что и за рѣкою Чирчикомъ, въ Курамѣ, былъ когда-то большой городъ, называвшійся будто бы тоже Ташкентомъ; но мракъ, сгустившійся надъ этимъ событіемъ, окончательно непроницаемъ, и я вмѣсто того, чтобы блуждать въ немъ, обращаюсь къ современному намъ городу. Ташкентъ расположенъ на канавѣ *Босу*,—выходящей изъ р. Чирчика у Ниязбека,

что въ 40—50 верстахъ выше Ташкента, на той же рѣкѣ. Ташкентцы ежегодно сооружаютъ тамъ на общественный счетъ плотину и такимъ образомъ снабжаютъ водою и городъ и его окрестности. Босу проходить черезъ весь городъ, имѣющей до 10 верстъ въ діаметръ, и разбивается на множество арыковъ, орошающихъ почти каждый дворъ и садъ. Дурно укрѣпленная, по недобросовѣстности аксакаловъ *), плотина у Ниязбека или военныя передраги, которымъ такъ часто подвергался Ташкентъ до занятія его нами, служатъ причиною того, что жители иногда нуждаются въ водѣ, потому что безъ плотины Чирчикъ не даетъ воды въ Босу и городскіе арыки **) бываютъ сухи. Но въ мирное время поправка плотины производится немедленно, денежнымъ поборомъ съ жителей, а въ военное отрываются колодцы, которыхъ въ Ташкентѣ, впрочемъ, немного.

Говорили, что плотину портятъ иногда намеренно по приказанію аксакаловъ города, распоряжающихся работами, портятъ въ видахъ барышей отъ новаго побора; говорили, что однажды рѣка Чирчикъ будто-бы унесла одного неосторожнаго рабочаго, ломавшего плотину,—но на сколько достовѣрны эти рѣчи—незнаю, хотя вполне увѣренъ, что сартовская совѣсть на это способна.

Наружнаго вида городъ Ташкентъ не имѣетъ. Эта оригинальная особенность присуща всемъ среднеазиатскимъ городамъ, потому что все они закрыты садами. Только громадная мечеть Азрета въ Туркестанѣ и Тамерлановскія постройки въ Самаркандѣ, да цитадель г. Шарсабиза открываются путнику издалека. Остальное все тонетъ въ садахъ. Они окружаютъ и Ташкентъ со всехъ сторонъ лентою въ нѣсколько верстъ шириною. Печально одно, что сады эти быстро рѣдѣютъ, т. е. вырубаются на постройки и на дрова, потому что въ томъ и другомъ теперь, съ основаніемъ русскаго квартала, большая надобность; а сарты корыстны и не думаютъ о послѣдствіяхъ своей несчастной страсти къ барышамъ. Протѣхавъ сады, вы въѣзжаете въ улицы. Онѣ узки и кривы. Лѣтомъ онѣ покрыты пылью, а осенью, зимой и весною невылазной грязью. По обѣимъ сторонамъ улицъ тянутся желтыя

*) Чирчикъ идетъ изъ горъ Алатау мимо настоящаго Ташкента въ 8 верстахъ

*) Старинныя.

**) Иригаціонныя каналы.

глиняныя стѣны, мѣстами низкія, мѣстами высокія, иногда съ признаками оконъ или дверей, оказавшихся лишними и заложеными кусками земли вмѣстѣ съ глиной; но нигдѣ не встрѣтите вы окна, похожаго на наши *); развѣ иногда вверху высокой, неуклюжей сакли какое нибудь неправильное отверстіе затѣлено пропитанною саломъ бумагой и замѣняетъ окно въ какой нибудь мастерской.—Направо и налево, здѣсь и тамъ, безъ всякой симетріи подѣланы въ желтыхъ стѣнахъ большія и малыя створчатыя рѣзные ворота и калитки, низкія иногда до того, что въ нихъ можно проникнуть едва-едва не ползкомъ; узкіе переулки пересѣкаютъ дорогу вашу чуть не на каждомъ шагу и, углубившись иногда въ тотъ или другой бокъ улицы, кончаются калиткой или неожиданно скрываются надъ оврагомъ. Мосты и мостики, не всегда соответствующіе своему назначенію, т. е. съ стѣ пробѣлами въ настилкѣ, заставляютъ надъ собою задумываться. По оврагамъ, которыхъ въ городѣ множество, стучать толчеи и шумять мельницы, часто среди весьма живописной мѣстности. Мѣстами вы проѣзжаете черезъ небольшія площадки, обстроенныя лавочками съ живностью; мѣстами улицы темны, отъ нависшихъ надъ ними, черезъ стѣны сосѣднихъ садовъ, тополей и вербъ; порою встрѣчаются на улицахъ одинокіе памятники (мазары) надъ могилами святыхъ или героевъ и высятся неуклюжія зданія мечетей... Таковъ Ташкентъ.

Есть ветхіе старики сарты, въѣвъ свой изжившіе въ городѣ и все-таки не знающіе всѣхъ его закоулковъ.

Городъ дѣлится на четыре части (даха или юрты): 1) *Шай-анхтауръ*, сѣверо-восточный уголь города; 2) *Биш-агачъ*, южная часть; 3) *Кокчи*, западная часть, и 4) *Сибюръ*, сѣверо-западная. Каждая часть дѣлится на *махаллы* (кварталы).

По преданіямъ сартовъ, всѣ четыре части города въ первое время существованія его были самостоятельны и даже, враждуя между собой, дѣлали набѣги другъ на друга. Люди того времени вообще были суровы въ жизни и мощны, какъ всѣ дѣти эпоса...

*) Въ Чимкентѣ нѣкоторые домохозяйства завели русскія окна на улицу, но въ помѣщеніяхъ этихъ не живутъ по привычкѣ, и комнаты эти пусты.

Теперь городъ окруженъ сплошною глиняной стѣной, въ которой имѣется 12 воротъ (даразъ), почему кочевники и зовутъ иногда Ташкентъ *дънадцативратнымъ*. Вотъ названія этихъ воротъ: *Бишагачъ*, *Каймасъ*, *Юлбарсъ* (упразднены въ послѣднее время съ построеніемъ русскаго квартала), *Коканъ*, *Кашгаръ*, *Лабзакъ*, *Карасарай*, *Сагуанъ*, *Джагатай*, *Кокчи*, *Самаркандъ* и *Кашананъ*, названныя въ реляціи о штурмѣ Ташкента по ошибкѣ воротами Камеланскими.

Наружная форма сартовскихъ и вообще среднеазиатскихъ жилищъ построекъ незамысловата. Всюду встрѣчаете исключительно прямыя линіи и прямыя углы. Только арки и куполы старинныхъ мечетей, а также арки и ниши всѣхъ новѣйшихъ зданій: бань, надгробныхъ памятниковъ и т. п., составляютъ исключенія. Впрочемъ, здѣсь въ архитектурѣ, какъ и во многомъ, прогресса нѣтъ. По этой причинѣ фizioномія сартовскихъ и вообще среднеазиатскихъ городовъ напоминаетъ мнѣ всѣ тѣ библейскіе ландшафты, которые мнѣ случилось когда-либо видѣть. Возьмите Ходжентъ, Самаркандъ и другіе города, съ птичьего полета, и передъ вами Іерусалимъ или другой библейскій городъ. Плоскія кровли, узкія улицы, сады въ городѣ и за городомъ; затѣмъ голая, выжженная солнцемъ степь — вотъ обычная фizioномія здѣшнихъ городовъ, похожихъ на оазисы, и фizioномія городовъ библейскихъ. Чалмы, ослы, халаты, верблюды, закутанныя съ ногъ до головы женщины и т. п., довершаютъ это сходство и подчасъ ненужно много напрягать воображенія для того, чтобы не думать, что вы почти въ мірѣ Библіи.

Жилища сартовъ состоятъ обыкновенно изъ двухъ дворовъ: *наружный дворъ* (ташкери) и *внутренній дворъ* (ишкери). Они соединяются, по большей части, узкимъ, иногда съ перваго взгляда вовсе незамѣтнымъ коридоромъ, между саклями. На первомъ помѣщается все, что относится къ мужскому хозяйству: т. е. конюшни, сѣновалы, амбары и т. п.; на второмъ — живутъ женщины. Этотъ внутренній дворъ составляетъ собственно *гаремъ* сартовъ. Въ немъ у бѣдныхъ людей — одна жена и одна сакля; у богатыхъ — двѣ, три и болѣе женъ съ соответствующимъ числомъ особыхъ помѣщеній. Кромѣ этого, у состоятельныхъ людей на внутреннемъ

дворѣ имѣются особая помѣщенія для куръ, для голубей, водить которыхъ сартянки большія охотницы, для куръ и сушильни для винограда. Эти апартаменты почти всегда составляютъ верхній этажъ гарема, который, вслѣдствіе этого, весьма походить на тюремный замокъ, тѣмъ болѣе, что женщина, въ особенности молодая, въ здѣшнихъ мѣстахъ не имѣетъ права взлѣзать на кровлю сакли, и съѣздъ вправѣ, по закону и обычаю, жаловаться на соѣзда, который съ кровли своей сакли видѣлъ внутренность чужого двора. Женскія половины обыкновенно оѣбены деревьями и орошены арыкомъ.

Сартовскій методъ строить дома, весьма не сложенъ. Сакли людей бѣдныхъ или среднего сословія, значитъ большинства, строятся безъ фундамента. Люди состоятельные и богатые кладутъ сначала *фундаментъ* изъ жженого кирпича, укрѣпляютъ на немъ въ горизонтально положенныхъ брускахъ стойки разной высоты и толщины, иногда въ два ряда и, вставивъ двери, закладываютъ пространства между стойками или кирпичемъ, или комками глины, называемыми *кисекъ*. Соорудивъ *стѣны*, снова кладутъ на нихъ бруска и на эти бруска настилаютъ уже потолокъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служить и кровлей. Сартовскій потолокъ очень оригиналенъ: кромѣ толстыхъ балокъ, лежащихъ обыкновенно поперегъ сакли, потолокъ состоитъ изъ тонкихъ и короткихъ жердочекъ, которыми забираются пространства между балками. Жердочки эти всегда направляются вдоль сакли и всегда длинны на стоѣлко, чтобы покрыть лишь пространства между балками.

Наставъ такимъ образомъ потолокъ, покрываютъ его камышемъ, а состоятельные люди—циновками изъ камыша, смазываютъ глиной, набрасываютъ землю, снова смазываютъ глиной и мажутъ каждый годъ два раза передъ осенними дождями. Надобно отдать справедливость здѣшней глинѣ: она очень липка и скоро крѣпнеть, почти какъ кирпичъ.

Наружныя и внутреннія стѣны домовъ люди богатые штукатуруютъ. Въ этой работѣ сарты очень искусны. Они штукатурить исключительно однимъ алебастромъ (гашчъ), съ помощію самой незамысловатой лопаточки и линейки. Они отлично выводятъ углы и полукруглыя очертанія нишей, и чуть не полируютъ стѣны: такъ хорошъ здѣсь алебастръ и такъ искусны въ этомъ дѣлѣ сарты.

Тѣмъ не менѣе всегдашніе жильцы стѣнъ—скорпіоны—посѣщаютъ сартовскія (да и русскія) жилища черезъ потолокъ. Впрочемъ, объ укушеніяхъ почти неслышно и сарты не боятся скорпіоновъ и т. п. враговъ, зная простыя средства леченія и имѣя множество куръ, которыя съ удовольствіемъ ихъ ѣдятъ.

Двери сартовскихъ домовъ исключительно створчатыя, у богатыхъ — рѣзные, и запираются цѣпочками, т. е. пробой и накладна, похожая на цѣпь. Крючковъ, замковъ и т. п. я не видѣлъ. Большою частію сарты *окозъ* не дѣлаютъ, если не считать за окна, въ строгомъ смыслѣ, тѣ деревянные и алебастровыя рѣшетки надъ дверями, заклеенныя бумагой, которыя даютъ въ комнату такъ мало и воздуха, и свѣта. Впрочемъ, у богатыхъ людей, у хановъ и бековъ, есть и наши окна, только исключительно на мужской половинѣ. Въ городѣ Чимкентѣ встрѣчаются даже дома съ окнами на улицу, но хозяева, какъ было замѣчено выше, въ нихъ не живутъ. Они гнѣздятся въ полутемныхъ, дымныхъ сакляхъ.

Внутреннее убранство мужскихъ половинъ заключается въ коврахъ или паласахъ, которыми устилается полъ, гармонирующий вслѣдствіемъ этого съ потолокомъ и стѣнами сакли, росписанными иногда невѣдомыми цвѣтами и деревьями. Но замѣчательно, что только въ Самаркандѣ я встрѣтилъ въ одной саклѣ изображеніе змѣй, тигровъ и птицъ. До этого я не встрѣчалъ въ мусульманскихъ жилищахъ ни одного *суретъ* (изображеніе чего-бы то ни было, кромѣ растений и плодовъ), напоминающаго собою вообще «кафировъ» (невѣрныхъ), поклоняющихся изображеніямъ и идоламъ. На этотъ предметъ любой мулла приведетъ вамъ цитаты изъ корана и тѣмъ удивительнѣе кажутся мнѣ найденныя мною въ Самаркандѣ, на «лицѣ земли» *) въ «правовѣрномъ» жилищѣ изображеніе тигровъ, змѣй и птицъ! Въ Ташкентѣ одинъ мой добрый знакомый мулла, посѣщая меня, каждый разъ, какъ наступало время намаза (одной изъ 5-ти молитвъ въ сутки), просилъ убрать изъ комнаты пепельницу, надъ которой стояло бронзовое суретъ коровы,

*) Самаркандъ — лицо земли.

Бухара — сила ислама.

Такъ гласитъ одно персидское стихотвореніе, очень популярное въ здѣшнемъ народѣ.

и обезпечивъ себя съ этой стороны, принимался молиться, не обращая уже ни на что вниманія. Надобно замѣтить, что настоящіе мусульмане не стѣсняются въ этомъ случаѣ ничѣмъ, хотя-бы даже въ гостяхъ, и если только приспѣлъ часъ намаза, просятъ позволенія сотворить его... Но я далеко отошелъ отъ главнаго предмета.

Мебели у сартовъ нѣтъ, кромѣ небольшого на низкихъ ногахъ столика (сандаля), который ставится надъ *жаровней*, по большей части среди сакли и покрывается одѣяломъ; старый и малый, спрятавшись подъ него по поясъ, грѣются, а потомъ въ большинствѣ страдаютъ ревматизмами. Впрочемъ, въ гостинныхъ (михманъ-хана) этотъ способъ согрѣванія не употребляется. Въ нихъ, въ случаѣ сильного холода, просто ставятъ жаровню или затопляютъ каминъ. Сартовскіе каминны совершенно своеобразны, но грѣютъ хорошо.

Оригинальную принадлежность гостинныхъ и вообще сартовскихъ комнатъ представляютъ собой *ямы для помой*. Для этого въ углу комнаты врываются въ землю на известную глубину глиняный кувшинъ безъ дна и накрывается каменной плитой съ отверстиями. Надъ этими неподвижными тазами, совершаются омовенія передъ намазомъ и т. п.

Обстановка *женскихъ помѣщеній* разнообразнѣе. Росписанные не хуже мужскихъ, онѣ набиты сундуками, завалены одѣялами, подушками и т. п. бабьимъ хламомъ. Тутъ же, гдѣ выпало, стоитъ люлька и рядомъ съ нею корзина съ куринными яйцами и т. д. Вообще, какъ я замѣтилъ, хозяйство не отличается строгостію и тѣмъ порядкомъ, который мы привыкли видѣть въ распоряженіяхъ нашихъ записныхъ хозяекъ. На женской половинѣ хранится обыкновенно вся домашняя утварь: самовары, котлы, блюда изъ глины, деревянныя ложки, блюда мѣдныя и жестиныя, кумганы (рукомойники), огромные кувшины для воды, подсвѣчники деревянные и мѣдныя, съ широчайшими основаніями, о нѣсколькихъ рожкахъ библейскія лампочки въ формѣ башмачка, фонари, китайскія, кашгарскія и русскія чашки, чайники русскіе и свои мѣдныя и т. п. Изъ мебели обращаютъ на себя вниманіе одни лишь кровати, широкія и на низкихъ ножкахъ. Впрочемъ, средній и низшій слой общества всегда валяются на полу и вообще не требовательны. Богатые люди и на женской половинѣ имѣютъ

гостинную, гдѣ сартанки, собравшись въ праздникъ, угощаются чаемъ и сплетничаютъ другъ про друга.

Всѣ названные мною выше предметы сартовскаго хозяйства хранятся, сообразно ихъ характера, или въ кухнѣ, или въ жилой саклѣ, или въ какомъ-нибудь подобіи нашей кладовой.

Сартовская *кухня*, и какъ зданіе, и въ смыслѣ гастрономическомъ, незамысловата. Принадлежности кухни, кромѣ очага, я уже назвалъ. Назову самыя употребительныя кушанья сартовъ: а) *палау* (неправильно называемый пилавомъ), состоитъ изъ развареннаго риса, моркови, луку и мяса. Хорошо приготовленное, кушанье это очень вкусно, питательно, но тяжело для желудка; б) *мясной бульонъ* съ приностями и кислымъ молокомъ и в) *жаркое* (куардакъ), говядина и баранина мелкими кусочками. *Питье сартовъ* вода, кумысъ, покупаемый у киргизовъ, молоко и чай исключительно зеленый, всѣхъ сортовъ и разныхъ цѣнностей отъ 60 коп. и до 2—3 рублей за фунтъ. Чай очень любимъ сартами; они пьютъ его съ лепешками и кишмишемъ. При этомъ ѣдятъ фисташки, сушеные персики (урюкъ) и другіе мѣстные фрукты. Персики сушатся просто на кровляхъ, а для винограда, чтобы превратить его въ то, что мы называемъ кишмишемъ*), строятся надъ саклями особыя помѣшенія *баландхана*—высокій домъ. Говорятъ, что нашъ балконъ или балхонъ произошелъ отъ этого слова. Впрочемъ, баландхана служитъ иногда и жилымъ помѣщеніемъ кого-либо изъ членовъ семейства.

Погребъ встрѣчаются у сартовъ очень рѣдко, хотя ледъ или, вѣрнѣе, снѣгъ, можно найти лѣтомъ на всѣхъ базарахъ. Впрочемъ, онъ составляетъ особую и весьма выгодную статью торговли.

Конюшни сартовъ похожи на навѣсы, т. е. закрыты только съ трехъ сторонъ. Для ословъ и коровъ устрояются особыя помѣшенія.

Сѣно (клеверъ) складывается или прямо на кровли, а потому въ пожары всегда страшно горитъ, или въ сѣновалы, устраиваемые надъ конюшнями.

*) Т. е. сушеный виноградъ.

Отхожия мѣста, на сартовскихъ дворахъ, содержатся при-
мѣрно чисто, что, къ несчастію, такъ рѣдко у насъ на Руси. Въ
этомъ отношеніи, сарты насъ обогнали.

Ворота или калитка сарта, если у него нѣтъ гостей, всегда
на запорѣ; при первомъ стукѣ посѣтителя, женщины, если онѣ
случайно были на мужской половинѣ, бѣгутъ на свою, завертывая
голову въ платокъ, дабы гость не подмѣтилъ и не взглянулъ.

Обращаясь къ общественнымъ, торговымъ и промышленнымъ
учрежденіямъ города, я долженъ оговориться, что свѣдѣнія о нихъ
доставлены мнѣ въ рукописяхъ моими знакомыми муллами А. Б.
и С. *). Дабы отвлечь отъ себя всякую отвѣтственность за досто-
вѣрность свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какъ трудно
имѣть точныя свѣдѣнія о средне-азиатскихъ городахъ, я помѣщаю
ниже рукописи почтенныхъ муллъ въ переводѣ, за исключеніемъ
изъ нихъ того, что нейдетъ прямо къ дѣлу.

Вотъ рукопись муллы А.

«Въ Ташкентѣ всего 300 мечетей. Изъ нихъ 260 собственно
въ городѣ; 40 въ окрестностяхъ его, въ садахъ. *Имамовъ* (при-
ходскихъ муллъ) 300. *Суфи* (чтецовъ) 300. Имамы содержатъ
себя на добровольныя приношенія принадлежащихъ къ ихъ при-
ходамъ, отъ 20 до 40 коп. въ годъ, къ Рамазану (годовой празд-
никъ). Суфи не получаютъ ничего, кромѣ обѣдковъ послѣ празд-
нествъ и житейскихъ обрядовъ, и кромѣ халатовъ за обмываніе
покойниковъ».

«Въ Ташкентѣ всего 17 *медресе* (высшихъ училищъ); изъ
нихъ главныхъ 6, остальные неведники».

Далѣе рукопись муллы излишне многословна, а потому я вы-
бралъ изъ нея нижеслѣдующія свѣдѣнія, которыя нахожу удоб-
нымъ выразить въ такой таблицѣ:

*) Не называю ихъ полными именами потому, что, узнавъ объ этомъ, они
будутъ недовольны.

Названіе медресе.		Сколько дѣтъ то- му названіе осно- вано?	Число копей для муллъ (студен- товъ).	Число муллъ (сту- дентовъ).	Число мечетей, находящихся при медресе.	Число преподавате- лей (мечетей).	Число преподава- телей (медресе).
Медресе	Баракъ-ханъ	319	36	100	1	1	4
»	Шакиръ-ханъ	60	19	40	»	»	2
»	Беглеръ-Беги	36	64	200	1	1	»
»	Ишанкулы-датха	26	34	70	1	1	9
»	Ходжа-Ахраръ-Вали	420	20	64	»	2	4
»	Дервишъ-ханъ (по народ- ному Кукальдашъ).	450	41	60	1	1	7
Всего		»	210	534	4	6	26

«Въ Ташкентѣ *нисшихъ школъ* 62—(говорить далѣе мулла).
Учителя получаютъ добровольныя приношенія родителей учениковъ,
отъ 20 до 40 коп. въ годъ, смотря по состоянію, или халаты
и особые дары передъ каникулами, которые бывають 2 раза въ
году — за 15 дней, передъ годовыми праздниками: Руза-Аитъ и
Курбанъ-Аитъ. Кромѣ того, учителя получаютъ по пятницамъ по
лепешкѣ или по 5 коп. деньгами».

Вотъ содержаніе рукописи весьма достойнаго муллы Б.:

«Слава Богу! Во имя Бога! Да будетъ благословенъ пророкъ!»

«Округъ Ташкентскій нѣкогда былъ владѣніемъ Каюмурса,
потомъ перешелъ во власть Афросіаба и Кейкауса, затѣмъ имъ
владѣла династія Баракъ-хана. По изгнаніи ея Абдулла-Ханомъ
Бухарскимъ, въ Ташкентѣ жили и управляли послѣдовательно бла-
городные беки. Послѣ владычества Бухарскихъ хановъ въ Таш-
кентѣ, наступило владычество калмыковъ кунтажскихъ. Затѣмъ,
одинъ изъ ташкентскихъ ходжей, по имени Юнусъ-Ходжа, вы-
гналъ калмыковъ и водворилъ въ Ташкентѣ свою власть. Онъ
построилъ близъ города крѣпость *). Нынѣ существующія стѣны
Ташкента, также относятся къ его заботливости.

Городъ Ташкентъ состоитъ изъ четырехъ соединенныхъ * въ
одно *дахъ* **), изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ по 28

*) На мѣстѣ настоящаго русскаго форта.

**) Части

махалля *). Кроме того, въ Ташкентѣ есть еще такъ называемый *Яни-Шахаръ* (новый городъ), который построенъ въ недавнее время; онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ махалля.

Первая Ташкентская даха (часть) называется *Сибзоръ*; въ ней находится 8 медресе, а именно:

1. Медресе *Шукурханъ*, построенное за 50 лѣтъ тому назадъ; оно имѣетъ вакуфами **) 8 лавогъ и 1 сарай, который пожертвовалъ, за 12 лѣтъ тому назадъ, бывший правитель Ташкента Мирза-Ахмедъ-Кушбегъ.

2) Медресе *Беклар-Бегъ*, построенное за 29 лѣтъ тому назадъ въ царствованіе Мухамедъ-Али-Хана; оно имѣетъ вакуфъ-нама (свидѣтельство) съ печатями хана, казы и многихъ другихъ муллъ и ученыхъ. Вакуфы его слѣдующіе: 3 сарая, 2 свѣчныхъ лавки и рядъ съ мыломъ и сартовскимъ медомъ, 4 мельницы и нѣкоторые доходы съ жителей. Кроме того, это медресе, вмѣстѣ съ медресе Назаръ-Бегъ, имѣютъ участокъ, пожертвованный въ пользу ихъ правителемъ Ташкента Назаръ-Бегомъ.

3) Медресе *Шайбекъ-Бий*; оно не имѣетъ вакуфа. Въ немъ въ прежнее время также учились муллы, но теперь оно совершенно разрушено.

4) Медресе *Айса-Ходжа-Казы-Ташкенди*, построенное за 30 лѣтъ тому назадъ. Основатель его, надѣливъ при жизни своихъ наслѣдниковъ, пожертвовалъ на медресе доходы кишляковъ Карамуртъ и Тарнау. Кроме того, это медресе имѣетъ близъ Чиназа землю, доставляющую около 30 батмановъ *** хлѣба; на ташкентскомъ базарѣ ему принадлежатъ 21 лавка съ доходами отъ 2 до 12 тиллей. Вакуфъ-нама его, выданное за 12 лѣтъ тому назадъ, имѣетъ печати сына Ширъ-Али-Хана, Абдеррахмана-Хана, и многихъ казы и муллъ.

5) Медресе *Чамсанъ-Бий*, построено за 12 лѣтъ тому назадъ, въ махалля Тахтапултъ. Въ немъ служатъ 2 медариса, одинъ имамъ, одинъ суфи и 20 учениковъ. Это медресе имѣетъ ваку-

фами: въ городѣ, на Гуль-базарѣ—(цвѣтномъ) одинъ сарай и за тахтапульскими воротами, между арыками Кангракъ и Дерханъ землю, дающую 30 батмановъ. Кроме того, мечеть этого медресе и Хатымъ-Ходжи *) имѣютъ около кишляка Ужачи вакуфныя земли. Къ вакуфъ-нама этого медресе приложены печати Сеидъ-Султанъ-Хана, сына Молля-Хана и другихъ ташкентскихъ и коканскихъ чиновниковъ.

6) Медресе *Наурусъ-Мухаммедъ* или *Баракъ-Ханъ* построено за 231 годъ тому назадъ. Отъ прежнихъ хановъ оно не имѣетъ вакуфовъ. Это медресе близко было къ разрушенію, но потомъ исправлено полководцемъ Молля-Хана, Канагатъ-Ша-біемъ, который для него также купилъ за 2,000 тиллей (7,600 р.) одинъ сарай. Кроме того, этотъ сановникъ посвятилъ ему свои наслѣдственные земли около кишляка Аксакъ-Ата и одинъ большой чарбахъ (хуторъ), находящійся въ вакуфной землѣ Назарбега; на это было испрошено разрѣшеніе Молля-хана и объявлено всѣмъ жителямъ Ташкента.

7. Медресе *Муи-Мубарекъ*, основанное бывшимъ правителемъ Ташкента Мирза-Ахмедъ-Кушъ-бегъ. Онъ же, съ позволенія Худаяръ-хана, съ большими расходами прорылъ арыки близъ стараго Ташкента, по направленію къ Сарай-Агачу и Акъ-тепе и посвятилъ ихъ этому медресе. Медресе состоитъ изъ 13 комнатъ (худжра). Кроме того, оно имѣетъ одно дарха (студія), одинъ сарай, два склена и одну мечеть. Въ немъ служатъ два медариса, одинъ имамъ, одинъ суфи, одинъ матавали (экономъ), одинъ шейхъ **), 52 муллы съ содержаніемъ отъ медресе, и 38 муллъ вольныхъ слушателей. Это медресе очень знаменито и благотворно. Его медарисы въ недѣлю 4 раза читаютъ лекціи. Основано оно было за 18 лѣтъ тому назадъ.

8. Медресе *Хозрети-Имамъ* съ соборнаго мечетью (меджидиджума) но безъ вакуфовъ, только за Тахтапульскими воротами есть десять танановъ земли, доходы съ которой идутъ на имана, хитиба (старшаго чтеца) и нѣкоторыхъ муллъ.

*) Кварталовъ.

**) Вакуфъ—завѣтъ. Вакуфомъ можетъ быть доходъ съ земли, арыка, лавки бани и т. п.

***) Ташкентскій батманъ = 10 1/2 пуд.

*) Читающіе въ мечети по пятницамъ коранъ.

**) Шейхъ—сидитъ у дверей медресе и побирается съ прохожихъ яко-бы за усѣхи ихъ молитвъ.

Въ этой же части города находится 78 мечетей, 25 училищъ для дѣтей мужскаго пола и 15 дѣвичьихъ школъ. Дѣти мужскаго пола учатся въ училищахъ съ 8-ми или 9-ти лѣтнаго возраста до 16-ти лѣтъ. Обыкновенно проходятъ они сперва азбуку, потомъ нѣкоторые сура (стихи) изъ корана, написанныя на деревянныхъ доскахъ, а затѣмъ—начало корана (Афтиакъ). Послѣ этого, имъ преподають слѣдующія книги одну за другою и въ слѣдующемъ порядкѣ. *Чаръ-Китабъ*, на персидскомъ языкѣ, *Мантыкъ*, *Уль-Таиръ*, *Сабатуль-Азизинъ*, *Ходжа-Хафизъ*, *Науаи*, *Мирза-Бедиль*. Книги эти ученики должны умѣть писать и читать свободно. Далѣе они проходятъ безъ соблюденія послѣдовательности всякія книги на персидскомъ или на тюркскомъ языкахъ. По окончаніи курса въ училищѣ, желающіе поступаютъ въ медресе, гдѣ слушаютъ лекціи медарисовъ на арабскомъ языкѣ. Медарисы читають здѣсь *дарсъ* (лекціи о религіозныхъ постановленіяхъ въ подробности). Въ медресе преподають сначала книгу *Сина* на персидскомъ языкѣ, потомъ *Ильми-Сарфи-Муази* на арабскомъ языкѣ и слѣдующія: *Ильми-Сарфи-Зинджани*, *Ильми-Наху*, *Ауамль*, *Ильми-Наху-Хоржатъ*, *Кафія*, *Шаръхъ-Мулла*, *Ильми-Мантыкъ-Шамсиа*, *Хашія*, *Миръ-Сеидъ-Шерифъ*, *Мулла-Ахмедъ*, *Мулла-Абдуль-Хакимъ*. Знакомство съ содержаніемъ книгъ *Ильми-Наху* облагороживаетъ языкъ, а знакомство съ книгами *Ильми-Мантыкъ* облагороживаетъ сердце. Послѣ нихъ въ медресе преподають высшую науку, излагающую обязанности мусульманъ. Ей ней относятся книги: *Акадъ-Шурхъ*, *Акадъ-Маулуй*, *Мулла-Хаяли*, *Китаби-Мулла-Ахмедъ*, *Китаби-Мауляна-Юсуфъ-Курабани*, *Китаби-Мирза-Зайдъ*, *Китаби-Казы-Мубаракъ*, *Хикматуль-Айни-Талифъ*, *Китаби-Мулла-Джелалъ*, *Хашіаи-Ханкай*. Послѣ всѣхъ этихъ книгъ читаются ученикамъ объясненія корана, затѣмъ книги: *Факи-Кидани*, *Мустасаръ-Уакія*, *Шурхи-Уакія*, *Хидая* *). Этимъ кончается курсъ. Ученики, поблагодаривъ своихъ учителей, дарятъ ихъ чѣмъ могутъ и получаютъ отъ нихъ благословеніе. Изъ одного курса 2-е или 3-е первыхъ воспитанниковъ получаютъ

*) Эти послѣднія книги составляютъ то, что называется Шаріатомъ. Въ этихъ книгахъ заключаются законы нравственные, о благочиніи, полицейскіе и уголовные.

званіе *медариса* (преподавателя). Остальные, по способностямъ и желанію своему, или посвящаютъ себя наукамъ или назначаются на должность *имама* (приходскаго муллы), учителя школы или *муфтия* (секретаря у казы). Кончившіе курсъ плохо, посвящаютъ себя какимъ угодно ремесламъ. Способные воспитанники могутъ кончить курсъ въ 15 лѣтъ, а не способные, разумѣется, никогда. Обязанность *Мутевали* (эконома) при медресе состоитъ въ правильной раздачѣ вакуфныхъ доходовъ: *медарису*, *имаму* и другимъ служителямъ медресе; $\frac{1}{10}$ часть доходовъ мутевали получаетъ самъ.

Дѣвочки учатся съ 7 до 11 лѣтъ, а шитью учатся онѣ съ 11 до 15 лѣтъ.

Въ этой же даха былъ прежде *казы*, (судья) и при немъ три *аліама* и девять *муфтіевъ*. Обязанности ихъ: объясненіе народу шаріата и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ по шаріату, съ выдачею письменныхъ свидѣтельствъ. Польза этихъ документовъ заключается въ томъ, что дѣти, затѣявшихъ какой нибудь споръ, не повторяютъ его (!?).

Въ 1281 году (1864) начальникъ мусульманскихъ войскъ Мулла-Алимкулъ на расходы по веденію войны съ русскими, которые въ то время взяли Аулие-ата, приговорилъ къ взносамъ и медресе. Тогда записаны были на списокъ имена 8,000 учениковъ, 4,000 ученицъ и 1,500 учителей. Содержаніе этихъ лицъ, по шаріату Магомета, Богомъ избраннаго, полагаются изъ хераджныхъ доходовъ *). Преніе ханы были вообще бѣдны для того, чтобы честно содержать медресе. Но царствовали нѣкоторые государи, которые, въ пользу муллъ медресе, строили на казенный счетъ: сараи, бани и лавки; были беки, которые съ благотвори-тельной цѣлью заводили медресе и школы и посвящали имъ вакуфы, существующіе и теперь по Всемиловѣйшему повелѣнію Его Величества Бѣлаго Царя.

Вторая ташкентская даха называется *Кукча*. Въ ней находится 2 медресе: одно кирпичное, а другое глиняное. Первое основано за 50 лѣтъ тому назадъ; вакуфъ его одна баня по завѣ-

*) Хераджъ— $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{10}$ урожая по мѣстнымъ условіямъ. Хераджъ — одна изъ главныхъ среднеазіатскихъ податей.

щанію медреса Гадди-мутаппа. Медресе это называется *Бурри-ходжа*. Въ этой части 60 мечетей и 22 училища, изъ нихъ 12 дѣвичьихъ. Мѣ махалля Нанинъ-была урда (укрѣпленіе) во время царей Каюмурса и Афросіаба.

На ташкентскомъ базарѣ находятся 29 *караванъ-сараявъ*: 1) Мулла Салихъ-бека (*) съ кишмишемъ и хлопкомъ (его же 3 сарая въ Чарсу), 2) Дасдулла-Салиха, 3) Даба-Джанбая, 4) Мухаммедъ-Керимъ-мурзы, 5) Ташъ-Магометъ-бая, 6) Дамулла-Ина-ята, 7) Касебая-Кунча, 8) Ишанъ-Абдулъ-Касыма, 9) еврейскій, 10) Чамана, 11) Сеидъ-Азымъ-бай, 12) Курбанъ-Мухамедъ-бая, 13) Ишанъ-кулы-Датха, 14) того же имени, 15) Каагаты-Ша-Аталыкъ, 16) Лякшеръ-Кушбеги, 17) Закать-сарай, 18) Ишанъ-Ханъ-рансъ, 19) брата Ишанъ-хана, 20) Мулла-Абулъ-Муталлиба, 21) Мирза-Ахмедъ, 22) Юсуфъ Ханъ, 23) Исабекъ, 24) Махремъ-Баши, 25) Базаръ-Курпе, 26) Ша-бекъ, 27) Махмудъ-Дастарханчи, 28) Маузап-Джанбагъ, 29) того же имени.

Тамъ же находится 6 большихъ банъ: 1) Мухаммедъ-Керимъ-халифа, 2) Нурмухаммедъ-Кушбеги, 3) Дастарханчи, 4) Мухаммедъ-Сеидъ-бая (Масагаты), 5) Бурри-Ходжа, 6) Юсуфъ-бий. Въ каждой изъ нихъ могутъ мыться около 200 человѣкъ. Кромѣ того, на этомъ базарѣ находятся 4 сарая съ хлѣбомъ, 120 лавокъ тоже съ хлѣбомъ, 200 лавокъ съ бакалеей, 10 лавокъ съ конфектами; въ махалля Унъ-Туртъ-Деруаза находятся 1200 лавокъ а въ Иски-Джуй 45 лавокъ съ мелочными вещами. Всѣхъ лавокъ съ хлѣбомъ кишмишемъ и другими плодами 1,600. Въ томъ числѣ и 4 сарая съ хлѣбомъ.»

Далѣе въ рукописи, почтеннаго муллы Б., слѣдуетъ перечисленіе лавокъ, которое я нашелъ удобнымъ изложить въ нижеслѣдующемъ росписаніи, съ особою графой, въ которой ставлю цифры доставленные мнѣ не менѣе усерднымъ муллою С.

Въ городѣ Ташкентѣ.		Муллы Б.	Муллы С.
Лавокъ съ русской посудой	—	—	6
» русскими сундуками	—	—	10
» ситцемъ	200	200	—
» туземными шелковыми матеріями	—	—	70
» одѣялами	—	—	60

*) Умеръ въ Сибиріи.

Въ городѣ Ташкентѣ.

	Муллы Б.	Муллы С.
Лавокъ съ хлопкомъ (сырымъ) и ватой	40	20
» халатами	157	130
» рубашами	30	8
Вышивалень шелкомъ	—	50
Лавокъ съ бахромой и шнурками	10	10
Лавокъ съ женскими халатами	10	7
» поясами	—	40
Золотыхъ дѣлъ мастеровъ	135	50
Цирулень	20	40
Лавокъ съ тюбетейками	26	15
» нитками	—	20
» мѣстной матеріей алача (бумажной)	75	25
Лавокъ мелочныхъ	—	150
Сапожниковъ и башмачниковъ	200	170
Лавокъ съ мѣхами и шубами	20	20
» табакомъ	40	30
» книгами	11	10
» болгарой (юфтью)	—	10
» веревками	—	30
» марковью, лукомъ и овощами	—	25
Лавокъ съ рухлядью (ветошь)	—	20
» циновками изъ камыша и соломы	10	20
Лавокъ съ пожами	50	20
» мѣшками (канъ)	—	30
» винограднымъ медомъ	10	15
Лавокъ съ лѣсомъ	55	40
» кожами на подошвы сапогъ	200	15
Красильщиковъ	300	270
Лавокъ съ мясомъ	300	270
» бакалеей	—	700
» мыломъ	20	30
Мѣдяковъ	—	50
Лавокъ съ чаемъ	150	150
» кистями изъ шелка и бумаги	14	25
Лавокъ съ войлоками	8	30
Сѣдельниковъ и шорниковъ	150	50

Въ городѣ Ташкентѣ.

	Мулла Б.	Мулла С.
Кузницъ дляковки лошадей	—	30
» обыкновенныхъ	—	60
Караванъ-сараевъ	29	17
Малыхъ караванъ-сараевъ	—	8
Лавокъ съ лепешками	100	80
» пшеницей и мукой	120	30
» блюдами и чашками изъ глины	20	13
Лавокъ съ кувшинами	—	3
» рисомъ, горохомъ и ячменемъ	—	60
Лавокъ съ готовымъ чаемъ	30	60
» вѣниками	—	100
Штукатуровъ	—	100
Лавокъ съ желѣзными издѣліями	30	5
Лавокъ мусульманскихъ и еврейскихъ съ шелк.	20	50
Лавокъ съ сауромъ (шагрень)	150	60
» красками	40	100
Харчевень	50	60
Починщиковъ старый обуви	—	10
Маслобоень	30	100
Лавокъ съ котлами	—	20
Мѣняль	5	4
Лавокъ со спичками и сѣрой	10	10
Угольщиковъ	—	10
Лавокъ съ солью	3	20
» разческами	—	5
» лубками для обуви	—	5
Столяренъ	—	15
Продавецъ клевера	30	13
Бань большихъ (хаммамъ)	6	3
» малыхъ (мунча)	—	4
Лавокъ со свѣчами	20	—
» съ опіемъ	28	—
» кисеей	20	—
» гвоздями	17	—
» потниками (подъ сѣдла)	40	—
Лавокъ съ кирпичемъ (гишъ)	15	—

Третья ташкентская даха именуется *Бишъ-агачъ*. Въ ней 75 мечетей и 3 медресе, а именно: медресе Кукаль-ташъ, Ходжа-Ах-раръ и Сеидъ-Абдуль-Касимъ.

Четвертая даха называется *Шайхантауръ* (Шейхъ-ауанди-тауръ) по имени великаго мусульманина потомка Халифа-Омара. Въ этой даха находятся 3 медресе. Изъ нихъ первое, называемое *Ишанъ-кули-Лешкаръ-куибеги*. Построено 26 лѣтъ тому назадъ; имѣетъ вакуфами пѣкоторые изъ лавокъ на большемъ базарѣ и около заветъ-сарая. 2) *Ташъ-танъ* не имѣетъ ни вакуфа, ни медреса. 3) *Дикъеръ*; построено Махмудомъ-Дастарханчи за 30 лѣтъ тому назадъ; имѣетъ вакуфами одинъ сарай и одну баню; его вакуфъ-нама находятся въ рукахъ сына хозяина, въ Юканѣ.

Въ этой части во время владычества мусульманъ служили 2 казы, 4 аглыма, 8 медресовъ и 7 муфтіевъ. Здѣсь же въ настоящее время находятся 70 мечетей, 20 училищъ для мальчиковъ и 10 училищъ дѣвчиныхъ.

Здѣсь кончается рукопись муллы Б.

Предоставивъ провѣрять изложенныя мною свѣдѣнія всѣмъ, кому будетъ угодно заняться этимъ весьма полезнымъ *) дѣломъ, я закончу этотъ очеркъ нѣсколькими словами о *большемъ базарѣ* Ташкента и вообще объ общественныхъ учрежденіяхъ города.

Средне-азіятскіе базары состоятъ обыкновенно изъ ряда лавокъ, расположенныхъ безъ симетріи, съ навѣсами, часто черезъ всю улицу. Сартовскія лавки дверей не имѣютъ; онѣ забираются на ночь досками. Каждый товаръ, по возможности, группируется въ одномъ участкѣ базара. Лѣтомъ базаръ очень пріятное мѣсто: онъ сухъ и прохладенъ. Напротивъ, осенью, зимой и весной онъ то-неть въ грязи. Но несмотря на это, онъ всегда кипитъ жизнью, онъ единственное проявленіе здѣшней общественной жизни. На ташкентскомъ базарѣ всегда людно и тѣсно. Конные и пѣшіе, женщины и мужчины, лошади и верблюды, крикъ и говоръ, ржаніе и ревъ процессіи *дуана* **), блѣянье стада барановъ и возгласы актеровъ, декламирующихъ разную ерунду о подвигахъ героевъ и про-роковъ, — все это наполняетъ базаръ, круглый годъ съ ранняго утра и

*) А тѣмъ болѣе для служащихъ въ Ташкентѣ.

**) Нищенствующие монахи юрдену Накиббиди.

до поздней ночи. Караваны втягиваются въ сараи или выходятъ изъ нихъ иногда въ весьма дальній путь; арбы длинной вереницей запрягаютъ улицы; осѣдланнныя лошади заѣзжихъ изъ степи киргизовъ стоятъ здѣсь и тамъ кучками, ожидая своихъ всадниковъ, кушающихъ чай, вереница ословъ съ огромными мѣшками на спинахъ плетется шашкомъ подъ крики погонщика; обезсилившій и поскользнувшійся верблюдъ лежитъ въ грязи среди дороги, съ распертыми тяжелою вьюка, задними ногами и не можетъ подняться. Правда, онъ уже ни на что не годенъ, а потому его тутъ же рѣжутъ, дабы хотя на этомъ не понести убытка; тамъ барахтается подъ огромнымъ батманомъ поскользнувшійся ишакъ; здѣсь жалобно тянетъ въ носъ стихи карана, слѣпой нищій и т. п. А съ обѣихъ сторонъ «правовѣрные» купцы сидятъ чинно въ своихъ лавочкахъ, сложа руки или за работою.

Ташкентскій базаръ очень великъ и оригиналенъ. Развѣ въ длинный лѣтній день можно объѣхать все его закоулки, да и то за это не ручаюсь.

Ташкентскіе караванъ-сараи завалены хлопкомъ, который и составляетъ главный предметъ собственно оптовой торговли Ташкента. Ковры, паласы и всякіе другіе предметы средне-азиатскихъ мануфактуръ удобнѣе покупать въ этихъ сараяхъ изъ первыхъ рукъ.

Въ Ташкентѣ никакихъ, особенно достойныхъ вниманія, туземныхъ фабрикъ нѣтъ. Есть *кожевенные заводы*, вредящіе чистотѣ армяковъ, есть большіе *пекарни*, *жарчеви*, *гончарни* и т. под.

Улицы города, въ особенности въ отдаленныхъ отъ базара кварталахъ и днемъ, и ночью пусты. Идѣ на площадкахъ около лавокъ толпится народъ, стравляя пѣтуховъ или играя въ бабки. Тутъ же гдѣ нибудь въ тѣни пріютились починщикъ старой обуви, заваленный сапогами и галошами и возится въ конурѣ *дуана* (юрюдивый)... Дуана много по всему городу. Я помню одного, предпочитавшаго всякой, даже «правовѣрной», одеждѣ костюмомъ праотца Адама.

Собака на ташкентскихъ улицахъ мало, потому что сартовскіе ворота всегда заперты; но собаки, все-таки, берутъ свое и свѣшиваясь съ крышъ саклей, провожаютъ прохожихъ лаемъ. Замѣчательно, что онѣ различаютъ «правовѣрныхъ» отъ «невѣрныхъ»; значитъ далеко обогнали тѣхъ, что лаять безсознательно, но, какъ это ведется въ русскомъ кварталѣ Ташкента.

Сарты, ихъ хозяйство, женщины и проч.

Коренное населеніе Ташкента состоитъ изъ *сартовъ*. Безъ особенной ошибки, ихъ можно считать въ Ташкентѣ 40 тысячъ душъ обою пола. Больше ихъ не было никогда и только видимая громадность города вводила многихъ въ заблужденіе и населеніе Ташкента опредѣлялась въ 100 тысячъ.

Сарты, потомки древне-персидскихъ жителей этого края, приняли исламъ отъ арабовъ въ VIII вѣкѣ, подпали подъ влияние *узбековъ*, обитавшихъ здѣсь издавна и заговорили ихъ языкомъ. Нарѣчіе это составляетъ отрасль общей тюркской или узбекской рѣчи съ примѣсомъ словъ персидскихъ и арабскихъ. А потому русскіе татары, въ особенности на первыхъ порахъ, подчасъ затрудняются понимать сартовъ. *Таджики* не разумѣютъ сартовъ совсемъ. Но таджики, кромѣ своего персидскаго нарѣчія, по большей части все знаютъ нарѣчіе сартовъ. Это произошло отъ того, что въ здѣшнемъ краѣ преобладаютъ узбекскія племена. Музлы сартовъ понимаютъ языки персидскій и арабскій. Сартовъ, знающихъ русскій языкъ, — одинъ два... и только. О другихъ языкахъ нечего и поминать. Магометанская религія суннитскаго толка, исповѣдуемая сартами, и доселѣ не совсемъ еще выпустила этотъ испорченный ею народъ изъ своихъ лапъ и далеко еще то время, когда въ духовной немощи сартовъ совершится кризисъ... Но я не вижу надобности распространяться здѣсь объ этомъ, также какъ и объ ученіи Магомета, и переходу къ описанію *одежды сартовъ*, заранѣе извиняясь за множество мѣстныхъ словъ, не лишннихъ для этнографіи. Начну съ того, что мужчины брѣютъ головы и прикрываютъ ихъ *мурмоками*, *ярмоками*, или *тубетейками*, какъ хотите—называемыми здѣсь *калляпушъ*, *такія*, *тютъ* и не отличающимися формою своею отъ тѣхъ, которыя носятъ наши русскіе татары. Приготовленіемъ ихъ занимаются исключительно женщины. Калляпушъ шьютъ изъ канаса, бархата и другихъ матерій. Онѣ вышиваются шелками, серебромъ, золотомъ, унизываются жемчугомъ или ничѣмъ не украшаются. Это

зависитъ отъ достатковъ. Впрочемъ, золотыхъ тюбетеекъ казанскихъ и оренбургскихъ татаръ я не видѣлъ ни на одномъ сартѣ. На калляпушѣ навертывается *салля* или *чалма*. Чалмы бываютъ бѣлыя, шитыя золотомъ, шерстяныя и бумажныя разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ. Ташкентцы предпочитаютъ чалмы бѣлыя, а, напримѣръ, жители Ура-Тюбе, сѣрыя и вообще цвѣтныя: красныя, синія, желтыя и другія. Кромѣ того, по преимуществу купеческой чалмой считается синія или голубая, духовной или военной бѣлая. Вполнѣ сообразный съ климатомъ, головной уборъ этотъ имѣетъ разныя формы: чалмы духовныхъ, хановъ и знатныхъ стариковъ не высоки, но за-то непропорціонально раздаются во всѣ стороны и почти скрываютъ подъ своими полями иногда крошечное, морщинистое лицо какого нибудь имама, или бека, или казы; чалма военныхъ (сипаи) немного уже кверху; чалма купцовъ и массы—самая пропорціональная чалма. Строгую привилегію на свою чалму имѣютъ только первые изъ названныхъ мною представителей націи, т. е. духовные и беки; прочіе смертные не имѣютъ права носить чалму по образцу ихъ, но за-то фантазируютъ, какъ имъ угодно, и подѣ-часъ вовсе не надѣваютъ чалмы, что духовнымъ не позволяется. Обыкновенно чалмы носятъ и зимою и лѣтомъ. Шапки надѣваютъ люди бѣдные или дѣти,—но и то рѣдко.

Бѣлье сартовъ состоитъ изъ рубахи (яхтакъ), въ видѣ халата, нѣсколько ниже колѣнъ, съ одною лишь завязкою подъ локтемъ и панталонъ (штанъ) непременно съ гашникомъ и безъ прорѣхи. Рубахи муллъ называются *куйлюкъ* или *куйнекъ* и шьются на манеръ рубахъ русскихъ татаръ, съ гладкой грудью и съ завязками на плечахъ. На бѣлье идутъ русскія и мѣстныя ткани: ситецъ, шам, адрыя и мата, смотря по средствамъ. Ноги обертываются портянками, сверхъ которыхъ надѣваются *масы* — у нашихъ татаръ *ичиги*, т. е. почти тѣ же сапоги, только съ мягкой подошвой и безъ каблуконъ. *Масы* готовятся изъ сафьяна, саура и всѣхъ видовъ кожи, *Сауръ*—конская шкура, въ родѣ шагрена, выдѣланная особымъ способомъ съ помощію мѣднаго купороса, который привозится для этой надобности во всѣ среднеазіатскія ханства изъ Китая, въ видѣ китайской мѣдной монеты, многими сотнями пудовъ. Сауръ бываетъ разныхъ цвѣтовъ, но предпочитается зеленого и у татаръ въ Россіи цѣнится дорого.

Штаны заправляются за голенища масы. Сверхъ масы надѣваются—*каушъ*—галоши. Онѣ готовятся изъ тѣхъ же матеріаловъ и оригинальны по устройству каблуконъ и носковъ. Носокъ кауша, нѣсколько приподнятый, кончается тонкимъ ремешкомъ въ вершокъ длиною. На каблукъ употребляется та часть шкуры, отъ которой начинается хвостъ, причемъ оставляется и часть кожи съ рѣпицы. Придавши этому куску саура форму каблука, прикрѣпляютъ къ нему желѣзную, въ полвершка длиною и въ большой палецъ толщиной, цилиндрическую пятаку, чрезъ которую и пропускаютъ названную выше часть кожи съ рѣпицы, чрезъ это образуется весьма надежная опора по скользкимъ тропинкамъ, замѣняющимъ тротуары сартовскихъ городовъ. Для крѣпости и красоты каблукъ увиваютъ и оторачиваютъ тонкой мѣдной струной. Подошва сплошь увивается желѣзными гвоздиками съ выпуклыми шляпками. Вообще, каушъ очень оригиналенъ, крѣпокъ, и не смотря на кажущееся неудобство высокаго и остраго каблука, могутъ быть употребляемы всегда, не говоря уже о времени дождливомъ, когда улицы, а также и глубокіе овраги, пересѣкающіе городъ Ташкентъ въ разныхъ мѣстахъ, очень скользки. Не менѣе удобны каушъ и для горъ. Впрочемъ, ташкентцы употребляютъ каушъ и обыкновеннаго покроя, на подобіе туфель русскихъ татаръ, а также носятъ и сапоги собственного приготовленія, отчасти похожіе на русскіе.

Верхнюю одежду мужчинъ составляютъ: бешметъ или *камзолъ* короткій, узко-сшитый и легкій халатикъ иногда безъ рукавовъ, иногда съ рукавами по локти, перенятый отъ татаръ, и собственно халатъ (тушь), весьма любимый и почитаемый азіатцами вообще и, мнѣ кажется, сартами въ особенности. Почетный халатъ (сарпан) считается едва ли не лучшею наградою. Такъ это было и есть при всѣхъ ханскихъ дворахъ, такъ это подѣ-часъ и теперь при нашей администраціи. Тушь шьется изъ бархата, атласа и изъ всѣхъ мѣстныхъ матерій; халаты суконные и шерстяные зовутся *чекмень*. Халаты обшиваются галуномъ и вышиваются серебромъ и золотомъ. Халаты коканскаго хана по бортамъ унизаны жемчугомъ, а на спинѣ украшены изображеніемъ полумѣсяца и разными узорами тоже изъ жемчуга. Халатъ почти всегда на плечахъ сарта. Всѣ дѣти въ халатахъ. Богатые сарты носятъ по нѣскольку

халатовъ, одинъ на другомъ. На халатъ надѣвается *пустунъ*—*нууба*, такого же покроя, какъ и халатъ; *пустунъ* шьется изъ тѣхъ же матерій и на разныхъ мѣхахъ: бараньемъ, волчьемъ, кашачьемъ и другимъ, вообще здѣсь, сравнительно съ Русью, недорогихъ. Поясъ сартовъ (*билябау*) состоитъ или изъ простаго ремня, или изъ широкаго ремня, или куска бархата, расшитыхъ шелкомъ съ массивными, серебряными позолоченными съ камнями, пряжками по концамъ, или, наконецъ, изъ широкаго длиннаго кушака, нѣсколь-
ко разъ обернутаго вокругъ талия. Пояса послѣдней категоріи употребляются изъ мѣстныхъ матерій всѣхъ цвѣтовъ и достоинствъ. Въ безчисленныхъ складахъ ихъ сарты прячутъ иногда деньги, и писъма и т. п. Съ лѣвой стороны къ поясу прикрѣпляются въ простыхъ или цвѣтныхъ и расшитыхъ кожаныхъ, сафьянныхъ футлярахъ: *пчакъ* (ножъ) не складной, съ нѣсколькими загнутыми и острыми концами, *кайракъ* (брусокъ), *бигисъ* (шило), *дукертъ* (ножницы для бороды, усовъ и т. п.), *чакмакъ* (огниво), *халам-данъ* (кошелекъ) въ видѣ продолговатаго прямоугольника) и *таракъ* (гребень) изъ кости или тута, для чего кусокъ этого дерева зарываютъ въ землю на цѣлыя годы. Отъ этого дерево будто-бы чернѣетъ, дѣлается гибкимъ и употребляется на гребни, которые зовутся *абносъ-таракъ*. Шальвары или *шимъ* сарты шьютъ изъ сукна и другихъ матерій, а также изъ кожи, выдубленной особымъ способомъ и окрашенной красной или желтой краской. Они бываютъ необыкновенно широки и расшиты шелками. Въ городѣ шальвары не употребляются, но отправляясь въ дорогу, по обычаю, верхомъ, сарты хотя и не всѣ, надѣваютъ ихъ поверхъ халата, полами котораго обвертываютъ ноги. Также дѣлаютъ это киргизы и казаки оренбургскіе и уральскіе, создавши поэтому глаголъ, подшаровариваться. Галстуховъ, кашне, плакатовъ и т. п. сарты не употребляютъ; напротивъ, шея и верхняя часть груди у нихъ почти всегда наружу. Перчатокъ или чего либо въ этомъ родѣ, нѣтъ и въ поминѣ; ихъ замѣняютъ длинныя рукава халата, или шубы. Впрочемъ, здѣсь почти не бываетъ нашей суровой зимы. Одежда мальчиковъ ничѣмъ не отличается отъ одежды взрослыхъ.

Туалетъ сартовъ несложенъ. Онъ начертанъ шаригатомъ и заключается въ томъ, что каждый мусульманинъ долженъ

имѣть, по возможности, чисто выбритую голову, и нѣкоторыя другія части тѣла, долженъ подстригать усы, и если онъ вполне располагаетъ временемъ, то мыться, по крайней мѣрѣ, 5 разъ въ день, передъ каждымъ намазомъ. Омовенія эти, называемыя *да-ретъ*, имѣютъ свои приемы и сопровождаются обыкновенно бормотаніемъ соответствующихъ дѣлу молитвъ. Впрочемъ, обряды эти во всей ихъ тонкости, составляютъ принадлежность сословій привилегированныхъ; масса по этой части невѣжественна за недосугомъ. Точно также только привилегированнымъ сословіямъ доступны бани; чернь купается въ арыкахъ, въ рѣкахъ и неприхотлива относительно бѣлья. Вслѣдствіе этого, при содѣйствіи здѣшняго зноя, ей присущи многія оригинальныя набожныя болѣзни, доселѣ нетронутыя наукой. Сартовскіе паразиты общи всѣмъ націямъ. Всякаго рода косметики составляютъ принадлежность сартинокъ, а потому я поговорю о нихъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь-же можно замѣтить лишь то, что не только косметики, но даже излишнее употребленіе въ одеждѣ шелка считается въ солидномъ мусульманинѣ чуть-ли не грѣхомъ, и на этотъ предметъ существуютъ въ законахъ и обычаяхъ указанія; но вдаваться въ подробности я не буду и ограничусь лишь описаніемъ бритья головы нѣкоему Сарымсаку-датхѣ, (*) сановнику коканскаго ханства. Это было въ Коканѣ. Сарымсакъ-датха былъ приставомъ при нашей миссіи и жилъ съ нами въ одномъ домѣ. Въ одно прекрасное утро онъ вздумалъ заняться туалетомъ. *Сертрушъ* (цирульникъ) изъ ближайшей лавки, довольно грязной наружности сартъ, усадилъ Сарымсака-датху на крыльцо, повязалъ ему на шею кусокъ маты (бумажная матерія), когда, то бѣлой, но въ данную минуту пропитанной саломъ и грязью; сказалъ: бисмилля, т. е. во имя Бога, и плеснулъ рукою на голову сановника теплой воды, которая стояла тутъ-же въ посудинѣ весьма подозрительнаго вида. Послѣ этого *цирульникъ* принялся тереть голову пристава по всѣмъ направленіямъ, повторяя: бисмилля; гладилъ шею и какъ-бы выводилъ брови и усы. Датха сидѣлъ неподвижно. Убѣдившись, что кожа распарена достаточно, *цирульникъ* вынулъ изъ-за пазухи своеобразной формы бритву, не помню обо что поточилъ ее

*) Датха-званіе равное нашему полковнику.

и началъ брить съ затылка. Бритва шла отлично. Хотя мыла не было и въ поминѣ, хотя черные волосы датха видимо были жестки и густы, но ихъ не стало очень скоро; вмѣстѣ съ грязью съ головы они были уже чуть не у самого носа пристава на томъ лоскутѣ маты, который висѣлъ у него на шеѣ-обстоятельство объясняющее некрасивый цвѣтъ этого запона. Расправившись съ головой, цирюльникъ спряталъ бритву и принялся за бакенбарды пристава. Онъ протергалъ ихъ небольшими щипцами, потомъ согласно обычаю и даже шаригата (закона), безобразно подстригъ надъ губою часть усовъ, причемъ безъ церемоніи дулъ сановнику въ носъ и, наконецъ, сдернулъ запонъ. Туалетъ былъ конченъ, осталось, по обычаю, размять и расправить кости. Бросивъ на землю запонъ, цирюльникъ нагнулъ датху впередъ и началъ мять и гладить ему спину, произнося: бисмилля.... Онъ теръ ему руки, бока, шею, гладилъ выбритую голову, все время непокрытую, хотя было 26 декабря, т. е. на Руси наши рождественскіе морозы, — и, въ концѣ концовъ, съ какимъ-то особенно-комичнымъ выраженіемъ физиономіи и жестикомъ цирюльникъ, глядя головой ловко перешелъ руками на лицо датхи, провелъ обоими большими пальцами по бровямъ сановника, указательными по усамъ и потомъ, поджавъ руки, смиренно, съ поклонами, отошелъ въ сторону. Датха всталъ, потянулся надѣлъ свою ярмолку и далъ цирюльнику *тенге*, т. е. 20 к. Таковъ туалетъ сановника и по немъ должно судить о туалетѣ обыкновенныхъ смертныхъ.

Сарты племѣ довольно красивое, хотя и не совсѣмъ статное. Правильный овалъ лица, орлиный носъ, большіе глаза и черная борода попадаются не рѣдко. Встрѣчаются между сартами блондины, есть даже и совсѣмъ рыжіе. Особенно высокихъ мужчинъ я часто не встрѣчалъ, за то видѣлъ карлика, лѣтъ 60, не болѣе аршина ростомъ. Сарты въ большинствѣ люди полные. *Саудакегъ* — (купцы) и *касинъ* (ремесленники) какъ будто болѣе и нѣжнѣе черноработныхъ — *мердкерогъ*. Рыбые сарты встрѣчаются рѣдко; за-то женщины-мусульманки въ большинствѣ работавы. Объяснить эту оригинальную особенность здѣшняго прекраснаго пола, а также повѣдать что либо относительно медицины сартовъ, я не берусь. Слышалъ, правда, что у сартовъ есть знахари и знахарки, исцѣляющіе всевозможные

душевные и тѣлесные недуги кровью двухъ голубей и т. п.; знаю, что сарты выработали кое-какія противоядія; напримѣръ, опій они употребляютъ противъ скорпіоновъ и т. п., но и только. А интересно было-бы, путемъ науки, прослѣдить и разоб- рать эту сторону жизни народа и потомъ примѣнить къ дѣлу все то, что окажется дѣйствительно полезнымъ.

Дѣти сартовъ, какъ мальчики такъ и дѣвочки, бываютъ очень красивы и нѣжны.

Сарты миролюбивы и почитательны до униженія. Они въ этомъ отношеніи неразборчивы. Изъ собственныхъ наблюденій я знаю, что стоитъ только нашей администраціи поднять изъ среды ихъ, хоть и недостойнаго, они начинаютъ передъ нимъ раболоп- ствовать. Изъ этого неизбѣжно вытекаетъ другое качество сар- товъ — они честолюбивы.

Сарты любятъ деньги и торговлю. Это проявляется даже въ дѣтяхъ. Купцовъ и вообще торгующихъ между сартами очень много; имѣющій 20—30 рублей уже непременно чѣмъ нибудь торгуетъ, или вообще занимается какими нибудь оборотами своего капита- ла. Въ этомъ отношеніи у сартовъ много общаго съ евреями, по- добно которымъ они слабы духомъ, незавидные наѣздки и во- обще плохіе войны. За деньги изъ сарта, само собой не изъ всякаго, можно сдѣлать все, въ особенности если онъ бѣденъ; за деньги сартъ не пожалеетъ ничего, даже добраго имени своей семьи.

Нищихъ сартовъ не очень много, хотя и между ними все-таки есть такіе, что могли бы промыслить кусокъ хлѣба. Молодой, вы- сокій и здоровый нищій, немного вмѣстѣ съ тѣмъ и юродствующій, на вопросъ мой: зачѣмъ онъ не работаетъ, а нищенствуетъ и лезаетъ на базаръ? очень серьезно отвѣчалъ: это осталось мнѣ отъ моего отца и дѣда... Нищенство и юродство въ натурѣ сар- товъ. Большинство мѣстныхъ мусульманскихъ святыхъ были юро- дивые, дуана, одержимые падучей и т. п. Они передали намъ свою въ потомство, оставивъ ему титулъ ишана, который, впро- чемъ, легко пріобрѣтается и вновь. Стоитъ только напустить на себя побольше дури, чудачества во вкусъ ислама и затѣмъ весьма легко прослыть блаженнымъ. Дуана встрѣчаются во всѣхъ горо- дахъ Средней Азіи и принадлежать къ разнымъ орденамъ, — или представляютъ собою особи. Въ Ташкентѣ очень много дуана, при-

надлежать къ ордену Накшбэнди, основанному Бага-эдиномъ. Этотъ юридическій сдѣланный недалеко отъ Бухары и пользуется большимъ уваженіемъ средне-азіатцевъ. Орденъ Накшбэнди разсѣянъ по всему мусульманскому востоку. Онъ представляетъ собою что-то въ родѣ общины и одинъ изъ догматовъ этого ордена заключается *во взаимномъ оспоможениіи*. Члены Накшбэнди богаты; неумѣренно употребляютъ опиумъ и т. п. Всѣ они холосты; впрочемъ къ ордену пристають иногда и мірапы. Въ Ташкентѣ дуана Накшбэнди живутъ въ части города наз. Бишъ-агачъ. Все это молодой и здоровый народъ, обратившій нищенство въ ремесло.

Ремесленниковъ въ Ташкентѣ, сравнительно съ *кутими*, не много; но ремесла все-таки и здѣсь имѣютъ своихъ представителей. Сарты выработали своихъ *портныхъ, сапожниковъ, кузнецовъ, хлѣбниковъ, столяровъ, красильщиковъ, штукатуровъ* и т. п. Даже имѣется въ Ташкентѣ самоучка *часовщикъ изъ сартовъ*, хотя часы между сартами очень рѣдки. Словомъ, — сарты годны на всѣ руки, но бѣда лишь въ томъ, что произведенія ихъ не всегда могутъ удовлетворить вкусу европейца. У сартовъ много продуктовъ годныхъ къ разработкѣ, но нѣтъ прогресса въ техникѣ. Впрочемъ, сарты и во многомъ другомъ почти первобытны, а потому русскихъ мастеровыхъ сюда нужно больше. Сарты очень воспримчивы. Въ Ташкентѣ появились уже весьма порядочные мастера съ русскими приемами и инструментами. Таковы: столяры, печники (мы знаемъ, что у сартовъ печей нѣтъ) и т. п. Они значительно обогнали уже своихъ собратіевъ первобытныхъ *устатъ*. т. е. мастеровъ — отживающаго поколѣнія; они между прочимъ построили въ Ташкентѣ *русскій кварталъ*. Безъ сомнѣнія, время также благотѣльно повліяетъ и на другія отрасли промышленности сартовъ, въ томъ числѣ и на фабричную. Но фабрикъ собственно въ Ташкентѣ нѣтъ никакихъ. Въ Ташкентѣ фабрикуются въ незначительномъ количествѣ лишь *мата* и нѣкоторые другія бумажныя матеріи. *Шелкомъ*, во всѣхъ видахъ, Ташкентъ снабжается изъ Кована, Ходжента и Бухары. Ташкентъ по преимуществу городъ *земледѣльскій* и торговый. О торговлѣ Ташкента было сказано выше; а о *земледѣліи* и вообще о домашнемъ хозяйствѣ сартовъ мы поговоримъ здѣсь.

Огромное большинство жителей Ташкента занимается земледѣліемъ. Европейскій агрономъ найдетъ бы, что искусство пахать землю находится здѣсь въ младенствующемъ состояніи и что только плодородная почва и благодостовенный климатъ кормятъ здѣшнее населеніе. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ половинѣ февраля снѣгу не видно уже нигдѣ, кромѣ горъ, да и у нихъ подошва, въ это время, уже пестрѣетъ. На рынкахъ въ эту пору продають множество дикихъ утокъ; ансты занимають свои старыя гнѣзда на куполахъ мечетей; въ полдень землекопы работаютъ въ однихъ панталонахъ, сверкая на солнцѣ смуглыми лоснящимися спинами... Словомъ, въ половинѣ февраля наступаетъ весна, а съ нею и рабочая пора.

Пашни и плантаціи ташкенцевъ находятся кругомъ города по р. Чирчику, а за этой рѣкой, у подножія горъ Каратау, или въ самыхъ горахъ, которыя видны изъ Ташкента. Не знакомый съ дѣломъ, я не берусь говорить о качествахъ здѣшней почвы. Скажу лишь, что въ долинахъ она состоитъ преимущественно изъ глины съ небольшимъ количествомъ песку и, говорятъ, вообще плодородна. Да иначе и быть не можетъ: при вопіющемъ несовершенствѣ здѣшнихъ земледѣльческихъ орудій и патентованной лѣни сартовъ, — народа съ наклонностями преимущественно торговыми, — при убійственномъ зноѣ лѣтомъ и почти постоянныхъ политическихъ смутахъ, бывшихъ доселѣ, страна должна была бы часто голодать, между тѣмъ этого и старики не запомнятъ.

Плугъ сартовъ (тышъ) состоитъ изъ кривой лѣсины, напоминающей собою нѣсколько французское рукописное S, верхнимъ концемъ котораго правитъ пахарь, а нижній деретъ землю съ помощію чугунаго лемеха. Плугъ приводится въ движеніе паромъ воловъ, припряженныхъ къ дышлу, состоящему изъ жерди, вдѣланной однимъ концомъ въ середину названной выше каракули. Отрѣза нѣтъ. Глубина борозды до 2-хъ вершковъ. Кончивъ работу, пахарь снимаетъ лемехъ, и, прицѣпивъ его къ поясу, уноситъ домой... Такъ тяжелъ этотъ инструментъ, и такъ много въ немъ общаго съ нашими земледѣльческими орудіями! Тѣмъ не менѣе въ день сартъ распахиваетъ подобною машиною одинъ кунлюкъ, или около 2-хъ танаповъ, т. е. 650 квадр. печатныхъ сажень.

Борона сартовъ (мала) состоитъ изъ двухъ жердей, сложенныхъ крестообразно. Въ одну жердь вбивается нѣсколько деревянныхъ зубьевъ; къ другой припрягаются быки. Оратай стоитъ на точкѣ пересѣченія жердей и правитъ волами.

Говорятъ, ташкентскій мулла Губай (изъ русскихъ татаръ) пробовалъ пахать здѣшнюю землю русскимъ плугомъ и боронить русскою бороною, но на пашняхъ его будто бы ничего не выросло. Не мало дивились этому, ташкентцы и, конечно, вывели свои заключенія, полныя фанатизма и престоудія. Да мало ли чего не удавалось тутъ предприимчивому Губаю! Говорятъ, чугунный заводъ затѣянный имъ когда-то въ верховьяхъ р. Тирчика, въ компаніи съ Хаджи-Юнусовымъ разорилъ ихъ обоихъ, благодаря просвѣщенному взгляду на промышленность прежнихъ владѣтелей здѣшней мѣстности. Но теперь наступила иная пора, — и горы, и доли здѣшняго края ожидаютъ предприимчивыхъ колонистовъ. Желательно лишь полнѣйшее выясненіе и примѣненіе къ здѣшней мѣстности законовъ торговыхъ, промышленныхъ и о горномъ дѣлѣ.

Количество распаханной и засѣваемой земли зависитъ отъ средствъ земледѣльца.

Люди состоятельные поднимаютъ 50 и болѣе танаповъ или десятинъ. Впрочемъ, танапами мѣряется только клеверъ, сады и багчи, или овощныя плантаціи. Мѣра земли подъ прочими произведеніями, какъ и выше сказано, называется кунлюкомъ и содержитъ въ себѣ около 2-хъ танаповъ.

Подобно нашимъ пахарямъ и между сартами есть такіе, что берутся распахать известное число кунлюковъ изъ-за 3 или 4 частей урожая, или за деньги.

Напримѣръ, ремесленникъ (касипъ), привязанный къ своимъ занятіямъ и къ городу, всегда отдаетъ на обработку свою землю съ тѣмъ, чтобы по уборкѣ хлѣба получить известную часть урожая.

Засѣвъ и уборка произведеній здѣшней почвы, довольно разнообразныхъ, происходятъ не одновременно и на разныхъ условіяхъ; а потому о каждомъ родѣ произведеній я скажу по нѣскольку словъ особо.

Подъ *пшеницу* (богдай) пашутъ или съ осени и тогда же засѣваютъ, или весной въ мартѣ. Но осени нарочно травятъ всходы

конскими табунами и оставляютъ нивы на произволъ зимы. Но снѣгъ не приноситъ имъ ни малѣйшаго вреда и въ маѣ, іюнѣ съ нихъ собираютъ урожай. Весенняя распашка начинается въ мартѣ; засѣвъ бываетъ въ началѣ апрѣля и сборъ въ августѣ. Орошеніе производится арыками (ирригаціонными канавами) и только 3 раза за все лѣто. Лѣтніе дожди и грозы здѣсь рѣдки. Засухи и вредныя росы бываютъ иногда причиной гибели пшеницы и хлѣба вообще. Саранчи собственно здѣсь нѣтъ, но должность ея исправляетъ *конекъ* (или кобылка, у сартовъ — *малахъ чигертке*), уничтожая въ иные годы все къ чему прикасается. Противъ кобылки никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ сарты не имѣютъ и не предпринимаютъ; между тѣмъ, насѣкомое это вредно и для лошадей: хвативъ травы, тронутой кобылкой, лошадь кружится на одномъ мѣстѣ и умираетъ. Деревни Науганды и Куркетъ, въ окрестностяхъ Ура-тубе, испытываютъ это почти каждый годъ.

Способъ снятія пшеницы и хлѣба вообще очень простъ: *серпъ* сартовъ загнутъ круче нашего и не имѣетъ зубцовъ. Въ этомъ вся разница. Въ посадбное время стали появляться и русскія косы.

По снятіи, пшеница лежитъ на полѣ въ крестообразныхъ скирдахъ или копнахъ около мѣсяца. По мѣшью сартовъ, въ это время наливается зерно. Потомъ хлѣбъ свозятъ на гумно и молотятъ. Для молотбы снопы складываютъ какъ и у насъ, кругомъ; въ центрѣ вбиваютъ колъ, вяжутъ къ нему нѣсколько воловъ и гоняютъ ихъ кругомъ шагомъ. Вѣютъ лопатами. Урожай пшеницы, какъ и другихъ произведеній, опредѣлять не берусь. Онъ весьма разнообразенъ, что я замѣтилъ изъ непохожихъ одна на другую цифръ, сообщенныхъ мнѣ туземцами; но вообще урожай здѣсь должны быть хороши и о дороговизнѣ хлѣба не слышно. Часть пшеницы употребляется сартами на себя, остальная продается въ зернѣ, мукѣ и хлѣбѣ исключительно въ видѣ прѣсныхъ лепешекъ (нанъ).

Средняя цѣна пшеницы на ташкентскомъ базарѣ простирается до 5 руб. 50 и 60 к. сер. за батманъ, т. е. за 10^{1/2} пудовъ или 50 слишкомъ коп. за пудъ *).

*) Съ приходомъ нашихъ здѣсь все значительно удорожалось.

Ячмень (арпа) всегда засѣвается весной и убирается, какъ пшеница. Ячменемъ исключительно кормятъ лошадей. Продается до 4 руб. 50 коп. за батманъ.

Просо (тарыкъ) сѣютъ или весной, или позднимъ лѣтомъ на тѣхъ же самыхъ пивахъ, съ которыхъ только что сняли пшеницу. Если не выбить просо вѣтрами, въ особенности однимъ теплымъ, называемымъ *гаримсель*, вреднымъ и для человѣка, то урожай проса бываетъ лучше пшеницы. Видоизмѣненіе проса — *кунак* мельче его и дешевле. Батманъ проса стоитъ 4 р. 50 коп., *кунаку* 4 руб. сер. Изъ проса варятъ кашу и *бузу* нѣчто въ родѣ молодого пива, напитокъ, замѣняющій сартамъ водку, запрещенную кораномъ. *Буза* съ большимъ успѣхомъ исправляетъ обязанности водки, а потому посвящаю ей нѣсколько словъ. Вотъ ея рецептъ: потребное количество проса трое сутокъ мочать въ теплой водѣ; на четвертый день, сливъ воду, пересыпаютъ просо въ котелъ и, прибавивъ бараньяго сала и воды, варятъ до того, что образуется очень густая масса, которую, остудивъ, вынимаютъ лопаткой на чистыя циновки, а потомъ складываютъ въ глиняную корчагу, пересыпая мукой, приготовленной изъ проросшаго проса. Эту оригинальную закуску бузовары всегда имѣютъ въ запасѣ. На утро, когда буза начнетъ шипѣть, ее мнутъ руками, на другой день, разбавивъ двойнымъ количествомъ воды, пьютъ. Этимъ же способомъ готовится буза изъ кукурузы, джугары и риса. Сарты и киргизы очень любятъ бузу. Ее пьютъ даже ханы. Наши солдатики и казаки тоже очень полюбили бузу за ея дешевизну и способность опьянять, какъ нельзя лучше. Четверть ведра стоитъ 20 и 30 коп. сер. и этого достаточно, чтобы захмѣлѣть двоймъ. Бузѣ приписываютъ цѣлебныя свойства, въ особенности весной, когда только что начать пробиваться на деревьяхъ почки.

Кукуруза (мяхке - джугары) засѣвается ташкентцами весной вмѣстѣ съ овощами, но въ незначительномъ количествѣ. Огромныя плантаціи кукурузы находятся будто бы за Дарьей въ предѣлахъ Коканскаго ханства, въ особенности близъ кишлака Карасу. Кукурузой кормятъ иногда лошадей, а изъ муки пекутъ и лепешки, но ѣсть ихъ можно пока онѣ горячи, иначе, зачерствѣвъ, онѣ бываютъ не вкусны. Продается кукуруза до 4 руб. 50 коп. за батманъ.

Видъ кукурузы *джугара* (бѣлая и красная), подобно кукурузѣ, сѣется послѣ пшеницы, а снимается поздней осенью, когда наступаютъ морозы. Джугару мѣляютъ и пекутъ изъ этой муки лепешки; немолотая джугара идетъ на кашу, или на кормъ лошадямъ, которые отъ этого будто бы очень скоро жирѣютъ. Джугара сѣется рѣдко, дабы кистямъ ее не было тѣсно. Урожай джугара и кукурузы бываютъ очень хороши. Мѣра джугары въ пудъ стоитъ тенге (20 к. сер.) и болѣе.

Рисъ (бринчъ или грюнчъ) обрабатывается сложнѣе другихъ продуктовъ. Земля подъ рисъ готовится ранней весной, когда плантацію предварительно сплошь затопляютъ водой черезъ ирригаціонныя каналы, потомъ, спустивъ воду, взрываютъ землю мотыгами. Мотыги сартовъ круглы и называются *кетмень*. Опѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и лопаты. Кетменемъ сартъ бросаетъ землю по какому угодно направленію довольно далеко и ловко. Послѣ мотыгъ рисовую плантацію пахутъ, боронуютъ и засѣваютъ неочищенными отъ верхнихъ покрововъ зернами риса, называемыми *шалы*. По снятіи съ корня часть урожая оставляется не толченой; зерна бываютъ въ оболочкахъ. Это и есть шалы. Изъ него готовится толчеями (абджуасъ) собственно рисъ или бринчъ, употребляемый на пилавъ или, правильнѣе, палау. Кому неизвѣстно это азіатское кушанье? Шалы можетъ храниться безъ порчи 3—4 года. Цѣна риса до 11 руб. 50 коп.; шалы до 5 р. 50 к. за батманъ.

Русскій горохъ (бурчакъ) сѣется весной и снимается осенью вмѣстѣ съ прочимъ хлѣбомъ. Продается до 3 руб. 50 коп. за батманъ.

Машъ-ямыкъ и *Нахутъ*, виды мѣстнаго гороха, примѣшиваются къ рису и употребляются въ палау. Цѣны: до 7 руб. батманъ.

Ленъ (зыгыръ) засѣвается ранней весной. Изъ сѣмянъ его гонятъ или, вѣрнѣе сказать, давятъ масло, употребляемое въ пищу; выжимками кормятъ коровъ и верблюдовъ. Волокна стебля въ дѣло нейдутъ: ими топятъ, или кормятъ рогатый скотъ. Это объясняется дешевизной хлопка, фунтъ котораго, въ видѣ нашей хлопчатой бумаги, лучшаго качества, стоитъ здѣсь 25 коп. сер. Ленное сѣмя продается до 3 руб. 50 коп. за батманъ. Фунтъ масла стоитъ 10 к. сер.

Кунджутъ и *махсаръ*, виды семя, изъ которыхъ приготовляется масло, употребляемое въ пищу. Кунджутъ, продають до 9 р. 50 коп. за батманъ.

Клеверъ (биде, джунушка) зашивается осенью и весной. Весенние урожаи пополамъ съ ячменемъ бываютъ лучше. Въ течение лѣта клеверъ снимають 4 раза. Затѣмъ будто-бы сряду 10 лѣтъ, плантація даетъ такіе же урожаи, не требуя новыхъ зашивовъ и довольствуясь единственно поливкой 4 раза передъ каждымъ съемомъ урожая. На кулиють уходить до 20 фунт. сѣменъ. Клеверъ продается отъ 2 до 4 руб. сер. за сотню сноповъ въ 10 фун. каждый. Клеверомъ кормятъ преимущественно лошадей.

Хлопокъ (гуза) сѣется весной и до осени снимается 4 раза. Употребленіе хлопка здѣсь очень обширно и разнообразно, хотя обработка его навѣрное не выдержитъ европейской критики. Урожаи хлопка, надо полагать, хороши, если вся одежда здѣшняго населенія готовится изъ хлопка. Говорятъ, за Дарьей, въ предѣлахъ кокандскаго ханства, плантаціи хлопка и урожаи съ нихъ великолѣпны.

Табакъ (темеке), родится въ значительномъ количествѣ около Чиназа, въ 60 верстахъ отъ Ташкента. Сарты готовятъ его по своему способу и курятъ въ кальянахъ. нюхаютъ табакъ многіе, но за-то почти все кладутъ молотый табакъ въ ротъ. Батманъ табаку стоитъ до 20 руб. сер.

Макъ (жонгаръ), даетъ сартамъ масло, низкіе сорта онія въ лепешкахъ (беишъ и наша) и одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ маковицъ. То и другое разрушительно, какъ и настоящій опиумъ. Въ Ташкентѣ дружное общество любителей этихъ наркотикъ представляютъ дуана (юродивые), принадлежащіе къ ордену Накшбанди. Батманъ маку продается до 16 руб. Оній въ чистомъ видѣ привозится въ Ташкентъ изъ Кашгара.

Марена (руанъ), зашивается обыкновеннымъ способомъ и черезъ 3 года въ четвертый корни ея употребляются, какъ красильное вещество.

Все вышеназванные предметы зашиваются въ поляхъ. Скажу нѣсколько словъ о *садахъ* и *огородахъ*.

Сады окружаютъ Ташкентъ со всѣхъ сторонъ, на большое разстояніе, кромѣ восточной стороны; но и тутъ имѣется казенный

садъ или точнѣе, роща *Минъ-урюкъ* и садъ *Масауръ-бін*. Много садовъ и въ срединѣ города, такъ, что саблей почти невидны между растительностью, вслѣдствіе чего, городъ похожъ на лѣсъ, состоящій изъ красивыхъ, высокихъ *тополей*, *яблонь*, *грушъ*, *сливъ*, *дуль*, *вишни*, *винограда*, *урюка*, *тута*, *джиды*, *айвы*, *вереска*, *чинаръ*, *дуба*, *вяза*, *орышника* и въ незначительномъ количествѣ *фисташкового* и *миндального деревьевъ*. Повсюду орошенные водою черезъ каналы, сады представляютъ единственное убѣжище отъ зноя. Про обиліе фруктовъ и дешевизну ихъ нечего и говорить. Въ сухомъ видѣ ерде-азіатскіе фрукты продаются почти въ каждомъ русскомъ городѣ.

Овощи сѣются преимущественно въ полѣ. Ташкентскіе и въ особенности кокандскіе *арбузы*, *дыни*, *тыквы* и *огурцы* разныхъ породъ очень велики, вкусны и дешевы. *Гуна* достигаетъ до 1 четверти въ діаметрѣ; почти такой-же величины бываютъ *луковицы*. *Марковь*, *редька*, *лукъ*, *свекла* и *капуста* садятся преимущественно въ огородахъ при садахъ. *Картофель* появился въ Ташкентѣ будто бы не болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, по милости названнаго выше муллы Губая и воздѣлывается лишь въ Губай-кышлакѣ, деревнѣ, основанной этимъ муллою, въ 8-ми верстахъ отъ Ташкента, на рѣкѣ Саларѣ (Ногай-Курганъ).

Цѣна овощей, за батманъ, на ташкентскомъ базарѣ, рѣдко превышаютъ нижеслѣдующія цифры:

Лукъ	до 2 р. 50 к.
Марковь	» 1 » 50 »
Свекла	» 1 » 50 »
Рѣпа	» 1 » 50 »
Редька	» 1 » 50 »

Припожимъ, что ташкентскій батманъ содержитъ въ себѣ 16¹/₂ пудъ и что названные овощи, не исключая и дынь, весьма крѣпко. корыхъ, если можно такъ выразиться, продаются на ташкентскомъ базарѣ, во множествѣ круглый годъ.

Цветоводство, неразлучное съ садоводствомъ у насъ, весьма любимо и ташкентцами; но перечисленіе здѣшнихъ цвѣтовъ и описаніе ухода за ними, поведутъ насъ слишкомъ далеко и при моемъ незнакомствѣ съ предметомъ не принесутъ ни малѣйшей пользы.

По этимъ же простымъ причинамъ, не предлагаю и картины здѣшней растительности, которую можете представить себѣ уже и потому, что въ началѣ марта, мальчики продаютъ подсеѣжники, почка вербы лопаются скотъ выгоняю тѣ въ поле.

Естатѣ поговоримъ о *скотоводствѣ* и другихъ занятіяхъ ташкентцевъ.

Домашній скотъ у сартовъ составляютъ: а) *лошади* мѣстной породы (аргамаки), красивыя, легкія и быстрыя животныя, хотѣ и не совсѣмъ годныя, на примѣръ, въ нашемъ русскомъ климатѣ. При томъ же хорошихъ заводовъ въ Ташкентѣ нѣтъ *); б) *рогатый скотъ*—мелкій, исключительно темныхъ мастей, въ противоположность рогатому скоту Малороссіи и Новороссіи, преимущественно бѣлому и крупному; в) *ослы* (ишаки), сильные и переносливые, въ особенности при перевозкѣ тяжестей, и д) *бараны*, употребляемые исключительно въ пищу. Той роли, какую играютъ они въ русско-европейской торговлѣ, здѣсь имъ не суждено и пригоняемые въ Ташкентъ изъ киргизскихъ степей, они поступаютъ исключительно въ палау.

Изъ *домашней птицы*, ташкентцы водятъ только *куръ* разныхъ породъ: русскихъ, голландскихъ, кохинхинскихъ и даже какихъ-то, будто-бы арабскихъ.

Пчелъ сарты не водятъ вовсе.

Разведеніе *шелководичаго червя* въ Ташкентѣ, незначительно, но огромныхъ размѣровъ достигаетъ въ Ходжентѣ, Наманганѣ, Боканѣ и Маргланѣ. Изъ нихъ занятъ нами только Ходжентъ.

Рыболовство въ незначительномъ размѣрѣ и съ недавняго времени производится сартами въ Чирчикѣ и Саларѣ, рѣчкахъ, впадающихъ въ Сыръ-Дарью. Водятся: *сомъ*, *щука*, *сазанъ* (карпъ), *налимъ*, *лещъ*, *окунь*, *карась* и *усачъ*; но ташкентцы ѣдятъ рыбу рѣдко и мало, предпочитая ей говядину и баранину, хотя по корану рыба считается самою чистою пищею.

Въ арнакахъ живетъ одна небольшая рыбка; сарты зовутъ ее *Иланъ-балыкъ* (змѣя рыба), а русскіе люди—*маринка*. Говорятъ, что у ней ядовитая игла, но отложимъ ее на долю специалистовъ...

*) Кроме только что открытаго казеннаго.

Они узнаютъ лучше насъ и скажутъ намъ. Говорятъ, это одинъ изъ многихъ видовъ *форели*.

Вотъ и всѣ главные статьи общественнаго хозяйства ташкентцевъ.

Принявъ во вниманіе, что очерки наши не ученые разслѣдованія, помиримся съ краткостью написаннаго и, отъ души пожелавъ здѣшнему народному хозяйству новыхъ началъ—поговоримъ о *сартанкахъ*. Мы совсѣмъ о нихъ забыли, между тѣмъ онѣ не лишены интереса. Мы начнемъ опять съ одежды.

Сартянки повязываютъ голову платкомъ (урамалъ) преимущественно изъ бѣлой кисеи. Богатые носятъ настоящую индійскую, разшитую золотомъ или шелками. Щеголихи и львицы, сверхъ урамала, черезъ лобъ перетягиваютъ голову свернутымъ платкомъ на подобіе того, какъ унасъ перевязываютъ голову страдающимъ головною болью. Повязка эта называется *джорра*. Сорочка женщины (куйнекъ) застегивается или завязывается на груди или подъ горломъ. Воротъ и пазуха обшиваются широкой преимущественно черной шелковой или бумажной тесьмой съ бахрамою у стана. Щеголихи прищипываютъ къ этой бахрамѣ ключи отъ сундуковъ, имѣющихся у иныхъ только въ воображеніи. Обшивка эта (по-сартовски джіекъ) спарывается, когда рубаха поступаетъ въ мытье и нашивается на другую сорочку. Панталоны женщиныю покроемъ сходны съ мужскими, съ тою лишь разницею, что берцы ихъ очень узки, такъ что при надѣваніи, въ нихъ едва проходитъ ступня. Сорочка и панталоны шьются изъ разныхъ матерій по средствамъ. Впрочемъ, иногда въ видахъ экономіи, верхъ женскихъ панталонъ шьется изъ дешевой бумажной матеріи, а низъ или собственно штанины изъ шелковой. Обувь женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ мужской. Верхнюю одежду женщины составляетъ *паранджи*—длинный почти до земли, преимущественно сянго цвѣта, халатъ, накидываемый на голову. Паранджи—халатъ шелковый, полшелковый или бумажный никогда не надѣвается въ рукава, да это и невозможно; рукава широкіе въ началѣ, весьма узки въ концахъ и, закинутые за спину, висятъ до пятъ. Тутъ концы ихъ сшиты крестомъ и разшиты шелкомъ. Безъ паранджи женщины на улицу не выхо-

дять. При этомъ онѣ закрываютъ лицо черными густыми сѣтками изъ конскихъ волосъ, пристегнутыми къ воротнику халата и называемыми чимметъ. Сѣтка непроницаема, и только развѣ съ боку удастся вамъ уловить линію иногда очень правильнаго профиля, или порывѣвшая и вѣтхая сѣтка обнаружить глаза и черныя брови. За неимѣніемъ черной сѣтки, носятъ бѣлую кисею. Одежда старухъ и дѣвушекъ отличаются отъ одежды женщинъ только тѣмъ, что старухи наворачиваютъ на голову, подобно мужчинамъ, небольшую чалму, а дѣвочки, до извѣстнаго возраста, не носятъ паранджи и чимметъ. Кромѣ этого, разница, въ женской одеждѣ состоитъ въ томъ, что старухи, какъ и у насъ, предпочитаютъ скромные темные цвѣта, тогда какъ молодежь увлекается такими сочетаніями красокъ, что ажъ глаза рѣжетъ, какъ взглянешь на иную щеголиху.—Подъ паранджи сартянки надѣваютъ теплые и холодные камзолы и легкіе халаты съ широкими рукавами, называемые *Мурсекъ*. Поясовъ сартянки не носятъ. Волосы чешутъ, какъ и всѣ женщины, съ проборомъ посрединѣ, оставляя небольшіе виски, которые зачесываются впередъ. Дѣвушки заплетаютъ пять косъ (бишъ-каукулъ). Выйдя замужъ, онѣ плетутъ только двѣ (джуауъ); а овдовѣвъ, молодыя снова заплетаютъ бишъ-каукулъ до новаго замужества. Недостатокъ волосъ пополняютъ чужими волосами. Къ косамъ прицѣпляютъ иногда монеты, ленты и амулеты (тумаръ). Помады сартянки не знаютъ вовсе, но изрѣдка употребляютъ вмѣсто нея масло. Брови и рѣсницы сурмятъ. Сурма порошокъ изъ листьевъ какой-то травы, разводимой въ огородкахъ. Румяна и бѣлила идутъ къ сартянкамъ изъ Россіи. Уши украшаютъ серебрянными серьгами (сырга). Зубы чернятъ особымъ составомъ (тишкалы) изъ толченой скорлупы фисташки (буджгунъ), квасцовъ и чернильных орѣховъ. Составъ этотъ держится на зубахъ дня два-три и, говорятъ, совершенно безвреденъ. Тѣмъ не менѣе многія не чернятъ зубовъ и зубы у нихъ ровны, бѣлы и блестящи. На шеѣ носятъ ожерелья стеклянныя или каралловыя. Тѣ и другія называются *марджанъ*. Кольца, перстни и запястья бываютъ золотые и серебряные съ эмалью, наведенною плохо. Ногти сартянки красятъ сокомъ какихъ-то ярко-красныхъ цвѣтовъ (хына). Для этого лепешки хына растираютъ вмѣстѣ съ какою-то спеціею и туго привязываютъ къ каждому ногтю. За ночь

ногти становятся красными. Записныя щеголихи и шалуньи, зажавъ того же состава въ кулакъ, засыпаютъ и утромъ хохочутъ надъ своими красными ладонями. Души сартянки замѣняютъ розовой водой (гулабъ) и какимъ-то растительнымъ масломъ (атыръ), привозимымъ будто бы изъ Стамбула, въслѣдствіе чего масло это очень дорого. Въ большомъ количествѣ оно имѣетъ рѣзкій своеобразный запахъ, не лишенный нѣкоторой пріятности; онъ испаряется изъ платья очень медленно.

Сартянки довольно красивы. Онѣ преимущественно брюнетки съ большими блестящими глазами. Въ сартянкахъ много женственности; въ большинствѣ онѣ весьма миниатюрны, но статнаго склада. Впрочемъ, встрѣчаются между ними и женщины высокія, стройныя, съ легкой поступью. Замѣчательно одно, что между сартянками много рябоватыхъ или совсѣмъ рябыхъ, но это все-таки не мѣшаетъ тому, что-бы сартянки вполнѣ подходили къ европейскимъ понятіямъ о красотѣ. Дѣвушекъ выдаютъ замужъ лѣтъ 13, 14, 15, а потому онѣ въ 30 лѣтъ, въ особенности при жизни одинокой и трудовой, становятся почти старухами. Много, конечно, содѣйствуетъ этому многоженство сартовъ и тотъ несчастный взглядъ мусульманъ на женщину, который загубилъ можетъ быть, не одну молодую жизнь; и проходить она въ забросѣ, безъ привѣта... Иныя жены терпѣливо и скромно переносятъ свою участь, другія, въ свою очередь, заводятъ любовниковъ... Имъ не страшны тогда ни шаригаты со всѣми его грозными догматами, ни все-знающій корыстный курбаши (городничій) съ его клеветами, ни тотъ особый списокъ, на который, волею курбаши, въ былое время попадала всякая замѣченная женщина и потомъ платила ему дань, не страшны побои мужа, ничто... Жизнь всегда беретъ свое, и сартянка всегда находила и доселѣ находитъ средства дышать вольнымъ воздухомъ, вопреки невѣдомыхъ ей уставовъ шаригата. Чувству нуженъ отзывъ.—Иначе зачѣмъ же эти пѣсни про соловья и розу, зачѣмъ это яркое солнце, эти сады,—зачѣмъ этотъ избытокъ силъ и страсти? А мужъ?... Мужъ или старъ, или любитъ другую жену, или въ лавкѣ, или наконецъ въ веселой компаніи поклонникъ мужской красоты... А она все одна и одна...

И вотъ, какъ и въ нашей русской жизни, является на сцену иѣкая добрая волшебница въ образѣ старухи. Она живетъ одиноко, бѣдно; она пришла навѣстить по родству или знакомству; ей жаль скучающую красавицу и проч. и проч. Старушка покровительственно провожаетъ красавицу на базаръ. Тамъ такъ прохладно подъ навѣсами лавокъ, хотъ и тяготятъ несносные паранджи и чимметъ, тамъ такъ хорошо пахнетъ мускусомъ и иѣжно, и страстно глядятъ изъ-подъ кисейной чалмы чьи-то черные глаза... Добрая фея-старушка! Она отворила чувству двери своей души, она отворить и всякія другія двери...

Да.—И духовный, и вѣншій міръ человѣка въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ своихъ имѣютъ одни непреложные законы, общіе всѣмъ народамъ.

Дома женщины шьютъ на семейство, прядутъ шелкъ и бумагу, готовятъ пищу и воспитываютъ, точнѣе кормятъ, дѣтей. Впрочемъ, люди богатые берутъ и кормилицъ. Удовольствія заключаются въ посѣщеніи товарокъ и прогулкѣ на базаръ. Черты характера, общія женщинамъ всѣхъ народовъ, не чужды и сартянкамъ: онѣ кокетливы, ссорятся и даже дерутся изъ-за пустяковъ и сплетничаютъ другъ на друга. Однѣ держатъ мужей въ рукахъ, другія—страдаютъ подъ игомъ и наконецъ перебѣгаютъ къ любовникамъ. Словомъ, сартянкамъ присущи всѣ крупныя и мелкія страсти: онѣ мстительны, ревнивы и болѣе другихъ женщинъ опасны въ своей ревности; онѣ хорошо понимаютъ что «правовѣрные» наотрѣзъ отказали имъ въ уваженіи, а потому въ настоящее время злоба, нужда, угнетеніе, жажда жизни, а также и корысть, въ особенности же присутствіе русскихъ войскъ, образовали во всѣхъ сартовскихъ городахъ особый, небывалый доселѣ классъ женщинъ. Впрочемъ, это неизбѣжно. Въ Россіи также есть мѣстности, гдѣ населеніе привыкло къ постоянному присутствію въ средѣ его войскъ и вовсе не возмущается видомъ солдата... Здѣсь до этого пока еще далеко, потому что семейная жизнь сартовъ замкнута на-крѣпко. Только мужъ, братья, да развѣ еще любовникъ или подруга, видятъ сартянку безъ сѣтки на ея дворѣ или въ саклѣ. И идетъ эта однообразная, монотонная жизнь, вырабатывая многія дурныя неестественныя привычки и наклонности. Между сартянками есть пьяницы; многія курятъ кальянъ и (о вкусахъ не спорить!)

чернильные орѣхи, ѣдятъ опиумъ или жуютъ какую-то растительную смолу *чак-чакъ*.

Таковы сарты и сартянки. Но я многого еще не сказалъ о нихъ и исполнѣ досказать постараюсь въ слѣдующихъ очеркахъ. А здѣсь взглянемъ на другіе элементы ташкентскаго населенія.

Киргизы поселились въ Ташкентѣ преимущественно въ кварталѣ Якке-базаръ и занимаются или конокрадствомъ, или приготовленіемъ бузы, которую они и продаютъ, и пьютъ въ огромномъ количествѣ. Киргизки твуть очути.

Татары здѣшніе всѣ изъ Россіи. Одни бѣжали сюда давно, другіе—пришли въ послѣднее время. Все это безпаспортный, полу-пьяный народъ, эксплуатирующій простяковъ-сартовъ на каждомъ шагу. Ташкентскій татаринъ прежде всего очень корыстенъ. Если онъ переводчикъ—то непременно взяточникъ; если онъ прикащикъ—то интересы хозяина неизбѣжно сдѣляются съ его собственными интересами,—а гдѣ же все знать хозяину, не понимающему языка? Если же ташкентскій татаринъ нигдѣ не служитъ, то непременно содержитъ торговую баню и торгуетъ въ ней извѣстнаго рода товаромъ, весьма прибыльнымъ тамъ, гдѣ много холостыхъ людей. Я знаю въ Ташкентѣ многихъ татаръ, но не знаю между ними ни одного честнаго человѣка. Хорошо-бы перебрать этотъ народъ поголовно.

Евреи населяютъ свой кварталъ *джугутъ-Магалла*. Ихъ немного. Они талмудисты; говорятъ по-персидски и одѣваются по-сартовски. Русскіе солдаты—евреи ихъ не чуждаются. Главное занятіе ташкентскихъ евреевъ—проценты и проценты, а также приготовленіе водки изъ винограда. Кромѣ этого, евреи занимаются окраской шелка и продажей его на базарѣ. При коканскомъ правительствѣ они находились въ угнетеніи и не смѣли носить никакого другого пояса, кромѣ веревки или волосянаго аркана. Ѣздить верхомъ они могли только внѣ города.

Индийцевъ *) здѣсь немного. Они живутъ въ одномъ изъ караванъ-сараявъ, въ нѣсколькихъ сакляхъ. Они—огнепоклонники. Въ своей кумирнѣ и сакляхъ они постоянно поддерживаютъ огонь. На мостикѣ чрезъ канаву съ водою и на перилахъ небольшой

*) По здѣшнему: инду.

террасы, надъ той-же канавой, горятъ небольшіе свѣточі. Можно предположить, что канава представляетъ имъ священную рѣку Гангъ. Любовь между бровей индейцы мажутъ красной краской, разведенной, будто-бы, на мочѣ коровы, мясо которой они не ѣдятъ, считая животное священнымъ. Занятія индейцевъ составляютъ: торговля привозимыми въ незначительномъ количествѣ индейскими товарами—шалами, кисеи и тканями—и снабженіе нуждающихся деньгами за самые безобразные проценты.

Ташкентскіе *цыгане*, *) которыхъ очень немного, говорятъ по-персидски и занимаются приготовленіемъ *ситъ*, *ръшетъ* и женскихъ сѣтокъ (чимметъ). Конокрадствомъ они не занимаются; цыганки, по обычаю, воровать.

Другихъ жилыхъ племенъ, кромѣ *русскихъ*, въ Ташкентѣ нѣтъ. Есть, правда, *аванцы*, *бухарцы*, *живинцы*, *персіане*, *кабульцы*, но только набѣдомъ, по дѣламъ торговымъ.

Обряды, обычаи и повѣрья сартовъ.

Сарты весьма плодovitы и живутъ иногда далеко за 100 лѣтъ. Отъ одной жены сарты имѣютъ иногда по 15 человѣкъ живыхъ дѣтей, такъ что у тѣхъ, которые женаты на нѣсколькихъ женахъ, образуется огромное семейство, состоящее иногда изъ 30-ти душъ. Такъ, напримѣръ, коканскій сартъ Досмухамедъ, 50 лѣтъ, отъ одной жены, тоже 50 лѣтъ, имѣетъ живыхъ 15 сыновей; коканскій-же сартъ, Уразбай, отъ четырехъ женъ: 60, 45 и двухъ по 30 лѣтъ, имѣетъ въ живыхъ 12 сыновей и 8 дочерей. Мулла въ деревнѣ Тюсъ, въ 30 верстахъ отъ Кокана, 85 лѣтъ, женившись 15 лѣтъ, имѣетъ въ живыхъ 20 сыновей, изъ которыхъ старшему 60 лѣтъ. Всѣ они будто-бы брюнеты, съ великолѣпными черными бородами и всѣ, въ свою очередь, муллы;—говорятъ, отца трудно отличить отъ сыновей. Примѣры подобной плодovitости встрѣчаются и въ Ташкентѣ.

*) По здѣшнему: люди.

Младенцевъ принимаютъ бабки—(мама). По обычаю, въ первое время младенца скрываютъ отъ родильницы для того, чтобы не волновать чувствъ матери, въ особенности, если родится сынъ. Бабка, обманувъ родильницу, что родилась дочь, идетъ къ отцу съ поздравленіемъ и получаетъ подарокъ. Давъ укрѣпиться здоровью матери, на что ненужно много времени, къ ней приносятъ младенца. Отецъ читаетъ молитву и даетъ имя, и затѣмъ уже чувства матери, великое и святое достойное женщинъ, вступаютъ въ свои права. Во всемъ этомъ видится что-то общее со всѣми народами, всегда какъ-то особенно встрѣчающими появленіе на свѣтъ младенца мужскаго пола. Дочь—отрѣзанный ломоть, говоритъ и русская поговорка, ясно выражая собою преимущества мальчика, будущей опоры родителей и всего семейства.

Узнавъ о рожденіи младенца, сосѣдки спѣшатъ съ поздравленіями, а съ рожденіемъ сына, поздравляютъ, въ особенности людей богатыхъ, торжественно, съ музыкой и даже пляской. Отецъ новорожденного закалываетъ барана или даже корову и угощаетъ гостей неизмѣннымъ палау, чаемъ и сладостями. Но ничего подобнаго не бываетъ при рожденіи дочери, какъ-будто съ дѣтства она уже осуждается на замкнутую, темную, почти безличную жизнь.

Сартянки, по большей части, кормятъ дѣтей своихъ сами. Вроде-чужъ, люди богатые иногда берутъ кормилицъ; но это случается рѣдко.

Дѣти до 8—9-лѣтняго возраста проводятъ время въ играхъ, какъ всѣ дѣти. Въ этомъ возрастѣ бываетъ *обрѣзаніе* младенцевъ мужскаго пола. По поводу этого важнаго обряда, отецъ дѣлаетъ для близкихъ знакомыхъ *той* (увеселеніе) въ теченіе 3 дней. Одинъ изъ служителей приходской мечети (суфи) и женщина, по просьбѣ хозяина, повѣщаютъ и приглашаютъ гостей обоюдо пола на той. По обычаю, каждая гостья приноситъ на той блюдо или подносъ съ палау, или съ какимъ-либо другимъ кушаньемъ. Приношеніе это называемое *дастарханъ*, т. е. наша хлѣбъ-соль каждая женщина отдаетъ распорядителю праздника, который сортируетъ приносимыя кушанья и ими же угощаетъ гостей, предварительно сосчитавъ ихъ черезъ свою помощницу—дастарханчи. Кушанья накладываются на блюда по-ровну и отсылаются въ мих-манъ-хана, гостиныя, мужчинамъ—съ прислужникомъ, а женщи-

намъ, помѣщающимся особо — съ дастарханчи. Наговорившись и поѣвши вдоволь, каждая гостя снова является къ распорядителю и получаетъ отъ него ровно столько же и того же кушанья, сколько и какого она принесла. При этомъ женщины увлекаются до того, что забываютъ даже обычай закрывать лицо и не стѣсняются присутствіемъ мужчины—распорядителя, который, какъ и всюду, молодымъ и хорошенькимъ оказываетъ предпочтеніе въ видѣ лишняго куска мяса или лепешки... Мужчины также приносятъ свои дары, напиримѣрь: барана, лошадь и т. п. и, въ свою очередь, когда у нихъ родится сынъ, получаютъ отдарки. Наряженный въ лучшую одежду, виновникъ торжества проводитъ это время въ играхъ съ товарищами. Сартовскія дѣти играютъ въ *ашикъ* (бабки), *янакъ* (орѣхи) пускаютъ *бумажного змѣя*, нявчатся съ птицами и потомъ выпускаютъ ихъ на волю и т. п. Тоже составляютъ и игры дѣвочекъ.

Повеселившись передъ обрядомъ три дня, на четвертый совершаютъ наконецъ обрядъ обрѣзанія (сюннеть). Для этого приглашаются мѣстный мулла, друзья отца и циррульникъ. Развеселивъ мальчика общими силами, циррульникъ подъ чтеніе муллою молитвъ, совершаетъ обрѣзаніе обыкновенно бритвою... По окончаніи этой операціи, мулла снова читаетъ молитву и, послѣ угощенія, пожелавъ счастья и скорого выздоровленія, всѣ расходится по домамъ. Циррульникъ получаетъ халатъ, рубаху, деньги и т. п. Рана въ 2, 3 дня залѣчивается прикладываніемъ жженого хлопка, а отрѣзанное циррульникъ съ молитвою хоронитъ на дворѣ отца.

Отдача дѣтей въ ученіе совпадаетъ съ этимъ временемъ. Мальчиковъ отдаютъ въ мектебъ (школа), а дѣвочекъ—учительницамъ. Полный курсъ наукъ сартовъ, кромѣ грамотности, заключается въ умѣніи читать безъ записки всѣ тѣ книги, которыя я перечислилъ въ 1 очеркѣ. Наукѣ посвящаютъ себя, само собою, не всѣ. Иной только выйдетъ изъ дѣтскаго возраста, какъ уже женится, а дѣвочку выдаютъ замужъ. Вообще, сартовскіе родители очень рано начинаютъ помышлять объ устройствѣ судьбы своихъ дѣтей. Дѣвочекъ просватываютъ иногда въ люлькѣ (это называется *бишикъ-кирте*); иногда же 5, 6, 7 и 15 лѣтъ, по примѣру всѣхъ магометанскихъ народовъ; но формальное сватовство и рукобитье (патага) бываетъ когда женихъ и невѣста достигаютъ лѣтъ 14,

15 и болѣе. Бываетъ, впрочемъ, что и 14-лѣтній мальчикъ женится на 13-лѣтней дѣвочкѣ. Примѣръ этого недавно былъ въ Самаркандѣ.

Сватаютъ непременно женщины—родственницы жениха или, по приглашенію, близкія сосѣдки.

— Мы пришли къ вамъ съ добрымъ словомъ — со сватаньемъ, говорятъ онѣ матери невѣсты. Сватаемъ мы, дочь вашу, Марзію, за Искендера, сына Якуба, изъ квартала Якке-базаръ».

Свахъ приглашаютъ садиться и угощаютъ чаемъ—

— Якубъ молодецъ, хорошій; но намъ нужно посоветоваться съ отцомъ и съ родными, отвѣчаетъ свахамъ мать.

По совѣщаніи съ мужемъ, мать, въ случаѣ согласія его, объявляетъ объ этомъ пришедшимъ на другой день свахамъ и посылаетъ, въ свою очередь, родственницъ или знакомыхъ посмотреть житье-бытье жениха. Для нихъ въ домѣ его давно уже готово угощеніе (зіафатъ), и выспросивъ, высмотрѣвъ, по возможности все, онѣ являются къ родителямъ невѣсты, по большей части съ добрыми вѣстями. На утро свахи приходятъ снова за положительнымъ отвѣтомъ. Родители или отказываютъ подъ разными благовидными предлогами, или соглашаются. Въ послѣднемъ случаѣ, не спрашивая согласія невѣсты, бьютъ по рукамъ и принимаютъ дары жениха невѣстѣ:—туфли, рубаху, панталоны, платокъ, сласти и котелъ съ рисовой кашей. При этомъ бываютъ служители мѣстной мечети, два-три почтенныхъ старика и аксакаль (старшина квартала). Они опредѣляютъ *калымъ*, т. е. плату за невѣсту, соображаясь съ состояніемъ жениха, и назначаютъ *калымъ*, напиримѣрь, въ такомъ размѣрѣ: женихъ долженъ представить въ пользу невѣсты и своей будущей жены, и на это-же отпраздновать свадьбу: 9 платковъ, 9 рубахъ, 9 панталонъ, 9 паръ обуви, 9 халатовъ, 9 бишметовъ, 9 паръ серегъ, 9 колецъ, 9 батмановъ рису, 9 мѣрокъ маркови, 9 барановъ, 9 тиллей и т. д. всего по девяти. И вотъ, любопытныя сосѣдки тотчасъ-же начинаютъ разспрашивать другъ друга: отъ сколько отдаютъ Марзію?... Отъ девяти? Мало: они богаты и т. д. Но богатымъ, конечно, и *калымъ* назначаютъ богатый. Порѣшивъ, старики читаютъ молитву, завершая ее обычнымъ: Аллахъ - акберъ! (Богъ великъ!) Кайтанъ-хатынъ (отсутствующая баба)! говорятъ они въ за-

ключеніе, невольно характеризуют этимъ положеніе у нихъ женщины, и начинаютъ угощаться. При этомъ передъ каждымъ изъ гостей кладется непременно нечетное число лепешекъ. Впрочемъ, у сартовъ въ житейскихъ обрядахъ вообще въ ходу нечетныя цифры: 3, 5, 7, 9 и т. д.

Свадьба бываетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ или черезъ два, смотря по обстоятельствамъ. Женихъ и невѣста все это время не видятся. Обрядъ происходитъ въ домѣ невѣсты. Родители жениха и отецъ невѣсты при этомъ не бываютъ; присутствуетъ только мать невѣсты, родственницы, мулла и нѣсколько стариковъ—свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ. Передъ совершеніемъ обряда вънчанія, они опредѣляютъ цифру неустойки (хакъ-маръ), которую женихъ долженъ заплатить будущей женѣ, въ случаѣ, если пожелаетъ съ нею впоследствии, по какимъ-бы то ни было причинамъ, разстаться. Послѣ этого приступаютъ къ обряду (ника). Мулла читаетъ молитву и спрашиваетъ черезъ дверь или окно невѣсту, находящуюся вмѣстѣ съ матерью и женщинами въ другой комнатѣ, или наружъ:

— Марзія, дочь Мухаммеда! согласны-ли вы быть женою Искандера, сына Якуба? Этотъ вопросъ повторяется три раза. По третьему разу невѣста говоритъ: «согласна».

— Искандеръ, сынъ Якуба! желаете-ли вы имѣть женою Марзію, дочь Мухаммеда! спрашиваетъ опять мулла.

— Желая, сразу отвѣчаетъ женихъ, и мулла вручаетъ ему чрезъ прислужника, чашку съ водою. Отпивъ изъ чаши, женихъ возвращаетъ ее прислужнику, который, черезъ одну изъ женщинъ, передаетъ чашку невѣстѣ. Оставшаяся вода роспивается присутствующими. Молодые пили воду, такъ и мы, можетъ быть, по молодости и т. п. Кончился обрядъ, и жениха, откуда ни взявшіяся женщины, увлекаютъ въ спальню и сажаютъ въ пологъ, или просто за занавѣсь. Тамъ уже готова постель, покрытая непременно бѣлой простыней, чай и всякія сласти. Недостаетъ только молодой... Но вотъ нѣсколько женщинъ ведутъ и ее.

— Ассалямъ-уалійкумъ! (благословеніе Божіе надъ вами) говоритъ 3 раза одна изъ женщинъ, подойдя къ занавѣсу.

— Уалійкумъ-ассалямъ! (и надъ вами благословеніе Божіе), три раза отвѣчаетъ молодой, и молодая вступаетъ въ пологъ.

Женщины нѣкоторое время остаются въ комнатѣ. Онѣ тутъ-же пьютъ чай, ѣдятъ лакомства и подшучиваютъ надъ молодой четой до тѣхъ поръ, пока молодой не дастъ имъ денегъ, и тогда онѣ съ пожеланіями удаляются изъ комнаты.

Мужчины-гости, напившись чаю и закусивъ, уходятъ прежде.

Мулла получаетъ за совершеніе обряда два кокана—40 к. серпи болѣе, по средствамъ.

На утро бываютъ какія-то церемоніи съ простыней, а потомъ отъ отца молодой приносятъ новобрачнымъ кушанья и сласти.

Молодой остается въ домѣ жены три дня, а иногда и болѣе. Въ это время онъ посѣщаетъ и домъ своихъ родителей, но возвращается къ женѣ непременно тайкомъ, избѣгая встрѣчи съ прохожими.

Наконецъ молодая переѣзжаетъ въ домъ мужа. Это совершается съ небольшою церемоніей, пѣснями женщинъ (яр-яръ) и музыкой. Послѣ этого молодая водворяется въ домъ мужа.

Вотъ пѣсня *яр-яръ*:

«Милый, иду въ твой домъ. Изъ-за тебя постигла меня печаль. Неужели тебѣ не жаль меня, бѣдную? Я, для тебя, иду далеко, какъ за горы, но ты дашь мнѣ счастье, прохладу сада, и когда ты спросишь мое имя,—скажу: я пери Сулейманъ!...»

Не скрою, что пѣсню эту я немного благообразилъ, выкинувъ изъ нея ту *чашку масла*, которую молодая проситъ прежде всего, прежде сада. Я замѣнилъ масло *счастьемъ*, которое собственно и подразумевается въ чашкѣ съ масломъ.

Бракъ на второй женѣ, на третьей, на четвертой и т. д., будь она вдова или дѣвушка, происходитъ съ тѣми-же обрядами, только *калымъ* за вдову бываетъ значительно меньше. Цифра женъ по корану—4; но случаются и отступленія.

Разрѣшившись первымъ ребенкомъ, женщина изъ пяти косъ (бишъ-какуль) заплетаетъ только двѣ (джуанъ).

Разводъ религіей Магомета допускается. Онъ имѣетъ три степени:

1. *Беръ-талакъ*: жена удаляется въ домъ родителей, какъ-бы въ опалу, на исправленіе. Мужъ воленъ взять ее когда вздумаетъ

2. *Икэ-талакэ*, и

3. *Ушь-талакэ*—полный развод, послѣ котораго сожительство уже невозможно. Можно, впрочемъ, развестись и прямо, по которой-нибудь изъ двухъ послѣднихъ степеней, не прибѣгая предварительно къ первой. Мужъ, недовольный женою, объявляетъ ей объ этомъ, и если жена, въ свою очередь, не прочь отъ развода, они идутъ къ казы (духовному судѣ) и въ присутствіи его расходятся.—Если же она не согласна на разводъ, или проситъ отъ дать ей условленную при рукобитѣ *хакмарэ*—кладку, то разъяснить дѣло и удовлетворить обѣ стороны приглашаются посредники: мулла и аксакалы (старшины).

Жена, недовольная мужемъ, въ свою очередь, тоже идетъ къ казы и объявляетъ, что мужъ ее не кормитъ и прочее, и что она жить съ нимъ несогласна. Казы посылаетъ въ домъ мужа ревизера (наибъ)—проверить достатки. Не найдя въ домѣ ни муки, ни крупы, ни порядка, наибъ доноситъ объ этомъ судѣ. Призывается мужъ.

— Будешь-ли кормить жену? спрашиваетъ судья.

— Нечѣмъ, говоритъ мужъ.

— Такъ отпусти ее.

— Я несогласенъ на это, возражаетъ мужъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, казы, немедля, согласно шаріата, опредѣляетъ дневное содержаніе жены. Мужъ отдается подъ надзоръ аксакаловъ квартала, и если, хоть одинъ день, онъ не дастъ женѣ предписаннаго, казы выдаетъ разводную по 3 степени: ушьталакэ *).

Въ крайнихъ случаяхъ жены отдѣляются отъ постылыхъ мужей тѣмъ, что идутъ къ казы и въ дверяхъ его дома кладутъ свои туфли подошвами вверхъ, не говоря ни слова. Въ этой нѣмой просьбѣ казы читаетъ жалобу на мужа, забывшаго различіе мужчины отъ женщины, указанное природой.

Вообще, сарты не могутъ похвастаться умѣньемъ жить въ семьѣ, и хотя не пьютъ вина, но подчасъ ведутъ себя въ отношеніи къ женѣ и дѣтямъ весьма дурно. Сартъ часто и непристойно бранитъ жену и дѣтей; отцу сынъ отвѣчаетъ бранью,

*) Свадебный контрактъ также выдаетъ казы и беретъ за написаніе, или, точнѣе, за приложеніе своей печати, съ дѣвухи 10 тенге (2 руб.), а съ вдовы 5 тенге (1 руб.).

еще непотребіе и какъ бы мимоходомъ посылаетъ подобное же привѣтствіе сестрѣ. Дѣти вырастаютъ подъ самыми незавидными впечатлѣніями и потомъ вносятъ и въ свою собственную жизнь тѣ же наклонности и привычки. Даже сама религія безсильна въ этомъ случаѣ, и я своими ушами слышалъ, какъ бранились, въ самыхъ непечатныхъ выраженіяхъ, бѣлобородые старцы, коканскіе сановники; бранились они единственно потому, что привыкли браниться. Между тѣмъ, шаріатъ на этотъ счетъ очень строгъ. Впрочемъ, сарты плохіе мусульмане. Подробности мы увидимъ это изъ разсказа объ ихъ увеселеніяхъ, а теперь поговоримъ о нѣкоторыхъ сартовскихъ обычаяхъ.

Вотъ обычай, называемый *ходайолэ* (Божья дорога).

Въ одно прекрасное время, жители цѣлаго прихода сговариваются и сносятъ къ мечети живность, овощи и прочее, кто что можетъ. Все лишнее, напримѣръ, принесенный кѣмъ нибудь мотокъ нитокъ и т. п. продаютъ, и на вырученные деньги прикупаютъ припасовъ. Помолвившись въ мечети, наводятъ котлы, потомъ ѣдятъ и расходятся.

Вотъ другой обычай *карэ-хатэ* (снѣжное письмо), или *карэ-анды* (снѣгъ выпалъ).

Компанія желающихъ покутить на счетъ какого-нибудь крза своего околodka, какъ только выпадаетъ первый снѣгъ, бросаетъ къ нему на дворъ доскутъ бумаги, вызывающей на расходы. Въ этомъ снѣжномъ письмѣ обыкновенно пишется:

«Выпалъ снѣгъ; стало грязно; соберемся; намъ нужно сахару, чаю, бузы, чтобы снѣжный пиръ былъ веселъ. Конечно, конечно, конечно». Снѣжное письмо всегда заканчивается этими словами.

Говорятъ, что жизнь отдѣльнаго человѣка, представляетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ явленій; говорятъ, что и жизнь цѣлаго народа тоже самое. А потому думаю, что исчерпать и опредѣлить всѣ фазы жизни такого своеобразнаго народа, какъ сарты, дѣло нелегкое, требующее много времени и много доброй воли.

Окончу этотъ очеркъ сартовскими *похоронами* и *пострыми*.

Обыкновенно въ день смерти, увѣдомляются знакомые и родственники и навѣщаютъ покойнаго. Осиротѣвшія женщины, засѣвъ гдѣ нибудь въ углу, царапаютъ себѣ лицо и причитаютъ на разныя лады. Къ плачущимъ родственникамъ присоединяются сосѣдки,

дѣти и стоить стоить надъ домомъ покойника. По обычаю, всѣ женщины непременно должны плакать. Хотя насильно, а плачь, тоже самое, вѣдь, и у насъ на Руси.

По большей части, на другой день тѣло несутъ въ мечеть, читаютъ надъ нимъ коранъ и хоронятъ на кладбищѣ. Покровъ дѣлятъ между собою родные и знакомые. Нищимъ и юродивымъ, которые сбѣгаются со всѣхъ сторонъ, подаютъ милостыню. Послѣ похоронъ, идутъ въ домъ покойника и слушаютъ тамъ коранъ, причемъ получаютъ иногда по лепешкѣ. На утро снова сходятся въ домъ умершаго, снова бываетъ чтеніе и раздача лепешекъ. Послѣ утренняго намаза, слѣдующаго затѣмъ дня, прямо изъ мечети отправляются на поминки. Опять слушаютъ коранъ и поѣвши расходится. Поминки повторяются черезъ 7 и черезъ 10 дней. Въ годовые праздники: Руза-Аитъ и Курбанъ-Аитъ, женщины на кладбищахъ поминаютъ умершихъ страшными воплями и милостыней.

Суеверію сартовъ, кажется, нѣтъ границъ. Если дѣвушка или вдова случайно увидать свои туфли перевернутыми вверхъ подошвами—значить, близко замужество; женщина замужила чувствуетъ въ этомъ приращеніи семейства, въ лицѣ молодой жены, которую, безъ сомнѣнія, скоро возьметъ мужъ. Зачесалась правая ладошь—получать деньги, зачесалась лѣвая — отдавать деньги; зачесалась правая бровь — хорошо, а лѣвая плохо и т. п. Ложась спать, нужно предварительно полежать на правомъ боку; вставая утромъ, нужно упираться на правый локоть и т. д. Въ этихъ повѣрьяхъ есть сходство съ русскими; а вотъ значеніе снова: видѣть кровь—лишиться родственника; ѣздить на неосѣданной лошади, плавать въ мутной водѣ, видѣть грязь или нагого человека, ѣсть дыню—все это плохо; плавать въ чистой водѣ — воли; ѣздить на осѣданной лошади, на верблюдѣ—хорошо. Но никто не можетъ ожидать такого счастья, какое должно выпасть на долю видѣвшаго себя во снѣ, разгуливающимъ верхомъ на ишакѣ, т. е. ослѣ.

Разумѣется, въ сказанномъ итѣтъ и тысячной доли всей чепухи, охватившей народъ, глубоко убѣжденный, между прочимъ, и въ томъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей. У него яркая звѣзда, говорятъ сарты про счастливаго человека.

Увеселенія сартовъ.

Здѣсь я доскажу о сартахъ и сартинкахъ то, что не договорилъ въ первыхъ трехъ очеркахъ, а именно: о религіи, объ увеселеніяхъ и о томъ вліяніи, которое имѣла религія на увеселенія этого народа.

Мусульмане, кромѣ еженедѣльнаго праздника *джума* (въ пятницу), соответствующаго нашему Воскресенью, имѣютъ 3 годовыхъ праздника: Новый годъ (Серсолъ), начинающійся мѣсяцемъ махаррамъ. *Руза-Аитъ* въ мѣсяцъ шауаль (январь) и *Курбанъ-Аитъ* черезъ 2 мѣсяца и сколько то дней послѣ Руза-Аита. Впрочемъ, праздники эти черезъ нѣкоторое время переходятъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а здѣсь поставлены они такъ, какъ были въ послѣднее время.

Новый годъ и Руза-Аитъ празднуется ташкентцами въ городѣ, въ саду Шайхантауръ и въ другихъ общественныхъ мѣстахъ. Для празднованія праздника Курбанъ-Аитъ, ташкентцы и старый и малый, идутъ и ѣдутъ, въ сады Заугата, въ 12 верстахъ отъ Ташкента по дорогѣ къ Чиназу. Празднества извѣстны у мусульманъ подъ однимъ общимъ названіемъ: *самъ*, т. е. увеселеніе, гулянье. Мусульмане похожи въ этомъ случаѣ на русскій народъ, который, какъ извѣстно, нѣкоторые праздники свои справляетъ тоже внѣ жилищъ: въ рощахъ, въ полѣ, или даже на могилахъ.

Еще въ 1867 году, видѣлъ я самъ, по поводу праздника Руза-Аитъ, и расскажу объ этомъ самѣ здѣсь. Но предварительно надо сказать нѣсколько словъ о постѣ, который предшествуетъ празднику Руза-Аитъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца Рамазана.

Постъ мусульманъ состоитъ не въ умѣренности въ пищѣ и не въ перемѣнѣ ея на постную, а лишь въ томъ, что мусульманинъ голоденъ днемъ и ѣстъ до отвала ночью. Днемъ, во время *руза* (такъ называется постъ), магометанинъ или спитъ или совершая омовенія, молится, или даже занимается своими обычными дѣлами. Но съ приближеніемъ заката—городъ начинаетъ дымиться—значить, принялись готовить пищу. *Муэззины* или *азан-*

чи кричать на молитву и сарты толпами идутъ въ мечети. Сотворивши намазъ, они возвращаются въ свои сакки и начинаютъ удовлетворять голодъ. Наѣвшись и напившись чаю, иные ложатся спать, а иные бодрствуютъ всю ночь; тутъ (благо можно, вопреки обычая ходить по улицъ ночью) совершаются разныя житейскія дѣла и тайны... Передъ разсвѣтомъ снова молятся, снова ѣдятъ, и снова засыпаютъ. Такъ продолжается 30 дней. Путешественники, больные, дѣти и женщины въ нѣкоторыхъ случаяхъ не постятся. Пытался я узнать отъ мусульманъ смыслъ и религіозное значеніе поста и праздника Руза-Антъ, хоть въ самыхъ тѣсныхъ рамкахъ,—но никакого толка не добился и махнулъ рукой.

Постъ, какъ постъ, говорили мнѣ; и у васъ, русскихъ, посты бывають, а праздникъ, какъ праздникъ, послѣ поста.

Оно, конечно, все это въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ; тѣмъ не менѣе мусульманскій постъ вызываетъ на нѣкоторые мысли. Посмотрите, какъ геніально и какія условія, существенно-нужныя для себя и для благосостоянія своихъ послѣдователей, облекъ Магомедъ въ религіозныя догматы.

Нѣтъ—Бога, кромѣ Бога, и Магомедъ пророкъ Его.

Совершайте омовенія, молитесь, поститесь, подавайте милостыню, дѣлайте добрыя дѣла, умрите, когда нужно будетъ, за вѣру и будете въ раю.

Это основы магометанской религіи. Разумѣется, въ коранѣ онѣ выражены не такъ, но это все равно. Дѣло въ томъ, какъ много въ нихъ тонкаго, проникательнаго, ловкаго и, съ точки фیزیологической, даже просвѣщеннаго ума, умѣвшаго воспользоваться всѣмъ, не исключая и обыденной обстановки арабовъ, которымъ Магомедъ сказалъ первое слово своей проповѣди!

Совершайте омовенія—это значить будьте опрятны. Посмотрите какой зной, какая пыль въ вашихъ пустыняхъ и сколько на васъ грязи. Обрѣйте волосы, какъ указываетъ коранъ и мойтесь пять разъ въ день предъ молитвой.

Родственный этому догматъ съ фیزیологическимъ же смысломъ заключается въ *обрѣзаніи младенцевъ*.

Поститесь—это другими словами: зной здѣсь убійственный бы такъ много и жирно ѣдите. Это вредно. Не употребляйте

пищи днемъ и наслаждайтесь сколько хотите прохладною ночью. Вотъ вамъ 30 дней въ году самыхъ жаркихъ. Пусть въ эти дни будетъ у васъ постъ.

И постъ этотъ дѣйствительно даже у нашихъ русскихъ мусульманъ чрезъ сколько-то времени бываетъ въ самые жары, лѣтомъ; а въ Аравіи, конечно, онъ всегда у мѣста. Остальные названные мною догматы довольно ясно говорить и за себя и за умъ азійскаго реформатора, а потому толковать ихъ не къ чему; Магометъ не упустилъ своего ни въ чемъ. Какъ селадонъ—онъ ввелъ полигамію, какъ ревнивецъ—онъ закрылъ лица женщинъ и заперъ ихъ за тридцать дверей, будто бы охраняя цѣломудріе «правовѣрныхъ», а въ сущности поблажая своимъ личнымъ наклонностямъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все таки хорошо обезпечилъ женщину относительно правъ, и если мы видимъ ее теперь существомъ почти безличнымъ, то начало этого униженія нужно искать не въ коранѣ. Въ немъ женщина имѣетъ права и какъ жена, и какъ мать, и какъ вдова; ей точно указана доля въ наслѣдствѣ и нигдѣ не говорится, что женщина не человекъ. Позорный взглядъ мусульманина на женщину выработался послѣ и окрепъ, благодаря тому, что женщина рѣдко заглядывала въ книгу, написанную Магометомъ, большимъ поклонникомъ женской красоты.

✓ Обратимся къ празднику Руза-Антъ. Какъ во время юканскаго владычества, такъ и при насъ, въ угоду мусульманамъ, накануне праздника нѣсколько выстрѣловъ даютъ знать городу, что праздникъ завтра *). Въ этотъ день сарты поминаютъ своихъ умершихъ родственниковъ и, по обычаю, мѣняются сосѣдъ съ сосѣдомъ пишей, принося другъ другу то или другое кушанье. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, снова нѣсколько выстрѣловъ возвѣщали, что праздникъ наступилъ. Женщины толпами идутъ на кладбище, гдѣ, проливая слезы надъ могилами усопшихъ, надѣлають юродивыхъ и нищихъ милостынею, состоящею исключительно изъ хлѣба. Мужчины, между тѣмъ, молятся въ мечетяхъ, и только взойдетъ солнце—начинается саиль — праздниство. Въ

*) Въ послѣднее время этотъ сигналъ уничтоженъ.

этотъ день шести мулламъ, совершавшимъ въ одной изъ мечетей богослуженіе и молитву о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго дома, въ прежніе годы туркестанскіе военные губернаторы дарили по халату.

✓ *Сайль*, т. е. празднованіе Руза-Аитъ, состоитъ въ томъ, что сарты почти цѣлый день проводятъ вѣ дома, на гуляньѣ, въ двухъ мѣстахъ: въ саду Шайханъ-тауръ и на Тюя-базарѣ. Шайханъ-тауръ большой дворъ, принадлежащій медресе Ишанъ-куландатха, выходящему переднимъ фасадомъ на Ташъ-куче (каменную улицу), ту самую, которая ведетъ изъ старой урды *) на базаръ.]

Узкимъ переулкомъ въѣхалъ я на Шайханъ-тауръ и, не зная святости мѣста, началъ мои наблюденія съ сѣдла, развѣзжая въ толпѣ. Шайханъ-тауръ мѣстами поросъ деревьями. Между ними обращаетъ на себя вниманіе огромной верескъ, которому, говорятъ, болѣе 100 лѣтъ. Часть двора, ближайшая къ въѣзду, была занята на-скоро сдѣланными изъ циновокъ и палатокъ шалашами безъ всякаго порядка. Въ нихъ-то и угощаются сарты; въ нихъ кипятъ самовары, на разостланныхъ по землѣ коврахъ лежатъ кучками кишмишъ и другіе сушеные плоды, фисташки и т. п. и даже наши пасхальныя, красныя куриныя яйца. Товары эти идутъ и на потребу публики, конечно не даромъ, и на потребу ихъ хозяевъ. Довольно людная толпа сартовъ, сартянокъ и дѣтей бродитъ и сидитъ между шалашами и въ нихъ, наслаждаясь по средствамъ. Остальная часть двора Шайханъ-тауръ не ровна и покрыта мѣстами могилами, состоящими изъ простыхъ насыпей и изъ довольно высокыхъ каменныхъ памятниковъ въ родѣ часовенъ. Могилы принадлежатъ святымъ. Тутъ-же укажутъ вамъ скромную могилу муллы Алимкула, нѣкогда регента коканскаго ханства, человѣка энергичнаго, мужественнаго, убитаго подъ Ташкентомъ. Алимкулъ надолго-отсрочилъ-бы завоеваніе ханства, если-бы остался живъ.

Вечеромъ шалашы освѣщаются и кое-гдѣ пляшетъ *бача* (мальчикъ-плясунъ).

Днемъ, въ особенности въ дурную погоду, сайль не оживленъ. А потому и въ тотъ разъ, не имѣя передъ собою новыхъ пред-

*) Цитадели.

метовъ, достойныхъ наблюденія, я вернулся къ воротамъ, гдѣ ждалъ меня мой спутникъ, коканецъ Мустафа.

— Зачѣмъ-же ты слѣзъ съ лошади?

— А какъ же, отвѣтилъ онъ. — Мнѣ и то прохажіе говорили, зачѣмъ я васъ пустилъ на сайль на лошади. Я отдѣлался, сказавъ имъ, что вы упрямы, и слушать ничего не хотѣли. Здѣсь мѣсто святое и они все боялись, какъ-бы святой васъ не поразилъ.

Мы выѣхали съ Шайханъ-таура.

По улицамъ отовсюду тянулись на сайль сарты и женщины; нѣкоторые изъ нихъ несли грудныхъ дѣтей, другія тащили ихъ на спинахъ.

— Вотъ посмотрите, заговорилъ мой спутникъ, старуха съ посохомъ, а тоже тащится на сайль...

— А сайль-то на Шайханъ-таурѣ плохъ, сказалъ я. И холодно, да и грязь размѣсили страшную.

— А отъ того и плохъ, отвѣтилъ Мустафа, что холодно. Вотъ завтра поѣдемъ на Тюя-базаръ. Не будетъ ли чего тамъ?..

На другой день утромъ, мы отправились на Тюя-базаръ или, по-русски, верблюжій базаръ. До него изъ русскаго квартала верстъ 5 или 6-ть, все по городу. На улицахъ по всюду мы видѣли празднично одѣтыхъ сартовъ. Одни спѣшили на сайль, другіе шли и ѣхали оттуда. Аитъ-муарекъ! Аитъ-муарекъ! (Да будетъ благословенъ праздникъ) — равносильное нашему «съ праздникомъ» — слышалось здѣсь и тамъ.

По мѣрѣ приближенія къ Тюя-базару, конныя и пѣшія толпы стали попадаться чаще, а подъ конецъ и совсѣмъ загрохотали улицы. Пестрота халатовъ, бѣлыхъ, красныхъ и синихъ чалмы, говоръ, крики торговцевъ, медленно выступавшія, похожія на тѣни, фигуры женщинъ, возгласы дуана — все это представляло чрезвычайно оригинальную, характерную картину. Но вотъ первая площадка верблюжьего базара. Направо группами сидятъ торговцы сластями, на лѣво лавочки и между ними толпа народу. Оборванный до послѣдней степени, грязный до нелзя, въ высокой, острой шапкѣ, почти безъ образа человѣческаго бѣснуетъ дуана, подпрыгивая и бормоча, какъ будто стихи, можетъ быть изъ корана. Толпа

равнодушно смотрѣла на юродиваго; я не видѣлъ ни одной улыбки. Въ самомъ дѣлѣ, онъ больше жалокъ и гадокъ, нежели смѣшнѣе.

Мы поѣхали на вторую площадку. На ней въ одномъ углу играли въ китайскія карты; въ другомъ сидѣли торговцы лакомствами и кругомъ ихъ бродила праздная пестрая толпа. Десятка три нарядно-одѣтыхъ мальчиковъ, между которыми виднѣлись дѣйствительно хорошенькія, женственные личики, скакали верхомъ по разнымъ направленіямъ площадки...

— И здѣсь что-то плохо, сказала я Мустафѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ, погода неблагоприятствуетъ, холодно. Посмотрите, и бабъ мало. Прежде бывало поставятъ шалаши, мужчины садутъ въ кружки, пьютъ чай, бузу, заставляютъ плясать бачу, дудятъ въ дудки, бьютъ въ бубны, играютъ въ карты...

— На деньги?

— Да еще какъ! тиллей *) по 300 проигрываютъ. А то зарѣжутъ козленка, сядетъ одинъ на лошадь, придавитъ козленка съ которой нибудь стороны къ сѣдлу ногой и скачетъ, а остальные за нимъ и рвутъ этого козленка. Эта игра называется *Кобъ-бари*; потомъ затѣяетъ борьбу. Женщинъ наберется пропасть. Притащатъ онѣ съ собою кушарья, разнаго, сластей, засядутъ гдѣ нибудь особо отъ мужчинъ и прохлаждаются. Нѣтъ, нынче что-то плохо. Главная причина-холодъ и снѣгъ-то какой. А сарты, извѣстно, къ холоду непривычны...

— А что сарты и сартянки дѣлаютъ въ праздники дома? спросилъ я.

— А ничего,—пьютъ чай, ѣдятъ, ходятъ въ гости. Не то, въ особенности бабы и мальчишки, играютъ въ янгакъ, т. е. перекатываютъ какъ-то обыкновенные грецкіе орѣхи и обыгрываютъ другъ друга; играютъ также въ ашикъ **). Эта игра въ родѣ бабоекъ. Вотъ вамъ и Руза-Аитъ и санлъ. У насъ въ Коканѣ (а надобно замѣтить, что Мустафа съ давняго времени омусульманившийся русскій плѣнный) ханъ въ первый день праздника,

*) Золотая коканская монета. Въ это время ходила въ Ташкентѣ въ 3 р. 80 к. серебромъ.

**) Ашикъ-позвонокъ, которымъ копъто соединяется съ ногою. Для игры употребляются обыкновенно позвонки бараньи, называемые также *аличани*.

ѣдетъ въ селеніе Мую-Муарекъ, въ 4-хъ верстахъ отъ города, гдѣ имѣется древняя мечеть надъ могилою какого-то святаго. Впереди хана идетъ артиллерія, потомъ слѣдуютъ конные стрѣлки, за ними верхомъ ханъ и позади его мынбаши (тысячники), козбаши (сотники) и разные начальники, наконецъ войско. Всего набирается человекъ 500. Всѣ на отличныхъ аргамакахъ въ золотой сбруѣ и шелковыхъ или бархатныхъ халатахъ. Помолвившись съ пушечной пальбой, кланяются святынь—золотымъ усамъ Магомета (?), которые хранятся въ мечети и возвращаются въ городъ, гдѣ ханъ принимаетъ поздравленія *).

Мы поѣхали въ Русскій кварталъ. Дорогою въ одной изъ узкихъ улицъ мы снова видѣли пьянаго-препьянаго киргиза. Онъ лежалъ на дорогѣ и что-то бормоталъ.

— Этотъ тоже бузы натанулъ, замѣтилъ Мустафа.

Тутъ-же, на встрѣчу, намъ изъ переулка вывернулся сартъ въ чалмѣ и короткомъ, невиданномъ мною до этого, особаго покроя и цвѣта халатѣ. Правый глазъ сарта былъ воспаленъ и слезился.

— Это что за чудакъ? спросилъ я. Первый разъ вижу халатъ такого цвѣта: черный съ бѣлымъ?

— Это... какъ бы вамъ сказать? Это-ишанъ, святой, поэтому онъ и халатъ такой пестрый носить. Только не всякому такому человеку можно вѣрить. Иной промотается, да и напустить на себя набожность и разгуливаетъ бездѣльникомъ... Много ихъ тутъ, этихъ ишановъ-то, только проку въ нихъ нѣтъ никакого. На картахъ да на бачахъ проматываются, каналъи, а потомъ въ ишаны, заключилъ Мустафа.

— А когда мы посмотримъ *базимъ*? спросилъ я моего сердитаго чичероне.

— А когда угодно. Вотъ, я поговорю одному моему пріятелю, Ташкенбаемъ зовутъ его. Ужъ такой-то охотникъ до этихъ бачей, до базимовъ, что бѣда. Такъ и вылупитъ глазаща, какъ услышитъ, что говорятъ про бачу, а увидитъ его проклятаго, такъ и не знаетъ, какъ около него повернуться. И—чуденъ только этотъ народъ сарты! Вотъ хоть-бы купецъ; такъ онъ, если бача ѣдетъ

*) Золотыхъ усовъ магомета въ Коканѣ не существуетъ; это фантазія Мустафы.

или идетъ мимо, зоветь не дозвется его къ себѣ въ лавку. Лошадей за поводъ хватають: слѣзь, молъ, посиди. «А что онъ этотъ бача? Одна мерзость!..»

Мустафа—русскій. Ему 65 лѣтъ отъ роду. Онъ сохранилъ русскую душу, не смотря на сорокалѣтній плѣнъ. А потому онъ не можетъ имѣть иного взгляда на тѣ искаженія человѣческой природы, которыя такъ рѣзко выразились въ здѣшнемъ народѣ—въ пляскахъ бачи, называемыхъ *базимъ*. Впрочемъ, слово это означаетъ вообще кутежъ.

— Иные до того ихъ любятъ, что весь свой капиталъ истрачиваютъ на этихъ бачей. И несчастія тоже бывають иной разъ изъ-за этого бача: до ножей дѣло доходить. Опять и муллы сартовскіе тоже непрочь отъ бача. Въ Чимкентѣ бача тамошняго казы былъ даже раисомъ *)...

Въ такомъ духѣ говорилъ полурусскій Мустафа каждый разъ, когда заходила рѣчь о правахъ и обычаяхъ сартовъ.

— Нынче вечеромъ поѣдемъ глядѣть бачу, сказалъ онъ мнѣ однажды. Ташкенбай радъ будетъ сдѣлать базимъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ городъ, именно въ ту часть его, которая зовется Янги-шахаръ. Мы остановились у большой сакли и отдали нашихъ лошадей. Хозяинъ ввелъ насъ въ михманъ-хана (гостинную). Это была большая комната, по обычаю, съ нишами или во всю стѣну сверху до низу, или только до половины стѣны. Полъ былъ устланъ одѣялами, войлоками и частію коврами. Кругомъ стѣнъ сидѣли человѣкъ 50 сартовъ. Ниши были заставлены чалмами и халатами. Въ двухъ нишахъ сидѣли маленькія дѣти хозяина и любовались сверху на публику. Среди пола стояли два подсвѣчника: одинъ мѣдный о трехъ свѣчахъ, а другой деревянный, странной формы, о пяти рожкахъ, стоялъ передъ *бача*, сидѣвшимъ въ большой нишѣ, что соответствуетъ нашему переднему углу.

Занявъ себѣ мѣсто въ углу, на небольшомъ табуретѣ, я началъ мои наблюденія съ *бача*. Это былъ мальчикъ лѣтъ 14 или 15, съ большими черными глазами и нѣсколько крупными чертами

лица, несомнѣнъ правильными и безъ особеннаго, вызывающаго выраженія. На головѣ бача была наляпущъ, а на плечахъ мальчика былъ пестрый, шелковый халатъ, перепоясанный краснымъ кушаномъ. Бача сидѣлъ, по обычаю азіатцевъ, свернувшись подъ себя ноги и раздавалъ чай. Сарты по одному подходили къ бача, становились на колѣни и, сладко улыбаясь, принимали чашку, усѣвшись на свое мѣсто, они выпивали чай и чашку снова несли къ бача, которому и вручали ее со словами: кулдукъ, таксыръ (благодарю, повелитель) *). Иные оставались на своихъ мѣстахъ, но, выпивъ чай, все-таки вставали на ноги и, обращаясь къ бача, говорили ту же благодарность. Если сарты, что нибудь говорили про него, то не иначе какъ: *они* мнѣ дали, я *имъ* подаю. Бача повидимому, сознавалъ важность своего положенія. Онъ былъ серьезенъ и даже иногда, какъ мнѣ казалось, хмурилъ брови.

— Чиновникъ, можетъ быть, хочеть чаю, сказалъ мнѣ одинъ сартъ. Бача даетъ чай хорошій.

— Хочу, сказалъ я и направился къ бача. Я взялъ изъ рукъ его чашку, вернулся на свое мѣсто, выпилъ чай и отнесъ чашку, снова къ бача, сказавъ обычное: кулдукъ... Это привело публику въ восторгъ, выразившійся громкимъ, пронзительнымъ крикомъ: э-э-э!!! Какъ наблюдатель, я былъ доволенъ собою не менѣе сартовъ. Между тѣмъ, съ самого прихода я замѣтилъ, что тотъ или другой сартъ, сидѣвшій молча или говорившій съ сосѣдомъ, неожиданно по временамъ вскрикивали: э! айналанъ! Тассадуку! Кызыль-гуль лозе! и т. п., я понялъ, что восклицанія эти выражали чувства сартовъ и относились къ бача. Вотъ ихъ переводъ: «Милый свѣтъ! пропадемъ! буду рабомъ твоихъ глазъ! Лепестокъ розы! я рабъ! и т. п. Бача былъ серьезенъ и почти ничего не говорилъ. Я осматривалъ гостей. Между ними были люди уже зрѣлыхъ лѣтъ, съ весьма почтенными бородами; всѣ они женаты и всѣ, между чаемъ и бесѣдой, кричатъ: «милый! пропадемъ!»... А между тѣмъ дома пропадаютъ съ тоски ихъ жены, инны красавицы, думалъ я. Но велика сила привычки къ бача даже въ старикахъ, бывшихъ въ молодости, можетъ быть, также бачами.

*) Раисъ-духовное званіе—охранитель религій; нынѣ этого званія нѣтъ.

*) Точнѣе: рабство, повелитель! т.-е. повергаю передъ тобою мое рабство.

Вотъ кончилось чаепитіе; свѣчи разставили по нишамъ; принесли жаровни. Бубенщикъ разопрѣлъ и натянулъ надъ нею, ради большого грома, бубенъ и ударилъ въ него.

Свѣтитъ! пропадаемъ! слышатся изъ разныхъ угловъ. Бача сидѣлъ въ это время уже не на своемъ мѣстѣ, а въ углу. Мальчикъ былъ попрежнему безразличенъ.

«Пусть всѣ твои болѣзни придутъ ко мнѣ! Соловей на деревѣ, роза въ саду, пропадаемъ! кричатъ хриплые и рѣзкіе голоса, споря съ бубномъ, потрясаемымъ мощными и, по правдѣ сказать, истуканными руками бубенщика.

Мальчикъ оставался попрежнему не подвиженъ. Бубенъ гремитъ сильнѣе, гости, переполненные чувствомъ, начинаютъ напоминать о себѣ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ и—бача встаетъ... Э-э-э!! раздаются опять возгласы сартовъ, сливаясь съ бубномъ. Наконецъ, бача выходитъ на средину... Какъ по сигналу, раздаются вдругъ удары, ладонь о ладонь, всей публики въ тактъ съ бубномъ и приводятъ въ движеніе бача. Закинувъ нѣсколько назадъ голову, попрежнему серьезный съ жестами, ничего помоему не выражающими, на чуть-чуть согнутыхъ ногахъ, бесый, бача проходитъ по сценѣ. Походивши и повертѣвшись немного, онъ перемѣнилъ кадансъ; бубенщикъ тоже перешолъ въ алгедро, зрители стали хлопать въ ладоши также все чаще и чаще, и бача, въ концѣ концовъ, просто-на-просто, взягивая изрѣдка то одной, то другой ногой, началъ танцовать нашъ, вышедшій изъ моды, казакъ-валесъ. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, перемѣнивъ, не безъ ловкости, нѣсколько разъ направление, бача закончилъ фигуру, быстро перевернувшись на одномъ мѣстѣ и не менѣе и неожиданно наклонился всѣмъ станомъ впередъ. Публика реветъ отъ восторга. Этотъ пріемъ ей особенно нравится. Оставшись неподвижно въ такомъ положеніи секунду, бача быстро выпрямилъ станъ и, закинувъ голову, снова началъ тѣ-же медленные движенія съ непонятными жестами и т. д., съ варіаціями весьма незначительными и не замѣчательными вообще, кромѣ ловкости, которую нельзя отъ него отнять. Бубенщикъ начинаетъ помогать бубну голосомъ; сарты одни, молча пожирая глазами бача, бьютъ въ ладоши; другіе, въ избыткѣ чувствъ, въ добавокъ къ этому раскачиваясь поютъ, завывая.

Здѣсь кстати сказать о напѣвѣ сартовъ. Онъ ни на что не похожъ, въ буквальномъ и самомъ невыгоднѣйшемъ для нихъ смыслѣ этихъ словъ. Трудно даже подобрать сравненіе... Впрочемъ, такъ поютъ, совсѣмъ лишенные музыкальнаго уха, люди окончательно безсильные на то, что-бы воспринять и передать самый обыкновенный мотивъ. Попытки подобныхъ людей спѣть что-нибудь всегда оканчиваются очень печально: выходить что-то такое нехорошее... Таковъ напѣвъ сартовъ. Пѣсни киргизъ, татаръ, калмыковъ въ сравненіи съ ними-просто—итальянская опера.

Но вотъ бача кончилъ пляску и сѣлъ на свое мѣсто. Свѣчи снова поставили на полъ, жаровню унесли и бубенщикъ бросилъ свой инструментъ въ уголъ.

Такъ кончилась первая половинка игрища называемая *катта-уинъ*, т. е. сильная игра, большая, главная игра, потому что пляску бача, въ его обыкновенномъ мужскомъ костюмѣ, сарты ставятъ выше пляски того же бача, переодѣтаго женщиной.

Вотъ появился прислужникъ и разостлалъ предъ гостями грязныя полотенца. За нимъ внесли разложенные на подносахъ: свѣжій виноградъ, кишмишъ, прѣсныя лепешки и какое-то печенье на постномъ маслѣ, называемое *катлаша*. Я попробовалъ того, другаго и третьяго, и принялся было-за папиросу.

— Это тебѣ прислалъ бача, сказалъ мнѣ соседъ сартъ, подавая подносъ, на которомъ лежало нѣсколько отборныхъ кистей винограда. Честь была велика и я закричалъ бача чрезъ комнату: кузлукъ! а виноградомъ подѣлился съ соседями, потому что съѣсть его одному было не подѣ-силу. Потомъ подали въ чашкахъ бульонъ изъ баранины, безжалостно приправленный кислымъ молокомъ и стручковымъ перцемъ. Я хлѣбнулъ раза четыре и не могъ болѣе:—бульонъ былъ теплъ, кисель и жегъ. Мустафа замѣтилъ это и, когда прислужникъ, а вслѣдъ за нимъ и хозяинъ начали пѣнять, что я мало ѣлъ, оправдалъ меня тѣмъ, что я малоопищный... За-то сарты пили и ѣли хорошо.

Вотъ убрали посуду и принялся снова за чай.

Между тѣмъ, поклонники бача шутили съ своимъ любимцемъ, а любимецъ сдѣлалъ имъ замѣчаніе, что ковры постланы дурно, что можно унасть. Затѣмъ выпивши нѣсколько чашекъ чаю, онъ приступилъ къ переодѣванью въ женское платье. Появился откуда-

то женскій парикъ, платки, и пока бача, закрытый отъ гостей развернутой во всю ширину шубой, переодѣвается въ углу, съ помощію нѣсколькихъ наиболѣе угодливыхъ своихъ поклонниковъ, я скажу нѣсколько словъ о корпораціи бачаузовъ. Такъ зовутъ сарты поклонниковъ мужской красоты.

Обыкновенно человѣкъ 20 и болѣе, коротко знакомыхъ, — или имѣющихъ бача, составляютъ свой кружокъ. Они по очереди приглашаютъ чьего нибудь бача и устраиваютъ вечера, угощая компанію. Такъ, напримѣръ, если сегодня вечеромъ плясалъ бача сарта Ташкенбая и на угощеніе Ташкенбай израсходовалъ 3 тилли т. е. 14 руб. 40 к. сер., то завтра, или когда вздумается обществу, долженъ отвѣтить тѣмъ же Назаръ и выпустить на сцену своего фаворита или пригласить чьего нибудь, за Назаромъ-Аить-Мухамедъ и т. д. На игрищахъ присутствуютъ иногда нѣсколько бачей, но пляшутъ они, почти всегда, по одному.

Благодарные изъ сартовъ всегда противъ этого увеселенія. Иной израсходуетъ въ вечеръ 3 тилли, говорятъ они, а, между тѣмъ, этихъ денегъ ему съ семействомъ хватило бы на хлѣбъ чуть не на всю зиму.

Туалетъ бача шель недолго. На мальчика надѣли женскій парикъ, повязали его платкомъ, выпустили изъ-подъ рукавовъ халата длинные рукава рубахи — и метаморфоза полная. Передъ нами была женщина, пронзительный крикъ приветствовалъ бача, когда убрали шубу и онъ, явившись передъ своими восхищенными поклонниками, сѣлъ въ уголь, закрываясь рукавомъ, какъ это дѣлаютъ женщины. Сцена была уже очищена отъ подсвѣчниковъ и бубенчиковъ, которыхъ теперь пришло еще двое, разогрѣвали свои бубны надъ жаровней. Опять со всѣхъ сторонъ слышалось: пропадеаеъ! и проч., а бача все-таки сидѣлъ. Наконецъ онъ всталъ и вышелъ на середину. Раздался новый вопль. Зазвѣли бубны, застучали ладоши и бача пошелъ плясать, правда однообразно, какъ и въ первый разъ, но несравненно лучше, нежели въ мужскомъ платьѣ.

Сдѣлавши нѣсколько туровъ, бача взялъ изъ рукъ одного сарта чашку съ чаемъ, отпилъ изъ нея и, едва замѣтнымъ взглядомъ и движеніемъ головы, вызвалъ изъ числа гостей полного сарта съ изрядной бородой. Быстро всталъ счастливецъ со своего

мѣста и, что-то бормоча, устремился къ нему, съ сладкой и почтительной улыбкой; принявъ отъ бача чашку и выпивши чай на своемъ мѣстѣ, толстякъ всталъ и, съ поклономъ обращаясь къ бача, сказалъ: куллукъ, и покатилъ чашку по полу, въ колѣна сдѣвшему напротивъ сарту. Между тѣмъ, бача съ другою чашкою стоялъ уже въ близи другаго не менѣе почтеннаго на видъ мужа. Почтенный мужъ поднялся на ноги, и не сходя съ мѣста, протянулъ было руку къ чашкѣ, потому что бача стоялъ близко; но коварный мальчишка, неизмѣнно холодный и спокойный, отступилъ нѣсколько шаговъ на средину комнаты и почтенный мужъ, долженъ былъ сойти съ своего мѣста. Тѣмъ не менѣе почтительно подошелъ онъ къ лукавому юношѣ, взялъ чашку, сѣлъ на свое мѣсто, выпилъ чай, всталъ и возгласивъ: куллукъ! передать чашку сосѣду.

Не лишилъ опять бача своего вниманія и меня, подавъ онъ и мнѣ чаю, и даже какъ будто вызываясь взглядомъ сойти съ мѣста, но на этотъ разъ я (по невѣжеству) только приподнялся съ табурета и получилъ чашку. Медленно пилъ я мой чай, слушая бача, который, въ это время, началъ пѣть, и забывшись, хотѣлъ было поставить пустую чашку на полъ; но сосѣдъ напомнилъ мнѣ, что нужно поблагодарить: Бача, какъ будто слышалъ нашъ разговоръ, повернулся къ намъ и вмѣстѣ съ чашкою получилъ мое куллукъ.

Остальные гости тоже получили изъ рукъ бача по чашкѣ чаю и также благодарили его. Самъ онъ, между прочимъ, все время пѣлъ и порою плясалъ. Онъ пѣлъ и одинъ, и съ бубенщикомъ, своимъ хозяиномъ, акомпанировавшимъ своему чаду на бубнѣ; не молчали и другіе бубенщики. Во время пляски музыку усиливали хлопаньемъ въ ладоши сарты, а порою и самъ бача; но когда онъ пѣлъ, тогда соблюдалась тишина и всѣ мочали.

Вотъ нѣсколько пѣсень бача:

1. Чуанды! *) душа моя! что сдѣлалось съ тобою? отчего ты не пришла? — Злой отецъ не пустилъ; но полюбилъ мнѣ милый и я не утерпѣла. Чуанды! душа! зачѣмъ медлила, если тосковала?

*) Собственное имя

2. Соловей! я въ печали! Какъ страстно ты любишь розу, такъ громко и пой, что-бы мой милый проснулся. Пусть я умру въ объятіяхъ милаго,—мнѣ завидовать некому. Я знаю, что у тебя много подругъ, но мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. И роза-бы не сохла, если-бы не губила ее соловей, и человѣкъ не погибалъ-бы, если-бы не приходила смерть.

3. И брови твои нѣжны, и очи, и губы, и голосъ и зубы, какъ жемчугъ, нѣжны. И шея, и подбородокъ нѣжны. Косы твои длинны, станъ строенъ. Смотрю я на тебя:—съ головы и до ногъ вся ты нѣжна.

Во время пѣнія бача расхаживалъ иногда по сценѣ и садился около тѣхъ, кому онъ желалъ сдѣлать честь; сидѣвшій рядомъ со мной, молодой сартъ, страстно звалъ бача подсесть къ намъ и разостлалъ даже для этого собственный красный платокъ. Бача сѣлъ и спѣлъ пѣсню. Потомъ онъ началъ кашгарскій танецъ. Онъ почти ничѣмъ не отличается отъ предыдущей пляски. Вся разница состояла въ томъ, что бача чаще билъ въ ладоши и изрѣдка поводилъ плечами, или, распустивъ длинные рукава рубахи, отмахивался ими, какъ-бы отъ мухъ.

Несмотря на то, что въ пляскахъ не было ни одного прыжка и вообще немного утомляющихъ движеній, бача утиралъ рукавомъ лобъ и наконецъ остановился.

Развернись, развернись! пропадаемъ отъ твоихъ очей! кричатъ гости, и чтобы заставить бачу продолжать танецъ, встаютъ всѣ безъ исключенія съ своихъ мѣстъ и, стоя,—кричатъ: пропадаемъ! и проч. Бача снова пустился въ плясъ. Музыканты и мы, т. е. публика, со свѣчами въ рукахъ любовались, стоя. Мустафа шепталъ проклятія.

Бурно, какъ будто собравшись съ послѣдними силами, повторилъ бача еще нѣсколько разъ тѣ же фигуры и, быстро сорвавъ съ себя повязку и парикъ, бросилъ ихъ черезъ головы гостей, въ нишу, и сѣлъ на свое мѣсто. Публика зарѣвѣла и смолкла, усаживаясь.

Я былъ отуманенъ видѣннымъ, потому что далеко не такъ представлялъ себѣ *базимъ*, какъ увидѣлъ его въ этотъ вечеръ. Я не предполагалъ, чтобы сарты могли зайти такъ далеко за предѣлы нелѣпости.

Вотъ снова поставили предъ бача тотъ же оригинальный под-свѣчникъ о 5 свѣчахъ и начали готовиться къ ужину. Я вышелъ; но гости остались ужинать и тѣшились бесѣдой, почти до свѣта.

Между тѣмъ меня занималъ рядъ вопросовъ: какъ давно, кѣмъ и ради чего положено начало игрища съ бача? Но я ничего не могъ добиться даже и отъ людей, казалось бы компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, и вывелъ собственные заключенія.

Извѣстно, что религія и обычаи не позволяютъ сартовской женщинѣ являться въ кругу единовѣрцевъ — мужчинъ съ открытымъ лицомъ, и что показывать лицо не грѣхъ только «невѣрнымъ», да и то не всѣмъ. Напримѣръ, женщина поднимаетъ сѣтку въ лавкѣ кафыра-еврея, торговца шелкомъ, но ни только не поднимаетъ ее передъ кафыромъ-русскимъ, даже въ лавку къ нему не поидеть. Но это уже другой вопросъ: дѣло въ томъ, что бача создала религія, потому что сарты, имѣя потребность въ присутствіи женщины на ихъ увеселеніяхъ, исказили природу, переодѣвъ мальчика. Затѣмъ они не остановились только на этомъ маскарадѣ, а пошли далѣе и дошли до крайности. Это такъ легко при красотѣ и граціозности мальчиковъ. Впрочемъ, не думайте, чтобы всѣ бачи были равно красивы и привлекательны. Напротивъ, я много разъ видѣлъ такихъ уродовъ, что послѣ того сильно заподозрилъ эстетическія чувства сартовъ.

Время, формируя строй жизни, превратило базимъ и все прочее, касающееся его,—въ обычаи. Правда, что это случилось вопреки религіи, но за-то совершенно въ тактъ съ климатическими условіями, отъ которыхъ, какъ давно извѣстно, вполне зависятъ привычки, страсти и всѣ проявленія жизни народа. Но тѣмъ не менѣе, нельзя не подивиться на ту странную роль, которую сыграла въ этомъ случаѣ религія Магомета, давшая своимъ послѣдователямъ какъ бы привиллегію на право исказить человѣческую природу. Бача, базимъ и т. п., все это исключительныя принадлежности мусульманскаго востока, также какъ и то безграничное униженіе сартовъ предъ бача, составляетъ въ своемъ родѣ этикетъ, совершенно сообразный съ натурой сартовъ, вообще склонныхъ къ униженію. Таксырь, кулдукъ! говорятъ они бачѣ, вставая. Таксырь — повелитель — титулъ, который говорится ханамъ, бекамъ, судьямъ, и будто-бы только ханы и въ присутствіи

ихъ министры, не говорятъ бачамъ: *Вы, таксыръ* и проч. и не встаютъ передъ ними. Говорятъ, бача имѣетъ право прогнать того или другаго гостя съ игриша и даже подвергнуть нѣкоторымъ исправительнымъ мѣрамъ въ родѣ купанья холодной водой и проч. и сарты терпѣливо переносятъ эти наказанія, видя въ нихъ единственно любовь къ себѣ бача, и даже будто бы хвастаются этимъ другъ передъ другомъ.

Женщины, въ свою очередь, не отстаютъ отъ мужчинъ. Весною только, что начнется цвѣтъ урюкъ (абрикосы) и во все лѣто, собираются онѣ въ садахъ и устраиваютъ свои игрища. Плясуньи и пѣвицы, молодыя дѣвушки или женщины, потѣшаютъ подругъ. Видѣть подобное увеселеніе, можно развѣ тайкомъ, и только видѣвшіе его вполне могутъ судить о красотѣ или безобразіи здѣшнихъ женщинъ.

Полныя жизни и страсти, но заброшенные мужьями для бача, или тѣ, мужья которыхъ въ дальнихъ отлучкахъ, сартянки не задумываются ни надъ чѣмъ, для того, чтобы пополнить тѣ пробѣлы въ своей жизни, которые являются въ ней вслѣдствіе житейскихъ обстоятельствъ, или даже уставовъ религіи. Но даже самый краткій рассказъ объ этомъ заведетъ насъ слишкомъ далеко, а потому поставимъ здѣсь точку.

Сугутъ.

Топографическо-этнографическій очеркъ.

I.

Всѣ средне-азіатскія государства издавна дѣлились и дѣлятся на бекства (губерніи) и, въ свою очередь, бекства дѣлились и дѣлятся на туманы и амляки. Самаркандъ составлялъ особое бекство, дѣлившееся на 5 тумановъ: Шандаръ (куда причисляется и городъ Самаркандъ) и Анхоръ—по лѣвому берегу рѣки Зеравшана, Ширазъ, Сугутъ и Афринкендъ—по правому берегу той же рѣки. Слово туманъ—значить, собственно 12,000. Кочевые народы, въ эпоху младенческаго существованія своего, положили въ основу

общественнаго дѣленія эту единицу, и она дошла до насъ уже какъ нарицательное имя извѣстнаго пространства земли, съ населеніемъ гораздо болѣе или менѣе. Г. Григорьевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ запискамъ мирзы Шемса-Бухари, поясняетъ слово туманъ—словомъ тьма, что, пожалуй, можетъ быть и вѣрно. «Народу тьма-тмущая», говорятъ доселѣ на Руси. Какъ-бы то ни было, слово туманъ и въ смыслѣ метеорологическаго явленія не наше, потому что на языкѣ всѣхъ 92-хъ колѣнъ узбековъ, извѣстное атмосферическое явленіе зовется также туманъ *).

Итакъ, Сугутъ—одинъ изъ 5-ти тумановъ или участковъ, составлявшихъ нѣкогда самаркандское бекство, и составляющихъ теперь самаркандскій отдѣлъ Зеравшанскаго округа **). Сугутъ, имѣющій еще и прилагательное *великій* (Сугутъ-Калынтъ) ***), лежитъ по правому берегу рѣки Зеравшана, прямо противъ высотъ Чупанъ-ата, столь извѣстныхъ съ 1-го мая 1868 г. Это будетъ южная окраина Сугута. Онъ примыкаетъ тутъ къ туману Шандаръ; на западѣ граничитъ съ туманомъ Афринкендъ и съ бывшимъ Чилекскимъ бекствомъ; на сѣверѣ и востокѣ—съ туманомъ Ширазъ. Наибольшая длина тумана Сугутъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, равняется 36 верстамъ, а ширина—25 верстъ, что составитъ площадь въ 900 квадратныхъ верстъ, или слишкомъ 18 географическихъ квадратныхъ миль.

Кромѣ рѣки Зеравшана, а именно сѣвернаго рукава ея—Акъ-Дарьи, по Сугуту проходятъ нѣсколько ключей и большихъ арыковъ, имѣющихъ главное направленіе, сообразно рѣки Зеравшана,

*) Татарское иго водворило въ нашемъ языкѣ множество узбекскихъ словъ и, между прочимъ, слова: *мужикъ* и *хозяинъ* также не нашп. Я слышалъ ихъ въ долині Зеравшана; первое—въ смыслѣ: бѣдный, оборванный, дрожащій; второе—синонимъ слова: достаточный. Впрочемъ, произношеніе этихъ словъ разнится отъ нашего: мужикъ выговаривается узбеками—муджукъ, а хозяинъ—ходжаинъ. Это объясняется отсутствіемъ въ языкѣ узбековъ буквы ж и отсутствіемъ въ нашемъ языкѣ того звука, который выражается въ узбекской рѣчи буквами *дж* и можетъ быть названъ острымъ ж.

**) Иные говорятъ и пишутъ вѣсто туманъ—*тюменъ*; но это, по моему, не вѣрно, ибо слова тюмень туземцы не знаютъ.

***). Въ здѣшнихъ книгахъ значится, что тутъ жилъ когда-то народъ *Сиди* да и на дѣлѣ вся, долина Зеравшана—это *Сидиана* древнихъ.

съ юго-востока на сѣверо-западъ. Таковы арыки: Токузъ, Акъ и Курбанъ-абадъ, берущіе начало изъ Зеравшана въ предѣлахъ Сугута, и большой арыкъ Мирза, начинающійся въ Ширазскомъ туманѣ. Этотъ арыкъ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды древности: ложе его широко и устья наносятъ вадуновъ, родственныхъ зеравшанскимъ, а берега — мѣстами неприступно круты, чего въ арыкахъ позднѣйшихъ нѣтъ и быть не можетъ. Арыку Мирза считаютъ около 500 лѣтъ *).

Сѣверная часть Сугута орошается двумя ключами: большимъ и малымъ Карасу, идущими изъ Ширазскаго тумана, а также, по мѣстному выраженію, пить воду изъ арыка Будунгура, начинающагося въ Ширазѣ. Наконецъ, самая сѣверная сторона Сугута — степь у подножья Годунъ-тау, съ небольшимъ кишлакомъ Бадбадъ, съ трудомъ орошается горными ключами и потому печальна.

Всѣ названные большіе арыки и ключи шлутъ изъ себя во всѣ стороны арыки мѣньшіе; эти, въ свою очередь, разбиваются на пашни и плантаціи, сливаются другъ съ другомъ и съ главными арыками, и образуютъ такимъ образомъ весьма сложную и чрезвычайно хитрую сѣть, благодаря замѣчательному знакомству пахарей съ мѣстностью и вообще искусству проводить воду. Благодаря этимъ же обстоятельствамъ, полное изученіе арычной системы, хотя бы даже на такой небольшой территоріи, какъ 18 квадратныхъ миль, требуетъ много времени и инструментальной съемки; иначе разспросы, какъ-бы ни были они настойчивы и аккуратны, непременно приведутъ къ результатамъ гадательнымъ, шаткимъ.

Сугутъ представляетъ собою мѣстность ровную, нѣсколько холмистую въ сѣверной части, около Бадбада; нѣсколько отдѣльных кургановъ (тюбе) разбросаны здѣсь и тамъ, какъ и по всей долины Зеравшана, безъ названій или съ названіями: Юганъ-тюбе, Уйшунъ-тюбе и т. п. Общій уровень поверхности Сугута, какъ и вся долина Зеравшана, клонится къ западу.

Почва сѣверной, возвышенной части — суглинокъ; низъ, орошаемая арыками, мѣстами илиста, мѣстами суглинокъ, мѣстами солонцевата и требуетъ удобренія.

*) Эпоха первыхъ преемниковъ Тимура-хромого.

Западная и средняя части Сугута сплошь заняты пахатными землями, восточная же — во многихъ мѣстахъ представляетъ большія, нетронутыя плугомъ, пространства, покрытыя частію пригодными для скота травами, частію тонкимъ, своеобразнымъ камышемъ, идущимъ на топливо *). Озеръ большихъ нѣтъ; а если есть мѣстами небольшіе водные бассейны, то они скорѣе могутъ быть названы болотами, хотя, по свойству почвы, не такъ вязки и неприступны, какъ болота наши. Вообще, растительности въ дикомъ состояніи здѣсь сравнительно мало; нѣтъ также хищныхъ звѣрей и птицъ, которымъ, благодаря множеству арыковъ и садовъ, трудно добывать себѣ пищу, въ особенности весною и лѣтомъ, когда арыки въ ходу, деревья покрыты листвою, а рисовыя плантаціи залиты на аршинъ; тогда узбеки совершенно безнаказанно выпускаютъ на межи скотъ, ибо до него трудно добраться и еще труднѣе его угнать. Другое дѣло зимой, когда нѣтъ на поляхъ хлѣба и когда повсюду широкая дорога и волку, и вору.

Туманы издавна дѣлились и дѣлятся на амляктава, амляктава — на дахи (волости), состоящія изъ нѣсколькихъ кишлаковъ (деревень). Впрочемъ, это дѣленіе исключительно хозяйственное, для сбора податей; но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оно имѣетъ смыслъ и достигаетъ цѣли. Въ дахахъ существуютъ амины или даха-аксакалы (наши волостные старшины), въ кишлакахъ — кишлакъ-аксакалы (наши старосты), принимающіе извѣстное участіе и въ сборѣ податей. Подробно объ этомъ будетъ сказано ниже.

Въ Сугутѣ 25 дахъ; въ нихъ до 80 кишлаковъ. При этомъ нужно замѣтить, что восточная треть Сугута (8 дахъ) кишлаковъ въ строгомъ смыслѣ не имѣетъ, потому что населеніе ея состоитъ изъ кара-калпаковъ, неохотниковъ селиться густо, подобно другимъ узбекамъ и таджикамъ, и живущихъ по большей части особнякомъ; зимою — въ сакляхъ, разбросанныхъ иногда на большія одна отъ другой разстоянія, лѣтомъ — въ юртахъ, которыя, однако, есть и у другихъ узбековъ. Поэтому дахи или волости кара-калпаковъ состоятъ точнѣе не изъ кишлаковъ, а изъ неболь-

*) Камышъ этотъ частію доставляется въ Самаркандъ, для печенія исключительнѣе сладкихъ булокъ — кулча.

шихъ околodковъ, носящихъ иногда два-три названія сосѣднихъ урочищъ: кургана, арыка, оврага, или того поколѣнія кара-калпаковъ, которое живетъ на этой мѣстности. Вотъ названія 25 дахъ Сугута:

1. Джипаръ.	} Это—восточная треть Сугута; она населена исключительно кара - калпаками и незначительнымъ количествомъ другихъ узбековъ.
2. Ширинкентъ.	
3. Бишбая.	
4. Дивана-тубе.	
5. Карамунъ.	
6. Кокгумбазъ.	
7. Газы-кунградъ.	
8. Каракентъ.	
9. Уртабозъ.	} Это — середина Сугута. Населена исключительно кипчаками, хотя есть и другіе узбеки: канглы, найманъ, кыркъ, юсъ и ктай, а также таджики, персiяне и мазангъ (цыгане). Впрочемъ, нужно замѣтить, что цыгане, извѣстные здѣсь подъ тремя разными названіями: люли, джуги и мазангъ, мотаются по Сугуту всюду, зимою—осѣдло, а лѣтомъ—въ шатрахъ.
10. Халвап.	
11. Сарыга.	
12. Джурьятъ.	
13. Кунджакъ.	
14. Нушъ.	
15. Канглы.	
16. Акъ-курбанъ.	
17. Ширъ-курбанъ.	
18. Ривагъ.	
19. Бурьяп.	
20. Ишимъ-аксакъ.	
21. Джіанъ-бекъ.	
22. Утайбъ.	
23. Топаласъ.	
24. Прназаръ-курбанъ	
25. Ходжа-Измаилъ.	

Главное занятіе этого населенія — земледѣліе; затѣмъ идутъ скотоводство и садоводство; за ними ремесла и мелкая торговля.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ занятій особо. Можно безошибочно сказать, что земледѣліемъ заняты $\frac{99}{100}$ населенія, ибо ремесла принадлежатъ таджикамъ, которыхъ, сравнительно, въ Су-

гутъ весьма немного, хотя и узбеки не чуждаются ремеслъ, а таджики, въ свою очередь, пахутъ землю.

Земли Сугута, какъ и всѣ земли Средней Азіи, дѣлятся: на земли амлякъ, платящія подать исключительно въ казну; земли милькъ, платящія подати тѣмъ, кому на это пожаловано право эмирами или кто купилъ это право, и на земли вакуфъ, платящія и въ казну, и тѣмъ духовнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ или наслѣдникамъ, которымъ они завѣщаны эмирами, беками или частными богатыми собственниками. Въ первомъ случаѣ, земли вакуфъ напоминаютъ наши монастырскія земли, въ послѣднемъ — маіораты. Принадлежатъ духовнымъ учрежденіямъ, такіе земли зовутся просто вакуфъ; принадлежатъ духовнымъ ученымъ корпораціямъ, онѣ зовутся — вакуфъ-дахъякъ *); принадлежатъ потомкамъ какого нибудь богача, называются — вакуфъ-аульядъ (завѣтъ семей).

Мѣрятся здѣшнія земли танапами. Тананъ составляетъ квадратъ въ въ 360 газей или 8,100 квадр. аршинъ, ибо газъ, по шаріату, равенъ линіи отъ середины груди до конца ручной кисти, что составляетъ нашихъ $1\frac{1}{2}$ аршина: мѣра не точная, но она принята и существуетъ. 48 танаповъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 50 танаповъ, составляютъ кошь,—мѣру исключительно употребляемую, когда рѣчь идетъ о пространствахъ большихъ.

Всѣхъ пахатныхъ земель въ Сугутѣ болѣе 1,200 кошей.

Земли Сугута, какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ долины Заравшана, дѣлятся: на орошаемыя—оби, лежащія въ долинахъ, и на степныя—ляльми, засѣваемые весной, и притомъ исключительно ячменемъ и пшеницей. На орошаемыхъ земляхъ сѣются осенью: пшеница, ячмень, макъ и ленъ. Остальные сорта хлѣба всѣ принадлежатъ посѣвамъ яровымъ (кокъ). Озимые хлѣба созрѣваютъ въ маѣ и іюлѣ, августѣ и сентябрѣ. Продукты, не созрѣвшіе къ октябрю, считаются погибшими. Болѣе или менѣе точное росписан-

*) Что значить одинъ изъ десяти или просто $\frac{1}{10}$, и напоминаетъ древнюю христіанскую десятину, которую вѣрующіе отдавали изъ своего имущества въ пользу церкви и духовенства. Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и древне-христіанская десятина отдавалась отъ плодовъ земныхъ. Первую десятину далъ Авраамъ первосвященнику Мельхиседеку (Книга Бытія, 14, 20). Не мудрено, что десятина изъ еврейства зашла въ христіанство, а потомъ попала и въ исламъ.

ние продуктов долины Зеравшана приложено къ статьѣ моей «Долина Зеравшана», Тамъ же описаны земледѣльческія орудія среднеазіатцевъ, употребляемые и сугутцами. Остается пояснить здѣсь, что нѣкоторые продукты, изъ названныхъ мною, въ Сугутѣ не сѣются, такъ, напр., марена, индау и махсаръ (виды маслянистаго сѣмени), мансъ и бѣлый табакъ. Всѣ остальные засѣваются, а именно: пшеница, ячмень, рисъ, джугара (родъ кукурузы *), ленъ, просо, просянка, хлопокъ, макъ, машъ (горошекъ) и кунджуть (маслянистое сѣмя).

Система засѣва плодоперемѣнная. Такъ, напр., снявши въ началѣ іюня ячмень, немедленно засѣваютъ поле рисомъ или джугарой; снявши въ іюлѣ пшеницу, сѣютъ машъ, кунджуть. Къ осени они поспѣваютъ. Тѣмъ не менѣе, ежегодно, часть земли остается свободной, отдыхаетъ и называется шугаръ.

Овощи и огородныя растения сѣются на поляхъ, куда жители обыкновенно выходятъ лѣтомъ, какъ бы на дачу, бросивъ сакли на произволъ судьбы; да и поправка ихъ потомъ не дорога. Лѣсу въ Сугутѣ много: берега почти всѣхъ арыковъ обсажены вербой, вязомъ, платаномъ, жидой, тополемъ и другими растеніями; но садовъ здѣсь все таки не много. Сады принадлежатъ Самарканду, вмѣстѣ съ ихъ плодами и цвѣтами, а Сугутъ сѣетъ и сбываетъ почти исключительно хлѣбъ. Скотоводствомъ сугутцы занимаются ровно на столько, на сколько оно необходимо при земледѣліи. Рогатый скотъ—мелокъ. бараны—обыкновенные, съ курдюкомъ—водятся всѣми, но въ большихъ гуртахъ немногими богатыми людьми, для продажи въ городѣ, и цѣнятся дорого, благодаря тому, что баранина составляетъ любимое мясо среднеазіатцевъ. Лошади здѣшнія исключительно рабочія. Если есть у инаго охотника хорошая лошадь, то ее можно увидѣть подъ нимъ на базарѣ, или на скачкѣ. Обыкновенно же и самые богатые узбеки ѣздятъ на клячахъ. На ослахъ—возить удобренія на поля и исправляютъ другія, посильныя этому животному, работы; верблюдовъ въ Сугутѣ весьма немного, и то у полукочевыхъ кара-калпаковъ.

Фабричной промышленности въ Сугутѣ нѣтъ, если не считать ею приготовленіе войлоковъ, подпругъ, мѣшковъ, маты, аркавовъ,

*) *Holcus saccharatus*.

выжимку изъ льна масла самымъ первобытнымъ способомъ, и т. п., что исполняется узбеками и таджиками. Затѣмъ остаются ремесленники: кузнецы, сапожники, точильщики и баккалы (мелочники). Это—или мѣстные узбеки, или заѣзжіе на рабочую пору изъ города таджики.

Перейдемъ къ торговлѣ. Она выражается въ базарахъ.

Базаръ—это главное проявленіе здѣшней жизни. Жители известной мѣстности имѣютъ свои базары и говорятъ: нашъ базаръ. Среднеазіатецъ ждетъ базара, какъ праздника. Онъ ѣдетъ и идетъ туда или купить, или продать, или просто провести время. На базарахъ—всѣ удовольствія непріхотливаго среднеазіатца: чай, пельмени, бача, скачка съ козломъ (кобурі); на базарѣ онъ тягается у казы (казія), который также выѣзжаетъ на базары; съ базара ждутъ его съ нетерпѣніемъ дѣти и жена, и ждутъ собственно не его, а тѣ два-три фунта баранины или сала, которые онъ долженъ привести съ базара...

Собственно въ Сугутѣ два базара: Яканшихъ въ дахѣ Акъ-курганъ, и Чукуръ, въ дахѣ Джинпаръ. Ѣздятъ сугутцы и на соседніе базары: въ Газира, на Полванъ-арыкѣ, ширазскаго тумана (понедѣльникъ), въ Чалекъ (суббота), въ Дагобитъ (четвергъ) и въ Самаркандъ (воскресенье и среду).

Въ Яканшихъ базаръ бываетъ по воскресеньямъ, въ Чукуръ—по вторникамъ.

Степные базары не то, что городскіе. На степныхъ нѣтъ лавокъ; есть лишь небольшія мазанки и глиняныя сидѣнья на полъ-аршина отъ полу. Торговцы сѣжаются со всѣхъ сторонъ и каждый защищаетъ свое, издавна абонированное мѣсто. Платы за него никакой нѣтъ, тѣмъ не менѣе право каждого уважается.

Вотъ какими товарами заняты мазанки и сидѣнья въ Яканшихъ:

продавцовъ маты	13
» халатовъ	4
» ножей и другаго желѣзнаго товара	2
» шелку	2
» приностей, лекарственныхъ травъ, зеркала и прочихъ статей женскаго туалета: бѣлизъ, румянъ	10

Такие торговцы зовутся: аттаръ, они же и лекаря отъ всевозможныхъ болѣзней.

Продавцовъ чая	6
» шелковыхъ матерій	8
» шорниковъ	4
» обуви	7
» хлопка	3
вѣсовщиковъ (они же скупаютъ хлѣбъ)	10
продавцовъ носоваго табаку	10
» баккаль (наша бакалея)	11
» прялокъ, веретенъ и другихъ деревянныхъ издѣлій	3
торговцевъ масломъ	9
кузнецовъ	8
мясниковъ	46
хлѣбниковъ	4
продавцовъ мыла	5
На Чукуръ-базаръ съѣзжается:	
продавцовъ алачи и другихъ бумажныхъ матерій	20
» маты	36
» хлопка	9
» мыла	9
» ситца	6
кузнецовъ	15
сапожниковъ	10
продавцовъ чая	9
хлѣбниковъ	8
продавцовъ молодого табаку	20
съ халатами и другими готовыми издѣліями	14
мясниковъ	56
аттаровъ	30
со свѣчами	10
продавцовъ готоваго чая (самоварчи)	6
шорниковъ	5
продавцовъ соли	10

Кромѣ этого, на базары узбеки привозятъ хлѣбъ въ зерпѣ и свои мѣстные произведенія: войлоки, кашы, арканы, переметныя

сумки, ошучи и т. п. Сборы на базарахъ бываютъ огромныя; на чавшихъ утромъ, торжище кончается за нѣсколько часовъ до заката солнца, дабы засвѣтло разбрестись по кишлакамъ. Говоря о базарахъ, слѣдуетъ сказать и о дорогахъ. Лучшія дороги ведутъ къ базарамъ. Колесныхъ дорогъ въ Сугутѣ нѣтъ. Большою дорогою считается та, на которой могутъ свободно разѣхаться два всадника. Такихъ дорогъ изъ Самарканда четыре: 1) Черезъ Халван и Канглы — въ Газира и на базаръ Яканшихъ, 2) черезъ Туталь-хакимъ, Ишимъ-аксакъ—въ Чалекъ; 3) черезъ Уртабозъ—въ Чукуръ базаръ и 4) черезъ Ядгаръ-бай, Ходжа-Измаилъ — въ Яканшихъ. Остальные дороги, въ особенности лѣтомъ, суть узкія тропинки между хлѣбами или рисовыми плантаціями, залитыми по брюхо лошади водою, пересѣченныя арыками, ямами съ водою такъ что ѣзда по Сугуту лѣтомъ требуетъ большаго терпѣнія и умѣнья сидѣть въ сѣдлѣ. Въ Сугутѣ нѣтъ арбъ; есть одноколки, въ которыхъ пахари перевозятъ удобренія, но одноколки эти, начавши свое существованіе въ какомъ нибудь кишлакѣ, тамъ его и кончаютъ. Сообщенія производятся исключительно верхомъ на лошадяхъ или на ослахъ. Населеніе привыкло къ этому способу сообщеній. Узбекъ прежде всего наѣздникъ; его привычный, хоть и тощій конь, не задумывается ни передъ арыками, ни передъ буграми. Извѣстная скачка съ козломъ (кокбури) замѣчательна единственно отвагой скачущихъ; въ остальномъ она некрасива. Переломы и вывихи рукъ и ногъ не въ силахъ заставить узбековъ бросить эту несчастную забаву. Скачки киргизъ производятся по ровной мѣстности; узбеки же скачутъ черезъ стѣны, арыки, ямы, переплываютъ рѣку Зеравшанъ... Я думаю, что англійская систематическая скачка съ препятствіями—ничто въ сравненіи съ бѣшеной скачкой узбековъ на ихъ поджарыхъ и съ виду нигуда негодныхъ лошаденкахъ. Узбеки пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ поскакать: на родинахъ, на помолвкѣ, на свадьбѣ, или просто безъ всякой причины, вывезетъ какой нибудь сорванецъ козла—и пошла потѣха. Даже люди солидные и важные не отказываются принять въ ней участіе. Такъ въ Самаркандѣ, на праздникѣ, данномъ въ честь генераль-губернатора, весною 1871 скакалъ съ козломъ бекъ Шарсабиза *) Тохтамышъ-инаакъ. Кок-

*) Инаге-Шахризбиза.

бури національна база; въ ней богатый и знатный равняются съ оборванцемъ. Впрочемъ, простота и равноправность вообще въ характеръ среднеазиатцевъ. Въ дорогѣ конюхъ ѣстъ палау съ своимъ господиномъ. Только гордые отъ природы, или зазнавшіеся, или заразившіеся нашими обычаями, держатъ себя неприступно.

Въ слѣдующей главѣ мы изложимъ краткія статистическія свѣдѣнія о Сугутскомъ туменѣ.

II.

Статистическія свѣдѣнія о Сугутѣ.

1) *Даха Ривачъ*. Населеніе: кипчаки (преобладающее), таджики и узбеки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Ривачъ *) 49, Ядгаръ 20, Туталь-хакимъ 26, Рауданъ 17, Джаръ 16, Коштене 6, Каллидаръ 26, Фанъ 22.

Ремесл. и промышл. завед., мечети, школы и казен. имущества: маслобонь 21, кузницъ 1, тканья маты 14, тканья алачи 8, мелочныхъ лавокъ 8, мечетей 8, школъ 8, мельницъ 5, толчей 5, копей 8.

2) *Д. Ишимъ-аксакъ*. Населеніе — кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Ишимъ аксакъ 69, Уртабазъ 6, Диварекъ-калянъ 39, Диварекъ-хурдъ 34, Ташлакъ 14.

Ремесл. и промышл. зав., мечети, школы и каз. имущества: маслобонь 10, кузницъ 1, мелочныхъ лавокъ 3, мечетей 5, школъ 3, мельницъ 10, толчей 5.

3) *Д. Буръячи*. Населеніе: кипчаки и ходжи. Состоитъ изъ кишлаковъ: Буръячи 42, Кыргызы 25, Уклонъ 29, Дегрезъ 18, Хальманъ 13.

Ремесл. и промышл. зав., мечети, школы и каз. имущества: маслобонь 6, кузницъ 2, тканья каламы 1, саножныхъ 2, мелочныхъ лавокъ 2, мечетей 5, школъ 5, мельницъ 1, толчей 5.

*) Цифры при названіи кишлаковъ показываютъ число дворовъ.

4) *Д. Ходжа-Измаилъ*. Населеніе: кипчаки и ходжи. Состоитъ изъ кишлаковъ: Ходжи-Измаилъ 46, Шійхымъ-сарай 20, Ногай-ата 12, Кутургентъ 12, Хакистаранъ 6.

Ремесл. и промышл. зав., мечети и школы: маслобонь 8, кузницъ 1, тканья маты 1, мелочныхъ лавокъ 3, мечетей 6, школъ 5, мельницъ 4, толчей 4.

5) *Д. Утябъ*. Населеніе: кипчаки и таджики изъ Бухары. Состоитъ изъ кишлаковъ: Утябъ 14, Акъ-курганъ 17, Карри 20, Кичкине карри 7, Султанъ-газы 30, Уразтай 22.

Ремесл. и промышл. зав., мечети, школы: маслобонь 6, кузницъ 1, тканья-маты 13, мечетей 6, школъ 6, мельницъ 9, толчей 5.

6) *Д. Джіанбекъ*. Населеніе: узбеки, сарай, туркменъ, кипчакъ. Состоитъ изъ кишлаковъ: Джіанбекъ 19, Тамуйрадъ 30, Кутуръ-булагъ 60, Чумышли 16.

Ремесл. и пром. зав., мечетей, школъ и каз. имущ. Маслобонь 8, тканья алачи 17, мечетей 7, школъ 1, мельницъ 5, толчей 7, копей 11.

7) *Ирназаръ-Курганъ*. Населеніе: кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Ирназаръ-курганъ 45, Бакалчакъ 22.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобонь 7, кузницъ 2, мелочныхъ лавокъ 2, мечетей 2, школъ 2, мельницъ 3, толчей 2.

8) *Д. Топаласъ*. Населеніе—кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Топаласъ 54, Айтамгалы-бала 19, Айтамгалы-полянъ 18.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобонь 1, кузницъ 2, мелочныхъ лавокъ 1, мечетей 3, школъ 3, мельницъ 3, толчей 4.

9) *Д. Халван*. Населеніе: таджики, узбеки, цыгане, ирани и узбеки: кыркъ-юзъ. Состоитъ изъ кишл. Халван 99, Кушакъ-расанъ 3, Зармакъ 9, Чала-курганъ 43.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы и каз. имущества. Маслобонь 16, кузницъ 1, тканья маты 2, мелочныхъ лавокъ 2, мечетей 5, школъ 4, мельницъ 4, толчей 12, копей 78.

10) *Д. Пушъ*. Населеніе—кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: пушъ 83, Хазанъ 48.

Ремесл. и пром. зав., мечети и школы: Кузницъ 1, тканья маты 1, мелочныхъ лавокъ 1, мечетей 5, школъ 5, мельницъ 2, толчей 1.

11) *Д. Кунджанъ*. Население — кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Кунджанъ 41, Чиртанъ или Каракисайъ 29, Ходжа-Кирманъ или Бакалчакъ 8, Айранчи или Чуулакъ 22, Каракипчакъ 13, Такузбай-тепе 17.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: кузницъ 2, мелочныхъ, лавокъ 5, мечетей 6, школъ 6, мельницъ 3, толчей 3.

12) *Д. Сырача*. Население: кипчаки: буркутъ, мангытъ, уйшунъ, найманъ и таджики.

13) *Д. Джурьятъ*. Население: кипчаки, найманы. Состоитъ изъ кишлаковъ, Джурьятъ 34, Найманъ-тепе 14, Югапъ-тепе 12.

Ремесл. и пром. зав. мечети, школы и каз. имущ. Маслобоень 7, кузницъ 1, мелочныхъ лавокъ 1, мечетей 3, школъ 2, мельницъ 4, толчей 2, копей 16.

14) *Д. Канлы*. Население: узбеки, канлы и найманъ, кипчаки, каракалпаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Канлы 46, Тальварзанъ 19, Тальризаъ 24, Хтай 38.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 10, кузницъ 1, тканья маты 1, тканья алачи 1, мелочныхъ лавокъ 6, мечетей 8, школъ 3, мельницъ 5, толчей 3.

15) *Д. Уртабозъ*. Население: узбеки, тюякы и кыркъ-юзъ, кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Уртабозъ 32, Майличукуръ 19, Хаштасса 22, Уйшунъ-тепе 32, Чалакурганъ 4.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы и каз. имущества: маслобоень 8, кузницъ 1, мечетей 6, школъ 5, мельницъ 8, толчей 3, копей 4.

16) *Д. Бишъ-Балъ*. Население: каракалпаки и кунградъ. Состоитъ изъ кишлаковъ: Бишъ-балъ 25, Митанъ 21, Аккауъ 21.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 1, кузницъ 1, мечетей 3, школъ 3, мельницъ 1, толчей 2.

17) *Д. Дивана-тепе*. Население: кунградъ. Состоитъ изъ кишлаковъ: Дивана-тепе 29, Карали 20, Сабаланъ 29.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 1, кузницъ 2, мечетей 3, школъ 3, мельницъ 6, толчей 3.

18) *Д. Карамуюнъ*. Население: каракалпаки, кунградъ. Состоитъ изъ кишлаковъ: Карамуюнъ (Тюрткуль-тепе) 32, Тунка-таръ 32.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 3, кузницъ 1, мечетей 2, школъ 2, толчей 1.

19) *Д. Джипаръ*. Население — каракалпаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Бикбута 23, Ханъ 24, Каракисекъ 30, Пирдонъ 13.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 10, мелочныхъ лавокъ 2, мечетей 5, школъ 4, мельницъ 5, толчей 4.

20) *Д. Аккурганъ*. Население: кипчаки, кыркъ-юзъ и ходжи. Состоитъ изъ кишлаковъ: Аккурганъ 41, Магги или Катаганъ 33, Даугаръ 15, Бишкаль 12, Ногоханъ 8, Шакуръ 5, Кузигузаръ 6.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 11, кузницъ 1, тканья маты 2, тканья алачи 1, мечетей 12, школъ 10, мельницъ 6, толчей 8.

21) *Д. Ширкурганъ*. Население: кипчаки и ходжи. Состоитъ изъ кишлаковъ: Ширкурганъ 27, Агаджаъ 10, Урда-базаръ 9, Хурми 41, Казакъ-ходжа 6.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 3, кузницъ 3, мелочныхъ лавокъ 1, мечетей 5, школъ 4, мельницъ 4, толчей 4.

22) *Д. Ширинкендъ*. Население — каракалпаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Конгуръ или Ширинкендъ-калянъ 26, Бурлакъ 16, Галабатуръ 20, Хтай 21, Шайманъ или Ширинкендъ-хурдъ 22.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: кузницъ 1, мечетей 5, школъ 2, мельницъ 1, толчей 2.

23) *Д. Каракентъ*. Население: каракалпаки и немного ходжей. Состоитъ изъ околдовъ: Каракентъ (Бабакиштепе) 84, Илятанъ 31.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 3, кузницъ 1, мечетей 3, школъ 3, мельницъ 2, толчей 6.

24) *Д. Констабазъ*. Население: каракалпаки и кипчаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Чимкурганъ 15, Ялама (Дуранъ) 45.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: кузницъ 1, мечетей 7, школъ 7, мельницъ 3, толчей 5.

25) *Д. Газыкунградъ*. Население — каракалпаки. Состоитъ изъ кишлаковъ: Газыкунградъ 74, Тутъ-халаджанъ (Ташкичу) 37, Бадъ-базъ 10.

Ремесл. и пром. зав., мечети, школы: маслобоень 1, мечетей 3, школъ 1, мельницъ 5, толчей 3.

Долина Зеравшана.

Рѣка Зеравшанъ.—Ирригаціонныя каналы (арыки).—Горные ключи (чашма).

Южнѣе тѣхъ пустынь, которыя составляютъ продолженіе понтокаспійской равнины, а именно южнѣе киргизскихъ степей, лежатъ огромныя оазисы хорошо воздѣланной земли, благодаря своему поверхностному, удобной для ирригаціи, яркому солнцу и необыкновеннымъ качествамъ почвы, состоящей, по преимуществу, изъ суглинка. Эти оазисы, раздѣленные обыкновенными травянистыми и холмистыми степями, или совершенно безплодными солонцоватыми пустынями, или, наконецъ, огромными песчаными пространствами, составляютъ то, что мы называемъ среднеазиатскими ханствами: Бухарой, Хивой и Коканомъ. Ихъ орошаютъ три главные рѣки Средней Азіи: Сыръ-Дарья, Зеравшанъ-Дарья и Аму-Дарья.

Рѣка Зеравшанъ-Дарья, составляетъ наше новѣйшее пріобрѣтеніе въ Средней Азіи, *) а потому нѣсколько замѣтоу о ней, полагая, не лишены интереса.

Рѣка Зеравшанъ-Дарья начинается, приблизительно, на меридіанѣ города Кокана, въ горахъ, составляющихъ какъ бы вѣтвь Кашгаръ-Давана. Горы эти съ ихъ рѣками, озерами и народами, въ подробности еще не описаны. Правда, что объ этихъ горахъ имѣются распросныя свѣдѣнія, за которыя нельзя вполне поручиться, но, не имѣя подъ рукою никакихъ другихъ источниковъ приходится воспользоваться этими свѣдѣніями. Согласно распросныхъ свѣдѣній, Зеравшанъ образуется изъ рѣкъ Мачи, Ягнау и Аби-фана (выходящаго изъ озера Искандеръ-нуля), и пройдя почти съ востока на западъ, узкою и скалистою долиною по деревни Суджина, отклоняется нѣсколько на сѣверо-западъ и разливается по широкой и живописной равнинѣ, называемой въ восточной части Зеравшанскимъ округомъ, а въ западной Бухарскимъ ханствомъ.

*) Статья эта писана авторомъ въ 1870 г.

Горы провожаютъ Зеравшанъ съ обѣихъ сторонъ почти на, равномъ разстояніи отъ его береговъ, и разстаются съ нимъ на обѣихъ берегахъ почти на одномъ меридіанѣ, а именно на меридіанѣ города Нурата. Отъ Джамскаго прохода (на долину сосѣдней рѣки Кашка-Дарья), горы лѣваго берега переходятъ въ холмы, идущіе на сѣверо-западъ и кончающіеся на урочищѣ Зира-булакъ, въ 12 верстахъ отъ Катта-Кургана. На правомъ берегу повторяются почти тѣ же явленія. Имѣя въ виду, что пространство это принадлежитъ уже Бухарскому ханству, я возвращаюсь собственно къ Зеравшанскому округу.

Зеравшанскій округъ лежитъ вдоль средняго теченія рѣки Зеравшана. Онъ весьма не великъ. Высоты Чупанъ-ата *) составляютъ какъ бы центръ округа. Съ высотъ Чупанъ-ата далеко видно на всѣ четыре стороны, и въ ясную погоду, съ помощію хорошей зрительной трубы, можно видѣть почти всѣ крайніе пункты округа, а именно: на востокъ Пянджикентъ; на юго-востокъ—Ургутъ; на сѣверо-востокъ и сѣверъ огромныя пространства праваго берега рѣки, и прямо на западъ—не менѣе значительное пространство Міанкали, т. е. собственно прибрежья рѣки, густо заселенныя узбеками и сплошь покрытыя великолѣпною растительностію **).

Слово Зеравшанъ весьма приблизительно можно перевести русскимъ словомъ: «Золотоносецъ». Старые люди говорятъ, что прежде рѣка приносила золото; но и въ настоящее время, даже при полномъ отсутствіи этого металла, воды Зеравшана не перестаютъ разносить по своей долиנѣ то золото, которое называется плодородіемъ.

Самую плодородную часть долины Зеравшана составляетъ ея середина, то междурѣчье, или, точнѣе, островъ, что начинается у Самарканда, гдѣ рѣка, какъ бы разбившись о высоты Чупанъ-ата, идетъ далѣе на западъ двумя рукавами, изъ которыхъ сѣверный называется по узбекски Акъ-Дарья, а по таджикски Дарья-Сафитъ (бѣлая рѣка), и южный — по узбекски Кара-Дарья, по таджикски Дарья-сіо (Черная рѣка). Оба рукава соединяются уже въ бухарскихъ предѣлахъ, близъ города Хатырчи.

*) Подъ городомъ Самаркандомъ.

**) Міанкалесь называется долина Зеравшана между городами Самаркандомъ и Хатырчи.

Русло Актъ-Дарьи находится ниже русла Кара-Дарьи; а потому, до сихъ поръ, въ апрѣлѣ или маѣ, всѣ тѣ, кто пуждается въ водѣ Кара-Дарьи, снаряжаютъ на общественный сборъ къ высотамъ Чупанъ ата экспедицію, причемъ, иной годъ нанимается до 4,000 рабочихъ. Рабочіе эти понижаютъ истокъ Кара-Дарьи изъ Зеравшана, и за тѣмъ, втеченіе года, земледѣлы по системѣ арыковъ Кара-Дарьи нужды въ водѣ не терять. Нѣтъ сомнѣнія, что прежде операція эта стоила очень дорого, потому что въ ней принимала участіе власть въ лицѣ бековъ каттакурганскаго и зѣутдинскаго, которые $\frac{2}{3}$ денежнаго сбора на работы оставляли у себя, и могли встрѣтиться особенно серьезныя затрудненія, если бы въ крайнихъ, чисто военныхъ видахъ, пришлось завалить истокъ Кара-Дарьи и посадить на суходоле почти весь Міанкаль, т. е. между-рѣчье, тѣмъ болѣе, что всѣ важнѣйшіе арыки этой мѣстности, питаются Кара-Дарьей. Таковы шесть главныхъ арыковъ хлѣбороднѣйшаго изъ участковъ Афаринкентскаго; таковы шесть большихъ арыковъ бекства Катта-Курганскаго.

Выше было сказано, что рѣка идетъ почти съ востока на западъ, и отъ деревни Суджина отклоняется нѣсколько на сѣверо-западъ. Но вообще можно замѣтить, что главная, такъ сказать, преобладающая линія стремленія водъ, все-таки направляется прямо съ востока на западъ и почти на всемъ 200-верстномъ теченіи своемъ, отъ Суджина до Бухары, рѣка, повинувся главному стремленію своихъ водъ, шлетъ на обѣ стороны иригаціонныя каналы (арыки).

Общее свойство арыковъ Зеравшанскаго округа состоитъ въ томъ, что всѣ они, выйдя изъ рѣки Зеравшана, не вливаются снова въ нее же, и расходясь на мелкіе ручейки пропадаютъ на плантаціяхъ, что и выражается туземцами однимъ словомъ: сзабъ.

Арыки суть вены, которыя, будучи направлены искусною рукою мѣстнаго иригатора, мгновенно оживляютъ землю, питаютъ ее и человѣка, а потому изученіе арычной системы кажется дѣломъ весьма серьезнымъ; къ несчастію, у насъ нѣтъ не только спеціальныхъ картъ по этой части, но даже и общія карты нашихъ среднеазіатскихъ владѣній не всегда могутъ похвастаться своею точностію... А потому и приходится довольствоваться свѣ-

дѣніями распросными. Но предварительно перечисленія арыковъ Зеравшанскаго округа, я скажу нѣсколько словъ объ административномъ и хозяйственномъ дѣленіи округа.

Зеравшанскій округъ дѣлится на два отдѣла: Самаркандскій и Катта-курганскій, которые, въ свою очередь, чисто въ хозяйственномъ отношеніи, раздѣляются, по прежнему бухарскому положенію, на туманы и тюмени (участки). Число сихъ послѣднихъ опредѣлить затруднительно; во-первыхъ, потому что при бухарцахъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ было менѣе тюменей, нежели существуетъ теперь, и во-вторыхъ, потому, что въ Катта-курганскомъ отдѣлѣ случилось это наоборотъ. Но дѣло не въ числѣ тюменей, а въ арычной системѣ.

Въ примѣчаніи 1-мъ къ настоящей статьѣ приведено росписаніе арыковъ, при чемъ арыки расположены такъ, что сначала перечислены тѣ, которые шлетъ изъ себя Зеравшанъ на обѣ стороны, между городкомъ Пянджентомъ и городомъ Самаркандомъ, затѣмъ перечислены арыки, выдѣляемые рукавами Кара и Актъ-Дарьи. Впрочемъ въ росписаніи я назвалъ только главные арыки, питающіе, въ свою очередь, множество маленькихъ, орошающихъ поля и сады и почти каждый дворъ — словомъ, разбѣгающихся всюду, подобно мельчайшимъ вѣткамъ дерева.

Нелишне замѣтить при этомъ къ слову, что необыкновенно много ума и опыта проглядываетъ въ умѣнѣхъ здѣшнихъ земледѣловъ проводить арыки, въ умѣнѣхъ пользоваться, безъ всякихъ попытокъ неведировація, самыми незначительными отклоненіями поверхности отъ общаго уровня, въ умѣнѣхъ направлять воду такъ, что, глядя на иной арыкъ, вамъ кажется, что васъ обманываетъ глазъ: вода идетъ почти въ гору... Замѣчательные случаи подобнаго рода я видѣлъ въ горахъ Нурата, именно въ Богданатинской волости Джизакскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области.

Почти всѣ арыки проводились и проводятся на общественный счетъ, и лишь очень рѣдко отдѣльными личностями или самимъ правительствомъ.

Древность арыковъ опредѣлить трудно, потому что преданія объ этомъ сбивчивы; тѣмъ не менѣе, самымъ древнимъ изъ арыковъ Зеравшанскаго округа считается Мирза-арыкъ, которому будто-бы 470 лѣтъ.

Кромѣ орошенія посредствомъ ирипациі, часть земель Зеравшанскаго округа орошается годными ключами (чашма). Таковъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ туманъ Чашма-абскій, на юго-западѣ отъ Самарканда, такова вся южная часть Катта-Курганскаго отдѣла и, отчасти, сѣверная половина всего округа, гдѣ склоны горъ Нурата и Гадашъ-туа шлютъ мѣстами ключи, которые и въ южной части Катта-Курганскаго отдѣла, такъ-же какъ и въ Чашмаабскомъ тюменѣ, бѣгутъ изъ ущелій горъ Шарсабизскихъ.

II.

Земледѣльческія орудія средне-азіатцевъ. — Земледѣльческія продукты долины Зеравшана.—Урожай 1868 г.—Цифра населенія Зеравшанскаго округа.

Средне-азіатскія ханства могутъ называться, по преимуществу, странами хлѣбородными.

По ученію ислама, первымъ пахаремъ былъ пророкъ Адамъ, онъ-же и первый человѣкъ. Одни мусульманскіе ученые говорятъ, что онъ училъ земледѣлію дѣтей своихъ будто-бы около города Уша, въ Коканскомъ ханствѣ; другіе увѣряютъ, что первые уроки агрономіи были даны близъ Мекки... Правда, что мусульманинъ весьма любитъ библейскій міръ, любитъ переносить его на свою почву, какъ, напримѣръ, перенесъ онъ въ окрестности Ташкента, (по дорогѣ въ Чимкентъ) гору Араратъ *); но глядя на земледѣльческія орудія того-же мусульманина, обходящаго въ здѣшней странѣ, нельзя не согласиться безпрекословно, что, въ самомъ дѣлѣ, только первобытный человѣкъ да современный намъ средне-азіатецъ, со всѣмъ его библейскимъ отпечаткомъ, только они и могутъ воздѣлывать землю тѣми орудіями, какія находятся и доселѣ въ распоряженіи «правовѣрныхъ» обитателей Средней Азіи, отъ Каспія и до Кашгара... Трудно вообразить себѣ что нибудь проще, дешевле и оригинальнѣе, хотя все-таки нельзя не выразить удивленія передъ тою годностью азіатскихъ земледѣльческихъ инструментовъ, которая, кажется, такъ плохо гармонируетъ съ ихъ утлымъ существованіемъ. Между тѣмъ, машинъ этихъ оказывается вполне достаточно, и средне-азіатецъ, въ дѣлѣ механики, продолжаетъ идти впередъ, такъ-же какъ и во всемъ другомъ, т. е. стоитъ на мѣстѣ.

*) Гора Казбекъ, островъ Каратау.

Вотъ эти земледѣльческія орудія:

Плугъ (по узбекски—тымъ, по таджикски—позе), кривая лѣсина, съ чугуннымъ ломикомъ (амачъ) на одномъ концѣ и неуклюжимъ дышломъ по-средиѣ, съ аляповатымъ ярмомъ (буин-трукъ) для воловъ. Все это связано шерстяными веревочками, сбито мѣстами деревянными гвоздиками, и все это отъ поры до поры, т. е. отъ распашки до распашки, едва держится. Верхній конецъ лѣсины, само-собою, разумеется, находится въ распоряженіи пахаря, какъ правило *).

Борона (мала) похожа на гигантскія грабли, съ деревянными или желѣзными зубьями. Мала приводится въ движеніе также волами, причѣмъ земледѣлецъ стоитъ на точкѣ соприкосновенія лѣсины.

Эти два инструмента употребляются при распашкѣ.

При уборкѣ хлѣба идутъ машины другіе, также весьма незамысловатыя:

а) деревянная лопата, по-узбекски — крѣкъ, по-таджикски — биль, и

б) вилы о пяти зубьяхъ, по-таджикски и по-узбекски—пянджшаха. Зубья ихъ нѣсколько загнуты внутрь. Хлѣбъ, взмолоченный лошадьми или рогатымъ скотомъ, бросаютъ на вѣтеръ посредствомъ пянджшаха, а впоследствии, иногда, немного просѣиваютъ рѣшетами.

Затѣмъ, у средне-азіатцевъ никакихъ земледѣльческихъ инструментовъ нѣтъ, если не считать исключительно земледѣльческимъ орудіемъ мотыгу (кетмень), замѣняющую въ домашнемъ обиходѣ даже и лопату: средне-азіатецъ своею круглою мотыгою дѣйствуетъ вообще очень ловко.

Продукты, засѣваемые въ Зеравшанскомъ округѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на продукты, свойственные многимъ мѣстностямъ, каковы пшеница, ячмень и т. п.; и на продукты чисто-мѣстные, каковы: разные виды проса, хлопокъ и т. п.

Растенія огородныя не вошли въ мои очерки, потому что виды ихъ и обработка почти тѣ-же, что и въ Россіи. И здѣсь часть

*) Не лишне замѣтить, что и чугунный лемехъ—роскошь. Большинство пахарей безъ него или по-бѣдности, или по-привычкѣ.

овощей засѣвается въ садахъ и огородахъ, а частью въ полѣ, что и называется, какъ и на югѣ Руси, багча.

Вообще, по мнѣнію моему, овощи здѣшняго края подлежатъ особому обзору, помимо настоящихъ очерковъ, потому что представляютъ собою, нѣкоторымъ образомъ, особый видъ хозяйства, вмѣстѣ съ виноградомъ, цвѣтами и т. п.

Роспisanіе продуктовъ, ихъ посѣва, количества засѣваемыхъ сѣмянъ, времени посѣва, поливки, времени жатвы и уборки, съ указаніемъ на неблагоприятныя условія для урожая, а также употребленія продуктовъ и цѣны на оныя, съ надлежащими примѣчаніями показаны въ особомъ приложеніи II-мъ, помѣщенномъ въ концѣ статьи.

При этомъ считаю необходимымъ оговориться, что, собирая свѣдѣнія о земледѣльческихъ продуктахъ Зеравшанскаго округа, я имѣлъ въ виду только взяться за начинъ дѣла, предоставляя дальнѣйшія изысканія специалистамъ, а потому замѣтки мои строгой критики, конечно, не выдержать, тѣмъ болѣе, что я незнакомъ съ приемами, необходимыми для составленія агрономическихъ статей.

Урожай перечисленныхъ въ приложеніи II продуктовъ, въ 1868 году, по Зеравшанскому округу, опредѣлить въ точности трудно, потому что не было недостатка въ обстоятельствахъ, препятствовавшихъ успѣху урожая. Вотъ эти обстоятельства: 1) начало и ходъ военныхъ дѣйствій въ самую рабочую пору года (май, июнь), вслѣдствіе чего, 2) препятствія къ засѣву; 3) порча засѣяннаго, и 4) препятствія къ орошенію. А потому предположенія о неточности нижеслѣдующихъ цифръ урожая являются хоть и непремѣннымъ, но и совершенно основательнымъ слѣдствіемъ того, что военныя обстоятельства вліяли на успѣхъ урожая. Къ обстоятельствамъ подобнаго рода непосредственно относятся передвиженія нашихъ отрядовъ и тѣхъ огромныхъ массъ конницы, которыя составляли армию непріятеля. Таковы движенія русскаго отряда по долинѣ Зеравшана, къ высотамъ Чупанъ-ата, 1-го мая 1868 года; затѣмъ атака Ургута; движеніе къ Катта-Кургану и стоянка въ окрестностяхъ этого города, когда наши казаки шашками жали хлѣбъ на кормъ для своихъ коней; таковы: два дня дѣла у Кара-тюбе (27 и 28-го мая) и, наконецъ, семидневная блокада Самарканда, когда кенегезы, кипчаки и другіе не щадили

ни города, ни окрестныхъ полей и садовъ, и безъ того заброшенныхъ, вслѣдствіе смутнаго времени, на произволъ судьбы. И за всѣмъ тѣмъ, край, ни въ первые мѣсяцы послѣ своего успокоенія, ни даже до сихъ поръ, не ощутилъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ будто-бы ровно ничего не случилось, хотя случилось весьма многое: потоптаны хлѣба, порублены сады, вытравлены и выматы клеверныя плантаціи, испорчены плантаціи хлопковыя и овощныя, достаточно погубло рабочихъ рукъ. Тѣмъ не менѣе принявъ за основу ту $\frac{1}{5}$ часть урожая, которая берется въ казенную подать, хераджъ, мы получаемъ нижеслѣдующія цифры урожая земледѣльческихъ продуктовъ Зеравшанскаго округа въ 1868 году:

Въ отдѣлахъ:

	Самарканд- скомъ.	Катта-Кур- ганскомъ.	Итого.
Пшеница богара	60,045	138,960	145,005
» трамаи	655,092	246,249	901,341
Ячмень	307,130	131,848	438,978
Рисъ	360,049	22,973	383,022
Просо и просянка	26,208	10,126	36,334
Горохъ	2,406	—	2,406
Джугара	106,967	55,885	162,852
Макъ	564	688	1,252
Зыгерьъ	14,170	5,406	19,576
Кунджуть	2,685	1,765	4,450
Мошъ	13,008	7,363	20,371
Нахуть	244	—	244
Махсаръ	924	—	924
Индау	2,247	—	2,247
Зеленый табакъ	—	1,885	1,885
Бѣлый »	—	2,206	2,206
Хлопокъ	43,412	50,328	93,740

Необходимо замѣтить, что въ эту таблицу не вошелъ урожай съ земель вакуфныхъ, отдаваемыхъ обыкновенно въ аренду въ частныя руки. А потому добратъ до точныхъ цифръ урожая съ вакуфныхъ земель *) невозможно. Кромѣ того, и самая таблица,

*) Вакуфомъ называется все, что завѣщено эмирами или частными лицами, мечетямъ, медресе и т. п. Вакуфомъ можетъ быть садъ, торговая баня и прочее.

основанная на опредѣленіи $\frac{1}{3}$ урожая поступающей въ податъ хераджъ не можетъ быть названа вполне точной, хотя даетъ объ урожаѣ 1868 года, въ Зеравшанскомъ округѣ, приблизительное понятіе.

Въ заключеніе очерка, я нахожу удобнымъ сообщить, что населеніе Зеравшанскаго округа простирается до 200,000 душъ обоаго пола.

III.

Очеркъ среднеазіатскихъ податей.—Подати земледѣльческія.

Начала общественнаго хозяйства цивилизованныхъ обществъ возникали подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и всегда непосредственно зависѣли отъ этихъ условій, и отъ того участія, которое принималъ народъ въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Въ большинствѣ случаевъ, двигателемъ массъ на пути усовершенствованія въ экономическомъ отношеніи, мы находимъ или вліяніе сосѣдей, или, просто, всемогущую силу времени; но рѣдко въ подобныхъ процессахъ народной жизни, встрѣчаемъ какой бы то ни было участницей религію. Даже вліяніе христіанской религіи, въ этомъ отношеніи, отражалось лишь въ первое время появленія ея у народа, когда онъ изъ бродячаго и дикаго становился осѣдлымъ и умиротворялся. Затѣмъ, послѣ общаго догмата «о власти и дани», христіанская религія не принимала на себя никакихъ указаній въ экономической жизни народа, предоставляя это тѣмъ началамъ народнаго хозяйства, которыя непосредственно исходятъ изъ мѣстныхъ условій края, т. е. почвы, климата и проч. И чѣмъ рельефнѣе является передъ нами, вслѣдствіе того, высокая культура христіанскихъ странъ, тѣмъ серьезнѣе обращаютъ на себя вниманіе тѣ вѣроисповѣданія, которыя задержали развитіе народовъ, какъ на примѣръ, религія Магомета, проникнувшая во всѣ поры обществъ мусульманскаго востока. Вліяніе ея мы находимъ, до послѣдняго времени, на всемъ общественномъ строѣ мусульманскихъ государствъ и, между прочимъ, на общественныхъ податяхъ, которыя также

не забыты кораномъ и, въ числѣ прочихъ общественныхъ отправленій, укрѣплены за народомъ, какъ догматы религіозные, довольно точно указаны и даже названы по именамъ: хераджъ, тапанъ и закеть. Съ появленія ислама, эти три подати жили и живутъ въ Средней Азіи. Онѣ водворились въ Хивѣ, Бухарѣ, Кокандѣ, Кашгарѣ, Кабулѣ и во всѣхъ мусульманскихъ владѣніяхъ Индостана; но со времени появленія своего измѣнились въ своей сущности. А именно: коранъ предназначилъ ихъ будто-бы, въ исключительное достояніе тѣхъ паразитовъ, которые зовутся здѣсь муллами, ишанами, шейхами и т. п. Подати эти сдѣлались, благодаря деспотизму, собственностію правителей, и столкнувшись такимъ образомъ, съ властью, а частію съ мѣстными условіями, подверглись реформамъ. Впрочемъ, мѣстные условія странъ и власть повліяли только на размѣры ихъ и на способы взиманія. Но извѣстно, что деспотизмъ мусульманскихъ правителей, освященный религіей, и доселѣ создаетъ и уничтожаетъ всѣвозможные виды поборовъ, а въ старину, въ періодъ младенческаго состоянія обществъ, онъ тѣмъ болѣе безцеремонно и безнаказанно ворочалъ народнымъ хозяйствомъ и безбожно похищалъ общественное достояніе, открывая еще въ несложившихся началахъ этого быта новыя источники дохода. Потомъ начинался сборъ, проходили годы, формировалась давность и, въ концѣ концовъ, общество, незамѣтно для себя, признало за новыми, случайно возникшими, сборами законность, и покорно, изъ года въ годъ, понесло ихъ наравнѣ съ тѣми, которые были указаны Магометомъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, порядокъ возникновенія среднеазіатскихъ податей. Исключеніе представляютъ лишь тѣ немногіе случаи, когда народъ проситъ о реформѣ какой-либо подати, и она измѣнялась, или когда новая отрасль дохода въ пользу правительства выходила изъ общихъ порядковъ сама собою. Такова подать кошъ-пулъ, о которой подробнѣе будетъ говорено ниже. Изъ сказаннаго же пока является совершенно самостоятельное дѣленіе здѣшнихъ податей или доходовъ на два разряда: а) на основныя: 1) хераджъ, 2) тапанъ и 3) закеть; и б) на случайныя.

Это дѣленіе доходовъ существуетъ въ Зеравшанскомъ округѣ и теперь.

Основные подати. Хераджъ—подать земледѣльская; она состоитъ въ томъ, что хлѣбопашецъ платитъ правительству ежегодно извѣстную часть урожая тѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые онъ обрабатывалъ. Размѣръ хераджа въ точности не опредѣленъ даже и кораномъ, а, потому не только цѣлыя государства какъ Бухара и Коканъ, но даже и провинціи того или другого ханства платили и платятъ повелителямъ своимъ хераджъ не въ одинаковомъ размѣрѣ: отъ $\frac{1}{3}$, до $\frac{1}{5}$, или $\frac{1}{10}$ урожая. Власть, соображаясь съ мѣстными условіями, назначала ту или другую величину, и мѣста низменныя, обильныя водой, вносили $\frac{1}{3}$, степныя пашни платили $\frac{1}{5}$, или какъ тѣ, такъ и другія, пользуясь особыми льготами, ограничивались $\frac{1}{10}$, а не то и ничего не платили. Такія земли называются вакуфами и доходы съ нихъ поступаютъ туда, куда земли эти завѣщены или, точнѣе, приписаны: въ медресе, въ мечети, на ремонтъ святыхъ могилъ и т. п. Впрочемъ и вакуфы удѣляли правительству часть доходовъ, получавшихъ однако исключительное назначеніе—поступать въ пользу бѣдныхъ, по распоряженію эмира и бековъ. Этотъ сборъ сохранился въ Зеравшанскомъ округѣ и доселѣ. Онъ относится также къ разряду случайныхъ доходовъ, сообразно его неожиданнаго открытія нашей администраціей. Доходъ этотъ сравнительно съ тѣмъ, что поступаетъ въ пользу медресе и т. п. или, точнѣе, въ карманы паразитовъ, весьма невеликъ; а если взять въ соображеніе, что медресе пусты и видимо ветшаютъ, то часть дохода съ ихъ вакуфовъ въ пользу казны смѣло можетъ быть названа ничтожною, несоотвѣтствующею здравому смыслу; потому всѣ вакуфные доходы проѣдаются и даже пропиваются тѣми немногими паразитами-муллами, которые и доселѣ живутъ въ дряхлыхъ основахъ самаркандскихъ медресе. Таковы, напримѣръ, въ самаркандскомъ медресе «Тилла-кари» муллы: Назари-чекмень, Ишанъ-суфи-ходжа, Мирза-фаизъ, Домра-Нурулла-муфти, бросившій жену, и другіе. Они жуируютъ на вакуфныя деньги, какъ имъ угодно и какъ только можно жуировать по мѣстнымъ обычаямъ... Ихъ тѣшатъ бачи (хорошенькіе плясуны); они кушаютъ палау (пилавъ), пьютъ бузу и муссаллясъ^{*)}; ими занято каждымъ по нѣскольку

^{*)} Мѣстные ольянющіе напитки, первый изъ риса или проса, второй изъ винограда.

келій (худжра), гдѣ, вмѣсто корана, раздаются бубны и пѣсни... Назари-чекмень отдаетъ вакуфные доходы въ ростъ и живетъ процентами, сберегая капиталъ.... Да! Исламъ переживаетъ себя, а потому не лишне было-бы обратить на слабыя стороны его существованія вниманіе болѣе серьезное... Миѣ кажется, что самаркандскіе мусульмане не опечалились бы, если бы на доходахъ съ нѣкоторыхъ вакуфовъ была построена для нихъ больница.

Не оплачивались при бухарцахъ ровно ничѣмъ, за немногими исключениями, одни милъки, т. е. земли благопріобрѣтенныя эмирами въ аренды. Впрочемъ, толкованія о происхожденіи милъковъ весьма разнообразны. Сначала показалось, что владѣльцы милъковъ (милъкдоръ) суть по большей части ходжи и сеиды, т. е. потомки Магомета и первыхъ халифовъ, а потому они всегда стояли и стоятъ на сторонѣ враждебной намъ партіи. Вслѣдствіе этого, администрація не могла не заинтересоваться ихъ оригинальными преимуществами относительно податей; нужны были разъясненія этихъ правъ, потому что и самыя права нѣкоторыхъ владѣльцевъ милъковъ, названіе ходжа и сеидъ оказались подозрительными. По этимъ причинамъ, милъки были подчинены, относительно сбора хераджа, общему порядку, т. е. вносу, наравнѣ съ прочими землями, $\frac{1}{5}$ урожая; затѣмъ было приступлено къ разъясненію правъ ихъ владѣльцевъ на званіе ходжа и сеидъ, причемъ сдѣланы были даже нѣкоторыя генеалогическія изысканія о потомствѣ пророка, какъ неожиданно возникло новое толкованіе о происхожденіи милъковъ. Сторожилы рассказали, что давнымъ-давно (и невѣсть когда!) бухарскіе эмиры, возвратившись изъ какого-нибудь похода, или будучи больны, жаловали приближеннымъ казы,^{*)} сеидамъ и ходжамъ право на полученіе съ извѣстныхъ участковъ сборовъ хераджа и другихъ поземельныхъ податей. Пожалованному выдавался документъ, записывавшійся въ особую книгу, которая теперь должна быть у настоящаго эмира. Пожалованные должны были вторить за эмиромъ намазъ, а потому права на эти аренды поддерживались и преемниками жертвователей—эмировъ.

✓ По смерти тѣхъ, кому были пожалованы сборы, наслѣдники

^{*)} Казы — и духовный, и свѣтскій судья.

ихъ вмѣсто того, чтобы возвратить право сбора въ казну, противозаконно перепродали его, и въ документахъ о перепродажѣ участки были названы мильками; т. е. собственными, хотя самыя земли все-таки не были проданы, а уступлено было за известную плату право сбора съ нихъ хераджа и другихъ податей. Такимъ образомъ, земледѣльцы, обработывавшіе эти участки, отдавали подати не въ казну, а купившимъ на нихъ право, такъ что собственно земля какъ была издавна казенною, числится въ районѣ какого нибудь кишлака (деревни), такъ ею и осталась.

По всѣмъ же этимъ даннымъ нѣтъ никакихъ основаній считать подобныя земли мильками, т. е. собственностью частныхъ лицъ, и тѣмъ болѣе теперь, потому что послѣдніе претенденты ни по родству, ни по происхожденію не имѣютъ ничего общаго съ тѣми лицами, которымъ когда-то эмиры пожаловали право сбора. А потому въ настоящее время, когда отъ нихъ потребовали первые документы, оказалось, что они затрудняются представить ихъ, потому что документовъ этихъ у нихъ, кажется, нѣтъ.

Вопросъ, какъ видно, совершенно перемѣнился. Но прошло нѣсколько времени и явилось третье сужденіе, а именно, что въ настоящее время милькъ названіе, не обуславливаемое исключительно ни свободой земли отъ сбора, ни даже правомъ собственности, ибо теперь этимъ именемъ стали называться земли, поставленныя въ весьма разнообразныя условія владѣнія или пользованія... и т. д. Казалось-бы, что, въ виду подобныхъ неточностей, вопросъ о милькахъ требуетъ, при его рѣшеніи, большой осторожности, въ особенности если принять въ соображеніе вѣроятную незначительность доходовъ и то обстоятельство, что большинство мильковъ принадлежитъ людямъ бѣднымъ.

Земледѣльческія произведенія Зеравшанскаго округа, оплачиваемыя хераджемъ, какъ помянуто было и выше, суть или продукты общіе многимъ мѣстностямъ, какъ напримѣръ, пшеница, ячмень, просо, горохъ, льняное сѣмя, табакъ, марена и макъ, или продукты чисто мѣстные, каковы хлопокъ, рисъ, джугара (видъ кукурузы), кунакъ (просянка), кунджуть, адасъ, махсаръ, индау (видъ сѣмяни) и машъ нахуть (виды гороха). Кромѣ того, въ Челекскомъ тюменѣ Самаркандскаго отдѣла хераджъ берется и съ огородныхъ растений: лука, моркови, свеклы и т. п. Этотъ же

порядокъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Катта-Курганскаго отдѣла, хотя во всѣхъ прочихъ мѣстахъ огородныя растенія, засѣянные въ садахъ оплачиваются сборомъ «танапъ» а воздѣланные въ полѣ платятъ подать «кошъ-пулъ». О той и другой подати будетъ говорено ниже. Здѣсь кстати сказать, что строгой системы въ среднеазиатскихъ податяхъ нѣтъ; напротивъ, исключенія изъ общаго преобладающаго порядка весьма часты, а потому даже поверхностное изученіе ихъ составляетъ трудъ самостоятельный.

Сборъ хераджа съ полевыхъ раннихъ (акъ) начинается съ мая, а съ позднихъ (коктъ) съ августа.

Сборъ хераджа въ прошломъ 1868 году производился черезъ туземныхъ сборщиковъ (серкеровъ или амлякдаровъ) и получался частію натурою и частію деньгами, по заранѣ утвержденнымъ цѣнамъ.

Который изъ этихъ способовъ лучше, или какія вообще мѣры необходимы для того, чтобы подать не расхищалась и полностью поступала въ казну—составляетъ важный вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ весьма удобоуловимый, если будутъ заведены: а) хозяйственные карты и б) преданные, заинтересованные службой, т. е. получающіе жалованье или опредѣленные проценты сборщики изъ туземцевъ подъ надзоромъ понимающихъ дѣло, или чиновниковъ (*). Тогда дѣло, пойдетъ иначе, если даже и способъ сбора останется прежнимъ. При мусульманскомъ правительствѣ сборщики служили подъ страхомъ ужасныхъ истязаній и смерти. Конечно, мы въ роли просвѣтителей Средней Азии и въ качествѣ нации цивилизованной, гуманной и т. п. должны придти отъ этого только въ ужасъ.

(*) Вообще, служба по военно-народному управленію весьма своеобразна и требуетъ особенно усерднаго изученія. Кромѣ языка, которому учиться никогда не поздно, хотя бы ради того, чтобы не быть игрушкой неразвитаго переводчика нужно постоянно, усердно, до мелочи изучать народный бытъ, хозяйство и вообще край. Только при этихъ условіяхъ второстепенные дѣятели могутъ быть истинными помощниками высшей власти и дѣло можетъ идти хорошо. Служба по военно-народному управленію не любитъ увлеченій, по той простой и важной причинѣ, что всякое примѣненіе къ дѣлу личныхъ взглядовъ полезно только тогда, когда есть знаніе и опытность.

✓ Танапъ—подать также земледѣльческая, или, вѣрнѣе, поземельная. Танапъ оплачивается не продукты, а землю, находящуюся подъ ними, танапъ берется деньгами—съ каждаго танапа (**) засѣяннаго джунушкой (клеверъ, люцерна), лукомъ, морковью, свеклой, рѣпой, рѣдкой, капустой и другими огородными растеніями, когда они засѣяны въ пригородныхъ садахъ. Но эти же продукты на полевыхъ плантаціяхъ (багча) оплачиваютъ уже совсѣмъ другой видъ подати: кошъ-пулъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

✓ Танапъ берется съ того же пространства земли, занятой виноградомъ, фруктовыми деревьями и клеверомъ.]

Размѣры танапа очень разнообразны. Они могутъ быть выражены въ нижеслѣдующемъ описаніи.

Наименованіе тѣм.	Съ джунушки (клеверъ, люцерна)		Съ огородныхъ растеній и фруктовъ	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Самаркандск. отд.: Шавдарскій, въ которомъ находится г. Самаркандъ.				
а) Мѣстности, ближайшія къ городу платить.	2	»	2	»
б) Мѣстности отдаленныя отъ города взносить	1	»	1	60
	1	20	»	»
	1	60	»	»
Афарингентскій	1	20	1	20
Шираскій	1	20	1	20
	»	»	»	»
Анхорскій	1	20	1	20
	»	»	»	»
Тюртъ-Кульскій	* 1	20	не существуетъ	2
	—	—	—	—
Панджентскій	1	—	1	20
	1	20	—	—
Каратюбинскій	1	20	—	—

(*) Танапъ по единственному кодексу мусульманъ, шаріату, равенъ 60 квадрат. сажамъ, что равняется 90 квадрат. русскимъ аршинамъ, или 10 квадрат. печатнымъ саженимъ.

Наименованіе тѣм.	Съ джунушки (клеверъ, люцерна)		Съ огородныхъ растеній и фруктовъ	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Ургутскій	1	—	1/5 урожая	2
	1	20	—	—
Чашмаабскій	1	—	1	—
Чилекскій	1	20	1/5 хераджъ	2
	1	40	1/5 »	3
Яны-Курганскій (Дюшамбе)	1	60	2	40
Сугутскій	1	20	1	60

Катта-Курганскаго отдѣла: въ Маианкалѣ *), по арыкамъ: Хазыръ, Наука, Нарпай и Дикангапъ—1 р. 20 к., 1 р. 60 к., 2 р., 2 р. 40 к. и 3 р. 60 к.

Земли на горныхъ ключахъ—1 р. 20 к.

Крайняя, повидимому, неравномѣрность сбора танапа, вызываетъ разнаго рода предположенія. Между тѣмъ она основана единственно на условіяхъ сбыта произведеній: чѣмъ ближе тюмень къ людному и базарному пункту, тѣмъ болѣе берется въ немъ танапа и на оборотъ.

✓ Танапъ начинается поступать съ половины года.

✓ Ближайшее сродство съ танапомъ имѣетъ другая поземельная подать кошъ-пулъ.

✓ Подать кошъ-пулъ существуетъ въ краѣ не болѣе 15-ти лѣтъ. Она установлена исключительно для багчей (овощныхъ плантацій) и берется съ плуга и пары воловъ, что называется кошъ, въ размѣрахъ, значащихся ниже. Подать эта введена прежнимъ правительствомъ **) по просьбѣ земледѣльцевъ, которымъ подать танапъ съ багчей казалась обременительною. Подать кошъ-пулъ разложена на всѣхъ занимающихся земледѣліемъ и по всѣмъ тюменямъ, кромѣ Каратюбинскаго, и хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ иное лѣто, овощи вовсе не засѣваются, но подать съ кошей все-таки берется по раскладкѣ.]

Размѣры этой подати нижеслѣдующіе:

*) Маианкалемъ, какъ упомянуто выше, называется часть долины Зеравшана между рукавами Кара и Акъ-Дарыя.

**) Отцомъ настоящаго эмпра.

Въ тюменяхъ Самаркандскаго отдѣла:

- 1) Афаринкентскомъ—съ коша (т. е. съ плуга и пары воловъ) берется—3 р. 20 к. и 3 р. 60 к.; 2) Шавдарскомъ — 1 р., 1 р. 20 к. и 1 р. 60 к.; 3) Ширазскомъ—1 р., 1 р. 20 к., 1 р. 40 к., 1 р. 80 к., 2 р. и 2 р. 40 к.; 4) Анхорскомъ — 1 р. 20 к.; 5) Тюртъ-Кульскомъ — 2 р. 40 к. и 2 р. 80 к.; 6) Пянджентскомъ — 1 р., 1 р. 20 к., 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к.; 7) Чашмаабскомъ—1 р.; 8) Каратюбинскомъ — не существуетъ, потому что никогда не было и нѣтъ овощныхъ плантацій; 9) Ургутскомъ—1 р., 1 р. 60 к. и 2 р. 40 к.; 10) Чилекскомъ—2 р. и 2 р. 40 к.; 11) Яны-Курганскомъ—2 р. 80 к. и 3 р. 60 к.; 12) Сугутскомъ—2 р. 80 к. и 3 р. 60 к.

Въ тюменяхъ Катта-Курганскаго отдѣла, овощныя плантаціи оплачиваются иначе, а именно: тамъ, по установившемуся обычаю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ овощныхъ плантацій берется хераджъ, т. е. $\frac{1}{5}$ урожая, а въ другихъ—деньги.

- 1) Въ Мианкаль—2, 3 и 4 р. съ коша; 2) въ участкахъ на горныхъ ключахъ—1 р. и $\frac{1}{5}$ урожая.

Неравномѣрность подати, старожилы и серкеры объясняютъ тѣмъ, что при назначеніи цифры сбора (это было при покойномъ Эмирѣ-Насрѣ-Аллахѣ), мѣстности, отдаленныя отъ торговыхъ пунктовъ или скудныя водою, получили преимущество предъ тѣми мѣстами, которыя богаче водою и ближе къ базарамъ или вообще къ пунктамъ люднымъ, куда доставка легче и сбытъ выгоднѣе. По соображенію цифръ кошъ-пула съ разстояніемъ, изложенное выше объясненіе стариковъ можетъ считаться правдоподобнымъ.

IV.

Закетъ.—Доходы случайные.

✓ Закетъ—подать торговая. Закетъ напоминаетъ собою наши гильдейскія пошлины, хотя, по способу взиманія, очень походить на таможенный сборъ. Закетъ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ берется въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ купеческаго капитала, разъ въ годъ. Закетъ Зеравшанскаго округа поступаетъ на прежнихъ основаніяхъ: а) съ каравановъ, т. е. товаровъ; б) съ бараньихъ гуртовъ, и в) съ товаровъ и барановъ въ розничной продажѣ на базарахъ.

✓ По подробномъ разсмотрѣніи этихъ сборовъ оказывается, что всѣ они суть одно и то-же, а именно: $\frac{1}{40}$ капитала, съ тою лишь разницею, что эта $\frac{1}{40}$ берется въ первомъ наименованіи—съ товара, во второмъ наименованіи—съ бараньихъ гуртовъ и въ третьемъ наименованіи—съ каждого барана и товара по мелочи, продаваемого на базарѣ въ розничной торговлѣ.]

Разбирая каждый изъ этихъ видовъ закета, мы находимъ:

- а) закеть съ каравановъ или товаровъ берется въ Самаркандѣ, Чилекѣ и Катта-Курганѣ.

Въ Самаркандѣ и Чилекѣ сборъ производится со всѣхъ товаровъ, проходящихъ въ Россію изъ Бухары, а также и съ тѣхъ, которые идутъ для продажи собственно въ предѣлахъ Зеравшанскаго округа.

Въ Катта-Курганѣ закеть берется съ товаровъ, предназначающихся для продажи собственно въ этомъ городѣ и его районѣ.

Главною побудительною причиною назначенія таможенными пунктами Самарканда и Чилека, по отношенію къ приходящимъ въ Россію товарамъ, для администраціи Зеравшанскаго округа, послужило соединеніе близъ этихъ пунктовъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ изъ предѣловъ округа, и собственно Самаркандъ принять въ соображеніе еще и потому, что караванъ-баши, не имѣя иногда съ собою денегъ, для уплаты закета, всегда имѣютъ возможность найти ихъ въ Самаркандѣ, почему и сборъ поступаетъ правильно и скоро.

Изъ Самарканда и Чилека караваны идутъ непосредственно въ Джизакъ. Тамъ, по словамъ купцовъ, караваны повѣряются и переоцѣниваются вновь въ томъ вниманіи, что въ Самаркандѣ и Чилекѣ товары оцѣниваются яко-бы низко; но даже, если принять въ соображеніе личныя выгоды джизакскихъ закетоу (т. е. сборщиковъ), то все-таки нельзя не выразить, что эта остановка и переоцѣнка каравановъ въ Джизакѣ, огромное зло, и купцы на остановку эту плачутся.

Весьма достойными серьезнаго вниманія обстоятельствами въ дѣлѣ закета, являются также послѣднія распоряженія правительства о непроездѣ въ предѣлы Имперіи изъ-за границы товаровъ европейскаго произведенія. Въ первое время, распоряженія эти не замедлили обратить на себя вниманіе администраціи Зеравшанскаго

округа тѣми столкновениями, которыя неизбежно произошли между купцами и джиаакскимъ уѣзднымъ начальствомъ. Но послѣ разъясненія дѣла черезъ переписку съ военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области, найдено было возможнымъ давать товарамъ европейскаго произведенія дорогу черезъ нашу территорию, когда товары эти идутъ изъ Бухары, какъ транзитъ, въ Коканъ и въ Кашгаръ или обратно. Кромѣ того, во вниманіе къ исключительному положенію Зеравшанскаго округа, признано было справедливымъ допускать въ предѣлы его всѣ безъ исключенія товары, впредь до особыхъ и точныхъ, по этому вопросу, распоряженій.

Равнымъ образомъ достойны вниманія въ дѣлѣ закета и добавочныя пошлины съ чая, идущаго изъ Остѣ-Индіи, пошлины, введенныя въ Зеравшанскомъ округѣ по примѣру Сыръ-Дарьинской области, на основаніи 2099 ст., VI тома Свода законовъ гражданскихъ, по продолженію 1863 г., въ размѣрѣ, указанномъ таможеннымъ тарифомъ 1865 года. Бяхтинское купечество, повидимому, весьма хорошо знаетъ свое дѣло и намѣрено конкурировать здѣсь съ остѣ-индскими купцами довольно обстоятельно. Жаль, что другія сила отрѣзѣнной торговли не имѣютъ серьезныхъ двигателей и что наши торговля завоеванія въ Средней Азіи, увѣнчались пока только винными и водочными заводами, «блага здѣсь зрѣетъ винограды, да потребители, значитъ, довольно-съ!»

б) Закетъ съ бараньихъ гуртовъ, существуетъ издавна и взимается также въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ стоимости гурта. Закетъ съ гуртовъ берется и на базарахъ, въ разныхъ пунктахъ округа и въ полѣ.

Бараны, мясо которыхъ весьма любимо здѣшнимъ населеніемъ, закупаются обыкновенно зимою въ Хулумѣ (Ташкурганъ) и Андоѣ (вѣдомства Кабула), а также въ Гиссарѣ, въ кочевьяхъ узбековъ рода Кунградъ, и въ Кулябѣ (вѣдомства Каршинскаго бека, Бухарскаго ханства) и пригоняются въ Зеравшанскій округъ въ мартѣ.

Торговлю гуртами ведутъ таджики, т. е. жители Самарканда, Панджикента, Ургута и другихъ, узбеки родовъ Найманъ, Арабъ, Туртъ, Тюяклы, Мынь и другіе. Францы *), имѣя заводы барановъ, ведутъ, въ свою очередь, торговлю гуртами.

*) Позднѣйшіе переселенцы изъ Персіи, отпущенники здѣшнихъ монголовъ.

Прежде пригонялись сюда гурты изъ Ташкента, но въ послѣднее время пригона почему-то нѣтъ. Закетъ бараньихъ гуртовъ идетъ круглый годъ, но подъ конецъ года мельчаетъ и переходитъ въ

в) закетъ съ барановъ, продаваемыхъ на базарахъ въ одичку и небольшими партіями. Этотъ сборъ точнѣе можетъ быть названъ базарнымъ сборомъ, потому что имъ оплачиваются, кромѣ барановъ въ розничной продажѣ, также и всѣ тѣ товары, которые появляются на базарахъ не оплаченными $\frac{1}{40}$ собственно товарнаго закета. Базарный сборъ взимается по базарамъ въ кышлакахъ и значительныхъ размѣровъ не достигаетъ, потому что и бараны, и товары поступаютъ на второстепенные рынки округа, уже оплаченными на большихъ базарахъ, т. е., въ Самаркандѣ, Катта-Курганѣ, Ургутѣ и Панджшамбе. Наибольшій базарный сборъ поступаетъ въ Самаркандѣ, куда узбеки изъ Шарсабиза, привозятъ для продажи свои произведенія, неоплаченные закетомъ на мѣстѣ, т. е. въ Шарсабизѣ. Произведенія эти состоятъ изъ бумажныхъ матерій алача и мата, выдѣланныхъ ремней, табаку и фисташекъ, буджгуна (цвѣтъ фисташковаго дерева, употребляемый какъ краска), марены, шерсти, сушеного винограда и полушелковыхъ матерій: адрыса и бикосаба. Впрочемъ, всѣ эти товары доставляются кенегезами въ значительномъ количествѣ.

Случайными сборами въ здѣшнемъ краѣ называются всѣ тѣ сборы, которые не составляютъ прочныхъ основныхъ доходовъ: каковы хераджъ, танакъ, видоизмѣненія его кошпультъ и закетъ въ трехъ видахъ. Названіе случайныхъ присвоено имъ или потому, что они непостоянны, какъ напримѣръ, выручка за камышъ, растущій на казенныхъ земляхъ, или потому, что, съ открытія управленія Зеравшанскимъ округомъ, они возникали черезъ ука, занія туземцевъ иногда въ полномъ смыслѣ слова случайно, когда открылось какое нибудь казенное имущество, которое, вслѣдствіе этого, весьма основательно можетъ быть названо постояннымъ источникомъ случайныхъ доходовъ. Но имущество это весьма незначительно, кромѣ того, что оно подвергалось разнаго родъ случайностямъ сначала въ военное, а потомъ въ переходное время, когда у администраціи было немало и другихъ

серьезныхъ, потерпѣвшихъ отлагательства вопросовъ по управленію краемъ.

Въ это переходное время казенныя сакли ломались и войсками, и обывателями на дрова; сады и плантаціи, лишенные орошенія, опустошались безнаказанно всѣми.

Во избѣжаніе этого на будущее время, вопросъ о казенномъ имуществѣ требуетъ особаго обсужденія, причемъ многія статьи, какъ, напримѣръ, нѣкоторые сады, мельницы и участки по непродуктивности ихъ полезно было бы сократить, принявъ во вниманіе и то, что, по отдаленности ихъ отъ центра управленія, администрація почти совсѣмъ лишена возможности слѣдить за ними и за туземной властью, которая ими завѣдуетъ.

Исключительнаго вниманія заслуживаютъ сады эмира и нѣкоторыхъ бековъ; по обработка ихъ и поддержка въ должномъ видѣ, дабы они давали непрерывный правильный доходъ, требуетъ затратъ: иначе садамъ трудно хорошо окупать себя, и вслѣдствіе того, походитъ на доходныя статьи.

Случайные сборы Зеравшанскаго округа въ 1868 году производились: а) съ казеннаго имущества, б) съ камыша, растущаго на общественныхъ земляхъ с) съ обывательскихъ мельницъ, пользующихся водою изъ арыковъ, проведенныхъ на казенный счетъ; д) съ вакуфовъ, удѣлявшихъ при эмирахъ часть дохода въ пользу бѣдныхъ; е) съ соломы, которая при взиманіи хераджа собиралась въ количествѣ 2-хъ батмановъ на каждый батманъ хлѣба и раздавалась беками ихъ нукерамъ, ф) съ лѣса, продаваемого на срубъ, $\frac{3}{10}$ стоимости; г) съ пахарей, невысылавшихъ въ теченіи года рабочихъ для починки арыковъ. Этотъ доходъ существуетъ только въ Катта-Курганскомъ отдѣлѣ. И наконецъ h) штрафы, исключительно съ евреевъ, за тайную торговлю мѣстнымъ винограднымъ спиртомъ, который они фабрикуютъ и сбываютъ въ огромномъ количествѣ во всѣхъ среднеазиатскихъ городахъ.

Въ заключеніе этого очерка нужно выразить, что перечисленные въ вышеприведенномъ обзорѣ подати и доходы Зеравшанскаго округа выяснены въ теченіи втораго полугодія 1868 года, при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, и что въ будущемъ, конечно, разработка податей, а также и цифры ихъ примутъ формы, соответствующія болѣе покойному положенію края.

Таково въ общихъ чертахъ народное хозяйство занятаго нами пространства долины Зеравшана. Но, въ концѣ концовъ, я все-таки повторяю, что мы, русскіе, весьма тяжелы на предпріятія и вообще плохо эксплуатируемъ край. Мы эксплуатируемъ самихъ себя, продавая и покупая водку, вино и т. п. Главные обороты здѣшнихъ русскихъ капиталовъ, къ несчастію, основаны на этомъ. Предпріятія, которыя рекомендовали бы здѣшнихъ русскихъ купцовъ, какъ людей мало-мальски просвѣщенныхъ, такихъ предпріятій мало. Между тѣмъ, здѣсь много шелка, хлопка и фруктовъ, и все это ждетъ рукъ...

У насъ же, какъ на смѣхъ, большинство будто помѣшалось на винныхъ заводахъ...

Росписаніе арыковъ.

1) Арыки лѣваго берега рѣки, между Пянджентомъ и Самаркандомъ.

Хазанъ. Выходитъ близъ урочища Рабати-ходжа, верстахъ въ 30 отъ Самарканда вверхъ по Зеравшану, орошаетъ Ирпуть и Кара-тюбе; на плантаціяхъ котораго и пропадаетъ.

Дарнамъ. Выходитъ почти у того-же урочища, что названо выше, только ближе къ Самарканду, орошаетъ Шавдаръ и Анхоръ; идетъ до оврага Кара-су (на половинѣ дороги между Самаркандомъ и Катта-Курганомъ), гдѣ частью пропадаетъ напашняхъ, частью въ оврагахъ Кара-су.

Янги-арыкъ. Орошаетъ Ургутъ и Кара-тюбе. Протяженіе его тоже, что предыдущаго, и на тѣхъ же пашняхъ и оврагахъ онъ пропадаетъ.

2) Арыки праваго берега рѣки, между Пянджентомъ и Самаркандомъ.

Тюятартъ. Выходитъ восточнѣе Хазана, орошаетъ Ширазъ и кончается близъ укрѣпленіе, на Каменномъ-мосту; далѣе онъ принимаетъ названіе Будунпуръ. Всего этотъ арыкъ орошаетъ 7 даха.

Булунипузъ. Начинается отъ западной стороны Каменного моста, орошаетъ Ширазъ и Чилекъ гдѣ и пропадаетъ. Отрасль Булунипура *Палванъ.* Выходитъ изъ Булунипура, недалеко отъ: кишлака Акъ-тюбе, орошаетъ Ширазъ и Сугутъ и пропадаетъ въ тюменѣ Чилекъ.

<i>Тайлонъ.</i>	Выходитъ ниже Тютарта.	} Всѣ они орошаютъ Ширазъ и пропадаютъ въ Сугутскомъ тюменѣ, оросивъ 13 даха.
<i>Бишъ-арыкъ.</i>	» » Тайлона.	
<i>Кара-арыкъ.</i>	» » Бишъ-арыка.	
<i>Яны-арыкъ.</i>	» » Кара-арыка.	

Мирза-арыкъ. » » Яны-арыка и оросивъ Сугутъ, пропадаетъ въ тюменѣ Чилекъ, оросивъ 7 даха. Народъ даетъ этому арыку 470 лѣтъ.

<i>Тукузъ - арыкъ,</i>	} Всѣ эти арыки выходятъ послѣдовательно одинъ ниже другаго, орошаютъ Сугутъ и пропадаютъ въ Чилекъ, оросивъ 13 даха.
<i>Курбанъ - арыкъ,</i>	
<i>Уклонъ.</i>	

Арыки лѣваго берега сѣвернаго рукава Зеравшана (Акъ-дарья).

Шахибъ. Начинается недалеко отъ Чупанъ-ата, затѣмъ оросивъ Афариנקентъ, пропадаютъ въ Катта-Курганскомъ отдѣлѣ. Протяженіе его 20 ташей.

<i>Керки.</i>	} Начинаясь послѣдовательно, одинъ ниже другаго, они орошаютъ, какъ и предыдущій арыкъ-Афариנקентъ и, оросивъ 20 ташей, пропадаютъ на границахъ отдѣловъ: Самаркандскаго и Катта-Курганскаго.
<i>Кошъ-курганъ.</i>	
<i>Чаука.</i>	

Арыки праваго берега нижняго рукава рѣки (Кара-дарья).

Дуана. Начинается ниже Чупанъ-ата и оросивъ 20 ташей пропадаетъ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства.

<i>Нималъ-Чакмакъ</i>	} Выходя послѣдовательно одинъ за другимъ по теченію рѣки, они орошаютъ тюмени: Афариנקентскій и Катта-Курганскаго отдѣла, вслѣдствіе, всего 48 ташей и затѣмъ пропадаютъ въ Афариנקентскомъ тюменѣ.
<i>Мынъ-арыкъ.</i>	
<i>Яны-кентъ.</i>	
<i>Катаганъ.</i>	
<i>Джаламакъ.</i>	

Ходжа-арыкъ.
Ахма.
Гадай.
Дурбибишъ.
Дамъ.
Иска.

Начинаясь въ предѣлахъ Катта-Курганскаго отдѣла, они орошаютъ туманы того же отдѣла и пропадаютъ въ тюменяхъ Катта курганскаго уѣзда и на плантаціяхъ Афариנקентскаго тюмена.

Арыки лѣваго берега нижняго рукава рѣки (Кара-дарья).

Нарнай. Начинаясь около Катта-Кургана и оросивъ туманы этого отдѣла, онъ пропадаетъ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства.

Примѣчаніе. Ташъ = 8 верстамъ; даха = 50 в. или 100 кошамъ; кошъ = 50 таналамъ; таналамъ = 10 кв. саж.

Наименованіе продуктовъ.	П о с ѣ в ь.	Количество сѣмянъ на таналъ или 10 квадрат. саженъ.	Время посѣва.	Поливъ.
Пшеница выс- шій сортъ, бо- гари.	Условія приготовления земли подъ посѣвъ все- ма однообразны и состо- ятъ въ томъ, что пашню проходять по нѣскольку разъ плугомъ и бороною; а потому, избѣгая повто- ренія одного и того же, я поставлю передъ каж- дымъ продуктомъ цифры, которыя и будутъ выра- жать то число разъ, ко- торое проходять по паш- нѣ сначала плугъ и по- томъ бороны.	1½ пуда.	Въ мѣсяцѣ хуть (фев- раль).	Два или три раза; въ го- рахъ не пол- вають, потому что тамъ и безъ поливъ доволь- но влаги.
Пшеница, низ- шій сортъ, тра- май (озимая). Ячмень (арпа) (озимый).	Такимъ образомъ пше- ница 1-й сортъ получить 4; 2-й сортъ 4; и ячмень также 4.	2 пуда. 2 пуда.	Въ мѣсяцѣ аграбъ (ок- тябрь). Въ октябрѣ.	См. пшеницу.
Рись шалъ.	Плантацію разъ 5 и болѣе проходять плугами, затѣмъ столько же разъ бороною; потомъ, засѣ- лять, затопляють на нѣ- сколько мѣсяцевъ.	2 пуда.	Въ мѣсяцѣ джауза (май).	Плантація сто- ять подъ во- дой до полной зрѣлости риса.
Просо, тарыкъ.	Увлажненную плантацію проходять бороною 3 раза.	1½ пуда.	До половп- на май.	Пять разъ.
Просянка, ку- накъ.	3 плугомъ, 3 бороною.	¼ пуда.	См. просо.	Отъ 3 до 5 разъ.
Кукуруза, мян- не джугари. Макъ, кожнарь.	Засѣвается въ незначи- тельномъ кол- вествѣ въ садахъ и огорода Засѣвается на старыхъ овощныхъ плантаціяхъ, прічемъ онѣ уважива- ются.	1½ п. 2 ф.	Въ мѣсяцѣ собиръ (апрѣ- ль).	2 раза.
Джугара, видъ кукурузы.	10	¼ пуда.	Тоже.	3 раза; при вѣтрѣ не пол- вають.

¹⁾ Алабулутъ, я полагаю, нужно отнести къ народнымъ повѣрьямъ, потому что тру-
ные продукты какъ и всѣ вообще, съ приходомъ нашихъ сюда значительно вздорожали.
злакъ называемый туземцами бинъ-будай.

Время жатвы и уборки.	Неблагопріятныя условія урожая.	Употребленіе.	Цѣна за бат- манъ (8 пудъ при бухарцахъ.
Мѣсяцъ сара- танъ (іюнь).	Гаримсель — мѣстный теплый вѣтеръ и алабулутъ (пестрыя тучи) въ май (см. примѣчанія).	Исключительно на хлѣбъ, что предписывается бу- то бы и шаригатомъ, за- кономъ.	3 р. 60 к. и 3 р. 80 к. (см. при- мѣчанія).
Тотъ же мѣ- сяцъ джауза (май).	Тѣ же обстоятельства и сильные дожди въ нача- лѣ мая см. пшеницу.	На кормъ лошадей и вообще скота но при нуждѣ употребляется и людьми.	3 р. и 3 р. 40 к. 2 р. 20 к.
Мѣсяцъ ми- анъ (сентябрь).	Вѣтры: Гаримсель и Табботъ (оба произво- дить лихорадку а рисо- вый цѣтъ отъ нихъ вя- неть).	Национальное блюдо средне-азиатцевъ палау (пшавъ) национальный напитокъ буза, напоми- нающій молодое пиво.	2—4 рубля и болѣе.
См. рисъ.	Небрежный поливъ и птица.	Употребленіе разнооб- разно и обыкновенно меж- ду прочимъ изъ проса варятъ также бузу.	1 р. 60 к.
См. рисъ.	Птица въ особенности воробей.	См. просо. Не рѣдко кунакъ плетъ въ прода- жу смѣшанный съ про- сомъ.	2 р. 40 к.
хъ около жилищъ	мѣстъ.		
Мѣсяцъ ак- робъ (октябрь).	Небрежное орошеніе.	Макъ даетъ наркоти- ки: наша, бангъ и т. п.	4 р. 80 к. и 5 » 80 »
Мѣсяцъ ми- зонъ (сентябрь).	Недостаточный поливъ, птица и свойственная это- му расходу болѣзнь ка- расанъ отъ которой ра- стеніе чернѣетъ.	Исключительно на кормъ лошадямъ, и рѣдко въ пищу человѣка.	3 р.

дно опредѣлить, въ какой мѣрѣ разнообразныя тучи могутъ вліять на урожай. ²⁾ Хлѣб-
³⁾ Въ пшеницѣ и ячменѣ въ незначительномъ количествѣ иногда одуряющій

Наименование продуктовъ.	Посѣвъ.	Количество сѣмянъ на танай или 10 квадрат. саженъ.	Время посѣва.	Поливъ.
Ленъ, зыгиръ.	2	$\frac{1}{2}$ пуда.	См. джугар.	3 раза.
Кунджуть (мѣ- стное масляни- стое сѣмя).	5	10 фунт.	До 15 мая.	3 раза.
Мошь (мѣст- ный горошекъ).	2	15 ф. $\frac{1}{2}$ пуд.	Въ маѣ.	2 раза а въ горахъ безъ по- лива.
Нахуть (горо- шекъ).	3	8 фунт.	Въ мѣся- цѣ хомаль (мартъ).	2 раза.
Махсаръ (мас- лянистое сѣмя).	5	4—5 фунт.	Въ мѣся- цѣ хомаль (мартъ).	2 раза.
Пядау (масля- нистое сѣмя).	2	5 фунт. ча- рикъ.	См. нахуть.	Неприхотли- вое растение и даже вовсе безъ полива.
Махорка, кок- табаки.	6	Сѣются потомъ раз- саживаются на гри- ды.	Въ мѣсяцѣ собиръ (апрѣ- ль).	Чѣмъ больше тѣмъ лучше.
Бѣлый табакъ, акъ-талакъ.	6	Сѣются потомъ раз- саживаются на гри- ды.	См. махорку.	
Хлопокъ гуза.	6	10—15 фун- товъ.	См. махорку.	Два три раза.
Марена, ру- лянь.	Засѣвается обыкновен- но и созреваетъ въ 3, 4 года. Плянтацію 8 разъ проходить плугомъ и столько же бороною.		Зерна бро- саются безъ мѣры.	Въ мѣсяцѣ акробъ (ок- тябрь).
				Не поливаютъ.

Время жатвы и уборки.	Неблагоприятныя условія урожая.	Употребление.	Цѣна за бат- манъ (8 пудъ) при бухарцахъ.
Мѣсяцъ сара- танъ (іюль).	См. макъ.	Сѣмя даетъ масло упо- требляемое въ пищу. Сте- бель въ дѣло неидетъ.	20 к.
Мѣсяцъ ми- зонъ (сентябрь).	См. макъ.	Кунджуть даетъ масло въ пищу и на освѣще- ніе и лакомство (халва).	3 р. 80 к.
См. кунджуть.	Урость.	Прибавляется къ рису въ палау и т. п.	3 р.
Мѣсяцъ сара- танъ (іюнь).	Намуть истребляютъ наземныя черепахи (tes- tudo) и какой-то червь.	См. мошь. Кромѣ того, замѣняется дробъ при ока- рауливаніи отъ птицы цы виноградинокъ.	3 р. 20 к. 3 р. 40 к.
Мѣсяцъ асадъ. (іюль).	См. макъ.	См. Кунджуть. Но ла- комства махсаръ собою не представляетъ, потому что горьковатъ.	3 р. 20 к.,
См. махсаръ	См. макъ	См. махсаръ.	3 р. 20 к.
Мѣсяцъ сум- ла (августъ).	Недостаточный поливъ.	Даетъ нюхательный та- бакъ, который кладется и въ ротъ подъ нижнюю губу. Кромѣ этого въ по- слѣднее время погреб- ляется нашими войсками въ трубахъ.	10 р.
См. махорку.	См. махорку.	Курится исключитель- но въ кальянахъ.	8 р.
Мѣсяцъ ми- зонъ (сентябрь).	Во время цвѣтенія вре- денъ всякій вѣтеръ, а во время созрѣванія вреденъ гаримсель и какой-то червь.	Употребление обширно и разнообразно такъ же какъ и сѣять за предѣлы Средней азіи.	10 р. п болѣе
Снимаютъ ког- да замѣтятъ, что корень да- етъ краску.		Въ большомъ почтѣ у мѣстныхъ шелковыхъ и другихъ фабрикантовъ; сѣять за предѣлы окру- га незначителенъ.	26 р.

Самаркандъ.

(Листки изъ памятной книжки).

Самаркандъ—лицо земли;
 Бухара—мощь ислама;
 А если бы у Машада не было его
 лазореваго купола,—
 Весь міръ походилъ бы на помой-
 ную яму.

Персидское стихотвореніе (*)

. Путника, ѣдущаго къ Самарканду съ сѣвера, все время съ самого Джизака сопровождаютъ горы. Проѣдетъ онъ джизакское ущелье, ворота Тамерлана, или по туземному *Иланута*, и, выѣхавъ на равнину, все-таки не разстанется съ горами: направо встрѣтятъ его *Годунъ-тау*, налѣво—сначала *Санзиръ-тау*, потомъ *Шумкаръ-тау* (орлиныя горы), изъ-за которыхъ выходитъ р. Зеравшанъ, и путникъ скоро достигаетъ спуска въ долину этой рѣки. Тутъ начнутся пашни, садики, кишлаки, клеверныя плантаціи, и подъ-часъ несчастные мостики черезъ безчисленные арыки. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что дорога эта лежитъ по той мѣстности, о которой одинъ изъ громкихъ персидскихъ поэтовъ, Хафизъ, упоминаетъ въ своихъ твореніяхъ: «Я не взялъ бы, говорить онъ, всѣхъ сокровищъ Самарканда и Бухары за одну родинку на щекѣ туркійской дѣвы Шираза!» Эта мѣстность дѣйствительно зовется *ширазъ*, и узбеки рода *тюркз*, населяющіе ее издавна, когда-то въ самомъ дѣлѣ гремѣли крас-

(*) Въ г. Машадѣ (въ Персіи) есть мечеть надъ могилою одного изъ 12 имамовъ, чтимыхъ шиитами,—имамъ Риза. Самый куполъ мечети украшенъ будто бы кускомъ бирюзы необыкновенныхъ размѣровъ, а бока купола изъ голубыхъ и зеленыхъ изразцовъ. Впрочемъ, въ последнее время Машадъ разграбленъ будто бы туркменами Теке. Машадъ ищутъ у насъ иногда *Мешгедъ*.

тою своихъ женъ и дѣвъ. Хафизъ посѣтилъ эти мѣста въ качествѣ странствующаго пѣвца, или, точнѣе—*диваны*, т. е. юродиваго и, какъ эстетикъ, отдалъ должную честь красотѣ туркійскихъ дѣвъ Шираза. Впрочемъ если бы между ними нашлась хоть одна, подобіемъ которой восхищался когда-то персидскій поэтъ и селадонъ, я нахожу что онъ все-таки былъ весьма невзыскателенъ.

Строго говоря—ближайшая къ почтовой дорогѣ мѣстность зовется *Кобутъ*, но въ общемъ это все-таки Ширазъ. Спустившись со степи въ долину Зеравшана, дорога пойдетъ черезъ арыки, пашни и т. п. до кишлака *Акмена*. Тутъ на большой улицѣ этого кишлака, высится выбѣленный алебастромъ и росписанный невѣдомыми цвѣтами караванъ-сарай бывшаго, (а можетъ быть и настоящаго), сборщика податей Юлдашбека. Сарай этотъ плохо гармонируетъ съ бѣдыми саклями кишлака, и всегда напоминаетъ мнѣ пословицу: съ міру по ниткѣ—голому рубаха. У Актепа было первое столкновеніе нашихъ войскъ съ бухарскими 1 мая 1868 г. кончившееся штурмомъ высотъ Чупанъ-ата. Высоты эти открываются издалека, а именно, верстъ за 10, и зоркій глазъ различитъ на вершинѣ ихъ часовню надъ могилою юродиваго Чупанъ-ата, патрона здѣшнихъ бараньихъ пастуховъ (*). Можно предположить, что высоты Чупанъ-ата родственны горамъ *Годунъ-тау*, находящимся не вдалекѣ, и что рѣдко Зеравшанъ разлучалъ ихъ съ этими горами, пробивъ между ними свое русло,—но ученые предположенія не мое дѣло. Притомъ же, по мѣстнымъ преданіямъ, высоты эти будто бы прилетѣли вмѣстѣ съ юродивымъ Чупанъ-ата изъ Аравіи.... Гдѣ же намъ тутъ мудрствовать?

Къ высотамъ этимъ, а именно къ сѣверному мысу ихъ, примыкалъ когда-то каменный мостъ на аркахъ, *шадманъ-маликъ*, построенный Абдулла-ханомъ; но Зеравшанъ, рѣка быстрая, бѣгущая по валунамъ, сняла 14 арокъ моста, и теперь только двѣ

(*) Святой Загип-ата, что лежитъ въ кишлакѣ между Ташкентомъ и Чиназоомъ, считается патрономъ коровьихъ пастуховъ.

изъ нихъ свидѣлствуютъ объ искусствѣ мастеровъ, добротности матеріала и о предпримчивости полудикаго хана.

Отъ остатковъ этого моста одна дорога идетъ къ городу черезъ высоты, а другая (почтовая), обогнувъ высоты, западнымъ подножьемъ входитъ въ самаркандскіе сады. Здѣсь начинаютъ появляться слѣды древняго *Мараканда*, построеннаго Афросіабомъ, однимъ изъ первыхъ персидскихъ царей, властвовавшихъ тутъ еще до Александра Македонскаго. По правую и по лѣвую сторону дороги идутъ возвышенія, на которыхъ былъ когда-то городъ Маракандъ, и преданія о всемъ этомъ мѣстѣ полны таинственности, хотя холмы частію пусты, т. е. не застроены и не заняты садами, частію же, въ особенности по лѣвую руку, самаркандцы засадили и застроили ихъ, что придаетъ дорогѣ нѣкоторое оживленіе и мѣстами даже краситъ ее. Тутъ же бѣгутъ два большіе арыка: *Сіобъ* и *Сіобча*, въ которыхъ царь Афросіабъ, сидя на стѣнѣ своего замка (это теперь холмъ съ отвѣсными боками въ 15 и даже болѣе саженъ высотой), — полоскалъ свои гигантскіе ноги. Конечно, — это легенда, свойственная народамъ младенчествующимъ, каковы суть самаркандцы даже доселѣ. Напримѣръ, тутъ же на арыкѣ Сіобъ есть могила якобы пророка Данила (по произношенію туземцевъ Даниіра), длиною въ 3 или 4 сажени, и многіе чудачи до сихъ поръ убѣждены, что пророкъ былъ именно такого роста.

Слѣды Мараканда, состоящіе, какъ выше сказано, изъ холмовъ, кромѣ таинственныхъ преданій и сказаній исторіи, изъ которыхъ замѣчательно то, что здѣсь Александръ Македонскій, разгоряченный виномъ, убилъ своего лучшаго полководца Клите, — богаты еще пещерами и подземными ходами, въ которые кое-кто пытался проникать даже съ учеными цѣлями, но ничего въ нихъ не нашолъ, кромѣ нетопырей и сырости. Затѣмъ — остатки стараго города изобилуютъ колодцами и какими-то резервуарами, которые подчасъ проваливаются подъ тяжестью узбековъ, въ особенности скачущихъ, и поглощаютъ ихъ и съ конями. На вершинахъ этихъ историческихъ возвышенностей видѣнъ жженый кирпичъ и туземцы находятъ тамъ иногда будто бы золотыя монеты. Впрочемъ, это я только слышалъ, а самъ ни одной монеты, найденной въ этихъ мѣстахъ, не видѣлъ.

Миновавъ слѣды стараго Мараканда *) путникъ приближается къ новому Самарканду, и первымъ историческимъ памятникомъ является передъ нимъ *медресе* (бывшій университетъ) и могила *шахзинда* (живой царь). Какъ учебное заведеніе, шахзинда не существуетъ, а какъ историческій и религіозный памятникъ, въ глазахъ туземцевъ и, какъ вообще историческое зданіе въ глазахъ нашихъ — имѣетъ нѣкоторое значеніе. Съ нимъ связаны нѣкоторые предметы первыхъ временъ ислама, которые мы здѣсь и расскажемъ.

Въ первые времена мусульманства въ здѣшнемъ краѣ (VIII вѣкъ), какому-то потомку Аббаса, одного изъ ближайшихъ родственниковъ Мухаммеда, распространявшему здѣсь исламъ, невѣрные отрубили голову; но въ моментъ смерти, праведникъ подхватилъ ее на лету и скрылся будтобы въ какой-то колодезь, да такъ тамъ и остался, — благо наукъ заткалъ отверстіе колодезя паутиной и никто не догадался туда заглянуть. Шахзинда, до прихода нашего въ Самаркандъ, слылъ за весьма сильнаго чело-вѣка, тѣмъ болѣе, что за 500 лѣтъ передъ симъ другой святой Хазретъ Ахмедъ Ясави (въ Туркестанѣ) предсказалъ, что Шахзинда выйдетъ изъ своего колодезя и не пуститъ русскихъ въ Самаркандъ, и что онъ, т. е. предсказатель, не приминетъ и съ своей стороны принять участіе въ изгнаніи кяфировъ.

Вотъ это сказаніе, (писанное въ старомъ узбекскомъ нарѣчій стихами), въ русскомъ переводѣ:

Друзья! скажу вамъ будущее:

Мусульманамъ будетъ много горя...

Невѣрные убьютъ много мусульманъ.

Въ 1281 (1864) году придутъ невѣрные;

Они покорятъ окрестности Туркестана;

Они водворятъ свою власть;

Они принесутъ намъ много горечи.

Въ 1282 (1865) году они перейдутъ Дарью,

И много городовъ возьмутъ въ рабство.

Только безумные будутъ имъ противиться.

Воскресшій Султанъ Ахмедъ (авторъ)

Пройдетъ между людьми.

*) О вариантахъ по поводу этого названія будетъ сказано ниже. Впрочемъ, все это — преданія.

Въ 1283 (1866) году вы на терпите много страха.

Невѣрные подойдутъ къ Самарканду.

Шахзидъ встанетъ изъ могилы и выйдетъ предъ невѣрныхъ.

Въ 1284 (1867) году невѣрнымъ придетъ конецъ.

Со всѣхъ сторонъ раздаться кликъ: бей!

Правовѣрные будутъ славить Бога за одоленіе невѣрныхъ;

Правовѣрные погонять невѣрныхъ.

Въ 1285 (1868) году оживетъ Султанъ Ахмедъ,

Святые соберутся вокругъ него,

Прочтутъ молитву и — исчезнетъ и самый слѣдъ невѣрныхъ *).

Теперь репутація святаго отчасти пропала даже въ мнѣніи мусульманъ.

— И такъ святой живъ? спросилъ я одного самаркандца уже почтенныхъ лѣтъ.

— Живъ, отвѣтилъ онъ.

— И, конечно, кушаетъ палау и пьетъ чай? замѣтилъ снова я.

Собесѣдникъ мой, неожиданный подобнаго предположенія, покоился сначала направо, потомъ налѣво, съ лукавой улыбкой...

Въ былое время эмиры, прїѣзжая въ Самаркандъ, прежде всего творили *ziyarat* (поклоненіе «живому царю»), и потомъ уже проѣзжали во дворецъ. Но такъ какъ могила находится въ с.-в. части города; а въѣздъ въ него изъ Бухары долженъ быть съ запада, то эмиры объѣзжали городъ вдоль сѣверной стѣны, кланялись могилѣ живаго царя, дарили мулль, и затѣмъ воротами Шахзидъ въѣзжали въ городъ.

Теперь, какъ и прежде, нѣсколько голодныхъ мулль питаются, по милости святаго, подаваніями и *вакуфомъ*, т. е. доходомъ съ завѣщанныхъ угодій, если только *мугевали* (экономъ) не мошенникъ, что, къ несчастію, большая рѣдкость.

Передъ могилою есть небольшая часовня, изъ которой входъ въ могилу запертъ замкомъ, изображающимъ какую-то невѣдомую рыбу, — эмблема молчанія и тайны **). За эту дверь проникаютъ лишь муллы, да особенно щедрые жертвователи — и то на колѣняхъ. Иначе муллы объявляютъ на отрѣзъ, что ключа нѣтъ. Къ

*) Благочестивые мусульмане говорятъ, что разиорѣчіе съ дѣйствительностію произошло будто бы отъ того, что святые отступились отъ мусульманъ за нечестіе и Богъ накажетъ правовѣрныхъ рукою кияфировъ.

**) Вблизи этой двери водружено знамя святаго, съ конскимъ хвостомъ.

часовнѣ прилегаешь мечеть; въ ней все весьма обыкновенно, кромѣ изразцового коридора, замѣчательной работы исфганскихъ мастеровъ, и корана почти въ квадратную сажень, завѣщаннаго мечети отцомъ настоящаго эмира.

Въ первый разъ мы посѣтили эту знаменитую могилу 2 мая 1868 г., — на другой день послѣ штурма высотъ Чупанъ-ата. Вѣра въ святаго была такъ сильна, что вожаки будто бы боялись вести невѣрныхъ мимо его могилы. А все вышло къ удивленію ихъ очень просто; намъ же удивительнѣ всего показалась жадность, съ какою муллы чуть не разорвали предложенные имъ два бумажныхъ рубля, въ особенности послѣ объясненія съ наше стороны, что бумажки, данныя имъ, содержатъ въ себѣ десять тенегъ, что сначала удивило ихъ, а потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, они остались очень довольны и, шумно споря, скрылись въ мечети.

Послѣ этого я еще нѣсколько разъ былъ въ этомъ медресе, и однажды — поздоровавшись съ муллами обычнымъ патріархальнымъ привѣтствіемъ: благословеніе Божіе надъ нами! и получивъ въ отвѣтъ: и надъ вами также! — я прямо подошелъ къ гигантскому корану и прочелъ вслухъ первую *суру*, т. е. главу, которую обязанъ знать каждый мусульманинъ, не говоря уже о грамотныхъ. Затѣмъ я положилъ на священную книгу російскій кредитный билетъ рублеваго достоинства. Эта выходка съ моей стороны, конечно, имѣла свои цѣли. Муллы были въ восторгѣ и показали мнѣ въ подробности всѣ допропримѣчательности святыни. Они показали мнѣ гробницу черезъ рѣшетку, но все-таки не отворили завѣтной двери съ рыбою, тѣмъ болѣе, что *хальфа* (настоятель) на мое счастье лежалъ большой въ постели и рѣшительно отказался дать ключъ, опасаясь, за оскверненіе святыни, кары свыше. Тогда, по просьбѣ моей, муллы дали въ распоряженіе мое нѣсколько *намазджай* (постилокъ для намаза); я плотно завѣсилъ ими рѣшетку, отдѣлявшую меня отъ могилы святаго, просверлилъ черенкомъ нагайки отверстіе посрединѣ этихъ занавѣсокъ (муллы стояли, выпуча глаза) и, сконцентрировавъ такимъ образомъ надъ могилою свѣтъ, проникавшій сверху, я имѣлъ возможность видѣть гробницу сравнительно ясно. Я видѣлъ какую-то грудку покрытую, темнаго цвѣта, подъ которыми и скрыта гробница. Говорятъ,

что муллы весьма практически примѣняютъ къ дѣлу неприкосновенность этого мѣста: они прячутъ тамъ свою рухлядь, и святой потонокъ пророка исправляетъ такимъ образомъ обязанности караульщика, что въ священномъ Самаркандѣ необходимо болѣе, чѣмъ гдѣ либо... Затѣмъ муллы показали мнѣ чилли-хана — небольшой темный погребъ, гдѣ особенно усердные мусульмане подвергаютъ себя одиночному заключенію отъ 10 до 40 дней, молятся и каются въ прегрѣшеніяхъ. Проходя черезъ часовню, я видѣлъ на стѣнахъ такъ называемыя *кытчи* — небольшіе листы бумаги съ изрѣченіями изъ корана, между которыми преобладало извѣстное: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ его». Листки эти — посылная дань муллъ; тутъ же прибитъ печатанный въ Казани небольшой рисунокъ, представляющій всѣ знаменитыя въ мусульманскомъ мірѣ куполы. Такъ — посрединѣ изображенъ куполъ кабы, въ Меккѣ, на одномъ углу куполъ мечети имама Риза, въ Машадѣ, и т. д. Это — картина духовнаго содержанія, произведение какого нибудь казанскаго афериста и стоитъ, конечно, нѣсколько копѣекъ, — ибо рѣзана на деревѣ, грубо и притомъ а la chinoise, т. е. безъ перспективы. Полюбовавшись всѣми этими диковинками, я заглянулъ въ одинъ изъ притворовъ мечети и увидѣлъ тамъ какое-то подобіе знамени, древко котораго было обвѣшано лоскутками разныхъ матерій, оторванными отъ правдивныхъ одеждъ. Это также въ своемъ родѣ дань памяти святаго. Впрочемъ, я ни разу не встрѣчался ни у могилы, ни здѣсь, съ богомольцами, и выраженіе одного моего знакомаго мусульманина, что «*оъра оскудѣли*» — кажется вѣрнымъ *).

Въ заключеніе моей прогулки по медресе я обошелъ нѣсколько сохранившихся развалинъ, съ тѣми же слѣдами необыкновеннаго искусства древнихъ персидскихъ мастеровъ, и вышелъ на кладбище. Оно прилегаетъ къ медресе съ с. и з. и тянется почти до городскихъ стѣнъ. — Я не встрѣтилъ на немъ ни одной плиты старше 80 лѣтъ. — Значитъ, оно не особенно древне.

Противъ медресе Шахзинда было прежде также медресе, превращенное нынѣ въ городскую тюрьму, неудобную уже и потому

*) Говорили мнѣ также, что большая часть этихъ лоскутковъ принадлежитъ безплоднымъ женщинамъ, которыя разъ или два въ недѣлю адресуются къ „живому царю“ съ своими просьбами.

одному, что она слишкомъ удалена отъ цитадели, вслѣдствіе чего заключенные, задумавъ бѣжать, принимаются за дѣло и приводятъ его въ исполненіе гораздо энергичнѣе и успѣшнѣе, потому что тюрьма также окружена кладбищемъ, представляющимъ мѣстность довольно пересѣченную. Кладбище это идетъ также почти до стѣнъ города, и такимъ образомъ дорога отъ «живаго царя» и изъ тюрьмы въ городъ идетъ между двухъ кладбищъ по путевой аллеѣ. — Не доѣзжая городскихъ воротъ, направо мелькнетъ на горѣ небольшая бѣлая мечеть и нѣсколько далѣе ея высится небольшая часовня надъ святымъ *Хазрети-Хызръ*, патрономъ путешественниковъ.

— Дай Богъ вамъ встрѣтить Хазрети-Хызра, — говоритъ благочестивый мусульманинъ, провожая кого либо въ дорогу. Святой этотъ также живъ и невидимкою бродитъ по дорогамъ, покровительствуя путникамъ и оберегая ихъ отъ разбойниковъ.

Запасемся на всякій случай протекціей этого святаго, и въ слѣдующемъ очеркѣ вступимъ въ г. Самаркандъ, черезъ ворота «живаго царя»...

....Итакъ, поручивъ себя патрону путниковъ Хазрети-Хызру, мы въѣзжаемъ въ г. Самаркандъ воротами Шахзинда или *Хазрета-шахъ-дарваза*. Онѣ — каменные, съ караулками по обѣ стороны, занятыми обыкновенно нѣсколькими подозрительными и полуголодными приспѣшниками курбаши, — этого, въ свою очередь, святаго, хотя и не менѣе подозрительнаго блюстителя общественнаго спокойствія въ священномъ городѣ Самаркандѣ. Тутъ же у воротъ можно встрѣтить очень часто калѣкъ, городскихъ, нищихъ и т. п. Вообще, ворота «живаго царя» весьма оживлены, въ особенности въ базарные дни, когда деревенское населеніе, во всевозможныхъ одѣяніяхъ и со всевозможнѣйшими цѣлями (торговать, воровать, даже пьянствовать и т. п.) стремится въ городъ пожать лавры на базарѣ или въ извѣстныхъ притонахъ Самарканда, самого развратнаго изъ всѣхъ нашихъ среднеазиатскихъ городовъ, — а я былъ въ нихъ во всѣхъ. По городу — одна дорога пойдетъ прямо черезъ городъ, другая — направо также черезъ городъ, но эта проведена уже нами и называется *яни-куча* — новая улица. Она служитъ исключительно для арбъ и почтовыхъ экипажей, которые, помню, все-таки избѣгали ея, потому что на ней была пыль по ступицу

обыкновеннаго экипажнаго колеса и по колѣно лошади. Поэтому и арбы, и тарантасы въ ту пору придерживались все-таки узкихъ, но твердыхъ улицъ классическаго города, предоставляя любоваться *новой улицей* тѣмъ, кто желаетъ или кого заставляетъ необходимо. — Не знаю — что стало съ этой улицей теперь?

Если на новой улицѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ пыли, то на старой есть достопримѣчательности, которыя мы и перечислимъ.

Прежде всего, по правую руку путника, когда онъ пройдетъ, нѣкоторое разстояніе отъ воротъ, появятся развалины медресе Ханымъ, построеннаго Тимуромъ-хромымъ, въ честь любимѣйшей жены его, китайской принцессы, имя которой однако не сохранилось. Слово *ханымъ* — не означаетъ собственнаго имени: *ханымъ* — мой ханъ, мой царь, и *аймъ* — мой мѣсяцъ, мой свѣтъ — суть нѣжности между правовѣрными супругами; а слово *аймъ* употребляется и въ обыкновенномъ разговорѣ мусульманъ и замѣняетъ собою слово — жена, — слово, по мнѣнію людей солидныхъ и благочестивыхъ, не совсѣмъ приличное.

— Я былъ сегодня у васъ, говоритъ одинъ правовѣрный другому; но ворота были закрыты; я постучалъ, мнѣ отозвался ребенокъ и сказалъ, что, кромѣ *вашего мѣсяца*, никого дома нѣтъ..

Такъ и грозный Тимуръ звалъ свою любимую китайку, жену, *своимъ ханомъ* (ханымъ), и построилъ надъ могилою ея это медресе, грозящее въ настоящее время паденіемъ, что не весьма дешево можетъ обойтись окружающимъ зданіе лавочкамъ и саклямъ, всегда напоминающимъ мнѣ пустые сигарные и другіе ящики, поставленные одинъ на другой за негодностію, кое-какъ... Я всегда съ уваженіемъ смотрѣлъ на гигантскую руину Ханымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она мнѣ всегда напоминала случай, рассказанный въ книгѣ о путешествіи капитана Кэна къ сѣверному полюсу, — какъ два эскимоса, проѣзжая уже не въ первый разъ подъ огромной ледяной аркой, были задавлены ею, потому что одинъ изъ нихъ имѣлъ неосторожность стукнуть весломъ по борту лодки, и масса льда, отъ такого незначительнаго, повидимому, сотрясенія воздуха, рухнула... Честь и слава древнимъ персидскимъ архитекторамъ и мастерамъ, строившимъ мечети и медресе городовъ: Козвина, Машада, Газны, Бухары и Самарканда, въ томъ числѣ и медресе

Ханымъ! Если Тимуръ-хромой умеръ въ 1390 году, то зданію теперь болѣе 660 лѣтъ. Однако, вѣчнаго нѣтъ ничего, и часть этого историческаго памятника рано или поздно пройдетъ, тѣмъ болѣе, что подземные удары въ здѣшнемъ краѣ такъ неожиданны и подчасъ достаточно сильны для того, чтобы разсыпать 600-лѣтнее зданіе не только безъ желѣзныхъ связей, — кажется, безъ всякихъ связей.

За Ханымъ скоро начинается базаръ; потомъ подъѣзжаемъ къ Чарсу — небольшой каменной сквозной бесѣдкѣ, наполненной мелочными лавочками, и мимо ея выѣзжаемъ на *Ригистанъ*. Это — когда-то центръ города, арена его духовной и общественной жизни, мѣсто дѣйствительно и до сихъ поръ довольно бойкое и красивое. Ригистанъ — продолговатая площадь, примѣрно, въ 500 квадр. саженъ — обставленъ съ трехъ сторонъ громадными и старинными медресе: съ с. — *Тилла-кари*, съ в. — *Ширдаръ*, и съ з. — *Улугъ-бекъ*. Онѣ изразцовыя.

Сколько я ни старался, никакъ не могъ добиться отъ ученыхъ самаркандцевъ точнаго опредѣленія времени ихъ постройки: каждый городилъ свое; говорили, что Тилла-кари и Ширдаръ построены болѣе 200 лѣтъ тому назадъ правителемъ Самарканда *Іаланъ-біемъ* или *Іаланъ Ташъ-бахадуромъ* на деньги и сокровища, награбленные имъ въ г. Машадъ, въ Персіи. Іаланъ-Ташъ (гладкій камень) былъ родомъ узбекъ изъ колѣна Алчинъ, но Вамбери — неизвестно для чего — превратилъ его въ калмыка, принявшаго исламъ. Скромная могила нѣкогда громкаго воителя и бича персіянъ, Іаланъ-Таша-бахадра (т. е. богатыря), бывшаго будто бы одно время независимымъ владѣтелемъ Самарканда, находится въ ногахъ могилы святаго *Масзума-Азгана*, его патрона и современника, въ деревнѣ Дагбидъ, въ 13 или 14 верстахъ отъ Самарканда. Медресе Улугъ-бекъ построено также будто бы однимъ изъ правителей Самарканда — *Улугъ-бекомъ*, назадъ тому около 500 лѣтъ. Одновременно съ этимъ былъ вырытъ и одинъ изъ настоящихъ арыковъ въ окрестностяхъ Самарканда — арыкъ *Мирза*, существующій и доселѣ, но прежде составлявшій будто бы *вакуфъ* (завѣтъ) этому медресе, т. е. всѣ, пользовавшіеся водою изъ этого арыка, вносили извѣстную сумму на содержаніе

медресе и въ пользу муллъ. Куполь медресе Улугъ-бекъ былъ когда-то будто бы золотой, и освобождался отъ тента лишь въ годовые праздники: *рамазанъ* и *курбанъ*. Воображаю тогдашній видъ Ригистана, съ его новыми почти въ ту пору зданіями, если и теперь въ праздники площадь эта, съ ея громадными и уже достаточно древними постройками изъ яркихъ изразцовъ, съ надписями изъ корана, полная народа въ цвѣтныхъ одеждахъ и залитая яркимъ солнцемъ, представляетъ зрѣлище весьма оригинальное. Медресе Улугъ-бекъ и Ширдаръ, стоящіе одно противъ другаго, имѣютъ каждое, по угламъ передняго фасада, по одному минарету (что составить 4). Минареты эти (правильнѣе мюнары) также изразцовые, и съ нихъ, въ цвѣтущую эпоху ислама, четыре *муаззина*, 5 разъ въ сутки, въ тактъ, кричали *азанъ* — призывъ на молитву; къ нимъ начинали мало по малу присоединяться муаззины мелкихъ мечетей города и садовъ, и молитва къ «единому, вѣчному Богу, кромѣ котораго нѣтъ никакого другаго Бога» охватывала городъ и сады, что, по крайней мѣрѣ на меня, даже до сихъ поръ производитъ впечатлѣніе; хотя многія мечети уже пусты, или разрушены, тѣмъ не менѣе муаззины кричатъ попрежнему, и послушать ихъ до сихъ поръ стоитъ, хоть бы только для того, чтобы вообразить, что творилось прежде тутъ и вообще во всѣхъ большихъ и громкихъ въ исторіи мусульманскихъ осѣдлостяхъ въ цвѣтущую эпоху ученія арабскаго пророка.

Нынѣ минареты медресе Улугъ-бекъ и Ширдаръ въ забросъ; одинъ (у Улугъ-бека) образовалъ уже острый уголъ съ площадью и, при всемъ моемъ уваженіи къ его вышинѣ и красивымъ изразцамъ, не можетъ быть отнесенъ къ категоріи построекъ совершенно безопасныхъ. Впрочемъ, онъ долженъ всею тяжестью своею пасть на сосѣднее медресе Тилла-кари и тѣмъ напомнить ему о суетности сей земной юдоли. Съ одного изъ этихъ минаретовъ (не знаю — съ котораго?), въ 1868 году, осаждавшіе будто бы сильно стрѣляли по цитадели изъ фальконета. Дворъ и кельи медресе Тиллакари замѣчательны между прочимъ тѣмъ, что въ томъ же году въ нихъ, по приказанію эмира, было переколото сарбазами, подъ командою ренегата Османа *), нѣсколько десятковъ

*) Фейерверкеръ Сибирской казачьей артиллеріи.

фанатиковъ — муллъ, надѣвшихъ (будто бы?) «повелителю правовѣрныхъ» настоятельными просьбами идти бить «невѣрныхъ».... Набожные и смиренные обыватели говорили, что Богъ всегда справедливо каралъ и караетъ безпутныхъ самаркандцевъ рукою недостойныхъ повелителей.

Восточная половина Ригистана (у подножья медресе Ширдаръ и Тиллакари) покрыта столиками съ мелочью, съ живностью, разложенною частію и на полу на циновкахъ, и т. п. Въ базарные дни и остальная часть площади покрывается такими же мелочниками; при чемъ, защищаясь отъ солнца, они устраиваютъ надъ собою огромные зонты изъ тѣхъ же циновокъ. Вообще Ригистанъ, какъ мѣсто проѣзжее, потому что на него выходитъ нѣсколько улицъ, постоянно оживленъ.

Отъ сѣверовосточнаго угла Ригистана, между медресе Тиллакари и покачнувшимся минаретомъ, идетъ вновь проложенная улица, съ лавками по обѣ стороны. Это — *яни-ряста*, т. е. новые ряды. Лавки частію заняты, частію пусты. Этой новой улицей мы выѣзжаемъ снова на площадь передъ цитаделью — скотный рынокъ, — какъ выѣхали мы на него и выше, по новой, широкой и пыльной экипажной дорогѣ. При бухарцахъ площадь эта была сплошь занята саклями съ узкими и кривыми улицами; теперь она составляетъ эспланаду самаркандской цитадели.

Въ дни не базарные площадь эта, съ одинокимъ развѣсистымъ деревомъ посрединѣ, почти пуста. Но зато въ базарные дни (въ среду и воскресенье) она полна всякаго люда и скота, и богата сценами, въ которыхъ одинаково участвуютъ и русскіе, и туземцы. Тутъ можно насмотрѣться всего.

Барышники, какъ и всюду, гарцуютъ на своемъ поджаромъ товарѣ между тяжелыхъ, неповоротливыхъ узбековъ, коровъ, ословъ, телятъ (у барановъ свой базаръ), арбъ, солдатъ, казаковъ и верблюдовъ. *Далламы* — маклеры — рыщутъ всюду; развѣзжаетъ еборщикъ пошрины; солдатикъ съ своей бабой, въ яркомъ красномъ платкѣ, скопившій копѣйку, присматривается къ коровенкамъ и вступаетъ въ объясненіе съ узбекомъ на томъ своеобразномъ языкѣ, который выдумали для разговора съ туземцами сами же солдаты; два молодыхъ таджика, продавцы урюка и т. п., не

подблывъ барышей, спорять, вцѣпляются одинъ въ другаго и падаютъ на землю, въ отчаянной борьбѣ... Кругомъ ихъ собирается толпа и подбираетъ просыпавшіеся орѣхи... Гулъ, гамъ и говоръ народный носятся надъ торжищемъ..

Съ площади, или, иначе, со скотнаго рынка, видѣвъ восточный фасъ цитадели. По правую сторону воротъ, если смотрѣть съ в., незначительная часть стѣны каменная—остатокъ прежняго величія. Остальная стѣна кругомъ всей цитадели—изъ глины или изъ сырца,—это уже послѣдующія сооруженія. Съ площади обращаетъ на себя вниманіе, находившійся за стѣною цитадели, куполъ изрядныхъ размѣровъ, когда-то голубой, теперь облупившійся, называемый *куббе-чардахумъ*, т. е. четвертая маковица. Разскажемъ преданіе: много лѣтъ тому назадъ, какой-то богатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и юродивый ташкентецъ, пришелъ въ Самаркандъ и юродствовалъ тамъ вволю, такъ что попалъ въ святыне. Должно быть поэтому Самаркандъ такъ полюбился ему, что онъ изъяснилъ желаніе быть похороненнымъ непрѣменно въ Самаркандѣ. Онъ приготовилъ себѣ могилу, приказалъ сложить близъ нея часовню и куполъ ея украсить золотымъ *куббе*, т. е. шаромъ, точнѣе *маковицей*. Имени этого подвижника я не помню; впрочемъ, его обыкновенно зовутъ *четвертой маковицей*. До него въ Самаркандѣ было три куббе: 1) надъ могилой Тимура, 2) на куполѣ могилы Рахабатъ, о которой будетъ говорено ниже, и 3) на какой-то часовнѣ за могилой Тимура. Пришелъ ташкентецъ, заготовилъ себѣ могилу съ золотой маковкой, и она получила № 4 (*чардахумъ*). Значитъ, и въ Средней Азіи были когда-то *золотыя маковки*, какъ существуютъ они на Руси, напр. въ Москвѣ. Мы захватили только эту четвертую маковку, и ту скоро сняли, потому что въ часовнѣ устроили складъ пороха, и маковка съ тѣмъ стержнемъ, на которомъ она держалась, походила, на громоводъ,—пряমেохонько въ пороховой складъ. А ужъ сколько было тогда въ народѣ говору по поводу этого, якобы поруганія святыни! Говорили что, того, кто приказалъ снять *куббе*, скорчить, и т. п. Многіе простаки считали и даже счатаютъ куббе—изъ чистаго золота; мнѣ самому не разъ случалось слышать это отъ самаркандцевъ. Я всегда разочаровывалъ ихъ, увѣряя, что куббе просто желѣзный шаръ, съ добрый арбузъ, внутри пустой, а сверху

чуть-чуть позолоченный, также какъ и тотъ желѣзный шпиль, на которомъ этотъ шаръ былъ укрѣпленъ. Слушатели сомнительно качали головами. Я говорилъ имъ также, что и шаръ этотъ сдѣланъ, надо полагать, недавно, иначе золото давно сошло бы съ него. Новое покачиваніе головами и вздохи. Такое огромное вліяніе имѣютъ на человѣка отеческія преданія!

Правда, что святой былъ богатъ, иначе попасть въ святыне не такъ легко, какъ кажется, потому что въ прежнее время у мусульманъ богатство скорѣе всего открывало путь къ канонизаціи; но все же онъ, навѣрное, не настолько былъ простъ, чтобы бросить, что называется, въ печь такую массу золота. Можно также предположить, что шаръ подмѣнили послѣ, на что отчасти и намекается такая тонкая его позолота, какая долго держаться не можетъ.

Здѣсь кстати замѣтить, вообще, что у мусульманъ канонизація доступнѣе, нежели даже у католиковъ. Католицизмъ только ревностнѣйшихъ подвижниковъ своихъ, заплатившихъ жизнью за интересы «святой религіи» или, точнѣе, Рима съ его монахами, причисляетъ къ лику святыхъ. Такъ не очень давно (кажется, послѣ тьяндзинской рѣзни) папа торжественно канонизировалъ сколько-то миссіонеровъ, убитыхъ китайцами. У мусульманъ же достаточно: строгой до фанатизма жизни, богатства, высокаго общественнаго положенія, благотворительности въ извѣстной степени, преклонныхъ лѣтъ, семейства въ нѣсколько десятковъ душъ, и человѣкъ почти святъ,—въ особенности если признаетъ это за нимъ правительство. Приѣзжавшій сюда съ Ханомъ-Заде *мулла Иса* еще 4 года тому назадъ слылъ святымъ, и къ имени его уже и тогда присоединялось слово: ауліе — святой. Ташкентецъ *Абулкасымъ-ханъ-Ишанъ*, личность, правда, очень почтенная, кажется, также состоитъ на вакансіи въ святыне. Кстати сказать здѣсь и по поводу слова *ишанъ*. Это почти тоже, что святой; но вмѣстѣ съ тѣмъ слово это употребляется иногда и въ обыкновенномъ разговорѣ, какъ синонимъ слова достоинѣйшій, напр. *ишанъ-тюря*, *ишанъ-аминъ*, *ишанъ-казы*, и т. п.

Кромѣ куббе-чордахумъ, въ цитадели было множество и другихъ святыхъ, могилы которыхъ теперь, конечно, срыты, а потому я и не буду говорить о нихъ ничего, тѣмъ болѣе, что очень

древнихъ могилъ не было. Я могу разсказать здѣсь лишь о томъ, какъ одинъ самаркандецъ, знакомившій меня съ святынями города и цитадели, человекъ хотя и пожилой, но ужасный плутъ, смѣялся надъ своими святынями, лежащими въ цитадели... — Что же вы взяли? спрашивалъ онъ святынь, какъ будто они стояли передъ нимъ. Русскіе сарбазы все срыли, и теперь васъ никто не отыщетъ. Плохіе, вѣрно, вы были святыне. А вѣдь мы думали, что вы не пустите русскихъ въ Самаркандъ, и т. п.

Въ цитадели достоинъ вниманія приемный дворъ эмировъ, съ знаменитымъ *зеленымъ камнемъ*, на которомъ когда-то сидѣлъ Тимуръ и надъ которымъ теперь, въ торжественные дни, вѣетъ русскій флагъ. Впрочемъ, Тимуръ сидѣлъ не на этомъ дворѣ, потому что дворецъ былъ не тутъ: онъ былъ, по преданію, на нѣсколько верстъ западнѣе, куда простирался г. Самаркандъ, сократившійся послѣ того до своихъ настоящихъ размѣровъ. Знаменитый *кокъ-ташъ*, т. е. зеленый камень, лѣтъ 8—10 тому назадъ, лежалъ, будто-бы, въ самомъ невзрачномъ помѣщеніи на этомъ-же самомъ мѣстѣ, и рядомъ съ нимъ, въ нѣсколькихъ неказистыхъ сакляхъ, помѣщались и эмиры (собственно говоря — гаремъ), когда они посѣщали Самаркандъ, что, впрочемъ, было рѣдко и не надолго. Только настоящій эмиръ догадался дать знаменитому камню теперешнее сравнительно приличное помѣщение, что, однако, не помѣшало Вамбери войти въ паосъ по поводу того, какъ Тимуръ, именно на этомъ дворѣ, названномъ Вамбери — *заломъ*, сидѣлъ на камнѣ, какъ представители отъ всѣхъ покоренныхъ имъ земель, занимали галереи, идущія кругомъ *зала*, и какъ *герольды* (!) развозили его повелѣнія во всѣ страны міра... Нигдѣ не сохранилось описаніе аудіенцій Тимура, потому что правовѣрные историки, какъ заведутъ, обыкновенно, какую-нибудь ерунду съ самаго Адама, такъ и кончатъ ничѣмъ. Они не охотники до предметовъ обыденныхъ, хотя-бы даже интересныхъ... Откуда-же позаимствовался Вамбери всей этой чепухой? Герольды!... Это — джигиты-то! 1,000 лѣтъ тому назадъ они были все тѣ же, — если не хуже...

Переноска камня на новое мѣсто совершилась также безъ всякихъ церемоній. Просто — подвели подъ него нѣсколько жердей, подняли чернорабочими, положили на новое мѣсто и — шабашъ!

Такимъ образомъ, я лишень возможности представить картинное описаніе какого-бы то ни было торжества по сему случаю, и долженъ ограничиться сообщеніемъ одного: что рабочимъ каждый день давали лепешки и рисовую кашу...

Въ настоящее время только этотъ дворъ поддерживается въ прежнемъ видѣ; остальное зданіе занято госпиталемъ. За стѣной приемнаго двора помѣщалась довольно грязная баня «повелителя правовѣрныхъ», превращенная нынѣ въ служительскую казарму; тутъ-же, кажется, и мертвецкій покой.

Слѣдя затѣмъ вдоль восточной стѣны цитадели, мимо новыхъ казармъ, мы достигаемъ *сарбазскаго двора*, гдѣ прежде стояла артиллерія и 1 или 2 баталіона сарбазовъ, — этого самаго несчастнаго войска въ арміи эмира (если только можно назвать арміей сбродъ), потому что въ сраженіяхъ конница и артиллерія по-добру по-здорову улепетываются, предоставивъ сарбазовъ случаю и великодушію побѣдителя.

Съ сарбазскаго двора, миновавъ второй пороховой складъ, мы выходимъ на *площадь*. Это — лучшее мѣсто въ цитадели. Тутъ памятникъ надъ убитыми въ 1868 г. во время блокады; тутъ могила храбраго полковника Соковнина, умершаго отъ ранъ по взятіи Китаба, въ 1871 году; тутъ церковь, совсѣмъ закрытая деревьями, въ тѣни которыхъ находится такъ-называемая *скамейка* или *лавочка* — сборище праздныхъ, отдохновеніе «дѣловыхъ», источникъ новостей и сплетенъ.

— Гдѣ вы это слышали?

— Да вчера вечеромъ, на *лавочкѣ*...

Пройдя *русскую школу*, мы узкой улицей достигаемъ бухарскихъ воротъ цитадели, за ними — эспланада. Вдали виднѣются *русскія лавки*. Наружнымъ видомъ онѣ отчасти напоминаютъ нѣкоторыя мѣста ташкентскаго «воскреснаго» базара; онѣ, иной разъ, могутъ снабдить всѣмъ, а въ другой — ничѣмъ. Это очень оригинально, но и понятно, если вспомнимъ разстояніе Самарканда отъ Ташкента. По этой-же причинѣ въ лавкахъ этихъ все дороже ташкентскаго, также какъ въ Катта-Курганѣ все дороже самаркандскаго. Впрочемъ, нѣкоторые предметы: сахаръ, свѣчи, посуду, какъ и въ Ташкентѣ, можно имѣть съ туземнаго базара, по цѣнамъ сравнительно дешевымъ.

Нѣсколько лѣвъ лавокъ, бросается въ глаза высокое каменное нештукатуренное зданіе кубической формы, съ куполомъ. Это *Рахабатъ*, тоже могила святаго *Бурханитдина*. Зданіе очень древнее, и также не изъ числа безопасныхъ *). Внутри его нѣсколько плитъ и гигантское знамя святаго; кругомъ зданія разбросано нѣсколько могилъ, да и вся эта мѣстность была, будто-бы, кладбищемъ, когда эмиръ Музаффаръ приказалъ выровнять ее, прикупилъ нѣсколько сосѣднихъ дворовъ и построилъ тутъ медресе, передѣланное нынѣ въ *закетъ-сарай*. Медресе состояло изъ огромнаго двора со множествомъ келій, между которыми была одна и для эмира, оштукатуренная внутри, съ росписаннымъ потолкомъ, тогда какъ прочія имѣли голыя стѣны; въ ней впоследствии жили привратники закеть-сарая, а теперь она, вмѣстѣ съ прочими кельями, передѣлана въ навѣсъ. Большой, глубокой и выложенный деревомъ прудъ закеть-сарая, рекомендуется любителямъ, какъ единственное во всемъ Самаркандѣ мѣсто для привольнаго купанья.

Южными воротами закеть-сарая можно пройти къ могилѣ Тимура, называемой обыкновенно *Гуримиръ*—могила господина. До нея отъ закеть-сарая не особенно далеко: всего нѣсколько криныхъ, и весной, а также осенью, по обычаю, весьма грязныхъ улицъ.

Могила Тимура очень сносно описана Вамбери. Это большая часовня, среди которой, за бѣлой рѣшеткой, находится нѣсколько плитъ съ арабскими надписями, дѣйствительно очень тонкой работы. Подъ часовней склепъ, и вотъ тамъ-то настоящая могила завоевателя, его учителя и нѣкоторыхъ членовъ семейства, а верхнія плиты, такъ сказать, парадныя плиты. Изъ нижнихъ одна расколота почти пополамъ. Это, будто-бы, подвигъ не менѣе извѣстнаго завоевателя Надиръ-шаха, который, покоривъ Самаркандъ, пожелалъ видѣть плиту надъ гробомъ Тимура, для чего приказалъ выломать ее и привести къ нему въ ставку. Плиту или точнѣе камень, выломали, но при этомъ, или во время перевозки на арбѣ, раскололи: подвигъ, достойный шита Надира, наругавшагося надъ прахомъ и памятью суннита Тимура. Другіе говорятъ, что по волѣ

*) Съ этого высокаго зданія осаждающіе также не мало безпокоили цитадель ружейнымъ огнемъ (1868 г.).

Надиръ-шаха въ могилѣ Тимура искали какія-то легендарныя сокровища, для чего вскрывали могилу и при этомъ разбили камень. Какъ-бы то ни было, «могила господина», въ послѣднее время, по возможности реставрирована, что, впрочемъ, ничуть не льститъ гордости ни узбековъ, ни таджиковъ, потому что они уже выродились и знаменитѣйшій изъ ихъ повелителей сталъ для нихъ мѣломъ. Они въ большинствѣ и къ святымъ своимъ относятся довольно равнодушно, а до Тимура, воевавшего Богъ-вѣсть когда и съ кѣмъ, имъ и подавно никакого дѣла нѣтъ. Около Гуримира есть также довольно высокій минаретъ, что и составить, съ другими 4, на весь Самаркандъ только пять минаретовъ, почти незамѣтныхъ за тѣми зданіями, около которыхъ они высятся; а Вамбери, подъѣзжая къ Самарканду въ арбѣ, за нѣсколько верстъ отъ города любовался минаретами и куполами...

Здѣсь мы покончимъ съ замѣчательными могилами, находящимися собственно въ городѣ, хотя все-таки не избавимся отъ этихъ могилъ за городомъ, потому что Самаркандъ не даромъ называется *Чарбаи-бузруконъ*—садъ угодниковъ. Дѣйствительно, въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ болѣе 200 святыхъ *могилъ*, въ самомъ городѣ до 20 *медресе*, множество *мечетей* и при нихъ отдѣльных *келій* для подвижниковъ. Всѣ эти учрежденія имѣли, частью и теперь имѣютъ, *вакуфы*, т. е. завѣты, исключительно въ формѣ извѣстной части урожая съ извѣстнаго пространства земли, при чемъ нѣкоторые учрежденія остатки отъ расходовъ на содержаніе отдавали эмиру на бѣдныхъ. Цифра этихъ остатковъ достигала иногда весьма почтенныхъ размѣровъ, потому что *мусульмане*—эконома не смѣли красть подъ страхомъ смерти, не обсчитывали мулѣ и, такимъ образомъ, доходы съ вакуфовъ достигали своего назначенія, согласно волѣ завѣщателей. Съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ могилъ, мечетей, медресе, и съ тѣхъ поръ, какъ вакуфное дѣло поступило въ руки такихъ личностей, какъ *Аламанъ-Чулакъ*, *Айходжа*, *Муминъ-Аминъ* и казы *Камоль*,—вакуфное дѣло запуталось и, конечно, не въ нашу пользу. Между тѣмъ, оно стоитъ вниманія и въ смыслѣ финансовомъ, и въ смыслѣ политико-экономическомъ, какъ особый видъ повинности, напоминающій наши *монастырскія земли*, и, наконецъ, въ смыслѣ историческомъ, потому что нѣкоторые вакуфы пожалованы разнымъ

учрежденіямъ очень давно, прежде царствовавшими эмирами. Но приступая къ изученію вакуфнаго дѣла, не слѣдуетъ официально требовать для распросовъ компетентныхъ туземцевъ, что, къ несчастію, дѣлается постоянно людьми или неопытными, или лѣнивыми, считающими командировку прогулкой, развлеченіемъ, разнообразіемъ послѣ свѣтской жизни. Всѣ эти мусульманскіе авторитеты по разнымъ отраслямъ здѣшняго общественнаго хозяйства — себѣ на умѣ; они лично заинтересованы распросами, потому что когда-то, если не сами лично, то ихъ свать или дяди, или просто другъ и пріятель, играли роли въ тѣхъ операціяхъ, о которыхъ вы ихъ спрашиваете. Слѣдуетъ каждое слово ихъ строго проверять. Иначе эти люди, мало того, что лгутъ намъ въ глаза, они и за глазами искажаютъ передъ простодушнымъ народомъ наши дѣла, запугиваютъ его самыми дурацкими страхами и тѣмъ, конечно, отерочиваютъ наши успѣхи. Что же касается до названныхъ выше личностей, и до всѣхъ подобныхъ имъ юлдашбековъ, амляндаровъ, токсаба и т. п., то ихъ участіе въ расхищеніи государственныхъ доходовъ уже доказано, и «волчій билетъ» они заслужили уже давно...

Перейдемъ къ *топографіи* и *этнографіи* Самарканда, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о прошломъ этого города.

Корень слова: *Самаркандъ*, — какъ и полагается корню, — развѣтвляется до запутанности. Туземцы пишутъ: *Самьяркандъ* *), причемъ послѣдній слогъ долженъ быть твердый, горловой, а говорить — *Самарканъ*, выбросивъ букву *д*. Мнѣ случилось слышать слѣдующія сказки по поводу названія города: 1) жилъ былъ царь; звали его *Самаръ*, а царицу звали *Кандъ*, и они основали Самаркандъ; 2) жили-были два брата: *Самаръ* и *Камаръ*, люди добродѣтельные. Они подвизались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь Самаркандъ, основали этотъ городъ, онъ зовется по ихъ имени, а сами они попали въ святыя, и могила ихъ доселѣ находится въ Самаркандѣ, въ медресе Разынъ-суфи. Самаркандъ можно произно-

*) Будто бы, по арабски, *самаръ* значитъ плодъ, *кандъ* — сладкій, сахарный но, за неимѣніемъ словаря, справится негдѣ. Слово *кандъ* и по узбекски — сахаръ.

сить *Самаркандъ*. *Кендъ* — городъ и вообще осѣдлость, какъ на примѣръ Ташкентъ — каменный городъ (званный однако въ древности будто бы Шашкендомъ), Чимкентъ — зеленый городъ, Яныкентъ — новый городъ и т. п. Нѣмецкіе историки нашли, что Самаркандъ звался прежде *Маракандомъ*; другіе изыскатели открыли, что онъ звался прежде *Мирандой*, и т. д. Какъ бы то ни было, можно предполагать на мѣстѣ Самарканда очень давнюю осѣдлость, а именно по крайней хѣтѣ за 500 лѣтъ до Р. Х. Киръ Великій, царствовавшій за 560 лѣтъ до Р. Х. предпринималъ походы противъ скифскаго племени масагетовъ, жившихъ на Яксартѣ (Сырдарьѣ), и даже погибъ въ битвѣ съ ними. Скифы, по всѣмъ исторіямъ, были народомъ кочевымъ; но простирались ли ихъ кочевья до р. Окса (Аму), сказать трудно; если кочевья эти ограничивались рѣкою Яксартомъ, то, значитъ, долина Зеравшана (Согдіана), даже ранѣе чѣмъ за 560 лѣтъ до Р. Х., имѣла уже осѣдлости, въ томъ числѣ можетъ быть и Самаркандъ подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, и тяготѣла къ сосѣдней Бактріи (Балху), правители которой были намѣстниками персидскихъ царей. Это подтверждается еще и тѣмъ, что Бактрія единогласно признана родиною *иранскаго* племени, а развѣ нынѣшніе *таджики*, напр. верховьевъ Зеравшана, не говорятъ чистымъ персидскимъ языкомъ? Такимъ образомъ является предположеніе, что въ долинѣ Зеравшана, звавшейся у древнихъ *Согдіаной*, по имени какого-то исчезнушаго съ лица земли народа, осѣдлости существуютъ около 2,500 лѣтъ. Александръ Великій (царств. отъ 361—323 г. до Р. Х.) Уже бралъ въ Согдіанѣ и окружающихъ ее горахъ города и, при штурмѣ одного изъ нихъ, взялъ въ плѣнъ Роксану, «перль востока», свою будущую жену. Въ это же время занятъ былъ имъ и Маракандъ, развалины котораго находятся около нынѣшняго Самарканда. Правда, мѣстные преданія говорятъ, что тутъ былъ городъ, построенный Афросіабомъ, царемъ персидскимъ, но это могло случиться или прежде Александра или послѣ, когда греки оставили уже эту территорію и ушли за Оксъ, — потому что во время Александра Великаго царемъ Персіи былъ *Дарій Кодоманъ*, погибшій, какъ извѣстно, въ Бактріи (Балхѣ) отъ руки своего намѣстника Бесса, жестоко казненнаго за это Александромъ.

Послѣ Александра Великаго въ исторіи Согдіаны (въ томъ

числѣ, значить, и Самарканда) и Бактріи наступаетъ почти 900 лѣтній періодъ, скудный точными сказаніями. Бактрія и Согдіана достались одному изъ полководцевъ Александра и современемъ составили особое *бактрійское царство*, мошеты котораго можно до сихъ поръ купить во всѣхъ большихъ среднеазиатскихъ горахъ. Жаль одного, что на рѣдкой изъ этихъ монетъ можно прочитать все безъ недоразумѣній.

Бактрійское царство существовало болѣе 800 лѣтъ, когда началось преобладаніе арабовъ и завоеваніе ими всѣхъ странъ отъ Средиземнаго моря до Паропамиза (Гиндукушъ) и на сѣверъ до Каспійскаго моря и р. Яксарты. Должно быть Самаркандъ (если онъ не назывался тогда какъ либо иначе), представлялъ въ ту пору уже настолько значительную и даже сильную осѣдность, а силы арабовъ, вводившихъ въ Бактрію и Согдіанѣ исламъ, были такъ недостаточны для его взятія, что полководцы перваго *халифа* (т. е. пріемника Мухамеда) *Абубекра-Сыдыка* прибѣгли къ хитрости. Но они не ввели въ городъ деревяннаго коня, какъ это сдѣлали покорители Трои, а пригнали въ городъ огромный караванъ верблюдовъ, навьюченный сундуками будто бы съ товаромъ для распродажи. Въ первую же ночь изъ сундуковъ вышли воины и овладѣли городомъ... Конечно, это можно отнести къ области легендъ, которыми такъ богаты здѣшнія народности. Это было въ VI в. по Р. Х. Но, не смотря на сказочный характеръ, легенда эта все-таки вызываетъ на нѣкоторыя предположенія; а именно есть основаніе думать, что первыя попытки арабовъ ввести въ Согдіанѣ и Бактріи исламъ были не въ VIII вѣкѣ, какъ это казалось прежде, а въ VI, — иначе преданіямъ и книгамъ не захѣмъ было сохранять легенду о войнахъ Абубекра, запертыхъ въ сундуки, — и что послѣ этого покоренія арабами Согдіаны и Бактріи и введенія тамъ ислама мечемъ двоюроднаго брата и зятя пророка — Али-Шахмардана (царя мужей, т. е. храбрыхъ), страны эти вышли изъ подъ арабскаго вліянія, или по крайней мѣрѣ успѣхи ислама значительно въ нихъ ослабѣли, если даже совсѣмъ не истребились потому что въ VIII вѣкѣ въ Бактрію и Согдіанѣ снова являются арабскіе воины — проповѣдники, снова начинается борьба огнемъ и мечемъ за существованіе въ этихъ странахъ новой религіи. Но и въ этотъ разъ болѣе просвѣщенные, болѣе,

энергичные арабы берутъ верхъ надъ противившимся имъ разнороднымъ населеніемъ *), и исламъ водворился съ той поры въ краѣ такъ крѣпко, что и всѣ пришлыя затѣмъ изъ-за Тянь-шани или изъ-за Яксарты кочевыя народности поддавались обаянію новой религіи, подходившей къ ихъ быту, и принимали ее, если даже не имѣли въ виду остаться въ Согдіанѣ, что мы и видимъ доселѣ на туркменахъ и на всѣхъ вообще 92 колѣнахъ узбековъ. Съ этой эпохи начинается болѣе опредѣленная исторія ислама въ Согдіанѣ: исторія Самарканда, Бухары, Кеша (Шарсабизъ), Нахшеба (Карши) и другихъ осѣдлостей долины Зеравшана. Самаркандъ скоро становится центромъ арабской учености на дальнемъ востокѣ; въ немъ возникаетъ обсерваторія; вмѣстѣ съ тѣмъ исламъ пускаетъ глубокіе корни, такъ что собственно это время должно считать прочнымъ началомъ мусульманства въ Средней Азіи; съ этого именно времени Самаркандъ становится классической почвой ислама, и первыя проявленія мусульманскаго фанатизма, святишества и сказочныхъ представленій возникаютъ въ образѣ «живаго царя», о которомъ мы говорили уже въ первомъ очеркѣ Самарканда. Дальнѣйшее развитіе народнаго духа въ этомъ же правленіи шло съ тѣхъ поръ безостановочно, не смотря на завоеванія края, на примѣръ, язычниками, узбеками и калмыками, и въ

*) Населеніе Согдіаны состояло въ ту пору изъ аборигеновъ *Сиди*, имя которыхъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ книгахъ, что я слышалъ въ Самаркандѣ отъ людей ученыхъ. — Названіе одного изъ участковъ въ окрестностяхъ Самарканда — *Сунутъ* (или правильнѣе — *Сунудъ*, какъ его и пишутъ туземцы и притомъ безъ гласныхъ, что намекаетъ на арабское происхожденіе слова) — произошло будто бы отъ жившаго тутъ народа *Сиди*. — Затѣмъ въ осѣдлыхъ пунктахъ жили: *бактріане*, *паропамизы* (авганы) и *индусы*, также какъ и теперь, по дѣдамъ торговцамъ. — Горы занимали тѣ же *таджики*, выходцы изъ Бактріи, да *скифы* изъ-за Яксарты наѣзжали съ своими произведеніями. Должны или жить въ ту пору въ Согдіанѣ и *греки*, но то были отнюдь не остатки фаланги Александра, а просто переселенцы изъ Бактріи, гдѣ грековъ было довольно-много, что и цари были греки. Вообще, жизнь шла, какъ и теперь, хотя интересы каждой народности, также какъ и теперь, были различны. — Конечно, фанатикамъ-арабамъ не особенно трудно было справиться со всѣмъ этимъ разнороднымъ населеніемъ, въ особенности послѣ водворенія въ Бактрію. — Нью-Йоркскій профессоръ Дрэперъ, извѣстный своей «Исторіей умственнаго развитія Европы» и друг. сочиненіями, очень удачно замѣтилъ, что распространенію ислама сильно содѣйствовала полигамія, слѣдствіемъ которой было, конечно, быстрое рожденіе молодаго поколѣнія, воспитывавшагося уже въ духѣ ислама.

известной степени идти (до поры до времени) и теперь, не смотря на завоевание края нами. Это — обычное историческое явление, против которого бессильно все, кроме времени и истинной цивилизации. Темъ болѣе это мистическое направление должно быть живуче, что здѣшнія народности въ самомъ дѣлѣ такъ своеобразны, что не съумѣли или не догадались оставить за собою лучшее, что занесли сюда арабы, это — ихъ ученость, а запаслись только арабскимъ мистицизмомъ. Теперь въ наружныхъ проявленіяхъ своихъ мистицизмъ этотъ падаетъ: мы знаемъ, что медресе — эти разсадники фанатизма и замкнутости — почти пусты; мечети, съ уничтоженіемъ *раисовъ*, т. е. блюстителей религіи, посѣщаются немногими стариками, надъ святыми могилами смѣются... Но мистицизмъ продолжаетъ еще доселѣ всасываться въ нарождающіяся поколѣнія съ молокомъ матери; надъ нимъ есть патриаршая опека стариковъ; на него вліяетъ независимость сосѣдей... Однако, мы далеко уклонились отъ главнаго предмета: топографическаго и этнографическаго очерка Самарканда.

Самаркандъ, съ его садами, лежитъ на лѣвомъ берегу Зеравшана, у подошвы югозападнаго склона высотъ *Чупанъ-ата*, — въ 6 или 7 верстахъ отъ берега рѣки. Восточные и сѣверные сады Самарканда орошаются арыками: *Сіобъ*, *Сіобча*, ключъ *Аби-машадъ* и другими. Южную окраину садовъ омываетъ большой арыкъ *Даргамъ* съ побочными арыками, проникающими и въ западные сады: *Хазармыкъ*, *Баулы-хана* и другими и ключъ *Абди-дирунъ*. Арыки ничего особеннаго не представляютъ, но о ключахъ стоитъ сообщить нѣкоторыя подробности.

1) Ключъ *Абди-дирунъ*. Святой *Абди*, жившій когда-то и похороненный теперь на берегу этого ключа, разсердился въ одно прекрасное время на півовъ, лягушекъ и т. п. обитателей ключа, и сказалъ имъ въ седцахъ такое крѣпкое слово, что онѣ разъ и навсегда отказались отъ ключа, и вѣрующіе, доселѣ, замѣтивъ въ своемъ пруду или арыкѣ эмигрантовъ изъ ключа святаго *Абди*, вливаютъ въ нихъ нѣсколько воды изъ святаго источника, и эмигранты снова эмигрируютъ въ другіе пруды и арыки, что однако ничуть не мѣшаетъ имъ плодиться и задавать концерты попрежнему повсемѣстно. Но всего замѣчательнѣе то, что иломъ со дна источника *Абди* будто бы вылечиваютъ лошадей отъ сапа бо-

лѣзни, какъ известно, у насъ неизлечимой. Мнѣ не случалось слышать, чтобы кто либо изъ мусульманъ застрѣлилъ осанатѣвшую лошадь. Во всякомъ случаѣ, анализъ самаркандской воды вообще интересенъ.

2) Ключъ *Кунчиликъ* — начинается и идетъ въ городѣ мимо цитадели. До моста, что ведетъ въ ворота цитадели, онъ зовется *Кунчиликъ*, а далѣе, подъ стѣною цитадели, известенъ подъ именемъ *Чаримари* — кожевникъ, потому что на берегу его и до сихъ поръ идетъ выдѣлка кожъ. Кунчиликъ также считается цѣлѣбнымъ, и въ немъ у источника, что недалеко отъ зякетъ-сарая, купались будто бы сами эмиры. Теперь тамъ водопой. Небольшія купальни, устроенныя тамъ мусульманами, существовали и послѣ занятія нами Самарканда, но потомъ ихъ, неизвѣстно зачѣмъ, къ общему сожалѣнію, уничтожили... если для сохраненія здоровья гарнизона, то онъ все равно продолжаетъ купаться въ стоячихъ прудахъ; если же для того, чтобы въ цитадель шла чистая вода, то изъ Кунчилика въ цитадель вода нейдетъ, потому что Кунчиликъ гораздо ниже цитадели.

3) Ключъ *Аби-Машадъ* — за воротами Шахинде. Въ ночь на новый годъ (серсолъ), на берегу этого ключа бываетъ у мусульманъ гулянье (саиль), — прежде будто бы даже съ фейерверкомъ, состоявшимъ исключительно изъ ракетъ. Часовъ въ 10 или 12 ночи, публика (конечно, только мужская; женская сидѣла дома) купалась въ ключѣ и на нее падалъ будто бы дождь, и только на нее; стоявшіе на берегу были сухи. Я видалъ чудаковъ, которые настойчиво увѣряли, что дождь падалъ лишь на нихъ и именно только надъ ключемъ. «И выйдешь изъ воды легкій, будто птица», заключали они. За послѣдніе годы, кажется, ни гулянья въ большихъ размѣрахъ, ни дождя не бываетъ... Попытки мои добратъ до гулянья остались безъ успѣха. «Да тамъ ничего нѣтъ», говорилъ мнѣ тотъ самый старикъ, что выше глумился надъ своими святыми. «Соберутся два-три *баккала* (мелочника) съ лепешками, придутъ два-три ротозея, — вотъ и саиль... Вѣдь вамъ известно, что наши мусульмане дураки?..

— Известно; а далеко до гулянья?

— Далеко...

Ночь была темна, дорога шла оврагами, лошадь спотыкалась,

и я заблагодаря судилъ вернуться домой, предоставивъ правовернымъ облегчать себя въ источникѣ Абимашадъ въ воду, на всевозможные лады, и ушодобляться всевозможнымъ птицамъ.

Перейдемъ къ городу. Онъ самъ по себѣ не великъ, а именно не болѣе $1\frac{1}{2}$ верстъ въ діаметрѣ. Это далеко не то, что Ташкентъ, діаметръ котораго, безъ садовъ, равенъ почти 8 верстамъ. Какъ и всѣ среднеазиатскіе города, Самаркандъ окруженъ глиняною стѣною, мѣстами развалившеюся; въ ней 6 воротъ. Такъ, въ западной части находятся ворота *Бухарскіе*, въ сѣверной—*Пай-кабакъ* и *Шахзинда* или *Хазреті-шахъ*, въ восточной—*Каллидаръ-хана*, въ южной—*Сузантаранъ* и *Ходжа Ахраръ*.

Внутри Самаркандъ также мало отличается отъ прочихъ среднеазиатскихъ городовъ. Тѣ же кривыя улицы, та же пыль и то же одуряющее однообразіе: глина и глина... Только изрѣдка встрѣчаются красивыя, благодаря деревьямъ, улицы. Затѣмъ громады медресе и другія зданія, да и то благодаря лишь ихъ исторической славѣ, останавливаютъ на себѣ вниманіе. О четырехъ древнѣйшихъ и лучшихъ медресе (Шахзинде, Тиллакари, Ширдаръ и Улугъ-бекъ) я уже говорилъ; остается назвать медресе второстепенныя. Таковы: *Сафидъ*, *Шайвани-ханъ*, *Арифджанъ-бай*, *Турба*, *Ходжа-зумрадъ*, *Турдалъ*, *Халифе-хасанъ*, *Разыкъсуфи*, *Магзуми-хоразмъ*, и нѣкоторыя другія.

Въ медресе Магзуми-хоразмъ учится много слѣпыхъ муллъ; есть будто бы даже и слѣпые преподаватели, напримѣръ — *кары* (т. е. знающій коранъ наизустъ) *Мохаллимъ-Юсуфъ*. Около этого медресе есть нѣсколько *кукаръ-хана* (куриленъ опія), и праздные посѣтители ихъ будто-бы постоянно потѣшаются насчетъ слѣпыхъ муллъ, похищая у нихъ туфли, сбивая ихъ съ компаса въ часъ молитвы, а именно—направляя молиться не на западъ, какъ слѣдуетъ, а на оборотъ — на востокъ и т. п. Въ прежнее время эти слѣпые муллы получали значительное вспомошествованіе отъ правительства.

Достоинъ также вниманія медресе *Ходжа-Ахраръ*; но оно находится за городомъ и о немъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Почти всѣ самаркандскія медресе пусты, т. е. въ нихъ нѣтъ или очень мало учащихся (муллъ), хотя есть учаніе (медарисы) экононы (мутевали), завѣдывающіе доходами съ вакуфовъ и полу-

чающіе ихъ неизвѣстно на какія потребности; объ этомъ уже говорено было выше.

Мечетей въ Самаркандѣ и его садахъ—множество; но всѣ они въ незавидномъ состояніи... Сколько ихъ—опредѣлить трудно. Развѣ сосчитать, а не то мусульмане, кичась обиліемъ храмовъ, врутъ безбожно и называютъ такія цифры, что ихъ не стоитъ и повторять.

Скажемъ нѣсколько словъ о *самаркандскомъ базарѣ* и перейдемъ къ этнографическому очерку города. Самаркандскій базаръ состоитъ изъ новыхъ открытыхъ рядовъ, построенныхъ послѣ 1868 г., и частью сохранилъ свою фізіономію, т. е. похожъ на крытыя улицы. *Караванъ-сараявъ* въ Самаркандѣ не особенно много, въ томъ числѣ одинъ принадлежитъ индусамъ, исключительно ростовщикамъ. Кромѣ *лавокъ* и *караванъ-сараявъ* въ Самаркандѣ есть, такъ называемые *тимъ*,—ряды изъ крошечныхъ лавочекъ съ спиртомъ и т. п., но одну не съ какимъ либо другимъ товаромъ, напримѣръ: коврами или лакомствами. Впрочемъ *тимъ* въ строгомъ смыслѣ—*красныя ряды*, но такихъ тимовъ въ Самаркандѣ только два. Лавки съ жинностью разбросаны всюду: въ городѣ, по садамъ и окрестнымъ кишлакамъ.

Мнѣ неизвѣстна точная цифра населенія Самарканда, да вѣроятно и никому она неизвѣстна. Кто ее доставилъ? Если собиратели ея были, по обычаю, невѣжественные аксакалы, то не стоило и хлопотать. Убавятъ они настоящую цифру, или прибавятъ, намъ все равно; у насъ нѣтъ пока статистики, она еще въ зародышѣ.

Наглядно я опредѣляю Самаркандъ въ 4000 домовъ или семей. По обще принятому обычаю, хоть и не совсемъ удобному при здѣшней полигаміи, положимъ въ каждой семьѣ по 5 душъ, что будетъ составлять 20.000 душъ обоого пола. Собственно на таджиковъ $\frac{6}{10}$ этой цифры, а на прочія народности $\frac{1}{10}$.

По классамъ, самаркандскіе таджики распределяются такъ:

- 1) На привилегированный классъ $\frac{1}{10}$.
- 2) » земледѣльцевъ и ремесленниковъ $\frac{3}{10}$.
- 3) » поддоники таджикскаго населенія (*) $\frac{2}{10}$.

Итого . . . $\frac{6}{10}$ или 12,000 душъ.

(*) См. характеристику населенія Самарканда.

Если $\frac{2}{10}$ этой цифры принадлежать третьей категоріи, то значить $\frac{1}{3}$ таджиковъ Самарканда плохіе граждане; а вмѣстѣ съ бездѣльниками изъ среды узбековъ, иранцевъ, евреевъ, цыганъ и наконецъ съ прибавленіемъ татаръ, пролетаріатъ Самарканда достигаетъ довольно почтенной цифры, а именно $\frac{3}{10}$ всего населенія, т. е. изъ 20,000 Самаркандцевъ 6000 душъ промышляютъ *совѣтъ не благовидно*, я не сказалъ *не совѣтъ благовидно*. Последнее выраженіе не идетъ къ Самарканду.

Я можетъ быть на сколько нибудь ошибся общей цифрой населенія Самарканда, но при всякихъ цифрахъ, отношенія пролетаріата къ здоровому населенію должно остаться тоже, если не мѣнять распредѣленія таджиковъ по категоріямъ. Распредѣленіе это, правда, не основано на показаніи какихъ либо аксакаловъ, но оно приблизительно вѣрно, потому что, за неимѣніемъ официальныхъ и вообще какихъ бы то ни было свѣдѣній, (***) и за полною невозможностью ихъ собрать я спрашивалъ на мѣстѣ достойныхъ вѣроятія частныхъ лицъ, и они распредѣлили самаркандскихъ таджиковъ именно такъ, какъ показано дробями выше.

Въ заключеніи словъ моихъ о таджикахъ, не излишне замѣтить, что хотя таджики и породнились черезъ браки съ узбеками и иранцами, но все таки не приобрѣли отъ нихъ почти ничего изъ той доли порядочности, которая сравнительно все таки присуща и узбекамъ и иранцамъ. Впрочемъ извѣстно, что какія бы то ни было наклонности появляются, развиваются и крѣпнуть совершенно одинаково, какъ въ отдѣльной личности, такъ и въ народныхъ массахъ. На это можно привести множество примѣровъ. Сдержанныя иногда внѣшними обстоятельствами, наклонности эти при первомъ удобномъ случаѣ выходятъ наружу, во вредъ или на пользу себѣ и другимъ. Глубоко осмысленная и добросовѣстная опека должна быть надъ подобными проявленіями человѣческаго духа—имѣемъ ли мы предъ собою ребенка, или цѣлый народъ.

Узбеки разныхъ колѣнъ составляютъ $\frac{1}{10}$ часть Самаркандскаго населенія. Они гораздо нравственнѣе таджиковъ; между ними есть также купцы, муллы, ремесленники, пахари и весьма достаточно

(**) Эта статья писана въ 1872 г. Въ IV-же выпускѣ „Матеріаловъ для статистики туркестанскаго края“ изданіе 1876 г. находится уже полныя статистическія данныя для всего Зеравшанскаго округа.

бездѣльниковъ; въ особенности конокрадовъ. Но, говоря вообще, нравы узбековъ чище таджикскихъ, хотя обряды, обычаи и одежда ихъ почти одни и тѣ же. Къ узбекамъ же нужно отнести, живущихъ въ Самаркандѣ русскихъ татаръ, выросшихъ въ Самаркандѣ, или пріѣхавшихъ изъ Россіи. Последние исключительно переводчики, приказчики, или содержатели банъ и публичныхъ домовъ, корпорація не совсѣмъ надежная, потому что каждый татаринъ непремѣнно корчитъ изъ себя законника и на всѣ роды эксплуатируетъ даже хитраго таджика, не говоря уже о простодушномъ узбекѣ, который видитъ въ каждомъ татаринѣ идеалъ ученаго человѣка. Вообще жалобы на взяточничество и высокоуміе татаръ особливо переводчиковъ, мнѣ не разъ случалось слышать отъ туземцевъ. Кто взялъ къ себѣ во служеніе татарина, тотъ долженъ смотрѣть за нимъ въ „оба“ потому что здѣшній татаринъ отверженецъ изъ своего общества въ Россіи, вслѣдствіе чего извѣстныя наклонности сказываются въ немъ здѣсь не медленно. Затѣмъ къ узбекамъ же относятся киргизы; ихъ въ Самаркандѣ не много; они служатъ въ джигитахъ, въ почторахъ и подъ часъ тоже народъ ловкій, въ родѣ, напимѣръ нѣкогого, служившаго въ шайкѣ извѣстнаго Садыка, муаллы Иббаса,

«За каменнымъ мостомъ (укр. Ташъ-Купрюкъ) разграбили мой караванъ», говорилъ мнѣ однажды одинъ почтенный самаркандецъ. «Я ходилъ къ муллѣ Иббасу, онъ сказалъ, чтобъ я сначала подарилъ его и тогда можно будетъ поговорить о караванѣ...»

И все это чудакъ говорилъ совершенно равнодушно, отнюдь не волнуясь, какъ будто рѣчь шла о вещахъ, самыхъ обыденныхъ, а не о томъ, что у него ограбили на 3000 руб. товару и слѣдъ этого товара можетъ быть открытъ. Въ этомъ равнодушіи проглядываетъ вѣра въ предопредѣленіе.

Для почтового дѣла киргизы чрезвычайно способны, благодаря неутомимости своей на сѣдлѣ. Почти 70 верстъ изъ Самарканда въ Катта-Курганъ киргизъ почтарь проѣзжаетъ въ лѣтнюю ночь, а въ экстренныхъ случаяхъ на другой день возвращается въ Самаркандъ. Всю дорогу онъ ѣдетъ ровно, трескомъ, стало быть, воя не утомляетъ; пока въ Катта-Курганѣ пишуть отвѣтъ, онъ

дасть коню снопъ или два клеверу, самъ поѣсть лепешки, сонетъ и снова бодро пускается въ путь. Въ этихъ случаяхъ киргизы дѣйствительно не замѣнимы.

Иранцы или ирани (персіане) составляютъ $\frac{5}{20}$ или $\frac{1}{4}$ населенія Самарканда. Они жили прежде въ цитадели, составляя служилое сословіе, и въ пригородныхъ кишлакахъ. Теперь иране живутъ исключительно въ кишлакахъ; за Бухарскими воротами — Багша-моль, Чоръ-Тутъ, названный такъ по 4-мъ очень древнимъ тутовымъ деревьямъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ: за воротами каландаръ находится кишлакъ Мугубъ и другіе, за воротами Шах-зенда-Сочекъ и др. При эмирахъ ирани всегда играли роль, какъ народъ умный и какъ рабы, которымъ легче было вкрадываться въ довѣріе своихъ повелителей, достигать хорошаго положенія и даже свободы. Ирани замѣчательны чистотою нравовъ: имъ неизвѣстна проституція. Развѣ въ настоящее время они сошли съ колен, а прежде они обыкновенно карали преступниковъ и преступницъ этого рода своимъ судомъ, смертью. Кромѣ всего того ирани обращаютъ на себя вниманіе тою независимостью, съ какою они держали себя даже передъ эмирами. Расскажу два случая характеризующіе отчасти и самого эмира. Онъ пріѣзжалъ въ Самаркандъ обыкновенно для того, чтобы обобратъ бека, поклонится святымъ могиламъ и зарѣзать нѣсколькихъ преступниковъ. Услышавъ онъ однажды, сидя праздный и босой, на полу, на атласномъ одѣялѣ, въ главномъ залѣ своего дворца, что надъ когъ-ташемъ (*) вѣтсился и жужжитъ бумажный змѣй. Осердился-ли повелитель собственно на то, что обезпечили его слухъ или вообще въ этотъ день онъ былъ не въ духѣ, только эмиръ кликнулъ *дарбона* (придворника) и приказалъ опустить змѣй, а виновнаго въ нарушеніи тишины дворца наказать 75 ударами палокъ. Черезъ полчаса пришелъ дежурный удайчи и доложилъ, что повелѣніе эмира исполнено: виновный, нѣкто Юсуфъ ирани наказанъ и змѣй уничтоженъ. Змѣй этотъ оказался размѣромъ въ цѣлую сажень, съ особымъ механизмомъ для произведенія звука, и даже живымъ щенкомъ, завязаннымъ въ платокъ такъ, что наружу была выставлена только одна голова щенка. Платокъ со щенкомъ былъ привязанъ къ хвосту змѣя.

(*) Огромный монолитъ сѣраго мрамора, служившій подножіемъ трону Тимура.

— «Хобъ» (хорошо) сказалъ эмиръ, выслушавъ со вниманіемъ докладъ о змѣѣ и снова погрузился въ свои думы, а ирани собравшись въ мечети на молитву, до поздней ночи не расходились и ругали своего повелителя, чуть не вслухъ.

Вскорѣ послѣ этого оговорили передъ эмиромъ нѣкоего Зульфукара-ирани, молодого человека, который будто-бы, кутитъ иногда съ пріятелями въ своемъ саду. Эмиръ приказалъ посадить его въ *зинданъ* и чрезъ нѣсколько дней зарѣзать. Здѣсь я сдѣлаю отступленіе для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о зинданѣ и о казняхъ, во время владычества въ Самаркандѣ эмировъ.

✓ Зинданъ-яма, грушевидной формы, сажень въ 7 глубиною. Яма эта была вырыта въ сѣверо-восточномъ углу цитадели, и въ ней сидѣлъ нѣсколько дней взятый въ плѣнъ поручикъ Служенко. Арестованныхъ спускали въ яму и вынимали оттуда на арканѣ. Отверстіе этой подземной тюрьмы было четырехугольное, обложенное деревянными брусками, на которыхъ я видѣлъ знаки, вытертые арканомъ. На днѣ ямы, въ полумракѣ можно было различить нѣсколько циновокъ и разбитыхъ кувшиновъ. Надъ ямою выведенъ былъ небольшой, каменный куполъ, сажени въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ и сажени 2 вышиною, съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ на вершинѣ; маленькая и единственная дверца вела съ улицы подъ этотъ куполъ къ отверстіямъ и, осужденные не видѣли изъ этой пропасти ничего, кромѣ небольшого кружка неба не имѣли возможности хорошо видѣть даже другъ друга. Были несчастные которые томились въ зинданѣ по нѣскольку лѣтъ и выходили оттуда едва живыми, или умирали тамъ иногда, жертвою интриги, иногда даже изъ за какого нибудь пустого слова. Зинданъ въ Бухарѣ въ довершеніе всего, какъ говорятъ, наполненъ меріадами паразитовъ (вѣшей). Мѣстомъ публичныхъ казней въ Самаркандѣ, была небольшая площадка передъ медресе Ханымъ; здѣсь рѣзали и вѣшали преступниковъ. Женщинъ, обвиненныхъ въ прелюбодѣянн разстрѣливали въ цитаделѣ или въ ихъ собственныхъ домахъ. За возвышеніе цѣнь и за стачки, а также амляндаровъ и другіхъ сборщиковъ за утайку, податей прибывали гвоздями за уши къ воротамъ мечетей, или къ городскимъ воротамъ.

✓ Какъ ни круты были всѣ эти мѣры, но онѣ были въ духѣ азіятскаго законодательства. Народъ привыкъ къ нимъ, и вслѣдствіе этихъ мѣръ въ народѣ выработалось замѣчательное равнодушіе къ смерти. Кто наблюдалъ въ этомъ отношеніи здѣшнихъ мусульманъ, тотъ знаетъ, что мусульманинъ боится (и то не всегда) смерти лишь въ открытомъ бою; если же онъ видитъ, что смерть неизбежна, то трудно найти человѣка, болѣе равнодушнаго къ смерти. Вслѣдствіе этого-же и къ смерти ближнихъ мусульмане относятся замѣчательно равнодушно, приписывая все предопредѣленію судьбы. На похоронахъ голосятъ обыкновенно только женщины, мужчины-же держатъ себя сосредоточенно и холодно.]

Относительно амлякдаровъ и сборщиковъ правительство было особенно строго, конечно, оберегая личныя свои выгоды. Говорятъ, что сборы, безъ малѣйшаго притѣсненія народа, доходили, во времена эмировъ, до невѣроятныхъ размѣровъ.

Однако вернемся къ Зульфакару.

Какъ только ирани узнали о его смерти, они взяли, какъ разсказываютъ свои ружья и сабли и пошли къ когъ-ташу. Войдя во дворъ, они сложили свое оружіе и ушли, давая этимъ знать, что они болѣе не слуги эмира, если онъ будетъ ни за что, ни про что обижать ихъ и убивать. Прошло нѣсколько дней—эмиръ безвыѣздно сидѣлъ во дворцѣ, и наконецъ потребовалъ къ себѣ почетнѣйшихъ ирани: Зайналя-токсабу и нѣкоторыхъ другихъ, облакалъ ихъ, одарилъ халатами, чаемъ, сахаромъ, леденцомъ и, будто бы, только благодаря этому, покончили недоразумѣнія между повелителемъ и его подданными. Да и невыгодно было ему рѣзать своихъ покупныхъ подданныхъ.

Въ настоящее время многіе, если не всѣ, ирани бросили суннитскій толкъ, который они поневолѣ исповѣдывали при эмирахъ и вернулись къ шиизму. Ирани занимаются шелководствомъ, небольшою торговлею, садоводствомъ, вообще земледѣліемъ и ткнутъ шелковыя матеріи: адрась и шаи. Иранки ткнутъ много цвѣтной маты. Есть между ирани и муллы, и ремесленники, и всякаго рода люди, въ особенности въ средѣ прежнихъ служилыхъ: всевозможныхъ токсаба, караулъ-беги, мирахуровъ и т. п., которые и до сихъ поръ стараются попасть на разныя должности: курбаши, амлякдара, и т. п., и конечно не безъ корыстныхъ цѣлей.

Евреевъ, индусовъ, авгановъ и цыганъ можно считать $\frac{1}{20}$ населенія Самарканда. ✓

Евреи занимаютъ особый кварталъ въ сѣверо-восточной части города. Здѣшніе евреи непохожи на европейскихъ; они опрятнѣе въ одеждѣ и въ жизни, кротки и гостепріимны. При эмирахъ они были угнетены, и ежегодно вносили огромныя пошлины за право жить въ Самаркандѣ. Въ Бухарѣ этотъ законъ дѣйствуетъ и до нынѣ. Евреи торгуютъ шелкомъ, ситцемъ и всевозможными товарами. Между ними замѣчателенъ ихъ старшій аксакаль и калыктаръ (т. е. набольшій) Моисей, личность честная и вообще достойная уваженія по уму и вліянію на своихъ единовѣрцевъ; онъ имѣетъ значительное состояніе, большую и красивую семью, нѣсколько домовъ и садовъ. Его очень уважаютъ даже и мусульмане. Когда въ 1868 году кенегезы (шахрисябцы) окружили цитадель, небольшая шайка ворвалась въ еврейскій кварталъ и увезла калыктаря къ Джура-беку; тамъ его избили и едва живаго отпустили домой. Чтобы защитить старика отъ новыхъ оскорбленій, нѣсколько самаркандцевъ направили ему на голову чалму, уборъ, запрещенный евреямъ, и довели до дома. Калыктарю теперь 55 лѣтъ. Въ молодости онъ путешествовалъ по Западной Европѣ и Палестинѣ. Онъ построилъ въ Самаркандѣ синагогу и школу, а потому, надо полагать, нѣкоторые и называютъ его раввиномъ, тогда какъ онъ просто старшій аксакаль. Персидское слово калыктъ-значитъ большой, а частица таръ-выражаетъ сравнительную и превосходную степени именъ прилагательныхъ.

Евреи и еврейки одѣваются почти также, какъ и туземные мусульмане. Нравы евреевъ безукоризненны, хотя они пьютъ вино и спиртъ собственнаго издѣлія весьма изрядно. Еврей-народъ красивый и говорятъ по-персидски и узбекски.

Индусовъ въ Самаркандѣ не болѣе 100 человѣкъ и всѣ они ростовщики, живутъ они въ караванъ-сараяхъ, по небольшимъ кельямъ, гдѣ совершаютъ и денежныя сдѣлки, и религіозныя обряды. Индусъ непременно каждое утро обливается водой, красить себѣ лобъ, молится и потомъ уже вступаетъ въ разговоръ, принимается за пищу и дѣла. Обѣдаютъ они каждый изъ особой чашки и особой ложкой, которой не даютъ никому въ руки, даже

изъ родныхъ. Посуда, къ которой прикоснулся инорецъ, считается у нихъ не чистой, также какъ и огонь, если кто нибудь не индусъ возметъ изъ него хотя бы одинъ уголь. Почти всѣ индусы грязны и худощавы; полныхъ между ними не встрѣчается. Они потребляютъ много опи.

Цыганъ: люли, джуги и мазангъ въ Самаркандѣ всего нѣсколько десятковъ. Это почти праздный народъ, разсхаживающій по базарамъ, частію однако занимаются они и скотоводствомъ.

Авганы въ Самаркандѣ—торговые гости. Они привозятъ индигу, кисею, ситецъ, приносятъ и другіе товары. Нѣкоторые живутъ въ Самаркандѣ постоянно, въ томъ числѣ нѣсколько пняныхъ авгановъ постоянно сидитъ по кабакамъ; это остатки той милиціи, которая участвовала въ походахъ 1868 года. Сколько мнѣ не случалось наблюдать авгановъ или говорить о нихъ съ здѣшними мусульманами, всегда оказывалось, что авганы народъ корыстолюбивый и продажный. Въ самомъ дѣлѣ, есть какой-то особый отпечатокъ, даже въ наружности авгановъ, приближающій ихъ къ индусамъ, ихъ ближайшимъ сосѣдямъ, и едва ли даже не родственникомъ, потому что оба эти народа должны быть одного и того же происхожденія. Впрочемъ, авганы народъ предприимчивый и смѣлый.

Населеніе городовъ на Бухарской территоріи вообще состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ. Коренными жителями должно считать, конечно, таджиковъ и узбековъ. Персіяне также уже достаточно выродились для того, чтобы быть признанными за старинныхъ обитателей этой мѣстности. Затѣмъ слѣдуютъ евреи, поселившіеся въ долину Заравшана также очень давно; далѣе должно упомянуть цыганъ и торговыхъ гостей: индусовъ и авгановъ. Но ошибочно было бы думать, что коренные элементы населенія всѣхъ безъ исключенія бухарскихъ, да и многихъ другихъ вообще средне-азіатскихъ городовъ, т. е. таджики и узбеки, народились, и изъ рода въ родъ жили въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они живутъ теперь. Напротивъ, мы находимъ, напримѣръ, въ Самаркандѣ самую разнообразную смѣсь обжившихся переселенцевъ изъ Бухары, Ташкента, Ходжента, Джизаха, Кокана и даже изъ Кашгара и другихъ мусульманскихъ городовъ. О переселенцахъ изъ ближайшихъ къ Самарканду городковъ—Ургута и т. п. нечего и

говорить: ихъ также очень много въ Самаркандѣ. По этой причинѣ и встрѣчаемъ въ этомъ городѣ кварталы: Ташкентъ, Кашгаръ и т. п. Мы не находимъ этого явленія, напримѣръ въ Бухарѣ, гдѣ конечно есть также переселенцы изъ разныхъ другихъ городовъ, но число ихъ должно быть незначительно, потому что кварталы г. Бухары, какъ передавали мнѣ, зовутся именами святыхъ могилъ, мечетей и т. п. Значить, это населеніе болѣе или менѣе цѣльное, если можно такъ выразиться, тогда какъ таджикское и узбекское населеніе Самарканда, представляетъ невообразимый сбродъ, чѣмъ и объясняются, помимо другихъ причинъ, возникшихъ посѣтъ, непутныя наклонности самаркандцевъ, требующія строгаго надзора, безъ малѣйшаго потворства, и строгой кары за грабежи и убійства, столь нерѣдкіе въ Самаркандѣ. Я представлю здѣсь краткіе очерки каждой изъ народностей, составляющихъ населеніе этого города.

Таджики—могутъ быть названы аборигенами Самарканда. Таджиковъ въ Самаркандѣ можно полагать $\frac{6}{10}$ всего населенія *), затѣмъ $\frac{4}{10}$ остаются на долю узбековъ, иранъ (персіанъ), евреевъ, индусовъ, авгановъ и цыганъ. Таджикамъ принадлежатъ ремесла, торговля, религія и развратъ. Привилегированный классъ Самарканда (амлякдары, мутевали, аскаалы, ишамы, муллы, хальфа и т. п.)—таджики; большинство ходжей и сеидовъ, т. е. потомковъ пророка или первыхъ халифовъ—таджики; большинство купцовъ и ремесленниковъ—таджики; огромное большинство святыхъ, что лежатъ въ Самаркандѣ и его окрестностяхъ—таджики; приверженцы проституціи во всѣхъ видахъ, издавна—таджики. Богачи живутъ, по своему, хорошо, въ особенности, если иному посчастливилось быть нѣсколько лѣтъ амлякдаромъ (т. е. сборникомъ податей) въ хорошемъ участіи. Впрочемъ есть и такіе, ко-

*) Я принимаю населеніе Самарканда въ 20 т. душъ обою пола. Въ Военномъ Сборникѣ за декабрь 1870 г., цифра эта достигаетъ—30 т. душъ. Это очень много для Самарканда, городка небольшого, тѣмъ болѣе, что почти весь прошлый годъ шло необыкновенное переселеніе въ разныя мѣста, да и годъ былъ голодный что также имѣло вліяніе на смертность въ классѣ бѣдномъ. Выселеніе шло исключительно на сѣверъ (Ташкентъ, Коканъ, Кашгаръ) и въ окрестныя кишлаки. Приходилъ въ это время изъ Бухарскаго ханства разный голодный людъ нищенствовать въ Самаркандѣ, по развѣ это населеніе?...

торые все наворованное мгновенно пропиваютъ, а когда придетъ время провѣрки и расчета, говорятъ: мы бѣдны... Въ таджикскомъ населеніи трудъ принадлежитъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ. Привилегированный же классъ большую часть дня и ночи отдаетъ бездѣйствію, сну и удовольствіямъ. Послѣднія весьма неприхотливы и заключаются въ сборищахъ въ чайныхъ лавкахъ, гдѣ пригожій мальчикъ подаетъ чай, на родинахъ, помолвахъ, свадьбахъ, похоронахъ, сборищахъ по поводу какого-либо обѣщанія передъ Богомъ (худай), причемъ рѣжется баранъ; сборищахъ для чтенія священныхъ книгъ, въ особенности во время рамазана; по поводу какой либо интриги противъ кого либо изъ зазнавшихся собратій; для пляски бачи и, наконецъ, — для бессмысленнѣйшихъ и циническихъ до отвращенія бесѣдъ въ обществѣ нѣсколькихъ выштукатуренныхъ и подкрашенныхъ проституттокъ. Сборища послѣдняго характера развились недавно и особенно любимы купческими сынками, *бай-бача*—зачастую женатыми. Впрочемъ есть и сановитые, бѣлобородые старики, не чуждающиеся этихъ собраний. Такимъ образомъ природа человѣческая всюду одна и та же, и вопреки всевозможнымъ запрещеніямъ шаріата, требуетъ присутствія въ обществѣ женщины, хотя бы даже въ видѣ перодѣтаго пригожаго мальчика. Ни одно сборище не обходится безъ палау и чая, а въ собраніяхъ послѣднихъ двухъ категорій, бываютъ и хмѣльные напитки: еврейская виноградная водка, или наше мѣстное виноградное вино русскаго издѣлія, мусаллясъ—туземный виноградный напитокъ, и даже буза. Люди богатые, какъ напимѣръ, бывшій казы Камаль-Этдинъ и нѣкоторые купцы и амлякдары пивали и пьютъ разныя настойки, наливки, эль, портеръ и даже шампанское. Коньякъ составляетъ также необходимую принадлежность всякаго пира. Это осеннія и зимнія удовольствія таджиковъ, а весною и лѣтомъ, когда они переходятъ въ сады, то къ помянутымъ увеселеніямъ прибавляется *кокбари* *), составляющее, впрочемъ, національную забаву болѣе узбековъ, нежели таджиковъ.

По шаріату, женщины не имѣютъ мѣста въ обществѣ мужчинъ; но у нихъ бываютъ сборища на своей половинѣ, въ то

время, когда въ мужскомъ отдѣленіи, по какому либо поводу, засѣдаетъ бородатая публика. Собираются также женщины другъ къ другу по какому либо экстренному случаю, напр. — заболѣла молодица и старуха мать шлетъ за товарками, за старымъ, сморщеннымъ муллою и готовитъ палау. Приходятъ молодыя и старухи, приходитъ мулла, обставляетъ лежащую больную зажженными свѣчами и читаетъ молитвы, какъ у насъ надъ покойникомъ. Кончивъ молитвы, онъ передаетъ больной лоскутокъ бумаги, съ какимъ нибудь стихомъ изъ корана и приказываетъ на слѣдующее утро смыть написанное въ чашку воды и выпить эту воду потошакъ. Большею частію молодой, здоровый организмъ подается на это врачебное средство; молодица выздоравливаетъ потому, что и была то она больна оттого, что обѣлась жирнаго палау, фруктовъ и т. п. Иногда, въ заключеніе визита, получивъ 2—3 теньги за трудъ, мулла предлагаетъ хозяину дома приобрести у него талисманъ отъ глаза и всякихъ болѣзней и показываетъ этотъ амулетъ, состоящій изъ бумажной ленты, исписанной исторіей о нѣкомъ чловѣкѣ, творившемъ всевозможныя злыя дѣла, совершившемъ всѣ преступления, какія только совершилъ родъ человѣческій отъ Адама и до нашихъ дней и все-таки получившемъ отъ Бога прощеніе. Амулетъ, конечно, приобретается за нѣсколько тенегъ; потомъ покупаютъ у заргара (серебренника) небольшой, серебряный цилиндрическій ковчежець, украшенный иногда бирюзой и позолоченный; исторія о безпутномъ чловѣкѣ свертывается также въ цилиндръ, вкладывается въ ковчежець, который затѣмъ задылывается наглухо и пришивается къ рубашѣ, на правую сторону груди; щеголихи носятъ этотъ амулетъ постоянно, перешивая съ рубашки на рубашку, и зовется онъ по-таджикски *бозбандъ*, а по узбекски—*тумаръ*.

Грамотныхъ, какъ слѣдуетъ, между таджиками мало, хотя женскія школы существуютъ; но должно быть въ нихъ не доучиваются, потому что дѣвушки рано выходятъ замужъ, и руку такой грамотницы, какъ у насъ, опытный каллиграфъ сейчасъ отличить отъ руки какого нибудь завязатого мирзы. Умственный и нравственный уровень горожанки-таджички удобнѣе всего опредѣлить простымъ русскимъ словомъ: «всяко бываетъ», такъ какъ тутъ все зависитъ отъ обстановки. Но что между ними довольно

*) Правильно это слово произносится такъ, а не *кокбури*.

много честныхъ женъ и умныхъ женщинъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнiю.

Костюмъ самаркандки — таджички, общій всей Средней Азии: волосы въ нѣсколько косъ, изрѣдка наставленныхъ искусственными изъ чернаго шелка; ожерелья, широкая рубаха съ короткими и узкими рукавами, противоположными широкимъ и очень длиннымъ рукавамъ ташкентскимъ или коканскимъ, камзолъ, черныя вуаль и чадра. Кольца, серьги и браслеты предпочитаютъ изъ серебра съ позолотой и бирюзой; люди богатые, въ особенности амлякдары, покупаютъ женамъ своимъ и золотыя украшения. Косметиками служатъ: розовая вода, мятное масло и мускусъ. Ногти красятъ въ красный цвѣтъ; щеголихи или старыя кокетки бровисурмятъ, щеки бѣлятъ и румянятъ, но зубовъ, какъ русскія татарки, косметиками всетаки не портятъ.

Свадебный обрядъ ограничивается помолвкой, угощенiемъ родственниковъ и друзей, подарками, чтенiемъ молитвы и совершенiемъ контракта у городского казы, причемъ пошлины взыскиваются съ дѣвушки—10 тенегъ (2 р.), съ вдовы—5 тенегъ (1 р.), но недобросовѣстные казы вымогаютъ и больше. Замужъ таджички выходятъ очень рано—лѣтъ 13—14, а потому скоро старѣютъ и перѣдко сбиваются съ добраго пути, потому что мужья или берутъ молодыхъ женъ, или погружаются въ самый безобразный развратъ, не стѣсняющiйся ничѣмъ, ни даже присутствiемъ въ домѣ отверженной жены, присутствiемъ родной матери и собственныхъ дѣтей... Конечно, при подобной обстановкѣ недолго пасть заброшенной женщинѣ. Въ прежнее время наказанiемъ ей могла быть даже смерть отъ руки мужа или разводъ. Часто предметомъ страсти отверженной жены бываетъ красивый фаворитъ ея мужа!...

— «Женщина—чортъ», говорилъ мнѣ одинъ старый мулла, когда я выразилъ ему, что замкнутость женщины вредитъ обществу и въ подробностяхъ развилъ эту новую для него мысль. «За женщиной нужно сто глазъ, да и то мало... Снимите съ нашихъ женщинъ сѣтку (т. е. закрывающую лицо) и вы не рады будете тому, что она пойдетъ по городу: драки, убiйства, насилия... И теперь, когда женщины наши закрыты, за ними нужно строго смотрѣть, а что будетъ тогда... Упаси Богъ!.. Вотъ въ га-

ремѣ покойнаго эмира Насыръ-Аллаха (отецъ теперешняго Эмира) былъ такой случай: одна изъ ханшъ увидала и полюбила самого приближеннаго къ ея мужу прислужника, по имени Насыръ-Гулъ, мальчика молодаго и красиваго, какъ дѣвушка; дошло это до эмира и онъ приказалъ привести ихъ предъ себя, и поставивъ рядомъ, грозный Эмиръ спросилъ Насыръ-Гула: какъ ты проникъ въ ея саклю? Красивый юноша молча приподнялъ лежавшее недалеко отъ Эмира у стѣны шелковое одѣяло, потомъ коверъ, затѣмъ войлокъ, и подъ нимъ оказалось отверстiе, достаточное для того, чтобы пролѣзть одному человѣку; отверстiе было прикрыто доской и уходило подъ стѣну, за которой была сакля молодой ханши... Еще грознѣе спросилъ Эмиръ Насыръ-Гула: когда ты успѣлъ пробить эту стѣну, харамзада (т. е. поганое отродье)?.. — «Я работалъ долго, по ночамъ, когда всѣ спали», отвѣтилъ юноша. — Страшно сверкнули грозные очи Эмира; онъ сдѣлалъ знакъ рукою, и черезъ нѣсколько минутъ кровь любовниковъ смѣшалась на порогѣ той же самой сакли, гдѣ все еще сидѣлъ повелитель, опустивъ на грудь голову, и думалъ свои думы, мрачныя какъ туча... Такъ вотъ даже въ гаремѣ грознаго Эмира нельзя вѣрять женщинамъ», заключилъ мулла. Я вспомнилъ «старую пѣсню» Гейне, очень граціозное стихотворенiе о томъ, какъ съдой и съ остылой душою король взялъ молодую жену; какъ исполненный силъ и отваги нахъ съ голубыми очами, носилъ шелковый шлейфъ королевы, прекрасной и юной; какъ они полюбили другъ друга, и какъ имъ присуждена была смерть...

— Во всемъ виноваты вы сами, потому что поздно женитесь на молодыхъ, сказалъ я муллѣ. Но мулла упорно стоялъ на своемъ, что женщина—шайтанъ, что *итъ-вафодатунъ-джафо*, т. е. собака—идеаль върности, а женщина ложь или обманъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, характеристика привилегированныхъ таджиковъ Самарканда; таковы возрѣнiя всѣхъ мусульманъ на женщину, хотя Диксонъ въ своей книгѣ: «Новая Америка», сравнивая права женщинъ американской и восточной, и высказываетъ совершенно иное. «Наши общiе законы», говоритъ онъ, «отдають жену въ полезную власть мужа, такъ что женщина, подходящая къ алтарю юною, довѣрчивою, прелестною и богатою, можетъ быть принуждена, черезъ звѣрское обхожденiе, противъ

котораго законъ не представляетъ ей никакой защиты (хорошъ законъ!), оставить свой домъ, послѣ многихъ лѣтъ страданія... Ничего на столько грубаго и жестокаго не можетъ случиться съ молодой и хорошенькой дѣвушкой въ Турціи, Персіи или магметанской Индіи... Мусульманскій бракъ — актъ гражданскій, который не требуетъ ни муллы, ни священныя обрядовъ, и какъ совершонъ предъ судьей, такъ можетъ быть и расторгнутъ тѣмъ же судьей. Восточный брачный контрактъ въ этомъ отношеніи логичнѣе западнаго контракта: онъ не даетъ мужчине никакой власти надъ личностью женщины... Въ Дели, въ Лукновѣ, въ Мадрасѣ, неговоря уже о Дамаскѣ и Іерусалимѣ, законъ проникаетъ до дѣтской и до брачной комнаты... Можетъ быть, такъ въ Индіи, Персіи и Турціи по все это не мѣшаетъ намъ найти здѣсь явленія совершенно другія. Здѣсь мужъ, недовольный женою, отсылаетъ ее на неопредѣленное время къ отцу или матери — это первая степень развода. Провинится послѣ этого жена, — она снова отсылается въ домъ родительскій, это вторая степень развода. Затѣмъ идетъ третья и окончательная степень, *Учи-толакъ*, — послѣ которой сожительство уже невозможно. А мало ли у мужчины средствъ очернить женщину? Возьмемъ хоть корыстолюбіе судей (*казы*); съ помощью этого корыстолюбія, а также клеветы и лжесвидѣтельства, къ которымъ общественное положеніе женщины впечатлительнѣе мужскаго! Мужчина всегда можетъ имѣть болѣе успѣха въ тяжбахъ, тогда какъ женщина, если у ней ничего нѣтъ, кромѣ ея красоты и добраго имени, которымъ она дорожитъ, презирая посягательства на нихъ даже самого казы, безъ чего, къ сожалѣнію, дѣло обходится весьма рѣдко. Такая женщина, конечно, всегда будетъ въ проигрышъ на судѣ; потомъ она можетъ дойти до нужды и даже пасть... Въ Самаркандѣ такіе случаи, въ особенности за время бывшаго казы Камаль-Этдина — можно считать многими десятками. Въ рукахъ подобныхъ казы правосудіе является бичемъ народнымъ, потому что, кромѣ всего вышеизложеннаго, казы имѣютъ право призывать въ свидѣтели кого нужно, кого ему укажутъ. Негодяи — муфтіи, мирзы и другіе служащіе при казы, намѣренно подбиваютъ къ тяжбамъ, и потомъ привлекаютъ къ дѣлу людей смиренныхъ, которые боятся развратнаго казы, боятся, что ихъ честныхъ жонъ и

дочерей казы поставить въ судѣ на одну доску съ какой нибудь публичной женщиной, чего собственно казы и добивается, для отомщенія за что нибудь мужу или отцу. И на все у такого казы готово оправданіе, въ видѣ цитаты изъ Мухтасаръ-Викая, Шархи-Викая, Хидая и другихъ книгъ, которыя однако и самъ онъ зачистую не понимаетъ, потому что онъ арабскія. А кто и куда пойдетъ апеллировать на казы? Мужикъ — вездѣ мужикъ, и всего боится; а мужикъ-мусульманинъ, кромѣ того, вѣритъ еще и въ предрѣзленіе...

Но что же изъ сего главнымъ образомъ слѣдуетъ?

А то, что если не смотрѣть за казы, то не только самъ онъ, но даже и люди его начнутъ самовольничать на всѣ лады. Разъ, проѣзжая по Самарканду, я видѣлъ, какъ порядочно одѣтый туземецъ силою тащилъ съ плечъ оборваннаго таджика халатишко; оборванецъ сопротивлялся, оба кричали, сбѣгались зѣваки; ѣхавшій за мною джигитъ также придержалъ лошадь и любовался сценой. Скоро однако онъ нагналъ меня и разсказалъ, что оборванецъ ходилъ къ казы на кого то жаловаться; казы далъ человѣка, чтобы привести обвиняемаго на судъ, но обвиняемый скрылся, оборванцу нечего дать посланному казы за службу, а дать слѣдуетъ, такъ вотъ онъ и тянетъ съ него халатишко... Это называется — *хызметъ-ана* (т. плата за послугу), пояснилъ джигитъ. Если бы отвѣтчикъ и былъ найденъ, съ истца слѣдуетъ за доставку его казы всего 10 копѣекъ.

Какъ же послѣ этого среднеазіятецъ задумается помыкать безсильной женщиной, въ особенности если она молода и неопытна? Тогда она положительно не имѣетъ своего я и волей не волей покоряется своей участи. Между тѣмъ, она въ самомъ дѣлѣ хорошо обставлена въ коранѣ, но бѣда въ томъ, что средне-азіятецъ почти совсѣмъ не знакомитъ женщину съ ея правами, хотя своими всегда пользуется. Конечно, можетъ быть, въ Индіи англійскіе юристы руководятся и шаріатомъ.

Въ средѣ непривилегированныхъ таджиковъ Самарканда многоженство встрѣчается сравнительно рѣже. Во главѣ этихъ таджиковъ стоятъ земледѣльцы, въ большинствѣ народъ далеко небогатый и кроткій. Мнѣ случилось видѣть, какъ сѣдой таджикъ пашетъ свою весеннюю пашню, или жнетъ клеверъ, убравши свою

незатѣйливую тюбетейку подсыжниками, или другими цвѣтами, подвернувшись ему подъ руку; подѣзжайте къ нему, — онъ вынетъ изъ своего вѣнка нѣсколько цвѣтовъ и съ улыбкой подастъ вамъ. Онъ фанатикъ, онъ умретъ за свою религію, но все таки онъ вѣренъ своей пашнѣ, вскормившей его отцовъ и дѣдовъ, его самого и его дѣтей. Этотъ видъ таджика неспособенъ къ агитаціи; онъ съ равнодушіемъ исстаго мусульманина во всемъ винить судьбу, и при первой смутѣ въ городѣ, (а смутъ въ исторіи Самарканда очень много) или бѣжить съ семьей въ ближнія горныя щели, или смиренно отдаетъ себя волѣ Божіей и остается въ городѣ. Въ 1868 году множество этихъ бѣдняковъ пряталось въ пещерахъ, что въ развалинахъ Мариканда *), на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ города и въ берегахъ арыка Даргама, на югѣ.

Второй видъ непривилегированнаго самаркандскаго таджика — мелочники и ремесленники всевозможныхъ видовъ. Они лукавѣе и фанатичнѣе земледѣльцевъ, потому что чаще видятъ и слышатъ муллъ; притомъ же соблазны города постоянно передъ ними. Въ карманѣ есть нѣсколько десятковъ денегъ, сидѣнье съ утра до ночи въ мастерской или въ лавочкѣ надоѣдаетъ, и таджикъ этой категоріи не отказываетъ себѣ въ національных забавахъ, въ особенности, если онъ холостъ или если жена ему надоѣла. Но и въ средѣ этихъ таджиковъ нѣкоторые заходятъ далеко: дѣлаютъ фальшивую монету. Въ 1869 году серебрянникъ и сабельный мастеръ Уста-Хасанъ накрытъ былъ со всеми атрибутами монетчика. Тѣмъ не менѣе эта категорія самаркандскихъ таджиковъ занята дѣломъ и жуируетъ по средствамъ, изрѣдка только приобѣгая къ способамъ приобрѣтенія въ родѣ изложеннаго выше, или вообще къ плутнѣ. Совсѣмъ иное и далеко неострадное явленіе представляетъ собою третій видъ простаго самаркандскаго таджика. Это народъ не всегда богатый, но и стнюще не бѣдный, или точнѣе не нуждающийся, частію довольно состоятельный и смиренный съ виду; а на самомъ дѣлѣ эти люди воры, грабители, иногда днемъ — нищие, а ночью — убійцы, частію люди бездомные,

*) Древній Самаркандъ, время Александра Македонскаго, назывался Мариканда.

захожіе, часто — пристано-держатели, скупщики воровскихъ вещей, поборники проституцій во всѣхъ ея видахъ.

Всѣ они найдутъ въ домѣ таджика этой категоріи и приютъ, и добычу, и удовольствія. Подземелья Парижа и Лондона биткомъ набитыя, если вѣрить описаніямъ, безпріютнымъ, безземельнымъ людямъ, вселяютъ ужасъ и отвращеніе; но тайны самаркандскихъ садовъ и захолустьевъ подъ-часъ ужаснѣе и отвратительнѣе. Если западные пролетаріи достаточно исчерпали кодексъ преступленій, то самаркандскіе таджики исчерпали его весь, и въ немъ не осталось уже ни одного преступления, чуждаго таджигу; а потому кажется, что только Средняя Азія могла выработать такой безобразный типъ, а ходъ событій далъ ему настоящее развитіе. Дѣти съ самого ранняго возраста падаютъ, вслѣдъ за родителями, потому что этотъ видъ таджиковъ Самарканда представляетъ корпорацию, болѣе или менѣе правильно организованную, соотвѣтственно каждому роду промысла, корпорации, имѣющія ловкихъ руководителей; эти послѣдніе дружатъ съ туземной полиціей, держатъ ее въ страхѣ и наконецъ, въ случаѣ народныхъ движеній, становятся вмѣстѣ съ муллами и вообще фанатиками, обыкновенно во главѣ всѣхъ этихъ *казыль-аяковъ*, т. е. красноногихъ, какъ называютъ этотъ видъ въ Самаркандѣ. Главная цѣль ихъ — пожива въ какой бы то ни было формѣ. Они въ 1868 году разграбили цитадель, когда францы, составлявшіе ея гарнизонъ, узнавъ, что непріятель взомель на Чупанъ-ата, бѣжали по дорогѣ въ Бухару; они предоставили затѣмъ кенегезамъ *) осаждать цитадель, а сами, подкрѣпленные нѣсколькими сотнями подобныхъ имъ негодяевъ, изъ узбекскихъ кочевій, грабили оплошныхъ согражданъ по садамъ и въ городѣ. Самаркандъ больше пострадалъ отъ своихъ же собратій.

Дальше грабежа, разбоя и всевозможныхъ насилій, по преимуществу ночью, дѣятельность этого вида таджиковъ не простирается.

Какіе же именно сословные элементы составляютъ эту воровскую корпорацию?

*) Шахрисябскіе узбеки, осаждавшіе самаркандскую цитадель, когда генералъ альянтантъ Кауфманъ двинулся далѣе, къ Зера-булаку, для преслѣдованія бухарской арміи.

Проматавшие купцы, незаконные дѣти, не помнящие родства, преступники изъ-за границы, получившіе въ Самаркандѣ убѣжище, благодаря отсутствію паспортной системы, преступники наши, находящіеся въ бѣгахъ, потребители опиума и банга, пьяницы, *кумар-бозы* (игроки) и т. п. Они смиренны и набожны, когда это бываетъ нужно; занимаются даже земледѣіемъ въ незначительныхъ размѣрахъ, имѣютъ сады и даже торгуютъ какими-нибудь пустяками, чтобы скрыть свою истинную профессію. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми элементами самаркандскаго привилегированнаго класса, каковы: муллы, амлякдары, аксакалы и нѣкоторые служилые иранцы и узбеки,—этотъ видъ таджика не совсѣмъ благонадеженъ. Всѣ, кто наблюдалъ и изучалъ таджиковъ, въ томъ числѣ, въ новѣйшее время, Вамбери, всѣ единогласно отказываютъ этому народу въ хорошихъ наклонностяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ на нихъ не было сильнаго посторонняго вліянія, что какъ разъ и видимъ мы на Самаркандѣ. Ташкентцы—въ большинствѣ тѣже таджики; однако они не пользуются репутаціей самаркандцевъ, потому что они перемѣшались съ узбеками и даже утратили свой природный языкъ, сохранившійся, однако, въ горахъ, по Чаткалу и Ангрену, тогда какъ и въ горныхъ, и въ дальнихъ осядлостяхъ Зеравшанскаго бассейна, преобладаетъ рѣчь таджикская, господствующая мѣстами даже среди кровныхъ узбековъ:—каковы кенегезы. Такимъ образомъ, объ народности поkwитались: если по сю сторону Сыра узбеки осилили таджиковъ, заставивъ ихъ перемѣнить рѣчь, то въ долинѣ Зеравшана таджики не менѣе сильно повліяли на узбековъ своею, сравнительно лучшею, культурою, хотъ и не всѣхъ выучили своему языку. Ташкенецъ, житель Чимкента, Аулиеата, Туркестана, Намангана и другихъ менѣе значительныхъ пунктовъ, и по наружности таджикъ: правильное, блѣлое лицо, густая борода, нерѣдко русая и даже рыжая, большіе, правильные глаза, тогда какъ узбекъ—смуглый, съ огромными скулами, узкими глазами и жидкой бородой, или даже совсѣмъ безъ нея. Первые признаки таджикскіе мы видимъ въ горожанахъ по Сыру и Зеравшану; вторые признаки (узбекскіе) находимъ въ узбекахъ, киргизахъ и другихъ, на берегахъ тѣхъ-же самыхъ рѣкъ, въ кочевомъ и полукочевомъ населеніи. Кромѣ всего этого, понимающій здѣшнія нарѣчія, находитъ въ языкѣ сыръ-дарьинскихъ горожанъ почти

$\frac{1}{2}$ таджикскихъ словъ, а въ рѣчи узбековъ, киргизовъ и другихъ, составляющій жаргонъ тюркскаго языка, недостаетъ словъ, для нѣкоторыхъ, даже простыхъ, выражений, какъ напримѣръ: муха, платокъ и многихъ другихъ; они заимствовали ихъ у таджиковъ, равно какъ и названія дней недѣли и другія слова, но извратили слова такъ, что ихъ едва узнаешь... Но и въ свою очередь узбеки $\frac{2}{3}$ своихъ словъ ввели въ рѣчь сыръ-дарьинскихъ таджиковъ и образовалось, такимъ образомъ, сарттовское нарѣчіе, не похожее ни на киргизскій, ни на татарскій, ни на ту-рецкій языки, хотя грамматическіе законы всѣхъ четырехъ языковъ—тождественны. Я распространяюсь здѣсь о всемъ этомъ по тому поводу, что нѣкоторые этнографы, не понимая ни слова потурецкому, признаютъ ташкентцевъ чистѣйшими узбеками. Прошлое народа темно, исторія о немъ молчитъ, такъ изучайте его по даннымъ, которыя на лицо, и не въ кабинетѣ, а въ степи, въ дынной юртѣ... Перемѣшавшись съ узбеками, сыръ-дарьинскіе таджики переродились и нравственно, и распущеннымъ зеравшанскимъ таджикамъ до нихъ далеко!

Въ узбекскомъ населеніи долины Зеравшана, убійство и грабежъ также подѣ часть не представляютъ рѣдкости и вмѣстѣ съ самаркандскими таджиками подвизается, можетъ быть, въ городѣ, не одинъ десятокъ узбековъ, а также цыганъ, иранцевъ и авгановъ; но въ большинствѣ эти національности, кромѣ, однако, авгановъ и цыганъ, несравненно выше таджиковъ уже и потому одному, что узбеки не терпятъ въ средѣ своей пьянства и проституціи, въ тѣхъ отвратительныхъ формахъ, въ какихъ видимъ мы ихъ у таджиковъ. Если узбекъ увезетъ женщину или дѣвушку, то это скорѣе удалство. Напримѣръ: у поколѣнія каранайманъ подобные подвиги даже поощряются; а льстивый и лгавый таджикъ - горожанинъ ночью, какъ воръ, пробирается тайкомъ въ чужую саклю, сплошь и рядомъ среди самаго самарканда, рѣжетъ мужа, безчеститъ жену, забираетъ добро и безъ слѣда пропадаетъ въ самомъ городѣ или въ пригородныхъ садахъ. Никто такъ искренно не благодаритъ Бога за спокойную ночь, какъ самаркандскій горожанинъ, въ особенности лѣтомъ, когда живетъ съ семьею за городомъ, въ саду. Узбекъ, по большей части, воруетъ скотъ, или

нападает на караванъ открыто, въ полѣ, и часто мѣряетъ свои силы съ силами противника. Забирается онъ иногда и въ городъ, но это, по большей части, бываетъ подъ руководствомъ таджикогорожанина, который лучше знаетъ гдѣ что лежитъ и потому пользуется подъ часъ болѣе смѣлымъ узбекомъ, для достиженія извѣстныхъ цѣлей: убить кого-либо, обезчестить, или увести женщину или мальчика, или просто только ограбить домъ... Я полгода почти безвыѣздно жилъ среди узбековъ, въ долинѣ Зеравшана, и за это время было только одно убійство между узбеками, колѣна каракалпакъ, кажется, самого дикаго изъ всѣхъ узбекскихъ колѣнъ: узбекъ убилъ узбека, пытавшагося совратить съ пути его жену; я наткнулся на мѣсто убійства въ степи, довольно далеко отъ жилья; платье и обувь убитаго были цѣлы. Убитый — мужчина молодой и здоровый умеръ отъ удара въ темя какимъ-то тупымъ орудіемъ; затѣмъ на трупѣ не было никакихъ убойныхъ знаковъ. Легко предположить, что между противниками шелъ открытый бой или убійство совершено было однимъ ударомъ, стгорая, чѣмъ попало, подъ вліяніемъ бѣшеной ревности.

Это было въ апрѣлѣ прошлаго года, а въ августѣ, почти на той же мѣстности, вышелъ случай совершенно иной. Кишлакъ-Хальваи находится въ 12 верстахъ на сѣверъ отъ Самарканда, и населенъ таджиками, узбеками, иранцами и даже цыганами. Халванецъ-таджикъ укралъ у аксакала деньги, потомъ подбросилъ ихъ и скрылся въ Самаркандѣ, въ тѣхъ притонахъ, о которыхъ было говорено выше; воръ не въ первый уже разъ былъ уличенъ въ кражѣ, а потому односельцы его составили приговоръ удалить его изъ общества, а если онъ появится среди нихъ, то схватить его и представить къ начальству. Прошло нѣсколько времени; воръ все время жилъ въ городѣ, гдѣ его не разъ видѣли односельцы въ базарные дни и все казалось шло своимъ порядкомъ. Но скоро аксакалъ и его жена были убиты, во время сна, проникнувшей черезъ отверстіе въ стѣнѣ шайкой убійцъ, во главѣ которыхъ голосъ народный поставилъ никого другаго, какъ того же самого вора, пытавшаго къ аксакалу вражду издавна и по другимъ дѣламъ. Конечно, поднялся въ домѣ шумъ; но такъ какъ почти всѣ жители кишлака въ эту пору, по обыкновенію, живутъ на овощныхъ плантаціяхъ, чтобы лучше караулить ихъ, то собравшіеся

на шумъ нѣсколько человѣкъ, не могли, да по-трусости и не пытались, что-либо предпринять противъ убійцъ, которые обезобразили трупы, захватили имущество, лошадей и скрылись въ Самаркандѣ, гдѣ вполнѣдствіи нѣкоторыя вещи и лошади были найдены. Вотъ это дѣло чисто таджикское, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ различными толками, оно вызвало говоръ и о томъ, что убитый аксакалъ былъ также жертвой интриги нѣкоторыхъ амляндаровъ (привилегированныхъ самаркандскихъ таджиковъ), направленной противъ его рѣдкой честности, которую онъ явилъ во время поѣздки сборовъ 1870 г. и которая таджикъ вообще, и въ особенности таджикъ амляндару, когда его уличаютъ въ кражѣ податей, — совсѣмъ не по вкусу. Извѣстно также, что подослать убійцъ — любимѣйшее средство таджиковъ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго чловека, и всегда исполнителемъ этого скорѣе явится таджикъ, дежели узбекъ. Въ 1868 г. въ Самаркандѣ скоропостижно умеръ одинъ честный ташкенецъ, служившій по зякету. Передъ смертью онъ только что отличился, доставивъ какую-то небывалую дотолѣ цифру зякета съ барановъ; потомъ онъ слегъ и умеръ. Одни говорили, что онъ сильно простудился, другія увѣряли, что его какъ выскочку отравили...

Замѣчательно, если вѣрить разсказамъ, что всѣ эти наклонности таджика не сдерживалъ даже деспотизмъ эмировъ и бековъ, тогда какъ горожане-узбеки только въ послѣднее время, какъ-бы подъ вліяніемъ дурнаго примѣра таджиковъ и благодаря большой сравнительно съ прежнимъ временемъ свободѣ нравовъ, сбились, будто бы, съ прямого пути. Здѣсь отчасти стоитъ привести одинъ чисто таджикскій обычай, перешедшій и къ узбекамъ, и достаточно характеризующій понятія обѣихъ національностей о правѣ собственности. Украдены, напримѣръ, у кого-либо деньги; подозрѣніе падаетъ на какого-нибудь Махмуда или Ахмеда; обокраденный заявляетъ аксакаламъ и старикамъ; собирается сходка, начинается увѣщаніе подозреваемаго, но онъ, конечно, запирается. Тогда старики рѣшаютъ кончить дѣло посредствомъ *хакъ-партау*. Народъ расходится по домамъ, но скоро снова собирается къ дому обокраденнаго, причемъ каждый приноситъ въ полѣ халата немного земли съ своего двора, которую одинъ по одному и высыпаетъ въ указанное стариками мѣсто въ конюшнѣ или въ саклѣ. Когда

всѣ уйдутъ, хозяинъ разрываетъ кучу и по большей части находитъ въ ней завернутыя въ какую-нибудь тряпицу деньги или иногда часть ихъ. Этотъ, до наивности патриархальный обычай, зовется *Ханъ-партау*, отъ таджикскихъ словъ: *Ханъ* — пыль прахъ и глагола: *партиденъ* — бросать.

Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ говорить объ окрестностяхъ Самарканда. — Мы просимъ благосклоннаго читателя выйти съ нами изъ города, черезъ бухарскія ворота, что въ западной стѣнѣ, и пройти по самаркандскимъ садамъ. — Прямо передъ нами, по обѣ стороны дороги въ русскую слободку, лежатъ сады францевъ, — занятые мѣстами уже и теперь русскими постройками, а впоследствии обѣщающіе *русскій кварталъ* г. Самарканда. — Слободка состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, принадлежащихъ по большей части семейнымъ солдатамъ гарнизона; впрочемъ, въ ней есть также нѣсколько домовъ офицерскихъ. Изъ слободки мы, по безчисленнымъ закоулкамъ, среди садовъ, черезъ арки, можемъ пройти въ ю — в. направленіи въ небольшой кышакъ *Ходжа-Ахраръ*, съ очень древнимъ медресе, украшеннымъ изразцами. — Медресе представляетъ собою почти квадратное зданіе съ дворомъ посрединѣ, за медресе есть небольшой садъ и кладбище съ могилою одного изъ громкихъ мусульманскихъ святыхъ *Ходжи-Ахрара*, и его родственниковъ. — Могила эта состоитъ изъ каменнаго возвышенія, среди котораго лежитъ подъ плитою святой, а вокругъ него мелкія плиты прикрываютъ его родныхъ. Знамя (тугъ) и конскій хвостъ прикрѣплены на длинномъ шестѣ; рядомъ мечеть и школа. Въ медресе Ходжа-Ахраръ хранился тотъ *коранъ*, который считается первообразомъ этой мусульманской книги и который теперь въ Императорской публичной библиотекѣ. Ходжа-Ахраръ, кромѣ святости, былъ настолько богатъ, что будтобы всѣ земли на югъ Самарканда до горъ Шарсабизскихъ принадлежали ему; стадамъ его не было счету; сады его были роскошны на столько, на сколько это возможно подъ южнымъ солнцемъ и по понятіямъ жителя центральной Азіи. Нѣкто *Мушрабъ-дувана*, современникъ Ходжа-Ахрара, юродивый, обладатель лишь одного осла, странствовалъ въ ту пору между Бухарою и Ташкентомъ, благословляя народъ и собирая подаянны. Однажды онъ подъѣзжалъ къ Самарканду и увидѣлъ огромный

гуртъ барановъ. — Чьи это бараны? спросилъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій у чупановъ, т. е. бараньихъ пастуховъ.

— Хазрета - Ходжи - Ахрара, отвѣтили они. — Дувана поѣхалъ далѣе. Но черезъ нѣсколько сотъ сажень въ садахъ ему попадаетъ стадо рогатаго скота.

— Чьи коровы? Спросилъ дувана.

— Хазрета-Ходжи-Ахрара, отвѣтили падачи т. е., погонщики коровъ.

Черезъ нѣсколько времени дувана встрѣтилъ большое стадо верблюдовъ.

— Чьи верблюды? Спросилъ онъ.

— Хазрета-Ходжи-Ахрара, отвѣтили туючи, т. е. верблюжники.

Дувана ѣдетъ далѣе, и снова встрѣчаетъ нѣсколько стадъ барановъ, рогатаго скота и верблюдовъ, оказавшихся собственностью того же Хазрета-Ходжи-Ахрара. Наконецъ гонять на встрѣчу дуванъ огромный табунъ ословъ.

— Чьи ослы? Спросилъ дувана.

— Хазрета - Ходжи - Ахрара, отвѣтили ишакчи, т. е. осятники.

— Великъ Богъ! закричалъ дувана, прыгнувъ съ своего осла, — про что ни спросишь — все Хазрета-Ходжи-Ахрара!... Такъ ступай же и ты въ его стадо! — обратился онъ къ своему спутнику: только тебя не доставало у Хазрета-Ходжи-Ахрара!.. И онъ загналъ своего осла въ стадо.

Ходжа-Ахраръ подвизался и па поприщѣ благотворительности: онъ подавалъ милостыню, кормилъ бѣдныхъ и, между прочимъ подарилъ жителямъ Самарканда огромный садъ съ большой мечетью, для общественныхъ гуляній въ годовые праздники: Руза-антъ (Рамазанъ въ декабрѣ) и Курбанъ-антъ (праздникъ жертвъ, въ январѣ). — Садъ этотъ существуетъ донинѣ и зовется *На-маза*. Въ немъ одно лѣто стояли лагерьши наши войска. Садъ этотъ находится въ 1 верстѣ за воротами Ходжи-Ахрахара, названными такъ въ память знаменитаго святаго и богача.

Продолжая нашъ объездъ вокругъ города, мы ѣдемъ по прежнему по садамъ, самымъ роскошнымъ изъ всѣхъ, какіе только

есть въ занятой нами части Средней Азіи. Мы находимъ въ садахъ этихъ: *терекъ* (тополь), *чинаръ* (платанъ), *верескъ*, *кай-рагачъ* (вязъ) и *талъ* (верба). Изъ фруктовыхъ грецкія орѣхъ, яблоки, миндальное дерево, вишня, мѣстные персики, урюкъ, черносливъ, гранатное дерево, винная ягода и виноградъ. Здѣсь и тамъ между садами раскинулись овощныя, хлопковые, рисовыя и другія хлѣбныя плантаціи, дороги обсажены тутовымъ деревомъ въ перемежку съ вербой и вязомъ; арыки, крутыя балки, закрытыя зеленью мелочныя лавочки на перекресткахъ, постоянное движеніе, въ особенности въ базарные дни, все это дѣлаетъ прогулку среди дальнихъ самаркандскихъ садовъ очень пріятной хотя въ ближайшихъ къ городу садовскихъ улицахъ все таки можно задохнуться отъ пыли... Населеніе на лѣто бросаетъ городъ и переселяется въ сады, въ которыхъ, по словамъ доморошеннаго поэта:

... Тополі стройно рядами,
Обилие въ вѣтвяхъ, стоять,
И верескъ съ густыми кудрями,
Роскошный чинаръ, виноградъ...
Забывъ про гаремъ и неволю,
Забывъ про супружескій гнетъ,
Восточная женщина въ волю
Въ садахъ беззаботно поетъ.
Въ садахъ и поклонникъ пророка
Мѣняетъ свой пасмурный видъ:
Вокругъ его роща востока
Немолчно шумитъ и гудитъ,
И персикъ на солнцѣ сверкаетъ,
И алая вишня видна,
И громко въ тѣни распѣваетъ
Его молодая жена...

Все это хорошо; но прозаическая сторона жизни въ садахъ принимаетъ часто тонъ трагическій: въ садахъ, благодаря отдаленности и глуши, очень часто совершаются всевозможныя преступленія, грабежъ, насилія всякаго рода и даже убійства.—Среднеазиатскія страсти одинаково сильны и въ городѣ, и въ садахъ. Вотъ одинъ случай, бывшій въ 1871 г. Перевезъ на лѣто въ садъ одинъ зажиточный горожанинъ все свое добро, оставивъ въ городѣ только женъ и дѣтей, и остался въ курганѣ ночевать, собираясь на утро за семействомъ. Среди сада стоялъ курганъ,

т. е. высокая земляная городьба, внутри которой было нѣсколько саклей; въ нихъ-то именно хозяинъ сложилъ добро и залегъ спать. Въ курганѣ вели снаружи, изъ сада, однѣ большія ворота, которыя хозяинъ запиралъ на ночь изнутри на замокъ, а ключъ зарывалъ въ пыль, тутъ же у порога воротъ. Спать хозяинъ, спать двое или трое рабочихъ... Какъ вдругъ близъ полночи они были разбужены взломомъ дверей той сакли, гдѣ они спали, и въ саклю вошла вооруженная толпа и зажгла свѣчу... Передъ хозяиномъ стояли гости съ полузакрытыми лицами. — «Ложись, и лежи смирно, если хочешь быть живъ», сказалъ одинъ изъ толпы, и набросилъ на хозяина одѣяло. Тоже было сдѣлано потомъ и съ его прислужниками. Послѣ того, гости принялись хозяйничать: забирать все, что стоило брать: одѣяла, посуду, халаты и т. п., и все понесли къ воротамъ... Глядь: онѣ на замкѣ!.. Перетаскивать черезъ стѣну лошадей—нельзя; имущество перетаскивать трудно. Опять къ хозяину.

— Гдѣ ключъ?

— Въ пыли, у порога воротъ, объявилъ изъ-подъ одѣяла хозяинъ.

Нагрузили и уѣхали.

— Ужъ присматривался я украдкой изъ подъ-одѣяла и прислушивался къ голосамъ, — ни кого не узналъ, говорилъ послѣ хозяинъ. Да и они почти ничего не говорили между собой. Былъ тутъ, кажется, Гафуръ-сурхъ, да что съ нимъ подѣлаешь?.. Большой пріятель курбаши... Слава Богу, что сохранилъ отъ обидъ и безчестія мою семью...

Имущество этого обывателя, сколько помнится, такъ и кануло, какъ въ воду.

Въ самаркандскихъ садахъ даже большая дворня богатыхъ людей не всегда можетъ защитить имѣніе своихъ господъ отъ назидовъ воровъ грабителей. Былъ примѣръ, что у нѣкого Маюсуфа-Токсабы, старшаго въ иранскомъ населеніи Самарканда, въ отсутствіе его, выиграли цѣлый мѣшокъ кокеновъ.

— Этому подѣломъ, говорили иранцы. Шибко обираетъ амладаровъ, да и насъ тоже... Украли, такъ не его, а наше...

Вирочемъ, не только въ самаркандскихъ садахъ, но и въ самомъ центрѣ города, года 1½ тому назадъ, зимою подѣзжали

иногда къ домамъ богатыхъ обывателей толпы въ 10, 15 человекъ, и случалось, если ловко вели свои дѣла, обирали и уѣзжали, по большей части въ Бухарскія ворота, около которыхъ не было (а, можетъ быть, и теперь нѣтъ) ночной стражи, такъ что именно эти ворота всегда и служили входомъ и выходомъ для разнаго сброда.

Такова прозаическая сторона города Самарканда и его садовъ!

Въ садахъ же, и вообще въ окрестностяхъ Самарканда, благодаря пересѣченной мѣстности, причесана вся голытьба, которую привлекаетъ въ это мѣсто на поживу со всѣхъ мѣстъ долины Зеравшана, голодъ и страсть къ похищеніямъ. Кромѣ притоновъ въ самыхъ садахъ, напр., около деревушки Хожда-Ахраръ и другихъ, гдѣ пристанодержатели воровъ и грабителей извѣстны всѣмъ и каждому, искатели приключеній прячутъ свою добычу и собираются на дѣлежъ въ норахъ (гаръ), вырытыхъ въ крутыхъ берегахъ огнибающаго Самарканда съ юга большого арыка Даргама, гдѣ пряталась и часть населенія въ 1868 г. Логовища эти довольно обширны, а пещера около воротъ Календаръ-хана, по мнѣнію мусульманъ, идетъ подъ землею до самой Мекки... Она зовется *Гарашканъ*, и какой-то дувана ходилъ по ней до города пророка, какъ серьезно увѣрялъ меня въ этомъ одинъ мулла, въ свою очередь смахивающій на юродиваго.

Направляясь далѣе въ восточные сады г. Самарканда, мы находимъ тутъ нѣсколько иранскихъ деревушекъ, изрядной величины каменный мостъ *Пулы-Мулубъ*, чрезъ глубокій оврагъ, — явленіе рѣдкое въ Средней Азіи, — и слѣды громаднаго сада Тимура *Ханъ-Чарбаги*, обнесеннаго когда-то высокою глиняною стѣною съ башнями, нынѣ по большей части развалившимися. Тѣмъ не менѣе площадь сада, занятая нынѣ пашнями, даетъ понятіе, что садъ по размѣрамъ своимъ былъ достоинъ своего царственнаго хозяина. Въ той же части самаркандскихъ садовъ находится садъ *эмира*, нынѣ казенный. Онъ ничѣмъ особенно не знаменитъ и давно подлежитъ продажѣ, потому что даетъ ничтожный доходъ, такъ что не въ состояніи выдержать сравненіе съ садомъ любого мало-мальски достаточнаго обывателя.

Изъ могилъ мусульманскихъ святыхъ въ этой части замѣчательны: могила пророка Даніяра (Даніила), длиною въ нѣсколько

саженъ, будтобы сообразно роста пророка. Мѣстность вокругъ могилы чрезвычайно красива и лѣтомъ весьма оживлена, благодаря множеству мельницъ на сосѣднемъ арыкѣ, садамъ и большой дорогѣ. Другая могила принадлежитъ патрону бараньихъ пастуховъ, *Чунанъ-ата*. Это небольшое, каменное полуразвалившееся зданіе съ гробницей юродиваго пастуха, — построено на высотахъ закрывающихъ Самаркандъ съ с. в. Каменистыя возвышенности эти питаютъ кое-какую травку, а потому здѣсь всегда можно встрѣтить барановъ, козъ, скачущихъ и лазущихъ по камнямъ и обрывамъ вокругъ могилы патрона ихъ пастырей.

Въ сѣверной части садовъ была интересна могила *Самграсанъ* гдѣ однимъ изъ предковъ теперешняго эмира была выстроена изъ жженого кирпича келья; но въ послѣднее время житель Самарканда, нѣкто Муминъ-Аминъ, похитилъ будто-бы часть кирпича для своей торговой бани. Такимъ образомъ пріютъ отшельника прежнихъ временъ далъ современному мусульманину матеріалъ для притона разврата. Магометане на этотъ счетъ не взыскательны на столько что, напримѣръ, древнѣйшее медресе Самарканда *Ханымъ* превращено ими въ конюшню для извозничьихъ лошадей, а наружныя стѣны мечети *Хазрета*, въ Туркестанѣ и сосѣднія съ нею могилы святыхъ были въ одно время (1866 г.) до того загажены, что помимо всякаго религіознаго чувства, простое чувство порядочности не могло не возмущаться при видѣ подобной мерзости, а мусульманамъ все равно.

Миновавъ слѣды древняго Мараканда, мы вѣзжаемъ къ воротамъ *Пайкабакъ* и *слободкѣ сарбазовъ*. Отъ нея остались только развалины. Отъ нея не далеко до цитадели, откуда сарбазы и приходили къ своимъ семействамъ. Сарбазовъ въ Самаркандѣ было будто бы 2 баталіона=2000 человекъ. Одѣты они были въ красныя куртки, мерлушковые шапки и вооружены кое-какими ружьями. Помѣщались они на сарбазскомъ дворѣ, существующемъ и до сѣдѣ. Командовалъ ими, и строго командовалъ, нѣкто *Османъ-тюря*, или *Османъ-урусъ* бѣглый феерверкеръ сибирской казачьей артиллеріи. Пользуясь случаемъ, передадимъ о немъ все слышанное нами въ Самаркандѣ. Османъ былъ очень любимъ эмиромъ, который не стѣснялъ его даже въ дѣлѣ религіи, объявивъ

ему разъ навсегда чтобы онъ поступалъ, какъ знаетъ. А потому Османъ только брилъ голову и убиралъ ее по мусульмански чалмою, оставивъ прочую одежду на русской ладъ. Такъ онъ постоянно носилъ узкіе и короткіе полукафтаны изъ дорогихъ суконъ и другихъ матерій, узкія штаны и русскіе сапоги. Кромѣ сабли, съ нимъ неразлучны были два револьвера. Отъ щедротъ эмира, Османъ держалъ множество дорогихъ лошадей съ богатой сбруей; калыны Османа были украшены золотомъ, серебромъ и бирюзой; прислуга Османа состояла изъ красивыхъ молодыхъ людей въ богатыхъ одеждахъ. Вина пилъ Османъ очень много, и пьяный когда представлялся случай, всегда крайне безцеремонно и всегда безнаказанно третировалъ прочихъ сабовниковъ, при чемъ нерѣдко присутствовали его фаворитки...

— Кажется, опять противъ русскихъ замышляете, говорилъ однажды Османъ собравшимся къ нему въ палатку военнопольникамъ. (Разговоръ этотъ относится къ половинѣ 1867 года).

— Да, съ помощію Божьею и волею Хазрета эмпранужно будетъ выгнать «невѣрныхъ» изъ Яны-кургана, отвѣтилъ одинъ изъ вождей.

— Напрасно, сказалъ полуцыпичъ Османъ. Богъ не даетъ помощи трусамъ, а Хазретъ эмиръ, пусть онъ живетъ 120 лѣтъ! слишкомъ милостивъ къ вамъ.

— Э-э-э, тюря, протянулъ двуглой вождь, авось, въ этотъ разъ будетъ и успѣхъ...

— Сомнѣваюсь...

Османъ зналъ лишь киргизскій языкъ, и въ обществѣ вообще былъ грубъ. Нѣтъ сомнѣнія, также и въ томъ, что, какъ и всѣ авантюристы онъ былъ уменъ и нахаленъ. Все это съ небольшимъ запасомъ кое-какихъ военныхъ познаній, даже до сихъ поръ совершенно достаточно для того, чтобы занять при дворѣ любого среднеазиатскаго деспота болѣе или менѣе видную роль. Тѣмъ не менѣе мнѣ случалось слышать, что и Османъ въ 1868 г. не прочь былъ передаться снова намъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ умный и дальновидный человѣкъ, зналъ что его у насъ ожидаетъ... Османъ кончилъ жизнь трагически: въ 1868 году, видя дружбу нашу съ эмиромъ и боясь быть выданнымъ, онъ бѣжалъ изъ Бухары къ мятежному сыну эмира въ Карши но былъ настигнутъ и зарѣзанъ.

Мимо слободки сарбазовъ проходить дорога въ долину Зеравшана и ближайшимъ интереснымъ явленіемъ по этой дорогѣ безъ сомнѣнія должны быть названы небольшіе поселки прокаженныхъ—*махам-тисъ*. Слѣдуя по этой дорогѣ, вы встрѣтите на ней невыразимо-ужасные экземпляры больныхъ, а иногда и услышите, какъ прожорливый мусульманинъ, бросивъ несчастнымъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, произноситъ: тоба, тоба, т. е. каюсь... Такъ внушительна наружность этихъ несчастныхъ! Подробный разборъ причинъ и развитія этой болѣзни — дѣло специалистовъ; здѣсь можно замѣтить лишь, что прокаженные до извѣстнаго возраста, а именно дѣвчушки до 13, 14 лѣтъ, а мужчины до 17, 18, часто почти ничѣмъ не отличаются по наружности отъ прочаго населенія, но потомъ, вступивъ въ супружество, они начинаютъ разлагаться и, хотя и производятъ дѣтей, — въ концѣ концовъ, далеко не доживши 40 лѣтъ, — умираютъ совершенно обезображенные, почти безъ образа человеческого.

Въ этой-же (сѣверной) части окрестностей Самарканда, въ 12 верстахъ отъ него, на берегу Зеравшана, находится большая деревня — *Дабидъ* (десять ивъ) съ могилою знаменитаго святаго *Махсума-Агзама*, жившаго тутъ болѣе 250 лѣтъ тому назадъ. Къ деревнѣ на нѣсколько верстъ ведетъ широкая аллея изъ тутовыхъ деревьевъ, насаженныхъ лѣтъ 200 тому самаркандскимъ правителемъ Іалангъ-ташемъ-бахадуромъ въ честь святаго Агзама, бывшаго патрономъ грознаго правителя. Могила святаго и его многочисленной семьи стерегутъ его потомки—ходжи, и подбираются отъ многочисленныхъ богомольцевъ. Впрочемъ, они одинаково охотно берутъ и съ «невѣрныхъ», интересующихся ихъ святыней, тѣмъ болѣе, что «невѣрные» даютъ рубли, а «правовѣрные» отдаются копѣйками. Близъ могилы мечеть незатѣливой архитектуры и сады ходжей; въ мечети хранятся паланкины святаго, а дворъ мечети усаженъ тѣми же маститыми тутами; между ними есть нѣсколько весьма любопытныхъ экземпляровъ. Въ ногахъ могилы святаго показываютъ скромный камень Іалангъ-таша, завѣщавшаго похоронить себя близъ святой могилы.

Въ Дабидѣ есть базаръ, и самъ по себѣ кышлакъ этотъ напоминаетъ небольшою городокъ. Впрочемъ, ни бековъ, ни войска тутъ никогда не было.

Сѣвернѣ Дабиды на 16 верстѣ въ кишлакѣ *Ходжа-Измаилъ* есть также огромное каменное зданіе близъ могилы святаго того же имени; на сѣверо-востокъ отъ *Ходжа-Измаила*, верстахъ въ 20, въ деревнѣ *Газира* опять находимъ большую каменную мечеть надъ святой могилой. Этѣ двѣ могилы весьма почитаются окрестными узбеками. Вообще—въ ближнихъ и дальнихъ окрестностяхъ Самарканда по кишлакамъ здѣсь и тамъ раскиданы могилы святыхъ, что и дало поводъ назвать городъ «садомъ угольниковъ» и «лицемъ земли».

Здѣсь мы кончаемъ наши очерки Самарканда, выражая предположеніе, что если бы и прочіе наши средне-азіатскія города были описаны, хотя бы въ такой пезатѣйливой рамкѣ, въ какой описанъ нами Самаркандъ, то намъ сравнительно рѣже привелось бы встрѣчать здѣсь людей рѣшительно незнакомыхъ съ исторіей и бытомъ современныхъ обитателей Средней Азіи.

Первый коранъ.

(Самаркандское преданіе).

✓ По смерти мусульманскаго пророка Мухамеда *) ему наследовали *халифы*, т. е. преемники, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) тестъ пророка Абубекръ, 2) тестъ-же Омаръ, 3) дальній родственникъ и зять пророка Османъ и 4) двоюродный братъ, и, вмѣстѣ, съ тѣмъ, также зять пророка Али.

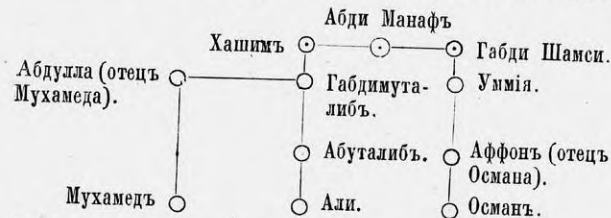
✓ Этотъ порядокъ наследія завѣщанъ пророкомъ. Всѣ халифы были очень близки къ пророку при его жизни; но Османъ былъ особенно любимъ Мухамедомъ, и по смерти жены Османа, Руккія, дочери Мухамеда, послѣдній сказалъ: «если Богъ взялъ у Османа одну нашу дочь, то мы дадимъ Осману другую.» И младшая дочь пророка, Зейнебъ, стала женою Османа. Эта же привязанность Мухамеда къ Осману была причиною того, что и въ правѣ наследія Османъ получилъ старшинство передъ Али, который и по

*) Около 1300 лѣтъ тому назадъ.

лѣтамъ, и по близкому родству, съ пророкомъ имѣлъ преимущество передъ Османомъ. Но Мухамедъ очень любилъ Османа и на дѣлалъ на него, въ дѣлѣ пропаганды ислама, какъ на себя, потому что Али и въ ту пору начиналъ уже варіировать догматы новой религіи. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, варіанты эти дали ученіе шиитовъ, которые считаютъ первымъ пророкомъ Али, а не Мухамеда.

✓ При жизни Мухамеда, Али не выражалъ своего неудовольствія на предпочтеніе ему Османа; но какъ только умеръ пророкъ, Али пересталъ таить свои мысли, и между нимъ и Османомъ начался разладъ.]

Родство ихъ съ пророкомъ видно изъ слѣдующей таблицы:

✓ Османъ является здѣсь дальнимъ родственникомъ пророка, но, тѣмъ не менѣе, въ силу завѣщанія Мухамеда, послѣ тестя его Омара, халифомъ сталъ Османъ. Онъ ревностно продолжалъ проповѣдь ислама (чистой вѣры) и положилъ начало законодательству. Пророкъ передавалъ свое ученіе по большей части изустно, и рѣчи его записывались каждый разъ кѣмъ либо изъ присутствовавшихъ, чаще же всего Османомъ, а потому Османъ, сдѣлавшись халифомъ, собралъ проповѣди и своею рукою переписалъ ихъ. Этотъ первый сборникъ и есть коранъ или, правильно, Куранъ, т. е. ученіе, переданное Богомъ пророку. Куранъ извѣстенъ также здѣсь подъ именемъ *Калями-шерифъ*—священное, благородное перо. Толкованіе на куранъ, писанныя Мухамедомъ, называются *мушкоти-шерифъ*, т. е. священныя наставленія, и составляютъ ученіе, завѣщанное собственно пророкомъ. Поэтому авторомъ курана, безъ сомнѣнія, можетъ быть названъ третій халифъ Османъ, до котораго исламъ не имѣлъ кодекса. Написавъ книгу, Османъ съ большимъ успѣхомъ, продолжалъ проповѣдь,

не подозревая, что неудовольствие на него Али дошло до того, что козни самолюбиваго брата пророка приняли уже тотъ ужасный характеръ, какой онѣ принимаютъ и доселѣ во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ. Али рѣшился избавиться отъ своего соперника... И Османъ былъ зарѣзанъ будто-бы во время чтенія той книги, которая и доселѣ многимъ міліонамъ указываетъ ихъ жизнь и смерть, и которая найдена въ Самаркандѣ. Слѣды крови Османа остались на книгѣ.

✓ Книга писана на прямоугольныхъ кускахъ пергамента, болѣе полуаршина шириною и въ аршинѣ длины.

✓ Судя по всей наружности книги, нельзя не признать за нею глубокую древность. Несомнѣнно, что она писана въ то время, когда не было еще бумаги, а письмо арабовъ, послужившее въпослѣдствіи образцомъ всѣмъ мусульманскимъ народамъ, было крайне несовершенно. Куранъ Османа, первообразъ этой книги, подлинникъ; онъ не «копія», какъ называетъ его Вамбери, только списанная Османомъ, будто-бы секретаремъ Мухамеда,—нѣтъ, здѣшніе мусульмане глубоко убѣждены по преданію, что Куранъ Ходжа—Ахраръ составленъ изъ проповѣдей пророка третьимъ халифомъ Османомъ и переписанъ его собственною «святою» рукою. Но смиренно уступимъ мѣсто жрецамъ науки и расскажемъ преданіе о томъ, какъ попала эта книга въ Самаркандъ.

✓ Лѣтъ 400, а можетъ быть и болѣе тому назадъ, въ Ташкентѣ появился выходецъ изъ Стамбула Шейх-ауанди-тауръ (чистый князь). Умный, ученый, богатый, набожный и благотворительный Шейхъ скоро былъ признанъ за святаго, и умеръ святымъ, увѣковѣчивъ память свою очень крѣпко въ названіи одной изъ четырехъ частей города Ташкента, называемой и доселѣ Шайхантауръ. Шейхъ оставилъ послѣ себя множество потомковъ съ хорошимъ именемъ и съ хорошимъ состояніемъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, нѣкто Ходжа Ахраръ, избравшій путь своего знаменитаго предка, переѣзжаетъ изъ Ташкента въ Самаркандъ, окружаетъ себя учениками и становится пиромъ, т. е. духовнымъ наставникомъ отдѣльнаго кружка. Ходжа—Ахраръ, строитъ медресе, поучаетъ въ немъ, ведетъ строгую жизнь, отправляетъ на свой счетъ толпы пилигримовъ въ Мекку, и скоро отъ Мекки и до Кашгара проходятъ слухи о появленіи въ Самаркандѣ новаго

источника чистой вѣры, въ лицѣ потомка святаго Шейхуанди-таура. Слава добродѣтелей Ахрара выросла наконецъ до того, что однажды мюриды (ученики) его, возвратившись изъ Мекки, принесли своему пиру нѣкія хартіи, и рассказали что были они гостями халифа (которымъ тогда былъ второй или третій преемникъ Султана Баязида-Ильдирима), что халивъ видѣлъ во снѣ его, ихъ пира, святаго Ходжу-Ахрара, и что въ память этого прислалъ ему, ✓ Ходжи-Ахрару, Куранъ, писанный «святою» рукою третьяго Халифа-Османа. Ходжа-Ахраръ принялъ подарокъ и оставилъ его въ наслѣдіе построенному имъ медресе. Книга долгое время пользовалась уваженіемъ, хотя читать ее никто не могъ и не можетъ доселѣ; одинъ самаркандскій знакомый мой самъ завязый грамотѣй, говорилъ мнѣ, что болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ, Куранъ медресе Ходжа-Ахраръ читалъ какой-то пріѣзжій изъ Россіи татаринъ, плакалъ надъ кровью Талифа, и что старый и малый сбѣгались слушать и дивиться на татарина, какъ на чудо. Въ прежнее время книга приносила изрядный доходъ ея владѣльцамъ—мулламъ медресе Ходжа-Ахраръ, потому что усердные мусульмане приходили въ медресе въ разныхъ случаяхъ жизни, клали на Куранъ деньги, смотря по средствамъ, и читали надъ книгою молитву... Но въ послѣднее время усердіе правовѣрныхъ оскудѣло, и голодные муллы уступили книгу очень охотно и недорого, а именно за 100 рублей.

✓ Мы, русскіе, болѣе другихъ націй заинтересованные своими со-сѣдами и подданными, среднеазіатцами, имѣемъ несомнѣнныя права на ихъ древности. Первый Куранъ долженъ быть достояніемъ русской науки, а наука разслѣдуетъ его происхожденіе. Здѣсь же записано мною только то, что сохранили преданія. Куранъ Османа хранится въ Императорской публичной библіотекѣ.]

Катта-Курганскій Отдѣлъ

I.

Катта-Курганскій отдѣлъ представляет собою самую южную окраину нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, и не лишенъ интереса ни въ какомъ отношеніи, хотя бы даже только въ топографическомъ, потому что о мѣстности этой доселѣ не было въ печати ни слова. Я посѣтилъ всѣ углы Катта-Курганскаго отдѣла и собралъ кое-какія дорожныя замѣтки, въ томъ соображеніи, что онѣ, какъ матеріалъ, когда нибудь пригодятся.

Катта-Курганскій отдѣлъ составляетъ западную половину пограничнаго съ Бухарой Зеравшанскаго округа и граничитъ на востокъ съ самаркандскимъ отдѣломъ по линіи съ урочища Джамъ на кишлаки: Карасу, Митанъ и далѣе на сѣверъ до горъ Акъ-тау, отрога горъ Нуратинскихъ. На сѣверѣ хребетъ Акъ-тау отдѣляетъ Катта-Курганскій отдѣлъ отъ нуратинскаго бекства. Западная (государственная) граница проходитъ по линіи отъ Дизманскаго ущелья (въ горахъ Акъ-тау) на кишлакъ Тасмачи или Ишанлы, затѣмъ по рѣкѣ Акъ-Дарьѣ до бухарскаго города Хатырчи, далѣе отъ этого города берегомъ Кара-Дарьи выходитъ къ высотамъ Зирабулакъ и затѣмъ на югъ черезъ узбекскія кочевья Атранъ упирается снова въ Джамъ.

Южную, пограничную черту Катта-Курганскаго отдѣла составляетъ линія отъ Джама до кишлака Ибрагимъ-ата, вдоль сѣвернаго подножія горъ шарсабизскихъ.

Площадь Катта-Курганскаго отдѣла можно опредѣлить приблизительно въ 90 квадратныхъ миляхъ.

Катта-Курганскій отдѣлъ рѣзко раздѣляется на три полосы, совершенно одна на другую не похожія; на сѣверную—между Зеравшаномъ и Акъ-тау, среднюю—что по р. Зеравшану, и на южную—между долиной рѣки и горами шарсабизскими.

Сѣверная полоса значительно выше средней и южной полосъ, сплошь холмиста и перерѣзана многими крутыми балками, вырытыми горными потоками. Говорили, что и доселѣ, въ иные годы,

послѣ снѣжной зимы, большія массы воды сбѣгаютъ по этимъ балкамъ въ долину; но большую часть года балки эти сухи и всѣ кишлаки этой мѣстности пользуются водою изъ ключей, которые идутъ или изъ горъ Актау, или берутъ начало въ самыхъ балкахъ. Наиболѣе другихъ богата водою одна изъ восточныхъ балокъ Орлатъ-сай, начинающаяся даже въ горахъ Акъ-тау, за Пшатомъ.

Сѣверная полоса, за немногими исключениями въ окрестностяхъ Митана, совсѣмъ неудобна для орошенія изъ р. Зеравшана. Это объясняется слишкомъ высокимъ положеніемъ ея надъ рѣкой и весьма значительной крутизной всего праваго берега Акъ-Дарьи, почти отъ самаго Митна, до пограничнаго кишлака Тасмачи или Ишанлы. Поэтому всѣ возвышенныя мѣста сѣверной полосы засѣваются исключительно пшеницей и ячменемъ, которые и рождаются, если зима была снѣжная, а весна дождлива и прохладна.

Хлѣбные продукты, требующіе правильнаго полива и ухода, засѣваются по балкамъ, близъ воды и въ незначительномъ количествѣ. Я помню, узбеки не мало смѣялись, когда одинъ ретивый чиновникъ думалъ взыскать въ этой мѣстности подать съ посѣвовъ моркови, лука и т. п. продуктовъ, свойственныхъ исключительно долинамъ. Вербовыя, тополевыя, урюковыя и другія деревья присущи кишлакамъ, въ которыхъ, въ особенности близъ самыхъ горъ Акъ-тау, есть фруктовыя сады, какъ напр., въ Зарбандѣ, Андакѣ и другихъ.

Вотъ названія балокъ, болѣе или менѣе воздѣланныхъ, съ находящимися въ нихъ кишлаками:

1) Митанъ-сай, самая восточная балка, при устьѣ которой лежитъ кишлакъ Митанъ и недалеко отъ него Хасанымъ, а въ ближнихъ и дальнихъ окрестностяхъ раскидано до 30 большихъ и малыхъ кишлаковъ: Нагачи, Файзабатъ, Авазъ-давана, Аманчупъ, Акъ-курганъ, Тайтунъ, Шай-Хульисламъ, Кара, Бахринъ, Хапака, Чагатай, Тины-бекъ, Куль-чури, Кичикъ-тусунъ, Туи, Ута, Башъ-тусунъ, Чарлакъ, Каракыя, Ярхандаръ и другіе.

2) Орлатъ-сай—болѣе другихъ богатая водою балка, съ кишлаками: Актепа, Тула-басты, Чимкурганъ, Кыйкымъ, Бакычагатай, Джаръ-Кши и пр.

3) Амбаръ-сай—идетъ параллельно Орлатъ-саю, съ кишлаками: Зарбандъ, Кульватъ, Джаръ-Курганъ, Амбаръ-сай, Бахринъ и нѣкоторыми другими.

4) Ярбаши или Майбулакъ начинается противъ городка Пяндж-шамбе—съ кишлаками; Чирикъ, Какъ и Майбулакъ.

5) Дизманская балка, начинающаяся въ ущельѣ Дизманъ и, подобно Орлатъ-саю и Амбаръ-саю, прорѣзывающая поперегъ всю сѣверную полосу Катта-Курганскаго отдѣла. Въ ней лежатъ кишлаки: Балтабекъ, Янтаклькъ, Ялбашъ, Хощъ-хаузь, необыкновенно живописный кишлакъ, и (недалеко отъ ущелья) Дизманъ.

6) Пограничная съ бухарскимъ ханствомъ балка, съ кишлаками: Тасмачи или Ишавлы, Навандакъ, Мирдашъ (бухарскій кишлакъ); въ одномъ изъ отроговъ этой балки лежитъ большой и красивый кишлакъ Бургентъ.

По южной окраинѣ сѣверной полосы отдѣла, почти надъ рѣкою, стоятъ кишлаки: Кумыръ, Кулъ или Ходжа, Балтабекъ, Вахымъ, Джалаиръ, Ярбаши, Биръ-аузь-Арабъ хана Яклякъ-хана. Прежняя кличка кишлака очень оригинальна. Близъ этой мѣстности на побережьяхъ Зеравшана, живетъ много аистовъ. Аистъ (*Ciconia Alba*) — птица безъ голоса, который выражается у него стукомъ одна о другую обѣихъ половинокъ клюва (точнѣе челюстей) причемъ аистъ распускаетъ крылья, закидываетъ голову вверхъ и трескотня его клюва переходитъ въ тонъ высокій; затѣмъ онъ постепенно опускаетъ голову и тоны падаютъ, снова подымаетъ и т. д. Выходить просто полосканіе горла. По звуку операція эта похожа на: льяк-ляк-ляк-ляк., а потому туземцы и назвали птицу льяклякъ, а хана или хане, на языкѣ таджиковъ и персовъ, значить—домъ, жилище. *Ciconia alba* въ Малороссіи и Новороссіи зовется черногузка, потому что у этого вида только хвостъ черный. Есть *Ciconia nigra* — темно-бурый аистъ, свойственный однако исключительно западной Европѣ. Аистъ въ ханствахъ бухарскомъ и коканскомъ и др. среднеазиатскихъ мѣстностяхъ, какъ и у хохловъ, пользуется неприкосновенностью, строить гнѣзда на куполахъ мечетей, на хатахъ, на деревьяхъ среди жилыхъ мѣстъ, а въ Хивѣ будто бы его стрѣляютъ, и хивинцы, охотники до соловьевъ, смѣются надъ бухарцами, говоря: «ваше соловьиное пѣніе — трескъ аистовыхъ клювовъ». По убѣжденію малороссовъ, аистъ если тронуть его гнѣздо, спалить хату, т. е. сожжетъ домъ, захвативъ головню изъ забытаго въ полѣ костра. — Здѣсь этой птицѣ отдается почтеніе, я полагаю, потому, что она цѣлые

дни проводить на рисовыхъ поляхъ, обыкновенно залитыхъ водою, поѣдая лягушекъ, моллюсковъ, жуковъ и т. п. вредныхъ для риса, и я самъ наблюдалъ рѣдкія и весьма интересныя для орнитолога сцены изъ жизни аистовъ на плантаціяхъ, кромѣ того, что эти гордо осанистыя птицы чрезвычайно пріятно гармонировали своею безукоризненною бѣлизною съ яркою зеленью рисовыхъ полей.

Середина сѣверной полосы не заселена.

Затѣмъ остается сѣверная окраина этой части отдѣла, занятая почти у самыхъ выходовъ ущелій Актау кишлаками: Шуръ, Андакъ, Себистанъ, Итау и др., довольно живописными на хорошей горной водѣ, среди урюковыхъ садовъ. Въ этой мѣстности мнѣ пришлось видѣть нѣсколько старыхъ развалинъ, какъ будто укрѣпленій, и туземцы объяснили, что когда-то тутъ дѣйствительно были курганы (т. е. укрѣпленія), въ которыхъ имѣлись даже и беки и, само собою, воевали эти беки другъ съ другомъ и съ эмирами, но когда это было, я не имѣлъ времени допытываться.

Если вы интересуетесь исторіей здѣшнихъ народностей и если вы оріенталистъ, то прежде всего поѣзжайте вы по долинамъ Зеравшана, по степямъ, по кочевьямъ узбековъ, и изучайте исторію по курганамъ, развалинамъ, по рассказамъ стариковъ, а потомъ уже наводите на здѣшнія мусульманскія книги, которыя, впрочемъ лично я, кромѣ Равзати Сафо и Тарихи Табари, всетаки не уважаю, потому, что почти всѣ онѣ похожи на сказку о «Бовѣ-Королевичѣ». Да въ средѣ неразвитой это иначе и быть не могло. Первая изъ названныхъ выше книгъ на персидскомъ языкѣ, литографирована въ Калькутѣ, вторая на арабскомъ, рукописная и очень рѣдкая книга. Впрочемъ обѣ онѣ очень дороги.

Среднеазиатскія горы и степи полны преданій о далекомъ прошломъ; живы и немногіе крѣпкіе старики—свидѣтели и участники междоусобицъ, а ученые горожане, даже безъ содѣйствія властей, охотно дадутъ вамъ свои глупыя книги.

Сѣверную полосу Катта-Курганскаго отдѣла заселяютъ исключительно узбеки и не многіе таджики, выходцы изъ горъ нура-тинскихъ, гдѣ они также извѣстны подъ именемъ гальча, какъ

и въ горахъ по верховьямъ Зеравшана. Все предгорье Актау занято туркменами (аксакъ токсакъ) восточная часть—узбеками: митанъ, бахринъ и др.; южная окраина узбеками—арабъ, джалаиръ и др., а западная, пограничная съ бухарскимъ ханствомъ, исключительно узбеками джалаиръ и частью туркменъ. Население это пасть, водить скотъ, въ томъ числѣ много барановъ, и ведетъ кое-какую торговлю на мѣстныхъ базарахъ.

Въ сѣверной полосѣ 6 базарныхъ дней по кишлакамъ:

Тусунъ—въ воскресенье.

Майбулакъ—понедѣльникъ.

Митанъ—вторникъ.

Митанъ—вторникъ.

Балтабекъ или Иничка—среда.

Актипа—суббота и

Мирданъ, пограничный бухарскій базаръ, посѣщаемый нашими узбеками—въ среду.

Кромѣ этихъ базаровъ, население сѣверной полосы ѣздитъ также на базары въ сосѣдній бухарскій городокъ. Хатырчи, ѣздитъ и въ нашъ городокъ Пянджшамбе, и даже въ самый Катта-Курганъ.

Дороги по сѣверной полосѣ исключительно конныя, и только по южной окраинѣ идетъ большой колесный путь изъ Бухары въ Дизахъ и далѣе.

Одинъ старикъ, съ которымъ мнѣ пришлось проѣзжать по этой дорогѣ, очень оригинально называлъ ее путемъ святаго Хазрета Хызра. Въ удостовѣреніе, что дорога прямая. По ней прошелъ Хазретъ Хызръ, совершенно серьезно докладывавъ старина.

II.

Среднюю полосу Катта-Курганскаго отдѣла составляетъ самая населенная и обработанная часть—долина р. Зеравшана на западъ отъ линіи съ кишлака Карасу на Митанъ, откуда, ограничиваясь на сѣверѣ частью Акъ-Дарьей, частью арыкомъ Шавать, и на югѣ Кара-Дарьей и частью арыкомъ Нарпай, долина постепенно суживается и острымъ угломъ упирается въ бухарскій городокъ Хатырчи, гдѣ сливаются въ одну рѣку оба рукава Зеравшана: Кара-Дарья и Акъ-Дарья.

Кромѣ названныхъ выше двухъ рукавовъ, эта часть Катта-курганскаго отдѣла орошена арыками: Хазара, Наука, Дамъ, Ходжа, Мынь, Клычабатъ, Мухтаръ и др. Преобладающее направленіе этихъ арыковъ вмѣстѣ съ рѣкою съ востока на западъ, изъ чего усматривается общее наклоненіе долины къ западу. Возвышенностей въ долинѣ нѣтъ, если не считать возвышенностями два-три клокъ матерой земли между Акъ и Кара-дарьей, земли родственной сѣверной степной полосѣ и оторванной отъ нея, Богъ вѣсть когда, рѣкою.

Кромѣ этихъ небольшихъ плато, лежащихъ почти на одномъ уровнѣ со степью, въ долинѣ есть нѣсколько холмовъ (типа) изъ которыхъ около Наука-типа я видѣлъ жженный кирпичъ и слѣды весьма давней осѣлости. Туземцы роютъ этотъ холмъ и землю его возятъ на поля, потому-де, что земля эта старая, жирная, сильная.

Арыкъ Хазара поитъ кишлаки: Арзукулъ, Халиса, Чулакъ. Итбури-бай, Чагатай, Кутуръ-курганъ, Чуянчи, Ядгаръ-ходжа Торнау и др.

Изъ арыка Наука пьютъ кишлаки: Тугма, Кошоны, Муминъ-Ходжа, Абу, Бекляръ, Туркменъ, Валиджанъ, Кара-кипчакъ, Киряитъ, Кичикъ-мынь, Буламукчи, Урусъ, Кумакъ, Кыргызъ, Сарай, Бахрынъ, Катта-мынь, Кимадузъ, Исабай-типа, Заргарчи-Кумъ-тигирманъ, Наука, Калмакъ-типа, Бузуклы, Кахатъ, Табаранъ, Мундіанъ, Каданъ, Талли-маранъ, Мулла-курпа, Ходжа-курганъ, или Ходжа-даргаръ, жители котораго считаются стрѣлками, и др., всего болѣе 60 кишлаковъ.

Изъ арыка Дамъ пользуются водою кишлаки: Аладжанъ, Янш-курбанча, Мили-ходжа, Абулкасымъ, Сари-асю, Катта-курпа (въ переводѣ: большое оѣяло) Кичикъ-курпа (въ переводѣ малое оѣяло), Буркутъ. Кыятъ, Мулла-кичкине и др., всего до 20 кишлаковъ.

Ходжа арыкъ снабжаетъ водою кишлаки: Мильгъ-ширинъ, Сарай, Казакъ-ата, Тарбузъ, Асать-бахринъ, Канглы, Трумъ, Юганъ-типа, Иштыханъ, и др., всего до 18 кишлаковъ.

Мынъ арыкомъ орошаются кишлаки: Буранъ-ходжа, Упка, Гадай-тапмасъ, Тагай-бекъ, Байлы-ата, Актипа, Сарсанъ и др. всего до 20 кишлаковъ.

Клычабатъ-арыкъ орошаетъ кишлаки: Акпчакъ, Айджанъ, Камги-хаса, Каляндаръ-ходжа, Дурбибишъ, Турсунъ-ходжа, Суильганъ, Бахринъ, Загара-хуръ, Тинитъ, Конградъ, Дамъ-карынъ, Кумахъ, Бусалакъ, Тавакналъ-ходжа, Талли-Загыръ и др. всего до 25 кишлаковъ.

Изъ арыковъ Мухтаръ и Нарпай пользуются водою кишлаки: Чала-Курганъ, Найманъ, Мазарале, Ишанъ-баши, Фарзандъ, Чархынъ, Кара-кулъ, Алчинъ, Ахаки, Ходжа-Карсанъ, Джалаиръ, Дживачи, Каль-курбанъ, Иска, Угланъ, Сарка, Палванъ-типа, Баляндъ-рабатъ, Дамъ, — Суфи, Кара-сакалъ, Яккабагъ, Узунбузъ, Арабъ-хана, Илянъ — банди, Кунджидай и др. всего до 40 кишлаковъ.

Населеніе этой части Катта-Курганскаго оѣдѣла чрезвычайно, разнообразно, ибо здѣсь мы находимъ уже весьма значительные оѣдѣльные пункты, какъ города: Катта-Курганъ и Пянджшамбе.

Городъ Катта-Курганъ лежитъ на лѣвомъ берегу арыка Нарпай. Въ сущности это небольшой городокъ съ таджикскимъ и узбекскимъ населеніемъ, обнесенъ глиняною стѣною, въ которой четверо воротъ; въ сѣверной стѣнѣ — Базаръ-дарваза, въ восточной — Айдаръ-аманъ-дарваза, въ южной — Самаркандъ-дарваза, въ западной — Бухаръ-дарваза. Городъ раздѣленъ на 25 кварталовъ (махалля или гузаръ). Вотъ ихъ названія: Ходжи - латифъ, Баміанъ, Чардара, Курпа, Ишанъ-мазари, Айдаръ-чаманъ, Мадрыса, Мадіаръ-мирахуръ, Кулъ, Хаки, Шуръ, Яккабасъ, Арабъ-хана, Калянъ - арабхана, Куча-хуръ, Базаръ-мачитъ, Акъ - ма-

читъ, Хайдарча, Маури-Курганъ, Суфи-Аллаяръ, Мурадъ-Касымъ и др. *).

Кромѣ узбековъ, таджиковъ и русскихъ, въ Катта-Курганѣ есть евреи и немного индѣйцевъ — ростовщиковъ.

Историческихъ памятниковъ Катта-Курганъ не имѣетъ. Цитадель его невелика, расположена на высокомъ курганѣ и современной критики не выдерживаетъ. Лучшее мѣсто въ Катта-Курганѣ — садъ Эмира, гдѣ помѣщается управленіе оѣдѣломъ.

Катта - Курганскій городской базаръ невеликъ и похожъ на средне-азіатскіе базары.

Городокъ Пянджшамбе лежитъ на сѣверѣ, въ 12 верстахъ отъ Катта-Кургана. Это небольшой и чистенькій городокъ, окруженный садами, съ весьма смирнымъ и благонаправленнымъ населеніемъ изъ узбековъ, таджиковъ и евреевъ.

Пянджшамбе также обнесенъ глиняной стѣной съ 3-мя воротами: на сѣверѣ — Кучахуръ, на востокѣ — Сарбазаръ и на западѣ Кыбла-дарваза. Городокъ состоитъ изъ 9 кварталовъ. Вотъ ихъ названія: Кыбла-мачитъ, Читкаръ, Мундіанъ, Каданъ, Сари-базаръ, Куча-хуръ, Ташкентъ, Асю и Мадрыса.

При бухарцахъ въ Пянджшамбе былъ бекъ, и городъ этотъ принималъ подъ-часть весьма дѣятельное участіе въ междоусобицахъ, столь частыхъ въ былое время между узбеками.

О пянджшамбинскомъ городскомъ базарѣ слѣдуетъ сказать то же, что и о Катта-Курганскомъ, т. е. что онъ собою ничего замѣчательнаго не представляетъ, развѣ лишь то, что меньше Катта-Курганскаго.

Что достойно вниманія въ Пянджшамбе — это мостъ чрезъ Зеравшанъ и нѣсколько паромовъ, когда мостъ этотъ рѣка уноситъ; но распространяться объ этомъ здѣсь мало мѣста. Въ ту пору, когда я жилъ въ Пянджшамбе, переправа чрезъ рѣку была очень трудна и даже опасна. Навѣрное, теперь лучше, ибо есть слухъ, что приняты мѣры. Лучше всего учредить таксу и, какъ за мостомъ, такъ и за паромами, полицейскій надзоръ. Переправа эта очень важна, потому что населеніе сѣверной полосы оѣдѣла постоянно тяготѣетъ къ долинкамъ, гдѣ центръ управленія оѣдѣломъ (Катта-Курганъ) и гдѣ находятся главные базары. Есть переправы и въ другихъ мѣстахъ, но этотъ пунктъ важенъ по удоб-

ствамъ къ устройству моста и выбранъ самимъ населеніемъ, а потому имъ и предпочитается.

Населеніе долины состоитъ преимущественно изъ узбековъ разныхъ наименованій и таджиковъ, едва замѣтныхъ въ узбекскомъ населеніи.

Преобладающее занятіе населенія, конечно, земледѣліе; ремесла принадлежатъ таджикамъ, хотя и узбеки ткнутъ мату и пр. грубыя бумажныя матеріи, куютъ желѣзо и приготавливаютъ разные издѣлія изъ дерева. Затѣмъ и тотъ, и другой народъ душою преданъ торговлѣ, базару.

Базарные дни долины нижеслѣдующіе.

Кишлаки: Юргамъ—воскресенье, Мынъ—понедѣльникъ, г. Катта-Курганъ—среда и суббота, Пянджшамбе—четвергъ (самое названіе г. Пянджшамбе—значитъ четвергъ).

Кишлакъ Иштыханъ—четвергъ.

» Актипа—пятница.

Кромѣ этого, жители долины посѣщаютъ въ базарные дни (воскресенье) сосѣдній бухарскій базаръ въ городкѣ Хатырчи, до котораго отъ Катта-Кургана и отъ Пянджшамбе около 30 верстъ.

III.

Мнѣ до сихъ поръ не случалось видѣть на картѣ южную полосу Катта - Курганскаго отдѣла, — эту огромную, почти безводную степь, наполненную кочевьями узбековъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, на поверхности этой степи снята, кажется, только одна дорога изъ Катта-Кургана въ Джамъ и окрестности этого мѣста, въ томъ числѣ и входъ въ ущелье Кизылъ-Буталъ, ведущее въ долину рѣки Кашка-Дарья, къ городу Шарсабизу.—Затѣмъ мѣстность вправо и влѣво отъ этой дороги мало извѣстна. Лѣтомъ, 1870 года, мнѣ случилось проѣхать всю эту степь въ разныхъ

направленіяхъ. Она вообще мало орошена, только южныя окрестности Катта-Кургана имѣютъ болѣе или менѣе значительныя арыки; затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе глубокая долина Сипку, на юго-западѣ отъ Катта-Кургана, верстахъ въ 40 отъ этого города долина, закрытая съ с. скалистыми горами Чимтау, съ узкимъ каменистымъ ущельемъ, по которому протекаетъ дорога въ эту долину.—Тутъ есть ключи, ими орошаются незначительныя клеверныя плантаціи и садики туземцевъ. Послѣ Сипку достойна вниманія долина Улусъ, въ 60 верстахъ отъ Катта-Кургана, на югѣ, также съ ключами; затѣмъ котловина Джамъ, около 80 верстъ отъ Катта-Кургана, также на югѣ, орошаемая ключемъ изъ горъ шарсабизскихъ.—Остальныя мѣстности этой полосы Катта-Курганскаго отдѣла пользуются водою изъ колодезевъ, разбросанныхъ по всей степи. Колодцы эти очень глубоки (сажень до 20 и болѣе), и вода изъ нихъ вытаскивается въ кожаныхъ ведрахъ верблюдами. Кругомъ колодезевъ сдѣланы изъ глины жолоба, въ которые и напускается вода. Напоивъ стада, кочевники увозятъ съ собою ведра, и намъ, застигнутымъ иногда въ зной жаждой, которая обыкновенно усиливается при видѣ колодца, ручья или рѣки, приходилось связывать всѣ имѣвшіе у насъ арканы и чумбуры для того, чтобы вытянуть изъ колодца воды пустою бутылкою. Вода удовлетворительныхъ качествъ; по крайній мѣрѣ, казаки мои ничего дурнаго отъ нея не чувствовали, хотя пили ее по обычаю неумѣренно. Вообще, въ зной, степи эти печальны и напомнили Вамбери, проѣзжавшему путь въ 1865 году, степи его родины—Венгріи, называемыя пуштами. Въ одномъ только мѣстѣ въ этихъ степяхъ я видѣлъ слѣдъ минувшей цивилизаціи, именно по дорогѣ между Джамомъ и кочевьями Кокъ-ташъ, груды жженого кирпича отъ временъ Абдулла-хана, строившаго, какъ извѣстно, на всѣхъ большихъ пустынныхъ дорогахъ цистерны, рабатъ (напримѣръ Мурзарабатъ въ голодной степи). Этому будетъ болѣе 200 лѣтъ.

Вся южная полоса Катта-курганскаго отдѣла такъ-же холмиста, какъ и сѣверная. Болѣе значительными возвышеніями представляются названныя выше горы Чимтау и высоты Зирабулакъ, извѣстныя дѣломъ 2 іюня 1868 года между русскими и бухарскими войсками. Тутъ-же примыкаютъ къ нашимъ владѣніямъ еще ка-

кля-то горы, но въ нихъ никто не былъ, и гдѣ они начинаются и кончаются—неизвѣстно. Кажется, онѣ идутъ далѣе на западъ, въ предѣлахъ бухарскаго ханства. Вообще же говоря—вся ю. з. часть катта-курганскаго отдѣла, называемая Агранъ, не имѣтъ безукоризненно-точной пограничной черты съ бухарскимъ ханствомъ, а именно съ чиракчинскимъ бекствомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые обитатели этой мѣстности—узбеки, въ первое время послѣ занятія нами края, были дворянниками.

Осѣдлостей въ строгомъ смыслѣ въ этой части катта-курганскаго отдѣла мало, потому что жители ея—полукочевые узбеки, зимующіе въ землянкахъ или въ грязныхъ и дымныхъ сакляхъ, а весною и лѣтомъ кочующіе въ юртахъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти разбросанные по балкамъ околodки саклей и дворовъ туземцы зовутъ кышлаками, т. е. зимовками (отъ слова кышъ—зима), но извѣстно что слово кышлакъ переводится нами какъ деревня, т. е. значительная осѣдлость. Я нахожу, что названіе деревни не всегда примѣнимо къ осѣдлостямъ описываемой мною мѣстности, а потому и назову эти осѣдлости кочевьями, что, по моему мнѣнію, ближе подходитъ къ дѣйствительности, и лишь тѣ изъ кочевій, которыя не слишкомъ раскиданы и напоминаютъ собою деревушки, будутъ названы мною кышлаками.

(Раздѣлимъ степь линіею съ С. на Ю., или, точнѣе, дорогою изъ Катта-Кургана въ Джамъ, и получимъ двѣ неровныя части: восточную (меньшую) и западную (большую).

Вотъ кочевья и кышлаки восточной половины:

Кышлаки: Чимбай; Шурча, Баглы, Улусъ, Кара-курсакъ и нѣкоторые другіе. Каракурсакъ—родина разбойника Бабана, трезвожившаго край въ 1869 и 70 г.г. и казненнаго въ Бухарѣ.

Кочевья: Гуржи, Кайбагаръ, Кошкудукъ, Аманъ-Кальхатъ, Инямъ Якши, Каранайманъ, Кокташъ, Кичкинликъ, Балацали, Айранчихъ, Чишканчи, Таллы и др.

Западной половины:

Кышлаки: Сарай-курганъ, Синку, Зирабулакъ, Джамъ, Укрячь, и нѣкоторые другіе.

Кочевья: Дирихъ, Тоюнъ, Нурдумъ, Иматъ, Лапакъ, Клычлы, Мусакакъ, Дуля, Искандеръ, Яильма, Маркамъ или Ташбакалы, Кушкудукъ, Узунъ-кудукъ и др.

По всѣмъ этимъ мѣстностямъ бродятъ узбеки разныхъ родовъ и поколѣній, причемъ въ восточныхъ и сѣверныхъ кочевьяхъ и кышлакахъ преобладаютъ роды: найманъ, караайманъ и арабъ, а въ юго-западныхъ (около Джама) родъ сарай. Всѣ они еще патриархальны и почти дики настолько, что, напримѣръ, дѣвушка каранаймановъ, опоздавшая выходомъ замужъ и не подыскавшая себѣ джигита, который похитилъ бы ее изъ отцовской юрты, подвергается насмѣшкамъ, почти гоненію со стороны родителей и родственниковъ. Тѣмъ не менѣе постоянные предметы спора между узбеками, это—похищенная женщина и лошадь.

Впрочемъ, изъ этихъ степей рѣдкія доходятъ до русскаго суда. По большой части все рѣшается келейно почетными стариками и за аппелляцію можно очень дорого поплатиться боками или даже головой. Узбеку ничего не стоитъ убить, изъ-за какихъ нибудь пустяковъ, даже роднаго брата. Вообще, въ узбекахъ нельзя узнать тѣхъ воиновъ, которые поработили когда-то Русь. Каранайманы и до сихъ поръ пользуются репутаціей придорожныхъ разбойниковъ, подобно родичамъ своимъ каракалпакамъ. Языкъ узбековъ напоминаетъ рѣчь киргизовъ.

По недостатку воды, узбеки описываемой мною степи занимаются земледѣліемъ сравнительно мало, въ особенности, если осень и весна были сухи, а зима малоснѣжна; еще менѣе занимаются они садоводствомъ, а потому единственнымъ почти во всей этой степи фруктовымъ садомъ можетъ назваться небольшой садикъ у Джама, гдѣ въ прежніе годы останавливался эмиръ, когда ѣхалъ изъ Бухары въ Самаркандъ не черезъ Катта-Курганъ, а черезъ Карши. Въ этомъ садикѣ сохранилась небольшая мечеть, гдѣ повелитель правотѣрныхъ совершалъ обычный намазъ. Нынѣ мечеть пуста, потому что узбеки не такъ религіозны, какъ горожане. Всѣ помыслы узбековъ этой степи устремлены на скотоводство, и въ особенности, составляющихъ главную статью сбыта и живьемъ и въ шерсти, въ войлокахъ, подпругахъ, переметныхъ сумахъ (корджунъ) и наконецъ—въ мясѣ. Кажется, нѣтъ ни одного узбека, у котораго не было бы хотя нѣсколькихъ десятковъ барановъ; но особенно богатыхъ баранчиковъ все-таки нѣтъ, и нѣкто Тохиръ-бай изъ рода арабъ (въ кочевьяхъ Гуржи), имѣющій 2000 барановъ, считается богачемъ. Между прочимъ интересно, что по

свѣдѣніямъ, относящимся къ 1876 г., за жителями Катта-Курганскаго отдѣла значится 95,813 барановъ и 27,500 козловъ.

На низовомъ Уралѣ, близъ Гурьева городка, есть казакъ Хачлачевъ, имѣющій болѣе 80-т. барановъ! А знаменитый овцеводъ Херсонской губерніи, колонистъ Фейнъ, имѣлъ нѣсколько тысячъ собакъ, караулившихъ его овецъ?! Я сообщилъ все это знакомымъ мусульманамъ, но они не вѣрятъ....

Кромѣ барановъ принадлежащихъ мѣстнымъ кочевникамъ, южная степь Катта-Курганскаго отдѣла весною оживляется многими десятками тысячъ барановъ, приходящихъ изъ Бухарскихъ предѣловъ для подножнаго корма.

Тѣ предметы и продукты, которые доставляютъ узбекамъ ихъ стада, сбываются на базары въ Катта-Курганъ по средамъ и субботамъ; въ кишлакъ Чимбай — по воскресеньямъ; въ кишлакъ Джамъ — по понедѣльникамъ, и въ кишлакъ Зирабулакъ — по пятницамъ. Кромѣ того, узбеки рода Сарай, какъ ближайшіе къ Шарсабизу, ѣздятъ на базаръ въ этотъ городъ.

Арбанныхъ дорогъ въ этой мѣстности тоже мало. Сѣверная дорога (если ѣхать изъ Самарканды) идетъ черезъ Карасу, Катта-Курганъ, Зирабулакъ и у кишлака Ширинъ-хатунъ входитъ въ предѣлы бухарскаго ханства. Средняя дорога проходитъ въ этомъ же направленіи (съ В. на З.) черезъ Нурдумъ и кочевья агранъ. Южная дорога подъ горами шарсабизскими идетъ на Ибрагимъ-ата: Джамъ и далѣе. Первая двѣ дороги почти подъ прямымъ угломъ пересѣкаетъ съ С. на Ю колесная же дорога изъ Катта-Кургана до Улуса. Все это — колесныя дороги съ наибольшимъ протяженіемъ; но и кромѣ нихъ, между кишлаками есть мѣстами арбанныя пути на незначительныя разстоянія. Затѣмъ преобладаютъ пути конные; впрочемъ, кочевнику въ его степяхъ всюду широкая дорога, и заѣзжаго осѣдлаго человѣка подчасъ невольно поражаетъ способность этихъ дикарей вести безъ дороги по равнинамъ черезъ овраги, горы, и всегда безъ промаха выходитъ именно на тотъ пунктъ, который нуженъ.

Весна 1868 года въ Средней Азій.

(Воспоминанія казачьяго офицера.)

I.

До похода къ Самарканду.

...Вечеромъ, 12-го марта 1868 года, я скакалъ по дорогѣ въ Чиназъ, куда стягивались назначенныя въ отрядъ казачьи сотни. На другой день, близъ полудня, мы были уже на берегу Сыра, и нашли тамъ Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ (нынѣ 1-й Туркестанскій стрѣлковый), шедшій въ Ташкентъ изъ Яны-кургана. Молодцы-стрѣлки живописными группами покрывали весь берегъ рѣки, пѣли, купались въ то время, какъ желѣзный баркасъ перевозилъ съ лѣваго берега рѣки баталіонныя тяжести. Баталіонъ кочевалъ со всѣмъ хозяйствомъ, а потому нашъ чередъ ѣхать черезъ рѣку могъ придти не ранѣе слѣдующаго полудня, такъ какъ средства переправы заключались въ одномъ только баркасѣ.

Стрѣлки шли теперь на отдыхъ съ передовой линіи, послѣ нѣсколькихъ дѣлъ съ бухарцами у Яны-кургана, гдѣ стоялъ тогда отрядъ, оберегавшій наши южныя границы съ Бухарой.

Весь слѣдующій день употребленъ былъ на перегонъ казачьихъ сотенъ, такъ что только 15-го марта мы оставили за собою Сыръ и предмостное укрѣпленіе, и вступили въ *голодную степь*.

Подъ этимъ милымъ именемъ извѣстно пространство на полтораста верстъ въ ширину и на столько же въ длину, лежащее по лѣвому берегу Сыра. На востокъ голодная степь начинается почти у Ходжента, а западной окраиной своей примыкаетъ къ песчаной степи Кызылкумъ. На сѣверѣ голодная степь окаймляется рѣкою Сыромъ, а на югѣ прямою линіею отъ Ходжента на Джизакъ и далѣе вдоль сѣвернаго склона горъ Кара-тау, гдѣ

линія эта упирается въ названные выше пески Кызыль-кумъ. Нашъ путь лежалъ на Джизакъ, почти посрединѣ голодной степи.

Голодная степь представляетъ собою мѣстность замѣчательно ровную; голодной же названа она потому, что скудна растительностію и почти безводна, если не считать серьезнымъ подспорьемъ въ пути тѣ немногія придорожныя колодцы, въ которыхъ вода плоховата. Въ лѣтній зной степь совершенно обнажается отъ травы, накаляется солнцемъ и вообще представляетъ самое безотрадное, гнетущее зрѣлище. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, рѣшенъ вопросъ о проведеніи черезъ голодную степь даже арыка; кромѣ того, степь оживлена теперь почтовыми станціями, а до похода къ Самарканду это была пустыня, въ особенности въ знойную пору. Другое дѣло весною: въ мартъ и апрѣль степь хоть и безводна, какъ и всегда, но покрыта, какъ бы сплошнымъ ковромъ, зеленью, перемѣшанной съ разноцвѣтными подсыѣжниками, и оживлена, кажется, миліонами черепахъ. Солнце въ эту пору года не особенно ярко, а потому путь нашъ по голодной степи къ Джизаку казался почти пріятной прогулкой. Казаки наши безъ умолку пѣли пѣсни; кони всею грудью вбирали въ себя степной воздухъ, фыркали, устремляя глаза въ широкую даль и начали головами, какъ бы привѣтствуя родную имъ картину.

Первый ночлегъ мы имѣли верстахъ въ пятидесяти отъ рѣки. Сыра, на какихъ-то несчастныхъ колодцахъ. Обезпечивъ себя цѣпью часовыхъ, потому что уже тутъ не могли считать себя безопасными, въ особенности въ эту пору года, отъ бродившихъ по степи шаекъ барантачей (грабителей), которые, по малой мѣрѣ, могли бы угнать нашихъ лошадей, мы расположились на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Свѣтлая ночь и озаренная ею степь были великолѣпны. Мы спали до зари.

На разсвѣтъ отрядъ снова потянулся на югъ. Кругомъ все та же зеленая степь съ цвѣтами, черепахи, голубое небо и математически правильная, ничѣмъ не нарушенная линія горизонта. Намъ предстоялъ длинный переходъ, верстъ 50—60, а можетъ быть и болѣе. Здѣсь кстати сказать, что казачьи лошади весьма выносливы, и по утрамъ и вечерамъ, холодкомъ, какъ говорятъ казаки, особенно по мѣстностямъ ровнымъ, идутъ необыкновенно скоро: верстъ шесть, даже семь въ часъ.

Къ полудню, на югѣ, прямо передъ нами начало что-то всплывать надъ горизонтомъ. Это былъ Мирза-рабатъ. Часа черезъ три мы были около этого стариннаго зданія и расположились на привалъ.

Мирза-рабатъ—огромное квадратное каменное зданіе, построено болѣе двѣсти лѣтъ тому назадъ бухарскимъ эмиромъ Абдулаханомъ. Этотъ великій, въ своемъ родѣ, повелитель оставилъ послѣ себя хорошую память постройкою убѣжищъ (рабатъ) для путниковъ на всѣхъ глухихъ пустынныхъ дорогахъ, постройкою каменныхъ цистернъ (сардаба), въ былое время полныхъ водою, нынѣ же заброшенныхъ и сухихъ, каковою оказалась и цистерна около Мирза-рабата. Постройки Абдула-хана, кромѣ голодной степи, разбросаны по всему Бухарскому ханству. Преданія говорятъ, что Абдула-ханъ построилъ всего тысячу сардаба, т. е. цистернъ, и тысячу одну рабатъ. Тамъ, гдѣ онъ отдыхалъ, тамъ выстроены сардаба, а гдѣ ночевалъ—тамъ рабаты.

Отдохнувъ часа два на Мирза-рабатѣ, отрядъ пошелъ впередъ. До ночлега оставалось еще верстъ тридцать съ хвостикомъ. Отрядъ шелъ молча: солнце прошло зенитъ и припекало. Горизонтъ со всѣхъ сторонъ волновался, будто далекое море. Это степное явленіе извѣстно подъ названіемъ *миража* или *марева*. Тѣхъ явленій, какія производятъ это марево въ степяхъ Африки или у береговъ Сициліи (фата-моргана), здѣсь не бываетъ: только верхушки высокихъ построекъ Абдула-хана приближаетъ оно иногда преждевременно къ усталымъ путникамъ, снова прячетъ ихъ въ своихъ волнахъ и затѣмъ опять вольно ходить, переливается на горизонтъ. Къ слову сказать, что въ этой же голодной степи въ послѣднее время я, проѣзжая ночью отъ урочища Агачлы къ г. Джизаку (50 верстъ), видѣлъ извѣстное атмосферическое явленіе: апогеозъ путешественниковъ. При мнѣ былъ только одинъ казакъ, и cadaго изъ насъ сопровождалъ ореолъ съ правою стороны, потому что мѣсяцъ свѣтилъ съ лѣвой. Периодически насъ покрывалъ туманъ и, замѣчательно, тогда кольцо свѣта вокругъ cadaго изъ насъ становилось ярче, законченнѣе.

Мы отошли отъ Мирза-рабата не болѣе 10 верстъ, когда надъ маревомъ впереди насъ всплыла черная точка. Утомленные однооб-

разіемъ окрестностей, всѣ устремили глаза на эту точку. По мѣрѣ движенія нашего впередъ, она начала очерчиваться яснѣе и яснѣе, потомъ начала шириться, наконецъ, дробиться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это или скотъ, или люди. Но если это люди, то кто они? Можетъ быть, это караванъ, можетъ быть, это оказія *), которая по расчету должна была встрѣтиться намъ въ голодной степи; а, можетъ быть, это и рыцари степи—барантчи? Корму въ степи довольно и кормъ въ эту пору соченъ, потому что зеленъ; такъ почему же не могутъ быть передъ нами и барантчи? Имъ тутъ никогда пути не заказаны.

Пока мы, въ самомъ дѣлѣ, разсуждали такъ, кто вслухъ, кто про себя, стало ясно, что передъ нами всадники. Вонъ, нѣсколько человѣкъ поскакали вправо и влево; вонъ, скачутъ и прямо на насъ. Между ними и нашими vis-à-vis было 4—5 верстъ разстоянія. Начальникъ отряда выслалъ впередъ въ карьеръ нѣсколько казаковъ. Разстояніе и густой раскаленный воздухъ положительно не позволяли опредѣлить, что за люди были передъ нами. Мы же все подвигались впередъ.

— Да, это оказія, сказали, наконецъ, нѣсколько человѣкъ разомъ.—Вонъ наши передовые сѣхались съ казаками, которые навѣрное состоятъ въ кошовѣ при оказіи.

Въ самомъ дѣлѣ, передовые наши и противной стороны сѣхались и даже слѣзли съ лошадей. Оказія оказалась изъ взвода пѣхоты и 10 или 15 казаковъ. Они прикрывали нѣсколько купеческихъ арбъ, интендантскаго чиновника и нѣсколько бухарскихъ торговцевъ, ѣхавшихъ въ Ташкентъ.

Когда мы поровнялись съ оказіей, ружья пѣхоты стояли уже въ козлахъ и сама она лежала на травѣ. Купецъ Ө. сказалъ мнѣ, что и они были въ раздумьѣ относительно насъ, пока не сѣхались передовые. Я подошелъ къ лежавшей на травѣ пѣхотѣ—закурить изъ трубки папиросу.

— Эхъ, еще кошомка пріѣхала, говорилъ одинъ солдатикъ, переваливаясь съ боку на бокъ.

*) Здѣсь это слово употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ и на Кавказѣ, т. е. проѣзжіе и транспорты подъ прикрытіемъ пѣхоты или казаковъ.

— Да и много же ее! воскликнулъ другой, и показалъ на проходившія мимо казачьи сотни.

Здѣшняя пѣхота зоветъ казаковъ *кошмой* (кошма—войлокъ) и, въ свою очередь, извѣстна между казаками подъ именемъ *круны* и *колючки*. Впрочемъ, это не мѣшаетъ дружбѣ, и казаки подвозятъ иногда усталыхъ солдатиковъ, причемъ солдатъ и казакъ чествуютъ другъ друга словомъ *землякъ*.

Отдохнувъ съ частью, мы разошлись съ оказіей въ разные стороны. Намъ оставалось до ночлега еще верстъ 20, которыя мы и прошли до заката и стали бивакомъ около каменной цистерны временъ Абдула-хана. Воды въ ней оказалось мало, да и та была плоха. Впрочемъ, утомленные зноемъ и длиннымъ переходомъ, лошади пили понемногу и эту дурную воду. Я зналъ, что туземные возчики (арбакешы) въ этомъ отношеніи весьма запасливы, а потому и купилъ у нихъ для моей лошади четверть ведра воды изъ р. Сыра. Да, голодная степь вполнѣ мастерица познакомить съ усталостью, скукой и жаждой!

Мы снова ночевали подъ открытымъ небомъ и на разсвѣтѣ снова были въ сѣдлѣ. До Джизака оставалось пройти еще верстъ 30. Но это было уже ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что пройдено, потому что на 8 верстъ ближе Джизака, на самой дорогѣ, есть три холма и ключи. Это урочище туземцы называютъ Уштепѣ. Жадно ищеть глазами это урочище ѣдущій съ сѣвера и съ сожалѣніемъ разстается съ тремя холмами ѣдущій съ юга! Вода въ ключахъ прохладна, прозрачна и, послѣ прогулки по степи, необыкновенно вкусна.

Съ подорожи отъ цистерны къ ключамъ направо и налево, а также и прямо по дорогѣ, начинаютъ подниматься на горизонтѣ, подобно тучамъ, горы. Тѣ, что направо, зовутся Чимтау или Чимжурганъ; налево тянется безымянный отрогъ Кашгаръ-давана, называемый иногда Санзаръ-тау; прямо горы Кара-тау.

Нашъ отрядъ поднянулся въ городъ ночью и пошелъ по садамъ далѣе версты на четыре къ лагерю; а мы (т. е. кое-кто изъ офицерства) поѣхали ночевать въ цитадель.

Раннимъ утромъ 18-го марта я пошелъ осмотрѣть джизакскую цитадель. Она весьма невелика и построена внутри города, въ

южной его части. Какъ и во всѣхъ здѣшнихъ городахъ, находясь надъ обрывомъ, она отлично командуетъ городомъ, въ особенности съ сѣвера, гдѣ примыкаетъ къ ней базаръ, и съ запада. Съ восточной стороны цитадель отдѣлена отъ города незначительной стѣной и кое-какимъ ровомъ. Ворота въ нее однѣ, въ сѣверной стѣнѣ, и выходятъ прямо на базаръ.

Городъ Джизакъ весьма невеликъ. Онъ окруженъ тремя стѣнами и все-таки не устоялъ въ 1866 году передъ мощью русскаго солдата.

По дорогѣ въ лагерь мы выѣхали на базаръ. Онъ оказался совершенно крытымъ, и вслѣдствіе этого, пріятно-прохладнымъ. Солдаты, казаки и туземцы сновали туда и сюда, купцы чинно сидѣли въ своихъ маленькихъ лавочкахъ, попивая чай; иные творили намазъ, другіе совершали омовенія. Словомъ, тутъ повторилась та же картина, какую можно любоваться и въ Ташкентѣ, и во всѣхъ туземныхъ городахъ.

Дорога въ лагерь шла между садами; справа, недалеко, высились горы или точнѣе холмы, которыми здѣсь начинается хребетъ Кара-тау, прямо синѣли предгорья Санзаръ-тау, а за ними высились и самый хребетъ того же имени, покрытый снѣгомъ. Намъ встрѣчались солдатики и казаки: они шли и ѣхали въ городъ на базаръ.

Проѣхавъ версты 3—4, мы переправились въ бродъ черезъ ручей и, обогнувъ каменистый мысъ одиноко стоявшей тутъ горы, очутились въ котловинѣ. Передъ нами былъ лагерь. Урочище это называется *ключами*, которые дѣйствительно и бѣгутъ черезъ котловину съ востока. Мѣстность оказалась вообще довольно живописной. Лагерь пѣхоты и артилеріи былъ въ западной части котловины и около мусульманскихъ часовенъ надъ могилами святыхъ, лагерь казаковъ примыкалъ къ упомянутой выше горѣ. Ближе ознакомившись съ мѣстностью, оказалось, что гора эта отдѣляется отъ прочихъ на югѣ узкимъ ущельемъ Гамдумъ-чашъ, а милиціонеры-киргизы не замедлили рассказать, что въ былое время бухарскіе эмиры, посѣщая Джизакъ, разбивали свою ставку на этой горѣ, тогда какъ свита и войска помѣщались по обѣ стороны и у подножія ея. На горѣ мы дѣйствительно нашли небольшую терасу изъ глины и поставили на ней палатки, но въ слѣдующую

же ночь поднялась гроза и вѣтеръ обрушилъ наши жилища, такъ что утромъ мы переехали въ сосѣдство казаковъ, покинувъ недружелюбную къ простымъ смертнымъ гору.

Житье-бытье наше въ лагерь подѣ Джизакомъ оказалось не совсѣмъ привлекательнымъ. Площадъ подѣ лагерьмъ была выбита кѣмъ-то прежде насъ и въ сосѣдствѣ не было ни одного деревца; проходившая близъ лагера иригаціонная канава (арыкъ) была мутна. Въ довершеніе всего начали дуть почти каждый день вѣтры, переходившіе ночью въ бурю съ дождемъ, и мы не рѣдко спали погребенные подѣ нашей войлочной юртой, не выдерживавшей напора вѣтра. Но мы все-таки могли считать себя положительнo счастливыми: казаки вовсе не имѣли юртѣ и спали подѣ открытымъ небомъ, а потому иные прихварывали, хотя и неопасно. Пѣхота, стоявшая въ полуверстѣ отъ насъ, вдоль дороги въ Яны-курганъ, была помѣщена несравненно лучше; но эта разница въ неудобствахъ была весьма естественна: пѣхота тутъ жила постоянно, а мы были людемъ заходящимъ, да и предназначались мы исключительно для передвиженій, для рекогносцировокъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей Джизака, дабы присутствіемъ своимъ здѣсь и тамъ въ средѣ населенія вліять на настроеніе его умовъ.

Устроивъ биваки сотенъ, начальникъ нашего стряда занялся собираніемъ свѣдѣній объ окрестностяхъ и о разбойничьихъ шайкахъ.

Въ ту пору люди, преданные русской власти, говорили, что окрестное населеніе намъ враждебно, что на него сильно вліяютъ сосѣднія бухарскія власти, а именно беки городовъ: Самарканда, Катта-кургана и другихъ, что въ бухарскихъ предѣлахъ, по слухамъ, умы напряжены и настроены враждебно, и что эмиръ стягиваетъ войска къ Самарканду. Подобное положеніе дѣлъ значительно подтверждалось и тѣмъ неопредѣленнымъ въ ту пору положеніемъ въ Ташкентѣ бухарскаго посланника, который тянулъ переговоры съ генералъ-губернаторомъ, перенисывался съ своимъ повелителемъ — эмиромъ, и все-таки настолько плохо велъ дѣла, что весь за-дарьинскій край и сосѣднія бекетва по Зеравшану въ тайнѣ волновались и чего-то ждали.

Ниже мы увидимъ, что ожиданія эти оправдались, благодаря смутному состоянію умовъ и той анархіи, которая искони присуща

среднеазиатскимъ обществамъ. Теперь же вернемся къ нашей службѣ въ Джизакъ.

19-го марта были получены черезъ мѣстныхъ жителей свѣдѣнія о присутствіи въ горахъ на юго-западѣ отъ Джизака шаекъ изъ полукочеваго узбекскаго племени кыркъ-юзовъ. Лазутчики говорили, что, не подчиняясь ни бухарскимъ, ни нашимъ властямъ, кыркъ-юзы и даже таджики изъ кышлаковъ: Кокъ-булака, Джинишке, Саурука и другихъ высылаютъ горами шайки на яны-курганскую дорогу. Главной цѣлью сформированія нашего отряда на «ключахъ» было преслѣдованіе этихъ шаекъ и вообще осмотръ окрестностей, а потому, въ ночь съ 20-го на 21-е марта, мы выступили изъ лагеря въ горы въ ущелье Гамдумъ-чашъ, что у самого лагеря, какъ сказано выше, и черезъ долины; Кюябашъ и Аузь-кинъ мы вошли въ хребетъ Кара-тау ущельемъ Беришакюль.

До ущелья отрядъ шелъ рысью верстъ около 20-ти; мѣсяцъ показался поздно и какъ разъ ту пору, когда мы подступили къ ущелью Беришакюль. Дорога по немъ была узка и камениста. Не даромъ слово беришакюль значитъ: путь одного ишака (оселя). Каменистая тропинка переходила то къ правой, то къ лѣвой сторонѣ ущелья, и тянулась вслѣдъ за нимъ въ горы все глубже и глубже. Мѣстами тропинка шла надъ обрывами по сплошнымъ хрящеватымъ массамъ песчаника или известняка *), поднималась надъ ущельемъ и показывала намъ освѣщенные мѣсяцемъ вершины горъ и голову отряда въ то время, какъ хвостъ его былъ еще на днѣ ущелья. Отрядъ шелъ справа по одному.

— Да, это совсѣмъ кавказская дорожка, говорилъ осетинъ Баркаевъ, служившій при начальникѣ отряда и вполнѣдствіи убитый въ дѣлѣ подъ Катта-курганомъ.

Но по мѣрѣ того, какъ отрядъ переваливалъ хребетъ, направляясь на южный склонъ его, ущелье становилось шире, дорога сглаживалась. Тутъ ущелье принимаетъ названіе Арбатюнь. Мы пошли справа по три. Русская нога въ этой мѣстности до насъ не бывала.

Переваливъ на разсвѣтѣ хребетъ, мы шли по холмистой дорогѣ до полудня. Затѣмъ, подробно освѣдомившись объ окрестностяхъ

*) Эти породы въ горахъ Кара-тау преобладаютъ.

у бывшихъ съ нами волонтеровъ-туземцевъ, мы изъ словъ ихъ могли заключить, что находимся уже на бухарской территоріи, потому что до бухарской крѣпости Чалеса оставалось не болѣе 40 верстъ; а за нею въ 30-ти верстахъ Самаркандъ.

Начальникъ отряда не имѣлъ приказаній относительно рекогносцировки мѣстностей бухарскихъ, при томъ же у насъ не было точныхъ топографическихъ свѣдѣній, а потому мы не рисковали идти далѣе впередъ, хотя и были недалеко отъ кышлака Кокъ-булака и другихъ разбойничьихъ притоновъ.

Давъ нѣсколько-часовой отдыхъ усталымъ людямъ, мы двинулись въ обратный путь, и на другой день (22-го марта) къ вечеру были уже въ лагерѣ на «ключахъ», у Джизака.

Въ лагерѣ мы нашли прежнюю пыль и скуку, такъ что всѣ снова желали куда нибудь идти—въ горы-ли, въ степь-ли, все равно, только не сидѣть праздно въ душной юртѣ, съ утра до ночи. Желанія наши скоро сбылись: прошелъ слухъ, что начальникъ отряда имѣетъ намѣреніе идти въ деревни на юго-востокъ отъ Джизака по южному склону Санзарскихъ горъ. Деревни эти при бухарцахъ были въ вѣдѣніи джизакскаго бека, но по занятіи нами Джизака, онѣ плохо платили подати или не платили ихъ вовсе ни намъ, ни бухарскому правительству. Кромѣ того, слышно было, что случившійся не задолго до нашего прихода угонъ скота изъ крѣпости Заamina былъ произведенъ партіей будто бы изъ этихъ кышлаковъ.

Мы были совсѣмъ готовы идти по этому направленію, когда изъ Ташкента было получено предписаніе идти въ Богданатинскую волость на встрѣчу отряда майора Г., который въ ту пору ходилъ по горамъ Кара-тау и возвращался къ главному отряду въ Яны-курганъ. И вотъ 24-го марта, раннимъ утромъ, мы снова пошли къ знакомому намъ ущелью Беришакюль, и на этотъ разъ дошли таки до деревни Кокъ-булакъ. Она оказалась весьма небольшою и пустою. Найденный въ оврагѣ пастухъ-узбекъ объяснилъ, что не далѣе, какъ вчера, жители выгочевали въ горы, какъ это они всегда дѣлаютъ въ эту пору года, потому что тутъ нѣтъ корма для скота. Узбекъ говорилъ также, что и другіе кышлаки пусты по той же причинѣ. Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ по-

вернуть къ горамъ, которая были за нами. Вожакамъ приказано было вести отрядъ вдоль южнаго склона, прямо на западъ.

Мы были рады походу и не думали о его трудностяхъ. Кочевая жизнь по горамъ и разнообразіе видовъ, теплый, свѣжій весенній воздухъ и зелень, конечно, были привлекательнѣе пустынного и скучнаго въ ту пору Ташкента, или нашего пыльнаго лагеря подъ Джизакомъ. Въ горахъ мы съ апетитомъ ѣли, крѣпко спали, были здоровы и веселы.

Утро 25-го марта было ясное и мы двинулись по живописной мѣстности къ подъему на перевалъ Кумбилькой-ташъ: предгорья и степь зеленѣли; на вершинахъ лежалъ снѣгъ.

Около полудня мы поднялись на первую терасу хребта и продолжали ѣхать еще часа два или три, замѣтно поднимаясь все выше и выше. Это ясно было и потому, что сѣлоны и степь позади насъ казались почти у нашихъ ногъ, покрытыми дымкой утреннихъ испареній низменности.

Наконецъ, мы достигли гребня и остановились лицомъ на сѣверъ, любуясь открывшейся предъ нами картиной. Направо и налево тянулись вдаль снѣжные зубцы и конусы горъ; перемѣшанные съ зеленѣющими долинами и красными или сѣрыми стѣнами овраговъ, щелей и желтыми глинистыми склонами холмовъ; у ногъ нашихъ начиналась глубокая впадина, поросшая кустарникомъ, по лѣвому боку ея вилась узкая-узкая дорожка, по которой намъ нужно было спускаться. Направо и налево отъ впадины, постепенно понижаясь къ сѣверу, тянулись и высились горы, плоскогорья и холмы; за ними что то синѣло внизу, то была долина Аузь-кинъ; далѣе снова поднимались горы Чимтау и за ними разстилалась, казалось, безпредѣльная ширь и гладь... То была голодная степь. Съ лѣвой стороны лежавшей передъ нами впадины закрывала горизонтъ огромная, издалика совсѣмъ синяя гора, царившая надъ всѣми окружающими ее возвышенностями и предгорьями. Эта гора Нурекъ. У подножья ея деревья того же имени, до которой оставалось еще верстъ 20.

Мы начали спускаться по тропинкѣ. Впереди шелъ жокакъ. За нимъ мы вели нашихъ лошадей, потому что животнымъ нуженъ былъ отдыхъ, а главное, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ первыхъ же шаговъ тропинка оказалась весьма узкой и висѣла надъ кру-

тыми обрывами. Лошади ступали осторожно. Мы замѣтно спускались ниже и ниже; становилось прохладно, да и солнце пошло на закатъ. Не болѣе версты прошаи мы, когда тропинка завернула налево, за утесъ, и вывела на площадку. На самомъ поворотѣ близъ утеса, я оглянулся и невольно остановился на нѣсколько мгновений посмотреть, какъ спускались гуськомъ наши казаки; какъ самые дальніе изъ нихъ казались такими маленькими-маленькими и какъ они одинъ за другимъ вытягивались по тропинкѣ. Тѣ, очередь которыхъ выйти на дорожку еще не пришла, конные и лѣшіе, стояли на гребнѣ хребта, картинно освѣщенные солнцемъ. Насъ было въ отрядѣ 600 человекъ, и мы все время шли гуськомъ по узкой тропинкѣ, пока не спустились на дно широкой цветущей долины Аманъ-дара. Вдоль ея шумно бѣжалъ по камнямъ ручей; недалеко лѣпились у крутой горы десятка четыре саклей. Это деревушка Аманъ-дара. Было около пяти часовъ полудни, но, окруженные горами, мы не могли видѣть солнца.

Отдохнувъ съ часъ, отрядъ снова былъ на маршѣ къ Нуреку. Мы шли то долами, то черезъ горы, холмы, постепенно мельчавшіе по мѣрѣ нашего движенія впередъ. На пути мы видѣли только двѣ узбекскія деревушки: Устуханъ и Караканы. Онѣ невелики и въ эту пору были пусты. Въ одномъ ущельѣ найдены нами двѣ узбекскія юрты; то были бѣдняки, они не имѣли вьючныхъ животныхъ, а потому они и не могли уйти вмѣстѣ съ другими въглубь горъ.

Солнце давно уже было за горами, когда отрядъ подошелъ къ Нуреку. Деревня эта оказалась значительнѣе другихъ, пройденныхъ нами, и съ обитателями. Они тоже узбеки. Сакли ихъ въ безпорядкѣ лѣпились у восточнаго подножья той огромной горы, которую мы видѣли съ гребня хребта. Вблизи гора оказалась еще громаднѣе; она изъ сплошнаго известняка и невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Говорили что въ подножь горы будто-бы много щелей, въ которыя прячутся иногда жители, какъ это они и сдѣлали въ ожиданіи насъ, въ особенности женщины — грязное и жалкое старье; мы посылали джигитовъ убѣдить ихъ, что они безопасны, что намъ, кромѣ барановъ, куръ и клевера, ячменя и дровъ, ничего не нужно, что за все будутъ заплачены деньги и никто обижень не будетъ.

Дикіе, но добрые и простодушные узбеки скоро удовлетворили всѣ нужды отряда.

Лагерь нашъ расположился въ саду, сплошь поросшемъ тѣнистыми персиковыми деревьями. Садъ примыкалъ къ оврагу, на днѣ котораго шумѣлъ по камнямъ ручей; за нимъ начинались пройденныя нами плоскогорья, а далѣе высались горы. 26-го марта мы дневали въ Нуретѣ. Вечеромъ, часовъ около десяти, отрядъ былъ поднятъ на ноги сильнымъ подземнымъ ударомъ, отъ котораго поколебались и сами горы, потому что по нимъ пошелъ гулъ и громъ отъ обвалившихся камней и скалъ; не молчало, конечно, и эхо, такъ, что въ общемъ вышло явленіе довольно грозное. Чуть-ли не этотъ ударъ отразился и на Ташкентѣ, повредивъ многія зданія, въ томъ числѣ старый домъ генераль-губернатора. 27-го марта мы пошли по горамъ впередъ, т. е. на западъ, къ деревнѣ Яны-кышлакъ. Мѣстность имѣла тотъ же характеръ, съ тою лишь разницею, что всюду были видны слѣды земледѣлія: ирригаціонныя каналы и плантаціи. Мы миновали деревни: Курбанъ-ходжа, Казы, Мухамбиръ, Акъ-тюбе, Чильбасканъ, Кипчагай, Койбасаръ и нѣсколько хуторовъ.

Деревня Яны-кышлакъ оказалась поселеніемъ довольно значительнымъ и среди живописной мѣстности. Вожакъ и милиціонеры говорили намъ, что жители рады нашему приходу, потому что это избавляетъ ихъ, хотя на короткое время, отъ постоянныхъ опасеній разбойниковъ и бухарскихъ конныхъ командъ, которыя будто бы хуже какихъ угодно грабителей. Команды эти стояли въ ту пору въ 20 верстахъ на югъ отъ Яны-кышлака, за хребтомъ, въ деревняхъ: Карабалъ, Гараша и Асакичу. Начальникъ отряда послалъ во всѣ три деревни лазутчиковъ. Къ вечеру двое вернулись, впрочемъ, безъ особенныхъ новостей, третій былъ задержанъ въ Карабалѣ.

Мы стали бивакомъ среди деревни на большой площади. Не прошло и часа, какъ въ одномъ углу ея образовался рынокъ. Жители вынесли живность и фуражъ...

Все офицерство сидѣло за общей походной трапезой у начальника отряда, когда вошелъ въ юрту нашъ вожакъ. Онъ объяснилъ, что милиціонеры признали здѣсь одного человѣка, кото-

рый недавно бѣжалъ изъ-подъ ареста изъ яны-курганскаго лагеря и даже увелъ при этомъ двухъ артиллерійскихъ лошадей.

— Я задержалъ его, говорилъ вожакъ. Джигиты пошли по деревнѣ, извѣстно зачѣмъ—выпить, если случится, бузы *) или молока и нашли его, т. е. человѣка, въ одной саклѣ... Старикъ тутъ есть одинъ, большой пьяница и мотъ... Варить бузу, продавать ее и тѣмъ кормится. Жена у него молодая и не безъ грѣха... Такъ вотъ у этого-то старика и пріютился разбойникъ. А зовутъ его Умрузакъ. Онъ былъ подъ арестомъ и въ Джизакѣ, да убѣжалъ; потомъ попался въ Яны-курганъ и оттуда ушелъ... Теперь опять попался. Какъ прикажете?...

— А вотъ мы закусимъ, а потомъ посмотримъ твоего героя, сказалъ начальникъ отряда. А ты пока приведи его сюда...

Черезъ полчаса, когда мы вышли изъ юрты, вожакъ нашъ представилъ намъ Умрузака. Это былъ небольшой по необыкновенно широкоплечій чловѣкъ, лѣтъ 30, смуглый, босой, почти въ рубищѣ. Онъ съ первыхъ же вопросовъ сознался въ побѣгѣ, и когда подполковникъ Ш., шутя, спросилъ его: убѣжитъ ли онъ снова изъ-подъ караула? Онъ простодушно отвѣчалъ, что про то знаетъ Богъ.

Я заинтересовался Умрузакомъ и расспрашивалъ о его прошломъ. Оказалось, что онъ персіянинъ, сынъ раба какого-то бухарскаго богача, что онъ еще мальчикомъ проданъ въ рабство, вмѣстѣ съ отцомъ выросъ въ рабствѣ, но съ годъ тому назадъ ушелъ отъ господина и бродитъ, разбойничая, по горамъ. Вожакъ укорялъ его, что онъ захватилъ лѣтомъ 1867 года въ голодной степи поручика Служенко, вырученнаго потомъ, весною 1868 года, послѣ семимѣсячнаго плѣна въ Бухарѣ; но Умрузакъ въ этомъ не сознался. Можетъ быть, онъ и принималъ участіе въ нападеніи, но отвезъ поручика Служенко въ рабство, навѣрное, кто нибудь другой, потому что Умрузаку и самому нельзя показаться въ Бухарѣ: прежній хозяинъ посадилъ бы его на цѣпь.

Я невольно задумался надъ этимъ чловѣкомъ. Въ дѣтствѣ оторванный отъ семьи, безъ прошлаго, настоящаго и будущаго, Умрузакъ былъ правъ передъ тѣмъ обществомъ, на счетъ кото-

*) Опьяняющій напитокъ изъ риса или проса.

раго онъ существовалъ, ежечасно находясь между жизнью и смертию. Ему не было другаго поприща, какъ голодная степь или горы съ ихъ невѣдомыми тропинками, щелями и пещерами, и не дай Богъ мирному путнику встрѣтиться оъ Умрузакомъ, или съ подобными ему, среди голодной степи, или заслонить ему горную дорожку!... Бронзовый и, кажется, весь изъ однихъ мускуловъ, онъ, какъ дикій звѣрь, кинется на добычу, и судьба ея рѣшена.... Я спрашивалъ также Умрузака о воровскихъ шайкахъ, но онъ сообщилъ о нихъ столько же, сколько знали и всѣ окрестные обыватели, т. е. что шайки есть, что главные притоны ихъ въ кышлакахъ и ущельяхъ на южномъ склонѣ хребта, что ближайшія къ границѣ бухарскія власти, напримѣръ, Омаръ, бекъ чалекскій, и Якубъ, бекъ катта-курганскій, покровительствуютъ грабителямъ, которые постоянно находятъ пріютъ въ ихъ резиденціяхъ—Чадекѣ и Катта-курганѣ, и проч. На приказаніе показать въ данную минуту ближайшій разбойничій притонъ, Умрузакъ отвѣчалъ, что онъ, бѣжавъ изъ Яны-курмана, до послѣдняго времени жилъ въ саклѣ старика, а потому ничего не знаетъ.

Умрузакъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, былъ сданъ подъ караулъ въ дежурную сотню, а потомъ, по прибытіи въ Джизакъ, переданъ коменданту этой крѣпости. Но кто повѣритъ? около половины апрѣля, т. е. почти черезъ двѣ недѣли послѣ ареста, Умрузакъ снова бѣжалъ изъ подъ караула въ свои горныя трущобы и логовища. Не даромъ и самое имя его въ переводѣ значитъ: долгая жизнь!

Переночевавъ въ Яны-кышлакѣ, мы, 28-го марта, пошли обратно въ нашъ лагерь колесною дорогою по степи, у сѣвернаго подножья хребта, и пройдя верстъ на десять кышлакъ Нурекъ, имѣли ночлегъ въ полѣ, а 29-го марта пришли въ лагерь на «ключакъ».

Несмотря на горныя дороги, жаръ и форсированные переходы, больныхъ за все время оказался одинъ, но и тотъ ѣхалъ верхомъ до самого лагеря. Лошадей за все время ослабѣло двѣ; изъ нихъ одна брошена въ горахъ.

Прогулка по горамъ доставила намъ много пріятныхъ впечатленій и только неопредѣленное положеніе, въ которомъ находилось тогда населеніе горъ по долинамъ и ущельямъ, наводило на раз-

думье. Готовое подчиниться русской власти, населеніе это жило въ ту пору въ постоянномъ страхѣ отъ пограничныхъ бухарскихъ властей, мало стѣснявшихся въ распоряженіяхъ своихъ въ этой мѣстности, несмотря на недавнее разореніе нашими командами деревень: Учмы и Ухума, не говоря уже о проходѣ этихъ командъ по кышлакамъ, что, составляя мѣру временную, приносило мало пользы: каждый разъ съ уходомъ команды или отряда, населеніе, оберегая себя, относилось къ подданическимъ обязанностямъ двоедушно и одинаково чествовало бухарцевъ и русскихъ. А потому въ населеніи горъ много всякаго оружія, которое, конечно, необходимо было жителямъ въ ихъ неопредѣленномъ положеніи. Кто знаетъ, можетъ быть даже въ то время, когда мы были въ какомъ либо Нурекѣ или Яны-кышлакѣ, разбойники укрывались тамъ же по-одиночкѣ и жители боялись ихъ выдать? Умрузакъ былъ открытъ совершенно случайно и, безъ сомнѣнія, ушелъ снова въ Яны-кышлакъ.

Итакъ, 29-го марта, мы снова были дома, подъ кровомъ нашихъ дыржавыхъ войлочныхъ юртъ, праздные, безпечные и скучные: только разъ въ недѣлю приходилось надѣть шашку и развести вокругъ лагеря часовыхъ на ночь. Для разнообразія, мы перешли лагеремъ ближе къ городскимъ садамъ, на совершенно свѣжее, чистое мѣсто *). Мы соблюдали строгій порядокъ по отпращиванію караульной службы и всѣ предосторожности, въ особенности ночью, а въслѣдствіи убѣдились, что это полезно. Ночи проходили не всегда спокойно: обыкновенно со стороны пѣхотнаго лагеря доносился къ намъ ружейный выстрѣлъ... Тогда всѣ брались за оружіе и выходили на линейки. Въ сторону выстрѣла посылался небольшой разъѣздъ, привозившій обыкновенно одинъ и тѣ же вѣсти, что къ пѣхотной цѣпи подѣзжали какіе-то всадники, не отвѣтили на окликъ часоваго и часовой исполнилъ свою обязанность:—стрѣлялъ, а всадники ускакали въ ближайшія къ лагерю горныя щели. Такъ было не два и не три раза, пока казаки не поймали передъ фронтомъ боеваго бивака бухарскаго лазутчика, точнѣ вора, пробиравагшася ползкомъ къ лошадямъ,

*) Тутъ теперь упраздненное укрѣпленіе Ключевое.

а, можетъ быть, и къ задремавшимъ русскимъ головушкамъ, до которыхъ бухарцы въ ту пору были весьма охочи, потому что получали за нихъ отъ эмира и бековъ въ награду халаты. Незадолго передъ захватомъ лазутчика, рядовой 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона Худорожкинъ былъ найденъ, среди бѣлаго дня, на большой проѣзжей дорогѣ между лагеремъ и городомъ Джизакомъ безъ головы!...

Головорѣзъ, пробравшійся къ намъ, былъ схваченъ 8-го или 9-го апрѣля въ семь или восемь часовъ вечера, когда была уже выставлена вокругъ лагеря цѣпь. Она ставилась обыкновенно въ саженяхъ 20 или 25 отъ фронта частей и состояла изъ постовъ (въ 3 человѣка), на 10 саженъ одинъ отъ другаго. Казаки наини какъ и выше было сказано, за неимѣніемъ палатокъ, спали открыто на землѣ, и только Богъ одинъ знаетъ, какъ они выносили бурныя, дождливыя ночи! Казачьи постели были около ружейныхъ козель, которыя, впрочемъ, на ночь и въ бурные дни разбирались, чтобы не портить винтовокъ, и казаки спали, обнявшись съ ними; день и ночь по фронту ходилъ часовой. Тутъ же лежали сѣдла, фуражъ, сухари и проч. Неудобства подобнаго помѣщенія были ощутительнѣе, когда поутру не оказывалось хлѣба, мяса и т. п., унесенныхъ за ночь голодными собаками. Съ послѣдними у казаковъ шла непрерывная война, а потомъ вскорѣ привелось побороться и съ человѣкомъ.

На правомъ флангѣ фронта ракетнаго дивизіона укладывались спать двое казаковъ: оренбуржецъ и уралецъ.

— А что, пожалуй, за ночь опять вымочить, сказалъ одинъ.

— Чего добраго. Вишь, темъ какая, тучи, отвѣтилъ другой, позѣывая.

— Э!... вонъ опять вчерашняя собака, прошепталъ первый казакъ, и тихо вытащилъ изъ ноженъ лежащую около него шашку; другому счастливо попался въ руку валунъ, которыхъ множество валялось по всему казачьему становищу. Подпустивъ собаку поближе, казаки бросили въ нее одинъ—шашкой, другой—камнемъ. Собака поднялась на задніе лапы и стала человѣкомъ. Казаки, конечно, тоже вскочили.

— Сартъ!! крикнулъ одинъ.

— Да; передъ ними стоялъ человѣкъ съ двумя обнаженными шашками. Но въ тоже мгновеніе часовой, возвращавшійся съ противоположнаго фланга фронта, по слову: «сартъ», побѣждалъ ногою и смекнувъ въ чемъ дѣло, махнулъ татарина дуломъ винтовки прямо въ голову, тогда и безоружные казаки кинулись на сорванца и, послѣ небольшой борьбы, благополучно, не поранивъ себя, скрутили его.

Все это случилось, конечно, въ одно мгновеніе, такъ что лежавшіе тутъ же казаки не всѣ успѣли встать; да большинство изъ нихъ уже спало. Молодца повели къ ставкѣ начальника отряда.

— Вотъ такъ собака, настоящій песъ! острили казаки.

Въ кибиткѣ, при свѣтѣ, разбойникъ оказался малымъ лѣтъ 20, худощаваго, но весьма мускулистаго и гибкаго склада; рубашка и зипунишко его разорвались во время борьбы и лохмотьями висѣли на поясѣ вокругъ стана. На лѣвой щекѣ молодца, ниже глаза, красѣла большая ссадина; изъ нея выступила кровь.

— Кто ты?

— Рабъ Божій... охъ! охъ!

— Зачѣмъ пришолъ?

— Джинъ урды.., охъ! (джинъ—злые духи восточной мѣологии; урды—ударилъ; попросту будетъ: чортъ попуталъ).

Послѣ этихъ слишкомъ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, молодецъ на всѣ вопросы только закатывалъ глаза, охалъ, да завывалъ, корча изъ себя юродиваго, и даже повалился на землю, повторяя то и дѣло: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Мухамедъ пророкъ его!—основный догматъ ислама. Тогда мнимаго юродиваго освѣтили ведромъ воды. Новые спросы, новые охи и лманье. Наконецъ, послѣ долгаго переливанія изъ пустаго въ порожнее, удалось заставить его говорить толкомъ. Молодецъ объяснилъ, что онъ родомъ узбекъ изъ кышлака Каптаръ-хана, вѣдѣнія самаркандскаго бека Ширъ-Али, и прозывается Хошвантъ-Прметовъ; что бекъ послалъ его въ Джизакъ узнать о намѣреніяхъ русскихъ относительно крѣпости Чалека и снабдилъ его шашкой; что онъ, Прметовъ, пришелъ черезъ Яны-хурганъ *), имѣя все время шаш-

*) Тамъ стоялъ въ эту пору нашъ отрядъ.

ку на спинѣ, между плечъ, подъ халатомъ; что въ Яны-курганѣ, гдѣ онъ почевалъ, шашку замѣтили нѣкоторые сарты, но ничего не сказали и русскимъ не объявили; что онъ желалъ также знать число людей въ нашемъ отрядѣ, увести лошадей и, не заѣзжая въ г. Джизакъ, ѣхать прямо въ Самаркандъ, гдѣ о намѣреніяхъ нашихъ относительно Чалэка сказать беку что либо наобумъ, лишь-бы не лишиться обѣщанной денежной награды и халата. Въ намѣреніи увести русскую голову, Ирметовъ не сознался; никакихъ бумагъ, какъ на самомъ арестантѣ, такъ и въ платьѣ его, брошеннымъ имъ частію въ полверстѣ отъ лагеря, не найдено. Бекъ Ширъ-Али хотѣлъ было дать ему какое-то письмо, но взять его Ирметовъ отказался, также какъ отказывался было и отъ шашки, но долженъ былъ захватить ее съ собой, по строгому приказанію бека. Знакомыхъ въ Джизакѣ Ирметовъ никого не имѣлъ, равно какъ и въ данную минуту, въ окрестностяхъ лагеря, не было у него ни конныхъ, ни пѣшихъ пособниковъ, а также и лошади. Между тѣмъ, за поясомъ у него найдена нагайка и не болѣе, какъ черезъ часъ послѣ его поимки, такъ что его едва успѣли сдаты подъ караулъ, въ пѣхотной цѣпи, въ южной части лагеря, раздался выстрѣлъ, и посланный изъ лагеря разъѣздъ сообщилъ, что въ цѣпи подѣзжали конные люди, не отвѣтили на окликъ часоваго и потомъ усаkali въ щель Гандумъ-чашъ.

Очевидно, что показаніе смѣлаго узбека на половину было враньемъ; но добиться полной истины не было возможности, и мы на утро сдали сорванца начальнику Джизакскаго уѣзда.

Впослѣдствіи, передъ самымъ выступленіемъ войскъ къ Самарканду, Ирметовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими преступниками, былъ судимъ въ 24 часа и потомъ разстрѣлянъ при огромномъ стеченіи народа.

Доставивъ намъ въ лицѣ Ирметова нѣкоторое разнообразіе и указавъ намъ быть поосторожнѣе и бдительнѣе, скучная жизнь наша скоро подготовила намъ нѣсколько новыхъ развлеченій, изъ которыхъ одно рѣшило потомъ судьбу Самарканда.

Намъ давно извѣстно было, что еще ранней весной, во время рекогносцировки горъ, высланнымъ изъ Джизака отрядомъ майора Г., эмиръ двинулъ изъ Бухары, на усиленіе гарнизона крѣпости Нуратъ, отрядъ, состоявшій будто-бы изъ 1,000 чело-

вѣкъ, въ числѣ которыхъ находилось болѣе 300 авганцевъ подъ начальствомъ Искандеръ-хана, внука знаменитаго въ исторіи Авганистана эмира Достъ-Мухамеда. Авганцы были въ арміи бухарскаго эмира войскомъ наемнымъ. Отправленные въ Нуратъ, подъ командою своего принца, они, по прибытіи въ названную крѣпость, были отданы подъ начальство коменданта изъ бухарцевъ и терпѣли недостатки: имъ не было выдано содержанія за прошлое время и не предвидѣлось возможности получать его и впредь. Все это, а также какіе-то, будто бы, личные отношенія Искандеръ-хана къ самому эмиру, возникшія, если вѣрить слухамъ, вслѣдствіе притязаній эмира на дорогаго сѣраго коня Искандера, и грубое упорство послѣдняго, были причиною открытаго возстанія авганцевъ въ Нуратъ, смерти сварливаго бухарскаго коменданта, погибшаго во время схватки на улицахъ города, и причиною движенія Искандеръ-хана съ его авганцами и двумя орудіями къ Джизаку, для того, чтобы передаться русскимъ.

Положительныя вѣсти объ этомъ дошли до насъ 11-го апрѣля; но мы не предпринимали ничего, хотя авганцы вступили уже въ районъ нашихъ рекогносцировокъ. Наконецъ, 12-го апрѣля мы получили отъ начальника Джизакскаго уѣзда, полковника Н., предложеніе идти на встрѣчу авганцамъ, обезоружить ихъ и проводить въ нашъ лагерь на «Ключахъ». 13-го числа, въ 7 часовъ утра, мы выступили изъ лагеря, въ составѣ трехъ сотенъ и ракетнаго взвѣзона, по дорогѣ на деревню Нурекъ, черезъ которую должны были пройти авганцы. До Нурека считаютъ² примѣрно, 40 верстъ. На половинѣ этого разстоянія, версты на три вправо отъ дороги нами были замѣчены конные люди. Погода стояла ненастная: шелъ мелкій дождь, было туманно. Желая удостовѣриться въ конныхъ людяхъ, показавшихся вправо, начальникъ отряда послалъ туда на рыскахъ оренбургскую сотню и вскорѣ былъ увѣдомленъ командиръ этой сотни, что конные люди никто другіе, какъ авганцы. Тогда и мы повернули направо, пославъ предварительно впередъ джигита сказать авганцамъ, чтобы они стянулись, по возможности, въ одно мѣсто, потому что конные и пѣшіе, они видѣлись по всей дорогѣ въ одиночку, по двое, по трое, тамъ и сямъ. Скоро мы встрѣтили Искандеръ-хана, ѣхавшаго къ намъ на

встрѣчу. Это былъ довольно видный (послѣ оказалось, что только верхомъ) съ характерною фізіономіею человѣкъ, лѣтъ 35—36. Онъ былъ на спорномъ сѣромъ конѣ, съ выстриженною по туркаменски гривой и подъ англійскимъ сѣдломъ. Кругомъ Искандеръ-хана были нѣкоторые изъ его сподвижниковъ. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы поѣхали къ авганскому фронту. Около 100 авганцевъ, въ ихъ разнообразныхъ и живописныхъ костюмахъ, вооруженные съ ногъ до головы, стояли вдоль дороги; офицеры были впереди и салютовали своими азіатскими саблями и шашками по-европейски; музыканты: трубачи, флейтисты и барабанщики играли встрѣчу; орудія: одно бухарское, другое англійское легкое, наръзное, стояли на лѣвомъ флангѣ; два зеленые значка были передъ серединой фронта.

Авганцы, народъ исключительно молодой, хотя были между ними и совсѣмъ сѣдые старики, народъ видный, казались все-таки утомленными переходами, недостаткомъ пищи и схватками съ бухарцами, преслѣдовавшими ихъ почти неотступно во время движенія къ Джизаку, причѣмъ, по словамъ ихъ, они, за неимѣніемъ хлѣба ѣли траву и все-таки шли, отстрѣливаясь. Наши казаки отдали имъ своей хлѣбъ и табакъ. Искандеръ-ханъ и его офицеры были угощены начальниками нашего отряда, причѣмъ пили за здоровье Государя Императора, и авганцы стрѣляли изъ своихъ пушекъ. Затѣмъ имъ приказано было сложить оружіе. Они исполнили это, хотя и не безъ подтвержденій со стороны Искандеръ-хана и прочихъ офицеровъ. Искандеръ-ханъ съ офицерами сохранили свои сабли; значки были отданы въ одну изъ сотенъ. Нелзя было не замѣтить на лицѣ Искандеръ-хана и прочихъ авганцевъ какого-то сосредоточеннаго выраженія, когда они стояли безоружные вокругъ огромной кучи ружей, ятагановъ и проч. Конечно, въ это время, что нибудь зашевелилось въ душѣ этихъ авантюристовъ-воиновъ, служившихъ и у персидскаго шаха, и у бухарскаго эмира и, наконецъ, отдавшихъ подъ высокое покровительство Бѣлаго Царя.

Оружіе авганцевъ состояло: изъ ружей и пистолетовъ разныхъ калибровъ и системъ, начиная съ тульскихъ двухстволокъ и кончая англійскимъ карабиномъ ятагановъ, большей части высокаго достоинства, сабель, также весьма недурныхъ, и небольшихъ то-

поришковъ. Кромѣ того, у каждаго авганца было по шиту, по одному патронташу, а у нѣкоторыхъ, вмѣсто ятагановъ, имѣлись какіе то своеобразные ножи, похожіе на палаши, съ длинными мѣдными эфесами и безъ ноженъ. Послѣ (на Зирабуланѣ), команда авганцами, я видѣлъ, какъ сѣдой старикъ авганецъ работалъ этимъ страшнымъ инструментомъ, схвативъ его обѣими руками и бросивъ поводя на шею лошади.

Въ этотъ разъ у авганцевъ было только 30 лошадей, частью подъ орудіями, частью подъ ранеными въ схваткахъ съ бухарцами во время отступленія, или подъ особенно слабыми, и, наконецъ, подъ офицерами. Между ранеными я видѣлъ нѣсколько весьма красивыхъ всадниковъ, благодаря выразительнымъ фізіономіямъ, цвѣтистой одеждѣ и добрымъ статнымъ кабульскимъ коней.

Обезоруживъ эмигрантовъ и навьючивъ оружіемъ ихъ нашихъ казаковъ, мы двинулись къ Джизаку, подбирая по дорогѣ пѣшихъ, обезсилѣвшихъ, хромыхъ, босыхъ и оборванныхъ авганцевъ. Казаки и даже мы, офицеры, везли ихъ за сѣдлами, и благословеніямъ не было конца. Мы прибыли въ лагерь къ вечеру того же дня, усталые и мокрые насвозь, потому что дождь оставилъ насъ только подъ самымъ городомъ Джизакомъ.

Авганцы были расположены недалеко отъ нашего лагеря, гдѣ было приготовлено для нихъ, по возможности, все необходимое. Оружіе и пушки авганцевъ были оставлены пока въ нашемъ лагерьѣ. Къ авганцамъ нарядили пристава — офицера, понимавшаго персидскій языкъ, и команду изъ 10 казаковъ. На другой день оружіе и пушки свезли въ джизакскую цитадель и сдали коменданту

Съ самого утра зарядилъ тоскливѣйшій мелкій дождь и едва пересталъ къ вечерней зарѣ. Дырявые джуламейки наши совсѣмъ раскисли, а потому мы просидѣли въ юртѣ подполковника Ш. часовъ до 11 ночи (а ночь была «тюрьмы черной»). Я, вмѣстѣ съ сожителями своими хорунжимъ Б. и корнетомъ Атамкуломъ (впослѣдствіи бѣжалъ въ Хиву, гдѣ и зарѣзанъ ханомъ), забрался уже было, не раздѣваясь, подъ войлокъ, какъ въ сторонѣ пѣхотнаго лагеря грянулъ ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, потомъ залпъ, потомъ равнуло орудіе и пошла писать баталія!... Накинувъ на себя шашки и захвативъ револьверы, мы, сломя голову, побѣжали на свои мѣста.

Прибѣжавъ въ сотню, я засталъ казаковъ моихъ уже на ногахъ. Запретивъ имъ стрѣлять, такъ какъ впереди, саженьяхъ въ 25, на арыкѣ лежали два нашихъ секрета, я взялъ шесть казаковъ и пошелъ къ арыку, чтобы заложить тамъ еще два секрета; старые секреты окликнули меня и притихли. Положивъ два новые поста, я остался на одномъ изъ нихъ, ближайшемъ къ пѣхотному лагерю; тамъ огонь становился уже рѣже; орудія замолакли; только одиночные ружейные выстрѣлы слышались изрѣдка, да на восточномъ фасѣ нашего лагеря тоже раздавался выстрѣлъ... Передъ нами бѣжалъ арыкъ.

— Ваше благородіе, а черезъ воду кто-то идетъ, шепнулъ мнѣ казакъ. Я прислушался. Въ самомъ дѣлѣ, правѣ насъ арыкъ зажурчалъ сильнѣе, потомъ послышались шаги многихъ лошадей по сплошнымъ валунамъ, покрывающимъ эту мѣстность и доселѣ.

— Окликни, сказалъ я казаку.

— Кто идетъ?! заревѣлъ онъ дикимъ голосомъ.

Молчаніе.

— Громче.

Снова окликъ и никакого отвѣта.

— Батай на шумъ, шепнулъ я казаку, и пуля полетѣла въ темноту. Топотъ усилился, а потомъ опять сильнѣе обыкновеннаго зашумѣлъ арыкъ; значитъ, всадникъ повернулъ вспять...

— Опять катать на шумъ, сказалъ я, и двѣ пули полетѣли туда же.

Послѣ этого я обошелъ мои четыре поста, подтвердилъ не стрѣлять безъ оклика и вернулся къ сотнѣ. Ко мнѣ подошелъ отрядный адъютантъ и спросилъ о причинѣ выстрѣловъ.

— Да, сказалъ онъ, получивъ отъ меня объясненіе, вотъ и въ 11-й сотнѣ сотникъ Н. также былъ въ секретѣ и, лежа, ясно видѣлъ по землѣ *) всадниковъ; тоже выстрѣлилъ, да гдѣ тут попадешь, если ничего невидно дальше носа...

— Положимъ, что тутъ и самого носа невидно; но все-таки теперь къ намъ не сунутся, потому что знаютъ, что мы не спимъ, да и у пѣхотнаго лагеря они, кажется, уже отбиты...

*) Это казачье выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, лежа, ночью по ровной мѣстности видно сравнительно очень далеко.

Между тѣмъ, въ лагерѣ пѣхоты огонь совершенно замолакъ; на востокѣ заблѣло. Ночь прошла незамѣтно, потому что въ тревогѣ время идетъ вообще очень скоро. Приказано было сѣдлатъ коней, и скоро двѣ сотни съ ракетнымъ дивизиономъ скрылись за ближайшими предгорьями.

Въ лагерѣ остались три сотни; но двѣ изъ нихъ: моя и есаула Р., числясь въ джизакскомъ гарнизонѣ, были въ расходѣ; третья — есаула Б., имѣла полный составъ. Такимъ образомъ, въ лагерѣ было до 200 чиновъ (половина слабыхъ, въ томъ числѣ два тяжело-больныхъ офицера), болѣе 300 лошадей, казачье имущество и фуражъ. Начальство надъ лагеремъ было поручено мнѣ. Правда, ожидать новаго нападенія было не откуда, но ушедшія въ погоню сотни могли зарваться и заночевать въ полѣ, а потому я, на всякій случай, опредѣлилъ численность силъ, тѣснѣе сдвинулъ коновязи и биваки и выслалъ на ближайшія горы конные пикеты. По временамъ, пріѣзжали съ этихъ пикетовъ казаки и докладывали, что по горамъ никого не видно, но что далеко-далеко слышны выстрѣлы...

Было часа два пополудни, когда мнѣ дали знать, что къ намъ скачетъ киргизъ, джигитъ корнета Атамкула. Я вышелъ изъ юрты на встрѣчу киргиза, и онъ, едва доскакавъ до меня, бросилъ къ ногамъ моимъ развернутую чалму, запачканную въ крови... Онъ не могъ говорить отъ сильной одышки; лошаденка его едва стояла на ногахъ....

— Ты раненъ? спросилъ я. Отдай лошадь... что новаго?

Джигитъ прыгнулъ съ сѣдла.

— Догнали, нашли... началъ онъ, задыхаясь. — Вотъ (онъ швырнулъ ногою чалму)... Вотъ (онъ вынулъ изъ-за пазухи и бросилъ на землю эфесъ сабли)... Вотъ (онъ опрокинулъ ножны, и оттуда вылѣзъ клинокъ безъ эфеса)... Какъ ударилъ, такъ и сломалась. — Айда! айда! кричалъ онъ. Полковникъ велѣлъ. Тамъ много, много... Я перемѣню лошадь и опять туда.

Полковникъ велѣлъ, подумалъ я; а какъ же лагерь?

— Бухарцы бѣгутъ? спросилъ я потомъ чисто машинально.

— Всѣ бѣгутъ.

— А далеко отсюда?

— Верстѣ 15 будетъ.

Зачѣмъ же: полковникъ велѣлъ? разсуждалъ снова я. Не превралъ ли чего этотъ бѣшеный дикарь. А лагерь? А слабые? А ночь? Вѣдь дѣло уже къ вечеру.

— А много бухарцевъ? спросилъ опять я.

— Человѣкъ 400 будетъ.

Я подумалъ, что нашихъ двухъ сотенъ съ ракетнымъ дивизиономъ даже много на 400 человѣкъ сволочи, и рѣшилъ про себя не оставлять лагерь. Между тѣмъ, разспрашивая киргиза, я не замѣтилъ, что есаулы Б. и Р. стояли у меня за спиною.

— Надо скакать туда, сказалъ старый есаулъ Б.

— А лагерь? спросилъ я.

— Что лагерь? Здѣсь никто не тронетъ. Полковникъ, говорить, велѣлъ.

— Это что нибудь не такъ. Джигитъ прискакалъ перемѣнить лошадь и больше ничего. Да и куда теперь скакать, за семь верстѣ киселя ѣсть? не застанете. Впрочемъ, вы состоите въ гарнизонѣ и мнѣ не подчинены, а потому какъ знаете...

— Мы еще успѣемъ захватить дѣло, сказалъ Р., и оба офицера побѣжали къ своимъ сотнямъ.

Скоро они, предводимые тѣмъ же джигитомъ, на свѣжей лошади скрылись за увалами...

Часовъ около шести вечера, съ пикета прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что сотни возвращаются. Въ самомъ дѣлѣ, скоро на ближайшемъ увалѣ показалась голова колонны; потомъ до насъ долетѣли пѣсни и бубны. Есаулы Р. и Б. тащились сзади.

Кони и люди были утомлены до послѣдней степени: почти сумки ничего не ѣли. Начались рассказы.

Оказалось, что, войдя въ ближайшую горную щель, наши увидали слѣды многихъ лошадей, потомъ наткнулись на бараньяго пастуха, который отозвался полнѣйшимъ незнаніемъ чего либо.

— Тогда я выхватилъ саблю, говорилъ неукротимый Атамкулъ, и замахнулся ею на узбека, онъ струсилъ и разсказалъ, что партія сейчасъ вотъ за этимъ уваломъ, что она захватила у него нѣсколько десятковъ барановъ, пригрозила ему и отправилась дальше.

Началась погоня... Но я не припомню подробностей, потому что слишкомъ много было рассказчиковъ, да и времени прошло не мало. Помню только, что 30 непріятельскихъ всадниковъ остались

на мѣстѣ и болѣе 30 лошадей, да трое плѣнныхъ были приведены въ лагерь.

Всѣ единодушно хвалили храбрость Атамкула. Изъ всѣхъ онъ одинъ только былъ сильно ушибленъ батикомъ *) въ бокъ, да лошадь его получила сабельный ударъ по мордѣ.

— Молодецъ Атамкулъ, говорилъ докторъ И., пріѣхавшій перевязать раненыхъ плѣнныхъ.

— Я и тебя не забылъ, отвѣтилъ ему Атамкулъ. Пойдемъ...

Мы подошли къ лошадямъ. Атамкулъ приказалъ своему джигиту отвязать отъ сѣдла переметныя сумки и въ нихъ оказались... двѣ мертвыя головы... Докторъ отскочилъ въ ужасѣ.

— Ты говорилъ: мнѣ нужно; я ученый... Привези, Атамкулъ... Я и привезу... **).

— Оно такъ... Да все-таки я шутилъ... Прикажите ихъ лучше зарыть...

Атамкулъ одну ногу держалъ на мертвой головѣ.

— Ай, ай! какой вы!... вскрикивалъ докторъ.

Подошелъ начальникъ отряда.

Что вы дѣлаете, Атамкулъ, сказалъ онъ укоризненно, и какъ вы это успѣли? Заройте, заройте и впередъ знайте, что будете за это виноваты...

— Они съ русскими головами тоже дѣлаютъ, оправдывался Атамкулъ и швырнулъ голову ногою.—Зарой! закричалъ онъ своему джигиту.

Джигитъ, приземистый малый, равнодушно сложилъ головы въ сумку и пошелъ ихъ хоронить.

Явился въ лагерь Искандеръ-ханъ.

— А чѣмъ бы вы стали защищаться, если бы бухарцы кинулись на васъ? спросилъ его докторъ.

— Мы победили бы ихъ камнями, прежде нежели они взойли бы на нашу гору, не задумываясь отвѣтилъ предводитель авганцевъ.

Въ эту же ночь была отправлена съ донесеніемъ летучка въ Ташкентъ. Кромѣ того, начальникъ отряда просилъ начальника уѣзда поторопиться отправленіемъ туда же и авганцевъ, и вотъ,—

*) Палка съ чугуннымъ наконечникомъ.

**) Надобно замѣтить, что Атамкулъ заслужившійся киргизъ-милиционеръ.

черезъ день они тронулись, предшествуемые своими музыкантами; мы проводили ихъ за городъ...

Черезъ три дня, поздно вечеромъ, пріѣхалъ изъ Ташкента командующій войсками Сыръ-дарьинской области. Начальникъ отряда, взявъ съ собою Атамкула и небольшой конвой, отправился въ городъ, въ квартиру генерала.

— Зачѣмъ вы берете съ собою ружье? спросилъ я Атамкула.

— А можетъ быть и пригодится, отвѣтилъ онъ, надѣвая чепезъ плечо охотничью одностволку.

Оно такъ и случилось. Я былъ дежурнымъ по лагерю. Ночь была темная и подувалъ вѣтерокъ. Обходя цѣнь, я въ сторонѣ города услышалъ одинъ за другимъ три выстрѣла...

— Вотъ одолѣли, проклятые, ворчали казаки.

Предположивъ, что нашъ объѣздъ, посланный въ этомъ направленіи, наткнулся на какихъ нибудь подозрительныхъ людей и завязалъ съ ними перестрѣлку, я вызвалъ изъ дежурной сотни десять казаковъ и поѣхалъ на выстрѣлы. Впрочемъ, въ нѣсколькихъ стахъ саженой отъ лагеря я встрѣтился съ Атамкуломъ. Онъ ѣхалъ рысью и, слышавъ насъ, сдержалъ лошадь...

— Кто ѣдетъ?

— Свои.

Когда мы съѣхались, Атамкулъ разсказалъ, что, возвращаясь отъ генерала съ двумя казаками, онъ, недалеко отъ города, наѣхалъ на какую-то толпу и окликнулъ ее по русски; но невѣдомые всадники въ отвѣтъ на это повернули коней и маршъ маршъ...

— Я за ними, говорилъ Атамкулъ, да вслѣдъ имъ и бухнулъ изъ ружья, а потомъ и казаки... Мошенники ускакали должно быть вправо, къ горамъ, а я поспѣшилъ доложить генералу, а потомъ сюда... Что же теперь дѣлать?...

— Да вамъ пока ничего; а мнѣ нужно будетъ ѣхать съ рапортомъ къ генералу... До свиданія, и я отправился далѣе.

Ночь была очень темна, а между стѣнъ обсаженныхъ деревьями, мракъ былъ еще гуще. Впрочемъ, скоро на одномъ поворотѣ за уголъ намъ ударилъ въ глаза свѣтъ фонаря: то былъ подполковникъ Ш. Принявъ рапортъ, онъ приказалъ мнѣ ѣхать въ пѣхотный лагерь и именемъ генерала привести оттуда стрѣлковую роту, которую и расположить на ночлегъ въ нашемъ лагерѣ...

Взявъ съ собою одного казака, я поѣхалъ исполнить приказаніе. По дорогѣ опасности отъ непріятеля быть не могло, но за то была опасность другого рода, едва ли не худшая: опасно было не услышать за шумомъ арыковъ и вѣтромъ оклики пѣхотнаго часоваго и наскочить на пулю... Но все обошлось хорошо, и я благополучно вернулся въ свой лагерь.

Прибывшіе вскорѣ изъ пѣхотнаго лагеря стрѣлки стали подтрунивать надъ нашими казаками, что ихъ нужно караулить и т. под.

— Не насъ, говорилъ одинъ казакъ; а, вишь, какую палестину мы захватили лагеремъ. Нельзя: лошади, клеверъ: Для твоей крупы мѣста надо не много, а намъ надо поле... А самихъ-то насъ мало: въ аказіяхъ, слабые...

— А и для кошомки нужно мѣста много, острилъ солдатъ.

— Колючка, такъ колючка и есть, отбивался казакъ. А ты завтра погляди, на чемъ мы лежимъ?... Ты только прошлую ночь не спалъ: пострѣлялъ маленько, а мы вотъ уже, почитай, третьи сутки на ногахъ... За алганцемъ *) ходили... Это разъ. Опять бухарца гнали... Это два. Вотъ пришли, опять покою нѣтъ... Это три. А можетъ быть и нынче ночью спать не дадутъ, а тамъ опять въ аказію погонять въ голодную степь... Такъ-то вотъ! Вишь, орда поднялась... Бить ее надо, проклятую...

Черезъ два или три дня послѣ этого разговора прибылъ въ Джизакъ и самъ командующій войсками Туркестанскаго военного округа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, и начали стягиваться войска изъ Ташкента, Чиназа, Ура-тубе и Ходжента. Вернулись съ половины пути къ Чиназу и авганцы, которые, на призывъ генерала Кауфмана, изъявили желаніе драться противъ бухарцевъ...

28-го апрѣля мы пошли къ Самарканду...

*) Такъ казаки и солдаты зовутъ авганцевъ.

II.

походъ въ долину Зеравшана.

29-го апрѣля всѣ войска окончательно стянулись къ Яны-кургану, что въ двадцати пяти верстахъ отъ Джизака, и на другой день рано тронулись къ урочищу Ташъ-купрюкъ—*каменный мостъ*. Тутъ теперь наше укрѣпленіе, носящее послѣднее наименованіе, а въ ту пору ничего не было, кромѣ какихъ-то полуразвалившихся саклей, стѣнокъ и нѣсколькихъ десятинъ клеверу.

Тогда говорили, что мостъ минированъ, однако мы благополучно прошли по немъ и стали лагеремъ на клеверныхъ поляхъ. Кругомъ не было ни души, только на югѣ, на высокому барханѣ, стояла кучка всадниковъ. То былъ непріятельскій пикетъ. Ночь прошла благополучно, и на утро мы тронулись далѣе. Пройдя верстъ десять, мы достигли спуска въ долину Зеравшана... Какая разница! Позади насъ была холмистая, почти голая степь, а передъ нами разстилась залитая весенней зеленью долина рѣки, уходившая на востокъ въ горы, а на югѣ и западѣ пропадавшая въ синевѣ горизонта.

Въ авангардѣ шли милиціонеры; за ними казаки, а потомъ, распѣвая пѣсни, мѣрно двигалась пѣхота съ артилеріей; сзади всѣхъ тянулся громадный обозъ на арбахъ. Непріятель еще не показывался. Въ долинѣ мы прошли нѣсколько кышлаковъ; они были брошены жителями. Безчисленные мосты и мостики черезъ арыки, къ удивленію нашему, были цѣлы, иначе намъ долго пришлось бы возиться съ переправой. Скоро, однако, милиціонеры дали знать, что показался непріятель. Начальникъ кавалеріи, подполковникъ Ш., приказалъ мнѣ нагнать милицію и строго подтвердить: отнюдь не открывать огня, пока этого не сдѣлаетъ непріятель. Взявъ съ собой вѣстового, я поѣхалъ впередъ и нашелъ милиціонеровъ столпившимися на мосту близъ какой-то глиняной стѣны; рядъ высокихъ деревьевъ по берегу арыка закрывалъ ихъ отъ непріятеля. На мосту я увидѣлъ тысячи полторы всадниковъ, разъѣзжавшихъ по полянѣ; нѣкоторые изъ нихъ слѣзли съ лошадей, и не прошло минуты, какъ пуля въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ ударила въ глиняную стѣну. Подожени было глупое

идти впередъ съ 50 или 60 джигитами, или вернуться назадъ?... Я приказалъ моему вѣстовому отвѣтить на выстрѣлъ, то же сдѣлали и нѣкоторые милиціонеры. На выстрѣлы эти тотчасъ же появился подполковникъ Ш. съ своимъ адъютантомъ и нѣсколькими казаками, а потомъ и начальникъ полевого штаба, полковникъ П. Я доложилъ, въ чемъ дѣло. Полковникъ П. приказалъ своимъ конвойнымъ казакамъ дать залпъ; должно быть онъ не причинилъ вреда бухарцамъ, потому что непріятельскіе всадники начали напирать, подвигаясь къ намъ ближе и ближе, такъ что милиціонеры наши, сперва постепенно отступавшіе, въ концѣ концовъ стремглавъ помчались назадъ. Мы русскіе, остались одни, а между тѣмъ передовые всадники непріятеля неслись уже въ карьеръ въ какихъ нибудь трехъ стахъ саженьяхъ. Волей-неволей пришлось и нашей горсти поворотить оглобли, что мы и привели въ исполненіе. Но въ тоже время бухарцы, предположивъ, что мы ведемъ ихъ на засаду, разомъ остановили своихъ лошадей, да и хорошо сдѣлали, потому что черезъ нѣсколько десятковъ сажень мы встрѣтили двѣ уральскія сотни, потомъ подошли оренбургцы, а вслѣдъ за ними рысью пришелъ дивизионъ Оренбургской казачьей артилеріи, и подѣхалъ одинъ изъ нашихъ генераловъ.

Такова была наша первая встрѣча съ бухарцами 1-го мая Г. Лыко, описывая походъ къ Самарканду («Военный Сборникъ», 1870 года), выразилъ, что 1-го мая казаки *бѣжали*. Справедливость же требуетъ сказать, что отступление десяти-пятнадцати русскихъ передъ полутора тысячей всадниковъ не бѣгство. Въ этихъ случаяхъ поспѣшное отступление даже необходимо, и едва ли кто могъ бы признать дѣломъ разумнымъ, еслибы, ни за что, ни про что, были изрублены четыре офицера (изъ которыхъ одинъ начальникъ штаба, а другой начальникъ кавалеріи) и нѣсколько казаковъ? Это ободрило бы только непріятеля и дурно повліяло бы на наши войска. Бѣжали джигиты-киргизы, а мы стояли, и только по командѣ начальника штаба повернули лошадей. Такова истина.

Едва миновали мы тотъ же самый мостикъ, который проѣхали впередъ, и по приказанію генерала разставили орудія, какъ съ непріятельской стороны явился богато одѣтый бухарецъ и, называя себя посланникомъ, объявилъ, что привезъ мирный

договоръ. Генераль отослалъ его къ командующему войсками, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, а мы расположились ждать. Непріятельскіе всадники мелькали передъ нами между деревьями впереди, на одну версту разстоянія. Мы ждали часа полтора. Приискалъ казакъ съ запиской къ генералу и мы тронулись впередъ; значитъ, подумали мы, будетъ дѣло. Непріятель отступалъ по мѣрѣ нашего движенія, и черезъ нѣсколько верстъ сдѣлалъ новую попытку остановить насъ: открылъ огонь; но нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ и нѣсколько ракетъ снова осадили его, и мы, медленно подвигаясь между садовъ, черезъ арыки и мостики, увидѣли, наконецъ, вдали гору Чупанъ-ата, сплошь покрытую массаами бахарцевъ. Ясно было, что тамъ насъ ждалъ отпоръ.

Когда всѣ войска вышли на равнину передъ высотами, занятыми непріятелемъ, мы, казаки, получили приказаніе отгѣснитъ напавшія на нашъ обозъ справа конныя толпы. Въ одно время съ нами тронулись на штурмъ высотъ и пѣхотныя колонны... Едва подошли онѣ къ берегу ближайшаго рукава Зеравшана, какъ по всему гребню высотъ, на разстояніи полуторы версты, забѣлѣли клубки дыма и началось дѣло 1-го мая 1868 года. Непріятель стрѣлялъ изъ тридцати орудій; съ нашей стороны сдѣлано было всего нѣсколько выстрѣловъ. Пѣхота, съ цѣпью стрѣлковъ впереди, молча и грозно шла, не разбирая ни камней, ни воды, а послѣдній рукавъ рѣки перешла почти вплавь... Казаки, имѣя передъ собою конныя толпы, выдерживали огонь лѣваго фланга непріятельской позиціи, а потому неизбежно позже пѣхоты поднялись на горы, за которыми разстилался Самаркандъ. Здѣсь и тамъ лежали убитые и кучки халатовъ и сапоговъ, брошенныхъ защитниками священнаго города. Было около шести часовъ вечера. Съ горъ замѣтно было въ городѣ сильное движеніе, надъ нимъ пылъ: то уходили жители и бѣжавшія съ позиціи войска.

Мы расположились почевать на горахъ. Въ тотъ же вечеръ къ генералу фонъ-Кауфману явились депутаты отъ города, и на утро 2-го мая мы вступили въ столицу Тамерлана.

— «Господа, сегодня замѣчательный день!» сказалъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, когда во дворцѣ эмира, подо-

диль со свитой къ тому «зеленому» камню, съ котораго грозный Тимуръ повелѣвалъ поэмромъ. Да, день былъ дѣйствительно замѣчательный. Вступая на почву пѣюгда славнаго города, мы невольно возстановляли въ памяти суровые образы историческихъ личностей той эпохи, когда татарскіе владыки вращали судьбами многихъ государствъ и народовъ, въ томъ числѣ и русской земли.

Почти въ тоже время умиралъ смертельно раненый наканунѣ подпоручикъ Туркестанскаго стрѣльцоваго баталіона Губинъ, и на утѣшенія товарищей отвѣчалъ, что безъ жертвъ войны не бываетъ, что онъ знаетъ о своей близкой смерти, но утѣшается тѣмъ, что «мы въ Самаркандѣ».

Утвердившись въ этомъ городѣ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ видахъ упроченія нашего положенія въ долину Зеравшана, произвелъ нѣсколько наступательныхъ движеній противъ сосѣднихъ наиболѣе значительныхъ бухарскихъ осѣдастей. Такъ, 6-го мая небольшой отрядъ двинулся на сѣверъ отъ Самарканда къ укрѣпленію *Чалекъ*, брошенному гарнизономъ, и, разрушивъ тамъ цитадель, 8-го числа возвратился въ Самаркандъ. 12 мая была послана колонна къ г. *Ургуту* (на югъ отъ Самарканда), значительному пункту, который 13-го числа и былъ взятъ атакой садовъ, гдѣ засѣли жители, поражая наступавшія войска огнемъ изъ ружей и камнями изъ пращей; раны послѣдними были не менѣе серьезны, чѣмъ и огнестрѣльные. Третій отрядъ направленъ былъ изъ Самарканда къ *Катта-кургану* (на западъ отъ Самарканда) и 17-го подошелъ къ этому городу. По дорогѣ мы не видѣли непріятеля; зато послѣ страшнаго зноя, на совершенно безводной мѣстности, сильная, невиданная здѣсь доселѣ гроза совершенно переимѣнила войска, такъ что, когда нѣсколько разъяснилось, нѣкоторыя орудія оказались среди арбъ обоза и т. п. Я командовалъ тогда авганской милиціей, о которой упоминалъ уже въ предыдущей главѣ.

— А что вы думаете объ этой грозѣ? спросилъ я Искандер-хана, когда мы, закрывъ головы, стояли спиною къ вѣтру и граду, а лошади наши жались подъ нами отъ сыпавшихся на нихъ льдинокъ. — Я, на мѣстѣ ихъ, напалъ бы теперь на русскихъ. Они, конечно, думаютъ въ настоящую минуту, что Богъ

не допускаетъ невѣрныхъ къ правовѣрному городу Катта-кургану. Не такъ ли?

— Эта гроза—благодать Божія, отвѣтилъ Искандеръ-ханъ.— Я видѣлъ, что солдаты едва шли отъ зноя и жажды, а теперь смотрите...

Недалеко отъ насъ солдаты, припавъ къ лужѣ, тянули мутную воду.

— А вѣдь молодцы наши солдаты? замѣтилъ я.

— Это Рустемы; каждый изъ нихъ Рустемъ, говорилъ Искандеръ, уподобляя нашего добраго солдатика знаменитому богатырю персидскаго эпоса.

Гроза миновала; войска пришли въ порядокъ и грянули пѣсни. Правда все на насъ было мокро, хоть выжми, но зато воздухъ такъ очистился и такъ легко дышалось, что о грозѣ всѣ немедленно забыли.

Вечеромъ этого дня явились депутаты отъ города, а на другой день утромъ мы заняли Катта-курганъ. Въ цитадели были оставлены три роты, а прочія войска стали лагеремъ въ одной верстѣ отъ города по дорогѣ въ Бухару.

Черезъ два дня (21-го мая) прибылъ въ Катта-курганъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ и въ тотъ же день пріѣхалъ посланецъ отъ эмира съ мирными условіями. Впрочемъ, переговоры кончились ничѣмъ, да и нельзя было прійти къ мирному соглашенію съ эмиромъ, потому что не успѣлъ еще генералъ фонъ-Кауфманъ вернуться въ Самаркандъ, какъ 23-го мая, въ полдень, шайка извѣстнаго авантюриста, султана Садыка, кинулась на маркитантскихъ верблюдовъ, ходившихъ на подножномъ корму недалеко отъ лагеря, и погнала ихъ прочь. 6-я и 10-я оренбургскія сотни прежде другихъ успѣли сѣсть на конь, бросились преслѣдовать барантачей и отбили скотъ обратно *)

На другой день командующій войсками возвратился въ Самаркандъ.

25-е мая прошло спокойно, хотя войска постоянно были наготовѣ; на небольшихъ курганахъ около лагеря дежурили орудія.

*) Въ этомъ преслѣдованіи принимали участіе и авганцы; но мы видѣли непріятеля лишь издалека, хотя и проскакали отъ лагеря верстѣ 10.

Впрочемъ, безопасная лагерная жизнь шла своимъ чередомъ; мы изрѣдка ѣздили на фуражировку и перестрѣливались съ узбеками.

26-го мая роту саперовъ и моихъ авганцевъ послали въ Самаркандъ въ прикрытіе за обозомъ съ порохомъ, ружьями и фальконетами, взятыми въ Катта-курганъ. Благополучно доставивъ транспортъ по назначенію и будучи посланъ впередъ къ коменданту самаркандской цитадели узнать, гдѣ поставить транспортъ, я на пути былъ потребованъ къ генералу фонъ-Кауфману. Генералъ жилъ во дворцѣ эмира и, какъ говорили, былъ въ то время не совсѣмъ здоровъ. Меня ввели въ темный залъ, гдѣ, на первыхъ порахъ, со свѣта я ничего не могъ разглядѣть.

— Подойдите сюда, услышалъ я голосъ генерала, и тутъ только я едва различилъ, что онъ сидитъ въ креслѣ, а за нимъ стоитъ докторъ Н.

— Благополучно вы прошли? Не видѣли дорогой никого? спросилъ генералъ.

Я доложилъ, что непріятеля мы не видѣли, но слышали, что не далѣе, какъ вчера вечеромъ, когда мы подходили къ деревнѣ Карасу, дорогу намъ пересѣкла конная шайка изъ долины, по направленію къ горамъ.

— Это они стягиваются къ Кара-тюбе. Я послалъ туда отрядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подъѣзжая къ городу, я на мѣстѣ лагеря нашелъ лишь одни дымившіеся костры, и на вопросъ мой: гдѣ войска? прохожій обыватель, молча, махнулъ рукой по направленію горъ.

— А въ Катта-курганѣ все спокойно? снова спросилъ генералъ.

— Вчера было все тихо, отвѣчалъ я, хотя непріятель жигитовалъ передъ лагеремъ цѣлый день.

Послѣ оказалось, что въ то же самое число (27-го мая), а потомъ и на другой день (28-го), бухарцы нападали на наши войска подъ Катта-курганомъ, а самаркандскій отрядъ одновременно сражался съ кенегезами (шахрисябцы) у Кара-тюбе. Очевидно, что у непріятеля былъ какой нибудь планъ; но онъ, конечно, оказался неудачнымъ, такъ какъ противникъ былъ вездѣ отбитъ.

На другой день (29-го мая) было получено донесеніе изъ

Катта-курмана, что туда стягиваются все войска бухарцев для решительных действий. Поэтому генерал-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, оставивъ въ Самаркандѣ четыре линейныхъ и одну саперную роты, выступилъ 30-го мая на соединеніе съ катта-курманскимъ отрядомъ. 1-го іюня мы были уже въ Катта-курманѣ, а 2-го, рано до разсвѣта, вышли изъ лагеря навстрѣчу бухарскихъ войскъ.

Погода стояла прекрасная. Въ авангардѣ, какъ и всегда, шли милиціонеры съ есауломъ Б., затѣмъ главныя силы авангарда, въ которомъ находилась вся кавалерія, подъ общимъ начальствомъ полковника Пистолькорса (нынѣ генералъ-маіоръ). Мы отошли верстъ восемь, когда на высокомъ курганѣ увидѣли неприятельскій пикетъ; но онъ скоро снялся и кругомъ снова не было ни души. Небольшая плоская возвышенность скрывала отъ насъ неприятеля; выйдя на нее, мы увидѣли передъ собою совершенное подобіе чупанъ-атинской позиціи: бухарцы заняли артилеріей Зирабулакскія высоты; внизу за окопами, длинной красной лентой стояли сарбазы, а вся стѣпь налѣво (т. е. передъ правымъ флангомъ неприятельской позиціи) была покрыта многими тысячами всадниковъ. Въ это время въ нашемъ арьергардѣ заговорили орудія: это бухарскіе наѣздники кинулись на обозъ. Одинъ выстрѣлъ, другой, третій—насъ остановили. Пистолькорсъ построилъ свои войска въ двѣ колонны, а въ интервалъ поставилъ бывшія съ нами четыре конныя казачьи орудія. Стоявшій передъ нами неприятель молчалъ, но это продолжалось недолго. 3-й линейный баталіонъ съ своимъ храбрымъ командиромъ, подполковникомъ Барановымъ, примкнулъ въ нашему лѣвому флангу и выслалъ стрѣлковъ; за 3-мъ баталіономъ выстроились нѣшіе аванцы, а за ними начали строить фронтъ лѣво и другія части, также выдвинувшія въ цѣпь стрѣлковъ. Такимъ образомъ, сформировалась наша атакующая линія, и по сигналу: «наступленіе» мы пошли впередъ.

Неприятель открываетъ безвредный огонь съ высотъ; въ центрѣ нашей линіи ему отвѣчаютъ изъ батарейныхъ орудій, и наши казачьи пушки ждутъ молча; стрѣлки въ цѣпи шлютъ пулю за пулей въ красную линію сарбазовъ, откуда также долетаютъ до насъ изрѣдка шальные пули. Вотъ упалъ раненый солдатикъ, вотъ другой. Разстояніе между нами и неприятелемъ сокращается

съ каждымъ шагомъ; мы ясно видимъ черныя бороды и блѣдныя лица сарбазовъ. Пистолькорсъ строитъ насъ въ густую колонну и, вмѣстѣ съ орудіями, въ карьеръ ведетъ почти къ самому неприятельскому фронту.—Съ передковъ долой! и картечь свистѣтъ по вражьиимъ рядамъ.

— Подать картофелю! слышится голосъ балагура-фейерверкера, требующаго картечный зарядъ.

Сарбазы даютъ по насъ совершенно безвредный залпъ: у нихъ гладкоствольныя плохія ружья. Сарбазы колеблются и поворачиваютъ къ намъ спины. Молча наступавшая дотолѣ пѣхота наша бросается теперь бѣгомъ съ крикомъ: «ура!» — и лѣваго фланга неприятельской позиціи не существуетъ. Что было въ это время на правомъ флангѣ неприятеля, не знаю; но говорили, что тамъ сарбазы стояли крѣпко.

Разстроенные сарбазы начали отступать въ гору безпорядочными толпами, изрѣдка пуская навстрѣчу намъ пулю. Казаки и шедшіе въ хвостѣ колонны аванцы были направлены рысью въ гору, вслѣдъ отступавшему неприятелю. Вдругъ потянулъ съ востока вѣтерокъ и началъ подувать все сильнѣе и сильнѣе, закрывая пылью изъ-подъ нашихъ же лошадей быстро отступавшія толпы сарбазовъ. Мы были уже въ полугорѣ, когда, пустивъ въ атаку головныя сотни нашей колонны, Пистолькорсъ подскочилъ къ намъ.

— Атакуйте этихъ! закричалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и показывая на кучку, человекъ въ 150, принимавшихъ все вправо и вліво, чтобы скрыться въ соседней глубокой водомоинѣ.

Мы поскакали впередъ. Тутъ мой бодрый конь едва не измѣнилъ мнѣ: онъ споткнулся на трупъ и упалъ на колѣна; но Богъ спасъ меня—я успѣлъ, иначе былъ бы раздавленъ скакавшими за мной въ нѣсколькихъ саженьяхъ аванцами; конь поднялся, и мы, едва различая другъ друга въ облакахъ пыли, едва сознавая себя среди всей этой суматохи, выстрѣловъ и кликовъ, смѣшались съ сарбазами. Нѣсколько минутъ—и все кончилось уничтоженіемъ этой кучки до послѣдняго человѣка: аванцы были злы на бухарцевъ, а потому безпощадны; притомъ же война, въ особенности азіятская, не любитъ лишннихъ разговоровъ. Нужно было наказать дерзкаго врага, нужно было сломить гордыню эмира, а потому

въ этотъ день въ нашей кавалеріи ни одной сабли и шашки не осталось чистой отъ крови.

Говорили, что изъ шести тысячъ сарбазовъ только тысяча собралась въ г. Карминэ, остальные разбѣжались, или пали въ этотъ день на Зерабулакѣ; послѣднихъ было болѣе трехъ тысячъ. Мои авганцы также были не безъ потерь: шесть человекъ были ранены; изъ нихъ одинъ смертельно, который черезъ нѣсколько часовъ и умеръ. Сарбазы отмахивались прикладами, а у нѣкоторыхъ были штыки и сабли; зарядить же ружей они не успѣвали, или же не имѣли патроновъ, вѣроятно выпущенныхъ еще внизу, съ заваловъ. Эти регулярныя войска эмира, — народъ высокій, здоровый и бородатый, — были одѣты въ красныя куртки и черныя смужковья шашки; изъ-подъ куртки висѣла бѣлая рубаха до края голенищъ огромныхъ и неклюжихъ сапоговъ.

Мы были на гребнѣ Зерабулакскихъ высотъ, на краю каменной кручи; спуститься внизъ не было рѣшительно никакой возможности, а между тѣмъ я получилъ приказаніе занять мостъ, видѣвшійся вправо на арыкѣ Нарпай; поэтому мы должны были повернуть назадъ, чтобы найти удобный спускъ. Когда мы отыскали его и стали спускаться съ горы по водомоинѣ, то показавшаяся надъ нами, на горѣ вправо, пѣхота наша, принявъ насъ за бухарцевъ, такъ какъ авганцы были въ чалмахъ, открыла было по насъ огонь; къ счастью, находившійся при мнѣ за драбанта и вмѣстѣ съ тѣмъ за вахмистра, молодой уральскій казачекъ Мукаевъ поскакалъ въ гору и остановилъ выстрѣлы.

Проскакавъ верету по хлѣбнымъ полямъ, мы достигли моста и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него, совершенно неожиданно, наткнулись не толпу узбековъ, вооруженныхъ дубьемъ, топорами и т. п. Въ тотъ годъ хлѣба были необыкновенно рослы, такъ что колосъ достигалъ пояса всадника, и вотъ бухарскіе мужички, соблазнившись также перспективою бить русскихъ, засѣли въ хлѣбѣ. Оружіе наше было въ ножнахъ, и когда они неожиданно поднялись изъ хлѣба съ своими палками, то въ первое мгновеніе мы осадили лошадей, а потомъ авганцы гикнули и чуть не смяли меня, Исхандеръ хана и моего казака. Удержать ихъ не было возможности: около 20 мужиковъ было порублено, другіе кинулись на мостъ или въ воду. Большаго труда стоило остановить неу-

протимыхъ авганцевъ. Трубачъ-авганецъ ревелъ въ свою трубу изо всей силы, мы трое помогали ему крикомъ, и все-таки, когда выстроили нашихъ молодцовъ, нѣсколькихъ не было: они перескочили по мосту на другой берегъ за барантой. На мосту былъ поставленъ караулъ, и мы прилегли отдохнуть. Дѣло было кончено; подѣхали наши раненые, изъ которыхъ одинъ былъ чуть живъ и скоро умеръ.

Черезъ часъ меня сняли съ моего поста, и я присоединился къ остальной кавалеріи, у деревни Ширинъ-хатуи, составляющей въ настоящее время пограничный пунктъ Бухарскаго ханства съ Зеравшанскимъ округомъ.

Вышлакъ былъ уже занятъ нашими войсками. Расположивъ авганцевъ, гдѣ было приказано, а именно, на берегу арыка внѣ деревни, я поѣхалъ къ полковнику Пистолькорсу, лежавшему на буркѣ подъ деревомъ. Доложивъ ему, что пѣшіе авганцы, шедшіе при 3-мъ баталіонѣ, привели 10 плѣнныхъ и 1 значекъ, я получилъ приказаніе представить ихъ генералу фонъ-Кауфману.

...Въ узбекской юртѣ я нашелъ казачьихъ офицеровъ въ обществѣ старыхъ и грязныхъ узбекскихъ женщинъ, не успѣвшихъ убѣжать изъ деревни. Офицеры говорили между собой о дѣлѣ и о томъ, какъ Пистолькорсъ захватилъ одно бухарское орудіе. Есаулъ Б. морщился отъ раны пикой въ ногу выше колѣна.

Подъ стѣнами юрты протекалъ Нарпай; въ немъ купались казаки и солдаты; человѣческіе трупы въ халатахъ, чалмы и разная рухлядь плавы по быстрому арыку. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ пошелъ купаться, и мы скоро слышали подъ обрывомъ у берега его голосъ: онъ звалъ насъ, и мы выбѣжали изъ юрты.

— Господа, кричалъ офицеръ, стоя въ водѣ: посмотрите подъ этотъ кустъ: тутъ сидитъ, по шею въ водѣ, старуха и держится за вѣтви; она совсѣмъ оконечѣла.

Мы позвали казаковъ и старуху вытащили; она спряталась тамъ отъ русскихъ. Женщинамъ дали чаю, а одна изъ нихъ, помоложе, принялась разводять огонь и варить на братію барана.

На другой день генералъ фонъ-Кауфманъ сдѣлалъ рекогносцировку по окрестностямъ, причемъ казаки и джигиты захватили множество рогатаго скота и барановъ. Это было большимъ под-

спорьемъ для продовольствія войскъ, потому что купить было не у кого, а насъ было много.

3-го и 4-го іюня мы простояли у Ширинъ хатуна, торжествуя одно изъ лучшихъ дѣлъ, когда либо бывшихъ въ Средней Азіи, а 5-го числа тронулись къ Катта-кургану.

Изъ Самарканда стали доходить смутные слухи, что наши тамъ въ блокадѣ, а потому мы только ночевали въ Катта-курганѣ и поторопились далѣе. 6-го мы были въ Кара-су, а 7-го стали въ восьми верстахъ отъ города. Тутъ было получено седьмое донесеніе *) коменданта самаркандской цитадели объ отчаянномъ положеніи гарнизона, осажденнаго десятками тысячъ узбековъ изъ Шахрисябевъ и жителями Самарканда и его окрестностей.

8-го іюня, раннимъ утромъ, мы подошли къ Самарканду по садамъ, и подъ самымъ городомъ были направлены налѣво, вдоль западной и сѣверной стѣнъ, тогда какъ пѣхота была введена въ самый городъ и частью послана направо, сначала также вдоль западной, а потомъ вдоль южной его стѣны. Нужно было очистить окрестности. Въ городѣ слышались выстрѣлы: то отстрѣливались со стѣнъ цитадели.

Кавалеріи приходилось миновать сперва стѣны цитадели, и, проходя недалеко отъ нихъ, мы видѣли, какъ храбрые защитники, стоя на барбетахъ, снимали шапки и крестились, увидя наше приближеніе. И не мудрено: семь дней выдержала эта слабая горсть русскихъ непрерывныя отчаянныя нападенія почти сорокатысячной массы непріятеля и готовилась уже взорвать пороховой складъ, когда явилась помощь, выручившая оставшихся въ живыхъ геройскихъ участниковъ одного изъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ нашей военной исторіи.

Пройдя цитадель, мы пошли вдоль стѣнъ города и тутъ скоро были встрѣчены фальконетнымъ огнемъ, открытымъ по насъ жителями города; имъ послали одну гранату и продолжали обходить городскихъ стѣнъ. Впрочемъ, непріятель стрѣлялъ плохо, такъ что поранилъ лишь нѣсколько лошадей.

Мы вошли въ городъ черезъ сѣверо-восточныя ворота и по пустымъ улицамъ достигли воротъ цитадели. Тамъ и сямъ по

дорогъ лежали трупы, которыхъ осаждавшіе не успѣли подобрать; нѣкоторые горѣли отъ воспламенившихся на нихъ ватныхъ халатовъ. Ворота цитадели были почти совсѣмъ сожжены, такъ что въ нихъ едва можно было проѣхать, а улицы представляли неописанный хаосъ.

Шахрисябевъ, принимавшихъ столь энергичное участіе въ осадѣ нашего самаркандскаго гарнизона, уже не было въ окрестностяхъ: узнавъ о зерабулакской побѣдѣ и о быстромъ движеніи главныхъ русскихъ силъ въ Самарканду, они поспѣшили удалиться во-сво-яси. Городъ долженъ былъ ожидать отъ русскаго главнокомандующаго рѣшенія своей участи за вѣроломныя дѣйствія его жителей. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ приказалъ казнить нѣсколько человекъ главныхъ заговорщиковъ и руководителей; порядокъ былъ восстановленъ и русская власть утверждена въ столицѣ Тимуръ-ленга.

Прошло нѣсколько дней въ полномъ бездѣйствіи и отдыхѣ, когда вдругъ прилетѣли извѣстія о Монаршихъ наградахъ за штурмъ Самаркандскихъ высотъ 1-го мая. Вскорѣ эмиръ, схватившись, благодаря зерабулакскому погрому, за умъ, выслалъ первые 40,000 рублей наложенной на него полумиліонной контрибуціи. Война была кончена, и общее довольство затемнилось лишь каждодневными похоронами умиравшихъ отъ ранъ товарищей.

*) Шесть первыхъ были перехвачены.

Замѣтка о закѣтѣ въ бухарскомъ ханствѣ.

Закѣтъ (правильнѣе *закатъ*) составляетъ въ мусульманскихъ государствахъ, такъ называемую, *сороковую милостыню*, и долженъ быть вносимъ каждымъ благочестивымъ мусульманиномъ на содержаніе и ремонтъ медресе, мечетей, могилъ святыхъ людей и на веденіе войны съ «неверными». Это—догматъ шаріата. Деспотизмъ владѣтелей среднеазіатскихъ ханствъ далъ этому сбору другое назначеніе: ханы и эмиры присвоили его себѣ и ввели новый порядокъ взиманія закѣта. Въ замѣткѣ моей я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ порядкѣ, какой существовалъ прежде на занятой нами бухарской территоріи, и какой существуетъ и теперь въ Бухарскомъ ханствѣ. Я долженъ оговориться, что предлагаемая мною свѣдѣнія основаны на распросахъ. Такимъ образомъ, я совершенно слагаю съ себя отвѣтственность за неточности моей замѣтки и представляю любознательности каждаго дослѣдовать дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Обнародованіе же добытыхъ мною свѣдѣній я считаю полезнымъ потому, что путемъ сличенія и разспросовъ можно, конечно, отдѣлать ложь отъ истины; если же мы будемъ отвергать распросныя свѣдѣнія только потому, что они могутъ быть неточны, то истина всегда будетъ для насъ закрыта и недоступна.

Кромѣ кушбеги, вѣдающаго закѣтное дѣло въ Бухарѣ, во время бухарскаго владычества были еще двое главныхъ закѣтчи: одинъ изъ нихъ завѣдывалъ участкомъ, въ который входили города: Кармине, Нурата, Хатырчи, Зіатдинъ (Кала-даусъ), Катта-куртанъ, Пянджшанбе, кишлакъ Митанъ и Яны-куртанъ (Дюшанбе). Мѣстопробываніе закѣтчи находилось въ городѣ Хатырчи. Въ настоящее время это ближайшій къ намъ пограничный бухарскій городъ.

Другой участокъ составляли города: Самаркандъ, Ургутъ, Пянджикентъ, Чалыкъ, Дизакъ и Ура-тюбе. Мѣстопробываніемъ закѣтчи былъ г. Самаркандъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ своего участка главные закѣтчи имѣли постоянныхъ довѣренныхъ лицъ; въ другіе города эти лица являлись только въ базарныя дни.

Такъ въ г. Хатырчи, при главномъ закѣтчи, состояло 10 довѣренныхъ; въ Кармине—одинъ (постоянно); въ Нурата—одинъ (наѣздомъ), и въ Катта-куртанъ—одинъ (постоянно); онъ же былъ довѣреннымъ Пянджшанбе, Митанъ, Яны-куртанъ и другихъ пунктахъ, но наѣздомъ.

Въ Самаркандѣ, при главномъ закѣтчи состояло 15 человекъ. Въ Ургутѣ—одинъ (наѣздомъ); въ Пянджикентѣ—два (наѣздомъ, въ іюлѣ, для закѣта съ барановъ, которые въ эту пору пригоняются изъ Гиссара); въ Чиликѣ—четыре (постоянно; на базары ѣздилъ изъ Самарканда—одинъ); въ Дизакѣ—одинъ старшій и шесть младшихъ (постоянно); въ Зааминѣ—одинъ (наѣздомъ); въ Ура-тюбе—три (постоянно). Къ верховьямъ Аму-дарьи и къ киргизамъ посылались обыкновенно особые закѣтчи, исключительно для закѣта со скота: верблюдовъ (у кунградцевъ) и барановъ.

Опредѣленнаго жалованья служившіе по закѣту не получали. Главные закѣтчи представляли въ Бухару, къ кушбеги ту цифру сбора, которая имъ заранѣе была назначена. Это была своего рода торговля. Такъ, напримѣръ, хатырчинскій главный закѣтчи представлялъ съ своего участка въ годъ 20,000 тенегъ, т. е. 4,000 р. или 1,000 тиллей; Самаркандскій—40,000 тенегъ, т. е. 8,000 руб. или 2,000 тиллей.

Итогъ небольшой, а именю 12 т. р. Мнѣ говорили, что общій итогъ, т. е. съ тѣмъ, что удерживалось въ свою пользу закѣтчи и его довѣренными, опредѣлить нельзя, да и ни эмиръ, ни кушбеги и никто другой объ этомъ ни спрашивалъ. Беки въ этомъ дѣлѣ были полновластны: напротивъ, они же удѣляли закѣтчи, какъ слугамъ эмира, изъ хераджа и жаловали ихъ хала-тами. Правда, что все это говорилъ мнѣ прежній самаркандскій закѣтчи, Юлдашъ-бекъ, замѣчательный пройдоха, нажившій себѣ около закѣта порядочное состояніе, подобно курбаши, амлякдарамъ и другимъ представителямъ бухарской администраціи. Люди честные говорили мнѣ совершенно иное, а именно, что закѣтчи представляли кушбеги иногда больше 12,000 руб., иногда и меньше, и что опредѣленной цифры сбора закѣта не было; это весь-

ма вѣроятно потому что закатчи и его людьми руководили тѣ или другія личныя отношенія къ кущбегу и вообще личныя выгоды, также какъ и Юлдашъ-бекомъ, когда онъ рассказывалъ мнѣ о сборѣ закята, руководила цѣль замаскировать его прежнія плутни, за которыя беки обирали, можетъ быть, его самого не одинъ разъ чуть не до гола.

Главнымъ закятнымъ пунктомъ былъ Дизакъ, отъ котораго и къ которому шли и идутъ теперь два главные караванные пути: одинъ по сѣверной степной полосѣ Зеравшанской долины, черезъ Яны-курганъ, Хатчи-мукри *) Джуасъ-хана, Митанъ, Ярбаши, Тасмачи, Хатырчи, Гыждуванъ и Бухара. Это—одна вѣтвь этого пути; другая шла на слѣдующіе пункты: Джуасъ-хана, Акъ-тепе, Зарбандъ, Андакъ, Джизманъ и Нурата. Третья ветвь: Андакъ, Янбашъ, Бургенъ, Мирдашъ, Хатырчи, Кармине и Бухара; или: Хатырчи, Гыждуванъ и Бухара. Четвертая вѣтвь: Акъ-тепе, Майбулакъ, Хушъ-хаузъ, Навандакъ (или на Мирдашъ), Хатырчи и т. д.

Другой, главный караванный путь идетъ по южной, степной полосѣ Зеравшанской долины, черезъ Яны-курганъ, Самаркандъ, Катта-курганъ, Карминъ и Бухару. Вѣтви этого пути суть: 1) Самаркандъ, Джамъ, Чиракчи, Карши и Бухара. 2) Катта-курганъ, Улусъ, Джамъ, Чиракчи, Карши и Бухара. 3) Катта курганъ, Чиракчи, Карши, Шарсабизъ или Керки. Караваны, шедшіе изъ Ташкента, или со стороны Кокана, если они предназначались не для Бухары, или же если они не имѣли квитанцій, оплачивались въ Дизакъ. Караваны же, везшія товаръ собственно въ Бухару, безпрепятственно шли до мѣста своего назначенія—Бухары, гдѣ закеть получалъ съ нихъ кущбеги, что было весьма выгодно и для него, и для его повелителя. Но, по другимъ рассказамъ, въ Дизакъ всѣ караваны, въ томъ числѣ и шедшіе въ Бухару,

*) Съ Хатчи-мукри есть боковая дорога черезъ перевалъ Сауръ-белъ, на еш-лаки: Гараши и Карабдалъ, но она извѣстна подъ именемъ *воровской*, да и не совсѣмъ удобна, потому что весьма гориста. Вообще же говоря, относительно Дизака т. е. въ отношеніи торговомъ, онъ занимаетъ превосходную позицію въ дѣлѣ закята, благодаря тѣмъ путямъ, которые къ нему сходятся. Въ настоящемъ положеніи край—Дизакъ лучший закятный пунктъ и нѣкоторое сосредоточіе въ немъ закятнаго дѣла дастъ несомнѣнная выгода. Какъ пунктъ стратегическій или административный, Дизакъ не имѣетъ значенія.

осматривались и получали до мѣста назначенія записки; впрочемъ, въ Дизакъ иногда не брали закеть съ каравановъ, шедшихъ въ Самаркандъ, гдѣ закеть получалъ съ ихъ самъ главный закатчи. Въ такомъ-же исключительномъ положеніи были и караваны, шедшіе въ городъ Хатырчи, гдѣ также былъ главный закатчи.

Караваны, шедшіе изъ Ташкента, или со стороны Кокана, во всякій другой изъ названныхъ выше пунктовъ, и не имѣвшіе квитанцій во взносѣ годового закята, или подлежавшіе добавочному закету (*бозъ-юфтъ*), оплачивались въ Дизакъ.

Затѣмъ, общимъ правиломъ для каравановъ, шедшихъ изъ Бухары или изъ одного изъ упомянутыхъ выше городовъ, было распоряженіе оплачиваться закетою тамъ, куда караваны эти шли для распродажи своихъ товаровъ. Впрочемъ, распоряженіе это не касалось тѣхъ каравановъ, которые шли въ Ташкентъ, Ходжентъ или Коканъ, и съ которыхъ закеть брался въ Дизакъ или по усмотрѣнію закатчи въ Самаркандъ, а часто и въ Бухарѣ, въ особенности съ торговцевъ значительныхъ. Пояснимъ примѣрами: караванъ, шедшій изъ Бухары въ Самаркандъ, платилъ закеть иногда въ Бухарѣ, иногда въ Самаркандѣ. Караванъ направленный изъ Бухары въ Митанъ, поступалъ также и т. д., по усмотрѣнію кущбеги.

Караванъ изъ Кермине или Нурата въ Митанъ платилъ въ Митанъ *)

Караванъ изъ Катта-кургана въ Хатырчи—платилъ въ Хатырчи, и т. д.

Караванъ изъ Митана въ Ташкентъ—платилъ въ Дизакъ, какъ и всѣ прочіе караваны, шедшіе за предѣлы долины Зеравшана, если они не имѣли квитанцій или если съ нихъ нужно было взять *бозъ-юфтъ* **), или же, наконецъ, если главный закатчи не осматривалъ ихъ въ Самаркандѣ.

Пріемы при взиманіи закята были очень просты. Караванъ прибывалъ въ закеть-сарай и не смѣлъ разбираться безъ позволенія закатчи, за чѣмъ наблюдали или его люди, или *сарайбаны* (хозяева сараевъ), или ихъ работники. Затѣмъ производилась

*) Если попадался повѣренному закатчи; иначе шелъ до Дизака.

**) *Бозъ-юфтъ* по-таджикски: опять нашелъ, т. е. добавочный закеть.

оцѣнка. Большимъ подспорьемъ для закатчи было и то, что онъ почти всѣхъ (а при продолжительной службѣ навѣрное всѣхъ) купцовъ зналъ въ лицо, равно какъ и коммерческія ихъ дѣла.

Базарный закѣтъ подчинялся тѣмъ-же закатчи. Сборъ этотъ никогда значительнымъ не былъ, потому что ему, согласно шаріата, подвергались лишь тѣ базарчи, т. е. посѣтители базара, мѣсто жительства которыхъ отстоитъ отъ базара не менѣе, какъ на 12 ташей (96 верстъ, если принять ташъ въ 8 верстъ). Поэтому на чалекскомъ базарѣ пріѣзжіе изъ Ургута не платили ничего, а базарчи, напримѣръ, хатырчинскіе платили все, что слѣдуетъ. Подобный порядокъ основанъ былъ на какомъ-то уложеніи, называемомъ *меддети-сафаръ*. Уложеніе это очень разумно, потому что, если базарчи пріѣдетъ издалека, то конечно съ товаромъ на значительную сумму, а изъ пунятовъ недалекихъ обыкновенно везутъ на базаръ мелочь, и закѣтъ выходитъ мелочной.

Саваимъ-закѣтъ также подчинялся закатчи. Этотъ закѣтъ, какъ извѣстно, берется въ полѣ, для чего закатчи выѣзжаетъ изъ мѣста пребыванія своего и, разославъ счетчиковъ по кишлакамъ, ожидаетъ ихъ въ какомъ нибудь значительномъ осѣдломъ пунятѣ, гдѣ, въ свою очередь, также считаетъ гурты и затѣмъ беретъ почти съ каждаго 40 барановъ гурта по средней оцѣнкѣ *). Напримѣръ, если въ гуртѣ большой баранъ оцѣненъ въ 40 кокановъ, средній въ 30, мелкій (въ томъ числѣ и ягненокъ) въ 15 кокановъ, то съ первыхъ 40 барановъ гурта берется—30 тенегъ или 6 руб. сереб. что и составляетъ *одинъ закѣтъ*, со 101 *другой* закѣтъ, съ слѣдующихъ сорока *третій* и т. д.; потому мы и находимъ въ квитанціяхъ по савиму выраженія: *взято съ тако-го-то числа барановъ столько-то закѣтовъ*. Впрочемъ, савимъ-закѣтъ въ разныхъ мѣстностяхъ былъ чрезвычайно разнообразенъ и брался въ одной мѣстности съ однихъ только барановъ, въ другой—съ барановъ и козловъ, въ третьей—кромѣ того, еще и съ верблюдовъ. Размѣры этого закѣта также всегда зависѣли отъ власти, сообразно состоянію государственной казны.

*) Надобно помнить, что цифра 40 въ дѣлѣ закѣта имѣетъ значеніе символическое, хотя съ „нефѣрныхъ“ или съ гостей изъ недружелюбныхъ земель эмиръ Ядубъ-бекъ и т. п. владѣтели берутъ закѣтъ безбожно, а подъ-часъ обираютъ своихъ гостей до чиста.

Относительно цифры савима, упомянутый мною выше Юлдашъ-бекъ говорилъ, что въ доходные годы по участку самаркандскаго закатчи цифра эта простиралась до 80 т. тенегъ (4 т. тилля или 16 т. рублей), а въ годы неблагоприятные—едва достигала 50—60 т. тенегъ (или 2—3½ т. тилля). Все это далеко отъ истины, потому что въ 1870 году только въ одномъ Катта-курганскомъ отдѣлѣ я собралъ болѣе 15,000 р., на средства, заранѣе опредѣленные. За то въ предидущемъ, 1869 году, одинъ изъ лицъ мѣстной туземной администраціи, нѣкто Агалыкъ, расходовавшій собираемыя имъ деньги безконтрольно, представилъ только 8,000 р. и конечно не потому, что средства края въ 1868 году были скуднѣе, чѣмъ въ 1870-мъ. Надобно замѣтить, что расходы по савимъ-закѣту при бухарцахъ не имѣли границъ. Обыкновенно закатчи выѣзжалъ и проѣзжалъ по кочевьямъ простодушныхъ узбековъ съ необыкновенною пышностью. Закатчи сопровождала большая толпа прислуги, цѣлый караванъ навьюченныхъ лошадей; на ночлегахъ и привалахъ его встрѣчали амлякдары (сборщики хераджа и танана), рѣзали барановъ, и т. д., по всѣмъ условіямъ высшаго мусульманскаго этикета. Когда закатчи ѣхалъ куда нибудь, то путешествіе его было рядомъ торжественныхъ встрѣчъ, хотя выюки его, за неимѣніемъ должнаго груза, были набиты иногда кишимшемъ, а иногда просто кирпичами. Простодушные узбеки, поднимая ихъ на спины лошадей, по приказанію лѣннихъ холопей закатчи, еще глубже убѣждались въ недосыгаемомъ величіи посѣтившаго ихъ сановника. Въ заключеніе, та же прислуга закатчи обирала у обывателей безплатно живность, фуражъ, и т. п. Такъ отличался въ 1869 г. по Катта-курганскому отдѣлу сартъ Гадой-Агалыкъ, при бухарцахъ ничтожный мясникъ на катта-курганскомъ базарѣ, вполнѣ ствiи же прозванный даже *бекомъ*; правда, онъ и ѣздилъ за своимъ закѣтомъ, какъ слѣдуетъ беку. Имѣя въ полной зависимости отъ себя амлякдаровъ, онъ не упустилъ случая проявить свое величіе: амлякдары должны были исполнить всѣ церемоніи, подобившія беку. Кромѣ торжественныхъ встрѣчъ на мѣстѣ, они въ Катта курганѣ подарили Агалыку нѣсколько лошадей съ сѣдлами и халатовъ. Этотъ обычай называется у мусульманъ *чангъ-басты*, что по переводу значитъ: *тыль прибита*. Расходы каждаго ам-

лякдара для приёма своего закатчи Агалыка простирались, по разсказамъ, до 300 кокановъ, т. е. до 60 рублей.

Изъ всего, изложеннаго нами, очевидно, что въ порядкѣ сбора саваимъ-загета не было никакой опредѣленной системы. Во время бухарскаго владычества счетчики наѣзжали на деревни или на гурты, брали взятки, скрывали дѣйствительную числительность скота и утаивали изрядныя суммы денегъ.

Рчерки Семирѣчья.

Богатый и оригинальный край, извѣстный подъ именемъ Семирѣчья, получилъ свою настоящую организацію и названіе въ 1867 году, когда южная часть Семипалатинской области была присоединена къ Алатавскому округу и, вмѣстѣ съ нагорнымъ краемъ, вошедшую въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Въ 1871 году столкновеніи между нашими и пограничными китайскими киргизами, что кочуютъ по р. Баратолю, а также потворство и вообще недоброжелательное вмѣшательство въ наши пограничныя дѣла таранчинскихъ властей, вызвали движеніе нашихъ войскъ въ Кульджинское ханство и занятіе долины р. Или со всеми ея притоками, а также и рѣки Баратолы. Эти новыя приобрѣтенія составляютъ, такъ называемый, *Кульджинскій районъ* Семирѣченской области, съ чрезвычайно разнообразнымъ населеніемъ и своеобразнымъ управленіемъ, благодаря тому, что вопросъ о присоединеніи этого края къ имперіи еще не рѣшенъ.

Семирѣчье получило свое названіе отъ тѣхъ семи рѣкъ, которыя, между множествомъ маленькихъ рѣчекъ, орошающихъ страну, являются большими. Это рѣки: *Ленса, Басканъ, Сарканъ, Аксу, Караталъ, Коксу и Или*. Трудно указать другой, болѣе разнообразный, во всѣхъ отношеніяхъ, край, какъ Семирѣчье. Сыпучіе пески и богатая живописная долины, горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и прячущія свои вершины въ облакахъ и мрачныя темныя ущелья, на днѣ которыхъ съ ревомъ бѣгутъ

потоки, огромныя водныя бассейны, какъ *Иссык-куль, Балхашъ* и *Ала-куль* и, кажется, несчетное число прозрачныхъ рѣчекъ и ручьевъ, звонко бѣгущихъ по дну изъ разноцвѣтныхъ камней, еловые лѣса на горахъ и нѣжные плоды въ долинахъ Или, медвѣдь — обитатель горъ, и тигръ въ непроходимыхъ камышевыхъ заросляхъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, — все это ясно говоритъ за разнообразіе и красоту края, населеннаго при этомъ и самымъ разноплеменнымъ людемъ. Осѣдлый казакъ или поселенецъ-хохолъ и бродячій киргизъ, цивилизованный китаецъ и полудикіе калмыки разныхъ наименованій, буйный таранча и фанатикъ дунганъ — суть граждане Семирѣчья. Нужны годы для того, чтобы исчерпать весь тотъ богатый научный запасъ, какой можетъ дать Семирѣчье по всѣмъ отраслямъ знанія, а потому слѣдующія ниже замѣтки по дорогѣ предлагаются лишь какъ матеріалъ, тѣмъ болѣе, что о Семирѣчьи вообще и о Кульджинскомъ районѣ въ особенности, писано сравнительно очень мало.

I.

Отъ Ташкента до Вѣрнаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что фizioномія Туркестанскаго края мѣняется каждогодно, благодаря постоянному наплыву русскаго элемента и умиротворенію элемента туземнаго. Семь лѣтъ тому назадъ, мнѣ случилось проѣзжать по дорогѣ отъ Ташкента къ г. Вѣрному. Ближайшій къ Ташкенту осѣдлый пунктъ, Чимкентъ, не имѣлъ русской слободки, также какъ и городъ Аулие-ата; почтовыя станціи замѣняли жалкія землянки, и вообще путешествовать было неудобно и не безопасно.

Но — проходили годы, постепенно измѣняя условія существованія новаго края и въ послѣднюю поѣздку мою въ Семирѣчье я нашелъ, что мѣстности, видѣнныя мною 7 лѣтъ тому назадъ, измѣнились на столько, что и узнать нельзя! При этомъ самымъ отраднымъ явленіемъ замѣчается то, что всюду виднѣтъ русскій людъ, пришедшій колонизировать новый край и искать

въ немъ избытка и счастья. Значить, Туркестанскій край намъ нуженъ и полезенъ, не говоря уже о какихъ-бы то ни было заслугахъ нашихъ передъ человечествомъ по умиротворенію его дикихъ обитателей. Говоримъ это здѣсь къ слову, потому что нельзя не обратить вниманія на то, что русскій Чимкентъ застраивается хорошо; русскій кварталъ, близъ города Аулие-ата, также сталъ походить на русскую осѣдлость; даже унылое когда-то укрѣпленіе Мерке (нынѣ упраздненное) оживилось сартовскимъ поселкомъ и постояннымъ присутствіемъ русскихъ, въ лицѣ служащихъ на телеграфной и почтовой станціяхъ. Окрестности на нѣсколько верстъ кругомъ заняты хуторами киргизовъ земледѣльцевъ; всюду виднѣются молодые посадки лѣса и вообще мѣстность приняла фizioномію мирную. За Мерке, близъ пикета *Чалдыбара* кончается Сыръ-дарьинская область и начинается область Семирѣченская, или Семирѣчье, которое собственно и составляетъ главный предметъ настоящихъ очерковъ.

Линія пикетовъ между Токмакомъ и Аулие-ата, съ укрѣпленіемъ Мерке по серединѣ, составляла до 1868 года лѣвый флангъ бывшей Туркестанской области. Пикеты, они же и почтовые станціи, устроены генераломъ Черняевымъ, и ни въ чемъ не измѣнились со времени своего основанія лишь на пространствѣ между Аулие-ата и Мерке; за Мерке же, т. е. въ предѣлахъ Семирѣчья, пикеты эти частію уже засѣлились русскими поселенцами и частію—начали заселяться. Такъ, второй отъ Мерке пикетъ *Карабалты* въ настоящее время уже окруженъ повозками и землянками русскихъ крестьянъ, поздно прибывшихъ къ этому мѣсту для поселенія и не успѣвшихъ, за позднимъ временемъ года раздобыться въ сосѣднихъ горахъ лѣсомъ. Но весной мужики возьмутъ свое и съ горъ, и съ земли, какъ они взяли это на слѣдующемъ пикетѣ *Аксу*, около котораго стоитъ выросшее за послѣдніе 5—6 лѣтъ село *Бѣловодское*. Выходцы изъ Воронежской губерніи, малороссы, перенесли сюда съ своей далекой родины всю свою обстановку; и хаты, и тыны (плетень), и огороды съ подсолнухами, и конопляники; всѣ хаты обсажены таломъ, улицы широки; флегматическій хохолъ ѣдетъ на своихъ водахъ; женщина въ красной суконной юбкѣ идетъ черезъ улицу съ ведрами на коромыслѣ; толпа мальчугановъ съ бѣлыми

какъ лень, волосами, окружаетъ экипажъ и разсматриваетъ проѣзжихъ пановъ... Совсѣмъ Русь, еслибы не кавалькада киргизовъ и киргизокъ, да не горы на горизонтѣ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Въ Бѣловодскѣ до 80 дворовъ, школа и церковь. Русскій ящикъ примчалъ насъ изъ Бѣловодска на слѣдующую станцію *Сукулукъ* (14³/₄ версты) менѣе, чѣмъ въ часъ.

На пикетѣ Сукулукъ также поселокъ домовъ въ 20; далѣе на *Пишпекъ* селеніе равняется Бѣловодску. По дорогѣ въ этихъ мѣстахъ нерѣдко встрѣтите въ телегѣ мужика или даже одну женщину, и ихъ никто не тронетъ: они жилили и сблизились съ киргизами. Оригинально, что и киргизы выучились звать малороссовъ хохлами.

Въ прежніе годы дорога съ Пишпека къ Вѣрному шла на укрѣпленіе Токмакъ и далѣе черезъ Кастекскій перевалъ, весьма крутой и опасный своими подъемами и спусками, такъ что дѣло не обходилось безъ несчастныхъ случаевъ, въ родѣ паденія въ пропасти экипажей съ пассажирами, а потому въ 1870 году это направленіе пути было оставлено. Есаулъ Герасимовъ обследовалъ весь горный кряжъ къ с. з. отъ Кастекскаго перевала и направилъ почтовый путь изъ Пишпека почти прямо на с., къ рѣкѣ Чу. Тутъ, на самомъ берегу этой рѣки, основана первая станція—*Константиновская* и существуетъ прекрасный деревянный мостъ. Далѣе дорога постепенно поднимается въ гору до станціи *Сугаты* (28 верстъ) и потомъ, по переваламъ и спускамъ идетъ до гребня хребта, откуда начинается уже крутой спускъ къ станціи *Курдай* (всего перегонъ въ 30 верстъ). Съ Курдай, который похожъ на всѣ степныя станціи, т. е. состоитъ изъ одного станціоннаго дома и нѣкоторыхъ службъ, дорога поворачивается на востокъ по ровной степной мѣстности, поросшей мелкимъ камышомъ (чій, изъ котораго киргизы дѣлаютъ рѣшетки), на разстояніи 33 верстъ, къ пикету *Отаръ*; отсюда 31 верста такой же дороги къ *Таргану* и затѣмъ по холмистой мѣстности достигается укрѣпленіе *Кастекъ*, причѣмъ для объѣзда горъ нужно съ половины пути повернуть на югъ, иначе мѣстность представляетъ трудности для почтоваго передвиженія. Въ Кастекѣ сохранились валъ, ровъ и казарма, въ которой теперь

помѣщается почтовая станція и небольшая команда казаковъ для этапной службы.

За Кастекомъ страна снова принимаетъ степной характеръ. Урочище Узунъ-агачъ, на которомъ находится станція того же имени, извѣстно дѣломъ подполковника Колпаковского *) съ коканцами въ 1864 году, когда намѣстникъ ташкентскій Канагатышахъ вторгся въ Алатавскій округъ и потерпѣлъ поражение на Узунъ-агачѣ.

Это блестящее дѣло, когда горстью русскихъ войскъ было разбито 40-тысячное коканское войско, имѣло огромныя послѣдствія для успѣха только что начатаго тогда движенія Россіи въ глубь Средней Азіи; эта битва, такъ сказать, подготовила почву для будущихъ завоеваній. Не забудемъ, что въ то время Коканъ былъ самымъ сильнымъ азіатскимъ ханствомъ и его предѣлы были гораздо болѣе нынѣшнихъ, простираясь отъ Акъ-мечети (нынѣ гор. Перовскъ) до Кастекскаго перевала и на югъ — до Ура-тубе. Пораженіе коканцевъ при Узунъ-агачѣ въ первый разъ показало силу русскихъ, только что выдвинувшихся тогда до подошвы Тянь-Шаня. Если бы не энергія подполковника Колпаковского, смѣло двинувшагося навстрѣчу сильному, въ то время совершенно незнакому намъ непріятелю, — то городу Вѣрному угрожала бы серьезная опасность, тѣмъ болѣе, что всѣ киргизы были на сторонѣ непріятеля и только выжидали развязки дѣла. Узунъ-агачскому дѣлу мы обязаны тѣмъ, что начатый основаніемъ гор. Вѣрнаго начинъ русскаго движенія въглубь Средней Азіи сразу прочно утвердился.

Убитые въ узунъ-агачскомъ дѣлѣ похоронены на высокомъ холмѣ, у пикета, и на могилѣ ихъ поставленъ скромный памятникъ. Теперь около пикета и въ виду могилы раскинулся русскій поселокъ Казанско-Богородицкій.

Отъ Узунъ-агача до г. Вѣрнаго два перегона по ровной дорогѣ, причемъ промежуточной станціей является *Каскеленъ* или выселокъ *Любовный*, затѣмъ станція *Софійская* или *Таларъ* и выселокъ *Надеждинскій*.

*) Нынѣ — генералъ-лейтенантъ и военный губернаторъ Семирѣченской области.

Общее впечатлѣніе описаннаго сейчасъ пути вообще благоприятное. Кромѣ того, что путь этотъ пролегаетъ по мѣстностямъ, иногда весьма живописнымъ, среди горъ или по горамъ, нужно отдать справедливость, что и везуть вездѣ хорошо, не безпокою просьбами на водку.

II.

Городъ Вѣрный.

Укрѣпленіе Вѣрное основано назадъ тому болѣе 20 лѣтъ и называлось сначала Заилійскимъ; оно было построено на мѣстѣ сартовскаго поселенія *Алматы*, существовавшаго еще въ то время, когда эта мѣстность составляла пограничную территорію обширнаго нѣкогда Коканскаго ханства. Съ переселеніемъ изъ западной Сибири въ Заилійскій край казаковъ и крестьянъ, въ 1855—56 и послѣдующихъ годахъ, близъ укрѣпленія Вѣрнаго возникла казачья станица, послужившая ядромъ нынѣшняго города Вѣрнаго, названнаго такъ, въ 1867 году, съ назначеніемъ областнымъ городомъ Семирѣченской области. Пользуясь здѣсь случаемъ сообщить исторію заселенія нынѣшняго Семирѣчья казаками и крестьянами, мы сдѣлаемъ нѣкоторое отступленіе отъ описанія собственнаго города Вѣрнаго, и на основаніи официальныхъ данныхъ, передадимъ во всеобщее свѣдѣніе распоряженія правительства, бывшія назадъ тому болѣе 20 лѣтъ, относительно колонизаціи Семирѣченскаго края *).

Весною 1854 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ въ теченіи 1855—56 годовъ, для поселенія при Заилійскомъ укрѣпленіи на рѣкѣ Алматы, двухъ сотенъ казаковъ Сибирскаго линейнаго казачьяго войска и 200 крестьянскихъ се-

*) Матеріалами для настоящаго очерка послужили; инструкція, данная, въ мартѣ 1854 года штабомъ отдѣльнаго Сибирскаго линейнаго казачьяго войска генералъ-маіору Воробьеву о водвореніи новыхъ поселеній на лѣвомъ флангѣ Сибирской линіи и Туркестанскій Ежегодникъ, 1872.

мействъ. Переселеніе это было произведено на слѣдующихъ основаніяхъ: въ 1855 году выслана была одна сотня, а въ слѣдующемъ году-другая. Для переселенія были вызваны желающіе, а недостающее число было дополнено по жеребью изъ 6, 7, 8 и 9 полковъ. Переселяемымъ казакамъ даровано пособіе: офицерамъ по 100 рублей (неизвѣстно на серебро или, по старому на, ассигнаціи), а нижнимъ чинамъ по 55 руб., и въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ усиленные оклады жалованья, а казакамъ и семействамъ ихъ—еще и дача провіанта, и всѣмъ вообще чинамъ льготы отъ службы и фуражное довольствіе на лошадей. Обмундированіемъ и пособіемъ казаки были снабжены на мѣстѣ отправленія, равно какъ и разными предметами для обзаведенія, которое по невозможности заготовить на мѣстѣ поселенія, приказано было приобрести на Ирбитской ярмаркѣ и доставить переселенцамъ по цѣнамъ, какъ обойдутся войску, а также доставить на мѣсто поселенія, на счетъ войска, зерновой хлѣбъ, который и выдавать переселенцамъ съ возвратомъ въ трехлѣтній срокъ.

✓ Крестьяне были вызваны изъ западной Сибири, но въ случаѣ недостачи предполагалось вызвать охотниковъ изъ внутреннихъ российскихъ губерній. Они должны были прибыть къ границѣ и зачислиться въ казаки въ 1855, году, а весной 1856 года, съ первымъ подножнымъ кормомъ, отправиться къ мѣсту водворенія партіями отъ 50 до 100 семействъ. Крестьянамъ дано было: на каждую наличную душу по 3½ коп. серебромъ въ сутки; на наемъ проводниковъ по степи; указная дача провіанта; причитающееся количество хлѣба изъ наличныхъ запасовъ сельскихъ магазиновъ съ мѣста переселенія; сложеніе всѣхъ, безъ исключенія, недоимокъ; по 30 десятинъ земли на каждую душу, на мѣстѣ поселенія; зерновой хлѣбъ для посѣвовъ по прибытіи на мѣсто, съ возвратомъ черезъ 4 года; двухъ-лѣтняя льгота отъ службы (они зачислены были въ казаки) и единовременное пособіе для обзаведенія и на покупку скота, по 55 рублей на каждую семью. Затѣмъ въ поселеніе былъ назначенъ священникъ.

✓ Такъ возникла станица *Большая Алматинская*, вошедшая нынѣ, вмѣстѣ со станицею *Малую Алматинскую*, *Новымъ городомъ* и *Татарскою слободкою*, въ составъ города Вѣрнаго. Населеніе его въ настоящее время болѣе 10,000 душъ обоего пола.

✓ Одновременно съ переселеніемъ казаковъ и крестьянъ на р. Алмату, сдѣлано было распоряженіе и о поселеніи на рѣкѣ *Лепсѣ* 1 сотни казаковъ и 200 крестьянскихъ семействъ, и на рѣкѣ *Карабулукѣ*, близъ урочища *Урджаръ* ½ сотни казаковъ и 100 крестьянскихъ семей, съ льготами и пособіями, изложенными нами выше.]

Такъ возникли двѣ богатя, въ настоящее время, семирѣченскія станицы: *Лепсинская* и *Урджарская*, изъ которыхъ въ первой теперь болѣе 3000, а во второй болѣе 1000 душъ.

Въ заключеніе этого краткаго очерка первоначальной колонизации Семирѣчья нужно привести то оригинальное обстоятельство, что пособіе переселенцамъ на рѣку Алмату было выдано изъ суммы, накопившейся въ управленіи генералъ-губернатора западной Сибири отъ некомплекта гражданскихъ чиновниковъ въ Киргизской степи, а колонистамъ—на рѣку Лепсу и на урочище Урджаръ—изъ таможенного сбора и пошлинъ съ добываемыхъ въ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства разныхъ металловъ, въ томъ числѣ и золота.

Не лишнимъ считаемъ замѣтить здѣсь и то, что наборомъ и переселеніемъ казаковъ въ новый край завѣдывалъ состоявшій для особыхъ порученій при командирѣ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, генералъ Гасфортъ, полковникъ *Шубинъ*, при участіи мѣстнаго пограничнаго начальника полковника *Спиридонова*. Намъ кажется, что имена этихъ первыхъ распорядителей колонизации столь быстро развившагося доннынъ Семирѣченскаго края, достойны быть извѣстными его настоящимъ обитателямъ.

Переходимъ къ описанію города Вѣрнаго.

✓ Городъ Вѣрный расположенъ на сѣверномъ склонѣ горъ Улугтау, окаймляющихъ, вмѣстѣ съ хребтомъ Кунгей-Ала-тау, сѣверный берегъ озера Иссык-Куля. Три небольшія горныя рѣчки извѣстныя подъ общимъ именемъ *Алматинокъ*, орошаютъ городъ и его окрестности, вливаясь въ рѣку Или.

✓ Г. Вѣрный дѣлится на станицы *Большую* и *Малую Алматинскія*, на *Новый городъ* и *Татарскую слободку*. Большинство построекъ г. Вѣрнаго деревянные, благодаря обилію еловаго лѣса въ сосѣднихъ горахъ, добычаніе котораго, впрочемъ, теперь

весьма строго обставлено мѣстными властями, потому что въ первые годы заселенія множество лѣса истреблено вполнѣ произвольно. Такъ называемый *Новый городъ*, примыкающій къ станциямъ съ западной стороны, застраивается зданіями по большей части изъ жженого кирпича и общается сдѣлаться со временемъ лучшею частью города Вѣрнаго. Изъ домовъ лучший — военного губернатора, занимающій со всѣми службами и садами цѣлый кварталъ противъ церкви, обнесенной скверомъ — мѣстомъ для прогулокъ. Впрочемъ, для гулянья лѣтомъ предпочитается находящійся вѣдъ города съ восточной стороны *казенный садъ* съ вѣдомъ, прекраснымъ цвѣтникомъ и оранжереями. Изъ промышленныхъ и торговыхъ учреждений Вѣрнаго обращаютъ на себя вниманіе: винокуренный заводъ И. В. Кузнецова и мастерскія Васильева: столярная, кузница, слесарня и разныхъ деревянныхъ подѣлокъ. Вся торговля сосредоточена въ отдѣльныхъ лавкахъ и въ гостининомъ дворѣ, находящемся въ центрѣ города.

Ремесленная школа г. Вѣрнаго обучаетъ 60 мальчиковъ.

По наружному виду, г. Вѣрный совсѣмъ русскій городъ, еслибы не его разноплеменное населеніе, въ составъ котораго входятъ, кажется, всѣ народности, не только Семирѣчья, но и всего Туркестанскаго края: русскіе (между ними преобладаютъ казаки), киргизы, татары, сарты, калмыки, китайцы и даже нѣсколько авганцевъ. *) Поэтому улицы г. Вѣрнаго, по пестротѣ снующаго по нимъ люда, представляютъ собою очень оригинальное зрѣлище. Здѣсь скачутъ киргизъ или калмыкъ, тамъ чинно идетъ, прикрываясь вѣромъ отъ солнца, китаецъ, тутъ выступаетъ бородатый сартъ или переваливается типичный русскій мужичекъ поселенецъ-малороссъ. Бабы-поселянки развозятъ по городу арбузы и дыни; калмыки верхомъ на быкахъ продаютъ дикую малину, набранную въ сосѣднихъ горахъ, выручая иногда до 3 р. въ день и т. д.]

Въ Вѣрномъ 3 гостиницы, въ которыхъ неприхотливому человеку можно сносно и недорого поѣсть. Нумера въ гостиницѣ Никитина лѣтомъ стоятъ 16 руб., со столомъ изъ двухъ, а по

*) Здѣсь не лишнее замѣтить, что китайцы и калмыки составляютъ главныя чернорабочія силы города Вѣрнаго.

воскресеньямъ изъ трехъ блюдъ. Извозчики вѣренскіе ѣздятъ по 30 коп. въ часъ, а конецъ стоитъ, смотря по разстоянію, отъ 5 и до 10 коп., тогда какъ въ Ташкентѣ кто-то ввелъ обычай платить за конецъ, не смотря ни на какое разстояніе, 15 коп. Вѣрный больше города Ташкента и мостовыхъ въ немъ нѣтъ.

Общее впечатлѣніе Вѣрнаго, — это какая-то незаконченность во всемъ — явленіе, неизбежное въ городѣ, когда онъ только что началъ отстраиваться.

III.

Разстояніе отъ Ташкента до Вѣрнаго, 784 версты, пробѣгаютъ обыкновенно въ четверо сутокъ. Г. Вѣрный лежитъ на 2400 футовъ надъ уровнемъ моря. Мѣстность къ югу отъ города постепенно возвышается къ подножію горъ, изъ которыхъ ущельемъ Кардонъ-сай выходитъ одна изъ рѣчекъ: *Малая Алматинская*. Направляясь въ это ущелье, пробѣгаете вы мимо жилыхъ домовъ возникающаго предмѣстья; тутъ же строится архіерейскій домъ, раскинулись разные заводы И. В. Кузнецова, лѣсопильный заводъ, лагерь, около котораго и начинается собственно ущелье *Кардонъ-сай*. Мы выѣхали изъ Вѣрнаго посмотреть горы, 22 августа; растительность была еще въ полномъ блескѣ и склоны горъ, одѣтые яркою зеленью травъ и кустарниковъ, производили впечатлѣніе далеко не обидное. Тутъ же бойко бѣжала съ горы, среди зелени, свѣтлая Алматинка. Мы начали замѣтно подниматься въ гору; кустарникъ перешелъ въ чернолѣсье и горы по обѣ стороны ущелья стали выше. Мы достигли дачи военного губернатора, совсѣмъ закрытой зеленью. Миновавъ ее, черезъ нѣсколько верстъ, подѣхали мы къ Аулу киргизовъ. Между тѣмъ, уже стемнѣло. Темныя массы горъ по обѣ стороны выдѣлялись на ясномъ небѣ еще рельефнѣе; ихъ покрывали высокія ели. Ущелье въ этомъ мѣстѣ очень узко, такъ что толстые стволы деревьевъ лежали поперекъ ущелья и черезъ нихъ быстро бѣжала между огромныхъ камней Алматинка. Переночевавъ въ этомъ мѣстѣ, мы продолжали путь по узкой дорожкѣ все выше и выше, и

къ половинѣ дня оставивъ вправо Алматинку, миновали густой еловый лѣсъ и достигли обширнаго горнаго плато, зеленѣвшаго какъ весною, яркою травой и обрамленнаго со всѣхъ сторонъ горами и лѣсомъ. У небольшого ручья дымился аулъ и паслись стада барановъ. Барометръ показывалъ 8.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Открылся рѣдкій видъ на сѣверъ, внизъ по ущелью, а также на востокъ и на югъ, въ горы. Нисходя террасами и зеленѣя лѣсомъ, горы сливались у своего подножья со степью, городъ Вѣрный казался темнымъ, зеленоватымъ пятномъ на опаленной солнцемъ степи; на востокъ шелъ крутой подъемъ къ перевалу въ долину рѣки *Талмара* и тутъ же высился покрытый снѣгомъ *Таларскій пикъ*. Намъ хотѣлось пробраться хоть до перевала; мы взяли проводника киргиза и начали подъемъ. Черезъ тысячу футовъ поднятія прекратилась всякая растительность. Подъемъ былъ покрытъ камнями; лошади останавливались пройдя нѣсколько шаговъ. Наконецъ мы на перевалѣ. Барометръ стоялъ на 12.050 футахъ. Открылась широкая щель, противоположную сторону которой составляла громадная гора *Талгаръ*, съ горами вѣчнаго снѣга, гдѣ, по словамъ вожаковъ, не летаетъ даже птица. Было 10 часовъ утра. Гора грозно молчала; мы спустились къ ея подножью и расположились на отдыхъ. За путь я замѣтилъ въ горахъ горнаго коршуна, сороку и ворона, а киргизы много рассказывали мнѣ о волкахъ и архахахъ. Въ 2 часа по полудни мы начали подъемъ на перевалъ въ обратный путь, и когда забрались на гребень перевала, то неожиданно услышали какой-то глухой гулъ. Это шумѣлъ стоявшій передъ нами *Талгарскій пикъ*, снѣга котораго, скованныя морозомъ ночи, начали растворяться подъ лучами полудня и гора послала свою обычную дань въ долину... Явленіе это общее во всѣхъ горахъ, питающихъ рѣки. Образуюсь изъ снѣга, вода извергается сначала въ щели горы; это увеличиваетъ шумъ отъ паденія потока и человѣку можно только вообразить, что такое творится въ то время въ ледникѣ, потому что проникнуть туда нѣтъ возможности. Налюбовавшись горой, мы начали спускаться. Извѣстно, что спускъ съ крутыхъ горъ хуже подъема, потому что при спускѣ лошадь спотыкается скорѣе и опасность упасть, разбиться и даже погибнуть—вѣроят-

нѣе. Снова по тѣмъ же камнямъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ верхомъ, мы выбрались на плато, ночевали тутъ въ аулѣ и 24 августа прѣехали въ г. Вѣрный.

Мы должны благодарить здѣсь А. А. Кушакевича, доставившаго намъ лошадей съ проводниками, а съ ними и столь рѣдкій для заѣзжаго челоуѣка случай посмотрѣть вѣренскія горы.

IV.

Отъ г. Вѣрнаго до Кульджи.

Дорога отъ Вѣрнаго до Кульджи подробно описана Н. А. Маевымъ еще въ 1871 году *), а потому здѣсь предполагаются лишь краткія замѣтки.

Начать съ того, что изъ Вѣрнаго выѣзжаютъ черезъ Большую Алматинскую станицу, потомъ черезъ крѣпость, занятую казармами, и далѣе отчасти по ровной, отчасти по холмистой мѣстности, миновавъ двѣ почтовые станціи, достигаютъ рѣки Или. на этомъ пространствѣ два небольшихъ поселка около станцій. *Карасуйской* и *Кутентайской*; наконецъ близъ бывшаго укрѣпленія *Илійскаго*, на лѣвомъ берегу Или также существуетъ незначительное поселеніе; тутъ же почтовая станція и переправа черезъ рѣку *Или*. Кстати здѣсь замѣтить, что туземцы, какъ русскіе, какъ иногородцы, произносятъ названіе рѣки иначе, а именно: *Иля* и склоняютъ это слово по всѣмъ падежамъ, на общіихъ основаніяхъ.

Подъ Илійскимъ укрѣпленіемъ Или имѣетъ до 100 сажень ширины. Эта глубокая и быстрая рѣка въ сильный вѣтеръ шутить не любитъ: она уноситъ паромы внизъ по теченію, и тогда на долю паромщиковъ-киргизовъ выпадаетъ не мало работы. Впрочемъ въ оба раза переправы черезъ Или, и притомъ ночью, я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія и переѣхалъ рѣку подъ пѣсни паромщиковъ.

*) Турк. Вѣд. 1870 г. № 14, и Ежегодникъ, Т. II.

За рѣкой дорога начинаетъ холмиться; на сѣверномъ и восточномъ горизонтахъ появляются горы—на сѣверѣ хребетъ *Малай-Сары*, а на востокѣ южная оконечность хребта *Крункей-тау*. Тутъ, противъ станціи *Карачекинской*, въ этомъ хребтѣ есть гора, изъ которой добывается камень *колыбташъ*. Составъ колыбташа: кремнеземъ, окись желѣза, гниоземъ, известь и вода, химически соединенная. Болѣе всего содержится въ немъ химически соединеннаго кремнезема (42, 64 ч. въ 100). Цвѣтъ колыбташа переходитъ отъ бѣлаго до темно-коричневого; впрочемъ онъ никогда не бываетъ зеленымъ, желтымъ и синимъ, хотя прожилки этого цвѣта встрѣчаются въ колыбташѣ, и по цвѣту и расположенію ихъ опредѣляется и стоимость приготовленной вещи. Г. Долгово-Сабуровъ, въ Вѣрномъ, весьма искусно точить изъ колыбташа разныя кабинетныя вещи. Предварительно, куску камня придается приблизительная форма предполагаемой вещи, затѣмъ вещь точится на обыкновенномъ токарномъ станкѣ стамесками, подпилками и другими подходящими инструментами, послѣ чего шлифуется пемзой, наконецъ опускается въ растопленный воскъ и шлифуется замшей. Истинно мастерская работа г. Долгово-Сабурова заслуживаетъ полного одобренія и потому, что даетъ ему хорошее вознагражденіе за трудъ. Въ Семирѣчьи, въ особенности въ самомъ г. Вѣрномъ, почти въ каждомъ домѣ вы встрѣтите разныя настольныя вещи изъ колыбташа. Приобрѣсти эти вещи можно или прямо изъ мастерской г. Долгово-Сабурова, или въ магазинѣ Руцкаго. Первый обратилъ вниманіе на колыбашъ Семирѣченскаго казачьяго войска есаулъ Новоселовъ, потомъ извѣстный предприниматель въ Семирѣчьи покойный В. П. Кузнецовъ, хотѣлъ употребить этотъ камень на подоконники, столы и полы въ своемъ вѣренскомъ домѣ. Но гора была взорвана неумѣло, а потому камень раздробился и сталъ годнымъ лишь на мелкія вещи. Изъ склада Кузнецова въ Вѣрномъ камень этотъ можно имѣть по 60 коп. за пудъ.

Съ Карачекинской станціи дорога имѣетъ тотъ же холмистый характеръ до *Алтынъ-Имеля*, гдѣ путь на Кульджу отдѣляется на востокъ, тогда какъ большой сибирскій трактъ направляется на сѣверъ. Здѣсь же сортируется и почтовая корреспонденція. На Алтынъ-Имелѣ также есть нѣсколько хатъ поселенцевъ. Здѣсь

горизонтъ со всѣхъ сторонъ заставленъ горами, изъ которыхъ восточная представляетъ не мало затрудненій для ѣдущихъ въ Кульджу, потому что трактъ идетъ черезъ значительный перевалъ въ горномъ кряжѣ Крункей-тау; перевалъ этотъ зовутъ *Алтынъ-Имельскимъ*. За переваломъ идетъ прекрасная дорога по равнинѣ между горами Крункей-тау и южной безымянной цѣпью, окаймляющей правый берегъ Или. Проѣзжаете вы станціи: *Баши*, *Айна-булакъ* и *Конуръ-улень* и снова начинаются помянутыя сейчасъ безымянныя горы, и весьма извилистая дорога ущельями, мѣстами по водѣ, потому что горы эти даютъ много источниковъ. Здѣсь и тамъ по ущельямъ стоятъ небольшіе киргизскіе аулы. Горы дики и непривѣтны, и состоятъ изъ песчаника, известняка и конгломератовъ. Мнѣ пришлось ѣхать по этимъ горамъ свѣтлой лунной ночью, и, благодаря горамъ, мѣсяцъ появлялся то съ правой, то съ лѣвой стороны, то прятался, когда мы спускались на дно темнаго ущелья, такъ извилиста тутъ дорога. Затѣмъ дорога до укрѣпленія *Борохудзира* идетъ дресвяной или глинистой степью съ оврагами и хорошей растительностью въ смыслѣ подножнаго корма. Борохудзиръ окружаютъ курстарники, полные фазановъ, курпатовъ и зайцевъ.

Укрѣпленіе *Борохудзиръ*, построено на 30 верстъ южнѣе китайскаго никета того же имени, на правомъ берегу р. Борохудзиръ, идущей изъ кряжа Крункей-тау въ р. Или. Борохудзиръ издавна былъ квартирой нашихъ войскъ и только въ нынѣшнемъ году переименованъ въ укрѣпленіе, съ гарнизономъ изъ сотни Семирѣченскихъ казаковъ. Крестьяне-переселенцы изъ Томской губерніи основали около Борохудзира небольшой поселокъ въ 55 дворовъ, обсаженныхъ еще молодымъ лѣсомъ. Собственно укрѣпленіе состоитъ изъ четырехъ длинныхъ зданій, поставленныхъ въ четырехугольникъ. Въ Борохудзирѣ недавно открыто почтовое отдѣленіе; затѣмъ, заслуживаетъ вниманія *казенный садъ* основанный съ цѣлью быть образцомъ для садоводовъ Кульджинскаго края.

За укрѣпленіемъ Борохудзиръ начинается уже бывшая Илійская провинція Китайской имперіи, составляющая теперь *Кульджинскій районъ*. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ этимъ ори-

гинальнымъ краемъ, сдѣлаемъ предварительно общій топографическій очеркъ мѣстности.

Кульджинскій районъ составляютъ долины рѣкъ: *Или* и *Баратолы*. Очень оригинально, что рѣки эти бѣгутъ параллельно одна другой, но совершенно въ противоположныя стороны. Баратола идетъ съ запада на востокъ и впадаетъ въ озеро *Эби-норъ*, а Или съ востока на западъ и вливается въ озеро *Балхашъ*. Водораздѣломъ служитъ высокій хребетъ *Борохоро*, приблизительно въ 9 тысячъ футовъ надъ моремъ, съ обширнымъ воднымъ бассейномъ посерединѣ. Это—озеро *Сайрамъ-норъ*, лежащее на высотѣ почти 5 тысячъ футовъ надъ уровнемъ океана. Хотя хребетъ и извѣстенъ болѣе подъ названіемъ *Борохоро*, но имѣетъ много и другихъ мѣстныхъ названій, по имепамъ тѣхъ рѣчекъ, которыя выходятъ изъ него на сѣверъ въ р. Баратолу и на югъ въ р. Или. За позднимъ временемъ года мнѣ не удалось быть въ долинѣ Бартолы, а потому я могу сообщить лишь то, что долина эта уже долины Илійской и что на сѣверѣ она, хребтомъ *Алатау*, отдѣляется отъ Сергіопольскаго уѣзда Семирѣченской области. Что же касается южнаго склона хребта Борохоро, то горныя группы, его составляющія, носятъ слѣдующія названія: *Борохударъ*, *Хорюсъ*, *Талки*, *Танджанъ* (группа богатая желѣзомъ и каменнымъ углемъ) и собственно *Борохоро*, къ сѣверу отъ г. Кульджи. Восточнѣе озера Сайрамъ-нора проходятъ, параллельно Бартолѣ, нѣсколько небольшихъ горныхъ хребтовъ, напр. *Куюкъ* и *Кузимчикъ* и другіе. Тутъ двѣ небольшія горныя рѣчки: сѣверный и южный *Боросунъ*, оба начинаясь у перевала *Цитырты* и направляясь—одинъ на сѣверъ въ озеро Эби-норъ, а другой въ р. Или, разграничиваютъ горную группу Борохоро съ высокимъ хребтомъ *Эренъ-Кабырга*, очерчивающимъ съ сѣвера долину р. *Каша*, и кряжемъ *Абралъ-тау*, идущимъ параллельно Эренъ-кабыргѣ и составляющимъ водораздѣлъ между рѣками *Кашемъ* и *Кунесомъ*. Это—горы по правую сторону р. Или; по лѣвую сторону ея отрогъ Тянь-шаня *Ахбуршанъ-тау* отдѣляетъ Кульджинскій районъ отъ долины рѣки *Текеса*, притока Или, принадлежащаго къ Каракольскому уѣзду Семирѣченской области.

Всѣ названныя горы чрезвычайно живописны, а долины, въ особенности р. *Текеса*, плодородны, и всѣ населены чрезвычайно

разновидными монголо-тюрскими народностями. Подробности о нихъ будутъ ниже.

Собственно о рѣкахъ Кульджинскаго района нужно замѣтить, что наибольшую изъ нихъ должна быть *Или* (она же самая значительная во всемъ Семирѣчьи). Названіе свое рѣка это принимаетъ тамъ, гдѣ рѣки: *Кунгесъ* (съ юго-востока) и *Текесъ* (съ юга) сливаются въ одну рѣку; это приблизительно 52-й меридіанъ къ востоку отъ Пулково. Всѣ значительные притоки Или въ предѣлахъ Кульджинскаго района идутъ съ правой стороны. Изъ притоковъ этихъ болѣе р. *Кашъ*, принимающая, въ свою очередь, изъ хребта Эренъ-кабырга болѣе 70 рѣчекъ, изъ которыхъ значительнѣйшія: *Нилка*, *Ходжурта*, *Баргаты*, *Арысланды*, *Мынжоты* и *Борогосунъ*. Затѣмъ, съ правой же стороны группы Борохоро течетъ въ Или множество ключей и рѣчекъ. Все это «звонкобѣгущіе ручьи по дну изъ камней разноцвѣтныхъ», какъ прекрасно выразился Лермонтовъ, живописуя въ своемъ Демонѣ природу Кавказа. Въ самомъ дѣлѣ, сбѣгая съ горъ по камнямъ, рѣчки эти, кажется, вѣчно прозрачны и чисты. Таковы: *Пиличи*, *Сарыбулакъ*, *Талки*, *Аксу*, *Хорюсъ*, *Усекъ* и *Борохударъ*. Вообще въ Кульджинскомъ районѣ очень много воды, потому что и кромѣ названныхъ рѣкъ и рѣчекъ, всѣ горы района изобилуютъ источниками, которые хотя и не доходятъ до р. Или, но тѣмъ не менѣе оживляютъ мѣстность и годны для орошенія полей.

Почва Кульджинскаго района чрезвычайно плодородна и состоитъ изъ суглинка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на *Текесѣ*,—изъ жирнаго чернозема. Небольшіе пески есть на правомъ берегу Или, отъ впаденія въ нее *Аксу* и до устья *Усека*, гдѣ, между прочимъ, есть и большія топи, поросшія непроходимыми камышами, полными кабановъ и даже тигровъ.

Представивъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ топографію Кульджинскаго края, продолжаемъ описаніе дороги до Кульджи.

Непосредственно за Борохударомъ начинается мелкое чернѣе изъ вяза, тала и разныхъ видовъ колючки, и лежатъ обширныя развалины китайскаго города *Тургена* и его пригородныхъ *кентовъ*, т. е. форштадтовъ, такъ что на первомъ же шагѣ въ провинцію *Иля-го* (такъ звался Кульджинскій районъ при ки-

тайцахъ) передъ нами встаютъ ужасы того междоусобія, какое было здѣсь 10 лѣтъ тому назадъ. Обширные и многолюдные города лежатъ въ развалинахъ, сотни тысячъ людей погибли и страна обезлюдѣла. А страна эта красива и богата. По обѣ стороны дороги, на десятки верстъ, лѣсъ, насажденный китайцами, и прекрасная пастбища; лѣсъ полонъ всевозможной дичи: козъ, фазановъ, и т. п.

На 14 верстъ далѣе, къ станціи *Акз-кентъ* дорогу пересѣкаетъ р. *Усекъ*, похожая на Чпрчикъ, который протекаетъ подъ Ташкентомъ. Усекъ сильно играетъ только весной. На мѣстѣ переправы лѣвый берегъ его представляетъ крутой яръ, а потому мѣсто это и зовется *Джаръ-кентъ*. Тутъ живутъ выходцы изъ-за Или, калмыки рода *суланъ* или *солонны*, какъ принято называть ихъ въ нашихъ официальныхъ бумагахъ. Джаръ-кентъ состоитъ изъ отдѣльныхъ хуторковъ, смазанныхъ изъ глины, и раскиданныхъ здѣсь и тамъ по лѣсу. Въ лугахъ, на берегу рѣки, стоятъ кибитки, потому что кочевники-монголы до поздней осени предпочитаютъ жить въ своихъ походныхъ жилищахъ и только на зиму забираются въ сакли. Впрочемъ, у Джаръ-кента стояло лишь нѣсколько кибитокъ, потому что остатки сулановъ, обитающіе тутъ, совсѣмъ разорены междоусобицей и остались тутъ по-неволѣ, тогда какъ всѣ родичи ихъ или ушли въ Чугучакскую провинцію, или окрестились и живутъ въ выселкахъ *Сарканскомъ* и *Коксуйскомъ*, въ Копальскомъ уѣздѣ Семпрѣченской области, или, наконецъ, бродятъ въ окрестностяхъ Вѣрнаго и по всему Кульджинскому краю. Султаны Джар-кента записываютъ кое-какимъ хозяйствомъ: по дорогѣ, протекающей по кенту, видѣлись мѣстами пашни и табачныя плантаціи. Лѣсъ не оставляетъ дороги; онъ становится гуще и выше, но мѣстами замѣтно гибнетъ отъ недостатка воды, потому что онъ искусственной посадки. По словамъ людей, бывавшихъ въ Кульдѣ еще при китайскомъ правительствѣ, дорога отъ Борохудзира и до маңджурской Кульджи была сплошнымъ лѣсомъ; теперь, благодаря бывшему здѣсь междоусобию и тому, что страна сравнительно опустѣла, лѣсъ, кажется, неизбежно долженъ пропасть весь. Впрочемъ, въ последнее время мѣстной администраціи приняты уже мѣры къ предотвращенію этого, и лѣсъ былъ нѣсколько

разъ орошенъ тѣми арыками, которые пересѣкаютъ его во всѣхъ направленіяхъ изъ рѣкъ Борохудзира и Усека. Въ лѣсу нѣкогда стояли значительныя китайскія осѣдлости. Теперь, по дорогѣ отъ Джаркента, нужно миновать три обширныхъ руины, прежде чѣмъ достигнуть развалинъ *Акз-кента*, гдѣ помѣщается почтовая станція. Она устроена въ развалинахъ и, судя по општатуреннымъ стѣнамъ на дворѣ этой станціи, въ Акз-кентѣ, въ свое время были хорошия постройки, обсаженные лѣсомъ; онъ идетъ еще верстъ на 10, потомъ начинается уже степь, частію каменистая, частію песчаная, до самаго Хоргоса. Печальная страна!.. На каждомъ шагу развалины, а потому и замѣтки мои неизбежно нестрять этимъ словомъ.

Станція *Хоргосъ*—небольшая хата (на берегу рѣки Хоргоса) съ каменнымъ львомъ передъ дверями, привезеннымъ съ развалинъ города. Этихъ львовъ китайцы ставятъ обыкновенно передъ воротами кумиренъ и также нерѣдко у входа въ дома знатныхъ людей. Львы сидятъ на пьедесталахъ, на заднихъ лапахъ, опершись правою переднею лапою на каменный шаръ. Хоргоскій левъ малъ и плохо сдѣланъ; лучшіе экземпляры мнѣ случалось видѣть посабъ въ развалинахъ маңджурской Кульджи и другихъ китайскихъ городовъ. Рѣка *Хоргосъ* похожа на Усекъ и разливается очень широко, а потому и дорога на нѣсколько верстъ къ слѣдующей станціи *Алимту* камениста, потомъ переходитъ въ глинистую. На 8-й верстѣ встрѣчаются развалины китайскаго города и крѣпости *Чинтандзи*. Мы проѣхали главной широкой и прямой улицей этихъ развалинъ. Всѣ постройки были глиняныя. По пути ямщикъ показалъ нѣсколько кумиренъ съ изуродованными каменными и глиняными идолами. И здѣсь была когда-то жизнь... Мы выѣхали изъ мертваго города въ ворота китайской постройки съ разрушенной башней, гдѣ также былъ большой каменный идолъ, отъ котораго остались теперь только одвѣ ноги. По выѣздѣ изъ города на сѣверъ, подъ горами Хоргосъ видѣнъ таранчинскій кентъ (т. е. осѣдлость, деревня) *Мазаръ*, обитаемый и доселѣ; далѣе на югъ, въ четырехъ верстахъ, видѣется разрушенный таранчами солонскій кентъ *Дабыръ*. И такъ, всюду мусульманскія осѣдлости остались цѣлы и пострадали лишь жилища язычниковъ.

До Алимту отъ этого мѣста 10 верстъ. Алимту, когда-то гу-

сто населенный солонками кентъ, теперь пустъ и лежитъ въ развалинахъ, среди заброшенныхъ и гибнущихъ садовъ.

Отъ Алимту до г. *Чинчагодзи* дорога идетъ по холмистой мѣстности лугового характера. Оврагъ *Учъ-Булакъ*, пересекающій дорогу на 8-й верстѣ, сильно играетъ весной и въ немъ едва не утонули двое торговыхъ сартовъ, когда ямщикъ, по невѣдѣнію, не попалъ на настоящій бродъ. И здѣсь по дорогѣ встрѣчаются развалины кентовъ вплоть до самого города *Чинчагодзи*, населеннаго и доселѣ дунганями или тунганями, какъ произносятъ туземцы. Чинчагодзи построенъ, какъ и всѣ города этой мѣстности: сначала *кенты* или пригороды, потомъ собственно городъ за высокой глиняной стѣной, въ формѣ четырехугольника съ воротами на на всѣ четыре стороны, защищенными особой полукруглой стѣной. Улицы обсажены деревьями и застроены глиняными дунганскими саклями и лавками. Почтовая станція находится также въ крепости и въ ней вниманіе новаго человѣка привлекаютъ оригинальные китайскіе столы и стулья, такъ что именно съ Чинчагодзи и начинается своеобразная китайская фizioномія края. И самый край съ этого мѣста оживленіе, кругомъ поля и только одна почтовая дорога къ Суйдуну, благодаря солонцеватому грунту, даетъ себя знать ухабами и пылью.

Городъ *Суйдунъ* также совсѣмъ не пострадалъ во время смуты. Это копія съ Чинчагодзи: тѣ же стѣны, и то же крестообразное расположение улицъ, и тѣ же тунганы. Всѣ окрестности прекрасно обработаны. На югъ до самыхъ развалинъ такъ называемой новой или манджурской Кульджи вся мѣстность занята полями и хуторами тунганъ. Вообще, должно думать, что въ свое время, т. е. до междоусобій, край этотъ былъ еще цвѣтущіе, если и теперь вплоть до самой таранчинской Кульджи дорога проходитъ по обработанной мѣстности, мимо богатыхъ въ свое время городовъ *Баяндая* и *Чинпандзи*. Первый изъ нихъ лежитъ въ развалинахъ влѣво отъ дороги къ горамъ *Тянджанъ*, а второй вправо и населенъ уцѣлѣвшими во время рѣзни китайцами. За Чинпандзи вскорѣ начинаются сады таранчинской Кульджи, въ которой квартируютъ наши войска и сосредоточено собственно военное управленіе Кульджинскимъ райономъ.

Городъ Кульджа.

Такъ называемая таранчинская или старая Кульджа основана сто лѣтъ тому назадъ, когда узбеко-тюрки Восточнаго Туркестана возстали противъ китайскаго правительства и были переселены изъ Кашгарской провинціи на рѣку Или, гдѣ въ это время только что кончилось кровопролитное усмиренье джунгаровъ. Прекрасныя историческія замѣтки о Кульджѣ принадлежатъ г. Аристову, и помѣщены въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» за 1871 годъ, а потому мы и отсылаемъ къ нимъ всѣхъ, близко интересующихся этимъ предметомъ.

Таранчинская Кульджа лежитъ какъ-разъ на 51 меридіанѣ къ востоку отъ Пулкова и нѣсколько южнѣ 44 паралели, въ 3 верстахъ отъ праваго берега рѣки Или. Городъ и его окрестности орошаются ключами *Пенсинъ-булакъ* и *Пиличи-су*, вливающимися въ названную выше рѣку. Кульджа раздѣляется на собственно городъ, окруженный высокой глиняной стѣной съ барбетами и воротами на всѣхъ четырехъ фасахъ; форма города—продолговатый четырехугольникъ, верстѣ 6 въ окружности. Большая улица *Базаръ-куче* направляется отъ западныхъ воротъ *Кура* и до воротъ *Дангъ*; ее пересекаетъ подъ прямымъ угломъ, съ сѣвера на югъ, отъ воротъ *Дуланъ* и до воротъ *Су*, улица *Чанъ-куча*. Такимъ образомъ городъ разбивается на 4 большихъ квартала, перерѣзанныхъ, въ свою очередь, множествомъ узкихъ и кривыхъ переулковъ. Вся Кульджа сита изъ глины. Приемы постройки тѣ же, что и во всей Средней Азіи, и только однѣ дворовыя стѣны кладутся въ Кульджѣ инымъ способомъ, а именно, тамъ ставятъ остова изъ тонкихъ жердей и набиваютъ его глиной; когда она слегка подсохнетъ, его переносятъ и такимъ образомъ постепенно ведутъ стѣну. Оттого на городѣбѣ садовъ и дворовъ можно замѣтить, во всю длину паралельныя углубленія, если стѣна не была обмазана сверху глиной. Впрочемъ есть стѣны и обыкновенной ташкентской постройки. Преобладающими обитателями цитадели являются таранчи, хотя русскія власти и частію войска помѣщаются тутъ же. Съ востока къ цитадели примыкаютъ два

пригорода: дунганскій *Данг* и китайскій *Маймаченз*, а съ юга—таранчинскій кентъ безъ особаго названія. Затѣмъ на югъ до самой р. Или идутъ сады, клеверныя поля и пашни таранчей, орошаемыя арыками изъ ручья *Пенчинз-булакъ*.

Въ г. Кульдѣжъ, по отчету за прошлый 1873 годъ, значится: мечетей 49
Каменныхъ, т. е. сырцо-
домовъ или дворовъ . . . 2,167 } выхъ или жженого кирпича.

Пожаръ въ 1873 году былъ 1. Сгорѣлъ домъ, цѣною 42 руб. 30 копѣекъ.

Русскій кварталъ разбитъ на сѣверо-западъ отъ цитадели и орошается рѣчкою Пиличи-су. На мѣстѣ этомъ пока лишь два готовыхъ дома: священника и доктора; но воздвигаются уже и другія постройки, какъ напримѣръ, казарма для семирѣченской сотни и лазаретъ. Дворовыя мѣста понемногу разбираются. Церковь предполагается среди города, на площади; масса жженого кирпича указываетъ, гдѣ будетъ эта церковь. Вообще вся сѣверная окрестность цитадели и сады предназначены подъ русскій городъ. Гостиницы въ Кульдѣжѣ нѣтъ, а потому прїѣзжему человеку приходится останавливаться у добрыхъ знакомыхъ, и, надобно правду сказать, вы всегда найдете въ Кульдѣжѣ всеобщее радушіе и хлѣбосольство, какъ нашелъ ихъ и я, за время моего двухнедельнаго пребыванія въ этомъ городѣ.

Познакомившись съ окрестностями города, возвратимся въ цитадель. Кульджа вся слѣплена изъ глины; кровли плоски и если бы не своеобразный людъ на улицахъ,—то можно бы подумать, что вы находитесь въ сартовскомъ городѣ. Только китайскія крыши съ поднятыми углами говорятъ, что вы на дальнемъ полукитайскомъ востокѣ. Лавки разбросаны всюду, но преобладаютъ на улицѣ *Базаръ-куче* и затѣмъ внѣ цитадели, на *Китайскомъ базарѣ*, что въ восточномъ предмѣстьѣ города. Тутъ постоянная толкотня всевозможныхъ народностей края.

Оставивъ тѣ изъ нихъ, которыя заходятъ въ Кульджу лишь на время, по большей части по дѣламъ торговымъ, поговоримъ здѣсь о коренныхъ обитателяхъ города. Преобладающими не только въ г. Кульдѣжѣ, но и во всемъ районѣ, являются *таранчи*, народъ тюрскаго происхожденія, выселенный китайцами, 100 лѣтъ

тому назадъ, изъ Кашгарской провинціи за бунтъ. *Таранъ*—по монгольски: пашня, а частица *чи* и на узбекскихъ, и на чисто монгольскихъ нарѣчіяхъ выражаетъ понятія производныя. Такимъ образомъ слово: *таранчи*—значитъ пахарь, или земледѣлецъ. И на самомъ дѣлѣ, при китайцахъ таранчи были главными данниками хлѣбомъ, что ихъ раззоряло иногда въ концѣ и въ общемъ было одною изъ главныхъ причинъ возстанія 1864 года. Таранчи-мусульмане, подъ влияніемъ вѣковаго подчиненія китайцамъ, уже утратили нѣкоторыя особенности тюркскихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, женщины таранчей ходятъ открытыми и послѣдствіемъ этого явилось то, что таранчи не поклоняются мужской красотѣ, подобно сартамъ. Таранчи довольно воинственны, и по своему—храбры. Наружностью они напоминаютъ полукочевыхъ узбековъ Зеравшанской долины, съ тою только разницею, что не носятъ чалмы, а надѣваютъ смужковья и другія шапки, кромѣ лицъ духовныхъ, которыя не расстаются съ заповѣднымъ головнымъ уборомъ пророка. Рубаха таранчей распахная, на подобіе сартовской, но бываетъ и длинная и короткая; ниже бѣлье тоже; затѣмъ кожаные или другія шальвары и наконецъ халаты, а зимою шуба довершаютъ костюмъ таранчи. Обувь ихъ сапоги или ичиги съ калошами.

Между таранчинками встрѣчаются очень прїятныя лица; но всѣ таранчинки исключительно брюнетки и смуглы, даже черны, потому что съ дѣтства не закрываютъ лицъ, работаютъ въ дому и на полѣ, и не прячутся, подобно сартянкамъ, въ тайникахъ гаремовъ. Однажды, подъѣзжая къ городу со стороны манджурской Кульджи, мы встрѣтили на дорогѣ двухъ молодыхъ таранчинокъ, которыя, взмостившись на возъ съ овощами, возвращались съ поля; значитъ, онѣ помогали мужьямъ, тогда какъ сартянки, въ особенности молодыя, не выходятъ изъ дома даже за водою. Женщины заплетаютъ двѣ косы, и надобно замѣтить, что у таранчинокъ нерѣдко встрѣчаются роскошныя косы; у дѣвушки три косы. Тѣ и другія прикрываютъ голову невысокой, цилиндрической шапочкой съ конической верхушкой. Шапочки эти шьются изъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій всѣхъ цвѣтовъ, а у старшаго таранчинскаго аксакала г. Кульджи, Бушри-Гафи, я видѣлъ женскую

шапку съ бобровымъ околышемъ, съ жемчугомъ и другими драгоценными камнями, стоящую, по его словамъ, 1200 рублей. Всѣ таранчинки очень усердно сурмятъ себѣ глаза и выводятъ брови, но румянятся рѣдко. Въ ушахъ онѣ носятъ серьги (*юнча*) и на рукахъ кольца, перстни и браслеты, по большей части изъ серебра. Длинная рубаха таранчинокъ шьется изъ ситца и другихъ бумажныхъ и шелковыхъ матерій, съ глухими воротомъ, въ противоположность сартянкамъ, которыя носятъ сорочки съ воротомъ открытымъ. Обувь таранчинскихъ женщинъ составляютъ ичиги съ калошами, а верхнюю одежду *чапанъ*—длинный халатъ, или теплыя шубы.

Правы таранчей, нужно думать, не отличаются особенной строгостью, какъ, напримѣръ, у дунганъ, которые щепетильны въ этомъ отношеніи до крайности. Однажды названный выше аксакль Бушри-Гафи давалъ маленький вечеръ, съ цѣлью показать намъ увеселенія таранчей. Балъ шелъ своимъ чередомъ, когда аксакаль былъ вызванъ изъ комнаты по дѣламъ службы, а именно къ нему пришелъ одинъ горожанинъ-таранча съ заявленіемъ, что въ сажлю его жены забрался кто-то и что онъ, услышавъ крики жены, тотчасъ же послѣдшилъ къ ней на помощь, и т. д. Какъ тутъ судить о нравахъ? Таранчи выдѣлили изъ себя и проститутку, изъ которыхъ одна приняла даже православіе; но все это такія мѣрила народной нравственности, что можно и ошибиться.

Перейдемъ къ балу Бушри. Аксакаль этотъ еще очень молодой, красивъ собою и богатъ. Онъ когда-то былъ храбрымъ наѣздиномъ и любимцемъ послѣдняго султана Кульджи, Абиля-Оглы. У Бушри нѣсколько молоденькихъ и хорошихъ женъ и нѣсколько домовъ и садовъ въ г. Кульджи. Домъ, въ которомъ онъ дѣлалъ вечеръ, находится въ цитадели. Со двора мы вошли въ большую переднюю комнату; по срединѣ ея стояла большая глиняная муравленая ваза въ нѣсколько ведеръ вмѣстимостью, съ свѣжею водою. На вопросъ: зачѣмъ это, получился отвѣтъ, что для освѣженія воздуха и поливанія каменнаго пола. Слѣдующая комната была пріемной, съ коврами и подушками на полу и съ нишами въ стѣнахъ, заставленными сундуками, посудой и заваленными одеялами и разными матеріями и кусками сукна. Кромѣ офицеровъ,

гостями были нѣсколько богатыхъ таранчей. Пришли также таранчинскіе и китайскіе музыканты.

По общему обычаю азіатцевъ, угощеніе началось съ фруктовъ и чая; между тѣмъ, приготовлялись танцы, которые и начались съ кашгарской пляски, исполненной среднихъ лѣтъ таранчиномъ, подъ бубны и пѣсни его соотечественниковъ. Танецъ отличается отъ пляски ташкентскаго бачи лишь усиленнымъ размахиваніемъ длинными рукавами халата во всѣ стороны. Послѣ таранчи вышли плясать дунганинъ, подъ китайскую музыку изъ скрипки, оригинальнѣйшей гитары о двухъ мѣдныхъ струнахъ, называемой *четеръ* (цитра?) и пристукиванья палочкою въ фарфоровую чашку. Плясунъ имѣлъ въ рукахъ *бабамба*, т. е. бамбуковую трость, на которую были нацѣплены мѣдные бубенцы. Плясалъ кривой толстякъ не безъ ловкости, ударяя себя тростью бабамба, въ тактъ музыки и своихъ движеній и прыжковъ, по плечамъ, по головѣ, бедрамъ, колѣнамъ и ступнямъ. Этого танца нѣтъ ни въ Ташкентѣ, ни въ Самаркандѣ. Кончилъ плясать толстякъ и вышла китайка (конечно, передъ нами былъ переодѣтый актеръ); она сдѣлала нѣсколько круговъ по комнатѣ, потомъ сѣла и начала раздирающимъ уши голосомъ пѣсню о невѣрности своего любовника, которому однако во все время пѣнія шила кошелекъ, искусно звукоподражая ногтями ниткѣ, когда она шуршитъ, проходя черезъ матерію. Послѣ китайки начали свои кривлянья таранча и сибо, потомъ сибо и китаецъ. Они были только комичны, въ особенности сибо въ его длинномъ, своеобразномъ халатѣ и шапкѣ, равнымъ образомъ и таранча съ колокольцами на шеѣ, какіе надѣвають обыкновенно на шею муловъ.

Всѣ описанныя выше пляски весьма однообразны, тѣмъ не менѣе публика выражала свой восторгъ неистовымъ ревомъ. Въ заключеніе, таранчи угостили насъ своей національной, очень выразительной пѣсней, въ которой, кажется, такъ и слышится скорбь объ ихъ далекой родинѣ—Кашгарѣ. Затѣмъ слѣдовалъ ужинъ: пельмени, другіе пельмени по-китайски, т. е. сухіе, пловъ и чай.

Во всѣхъ житейскихъ обрядахъ и обычаяхъ своихъ таранчи подчиняются общему кодексу мусульманъ—шариату. Если что и переняли они отъ китайцевъ, развѣ нѣкоторыя статьи туалета и

вооруженія. Напримѣръ, они въ свое время были вооружены луками и стрѣлами, и до сихъ поръ ѣздятъ на китайскихъ сѣдлахъ *). Почти всѣ таранчи говорятъ по-китайски. Собственный языкъ таранчей очень схожій въ самой Кульдѣжѣ съ языкомъ сартовъ, въ отдаленныхъ кентахъ напоминаетъ языкъ древнихъ узбековъ, какимъ написаны, напримѣръ, сочиненія извѣстнаго мусульманскаго святаго Султана Ахмедъ-Ясави Туркестанскаго. Мыѣ показалося это, по сравненію нѣкоторыхъ словъ и окончаній глаголовъ. Конечно, на языкъ таранчей имѣли вліяніе и китайцы.

Таранчи дѣлились прежде на *тысячи* и *сотни*, и управлялись *мынбеги*—тысячниками и *юзъ-беги* (сотниками); теперь тысячи превращены въ *волости* и сотни въ *староства*, управляемые волостными старшинами и сельскими старостами. Властью духовной прежде были *муфти*, а теперь *казии*—судьи.

Въ настоящее время гражданская и судебная власть города Кульджи сосредоточивается въ лицѣ начальника 1 участка Кульджинскаго района, онъ же и мировой судья. Собственно по городу Кульдѣжѣ помощниками начальника участка являются *аксакалы*, по одному каждой національности, и *казии*: у таранчей 3, дунганъ—2, у торговцевъ изъ Кашгара, Намангана и другихъ азиатскихъ городовъ 1 казий, и у китайцевъ 2 судьи.

Всѣ подати города Кульджи и вообще населенія Кульджинскаго района ограничиваются, такъ называемою, *посемейною податью*, по 3 руб. въ годъ съ дома, по раскладкѣ, т. е. бѣдные не платятъ почти ничего; другіе-же, болѣе достаточные, вносятъ и за себя, и за неимущихъ. Доходы собственно по г. Кульдѣжѣ съ арендаторовъ казенныхъ лавокъ въ крѣпости и въ предмѣстьяхъ Дангъ и Маймаченѣ, съ казенныхъ маслобень, мельницъ, и т. п. не превышаютъ 12.000 рублей въ годъ.

Другая коренная народность г. Кульджи и ея окрестностей суть *дунгане* или *тунганы*, какъ ихъ называютъ туземцы. Трудно въ точности опредѣлить происхождение этого народа, исповѣдывающаго исламъ и говорящаго китайскимъ языкомъ. Въ народѣ

*) Все населеніе, кромѣ русскихъ, киргизовъ и сартовъ, ѣздитъ на этихъ сѣдлахъ онѣ съ овальными луками, часто окованными мѣдными пластинками, очень тяжелы, но зато никогда не портятъ спины лошади.

есть преданіе, что когда-то одинъ изъ могущественныхъ владѣтелей Бухары, Самарканда и Ташкента (чуть ли не самъ Тимуръ Хромой) былъ приглашенъ въ гости царствовавшимъ въ ту пору въ Китаѣ богдыханомъ. Какъ подобаетъ владыкѣ, онъ отправился съ визитомъ въ сопровожденіи цѣлой арміи прислужниковъ. Хлѣбосольство и радушіе китайскаго повелителя простерлись до того, что онъ каждому мусульманину подарилъ невольницу. Погостивъ у богдыхана, татарскій владыка вернулся во-свои, но почти вся огромная свита его, какимъ-то необычайнымъ образомъ, должна была очарованная прелестями китайнокъ, осталась въ Китаѣ. Прошло много лѣтъ, когда властитель Бухары вспоминая о своихъ оставшихся на чужбинѣ подданныхъ и написалъ богдыхану о высылкѣ ихъ на родину. Онъ просилъ прислать его народъ *находящійся* въ Китаѣ. Слово: *находящійся* по узбеко-тюркски будетъ *турганъ* и это слово китайцы будто бы приняли за имя собственное и, уважая слово грознаго и сильнаго соседа, выслали народъ *турганъ* на западъ. Народъ турганъ оставилъ восточныя провинціи Небесной имперіи, а въ западныхъ—всѣ узбеко-тюркскіе сосѣди превратили кличку турганъ въ *тунгенъ* или *тунганъ*, а мы въ *дунганъ*. Это одно преданіе о происхожденіи дунганъ: въ немъ все легендарно. Другое относится ко времени Тимура-Хромаго, который, покоривъ западныя провинціи Китая, оставилъ въ нихъ арабскихъ проповѣдниковъ ислама, успѣвшихъ, при помощи оружія, превратить мѣстное китайское населеніе въ истыхъ мусульманъ. Дунгане мужественнѣе китайцевъ, но сохранили ихъ фizioномію, языкъ, одежду, многіе житейскіе обряды и привычки, хотя всетаки отличаются отъ сыновъ Небесной имперіи суровостью жизни, чистотою нравовъ и храбростью. Кульджинскіе дунгане брѣютъ головы, прикрывая ихъ шапками и ермолками; урумчинскіе дунгане носятъ косы: и здѣсь, и тамъ духовные носятъ чалмы. Женщины дунганъ, начиная съ прически и до обуви, похожи на китайнокъ, только ногъ своихъ, подобно имъ, не уродуютъ. Дунгане, кромѣ г. Кульджи, занимаютъ правый берегъ Или до города Чинчагодзи; они осѣдлый и трудолюбивый народъ и сѣютъ много риса. Жилища дунганъ всѣ изъ глины съ плоскими кровлями, но бываютъ кровли и скатами на обѣ стороны, подобно тому, какъ это дѣлаютъ сосѣди дунганъ,

сибо, на противоположномъ, лѣвомъ берегу р. Или. Дунгане платятъ ту же посемейную подать, какъ и таранчи.

Переходимъ къ *китайцамъ*. Остатки этого, нѣкогда владычествовавшего въ краѣ народа, теперь въ г. Кульдѣ весьма незначительны. Цифры населенія въ г. Кульдѣ мы приведемъ ниже. Большинство, подъ общимъ именемъ китайцевъ, привыкло видѣть одинъ народъ, подобно тому, какъ и другія монгольскія племена Илійской долины называются безразлично *калмыками*; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не смотря на вѣншее сходство народностей, каждая изъ нихъ представляетъ особую вѣтвь одного и того же народа и, кромѣ наружнаго вида, разнится одна отъ другой языкомъ, способностями и наклонностями. Такъ, китайцевъ здѣсь три вида: *манджу* или, по нашему, *манджуры*; это правители, военачальники, купцы и частью воины; они были въ Илійской провинціи представителями господствующаго въ Небесной имперіи племени. Хамбины, изъ юго-восточныхъ провинцій Китая представляли собою классы: земледѣльскій и военный. Это были военные поселане (надобно замѣтить, что хлѣбъ въ долинѣ Или главнымъ образомъ производили таранчи). Наконецъ третій видъ китайцевъ *чанфань*, т. е. ссыльные изъ восточнаго Китая (Нанкина и другихъ городовъ), служившіе также въ войскахъ, или у частныхъ лицъ. Всѣ три вида различаются рѣчью, образованіемъ и обстановкой, и отъ всѣхъ, въ особенности же отъ *чанфановъ*, осталось весьма немного; они также, какъ и *манджу*, погибли будто-бы почти всѣ во время возстанія 1863—64 г.

Всѣ кульджинскіе представители Небесной имперіи исповѣдываютъ буддизмъ и религію фо. Впрочемъ всѣ они одинаково почитаютъ и ламаизмъ и молятся вмѣстѣ съ калмыками однимъ и тѣмъ же бурханамъ. По вѣншему виду, манджу отличаются отъ другихъ китайцевъ тѣмъ, что предпочитаютъ въ своей одеждѣ синій цвѣтъ съ желтымъ или розово-желтымъ, тогда какъ просто китайцы любятъ синій съ чернымъ. Монгольское племя *сибо* представляетъ собою одну изъ безчисленныхъ монголо-даурскихъ вѣтвей, какъ и *суланы* или *солоны*, которыми пекинское правительство время отъ времени колонизировало Илійскую провинцію. Катастрофа 1863—64 годовъ нанесла страшный ударъ владычеству Китая въ долинѣ Или; вліяніе и значеніе его въ этой

мѣстности утрачены навсегда, благодаря несправедливости и насиліямъ, какія позволяли себѣ по отношенію къ таранчамъ и дунганамъ, разные дзянь-дзюни, амбаны и т. п. представители власти пекинскаго двора. Тѣмъ не менѣе, сами китайцы все еще вѣрятъ въ возможность обладанія Илійскою провинціею, а пограничный дзянь-дзюнь или генераль-губернаторъ Хеу-Жунъ-Хо, проживающій въ Чугучакѣ, до сихъ поръ весьма самоуверенно титулуется себя *исправляющимъ должность Илійскаго дзянь-дзюня и уласутайскаго хебе-амбана*, т. е. командующаго войсками. Пекинское правительство будто-бы высылаетъ къ нему то жалованье, которое получали когда-то калмыки *Арбунъ-Сумуна* (на р. Кашѣ) и другіе, несшіе службу, подобно казакамъ, и находящіеся теперь въ нашемъ подданствѣ. Если бы даже и случилось такъ, что русскія войска оставили Илійскую провинцію, то (намъ случилось это слышать на мѣстѣ) обезоруженные нами таранчи и дунгане все-таки готовы бить китайцевъ сначала палками, а потомъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. При такомъ направленіи умовъ преобладающаго населенія страны, какой же другой можетъ быть исходъ дѣла, какъ не безконечное кровопролитіе? Умный, трудолюбивый, сравнительно образованный, но развратный и слабонервный народъ, китайцы должны помириться съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ относительно Илійской и всѣхъ другихъ провинцій, занятыхъ таранчами и дунганями.

Въ Кульдѣ (а также въ г. Вѣрномъ) китайцы торгуютъ и занимаются разными ремеслами. Земледѣліемъ заняты немногіе китайцы въ г. Чинпандзи, недалеко отъ Кульджи, и въ деревнѣ Такианза, въ долинѣ рѣки Бороталы. Ниже, когда мы будемъ говорить о промыслахъ Кульджи вообще, мы приведемъ цифры, касающіяся ремесленниковъ и разныхъ ремесленныхъ заведеній, а теперь перейдемъ къ другимъ народностямъ обитающимъ въ г. Кульдѣ. Къ нимъ относятся *рускіе*, *сарты* и нѣсколько *аванцевъ*. Между русскими конечно преобладаютъ войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и другія сословія, какъ это увидимъ изъ нижеслѣдующихъ таблицъ о населеніи за прошлый годъ.

Сарты изъ Коканскаго *) и Кашгарскаго ханствъ живутъ въ

*) Очерки Семирѣчья писаны авторомъ въ 1875 г. Слѣдовательно до присоединенія къ Россіи Коканскаго ханства. Ивд.

Кульджѣ постоянно или наѣздомъ по торговымъ дѣламъ, также какъ и аванцы. Замѣчательно, что индѣйцевъ въ Кульджѣнѣтъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи этотъ предприимчивый народъ воровачаетъ большими капиталами и эксплуатируетъ туземное население.

Въ годовомъ отчетѣ за 1873 годъ, мы находимъ нижеслѣдующія цифры о населеніи, которыя должно признать подходящими къ дѣлу и въ этомъ году, потому что измѣниться имъ рѣшительно не было никакихъ причинъ, т. е. не было ни болѣзней, ни экстреннаго наплыва населенія по какому либо особому поводу:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Русскихъ	1153	148
Таранчей	2980	8978
Китайцевъ	841	846
Сартовъ	391	244
Дунганъ	274	259
Итого	5577	4475

А всего—10,052 души обоого пола. Кромѣ того, въ Кульджу очень много наѣзжаетъ изъ окрестностей киргизовъ и калмыковъ, такъ что на видъ, судя по движенію на улицахъ и базарахъ, городу можно дать болѣе 15,000 душъ населенія.

Собственно русскій элементъ составляютъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Дворяне потомственные (*)	22	4
» личные	21	11
Духовенства бѣлаго	1	1
Купцовъ	10	16
Мѣщанъ	63	25
Крестьянъ	3	2
Отставныхъ, безсрочно-отпущенныхъ съ семействами	10	8
Льготныхъ казачьихъ семействъ	8	10
Войскъ всѣхъ родовъ оружія	1014	—
Солдатскихъ и казачьихъ женъ	—	71
Итого русскихъ	1153	148

*) Дворяне потомственные и личные служатъ въ войскахъ и по военно-народному управленію.

Городъ Кульджа.

Сообразно разноплеменному населенію, Кульджа разнообразна и своими храмами.

Временная православная церковь находится въ крѣпости, въ самомъ обыкновенномъ помѣщеніи, и напоминаетъ собою походную церковь. Впрочемъ, выше мы говорили, что въ серединѣ возникающаго русскаго квартала предполагается построить настоящій православный храмъ и что матеріалъ для него уже готовъ.

Каплица католиковъ-китайцевъ занимаетъ комнату, всего въ 3 шага ширины и шаговъ 8 длины. Комнатка эта освѣщается только одною дверью, прямо передъ которой стоитъ столѣтъ и надъ нимъ небольшое распятіе, литографированный образъ Спасителя и другой—Архангела Михаила. На столѣтъ латинское евангеліе 1769 года и китайская книга, должно думать тоже евангеліе, и небольшая шкатулка съ отверстіемъ на крышкѣ, кружка. Католицизму въ этихъ странахъ будто-бы не болѣе 100 лѣтъ. Китайцевъ-католиковъ было, говорятъ, до 300 семей, но незадолго до взятія Кульджи русскими войсками, въ 1871 году множество этихъ неофитовъ погибло подъ ножами таранчей, такъ что теперь ихъ едва-ли болѣе 70-ти душъ обоого пола. Они склонны оставить Кульджу и принять православіе, что всего нагляднѣе подтверждается тѣмъ, что дѣти этихъ католиковъ охотно прислуживаютъ православному священнику во время божественной службы. Во всякомъ случаѣ, великъ подвигъ миссіонеровъ, такъ далеко возвѣшавшихъ имя Христова!

Отъ храмовъ христіанскихъ перейдемъ къ храмамъ иновѣрческимъ.

Изъ таранченскихъ мечетей всѣхъ древнѣе и лучше медресе Джума. Это огромное, старое одноэтажное зданіе, поддерживаемое 60-ю деревянными колоннами, находится въ цитадели. Послѣдній султанъ Кульджи, Абиля-Оглы, реставрировалъ его, приказавъ раскрасить деревянный потолокъ и убрать арабесками изъ гипса переднюю часть мечети, гдѣ находится *ныбла*, т. е. ниша къ которой обращаются во время молитвы. Полъ мечети устланъ большими и тонкими циновками, изящной работы. Изъ другихъ та-

ранчинскихъ святыхъ мы осмотрѣли лишь могилу святаго Сеидъ-эмира-Джалаль-Эддина. Это родъ своеобразныхъ построекъ, смѣсь мусульманскаго стиля, съ китайскимъ, выражающимся главнымъ образомъ въ томъ, что углы и края крышъ подняты, какъ это всякій видѣлъ на рисункахъ, да искусная лѣпная работа въ видѣ гирляндъ и цвѣтовъ на фронтонахъ и карнизахъ надъ воротами придаютъ зданію китайскую физіономію. Надъ могилою святаго есть также и *тузъ*, т. е. знамя, изъ небольшого желѣзнаго копья съ конскимъ хвостомъ.

Изъ дунганскихъ мечетей стоитъ вниманія одно медресе въ городской стѣнѣ, недалеко отъ китайскаго базара. Тутъ очень высокъ и характеренъ, по постройкѣ, минаретъ. Это башня въ нѣсколько ярусовъ, съ китайской кровлей; зданіе очень красивое съ виду, снабжено внутри очень крутыми, почти вертикальными и узкими лѣстницами, по которымъ однако дунганскіе мальчики (изъ школы, находящейся при медресе), сопровождавшіе насъ на башню, взбѣгали и скатывались такъ ловко и быстро, что за нихъ становилось страшно. Мальчуганы имѣли добродушнѣйшія китайскія физіономіи и были босы, въ тибетейкахъ и длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ; они не просили подачки, какъ сартята, а лишь съ любопытствомъ осматривали насъ и что-то болтали на своемъ непонятномъ языкѣ.

Съ этой башни хорошій видъ на весь городъ Кульджу.

Послѣ мусульманскихъ храмовъ перейдемъ къ языческимъ.

Въ Кульджѣ только одна большая *кумирня*, въ которой молятся и ламайцы, и буддисты, и послѣдователи Фо. Кумирня состоитъ изъ двухъ отдѣленій: переднее, — съ улицы, еще строится и что въ немъ будетъ — неизвестно; за нимъ небольшой дворикъ, похожій на комнату безъ потолка, затѣмъ широкая открытая терраса и уже за нею полутемная комната для бурхановъ или идоловъ, съ тремя выходами на террасу. Передъ террасой небольшой жертвенникъ съ курильницей и тутъ же, на деревянномъ постаментѣ, укрѣплена полуторосотенная чугунная алебарда. Это, надобно думать, олицетвореніе меча религіи. Стѣны террасы оклеены и увѣшаны образами и росписаніями праздниковъ. Передъ среднимъ входомъ собственно въ кумирню находится небольшою высокой столикъ, кругомъ закрытый скатертью, на немъ множе-

ство маленькихъ хлѣбцевъ, испеченныхъ къ празднику, зажженные свѣчи и еще какіе-то мѣдные сосуды и другіе атрибуты ламъ. Посерединѣ внутренней темной божницы также стоитъ столъ съ хлѣбами, свѣчами, сосудами и проч., равнымъ образомъ и по сторонамъ его, у стѣнъ, нѣсколько такихъ же столиковъ и всѣ они заставлены тѣми же блестящими мѣдными сосудами разныхъ формъ и величинъ, колокольчиками и т. п. Три переднія *ниши* заняты разнообразными мѣдными идолами и завѣшены образами, тутъ же помѣщаются на деревянныхъ стойкахъ два чугунныхъ колокола, каждый пуда въ 2 вѣсомъ. Мы пришли въ кумирню, когда служители ея, называемые *шансинь* или лама, уже кончили молитву. Они сидѣли на дворянѣ передъ террасой, вокругъ стола съ фруктами и хлѣбцами. Одинъ пѣлъ, другіе сопровождали его на барабанахъ, длинныхъ трубахъ и т. п. Это была буквально — кошачья музыка; ламы веселились, по случаю праздника. Кругомъ стояли китайцы разныхъ возрастовъ. На террасѣ, по лѣвую сторону перваго жертвенника, у стола сидѣли нѣсколько пожилыхъ и солидныхъ китайцевъ, надобно думать, мѣстныхъ капиталистовъ, и курили свои оригинальныя трубки; на коврѣ, передъ самымъ жертвенникомъ, барахтались нѣсколько чистенько одѣтыхъ китаецъ и въ томъ числѣ одна дѣвочка; по правую сторону жертвенника, на особомъ столикѣ, полусидѣла на заднихъ ногахъ ободранная баранья туша, мордой къ выходу; отрѣзанная голова барана была не ободрана и приставлена къ шеѣ; переднія ноги животного были вытянуты прямо впередъ, а заднія подъ нимъ. Это оригинальное чучело изъ сырого мяса и сала предназначалось поступить сначала въ котель, а потомъ въ желудки поклонниковъ Будды.

Въ заключеніе очерка духовныхъ учреждений г. Кульджи, приведемъ цифры населенія по вѣроисповѣданіямъ, за 1873 годъ:

По городу Кульджѣ значилось:	мужчинъ	женщинъ.
Православныхъ	1,044	119
Католиковъ (въ томъ числѣ и китайцевъ)	71	47
Протестантовъ	3	—
Магометанъ	3,650	3,507
Язычниковъ	809	802
Итого	5,577	4,475

Народное образованіе въ Кульдѣжѣ выражается въ школахъ, изъ которыхъ первое мѣсто должно отвести, такъ называемой, *Кульдѣжской народной школы*. Въ ней въ 1873 году было учениковъ: русскихъ 7, татаръ, 1 китайцевъ 1 и таранчей 25. Всего 34.

Затѣмъ слѣдуютъ туземныя учебныя заведенія:

	Учащихся	
	мужчинъ	женщинъ
13 элементарныхъ таранчинскихъ школъ и		
2 медресе	314	140
1 дунганская школа	20	9
2 китайскія школы въ предмѣстьѣ Дангъ	20	—
Итого, вмѣстѣ съ народной школой	421	149

По умственному развитію выше всѣхъ туземныхъ народностей Кульдѣжи слѣдуетъ поставить китайцевъ, хотя у нихъ всего только двѣ школы, а у таранчей ихъ 13 и 2 медресе или университета. Но уже одно то, что въ мусульманскихъ учебныхъ заведеніяхъ наука не идетъ далѣе корана и шаріата—само собою, говорить въ пользу китайцевъ, которымъ свойственны всѣ духовныя отправленія цивилизованныхъ народовъ; у нихъ есть литература, живопись и театр. Конечно, все это своеобразно и въ Кульдѣжѣ не имѣетъ тѣхъ формъ и размѣровъ, какіе существуютъ на востоѣ Китая, тѣмъ не менѣе и кульдѣжскіе китайцы не совсѣмъ еще отстали отъ своихъ соотечественниковъ.

Оставивъ въ сторонѣ литературныя занятія, которыя можетъ быть существовали здѣсь, когда процвѣтала манджурская Кульдѣжа, разрушенная таранчами, скажемъ здѣсь слова два о *китайскомъ театрѣ*. Въ Кульдѣжѣ довольно китайскихъ актеровъ, которые по приглашенію, представляютъ разнообразныя фарсы, по большей части легкаго и даже скабрезнаго содержанія, не лишеныя однако юмора и не безполезныя въ смыслѣ обличенія людскихъ слабостей и пороковъ. Не можемъ не выразить здѣсь сожалѣнія, что по незнакомству съ китайскимъ языкомъ, мы не въ силахъ передать подробное содержаніе виденныхъ нами пьесъ; тѣмъ не менѣе попытаемся сказать нѣсколько словъ о драматическомъ искусствѣ китайцевъ.

Мѣстомъ представленія была избрана виноградная бесѣдка въ саду подполковника А. А. Гринвальда, гостепріимствомъ котораго я пользовался во время пребыванія моего въ Кульдѣжѣ. Бесѣдку освѣтили китайскими фонарями, настлали ковровъ и явились артисты. Это были: мужчина, женщина и трое музыкантовъ. Они заняли одну половину бесѣдки, мы другую. Актеръ былъ одѣтъ въ обыкновенный китайскій костюмъ: въ длинной рубахѣ и черной курткѣ, и отличался отъ музыкантовъ только тѣмъ, что былъ гримированъ, но и гримировка эта состояла лишь въ томъ, что вокругъ глазъ онъ провелъ мѣломъ бѣлые круги, отчего лукавыя глазки его выдѣлялись рельефнѣе; актриса (конечно перодѣтый молодецъ) была въ красномъ платьѣ, съ вѣеромъ въ рукахъ и въ парикѣ а la chinoise, съ огромными мѣдными булавами, бумажными бабочками и цвѣтами. Парикъ сдѣланъ изъ черныхъ конскихъ волосъ и проклеенъ куринымъ желткомъ. Обуты были оба очень плохо, въ старыя плисовыя башмаки. Китайка едва переступала—намокъ на то, что у нея маленькія ножки.

Музыканты помѣстились позади актеровъ у стѣны. Началось представленіе. Первая пьеса, сцена 1-я. Купецъ кривляется и поетъ передъ красавицей о ея красотѣ, уподобляя ее неуязвемому цвѣтку, который растетъ во всѣ 12 мѣсяцевъ года, и вызываетъ къ ея ножкамъ... Красавица, прохаживаясь подъ музыку и обмахиваясь вѣеромъ, отвѣчаетъ ему послѣ каждого куплета, отчего и вся сцена состоитъ собственно изъ 36 куплетовъ, оканчивающихся согласіемъ отдать ему руку и сердце. Сцена II-я, черезъ годъ послѣ брака: красавица скрипучимъ голосомъ поетъ, что мужъ уѣхалъ далеко по торговымъ дѣламъ, что она брошена имъ безъ средствъ; она ропщетъ на судьбу. Неожиданно является мужъ, онъ промотался; начинаются упреки съ одной стороны и оправданія съ другой; жена неприступна; мужъ лезетъ изъ кожи — и поетъ, и говорить; жена только изрѣдка скажетъ нѣсколько словъ и грустно сидитъ, отвернувшись; выведенный изъ терпѣнія, мужъ, въ свою очередь, начинаетъ сердиться и поетъ что-то такое, должно быть, очень чувствительное, потому, что къ концу пѣсни жена стоитъ уже около него, положивъ къ нему на плечо свою руку; очнувшись послѣ пѣсни, мужъ съ ужасомъ и удивленіемъ отскакиваетъ отъ жены и начинаетъ важно рассказывать по сценѣ,

размахивая руками; начинается скорбная пѣсня жены и ухаживанье за мужем... Куда, онъ буквально и руками, и ногами! Тогда она садится на землю и плачетъ: это дѣйствуетъ на него, потому что сердце не камень, и пѣса кончается примиреніемъ. Вторая пѣса того же содержанія, въ тѣхъ же костюмахъ и подъ ту-же музыку, съ тою только разницею, что сцена происходитъ между починщикомъ битой фарфоровой посуды и дѣвучкой. Эта пѣса полна сильныхъ намековъ и тѣлодвиженій во время работы надъ разбитыми чашками и во время танцевъ; но въ общемъ содержаніи одно и тоже: ухаживанье, брань, семейный разладъ и примиреніе. Мимика у китайцевъ очень хороша, комизму много; не смотря на то, что мы, русскіе, ни слова не понимали, мы невольно смѣялись интонаціи и чрезвычайно комичнымъ выходкамъ китайскаго гаера. Содержаніе пѣсень перевелъ намъ бывшій въ спектаклѣ аксакалъ Бушри-Гауни. Скабрезность вообще въ характерѣ китайцевъ. Въ Кульдѣ можно еще достать небольшіе китанскіе альбомы изъ рисунковъ на стеклѣ, самаго крайняго содержанія. Впрочемъ, на китайскихъ театрахъ бываютъ и серьезныя пѣснь, — только не въ Кульдѣ. Такъ, я читалъ гдѣ-то содержаніе одной китайской драмы, герой которой, противодѣйствуя правительству, борется съ долгомъ гражданина и страстной любовью къ молодой женѣ и погибаетъ за отечество. Правда, пѣса обставлена фантастически: явленіями тѣней предковъ, крылатыхъ змѣй и драконовъ, по все таки низко стоящіе народы не способны на подобное воспроизведеніе въ образахъ высокаго проявленія челоѣческаго духа. Тѣмъ не менѣе, по статистикѣ преступленій въ г. Кульдѣ и ея окрестностяхъ за 1874 годъ, китайцы занимаютъ второе мѣсто, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Родъ преступленій	Осужденныхъ						
	Число преступленій.	Русскихъ.	Таранцевъ.	Дунганъ.	Китайцевъ.	Киргизъ.	Сиб.
a) Покушеній на самоубійство	2	»	2	»	»	»	»
b) Убійство	15	2	7	»	»	1	1
c) Кража	39	»	57	»	12	»	9
d) Захватъ чужой собственности	6	»	5	1	»	»	»
e) Нанесеніе обидъ и безпорядки	69	»	47	7	16	»	5
Итого	131	2	118	8	28	1	15

Отсюда видно, что туземное населеніе Кульдѣ по преступленіямъ располагается въ такомъ порядкѣ: таранчи, китайцы, дунгане, калмыки, киргизы и сиб. Очень оригинальнымъ видомъ преступленія между туземцами кульдѣнскаго района находимъ присвоеніе дѣтей. Мы сами были свидѣтелями разбирательства по этому поводу въ управленіи начальника города Кульдѣ. Калмыкъ опозналъ свою дѣвочку, пропавшую за время смуты, въ семействѣ одного таранчи и затѣялъ тяжбу. Разбирательство кончилось тѣмъ, что дѣвочка была возвращена настоящему отцу-калмыку, а отецъ таранча долженъ былъ, въ свою очередь, получить вознагражденіе за прокормленіе втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нужно было видѣть, какъ дѣвочка рвалась къ ех-отцу таранчѣ и жалобно кричала: атамъ! атамъ! отецъ! отецъ! въ то время, какъ выпрошенный за ворота таранча взымалъ къ ней: баламъ! т. е. дитя мое! И такіе случаи по всему району будто-бы не рѣдки.

Промышленность г. Кульдѣ выражается въ фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ учрежденіяхъ, которыя мы и опишемъ здѣсь по порядку.

Фабрикъ шелковыхъ матерій, ковровыхъ и т. п. въ Кульдѣ нѣтъ.

— «Мы таранчи (т. е. пахари), говорилъ аксакалъ Бушри, не знали никакого другаго дѣла, какъ только пахать землю и отдавать китайцамъ нашъ хлѣбъ».

Правда и китайцы не нуждались въ ихъ мануфактурномъ искусствѣ, имѣя свои фабрики въ манджурской Кульдѣ или получая готовые издѣлія изъ восточныхъ провинцій имперіи. Притомъ же и шелководство въ Кульдѣ издавна незначительно. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ появились замѣтки о какомъ-то *дикомъ шелковичномъ червѣ*, найденномъ въ Кульдѣ и представляющимъ собой будто бы первообразъ того червя, котораго разводять вообще въ Средней Азіи. Намъ кажется, удачнѣе будетъ предположеніе, что обыкновенный шелковичный червь, заброшенный во время неурядицъ безъ присмотра и пищи, нашелъ себѣ и то и другое, и одичавъ, видоизмѣнился. Такъ это я слышалъ на мѣстѣ и отъ туземцевъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ подлежитъ рѣшенію специалистовъ.

Чугунно-литейный заводъ занимаетъ два двора. На первомъ подземная печь и около нея груды тиглей и формы изъ крупнаго песку для разныхъ предметовъ: для лемеховъ на плуги, площадкы и т. п. Среди двора врыта въ землю совершенно готовая форма большаго котла; рабочіе ждали, пока она просохнетъ. Металлъ льютъ прямо въ форму изъ тиглей, таская ихъ изъ печи по одному, а потому вещи выходятъ пузырястыми и съ фистулами, въ чемъ мы и убѣдились на второмъ дворѣ, гдѣ кучею лежали готовые лемехи и проч. Тутъ же были нѣсколько большихъ и старыхъ разбитыхъ чугуныхъ колоколовъ изъ кумирень. Очевидно, они хранятся, какъ матерьялъ, на другія издѣлія. У воротъ приспособленъ на платформѣ большой каменный валь, приводимый въ движеніе лошадыю; это катокъ для обработки глины на тигли.

Бумажная фабрика—большая полутемная сакля. Въ одномъ углу врытъ въ землю большой чанъ съ пеньковымъ растворомъ; мальчикъ беретъ его четырехугольнымъ ситомъ съ низкими бортами и, когда вода сбѣжитъ, освѣшивъ на днѣ мелкія пеньковыя волокны осторожно опрокидываются листъ на листъ и просушиваются. Качество и ровность листовъ зависятъ отъ приготовления раствора, ловкости и сноровки мальчика. Впрочемъ, бумага очень груба, въ родѣ нашей оберточной низшаго сорта, что однако не мѣшаетъ китайцамъ на ней писать. Въ этой же саклѣ старикъ-китаецъ выбивалъ желѣзнымъ штампомъ изъ бумаги марки и продавалъ ихъ при насъ на 15 коп., по 3 на копѣйку, молодому китаюцу. Это своего рода банкиръ, выдающій чекъ на имя извѣстныхъ ему лицъ. Жизнь простаго человѣка въ Кульдѣ очень дешева, а потому на 45 марокъ въ обжорномъ ряду можно имѣть многое, конечно, въ предѣлахъ китайскаго вкуса и потребностей. Такъ, напримѣръ, курица стоитъ отъ 3 до 10 коп., а до занятія нами Кульдѣ стоила 1 коп. Сотня яицъ 20, 30 к., а про овощи нечего и говорить: онѣ дешевы баснословно. Китаецъ дѣлаетъ это не безъ разсчета. Онъ ходитъ ѣсть въ одинъ и тотъ же ресторанъ, гдѣ за одну или за двѣ марки имѣетъ чашечку риса и чашку чаю; хозяинъ ресторама имѣетъ дѣло съ старикомъ мѣнялой. Такимъ образомъ, и ресторанъ пріобрѣтаетъ постоянного посѣтителя, и старикъ-мѣняла получаетъ извѣстный процентъ. При китайскомъ правительствѣ въ Кульдѣ марки замѣняла мѣдная монета раз-

ныхъ величинъ, съ отверстіемъ посерединѣ, называемая *ярмакъ*. Говорили, что на одинъ ярмакъ, величиною съ нашу копѣйку, можно было имѣть два хлѣбца и чашку чаю. И надобно думать, что въ обращеніи этихъ ярмаковъ было очень много, потому что ихъ до сихъ поръ не рѣдкость найти на улицахъ разрушенной манджурской Кульдѣ, а въ Ташкентѣ они привозятся сотнями пудовъ, какъ матерьялъ для изготовленія ари-мѣдяни, столь необходимой для выдѣлки зеленаго *саура*, изъ мѣстнаго шагрена.

Возвращаемся къ фабрикамъ.

Конфектная фабрика. Китайскія конфеты дѣлаются изъ риса или проса, которые сначала развариваются, потомъ приводятся въ броженіе, вслѣдствіе чего отлагается сахаръ; тогда этому обсахарившемуся тѣсту даютъ извѣстныя формы, причемъ сильно взбитое тѣсто даетъ конфеты бѣлыя, а не взбитое коричневаго цвѣта. Конфеты эти приторно сладки и несомненно липнуть къ зубамъ. Обстановка завода въ высшей степени неприятна.

Вермишельный заводъ. Вермишель очень любятъ таранчи, дунгане и китайцы. Она имѣетъ соленый вкусъ, потому что на 1 пудъ муки кладется 4 ф. соли. Тѣсто пропускается черезъ нѣсколько тонкихъ деревянныхъ валиковъ съ высоты и собственной тяжестью вытягивается въ нити. Впрочемъ, заводъ при насъ не работалъ, а хозяинъ завода, дунганинъ, плохо говорилъ по-таранчински. Надобно замѣтить, что всѣ фабрики и заводы г. Кульдѣ принадлежать китайцамъ или дунганамъ, и только маслобойни и мельницы таранчамъ. Фунтъ вермишели продается по 3 коп. Статья очень выгодная, потому что пудъ муки въ Кульдѣ стоитъ 20 коп., 4 фунта соли 6 коп., итого 26 коп., а пудъ вермишели стоитъ 1 руб. 20 копѣекъ.

Мыльный заводъ—двѣ небольшія сакли, пропитанныя отвратительнымъ запахомъ. Мыло готовится самаго низшаго сорта изъ сала, золы степнаго кустарника, называемаго *гребенщикъ* и извести съ гипсомъ.

Мельница водяная объ одномъ поставѣ. Зерно предвари-

обѣ стороны жернова устроены два четырехугольные сита для муки, приводимыя въ движеніе каждое однимъ здоровымъ таранчей; на механизмѣ навѣшены желѣзные бубенцы, а потому шумъ на мельницѣ страшный и отъ бубенцевъ, и отъ громкаго пѣнія рабочихъ. Въ другомъ отдѣленіи мельницы, также посредствомъ двухъ жернововъ, давятъ льняное зерно и потомъ изъ этой полужидкой массы, на особомъ заводѣ, жмутъ *зыгырное масло*. Для этого масса складывается въ чанъ съ краномъ, перемѣшивается съ рубленой травой, преимущественно съ осокой, и нажимается тяжестью длиннаго и толстаго бревна; кранъ отворяется и получается масло. Выжимки идутъ на кормъ скота, въ особенности верблюдовъ и рогатаго, который, надобно замѣтить, охотно ѣстъ осоку и безъ масляной приправы, тогда какъ лошадь эту траву обходитъ.

Укусный заводъ приготовляетъ укусъ хлѣбный. Отруби и пшеница квасятся въ чанахъ подъ войлоками, испуская противный острый запахъ, потомъ взвариваются и даютъ укусную эссенцію зеленого цвѣта и не совсѣмъ пріятнаго вкуса, очень любимую китайцами. Мельница и заводъ принадлежатъ одному и тому же хозяину-таранчѣ; онъ же торгуетъ мукой. Значить, отруби имѣютъ здѣсь должное примѣненіе.

Кромѣ всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ, въ Кульдѣ есть заводы *гончарные* и *красильни* съ приемами, общими во всей Средней Азіи.

Выписываемъ здѣсь цифры о числѣ фабрикъ и заводовъ въ г. Кульдѣ въ 1873 году.

Число фабрикъ и заводовъ.	Производительность. Руб.
Чугунно-литейныхъ	6 1,440
Бумажныхъ	4 3,528
Вермишельныхъ	5 800
Маслобенъ	15 21,600
Гончарныхъ	2 800
Красильныхъ	6 1,080
Итого. 38	29,247

Число рабочихъ на всѣхъ этихъ заводахъ 131 человекъ.

Разные мастеровые и ремесленники, работающіе на дому или въ лавкахъ на базарѣ, даютъ по г. Кульдѣ нижеслѣдующія цифры:

	Таранчи.	Дунгане.	Китайцы.
Сапожники	160	4	5
Кузнецы	30	»	20
Плотники	22	1	25
Мѣдяки	6	»	5
Серебряки	»	»	3
Каменьщики	20	»	6
Портные	»	»	2
Итого.	238	5	66

Изъ этихъ свѣдѣній усматривается, что хотя китайскихъ мастеровъ менѣе, нежели таранчинскихъ, но зато китайцамъ свойственны всѣ роды ремеслъ. Ничтожная цифра мастеровыхъ-дунганъ объясняется тѣмъ, что этого народа въ г. Кульдѣ менѣе другихъ національностей, а можетъ быть и тѣмъ, что они предпочитаютъ приобретать все необходимое для себя отъ своихъ земляковъ изъ Суйдуна и Чинчагодзи.

Весьма важную статью промышленности въ окрестностяхъ Кульджи составляетъ *каменный уголь*, находящійся въ 18 верстахъ на сѣверо-западъ отъ города, въ шели *Тянджанъ*. Дорога на копи идетъ сначала по почтовому пути мимо китайскаго городка *Чинпандзи* и до развалинъ китайскаго города *Баяндай*. Грустный видъ имѣютъ эти обширныя развалины, обнесенныя высокою и толстою стѣною въ формѣ четырехугольника. Стѣна такъ толста, что мы взобрались на сѣверный фасъ ея на коняхъ и потомъ спустились съ нея по осыпи въ поле. Сѣверныя ворота были наглухо завалены еще во время осады города таранчами, которые ворвались въ юго-западные и южныя ворота. Въ этомъ мертвомъ городѣ хорошо сохранилось направление улицъ и кое-гдѣ попадаются таранчи, дунгане и калмыки, добывающіе изъ развалинъ жженый кирпичъ или ищущіе кладовъ.

Отъ развалинъ дорога идетъ на сѣверъ по полямъ и входитъ въ ущелье Тянджанъ. Тутъ видны развалины китайской деревеньки и желѣзо-плавильныхъ заводовъ, дѣйствовавшихъ при китайцахъ, груды шлаковъ и перержавѣвшихъ, и вывѣтрившихся неоконченныхъ плавкою кусковъ металла. Одни шлаки показываютъ, что печь работала хорошо, другіе, напротивъ, еще богаты желѣзомъ. Бся почва ущелья и предгорій окрашена въ темно-коричневый цѣтъ, — ясное указаніе на присутствіе желѣза.

По ущелью идетъ небольшой ключъ. Переправившись черезъ него, мы повернули направо, въ боковую щель, и начали подниматься въ гору; подъемъ шелъ съ версту до избышки хозяина каменно-угольного участка, г. Смоленцева. Онъ любезно показалъ намъ одну вертикальную штольню, изъ которой уголь вытаскивается бадьей, называемой по мѣстному *цебетъ*. Отверстіе колодца закрыто простой постройкой, гдѣ хранится и уголь, вынутый съ глубины 43 сажень. Работаютъ китайцы и калмыки по 10 коп. въ день, и даже съ своимъ хлѣбомъ. Въ другую штольню мы спустились по подземному корридору, наклоненному къ центру земли. Рабочіе имѣли въ рукахъ масляныя палочки. Опускаясь въ землю по кривому корридору, мы прошли сначала глины, потомъ гипсъ съ глиной, угольный сланецъ и наконецъ, на глубинѣ 40 сажень, вступили въ каменный уголь. Это обширная пещера съ кулолообразнымъ потолкомъ изъ угля и сланца, который толстыми пластами перемежался съ углемъ, направляясь съ востока на западъ. Кое-гдѣ стоятъ подпорки. Отраженіе свѣта лампъ на черномъ блестящемъ потолкѣ штольни, полъ, покрытый мелкимъ углемъ, особый смодистый запахъ, физіономіи калмыковъ и наконецъ мысль, что надъ нами цѣлая гора, — все это вмѣстѣ производило на новаго человѣка сильное впечатлѣніе. Изъ этой штольни уголь таскаютъ въ мѣшкахъ тѣмъ корридоромъ, которымъ мы вошли.

Поднявшись изъ земли, мы, по указанію г. Смоленцева, пошли по окрестностямъ и осмотрѣли двѣ трещины въ почвѣ, извергающія сильный паръ: изъ одной идетъ тепло съ сѣристымъ запахомъ, другая напоминаетъ легкій паръ обыкновенной бани. Конечно, причиною это явленія на поверхности земли подземный пожаръ каменного угля. Уголь, загорѣвшійся отъ прикосновенія съ подземною водою и воздухомъ черезъ отверстіе въ почвѣ, тлѣетъ въ нѣдрахъ

горы, причемъ паръ и дымъ, минуя подземные большіе залежи сѣры, насыщаются ею и выходятъ на поверхность съ сѣристымъ запахомъ, или же, когда эти дымъ и жаръ проходятъ черезъ песчаные пласты, то выходятъ наружу въ видѣ легкаго баннаго пара. Туземцы устроили надъ этими горячими щелями шалаши и лежатъ въ нихъ, врачуютъ ревматизмъ и кожные болѣзни. Несмотря на то, что входное отверстіе шалаша было открыто, я не могъ пробыть въ шалашѣ одной минуты — такой горячій паръ валитъ изъ земли. Всѣ туземцы зовутъ эти щели аршанъ. Тутъ же, недалеко, мы осмотрѣли большую пещеру въ горѣ, служившую, судя по золѣ отъ костра, когда нибудь убѣжищемъ человѣку, и можетъ быть, не далѣе, какъ во время послѣднихъ междоусобій. Входъ въ пещеру снаружи почти непримѣтенъ. По дорогѣ къ избышкѣ г. Смоленцева, мы видѣли слѣды китайскихъ работъ: колодцы, груды шлаковъ и желѣзной руды и развалины печей и построекъ. Эти же слѣды встрѣчаются и выше избышки на нѣсколько верстъ, гдѣ вся мѣстность пробурована глубочайшими колодцами, такъ что ночью тутъ можно неожиданно погибнуть, и тѣмъ вѣроятнѣе, что бездны эти замаскированы кустарниками и травой. Мы доѣхали до копи, принадлежащей китайцу и тамъ, на гребнѣ одной горы, видѣли снова аршанъ. Гребень горы съ прошлаго года осѣдаетъ все ниже и ниже; у подножья видѣны выходы угля, который и горитъ внутри горы. Въ 8 верстахъ отъ этой горы есть настоящая солфатера съ огнемъ, о которой, впрочемъ, было уже кѣмъ-то заявлено въ печати. На сѣверо-восточной границѣ Кульджинскаго района, за Шихо, горы, по дорогѣ къ Манасу, также будто бы горятъ; но тамъ, кажется, не было еще ни одинъ путешественникъ.

Каменноугольныя мѣсторожденія по ручью Тянджанъ, осмотрѣнные нами, занимаютъ площадь въ 4 квадратныхъ версты, принадлежащую тремъ хозяевамъ. Пошлина въ казну заключается въ $\frac{1}{10}$ стоимости пуда. Единственное неудобство этихъ копей заключается въ томъ, что воду для рабочихъ на конь возятъ съ ручья Тянджанъ на ослахъ, что въ гору и въ зной бываетъ весьма затруднительно.

Уголь, добываемый въ щели Тянджанъ, трехъ сортовъ: лучший въ 10 к. пудъ, средній въ 8 и низшій землистый въ 3 коп. пудъ. Первые два сорта идутъ въ кузницы и вообще въ мастерскія, послѣдній исключительно на топливо.

Каменноугольные копи есть также и въ соседней Тянджану шели *Пиличи*, а также и въ горахъ на лѣвомъ берегу рѣки Или. Переходимъ къ торговлѣ края.

Торговля города Кульджи, судя по отчету за прошлый годъ, весьма незначительна, хотя никакихъ торговыхъ пошлинъ въ районъ не существуетъ, что, казалось, должно было бы поощрять всякое торговое движеніе.

Предметы ввоза суть: халаты, ситцы и чай фамильный изъ г. Вѣрнаго; шелковыя матеріи, даба и другія дешевыя бумажныя ткани изъ Кокана и Кашгара, черезъ Нарынъ и Музартъ; сушеные фрукты и желѣзный товаръ изъ Кокана и Ташкента, и разный мануфактурный товаръ изъ Петропавловска, Семипалатинска и Тюмени. Всего въ 1873 году ввезено въ г. Кульджу, а также въ города и кенты, принадлежащіе къ 1-му участку, на сумму 214,459 р.

Изъ восточнаго Китая въ Кульджу и ея районъ ввозятся золотые и серебряныя ямбы и нефритъ, называемый китайцами *зыиши*. Камень этотъ идетъ на мундштуки къ трубкамъ, на кольца и амулеты, потому что имѣетъ будто бы чудесное свойство предохранять отъ болѣзней и, наконецъ, на украшеніе шляпъ сибиряковъ и калмыковъ; цѣнится онъ отъ 20 и до 3,000 руб. пудъ.

Г. Кульджа въ 1873 году отпустилъ въ Коканъ, Кашгаръ, Вѣрный, Караколь, въ Ташкентъ и по своему району, а также въ соседнія китайскія острѣности (*Шихо*) ямбъ, хлѣба въ зернѣ, фруктовъ, скота, лѣсу, хлопка, опи́я, желѣзнаго товару, мѣховъ и мануфактурныхъ издѣлій на 279,193 руб. 80 коп. Русскіе товары, въ особенности вина и стеариновыя свѣчи, имѣютъ большой сбытъ въ китайскій городокъ Шихо, гдѣ теперь квартируетъ небольшой отрядъ воиновъ Небесной имперіи, предающихся, по словамъ очевидцевъ, непробудному пьянству, куренію опи́я и всякаго рода извѣществамъ *).

Собственно въ г. Кульджѣ торговля сосредоточена на такъ называемомъ *китайскомъ базарѣ*, въ восточной части города, внѣ цитадели. Тутъ постоянный толчекъ. Лавки съ мануфактурными товарами перемѣшаны съ кузницами, разными мастерскими, лав-

ками съ овощами и живностью. Тутъ же два китайскихъ ресторана. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ и спросили объѣдъ. Ресторанъ небольшое деревянное зданіе въ два этажа; въ нижнемъ кухня и нѣсколько столиковъ, за которыми ѣстъ черныи народъ; верхъ—большая комната, съ расписанными птицами и звѣрями стѣнами, съ лакированными столами и лавками, предназначенъ для посѣтителей высшаго разбора. Окна безъ стеколъ; деревянная, не совсемъ удобная лѣстница ведетъ на верхъ, прямо съ улицы. Ресторанъ этотъ принадлежитъ султану и отдавался въ аренду; теперь онъ также казенный и арендуется дунганиномъ. Здѣсь кстати замѣтить, что все дома султана, составлявшіе цѣлый кварталъ въ цитадели (аркѣ), принадлежатъ теперь казнѣ и частью заняты гауптвахтой, казармами 10-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, и частью сохранились въ первобытномъ видѣ; между послѣдними оригиналенъ большой деревянный китайскій домъ въ два этажа, впрочемъ, уже старый. Передъ воротами арка сохранилась, деревянная же, въ китайскомъ стилѣ башня, на которой, въ былое время, играла музыка, потѣшая султана и народъ.

Вернемся къ ресторану.

Толстый и засаленный слуга-дунганинъ подалъ каждому изъ насъ по двѣ палочки, вытеревъ ихъ предварительно отвратительной сальной тряпкой. Это обстоятельство, а равнымъ образомъ и вся наружность толстяка сразу предубѣдили меня противъ китайской кухни. Тарелки замѣняли маленькія фарфоровыя блюдечки. Принесли первое блюдо. Это былъ бараній супъ съ фрикадельками, въ небольшихъ китайскихъ чашкахъ, поставъ него такой же супъ съ поджаренными фрикадельками, потомъ соусъ изъ бараньихъ почекъ, пирожки съ рисомъ, нельмени сладкіе, опять супъ изъ баранины, вареную баранину съ жиромъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ, яичницу съ мясомъ, также раскрашенную, вареный рисъ съ бараньимъ бульономъ, сильно приправленный перцемъ, котораго, впрочемъ, было много и во всѣхъ другихъ кушаньяхъ, кромѣ того, что каенна стоялъ на столѣ и цѣликомъ, и въ растворѣ,—приправа къ пищѣ ужаснѣйшая, но очень любимая туземцами. Китайскій хлѣбъ прѣсный, дурно выпеченъ и особаго непріятнаго вкуса, хотя и бѣлый. Въ заключеніе обѣда намъ подали по чашкѣ желтаго чаю. Китайскія кушанья вкусны, но все-

*) Фунтъ стеариновыхъ свѣчей стоитъ въ Шихо 1 р.

таки къ нимъ нужно имѣть привычку, иначе онѣ ѣдятся неохотно, потому что окраска ихъ въ разные цвѣта и специи, въ родѣ шафрана, перцу и т. п., придаютъ имъ особый оттѣнокъ, хотя, можетъ быть, и совершенно во вкусъ китайцевъ.

Китайцы ѣдятъ все: говядину, баранину, свинину, птицъ и даже собакъ и другихъ непринятыхъ нами животныхъ, напоминающихъ послѣднюю осаду Парижа пруссаками. Во всемъ этомъ оригинально то, что баранье, напримѣръ, мясо отдирается отъ костей и продается особо, а кости, въ свою очередь, представляютъ особую статью торговли. Мясо продается въ лавочкахъ и разносчиками, а кости прямо съ бойни поступаютъ въ руки специальныхъ продавцевъ; кости покупаетъ менѣе состоятельная часть населенія и вывариваетъ изъ нихъ супъ, а потомъ гложетъ съ нихъ остатки мяса. Поэтому вы можете встрѣтить на улицахъ Кульджи скелеты барановъ и быковъ съ незначительными остатками мяса, купленные и влекомые на потребу людьми бѣдными. Рядомъ съ ними увидите продавцевъ собственно мяса съ длинными шестами черезъ плечо, обвѣшанными бараниной и кусками жира.

Попробовавши обѣдъ, я предпочелъ ему осмотръ улицы подъ стѣнами ресторана. Какой оригинальный видъ и какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, наръчій, состояній! Напротивъ работала небольшая кузница съ мѣхомъ, очень оригинального и практичнаго устройства, въ видѣ ящика, приводимаго въ движеніе мальчикомъ; рядомъ съ ней цирюльникъ брилъ бороду китайца; тутъ же лежали на латкахъ всевозможныя мѣстные овощи, шелъ и ѣхалъ разноплеменный народъ, начиная русскимъ солдатомъ и кончая китайкой, придерживаясь за прохожихъ и опираясь на посохъ или даже совсѣмъ на костыляхъ, пробиралась она по улицѣна своихъ изуродованныхъ ножкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изумляешься вкусу китайцевъ, видя подобное искаженіе вкуса и требованій человѣческой природы. Смѣло рекомендуемъ вѣрить, что ноги китайнокъ *de facto* изуродованы до-нельзя и единственно въ силу моды и извращеннаго вкуса. Среди скачущей и бѣгающей толпы ѣдутъ семирѣченскіе и сибирскіе казаки, киргизы, калмыки и тащится китайская повозка въ одну лошадь, экипажъ очень оригинальный съ тентомъ изъ синей маты надъ лошадью, шинованными колесами, иногда биткомъ набитый семействомъ какого нибудь богатаго китайца или

дунганина. И шумъ этотъ водворенъ на китайскомъ базарѣ Кульджи цѣлый день и каждый день...

Сообщаемъ здѣсь базарныя цѣны по городу Кульджѣ за сентябрь и октябрь мѣсяцы этого года, полученные нами на мѣстѣ:

1) Ямбы:

Золотые, золотникъ отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб.

Серебряные, одинъ ямбъ 108 р. — » » 120 р.

2) Разныя шелковыя и бумажныя ткани:

Канфа, аршинъ отъ 4 р. до 8 р.

Забидекъ » » 2 » 50 к.

Дурдунъ » » 1 » 20 »

Ханчу » » — » 80 »

Дурья » » 1 » 50 » до 2 р. 50 к.

Машгру » » 2 « — » » 3 » — »

Кимхабъ (парча) кусокъ отъ 40 р. до 100 р.

Адрясъ кусокъ отъ 3 р. до 4 р.

Шаи (канаусъ) кусокъ отъ 3 р. до 4 р.

Дурья, низшій сортъ, кусокъ отъ 4 р. до 5 р.

Русскій ситецъ, аршинъ отъ 13 к. до 25 к.

Французскій ситецъ арш. » 30 » » 40 »

Рипсъ » » 35 » » 40 »

Тикъ » » 20 » » 35 »

Кашгарское красное сукно, аршинъ отъ 1 р. до 2 р.

Мата ряднина кусокъ въ 8 аршинъ 35 к.

Мата высшій сортъ кусокъ 60 к.

Другіе сорта маты кусокъ отъ 40 к. до 50 к.

3) Обувь и другія вещи:

Китайскій вѣеръ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к.

Ермолка шелковая женская и мужская отъ 2 р. до 6 р.

Тумахъ, таранчинская шапка отъ 1 р. до 10 р.

Ичиги съ колошами отъ 2 р. до 5 р.

Сапоги отъ 1 р. до 10 р.

4) Чаи:

Атбаши фунтъ 90 к.
 Ташъ-чай, кирпичный 1 кирпичъ 90 к.
 Русскій кирпичный чай 1 р. 10 к.
 Разные чаи фунтъ отъ 1 р. до 3 р.

5) Живность и другіе предметы:

Соли пудъ 60 к.
 Масла пудъ 8 р.
 Клеверу сотня 1 р. 20 к.
 Мякины пудъ 5 к.
 Маркови пудъ 40 к.
 Сало баранье пудъ 3 р.
 Масло льняное (зыгырь) пудъ 2 р. 50 к.
 Баранина пудъ 1 р. 70 к.
 Говядина пудъ 1 » 50 к.
 Уголь древесный пудъ 70 к.
 Уголь каменный пудъ отъ 3 к. до 10 к.
 Тополевое бревно до 5 р.
 Жерди отъ 30 к. до 2 р.
 Мелкія жерди штука 8 к.
 Доски отъ 5 к. до 30 к.
 Жженый кирпичъ т. 2 р.
 Сырецъ » 1 р. 40 к.

6) Заработная плата и извозъ:

Плотникъ въ день.	50 коп.
Каменьщикъ	50 »
Чернорабочій	10 »
Чернорабочій съ лошадию	60 »
» съ 2 лошади 1 р.	— »
» съ 1 быкомъ	50 »
» съ 2 быками	80 »
Въ Вѣрный съ пуда	40 »
» Капаль	40 »
» Семипалатинскъ 1 р.	— »

Несмотря на то, что таранчи были специальнымъ, такъ сказать, земледѣльческимъ классомъ Илійской провинціи, *земледѣліе* свойственно и другимъ національностямъ края.

Всѣ народы Кульжинскаго района сѣять, каждый по силѣ наклонности и мѣстнымъ условіямъ, пшеницу, ямень, рисъ, джугару, въ незначительномъ количествѣ овесъ, и всѣ другіе виды среднеазиатскихъ хлѣбныхъ растений; въ томъ числѣ въ особенности джугару (*Sorghum ceretuum* Ronb.), впрочемъ не такую, какъ въ долині р. Зеравшана, гдѣ гроздія даютъ 5 и болѣе фунтовъ зерна, тогда какъ кульджинская даетъ его не болѣе 2 фунтовъ. Окрестности г. Кульджи во всѣ стороны полны таранчинскихъ и дунганскихъ пашень, садовъ и клеверныхъ полей.

Способъ обработки земли и орошенія тотъ же, что и во всей Средней Азіи, такъ что по этому поводу мы не можемъ сообщить что либо новое.

За сентябрь и октябрь мѣсяцы этого года на Кульджинскомъ базарѣ на хлѣбъ стояли нижеслѣдующія цѣны:

	Пудъ.
Рисъ	40 к.
Пшеница	10 »
Мука	20 »
Ямень отъ	8 до 10 к.
Горохъ »	7 до 8 к.
Просо (джугара)	6 к.
Льняное сѣмя	20 »
Пустой шерстяной мѣшокъ для хлѣба (капъ).	40 »
Таковой же большой мѣшокъ въ 12 пудъ вѣстимости	70 »
Арканъ (волосяная веревка для вѣсочки) въ 5—6 сажень длиною	20 »

Не лишне замѣтить, что въ Кульджинскомъ районѣ употребительнѣйшей мѣрой сыпучихъ тѣлъ считается $хо=3\frac{1}{2}$ русскимъ пудамъ и *дожингъ* $=1\frac{1}{2}$ русскимъ фунтамъ, а монетная единица рубль зовется *тенге*, тогда какъ въ прочихъ частяхъ Средней Азіи тенге=только 20 копѣйкамъ.

Кульджа производитъ всѣ среднеазиатскіе фрукты, впрочемъ *сдоовъ*, обращающихъ на себя особенное вниманіе въ Кульджѣ, нѣтъ, и только садъ командующаго войсками Кульджинскаго района, полковника Б. Ө. Вартмана, виолнѣ подходитъ подѣ вкусѣ европейца, остальные невелики и не обработаны. Фрукты въ Кульджѣ очень дешево и по вкусу совершенно тѣ же, что въ Ташкентѣ.

Скотоводство собственно города Кульджи незначительно. Быки, лошади и ослы держатся таранчами, дунганями и китайцами лишь въ томъ количествѣ, какое необходимо для самого обыкновеннаго хозяйства.

Такъ, по отчету за 1873 годъ, по г. Кульджѣ на 10,052 души населенія мы находимъ:

Лошадей	1,024
Рогатаго скота	1,625
Барановъ	6,096
(Тонкорунныхъ нѣтъ).	
Козъ	1,069
Ословъ и муловъ (качирь)	350

Верблюды пригоняются на Кульджинскій базаръ киргизами для продажи.

Цѣны на скотъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ за этотъ годъ были нижеслѣдующія:

Лошади отъ	10 р. до 75 р.
Рогатый скотъ	10 » » 35 »
Бараны	1 р. 50 к. до 5 р.
Верблюды	25 р. до 60 р.

Въ заключеніе нашего очерка г. Кульджи, скажемъ, что *климатъ* района вообще здоровый и что зимой термометръ, по спеціальнымъ наблюденіямъ Б. Ө. Вартмана, ниже 17° не падаетъ. Впрочемъ, зима стоитъ съ ноябрю по февраль. Преобладающей болѣзней населенія всѣхъ племенъ нужно, по словамъ доктора В. С. Семенова, считать сифилисъ, да изрѣдка, въ видѣ эпидеміи, болѣзнь глазъ, заключающаяся въ воспаленіи и изъязвленіи вѣкъ, впрочемъ, очень легко излечимая крѣпкимъ настоемъ чая и другими домашними средствами.

Въ общемъ Кульджа—городъ красивый, оригинальный, дешевый для жизни и, подобно Самарканду, представляетъ собою одно

изъ лучшихъ приобретений нашихъ въ Средней Азіи. Знакомствомъ съ этимъ городомъ мы обязаны начальнику его, А. И. Стрекаловскому, которому и свидѣтельствуемъ благодарность.

Здѣсь же, въ заключеніе, сообщаемъ краткія свѣдѣнія о другихъ значительныхъ осѣдлостяхъ 1 участка Кульджинскаго района.

Въ городахъ:	Мечей.	Домовъ.	Мельницъ.	Маслобоекъ.
Суйдунъ	2	808	1	1
Тарджи	1	65	2	2
Чинчагодзи	1	130	1	1
Лауцугунъ	1	213	»	1
Итого	5	1216	4	5

Такимъ образомъ, общій итогъ населенія 1 участка Кульджинскаго района, вмѣстѣ съ городомъ Кульджею и Сувановскими киргизами, будетъ равняться приблизительно 20,000 душъ обоего пола.

VII.

СУМУНЫ СИБО И МАНДЖУРСКАЯ КУЛЬДЖА.

Кульджинскій районъ раздѣляется на три участка. Все, что мы говорили доселѣ о Кульджинскомъ районѣ, относится къ 1-му его участку; 2-й участокъ находится на востокъ отъ г. Кульджи, и говорить о немъ мы будемъ въ слѣдующихъ очеркахъ; теперь же поговоримъ о 3-мъ участкѣ вообще и въ особенности о сумунахъ сибо и о новой Кульджѣ.

3-й участокъ Кульджинскаго района лежитъ на югъ отъ таранчинской Кульджи, по лѣвому берегу рѣки Или до горнаго края *Ахбуртамъ-тау*, служащаго водораздѣломъ рѣкъ Или и Текеса. На востокъ участокъ идетъ въ верхъ по р. Кунгесу почти до долинъ рѣкъ Большаго и Малаго Юлдузовъ. Впрочемъ вся восточная граница района съ Китаемъ ни на одной картѣ, да и

на самомъ дѣлѣ, въ точности не обозначена. На западѣ 3-й участокъ Кульджинскаго района примыкаетъ къ Вѣрненскому уѣзду Семирѣченской области.

Населеніе 3-го участка состоитъ изъ киргизовъ рода *Конур-бурк* въ верховьяхъ р. Кунгеса, калмыковъ *торгоутовъ* карашарскихъ, кочующихъ по р. Кунгесу, калмыковъ *дурбунъ-Сумунъ* на урочищѣ *Тогузъ-Торау*, при слияніи р. Текеса съ р. Или, киргизовъ рода *Атбанъ* въ горахъ Ахбуртамъ-тау, *таранчей*, обитающихъ на ключахъ по сѣверному склону этихъ горъ и, наконецъ, изъ монголо-даурскаго племени *сибо* или *шебе*, по лѣвому берегу р. Или, приблизительно между устьями притоковъ: Шилчъ-су и Хоргоса.

Краткія замѣтки о всѣхъ этихъ народностяхъ мы представимъ ниже, а здѣсь обращаемся непосредственно къ оригинальному племени *сибо*.

Манджурское правительство, съ уничтоженіемъ въ Илійской долинѣ власти джунгаровъ, время отъ времени выселяло изъ восточныхъ и южныхъ областей имперіи колонистовъ, для занятія опустѣвшаго края. Такъ переселены были изъ Кашгарской провинціи *таранчи*, а изъ Дауриі—монголо-манджурскія племена: *сибо* или *шебе* и *солоны* или *суланы*. Таранчи, какъ иновѣрцы, остались при своей природной профессіи—земледѣліи, тогда какъ *сибо*, *солоны*, а также и калмыки разныхъ наименованій, поселясь въ долинѣ Или, получили совсѣмъ другое значеніе: они стали военно-поселенцами и несли службу наподобіе нашихъ казаковъ. *Солоны* жили на правомъ берегу р. Или и во время смутъ 1863—64 годовъ частію бѣжали подъ защиту нашихъ пограничныхъ отрядовъ, частію ушли въ Китай и живутъ теперь въ Чугучакской провинціи. Всѣ эти поселенныя племена дѣлились на *сумуны* (эскадроны), были вооружены луками, саблями, имѣли своихъ командировъ и даже одинаково были одѣты. Нѣсколько *сумуновъ* составляли нѣчто въ родѣ полка, имѣвшаго своего *укурдая* (полковника); помощникомъ его былъ *илгидай* (подполковникъ); далѣе шли *зани* (капитанъ), *кундю* (пятидесятникъ), *кабинъ* (субатернъ-офицеръ) и *божко* (унтеръ-офицеръ, или сержантъ). Теперь *сумуны* переименованы въ *волости* и *староства*, а военные чины—въ волостныхъ старшинъ и сельскихъ

старость. При китайцахъ *сибо* отбывали и внѣшнюю службу. Такъ, одинъ *сумунъ* или 200 всадниковъ, служили по нѣскольку лѣтъ въ Чугучакѣ и полтора *сумуна* въ Кашгарѣ. При таранчахъ *сибо* несли тяжкія натуральныя повинности, хотя и передались на сторону инсургентовъ при самомъ началѣ таранчинско-дунганскаго возстанія 1863 года. Теперь *сибо* попрежнему дѣлятся на 8 *сумуновъ* и значительно поправили свое хозяйство. Они ткутъ много маты, дешевой бумажной ткани, въ которую и одѣваются, сѣять хлѣбъ, и въ особенности джугару, изъ которой гонятъ отвратительную водку *джунъ-джунъ*.

Постройки *сибо*—изъ глины съ крышами на два ската, съ большими окнами, заклеенными бумагой; въ комнатахъ нары, нагрѣваемые топкою со двора, какъ это, по описанію г. Пржевальскаго, дѣлаютъ и родственники *сибо*, обитатели Уссурийскаго края.

Сибо очень видный народъ, монголо-даурскаго племени, брѣютъ переднюю часть головы и бороду, и носятъ косы. Головной уборъ *сибо*—небольшая круглая, поарковая шляпа, чернаго цвѣта, съ приподнятыми полями, называемая *махалъ*, у чиновныхъ на верху шапки шарики разныхъ цвѣтовъ и павашны перья, а простонародье подчасъ ограничивается какою-нибудь тряпкою, которую и обертываетъ себѣ голову. Единственную и главную парадную одежду *сибо* составляетъ халатъ (*джипча*) съ косымъ воротомъ, а сверху его—короткая накидка съ рукавами и капюшономъ, называемая *курумъ*; рубаха *сибо* (*чамчи*) почти до лиятъ; панталоны (*факыръ*) широки, какъ у всѣхъ азіатцевъ и наконецъ башмаки (*сабо*) и чулки (*васы*) составляютъ обувь. Въ дорогу и въ холодную пору, поверхъ чулокъ надѣваются стеганые на ватѣ краги.

Женщины *сибо* одѣваются какъ китайки, костюмъ которыхъ описанъ нами выше; впрочемъ, ногъ своихъ женщины *сибо* не уродуютъ. Наружностью *сибинки* также похожи на китайянокъ.

Сибо—буддисты; кумири ихъ мы опишемъ ниже, а здѣсь приведемъ цифры изъ отчета за 1873 годъ о численности *сибо*. Въ 8 *сумунахъ* *сибо* числилось 2201 домъ, съ населеніемъ въ 7676 мужчинъ и 7715 женщинъ, а всего 15,391 душа обою пола. На эту цифру населенія у *сибо* имѣется 8 школъ съ 214 мальчиками. Женскихъ училищъ нѣтъ.

Скотоводство сибо достигаетъ слѣдующихъ размѣровъ:

лошадей	921
рогатаго скота	697
овецъ	2452
свиней	173
ословъ и муловъ	20

Цифры эти краснорѣчиво говорятъ о бѣдности сибо.

	Число заведе- ній	Число рабочихъ	Производство въ годъ.
Фабрикъ и заводовъ:			
Мельницъ конныхъ	7	7	3700 четвертей.
водяныхъ	44	88	40000 — —
Маслобоекъ	25	75	16000 пуд.
Круподерокъ	44	132	9000 четвертей.
Винныхъ заводовъ (<i>джунъ-джунъ</i>)	12	48	490 ведръ.

Переходимъ къ описанію поѣздки нашей по сумунамъ сибо.

Мы выѣхали изъ таранчинской Кульджи въ сумуны сибо черезъ южныя ворота, называемая *Су-дарваза*. Версты три дорога шла лугами и привела насъ на крутой берегъ р. Или. Тутъ была переправа на досчаникѣ. Мнѣ показалось, что рѣка имѣетъ здѣсь водоворотъ, во всю свою ширину, потому что досчаникъ, переправивъ насъ на противоположный берегъ, силою круговаго движенія воды, былъ перенесенъ на другой. Лѣвый берегъ Или плоскій и покрытъ валунами. Толпа таранчей и сибо лежала и сидѣла на камняхъ, въ ожиданіи очереди.

Проѣхавъ нѣсколько десятковъ саженъ по валунамъ, мы опять вступили въ луга и, черезъ 5 верстъ ѣзды, достигли Хоиръ-сумуна (второго сумуна), гдѣ и расположились почевать въ зданіи волостнаго правленія. Весь городокъ обнесенъ высокой глиняной стѣной; улицы прямы и застроены глиняными домами, съ крышами на два ската, также изъ глины. Наше помѣщеніе имѣло обширный дворъ, который и наполнился мгновенно мужчинами и мальчиками сибо. Нѣсколько женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ, попались намъ на улицѣ; онѣ были одѣты въ рубахи изъ синей маты и причесаны по китайски.

Когда мы ѣхали по улицѣ, всѣ попадавшіеся намъ на встрѣчу мужчины сибо останавливались и присѣдали. Такъ привѣтствуютъ старшихъ всѣ монголо-манджурскія племена. Привѣтствіе, по правдѣ сказать, оригинальное и комичное, въ особенности, если оно идетъ отъ сѣдого старика; тогда серьезно присѣдающая фигура его невольно вызываетъ улыбку. Впрочемъ, нѣкоторые племена Полинезій здороваются, соприкасаясь концомъ носа, а по обычаямъ средне-азиатскихъ мусульманскихъ народовъ, всякій простолюдинъ имѣетъ право подойти къ беку и даже къ самому хану, и коснуться его рукъ, а потомъ потереть себѣ лицо и бороду.

Среди присѣдавшей намъ толпы, мы вошли въ наше помѣщеніе. Оно состояло изъ передней и двухъ боковыхъ комнатъ, изъ которыхъ первая была канцеляріей, гдѣ нѣсколько сибо что-то провѣряли по длиннымъ рукописямъ, а лѣвая—школой. Дверь ея была заперта и на ней имѣлось изображеніе мальчика въ черной шляпѣ и желтой рубахѣ. Вообще у сибо, родственныхъ китайцамъ, есть пристрастіе къ образности. Такъ и стѣны средней комнаты, гдѣ мы помѣстились на нарахъ, были росписаны сценами изъ китайской исторіи, окруженными надписями, изъ которыхъ явствуетъ, что художникъ пытался изобразить похищеніе какой-то принцессы. Ни перспективы, ни соразмѣрности формъ нѣтъ.

Въ Хоиръ-сумунѣ мы смотрѣли *матавий заводъ*. Онъ похожъ на любую ткацкую въ Россіи или въ Средней Азіи. Пряжа готовится на обыкновенныхъ прялкахъ, а ткуть мату на станкѣ съ челнокомъ. Весь заводъ занимаетъ три большія комнаты. Потомъ мы осмотрѣли *маслобойку* и *обдирки* для риса и джугары. Онѣ такія же, какъ въ Кульджѣ, и описаны нами выше.

Изъ Хоиръ-сумуна мы направились черезъ поля джугары въ *Ня-менъ-сумунъ* (восьмой) или *Яни-шаръ*, т. е. Новый городъ, какъ называютъ его таранчи. Онъ также обнесенъ стѣною и застроенъ подобно Хоиръ-сумуну. Здѣсь нами былъ осмотрѣнъ *винный заводъ*, приготавливающий весьма отвратительную и весьма любимую всѣми монголо-манджурами водку изъ джугары, называемую *джунъ-джунъ*. Впрочемъ, въ составъ джунъ-джуна входятъ также пшеница и ячмень. Ихъ предварительно квасятъ въ ямѣ, подъ войлоками, а потомъ гонятъ изъ котла паромъ, въ деревянный кубъ, прозрач-

ную и вонючую жидкость. Запахъ на заводѣ отвратителенъ до крайности. Но не смотря на все это, джунъ-джунъ нашелъ потребителей и между русскими солдатами въ Кульдѣ, гдѣ какой-то авантюристъ даже дистиллируетъ джунъ-джунъ; поселане наши въ Нарынколѣ, близъ Музарта, также изрядно потребляютъ джунъ-джунъ; приобретаая его въ сосѣднихъ сумунахъ, такъ что мѣстные власти постоянно борются съ этимъ зломъ и все-таки не могутъ его искоренить, потому что запасы напитка провозятся поселянами и казакими тайно, ловко и быстро, въ особенности въ зимнее время, на саниахъ въ нѣсколько лошадей.

Занги (т. е. капитанъ китайской службы въ эскадронахъ сибиряков, а теперь что-то въ родѣ сельского головы), управляющій Няменъ-сумуномъ, предложилъ намъ въ помѣщеніи управленія небольшую закуску и зрѣлище пляски сибиряков^{*)}. Плясали двое мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ, хорошенькій собою, былъ одѣтъ дѣвочкой. Они плясали подь балабайку и скрипку, изгибаясь и фигурируя весьма недурно, причемъ я замѣтилъ, что въ основѣ танца содержится мысль все-таки эротическая. Пляска составляетъ почти единственное увеселеніе сибиряков, если не включать въ число развлеченій плясцовъ, которое присуще всѣмъ монголо-манджурамъ, хотя и не особенно отражается на ихъ благосостояніи. Кромѣ того, ниже мы увидимъ, что и преступленій между сибиряками сравнительно меньше, нежели между другими національностями 3-го участка, какъ это мы уже видѣли и по г. Кульдѣ.

На отъѣздѣ изъ Няменъ-сумуна мы посѣтили главную кумирню этого мѣстечка. Бурханы помѣщаются въ верхнемъ этажѣ. Едва мы поднялись по лѣстницѣ, какъ ламы зазвонили въ чугунные колокола, и, вступивъ въ кумирню, мы увидѣли въ самомъ дѣлѣ нѣчто необычайное. На заднемъ планѣ кумирни, у стѣны, противъ входа, сидѣлъ громадный бурханъ (идолъ) *Гуанъ-Гунъ*, въ бѣлой съ золотомъ одеждѣ—олицетвореніе правды и мудрости; по правую сторону его стоялъ, въ вызывающей позѣ, буддийскій Марсъ—*Джаусанъ*, страшилище со звѣрскою рожей, въ латахъ и съ алебардою въ рукѣ. По лѣвую сторону Гуанъ-Гу-

^{*)} Здѣсь не лишне замѣтить, что на картѣ Туркестанскаго военнаго округа (изд. 1872 г.) одни сумуны сибиряковъ имѣютъ турецкую нумерацію, а другіе—монгольскую.

на помѣщалась скромная фигура бурхана *Гаунъ-Пина*, покровителя гражданственности и учености. Затѣмъ, по обѣ стороны этихъ бурхановъ сидѣли рядомъ еще 9 бурхановъ, размѣровъ значительно меньшихъ. То были гении земледѣлія, саравчи, копеводства, рогатаго скота, путешественниковъ, умершихъ, горъ, водъ и непогоды.

Всѣ бурханы сдѣланы были изъ глины съ соломой, но они такъ хорошо раскрашены и покрыты лакомъ, что снаружи ни глины, ни соломы не замѣтно. Бурханы буддистовъ всегда бываютъ изъ глины и соломы, тогда какъ ламаицы предпочитаютъ идоловъ мѣдныхъ и золотыхъ. Глиняные бурханы всегда большихъ размѣровъ; мѣдные—не велики, такъ что самый большой бурханъ изъ мѣди, въ одинъ футъ вышиною, какъ рѣдкость, можно видѣть въ Кульдѣ, въ кабинетѣ Б. О. Вартмана.^{*)}

Наградивъ ламъ, мы отправились, между разнородными хлѣбными полями, въ *Зуранъ-сумунъ* (шестой), гдѣ осмотрѣли три кумирни, въ томъ числѣ одну ламайскую, съ мелкими мѣдными бурханами. Ламы въ желтыхъ одеждахъ звонили въ колокола и проѣли молитву о здравіи Бѣлаго Царя. Въ этой кумирнѣ насъ поразили прибитыя на стѣнѣ русскія гравюры: Исаіевскій соборъ, графъ Орловъ-Денисовъ, (съ обнаженной саблей и арміей, подъ ногами его коня), и другія. Буддийская кумирня этого сумуна состоитъ также изъ трехъ большихъ глиняныхъ идоловъ мужскаго пола, какъ и въ восьмомъ сумунѣ, и изъ трехъ идоловъ женскаго пола, называемыхъ *Учъ-нянчанъ*, т. е. три царевны. Три огромныя фигуры женщинъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, сидятъ рядомъ. Среднюю фигуру просятъ о дарованіи дочерей: лѣвую, у ногъ которой помѣщенъ весьма подробно и откровенно сдѣланный изъ глины ребенокъ мужскаго пола—просятъ о плодородіи вообще; правая фигура—покровительница оспопрививанія. Близъ нея сидятъ, сравнительно, меньшія фигуры, старика и старушки. Они были первыми оспопрививателями и распространителями оспопрививанія въ буддийско-ламайскомъ мірѣ.

^{*)} Есть еще небольшіе бурханы изъ глины, но они предпочитаютъ, кажется, солонамъ.

По словам туземцев, оспа появляется на их дѣтяхъ по 6, 7 и 10 году. Появляется она иногда и на взрослыхъ, но рѣдко, потому что у сибиряковъ оспопрививаніе.

Мы намѣревались осмотрѣть развалины манджурской Кульджи, а потому изъ Зурганъ-сумуна поѣхали въ *Табынь-сумунъ* (пятый) все тѣми же хлѣбными полями, ночевали въ пятомъ сумунѣ и вышли на р. Или, для переправы на ея правый берегъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ, сажень около 200 шириною, съ плоскими берегами, покрытыми галькой. Средства переправы состояли изъ двухъ кривыхъ колодъ, каждая сажени въ полторы длиною, связанныхъ веревками; на носу каждой колоды сидѣлъ сибирякъ, вооруженный шестомъ, а на кормѣ, — по одному пассажиру; угловое судно это, безъ малѣйшихъ церемоній, отталкивали отъ берега и ввѣряли теченію довольно быстрой рѣки. Нужно имѣть очень крѣпкіе нервы для того, чтобы равнодушно смотрѣть на подобную переправу. Тѣмъ не менѣе, мы переправились благополучно, а лошадей нашихъ сибиряки перевели по глубокому броду, на версту выше по рѣкѣ.

Такъ кончилась наша поѣздка по сумунамъ сибиряковъ, этого смирнаго и работающаго народа, когда-то угнетеннаго таранчами, а теперь спокойно проживающаго въ своихъ сумунахъ.

На правомъ берегу р. Или мы были уже на территоріи *дунганей*, среди ихъ многочисленныхъ въ этой мѣстности хуторовъ и пашень и недалеко отъ ихъ главныхъ оѣдлостей въ Илійской провинціи, городовъ: Суйдуна, Чинчягодзи и Тарджи. Мы поѣхали камышами, по направленію къ такъ называемой *манджурской* или *новой Кульджѣ*, до которой отъ переправы нѣсколько болѣе 15 верстъ. Высокіе и густые камыши, арыки, топи и рисовыя поля, инья снятыя, инья съ рабочими-дунганями, изрѣдка хуторки... Таковъ былъ нашъ путь. Мѣстами мы ѣхали по дорогѣ, мѣстами пробирались черезъ камышъ и все-таки кончили тѣмъ, что сблизись съ пути и растерялись. Есаулъ, баронъ О. А. Будбергъ, увлекшись охотой на фазановъ, уѣхалъ всторону; я сначала слѣдилъ за нимъ по его выстрѣламъ, продираясь цѣликомъ черезъ густой камышъ и наконецъ долженъ былъ остановиться — передо мною, кромѣ камыша, оказалось новое, непреодолимое препятствіе: глубокой, съ крутыми берегами, арыкъ, также заросшій камышомъ. Пришлось повернуть, рассчитывая попасть на дорогу на сѣ-

веръ; это было исполнено, но стоило все-таки болшихъ трудовъ для нашихъ коней и для насъ самихъ, такъ что поврежденіямъ приходилось останавливаться для отдохновенія; затѣмъ опять начиналось медленное, шагъ за шагомъ, движеніе по дѣйствиному камышу. Мы давно уже не слышали выстрѣловъ барона Будберга и недоумѣвали, куда онъ могъ заскakatъ? Правда, кругомъ стояла такая чаща, что небывалый человѣкъ невольно сбивается съ пути и съ толку; но баронъ такой опытный охотникъ, такъ часто бывалъ въ этихъ дебряхъ, что не долженъ бы потерять насъ.... Мой казакъ подалъ сигналъ выстрѣломъ изъ револьвера. Тишина, только сплошной высокій камышъ ломается подъ ногами нашихъ коней; кругомъ ни слѣда звѣря или птицы; надъ нами чистое небо. Осторожно подвигаемся впередъ, и, наконецъ, выѣзжаемъ на дунганъ, убирающихъ рисъ. Они указали намъ направленіе, по которому поѣхалъ баронъ, и, пройдя версты двѣ, мы услышали его выстрѣлъ. Съ нашей стороны немедленно послѣдовалъ отвѣтъ и мы съѣхались. Оказалось, что баронъ, въ свою очередь, выстрѣлялъ нѣсколько разъ, давая знать о себѣ, но мы не слышали его выстрѣловъ, что онъ завязъ съ конемъ въ топъ, бросилъ коня и продолжалъ охоту, что коня поймали дунганы и т. д. Таковы илійскіе камыши, полные по берегамъ р. Или и ея арыковъ — козъ, кабановъ, утокъ, фазановъ, куропатокъ и другой дичи. Неудивимый охотникъ, баронъ Будбергъ, рассказывалъ мнѣ много интереснаго объ охотѣ въ илійскихъ камышахъ, на р. Текеѣ и въ другихъ мѣстахъ Кульджинскаго района. Между прочимъ, оригиналенъ постоянный спутникъ барона, казакъ 1 Семирѣченскаго полка, Козловъ, угрюмый атлетъ и страстный охотникъ. Про него говорятъ, что однажды, въ пылу схватки съ огромнымъ кабаномъ, Козловъ вскопалъ на животное верхомъ и положилъ его на мѣстѣ, всадивъ ножъ между переднихъ лапчатъ. Вообще, семирѣченцы — brave казаки, и бьютъ даже тигровъ. Во „Всемирной Иллюстраціи“ за 1873 годъ была гравюра съ подписью „Уральскіе казаки и убитый ими тигръ“. Это не вѣрно: то были семирѣченцы, ошибка произошла отъ художника или отъ редакціи. Уральцы били тигровъ во время оно, когда квартировали въ сыр-дарьинскихъ фортахъ, да и фізіономіи на гравюрѣ — суть портреты семирѣченцевъ, здѣшнихъ охотниковъ, здравствующихъ и доселѣ.

Выбравшись из камышей, мы миновали несколько дунганских поселков и скоро увидели вдали развалины *манджурской Кулджы*. Когда-то многолюдный, богатый, но несчастный городъ этотъ былъ основанъ китайцами въ 1764 году и по-китайски назывался *Хой-юань-ченъ*. *) Въ этомъ городѣ сосредоточивалось все управление Илійской провинціи и жилъ *дзянь-дзюнь*, т. е. генералъ-губернаторъ. Огромное войско занимало цитадель; предместья кипѣли самою разнообразною дѣятельностью и торговлею; русская факторія съ Божиимъ храмомъ была лучшимъ украшеніемъ этого погибшаго города и брошена нашей миссіей въ іюнѣ 1863 года, въ виду начинавшагося таранчинско-дунганскаго бунта. Безсильные потушить возстаніе, китайцы заперлись въ городѣ, въ сентябрѣ 1864 года, и держались до марта 1866 года, когда инсургенты, разоривъ обширныя и богатыя предместья города, ворвались въ цитадель. Представитель «великаго Дайцинскаго государства» (такъ титулуютъ китайцы свою имперію) *дзянь-дзюнь*, только что пообѣдавшій въ кругу семейства и родственниковъ, геройски вытряхнулъ огонь изъ своей трубки въ отверстіе сильной пороховой мины, заранѣе заложенной подѣ его домомъ.... Исторія мало представляетъ примѣровъ такого кровопролитія, какое было въ Кульдѣ, послѣ взятія ея таранчами и дунганями. Кромѣ того, что китайцевъ били инсургенты, они убивали также и другъ друга и сами рѣзали себѣ горло цѣлыми тысячами, при одномъ приближеніи озлобленныхъ враговъ. Вспыхнули пожары, и отъ большаго и многолюднаго нѣкогда города остались теперь обширныя и печальныя развалины. Мы подъѣхали къ нимъ съ восточной стороны, мимо бывшихъ кирпичныхъ заводовъ и, переправившись черезъ два глубокихъ рва, въѣхали въ цитадель. Судя по грудамъ прекраснаго жженого кирпича, она была хорошо застроена; улицы были прямы и широки; мѣстами сохранились еще тощія деревца. Взлетѣвшій на воздухъ домъ генералъ-губернатора былъ, въ свое время, окрашенъ розовой краской; небольшой садикъ позади дома сохранилъ только нѣсколько деревьевъ и кустарниковъ. Рядомъ съ домомъ *дзянь-дзюня* были обширныя кумирни, съ гигантскими идолами; все это теперь въ развалинахъ, въ обломкахъ; огром-

(*) По другимъ сказаніямъ, манджурская Кульджа звалась также Кре.

ныя каменные львы, сверженные съ своихъ pedestаловъ, валяются у входа въ кумирни; мѣстами на улицахъ видны кости людей и животныхъ, и даже человѣческія черепа... По рассказамъ, цитадель занимали исключительно китайцы, а другія народности, за исключеніемъ лишь своихъ представителей, не имѣли будто-бы права входить въ стѣны цитадели, безъ билета отъ самого *дзянь-дзюня*... Это уже чисто китайская предосторожность! Зато форштабы были набиты самымъ разнороднымъ людомъ. Теперь все пусто, только нѣсколько семей дунганъ пріютились среди развалинъ, превративъ часть кумирни въ мечеть. Мы ночевали въ этой мечети—зданіи темномъ, сырмомъ и грязномъ. На почернѣвшихъ стѣнахъ, среди разныхъ надписей изъ корана, красовался очень оригинальный, невиданный мною доселѣ, мусульманскій календарь. Въ стѣну были вбиты рядомъ семь гвоздей и подъ каждымъ наклеенъ ярлыкъ съ названіемъ дня; деревянная марка въ родѣ тѣхъ, по какимъ сохраняется верхнее платье въ театрахъ и клубахъ, переходитъ съ гвоздя на гвоздь, по волѣ приходскаго муаллы, передъ первымъ намазомъ, который бываетъ обыкновенно на зарѣ, и правовѣрные дунгане совершенно довольны своимъ календаремъ, показывающимъ, впрочемъ, только названіе даннаго дня.

На утро мы поѣхали осмотрѣть бывшую русскую факторію. По дорогѣ вожакъ указалъ на развалины большаго нѣкогда дома, также розоваго цвѣта. Это былъ «домъ совѣта», нѣчто въ родѣ канцеляріи генералъ-губернатора. Западными воротами цитадели мы въѣхали въ развалины предместья и черезъ полторы версты достигли руинъ русской факторіи. Всѣ зданія ея, въ томъ числѣ и небольшая, но красивая церковь, были изъ жженого кирпича и только стѣна, окружающая всѣ постройки, сложена изъ сырца; рѣка Или идетъ подѣ стѣнами развалинъ.... И тутъ невеселыя мысли приходятъ на умъ, хотя здѣсь не погибъ никто, но зато тутъ погибло наше нравственное вліяніе на Китай съ этой его окраины, погибла наша торговля съ богатой нѣкогда Кульдѣй, лежащей теперь въ развалинахъ. Послѣдній консулъ, г. Захаровъ выѣхалъ изъ факторіи 21 іюня 1863 года. При церкви будто бы оставлены были двое или трое русскихъ; но инсургенты, надобно отдать имъ честь, не коснулись ни ихъ, ни православной святыни. Церковь была построена, кажется, покойнымъ В. П. Кузнецовымъ.

Жаль, что никто из наших фотографов до сих пор не снял развалин манджурской Кульджи. Рисунки, помещенные в одной из иллюстраций, без сомнѣнія были бы интересны во всѣхъ отношеніяхъ.

— Русскіе жили здѣсь хорошо, говорилъ намъ проводникъ, толстый сибирякъ Гаажи. *) Дзянь-дзюнь ѣздили въ гости къ консулу, а консулы къ дзянь-дзюню. Русскіе свободно ходили въ городъ и въ цитадель, только безъ оружія (надобно замѣтить, что миссію охраняла полусотня казаковъ Сибирскаго войска). Дѣла у консула было много, потому что и торговля съ русскими купцами была значительна. Я самъ нѣсколько разъ бывалъ у него по торговымъ дѣламъ.... А теперь, посмотрите, — что отъ всего этого осталось!.. И толстякъ показалъ на окружавшія насъ развалины.

— Кирпичъ да глина, отвѣтилъ я.

— Кульджа была очень богата, продолжалъ Гаажи; тутъ были купцы богаче пекинскихъ; тутъ было много золота и серебра; народъ до сихъ поръ ищетъ клады и, случается, находитъ...

— Эти развалины и теперь дорого стоятъ, замѣтилъ я.

— Кому они нужны? спросилъ Гаажи.

— А кирпичъ! Здѣсь въ цѣломъ краѣ нѣтъ ни одного кирпичнаго завода, а кирпичъ нуженъ....

— Да, это правда; но вѣдь возить его отсюда въ таранчинскую Кульджу далеко, верстъ 45 будетъ. Возять и теперь рубля за полтора тысячу, да вѣдь выбирать его изъ развалинъ и очищать нелегко.

Мы ѣхали уже по развалинамъ города. Здѣсь и тамъ попадались бѣдняки (камыки, дунгане и китайцы), добывавшіе кирпичъ для сбыта въ русскій кварталъ таранчинской Кульджи, гдѣ въ это время воздвигались уже нѣкоторыя казенныя постройки. Манджурскій кирпичъ сѣроголубаго цвѣта, разныхъ форматовъ и высокаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду значительныхъ казенныхъ сооружений въ русскомъ кварталѣ таранчинской Кульджи, весьма выгодно было бы сдѣлать развалины манджурской

Кульджи собственностью казны, а частнымъ лицамъ можно было бы современемъ предоставить только излишекъ кирпича, а также развалины другихъ китайскихъ городовъ, напримѣръ, Баяндая, который и находится гораздо ближе къ мѣсту назначенія, нежели манджурская Кульджа, а именно до него, отъ строящагося русскаго квартала, только 10 верстъ, а до манджурской Кульджи — болѣе 45. Впрочемъ, все это наши личныя предположенія, основательность или ошибочность которыхъ уважаетъ время, но кажется, что и развалинъ Баяндая хватитъ на частныя постройки, тогда какъ кирпича манджурской Кульджи только что достанетъ на сооруженія казенныя.

Снова, поперегъ всѣхъ развалинъ бывшей столицы Илійской провинціи, мы выѣхали на дорогу въ таранчинскую Кульджу, причемъ невольно обратили вниманіе на нѣкоторыя глиняныя сооруженія, въ родѣ мишеней. Толстякъ Гаажи объяснилъ намъ, что при китайцахъ тутъ въ самомъ дѣлѣ происходили ученья и стрѣльба въ цѣль. Значить, тутъ было военное поле.

— А тамъ вотъ сидѣли командиры и смотрѣли на солдатъ, добавилъ Гаажи, показывая на невысокія четырехугольныя, и также изъ глины, башни, одиноко возвышавшіяся мѣстами среди поля.

За учебнымъ полемъ пошли остатки садовъ и потомъ опять камыши, топи и рисовыя поля дунганъ, которые сильно жалуются на кабановъ, дѣлающихъ набѣги на эти поля изъ сосѣднихъ камышей; фазаны, утки и куропатки взлѣтали изъ камыша то и дѣло, по обѣ стороны дороги. Такъ, черезъ 27 верстъ ѣзды, мы достигли небольшой деревушки *Лама-суму*, гдѣ теперь притонъ кульджинскихъ охотниковъ, а прежде былъ ламанскій монастырь, будто бы съ 1000 ламъ; нѣкогда даже самъ Илійскій генералъ-губернаторъ пріѣзжалъ сюда на богомолье. Во время смуты ламы разбѣжались или погибли; и теперь въ Лама-суму не болѣе 10 ламъ и новая кумирня, построенная на деньги, пожертвованныя военнымъ губернаторомъ Семирѣчья, генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ и офицерами его свиты, въ одинъ изъ проѣздовъ его превосходительства по краю. Кумирня состоитъ изъ одной большой комнаты съ колоннами множествомъ маленькихъ мѣдныхъ идоловъ и картинъ, изображающихъ разныя божества. Передъ идо-

*) Благодаримъ здѣсь начальника 3-го участка Кульджинскаго района, капитана Ляшевскаго, за содѣйствіе по познѣткѣ нашей въ сумуни сибиряковъ и въ Манджурскую Кульджу.

лами стоятъ блюда съ фруктами и пшеницей. Исполняя желаніе наше, служители кумирни (калмыки рода цахаръ или чакаръ) зажгли курильницы, въ которыхъ горѣли иглы хвойнаго дерева *арча*, усѣлись на низкія лавки, поджавъ ноги подъ себя, и по командѣ стараго ламы, съ литаврами въ рукахъ, начали богослуженіе: они пѣли, трубили въ длинныя мѣдныя трубы, били въ ладоши и въ барабанъ, такъ что мы наконецъ не выдержали этой оглушительной музыки, вышли изъ храма и поѣхали далѣе....

И опять на 18 верстѣ пути потянулись по обѣ стороны рисовыя поля, камыши и хутора дунганъ, пока не засинѣлись на горизонтѣ сады таранчинской Кульджи.

VIII.

НАСЕЛЕНІЕ III УЧАСТКА КУЛЬДЖИНСКАГО РАІОНА.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы только перечислили населеніе III-го участка, причемъ подробно сказали лишь о племени *сибо*. Здѣсь передадимъ нѣсколько подробностей о другихъ обитателяхъ этой мѣстности, а также и нѣкоторыя цифры по сравнительной статистикѣ.

1) *Джунгары торгоутъ и хонгутъ* (у русскихъ калмыки торгоуты карашарскіе или ханскіе; у мѣстныхъ узбеко-тюрокъ — каракалпаки).

Въ половинѣ XVII вѣка огромная калмыцкая орда, недовольная китайскимъ правительствомъ, тронулась изъ Китая долиною рѣки Или на западъ, разграбила все, что встрѣтилось на пути, въ томъ числѣ Ташкентъ, Самаркандъ и даже Бухару, властвовала нѣкоторое время надъ этими городами и наконецъ, изгнанная коренными обитателями, узбеко-тюрьками, ушла на сѣверъ, внизъ по рѣкѣ Сыру, истребляя на пути все; при этомъ, между прочимъ, погибъ гор. Сауранъ, что недалеко отъ Туркестана. Орда перешла Яикъ (Ураль), и основалась въ степяхъ между этой рѣкой и Кумой (выпадаетъ съ запада въ Каспійское море). Мѣста оказались привольными, и выходы-калмыки порѣшили

остаться на нихъ навсегда; правительство хорошо приняло новыхъ подданныхъ; самъ Великій Петръ былъ крестнымъ отцомъ одного изъ калмыцкихъ князей, принявшаго православіе и подарилъ ему походную церковь. Калмыкамъ было дано самоуправленіе, подъ надзоромъ особыхъ приставовъ; государственныя повинности были незначительны и частію отправлялись натурою, а именно калмыцкая конница служила въ царскихъ войскахъ противъ турокъ и шведовъ. Такъ дѣла шли до воцаренія императрицы Екатерины II, когда начинавшееся разложеніе русскаго общества отразилось и на волжскихъ калмыкахъ. Правительственные пристава, по примѣру всего тогдашняго чиновничества, безпощадно грабили и всячески обижали честныхъ калмыковъ (надобно замѣтить, что честность отличительная черта въ характерѣ этого народа), и къ началу 1770-хъ годовъ довели эмигрантовъ до того, что они начали волноваться и поднялись на уходъ. Они рѣшили вернуться въ свое прежнее отечество, Китай, тою-же дорогою, какою пришли, т. е. черезъ Волгу, Ураль и Киргизскую степь. Военскія и гражданскія власти Поволжья слишкомъ поздно открыли заговоръ: не успѣли собрать войска, хотя имѣли намѣреніе остановить калмыковъ силою; яцкіе казаки (переименованные впослѣдствіи Екатериною II въ уральскихъ) тогда волновались, а потому не послушались ни указовъ военной коллегіи, ни своихъ старшинъ, и не пошли въ погоню за калмыками, не загородили имъ дорогу черезъ рѣку Яикъ; недовольные правительствомъ, эмигранты, въ большинствѣ, благополучно выбрались изъ Европы въ Киргизскую степь. Это было зимою, съ 1772 на 1773 годъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ калмыки снялись съ своихъ заводскихъ стойбищъ; часть ихъ не захотѣла идти и жить тамъ доселѣ; другіе ослѣли на Ураль, во время переправы черезъ эту рѣку, и теперь служатъ въ казакахъ, исповѣдующихъ ламайскую вѣру и представляя собою одинъ изъ лучшихъ элементовъ уральскаго казачества во всѣхъ отношеніяхъ, какъ граждане и какъ воины. Слѣдуетъ также замѣтить, что часть заводскихъ или ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, дѣтъ 50 тому назадъ, переселена на земли оренбургскаго казачьяго войска, на такъ называемую *Новую линію*, по р. Тоболу.

Наибольшая масса эмигрантовъ переправилась черезъ рѣку Уралъ, приблизительно въ 250 верстахъ отъ его устья, между нынѣшними станицами уральскаго казачьяго войска, Кулагинской и Калмыковской. Въ этихъ мѣстахъ, кажется, около Гребеншиковского форпоста, есть рядъ урочищъ, тянувшихся отъ берега Урала, съ запада на востокъ, и извѣстныхъ у мѣстнаго казачьяго населенія подъ именемъ *калмыцкой дороги*. Сосѣднія станицы: Харьвинская, горская, Гребеншиковская и Кулагинская доселѣ населены отчасти калмыками, потомками осѣвшихъ тутъ эмигрантовъ.

За Ураломъ, въ Киргизской степи, калмыковъ постигли многія бѣдствія: Голодъ, холодъ, потомъ безводіе и нападенія киргизовъ. На западномъ берегу озера Балхаша есть урочище *Калмакы-кырганъ*, т. е. гибель калмыковъ. Это нѣчто вродѣ столь извѣстныхъ, послѣ хивинскаго похода, песковъ *Адамъ-кырманъ*. Мы сожалѣемъ, что въ настоящее время у насъ нѣтъ подъ рукою статьи г. Юр.—Ю., помѣщенной въ Уральскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ за 1871 годъ, о бѣдствіяхъ калмыковъ изъ Россіи. Въ статьѣ этой есть многія интересныя подробности о бѣдствіяхъ и гибели въ Киргизской степи этого несчастнаго народа. Впрочемъ, калмыки погибли не всѣ: ихъ очень много добралось до рѣки Или и проникло далѣе въ Карашарскую провинцію, составляющую теперь сѣверо-восточную окраину владѣній кашгарскаго владѣльца Якубъ-бека.

Когда Кашгаръ принадлежалъ китайцамъ, калмыки привольно кочевали у Карашара и на Юлдузѣ; но послѣ водворенія тамъ власти узбековъ, и въ особенности съ воцареніемъ Якубъ-бека, калмыкамъ, какъ иновѣрцамъ, пришлось плохо, такъ что въ октябрѣ 1871 года, т. е. почти черезъ 100 лѣтъ послѣ того, какъ предки ихъ оставили берега Волги, они прикочевали въ предѣлы Кульджинскаго раіона, на рѣку Кунгесъ, притокъ р. Или, и снова приняты были въ русское подданство. Таковы историческія судьбы этого племени, и, надобно замѣтить, въ немъ живутъ еще преданія о томъ, что предки его когда-то жили въ Россіи.

По свѣдѣніямъ Н. А. Аристовъ, торгоутовъ въ 1871 году пришло на р. Кунгесъ.

Мужчинъ . . . 3944 души.

Женщинъ . . . 2801 —

	Хошотовъ:
Мужчинъ . . .	4051 —
Женщинъ . . .	1910 —
А всего	
Мужчинъ . . .	8095 —
Женщинъ . . .	4711 —
Итого . . .	12,806 душъ обоего пола *).

Эмигранты привели съ собою скота:

Лошадей . . .	4507
Рогатаго . . .	791
Верблюдовъ . . .	1112
Барановъ . . .	17,579
Козловъ . . .	558

Поздняя пора года, а именно октябрь мѣсяцъ, не позволила мнѣ быть на Кунгесѣ, гдѣ я могъ бы видѣть торгоутовъ и хошотовъ а потому ограничиваюсь здѣсь извлеченіями изъ отчета бывшаго правителя канцеляріи по Кульджинскимъ дѣламъ при военномъ губернаторѣ Семирѣченской области, Н. А. Аристовъ, о поѣздѣ его по Кульджинскому раіону въ маѣ и іюнѣ 1873 года, отчета, напечатаннаго въ гор. Вѣрномъ отдѣльной брошюрой, очень интереснаго, тѣмъ не менѣе совѣмъ неизвѣстнаго публикѣ, потому что онъ остался въ канцеляріяхъ. На страницѣ 20-й своего отчета, г. Аристовъ пишетъ:

«Съ 24 мая, миновавъ соединеніе Текеса и Кунгеса, я слѣдовалъ по р. Кунгесу, сначала по правому его берегу, а потомъ по лѣвому. Долина Кунгеса составляетъ естественное продолженіе Илійской долины прямо на востокъ, протяженіемъ отъ р. Или до входа Кунгеса въ ущелье на 170 верстъ. Ширина долины Кунгеса на всемъ этомъ пространствѣ отъ 30 до 15 верстъ. За исключеніемъ солончаковъ и безводныхъ мѣстъ, не менѣе половины этой долины удобна для земледѣлія, а слѣдовательно даетъ достаточно всякихъ угодій, по крайній мѣрѣ для двухъ тысячъ семей поселенцевъ. Наиболѣе хороши средняя и верхняя части долины, по

*) Надобно замѣтить, что впоследствии, по повѣркѣ, цифра эта оказалась меньше.

обилию воды, пахотныхъ и луговыхъ мѣстъ, а также лѣса. Нижняя часть праваго берега, почти верстъ на 50, безводна и солонцевата, но лѣвый берегъ и въ нижнемъ теченіи Кунгеса солонцеватъ только частію и орошается р. Цанмою и арыками изъ Текеса, питавшими громадное пространство пашень, нынѣ заброшенныхъ. Въ верхней части долины, по теченію рѣки и въ горахъ, есть лѣсъ всевозможныхъ породъ: нѣсколько видовъ тополя, яблонь, урюкъ, карагачъ, ель, береза, рябина и множество другихъ древесныхъ породъ и кустарниковъ. Долина Кунгеса значительно ниже Текеса, по климату значительно теплѣе и на всемъ своемъ протяженіи доступна для хлѣбопашества. Кунгесъ вездѣ глубокъ, течетъ большею частію въ одномъ руслѣ, которое принимаетъ каменистый, горный характеръ только въ верхней части долины. Бродовъ мало.

«Во времена китайскаго владычества, долина Кунгеса была занята кочевками калмыковъ рода Арбушъ-сумунъ, кочующихъ нынѣ на р. Кашъ. Съ конца 1871 года бассейны Кунгеса занимаютъ торгоуты, прикочевавшіе подъ наше покровительство съ Юлдуза и Карашара, гдѣ притѣсняли ихъ кашгарцы. Долина Кунгеса для кочевковъ со скотомъ вообще неудобна, потому что хотя корма и обильны, но лѣтомъ въ ней жарко, а зимою въ ней глубокіе снѣга. Поэтому я встрѣчалъ въ долинѣ только небольшое число ауловъ съ мелкимъ скотомъ, баранами. Большая часть ауловъ кочуетъ лѣтомъ въ горахъ между рѣками Кунгесомъ и Цанмою, по Цанмѣ и по рѣкѣ Джиргаланъ. Мѣстъ для лѣтнихъ кочевковъ и здѣсь вполне достаточно, травы обильны, вершины горныхъ долинъ поражаютъ обиліемъ накопившагося въ нихъ чернозема; но растительность, по самому обилію чернозема и воды, груба, а травы деревянисты, высоки и широколиственны. Зимовки торгоуты имѣютъ по Джиргалану и главнымъ образомъ въ горахъ между Кунгесомъ и Кашемъ, смежно съ Арбушъ-сумунами».

Далѣе г. Аристовъ говоритъ: «до возстанія мусульманъ (въ Кашгарѣ) карашарскими торгоутами управлялъ родовой ханъ, которому непосредственно подчинялись 50 сумуновъ и ротъ. Старшинами послѣ хана считались родовыя князья—бейли; гунъ и тузудакчи, изъ которыхъ первый владѣлъ 2 сумунами, а послѣдніе по одному, такъ что всѣхъ сумуновъ было 54, отъ 100 до 200 кибитовъ въ каждомъ; 50 ханскихъ сумуновъ дѣлились въ

административномъ отношеніи на 5 хошуновъ, въ каждомъ по 10 сумуновъ. Въ началѣ возстанія, ханъ поѣхалъ для обычнаго представленія богдыхану въ Пекинъ и затѣмъ уже возвратиться къ своему племени не могъ, потому что китайцы, частію обѣщаніями и ласками, частію принудительно, задержали его въ Монголіи, дабы черезъ хана сохранить сношеніе и вліяніе на торгоутовъ, отъ которыхъ рассчитывали получить помощь при дѣйствіяхъ противъ мусульманъ. До 1871 года ханъ не могъ возвратиться къ своему народу, между прочимъ, и по трудности пробраться на Юлдузъ черезъ мусульманскія земли. По занятіи Кульджи, когда осенью 1871 года торгоуты прикочевали на Кунгесъ съ Юлдуза, хану дано было знать, отъ имени генералъ-лейтенанта Колпаковского, что онъ можетъ, если желаетъ, вернуться къ своему народу. Ханъ однако-же не вернулся, ибо китайцы не рѣшились выпустить изъ своихъ рукъ удобное орудіе для дѣйствія на одно изъ племенъ, обитающихъ въ Илійской долинѣ. Вслѣдствіе этого, сдѣлано было распоряженіе, чтобы никакія приказанія хана, именемъ котораго китайцы начали было собирать скотъ, хлѣбъ и т. д., не исполнялись поддавшимися намъ кочевниками».

Далѣе изъ замѣтокъ г. Аристова усматривается, что по отъѣздѣ торгоутскаго хана въ Пекинъ, самымъ вліятельнымъ лицомъ въ народѣ остался второй князь, *унз*, и что въ 1871 году онъ явился къ намъ въ качествѣ главы народа, а потому на него и возложено было управленіе торгоутами. Тогда прочіе князья и чиновники не взлюбили его и продолжали сноситься съ отсутствующимъ ханомъ и съ китайскимъ правительствомъ. Къ нимъ же примкнула и жена хана, оставшаяся съ 2 сыновьями въ средѣ народа, и ламайское духовенство, котораго, надобно замѣтить, у торгоутовъ очень много и общественные расходы на него очень велики. Г. Аристовъ говоритъ, что въ главной родовой модели 9 юртъ, наполненныхъ бурхнами; при каждой юртѣ по 50 ламъ, и что общественные расходы на кумирни, кромѣ содержанія ламъ, довольно значительны и вмѣстѣ съ тѣмъ очень оригинальны: такъ, напримѣръ, въ общественныхъ расходныхъ книгахъ часто встрѣчаются такія статьи: на молитву о здоровьѣ хана 100 саровъ (т. е. 200 рублей); на содержаніе ханскаго доланъ-бурхана, т. е. идола (нужно замѣтить, что ламайцы и буддисты

ставить передъ кумирами угощеніе) 97 саръ (194 рубли) и т. п. Равнымъ образомъ, содержаніе ханши съ ея сыновьями и сестры хана съ семействомъ обходились народу сравнительно дорого, а именно 2663 сара или 5326 рублей въ годъ, причемъ нужно имѣть въ виду, что у хана очень много имущества и разнаго скота. Поэтому, по докладу о семь г. Аристова, всѣ лишніе расходы въ настоящее время ограничены, а начальство надъ торгоутами упрощено за гуномъ, какъ за самымъ вліятельнымъ въ народѣ и преданнымъ нашимъ интересамъ, что впрочемъ, не мѣшаетъ ханшѣ, вмѣстѣ съ консервативною партіею, сторониться гуна и кочевать со своими стадами и бурханами особо.

Торгоуты—народъ кочевой, живутъ и зимуютъ въ юртахъ. Мужчины одѣваются подобно сибю, костюмъ которыхъ описанъ нами въ предыдущемъ очеркѣ; но женщины торгоутовъ въ одѣждѣ и причeskъ разнятся отъ сибинговъ, а именно: онѣ носятъ длинныя черныя и синія рубахи, со множествомъ монетъ на груди, а волосы заплетаютъ въ безчисленныя мелкія косички, прикрывая ихъ круглыми шапочками.

На Кунгесѣ торгоутамъ живется хорошо, и, по мнѣнію г. Аристова, идти имъ некуда: на Юлдузѣ, откуда они пришли въ 1871 году, они снова попадутъ въ руки кашгарцевъ; въ Китаѣ и въ Монголіи они рискуютъ быть или ограбленными, или не найти удобныхъ мѣстъ для кочеванія, тогда какъ на Кунгесѣ, кромѣ приволья угодій, торгоуты не лишены съ нашей стороны и обороны отъ беспокойныхъ и враждебныхъ имъ сосѣдей, кашгарцевъ и дунганей. Такъ, лѣто и осень прошлаго года, по окраинѣ кочевковъ торгоутовъ, именно на урочищѣ *Китай-никетъ*, составляющемъ почти крайній восточный пунктъ Кульджинскаго района, стояла сотня 1-го коннаго полка Семирѣченскаго казачьяго войска подъ командою эсаула, барона Штакельберга. Мы помѣщаемъ здѣсь составленный эсауломъ, бар. Штакельбергомъ, маршрутъ отъ г. Кульджи до Китай-никета съ краткимъ описаніемъ дороги.

Свѣдѣнія эти еще не были въ печати:

Отъ города Кульджи:

- 1) Кентъ Арустанъ 18 верстѣ.
- 2) Кентъ Бартокай 18 —

Дорога идетъ между воздѣланными полями; подножнаго корму и воды много.

- 3) Кентъ Акъ-тюбе 18 верстѣ.

Кормъ подножный; переправы черезъ рѣки: Кашъ и Или, противъ кента Ямашу.

- 4) Урочище Хаиръ-мудунъ, 48 верстѣ.

Подножный кормъ и топливо въ изобиліи; дорога колесная, по ровному мѣсту. Вода только за 38 верстѣ, въ сторонѣ отъ дороги; за урочищемъ Ташъ-тюбе, въ ключахъ, заросшихъ камышемъ.

- 5) Урочище Бишъ, на р. Текесѣ. 14 верстѣ.

Дорога каменная между хлѣбныхъ полей; переправа черезъ р. Текесъ трудная—одинъ паромъ. Сотня казаковъ переправлялась двое сутокъ. На урочищѣ Бишъ вода и топливо въ изобиліи; подножный кормъ въ 5 верстахъ.

- 6) Урочище Кынь-чукуръ 43 версты.

(на ключѣ того же имени).

Дорога колесная среди воздѣланныхъ полей. Вода имѣется только на 28 верстѣ, въ ручьѣ Кужурты и на 33-й, въ ручьѣ Хоркуле.

- 7) Уроч. Кынчу-булакъ 34 версты.

(на рѣкѣ того же имени)

По дорогѣ нѣсколько неудобныхъ для артиллеріи спусковъ и подъемовъ; на 13-й верстѣ переправа въ бродъ черезъ рѣчку Цанму. На мѣстѣ вода, подножный кормъ и топливо въ изобиліи.

- 8) Урочище Сенкте 28 версты.

(на лѣвому берегу р. Кунгеса).

По пути и на мѣстѣ много корма и топлива; дорога въ нѣсколькихъ мѣстахъ требуетъ исправленія для прохода артиллеріи.

- 9) Урочище Юнугда 24 версты.

(на лѣвомъ берегу р. Кунгеса).

На переходѣ двѣ переправы черезъ рѣку Кунгесъ въ бродъ: одна у ночлега Сенкте, а другая на правый берегъ близъ урочища Юнугда, у развалинъ Китай-никета.

Всего отъ г. Кульджи 243 версты. Разстоянія опредѣлены ходомъ лошади, полагая казачьей ѣздой по 7 верстѣ въ часъ.

По рассказам очевидцев, Китай-пикетъ былъ когда-то укрѣпленнымъ и осыдымъ пунктомъ, отъ котораго теперь остались только развалины и слѣды садовъ. Окрестности гористы, богаты лѣсомъ и разной дичью, такъ что охота составляла единственное развлечение семирѣченцевъ, сторожившихъ торгоутовъ.

Другой монгольскій народъ, входящій въ составъ населенія III-го участка Кульджинскаго района, суть *джунтары-чахаръ* (или чахаръ или даже чакыръ) и *улетъ* (или улютъ), называемые нами калмыками *дурбунъ-сумунъ*, т. е. 4 сумуна.

Калмыки эти живутъ на урочищѣ *Тогузъ-торау*, находящемся при слияніи рѣкъ Текеса и Кунгеса. Нѣкоторыя подробности объ этомъ урочищѣ мы также находимъ въ отчетѣ г. Аристова, а именно: «при китайцахъ по Тогузъ-торау было поселено 1200 семей таранчей, которыми былъ выведенъ изъ Текеса большой арыкъ. Во время смутъ, таранчи бросили свои кенты и ушли за Или *). Жилища ихъ разрушились, арыки и пашки заросли травой. Изъ большаго арыка теперь пользуются частію воды дурбунъ-сумуны. Таранчи возвращаться на Тогузъ-торау не желаютъ, потому что земли достаточно для уменьшившагося населенія около Кульджи и во 2-мъ участкѣ. Современемъ, на Тогузъ-торау можетъ быть русское поселеніе, если Кульджа останется за нами».

Калмыки дурбунъ-сумунъ и наружною, и языкомъ, и бытомъ схожи съ торгоутами, а потому, въ заключеніе этого очерка калмыковъ III-го участка, приведемъ здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя о торгоутахъ и дурбунъ-сумунахъ, извлеченныя нами изъ отчета начальника участка за 1873 годъ.

Торгоутовъ и дурбунъ-сумуновъ:

мужчинъ 5275.

женщинъ 3429.

Итого . . . 8704 души обоего пола, проживающихъ въ 1784 юртахъ.

У торгоутовъ имѣется одна школа съ 343 учащими мужскаго пола.

*) Въ 1-мъ участкѣ таранчи эти до сихъ поръ называются тогузъ-тораускими сотнями.

Скота у торгоутовъ и хошотовъ:

Лошадей 3246

Рогатаго 1678

Овецъ 16,438

Верблюдовъ 641

Фабрикъ и заводовъ неимѣется никакихъ, кромѣ мельницъ, которыхъ двѣ: одна конная у торгоутовъ, производитъ въ годъ 500 четвертей, и одна водяная у дурбунъ-сумуновъ, производитъ 800 четвертей въ годъ.

Другихъ промышленныхъ заведеній у калмыковъ нѣтъ, если не считать домашнее производство грубаго сукна, войлоковъ, аркановъ (волосяныхъ веревокъ) и т. п. предметовъ изъ матерьяловъ, доставляемыхъ всѣмъ кочевникамъ ихъ стадами.

Узбеко-тюркская народность также имѣетъ своихъ осѣдлыхъ и кочевыхъ представителей въ средѣ населенія 3 участка кульджинскаго района. Это—*таранчи*, о которыхъ скажемъ ниже, и *киргизы* рода Конурбукъ, которые, въ количествѣ 2599 юртъ, кочуютъ смежно съ торгоутами въ самомъ верховьяхъ р. Кунгеса, по лѣвому его берегу. О бытѣ этихъ киргизовъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но судя по воспримчивости этого народа, какъ это замѣтно на оренбургскихъ и сибирскихъ киргизахъ, весьма вѣроятно предположеніе, что и на киргизахъ Конурбукъ отразилось вліяніе ихъ сосѣдей калмыковъ.

Въ 1873 году киргизовъ Конурбукъ значилось:

Мужчинъ 6147

Женщинъ 5158

Итого . 11,305 душъ обоего пола.

Въ семи киргизскихъ школахъ обучались 42 мальчика и 1 дѣвочка.

Скотоводство этихъ киргизовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Лошадей 27,950

Рогатаго скота 8,261

Овецъ 193,415

Козъ 9,806

Верблюдовъ 3,756

Одна водяная мельница производить 700 четвертей въ годъ.

Здѣсь переходимъ въ преобладающему въ 3-мъ участкѣ и вообще въ Кульджинскомъ районѣ осѣдлому земледѣльческому населенію—*таранчамъ*. Кенты ихъ разбросаны на ключахъ по щелямъ и предгорьямъ на сѣверномъ склонѣ хребта Ахбуртамъ-тау, въ южной части 3-го участка. Нѣсколько подробностей о таранчахъ мы сообщили въ описаніи города Кульджи, а потому здѣсь ограничиваемся лишь тѣмъ, что значительнѣйшіе изъ таранчинскихъ кентовъ 3 участка суть: *Койнакъ* (резиденція начальника участка), *Хонхой* и другіе, имѣющіе всего 2033 жилыхъ дома съ населеніемъ:

Мужскаго пола	6275
Женскаго —	6013
Итого	12,288 душъ.

Таранчи 3-го участка имѣютъ 35 элементарныхъ школъ; въ нихъ учащихся:

Мальчиковъ	604
Дѣвочекъ	80
Итого	684

Кромѣ земледѣлія, таранчи 3-го участка занимаются и скотоводствомъ. По отчету 1873 года за ними значится:

Лошадей	2121
Рогатаго скота	3018
Овецъ	12,394
Козъ	3829
Верблюдовъ	42
Ословъ и муловъ	630

Изъ промышленныхъ заведеній у таранчей есть 175 водяныхъ мельницъ, при 175 рабочихъ и съ производствомъ 34,000 четвертей въ годъ, 179 маслобоенъ, приготавливающихъ ежегодно 10,000 пудъ зыгырнаго масла.

Изъ заходящихъ, временно обитающихъ народностей, въ 3 участкѣ находимъ *китайцевъ* и *дунганей*, но въ самомъ незначи-

тельномъ числѣ. Такъ, въ 1873 году въ предѣлахъ участка проживали:

Китайцевъ: мужчинъ 2, женщинъ 3.

Дунганей: мужчинъ 2, женщинъ 2.

Итого: мужчинъ 4. женщинъ 5.

Эти цифры объясняются тѣмъ, что главные осѣдлости китайцевъ и дунганей были (и суть) на правомъ берегу рѣки Или, а на лѣвый берегъ ихъ привлекаютъ только особые промышленныя и торговые цѣли.

Русскихъ въ 3 участкѣ всего нѣсколько душъ мужскаго пола, при управленіи начальника участка.

Преступленія народностей 3 участка въ 1873 году видны изъ слѣдующей таблицы:

Осужденныхъ:

Родъ преступленій:	Число преступленій.	Сибо.	Таранчей.	Калмыковъ.	Киргизовъ.
а) Грабежъ	3 преступника и не открыты.				
б) Баранта	2 виновны киргизы.				
в) Кража	210	18	106	31	75.
г) Мошенничество.	11	4	8	3	1.
д) Нарушеніе торгов. правилъ.	1	—	1	—	—.
е) Нанесеніе обидъ и безпорядки.	61	6	38	—	22.
Итого	288	28	153	34	98.

И здѣсь также, какъ и по городу Кульджѣ, первое мѣсто занимаютъ таранчи, потомъ киргизы, калмыки и послѣднее сибо; несмотря на то, что племя это очень много выпиваетъ джунъ-джунъ, за нимъ значится только 6 преступниковъ по нанесенію обидъ и безпорядкамъ вообще, а за «правовѣрными» таранчами, отвергающими крѣпкіе напитки—38.

Ремесла распределяются въ населеніи 3-го участка въ такомъ порядкѣ:

	Сиб.	Таранч.	Калмык.	Киргиз.
Кузнецовъ	7	29	14	12
Мѣдяковъ	1	2	—	1
Серебряковъ	1	4	3	4
Плотниковъ	33	12	19	20
Столяровъ	2	—	—	—
Сѣдельниковъ	—	—	7	5
Чашечниковъ	2	12	2	1
Маларовъ	3	—	4	—
Кожевниковъ	5	6	—	—
Сапожниковъ	3	61	1	18
Ткачей	65	—	2	—
Портныхъ	2	—	2	—
Бондарей	—	—	2	—
Итого	124	72	54	61

Здѣсь также преобладаютъ сиб., отличающіеся вообще трудолюбіемъ и тихимъ нравомъ:

По *спроисовданіямъ* населеніе 3 участка за 1873 годъ даетъ такія цифры.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Православныхъ	9	—
Магометанъ	12,424	11,173
(таранчей, киргизовъ и дунганъ)		
Язычниковъ	12,953	11,147
(сибо, торгоутовъ, калмыковъ и китайцевъ).		
Итого	25,386.	22,320.

А всего въ 3 участкѣ—47,706 душъ обоего пола.

Въ слѣдующихъ очеркахъ мы будемъ говорить о 2-мъ участкѣ Кульджинскаго района.

IX.

2-й участокъ Кульджинскаго района.

2-й участокъ описываемой нами мѣстности составляютъ долины рѣкъ: Баратолы, Каша и лѣвый берегъ Кунгеса, которымъ 2-й участокъ отдѣляется отъ 3-го участка. На западѣ и сѣверо-западѣ 2-й участокъ граничитъ съ 1-мъ участкомъ низовьями рѣки Каша, рѣкою южнымъ Борогосуномъ, горами Борохоро и другими горными группами, названія которыхъ значится выше, въ IV очеркѣ, составляющими водораздѣлъ рѣкъ Или и Баратолы. Сѣверная граница 2-го участка опредѣлена только съ Сергіопольскимъ уѣздомъ Семирѣченской области по хребту Алатау, на остальномъ протяженіи своемъ на востокъ она имѣетъ весьма неопредѣленную линію, направляющуюся поперекъ такъ называемой *императорской дороги*, которой въ былые годы шли сношенія между манджурской Кульджей и Пекиномъ; у китайскаго селенія Джинхо императорская дорога уклоняется на сѣверъ, а граница приблизительно идетъ по хребту Эрень-кабырга къ верховьямъ рѣки Каша. Восточной (и вмѣстѣ съ тѣмъ государственной съ Китаемъ) границей, впрочемъ нигдѣ не означенной и фактически не существующей, нужно считать линію съ верховьевъ р. Каша на верховья притока р. Или, Кунгеса.

Вся эта мѣстность, составляющая такъ называемую у насъ *Джунгарію* или *Зюнгарію*, чрезвычайно гориста и богата водою. Такъ, рѣка Баратола, впадающая въ озеро Эбиноръ *), и ея многочисленные притоки, замкнуты съ сѣвера горами Алатау, а съ юга хребтомъ Борохоро и другими; рѣки: Кузимчикъ и сѣверный Борогосунъ, образующіеся изъ рѣчекъ Тогуръ-су и Нилка, обставлены съ запада отрогами Борохоро, а съ востока хребтомъ Эрень-кабырга, рѣки: южный Борогосунъ и Кашъ съ безчисленными притоками раздѣляютъ одинъ отъ другаго хребты Борохоро, Эрень-кабырга и Авралъ-тау.

Какія живописныя мѣста находимъ мы здѣсь, какъ много разныхъ народовъ прошло здѣсь, стремясь на западъ, и какъ

*) Озеро это находится между 52 и 53 меридіанами къ востоку отъ Пулкова и какъ разъ на 45 паралели.

много кровавыхъ воспоминаній связано съ горами Джунгаріи по междоусобіямъ ея обитателей и по войнѣ съ сосѣдями! Последнее кровопролитіе было здѣсь 100 лѣтъ тому назадъ, когда китайцы усмирили бунтъ калмыковъ и возстановили свою власть учрежденіемъ Илійскаго генераль-губернаторства съ городомъ Кульджею. Затѣмъ началась безпощадная распря китайцевъ и джунгаровъ съ дунганями и кашгарскими сартами, и только за послѣдніе 4 года, т. е. послѣ занятія нами Кульджинскаго района, въ 1871 году, страна отдохнула, благодаря могучей русской опеки; съ другой стороны является необходимость отдыха, потому что населеніе обѣднѣло, какъ это мы и увидимъ ниже въ цифрахъ скотоводства, составляющаго главныя средства существованія кочевыхъ джунгаровъ.

Переходимъ здѣсь къ постепенному описанію народностей, составляющихъ населеніе 2-го участка.

Преобладающимъ элементомъ являются *джунтары*, извѣстные у насъ болѣе подъ общимъ названіемъ калмыковъ. Во 2-мъ участкѣ ихъ $\frac{2}{3}$ всего населенія. Подобно тѣмъ калмыкамъ, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ очеркѣ (торгоуты карашарскіе и дурбунъ-сумунъ), калмыки 2-го участка дѣлятся на сумуны, переименованные нами въ волости, и управляются своими старшинами. Таковы: *Цахары* или *Чахары*, раздѣляющіеся на два рода: *Шиненги* и *Ху-Шиненги*. Первый родъ, т. е. Шиненги, кочуетъ на рѣкахъ: сѣверномъ Борогосунѣ и Кузимчинѣ, впадающихъ съ юга въ озеро Эби-норъ, а Ху-Шиненги обитаютъ на устьѣ рѣки Баратолы и по западному берегу названнаго озера. Послѣ нихъ слѣдуетъ назвать торгоутовъ *Бейле*, живущихъ по правому берегу рѣки сѣвернаго Борогосуна, въ сосѣдствѣ съ торгоутами *Ванъ* и *Бейсе*, кочующими по рѣкамъ: Иптыну и Джиргаатъ, между нашимъ пограничнымъ пунтомъ — китайской деревней Джинхо и китайскимъ военнымъ постомъ Шинхо. Теперь Ванъ и Бейсе будто бы нейтральны, т. е. не подчиняются ни намъ, ни китайцамъ, хотя и желаютъ быть русскими подданными; но должно думать, что по неопредѣленности края и по причинѣ со-сѣдства китайскихъ войскъ въ Шинхо, они держатъ себя по пословицѣ: и нашимъ, и вашимъ.

Джунгаровъ Шиненги — 8 сумуновъ, или эскадроновъ, каждый

въ 120 человекъ; Ху-Шиненги также 8 сумуновъ; Бейле — 4 сумуна, всего 2400 всадниковъ; а численность Ванъ и Бейсе не извѣстна. По разсказамъ, торгоуты: Бейле, Ванъ и Бейсе пользовались при китайцахъ какими-то привилегіями, въ родѣ гвардіи; впрочемъ, они до сихъ поръ будтобы сохранили замѣчательную дисциплину и однообразие въ одеждѣ, похожей на костюмъ сибиряковъ, т. е. синій халатъ, черная накидка и поярковая черная же шляпа.

Сосѣдями калмыковъ Бейле и Шиненги находимъ джунгаровъ *Улютовъ* или *Арбунъ-сумунъ*, т. е. 10 сумуновъ — по рѣкѣ Кашу. Этотъ народъ обнищалъ за время неурядицъ, а при китайцахъ несъ службу, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, получая по 3 сары, т. е. по нашему 6 рублей, въ мѣсяцъ на каждого всадника. Пекинское правительство будто бы до сихъ поръ высылаетъ это жалованье всѣмъ калмыцкимъ сумунамъ въ Чугучакъ, дзаянь-дзюню Жуну, но на что идутъ эти деньги — про то не знаетъ никто.

Если бы Кульджинскій районъ остался за Россіей, то изъ всѣхъ поименованныхъ нами калмыковъ вышла бы прекрасная пограничная стража, потому что и теперь они хорошо оберегаютъ себя и несутъ пограничную службу, по указаніямъ начальника участка, которому рапортуя о положеніи дѣлъ на границѣ письменно. Эти рапорты калмыковъ очень оригинальны. Начать съ того, что калмыки пишутъ сверху внизъ; если рапортъ написанъ на простой бѣлой бумагѣ, то титулъ лица, которому онъ адресованъ и разныя привѣтствія, образно этикету, прилагаются къ рапорту на особомъ листочкѣ красной бумаги; вмѣсто подписи прикладывается большая четырехугольная печать красной масляной краской. Посланіе вкладывается въ продолговатый конвертъ и наглухо заклеивается, причемъ адресъ пишется на лентѣ, всетаки изъ красной бумаги, приклеенной къ конверту и припечатанной по концамъ тою же печатью. Къ слову сказать здѣсь и о донесеніяхъ китайскихъ старшинъ: они пишутся на желтой, прозрачной бумагѣ, съ какимъ нибудь рисункомъ, напримѣръ китайка подъ деревомъ, и т. п.

Всѣ калмыки 2-го участка одѣваются подобно сибирякамъ, какъ то описано въ VIII очеркѣ, а равнымъ образомъ вооружены, подобно сибирякамъ: сабля, лукъ и рѣдко какое нибудь ружье.

Хозяйство калмыковъ заключается главнымъ образомъ въ скотоводствѣ, приготовленіи тканей изъ домашнихъ матерьяловъ и, между прочимъ, въ значительномъ количествѣ водки изъ кислаго молока, называемой *ирекъ*. Надобно замѣтить, что подобную водку гонятъ и калмыки на Уралѣ и на Волгѣ.

Подати калмыковъ 2-го участка, какъ и всего осѣдлаго и кочеваго населенія Кульджинскаго района, ограничиваются только однимъ посемейнымъ или подымнымъ сборомъ, въ размѣрѣ 3 руб въ годъ съ юрты.

Статистическія подробности о калмыкахъ 2-го участка усматриваются изъ нижеслѣдующихъ свѣдѣній за прошлый годъ:

1) Родъ Шиненги, 949 юртъ.	
Мужчинъ	2199
Женщинъ	1798
Итого	3997 душъ обоего пола.

Скотоводство:

Верблюдовъ	38
Лошадей	632
Рогатаго скота	1067
Барановъ,	8620

Ясно, что по раскладкѣ этого скота на 949 хозяевъ, имъ придется по немногу, а инымъ не достанется ничего такъ раззорили ихъ междоусобіа.

2) Родъ Ху-Шиненги, 1112 юртъ.	
Мужчинъ	2047
Женщинъ	1730
Итого	3777 душъ обоего пола.

Скотоводство:

Верблюдовъ	нѣтъ
Лошадей	305
Рогатаго скота	463
Барановъ	2333

Здѣсь раскладка даетъ выводы еще печальнѣе!

3) Родъ Бейле, 585 юртъ.	
Мужчинъ	1259
Женщинъ	821
Итого	2080 душъ обоего пола.

Скотоводство:

Верблюдовъ	нѣтъ.
Лошадей	142
Рогатаго скота	276
Барановъ.	1643
4) Родъ Улють (Арбунъ-сумунъ)—1423 юрты.	
Мужчинъ	3953
Женщинъ	3227

Итого . . . 7190 душъ обоего пола.

Скотоводство:

Верблюдовъ	39
Лошадей	352
Рогатаго скота	512
Барановъ.	4334

Всѣ эти цифры ясно свидѣтельствуютъ о бѣдности калмыковъ; притомъ необходимо замѣтить, что съ поступленіемъ подъ правительство Россіи, калмыки, благодаря тишинѣ въ краѣ, значительно увеличили свои стада, а со временемъ вѣроятно и совсѣмъ поправятъ свое состояніе.

Общій итогъ калмыцкаго населенія 2-го участка представляетъ такія цифры:

Мужчинъ	9468
Женщинъ	7576
А всего.	17.044

Калмыки исповѣдуютъ ламайскую вѣру, имѣютъ нѣсколько монастырей (сумбе) и въ 5 школахъ обучаютъ 100 мальчиковъ.

Послѣ калмыковъ, въ населеніи 2-го участка Кульджинскаго района преобладаютъ киргизы родовъ *Байджитъ* и *Кызай*. Первые кочуютъ въ средней Баратолѣ, а Кызай у ея истоковъ изъ Алатавскихъ горъ. Когда-то киргизы эти были независимы и занимались только разбоями и грабежамъ сосѣдей; но теперь, съ умиротвореніемъ края, они примирѣли. Этого мало: начальникъ участка маіоръ Герасимовъ приучилъ ихъ даже къ земледѣлію. Для того онъ нанялъ имъ рабочихъ изъ сосѣднихъ калмыковъ Ху-Шиненги и приказалъ засѣять просо. Получивъ урожай,

киргизы говорили, что они сыты и что въ грабежѣ надобности не видать. Конечно, и теперь отдѣльныя личности заявляютъ себя коноградствомъ и т. п., но въ массѣ племена эти спокойны.

Байджигитовъ, 950 кибитокъ.

Мужчинъ 1739

Женщинъ 1447

Итого 3186 душъ обоего пола.

Скотоводство байджигитовъ:

Верблюдовъ 204

Лошадей 3491

Рогатаго скота . . 2345

Барановъ 41,010

Кызаевъ, 1316 кибитокъ.

Мужчинъ 2397

Женщинъ 2216

Итого 4613 душъ обоего пола.

Скотоводство кызаевъ:

Верблюдовъ 477

Лошадей 4976

Рогатаго скота . . 2804

Барановъ 42.353

Эти цифры показываютъ, что, по сравненію съ калмыками, киргизы являются довольно значительными собственниками.

Послѣ киргизовъ, слѣдуетъ обратиться къ *таранчамъ*. Во 2-мъ участкѣ Кульджинскаго района ими заняты двѣ волости *Мазаръ-нилкинская и Кашская*. Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ района, таранчи живутъ здѣсь осѣдло, въ *кентахъ*, т. е. деревняхъ, изъ которыхъ значительнѣйшія: *Мазаръ* (резиденція начальника участка), *Инаватъ*, *Ташустанъ* и другія. Главное занятіе таранчей—земледѣліе; они сѣютъ пшеницу, ямень, просо, джугару, рисъ, ленъ и горчицу (*кыча*), сѣмя которой даетъ масло. Урожай хлѣбовъ во 2-мъ участкѣ до того хорошъ, что отъ изобилія бываетъ труденъ сбытъ... Вотъ гдѣ нужно селить русскаго человѣка!

И. С. Герасимовъ любезно сообщилъ намъ объ урожаяхъ 2-го участка нижеслѣдующія поразительныя цифры:

Въ 1873 году *посѣяно*: *снято*:

четверть = 8 пуд.

Проса 620 18,600

Пшеницы 9341 280,230

Ячменя 6062 181,860

Рису 47 2,350

Льну и горчицы . 482 3,589

А всего . 16,552 . 486,629

Эти цифры показываютъ урожай почти самъ 40,—но урожай доходитъ будто бы и до самъ—60.

Изобиліе неизбѣжно порождаетъ дешевизну, а потому и цѣны на хлѣбъ во 2-мъ участкѣ Кульджинскаго района чрезвычайно низки. Тамъ четверть въ 8 пудъ продается:

Пшеницы отъ 80 к. до 2 рублей.

Ячменя — 35 к. до 1 р. 80 к.

Высокія цѣны, поставленные здѣсь, бываютъ весной, когда является надобность въ зерновомъ хлѣбѣ для посѣва.

Кромѣ хлѣбопашества, таранчи занимаются и огородничествомъ: они разводятъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы, свеклу и другія овощи.

Въ прошломъ году въ Мазаръ-нилкинской волости числилось 424 двора и въ нихъ населенія:

Мужчинъ 844

Женщинъ 796

Итого . 1640

Скота:

Верблюдовъ 85

Лошадей 1452

Рогатаго скота . . 963

Барановъ 11,977

Въ Кашской волости 546 дворовъ съ населеніемъ:

Мужчинъ 1368

Женщинъ 1156

Итого . 2524 души обоего пола.

Скота:

Верблюдовъ	нѣтъ.
Лошадей	791
Рогатаго скота	1657
Барановъ	7897
Общій итогъ таранчей будетъ равняться:	
Мужчинъ	2212
Женщинъ	1952

А всего. 4164 души обоого пола.

Таранчи 2-го участка не имѣютъ никакихъ фабрикъ или заводовъ, кромѣ 258 маслобоенъ и 180 мельницъ, частью конныхъ, выручающихъ въ годъ болѣе 100 т. рублей.

Въ заключеніе этого краткаго очерка таранчей 2-го участка, слѣдуетъ сказать, что въ кентахъ ихъ имѣется около 90 элементарныхъ школъ; но, къ сожалѣнію, число учащихся въ нихъ оказалось для насъ неизвѣстнымъ.

Китайцы также входятъ въ составъ населенія 2-го участка Кульджинскаго района. Они живутъ въ двухъ пограничныхъ деревняхъ: Такіянза, на рѣкѣ Б. Кузимчикѣ, впадающей въ озеро Эби-норъ, и въ деревнѣ Джинхо, находящейся на востокъ отъ этого озера, на императорской дорогѣ. Къ слову сказать, что дорога эта отъ манджурской Кульджи шла черезъ городъ Суйдунъ, Талкинскимъ ущельемъ выходила на южный берегъ озера Сайрамъ-нора, потомъ черезъ деревни: Такіянза, Джинхо и Шихо, черезъ города: Манасъ, Урумчи и т. д. уходила вглубь Монголіи. Теперь эта дорога частью въ нашихъ рукахъ, частью у китайцевъ, у дунганъ и даже у кашгарскихъ сартовъ.

Въ обѣихъ деревняхъ китайцевъ числятся:

Мужчинъ	637
Женщинъ	459

Итого . . 1095 душъ обоого пола

Въ двухъ школахъ обучается 50 мальчиковъ.

Занятія этихъ раззоренныхъ сыновъ небесной имперіи—землѣдіе въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ и таковая же торговля. Въ остальномъ они похожи на тѣхъ китайцевъ, которые живутъ въ городѣ Кульджѣ и которыхъ мы описали въ V очеркѣ.

Общая цифра всѣхъ народностей 2-го участка равняется 30,103 душамъ обоого пола.

По преступленіямъ, населеніе это располагается такъ (за 1873 годъ):

Осужденныхъ:

Родъ преступленій:	Кал.- мнѣ.	Таран- чи.	Китай- цы.
a) Убіиство	—	3	—
b) Кража	10	86	4
c) Бродяжничество	—	6	—
d) Мошенничество	—	—	—
e) Нанесеніе обидъ и безпорядки	—	15	—
f) Преступленія по должности	—	5	—
g) Подкупъ	1	9	—
Итого	11	124	4

Киргизы байджигиты и кызаи сюда не вошли, потому что они присоединены къ 2 участку недавно и свѣдѣній о нихъ мы не отыскали.

Здѣсь же, для большей наглядности, въ какомъ порядкѣ располагаются разноплеменные народности Кульджинскаго района по преступленіямъ, предлагаемъ общую таблицу преступленій:

Осужденныхъ:

Родъ преступленій: (1873 годъ).	Русс- кихъ.	Таран- чей.	Дун- ганъ.	Китай- цевъ.	Кир- гизъ.	Калм- ковъ.	Сибо.
1) Покушеніе на самоубійство	—	2	—	—	—	—	—
2) Убіиство	2	10	—	—	1	1	—
3) Кража	—	249	—	16	75	50	18
4) Захватъ чужой собственности	—	5	1	—	—	—	—
5) Нанесеніе обидъ и безпорядки	—	97	7	16	—	5	6
6) Подкупъ	—	9	—	—	22	1	—
7) Преступленія по должности	—	5	—	—	—	—	—
8) Баранта	Кирг., но цифры нѣтъ.						
9) Несоблюденіе торг. правилъ	—	1	—	—	—	—	—
10) Мошенничество	—	11	—	—	1	3	4
Итого	2	389	8	32	99	60	28

Изъ этой таблицы видно, что хотя перевѣсъ преступлений на сторонѣ мусульманъ, но самой нравственной народностью являются все таки мусульмане-дунганы, отличающіеся на самомъ дѣлѣ строгими правилами, тогда какъ мусульмане-таранчи исчерпали весь кодексъ преступлений.

X.

МАЗАРЪ И КАШЪ.

Кажется, по всей Средней Азіи нѣтъ мѣстностей красивѣе, какъ берега рѣки Каша! Рѣка эта находится на востокъ отъ города Кульджи и составляетъ притокъ рѣки Или съ правой стороны. Прослуживъ въ здѣшнемъ краѣ 9 лѣтъ, я объѣхалъ его весь отъ печальныхъ береговъ Аму и Аральскаго моря до горъ Джунгаріи, между которыми бѣжитъ быстрый и вѣчно прозрачный Кашъ. Природа всюду имѣетъ свои прелести и недостатки. Я странствовалъ по пустынѣ Кызылъ-кумъ и скалистымъ Акъ-тау, долго жилъ въ цвѣтущей долинѣ Зеравшана и бывалъ въ окружающихъ ее горахъ; мнѣ знакомы также горы, которыя высятся въ виду Ташкента, отдѣляя его отъ Кокана, и сопровождаютъ путешественника на сѣверъ къ городу Вѣрному, и далѣе на востокъ къ городу Кульдѣ. Словомъ, случайности службы дали мнѣ возможность видѣть очень много красивыхъ мѣстностей Туркестанскаго края, но все-таки я не видѣлъ ничего красивѣе береговъ рѣки Каша.

Комчивъ осмотръ города Кульджи и 3-го участка Кульджинскаго района, я собрался въ таранчинскую деревню *Мазаръ*, лежащую верстъ на 50 или на 60 къ востоку отъ Кульджи, для того, чтобы видѣть таранчинскіе кенты, т. е. поселенія, и познакомиться со старымъ знакомымъ, майоромъ И. С. Герасимовымъ, который, будучи начальникомъ 2 участка Кульджинскаго района, проживалъ въ названной деревнѣ. Я рассчитывалъ получить отъ почтеннаго Исаіи Степановича разныя дополнителныя свѣдѣнія о краѣ, потому что едвали найдется кто компетентнѣе майора Герасимова относительно Кульджинскаго района. Достаточно сказать, что онъ,

кромя тюркскаго языка, которымъ говорятъ въ Кульджинскомъ краѣ таранчи и киргизы, знаетъ языкъ калмыковъ, т. е. монгольскій.

Такъ какъ почтовое сообщеніе въ Кульджинскомъ районѣ идетъ только на городъ Вѣрный, то въ остальныхъ мѣстностяхъ района ѣздятъ обыкновенно верхомъ, хотя мѣстами есть возможность проѣхать и въ экипажѣ. До кента Мазара также есть колесная дорога, но мы предпочли ѣхать верхомъ. Временно-командовавшій 1-мъ коннымъ полкомъ Семирѣченскаго казачьяго войска войсковой старшина баронъ Крюднеръ, согласно разрѣшенія полковника Вартмана *), любезно снабдилъ насъ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ и даже самъ собрался съ нами, чтобы развлечься поѣздкой послѣ однообразной кульджинской жизни; а есаулъ, баронъ Будбергъ, хорошо знакомый со всѣми дорогами края и вмѣстѣ съ тѣмъ страстный охотникъ, также присоединился къ намъ и общалъ вести насъ на Мазаръ. Разсчитывая доѣхать до этой деревни въ одинъ день, мы взяли съ собою только небольшой запасъ закусокъ на дорогу, и небольшой караванъ нашъ въ одно прекрасное утро выѣхалъ изъ города Кульджи. Миновавъ китайскія предмѣстья города—Дангъ и Маймаченъ, гдѣ сосредоточивается вся торговля Кульджи, мы вышли въ поле и глубокой глинистой дорогой продолжали нашъ путь на востокъ. Съ этой стороны Кульджа не имѣетъ садовъ, а потому горизонтъ открылся во всѣ стороны, тѣмъ болѣе, что версты на полторы отъ предмѣстій, вправо отъ дороги, есть небольшая высота, прекрасно командующая окрестностями и городомъ. Съ этого холма въ 1871 году наша артиллерія грозила Кульдѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, это единственный пунктъ, удобный для бомбардированія города и предмѣстій. Направо отъ насъ спускалась низъ къ рѣкѣ Или, которая, полосой бѣлаго тумана, шла съ востока на западъ. Здѣсь и тамъ чернились точками кенты; а за туманной полосой рѣки поднимался увѣнчанный снѣгомъ Ахбуртамъ-тау—водораздѣлъ рѣки Или и притока ея Текеса. Налѣво высились также покрытыя снѣгомъ горы Борохоро, а впереди насъ, на восточномъ горизонтѣ, синѣлъ краѣй Абралъ-тау, у подножья котораго находится кентъ Мазаръ — цѣль

*) Командуетъ войсками Кульджинскаго района.

нашего пути. Несмотря на то, что мы путешествовали въ началѣ октября, погода стояла ясная и теплая; солнце сіяло ярко и снѣга на горахъ блестѣли подъ его лучами. Дорога все время шла среди обработанныхъ полей и была покрыта пѣшеходами, всадниками на коняхъ, быкахъ и ослахъ, и оригинальными таранчинскими двухколесными арбами, похожими на сартовскія, съ тою только разницею, что у сартовскихъ колеса больше, съ тонкими ободьями, и множествомъ спицъ, тогда какъ у таранчинскихъ ободья колесъ меньше въ діаметрѣ, а спицы замѣняютъ только 4 толстыя крестообразно укрѣпленные въ ступицу лѣсины; самый кузовъ таранчинскихъ арбъ также меньше сартовскаго и похожъ на ящикъ, какъ это существуетъ и у арбъ хивинскихъ. Таранчи и другіе обитатели кульджинскаго района запрягаютъ въ свои арбы преимущественно быковъ. Встрѣченные нами конные и пѣшіе туземцы ѣхали и шли изъ окрестныхъ кентовъ въ городъ Кульджу на базаръ, потому что иначе поселанамъ негдѣ сбывать свои произведенія и негдѣ запастись необходимыми предметами, какъ дешевыя бумажныя ткани и тому подобное. Мы не слышали, чтобы въ Кульджинскомъ районѣ существовали большіе деревенскіе базары, какъ это можно встрѣтить въ другихъ занятыхъ нами областяхъ Средней Азіи. Это обстоятельство и притягиваетъ сельское населеніе къ крупнымъ осѣдлостямъ, въ родѣ городовъ: Кульджи, Чинчагодзи и Суйдуна.

Солнце было далеко за полдень, когда мы остановились въ какомъ-то большомъ попутномъ кентѣ, напались чаю, покормили лошадей и тронулись далѣе. Мои спутники нешадно торопили меня впередъ, увѣряя, что до Мазара еще очень далеко, что синѣющейся передъ нами кражъ Авраль-тау обманчивъ и что мы поздно пріѣдемъ къ Герасимову, разбудимъ его семью и т. п. Мы прибавили ходу и попрежнему среди полей, черезъ арыки и частію степной мѣстностью, достигли плоскаго перевала въ долину рѣки южнаго Борогосуна, за которымъ, картинно освѣщенный заходящимъ солнцемъ, высился кражъ Авраль-тау. Дорога изъ восточнаго направленія перешла въ сѣверное, и скоро мы увидѣли разбросанныя здѣсь и тамъ группы деревьевъ надъ желтыми глиняными стѣнами рабатовъ (дворовъ). То былъ кентъ Мазаръ—резиденція начальника 2 участка Кульджинскаго района, самый восточный пунктъ во всемъ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ постоянно живутъ русскіе

люди, т. е. начальникъ съ семьей и небольшая конвойная казачья команда. Далѣе на востокъ, на сѣверъ и на югъ обитаютъ таранчи и всевозможные джунгары (калмыки), о которыхъ мы уже говорили въ предыдущемъ (IX) очеркѣ.

Кентъ Мазаръ—одинъ изъ значительнѣйшихъ во 2 участкѣ—состоитъ изъ отдѣльныхъ рабатовъ, разбросанныхъ по обоимъ берегамъ рѣки южнаго Борогосуна въ перемежку со скирдами клевера и огородами. Таранчи, населяющіе Мазаръ, занимаются исключительно земледѣіемъ и огородничествомъ. Но объ этомъ подробно было сказано также въ предыдущемъ очеркѣ, причемъ мы привели и поразительныя цифры здѣшнихъ урожаевъ.

Предупрежденный нами письмомъ изъ Кульджи, майоръ Герасимовъ былъ дома, хотя только что вернулся изъ продолжительной поѣздки въ сѣверную часть своего участка, а именно на рѣку Баратолу и въ наше пограничное китайское селеніе Джинхо. Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ своего небольшого домика, выстроеннаго по-русски, иначе въ этой глуши пришлось-бы жить въ грязныхъ таранчинскихъ сакляхъ или въ кибиткахъ.

— Въ нашей глуши мы рады гостямъ, какъ нигдѣ, говорилъ привѣтливый хозяинъ, когда мы сидѣли около самовара, а молодая майорша разливала намъ чай.

Нельзя было не согласиться, что жизнь въ такой глуши должна быть очень скучна, что мы и выразили хозяйкѣ.

— Что-же дѣлать? Служба, заговорилъ опять хозяинъ. Я постоянно въ разъѣздахъ; участокъ у меня большой. Вы не повѣрите, что нынѣшнимъ годомъ съ весны я проѣхалъ по крайней мѣрѣ 8000 верстъ верхомъ!... Только вчера пріѣхалъ изъ Джинхо; былъ на Баратолѣ у Байджигитовъ и Кызаевъ уже въ послѣдній разъ въ этомъ году, потому что пора наступаетъ поздняя: горы завалить снѣгомъ... И то на Цитиртинскомъ перевалѣ захватилъ меня такой буранъ, что еле ноги унесъ... Да вотъ ладно—жена за лѣто выстроила домикъ—есть гдѣ пріютиться на зиму...

Мы опять должны были согласиться, что домикъ выстроенъ недурно, потому что онъ, въ самомъ дѣлѣ, выглядѣлъ уютно и чисто. Подъ окнами видѣлся небольшой садикъ; на пруду плескалось цѣлое стадо утокъ и гусей, между которыми видѣлись

какіе-то голубые, какъ послѣ оказалось съ озера, Сайрамъ-нора; между деревьями промелькнула прирученная дикая горная коза. Такимъ образомъ, въ Средней Азіи и молодымъ дамамъ выпадаетъ на долю серьезный трудъ устроиться хозяйствомъ, пока мужъ занятъ утомительными дальними разъездами по горамъ среди полудикаго, своеобразнаго населенія.

— На утро я покажу вамъ всѣ достопримѣчательности Мазара, сказалъ намъ хозяинъ, когда, поужинавъ, мы пришли въ отведенную намъ комнату, а теперь—спокойной ночи!...

Мы проснулись рано. Солнце было еще за краемъ Авралъ-тау и золотило только его гребень. Было очень свѣжо, такъ что окраины арыковъ покрылись за ночь льдомъ. Герасимовъ былъ уже на ногахъ. Мы наскоро напились чаю и пошли осмотрѣть могилу весьма чтимаго въ окрестности мусульманскаго святаго султана—Вейсъ-Курана, такъ что и яентъ названъ его именемъ; слово же мазаръ — значитъ вообще гробница. По узенькому мостику мы перешли рѣку Боргосунъ и направились къ таранчинской святыни.

Могила находится среди сада изъ высокихъ тополей и урюковъ, содержимаго весьма чисто. Могила состоитъ изъ небольшого дворика, въ одной стѣнѣ котораго имѣется деревянная рѣшетка, и сквозь ея видна простая земляная насыпь, скрывающая останки святаго. Рѣшетка завѣшена старымъ кускомъ бѣлой маты съ разными надписями изъ корана. Недалеко стоящая мечеть—обыкновенное глиняное зданіе, довольно грязное внутри. Въ одномъ изъ придѣловъ этой мечети имѣется нѣсколько большихъ котловъ, въ которыхъ мѣстные и наѣзжіе богомольцы варятъ пловъ и угощаются въ тѣни тополей и урюковъ. На одной четырехугольной площадкѣ кора тополей исчерчена изрѣченіями изъ корана, въ родѣ: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его, или нѣтъ власти и силы, кромѣ единого, вѣчнаго Бога и т. п., и разрисована изображеніями человѣческой руки — пятерни. Все это замѣтки на память отъ богомольцевъ, посѣщавшихъ въ разное время святыню. Нѣкоторыя пятерни, по мѣрѣ того, какъ дерево росло, поднялись на нѣсколько сажень отъ земли; значитъ, онѣ нарисованы давно. На одномъ деревѣ кто-то умудрился укрѣпить между вѣтвей лошадиную голову, на другомъ—баранью. Это сдѣ-

лано тоже въ память посѣщенія. Признаться, мы до сихъ поръ нигдѣ въ Средней Азіи не видѣли подобныхъ выраженій мусульманскаго усердія.

— Другихъ достопримѣчательностей у насъ въ Мазарѣ нѣтъ, сказалъ Герасимовъ. Деревня наша, какъ и всѣ деревни, а потому поѣдемъ теперь на рѣку Кашъ, тамъ я покажу вамъ и теплые сѣрные ключи. Тамъ интереснаго болѣе...

Остѣдланная лошадь и проводники уже ждали насъ на дворѣ и, позавтракавъ, мы поѣхали въ горы. Мы переправились въ бродъ черезъ рѣку Боргосунъ и начали подъемъ на Авралъ-тау. Всѣ предгорья были распаханы подъ пашни, орошающіяся атмосферною водою. Дорога вилась въ полугорѣ; тѣмъ не менѣе, конямъ было не легко. Хорошо еще, что не было камней и лошади по твердому суглинку шли свободно. По мѣрѣ подъема, мы удалились отъ Мазара, и пройдя въ гору приблизительно верстъ 5, мы были на гребнѣ хребта Авралъ-тау... Какой прекрасный видъ открылся передъ нами во всѣ стороны! Мы были приблизительно, на 2,000 футовъ надъ уровнемъ моря; на краю горнаго края, замыкающаго съ востока илийскую долину, а потому далеко-далеко на западъ видѣлись кенты и будто бы даже самая Кульджа чернѣла вдаль; Мазаръ былъ у нашихъ ногъ; съ сѣвера и юга панораму замыкали снѣжныя горы Борохоро и Ахбуртамъ-тау, рѣка Или узенькой полоской шла какъ бы въ туманѣ; вся страна была устлана черными точками; то были кенты съ ихъ садами. Съ сѣверной же стороны чернѣло Боргосунское ущелье, и рѣчка Боргосунъ, обозначавшаяся цѣпью кентовъ и пашень по ея берегамъ, казалась тоненькой темной черточкой на желтомъ фонѣ равнины... Я невольно вспомнилъ подобный же видъ съ горъ Шумкаръ-тау на долину Зеравшана.

— Край красивый и богатый, сказалъ Герасимовъ. Вонъ, видите въ Боргосунскомъ ущельѣ красныя груды? Это чистѣйшая желѣзная руда; она наружъ; это богатство неисчислимо, а никто имъ не пользуется, потому что край въ неопредѣленномъ положеніи... Есть тутъ и золото въ горахъ противъ Суйдуна и у Джинхо... А вотъ вамъ и Кашъ! заключилъ маіоръ.

Мы повернулись на востокъ и передъ нами была совсѣмъ особая картина. Черныя гранитныя горы вставали одна надъ другою

и между ними далеко внизу бѣлѣлъ небольшой кусочекъ какъ будто рѣки. Туда шелъ крутой спускъ между камней и кустарниковъ.

— Я полагалъ, что Кашъ большая рѣка, замѣтилъ я; а тамъ бѣжить какой-то ключикъ.

— Отсюда до нея верстъ 5, отвѣтилъ Герасимовъ; а потому она и кажется незначительной. А вонъ дальше—бѣлая полоса по долинь. Это тоже воды Каша; онѣ тамъ сливаются съ рѣкою Или. Кашъ очень красивая рѣка, заключилъ онъ.

— Красивая, но, кажется, бесполезная, потому что, кромѣ роли данника рѣки Или, Кашъ едва-ли на что пригоденъ. Напримѣръ, какъ проведете вы изъ него оросительную канаву?

— Помилуйте, и канавы была, только при китайцахъ, и доходила до Суйдуна. Вѣдь это болѣе 100 верстъ. Да; что ни говорите, а здѣшній край очень обязанъ китайцамъ, несмотря на ихъ многія несправедливости къ здѣшнему населенію; но вѣдь зато они и понесли должную кару: почти всѣ погибли подъ ножами таранчей и дунганей.

Поговоривъ еще, мы начали спускаться, причѣмъ всѣ красоты только что видѣнной нами панорамы мгновенно вылетѣли изъ головы, потому что ее заняла мысль, какъ бы не сломить себѣ шею.

Впрочемъ, выглядывая между камнями дорогу поудобнѣе, я успѣлъ замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ почвѣ, мелкія бѣлыя раковины, и у меня явилось предположеніе, что кракъ Авраамъ-тау поднять вулканическою силою со дна бывшаго здѣсь нѣкогда моря. Иначе какъ же могли раковины забраться на такую высоту?

Узенькая дорожка и камень на камнѣ, иногда въ видѣ ступеней, заставлявшіе лошадей спотыкаться, грозили бѣдою на каждомъ шагѣ. Въ подобной мѣстности упасть значитъ, по крайней мѣрѣ, сильно ушибиться. Такъ спускались мы болѣе часа. Ленточка Каша то показывалась, то скрывалась за уступами скалъ. Но вотъ мы уже слышимъ шумъ рѣки и, наконецъ, выѣзжаемъ на ея берегъ. Тутъ я долженъ былъ сознаться, что рѣка и не мала, и дѣйствительно очень красива: она идетъ въ узкомъ корридорѣ изъ черныхъ гранитныхъ горъ. Какая быстрота, какая великолѣп-

ная вода! Она имѣла совершенно аквамаринный цвѣтъ, а мѣстами, разбиваясь о прибрежные камни, разсыпала брызги, блестяшіе на солнцѣ какъ брильянты. Ширина рѣки сажень 25. Противоположный берегъ — черная гранитная гора съ отвѣснымъ обрывомъ въ рѣку. Вообще, Кашъ съ его берегами поражалъ своею грандіозною красотою.

— А какъ глубока рѣка? спросилъ я.

— Глубина разная, отвѣчалъ маіоръ Герасимовъ. Она, какъ видите, бѣжитъ въ расщелинѣ горы. Мѣстами, навѣрное, это — бездонная пропасть. Однако ѣдемъ къ сѣрнымъ ключамъ, они вотъ здѣсь недалеко.

Мы проѣхали надъ Кашемъ мимо прибрежныхъ скалъ сажень сто и увидѣли на самомъ берегу рѣки нѣсколько осѣдланыхъ лошадей. То были таранчи изъ соседнихъ кентовъ; они пріѣхали пользоваться сѣрными ваннами. Теплыхъ ключей оказалось два въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега быстрого и холоднаго Каша. Ключи грубо обдѣланы каменными плитами и похожи на цистерны. Вода одной изъ этихъ купаленъ имѣетъ, по словамъ И. С. Герасимова, 27 градусовъ, а другой 18 градусовъ. Что вода эта сѣристая—это видно изъ осадковъ сѣры на почвѣ и камняхъ. Въ одномъ бассейнѣ сидѣлъ таранча и съ нимъ мальчикъ; они пользовали какую-то накожную болѣзнь. Я пробовалъ рукою температуру бассейна, — вода была теплая; потомъ я мылъ руку въ Кашѣ, до котораго всего нѣсколько сажень, и вода въ немъ была холодна невыносимо. Такимъ образомъ, двѣ крайности были рядомъ.

Мы расположились отдохнуть подъ скалою.

— Чѣмъ наше Семирѣчье не Кавказъ? спрашивалъ баронъ Крюднеръ. Посмотрите, какія горы, какія картины! А Кашъ! Да; Туркестанскій край богатъ самыми разнообразными мѣстностями. Вотъ бы эту роскошную рѣку да перенести въ Кызылкумы, на Адамъ Крылганъ, гдѣ мы такъ мучились отъ безводья во время Хивинскаго похода!

— Нѣтъ, смѣялся Герасимовъ, — хотя у насъ и много воды, а Кашъ не дадимъ. Онъ оживляетъ наши горы, поитъ и кормитъ нашихъ калмыковъ.

— Значитъ, въ Кашѣ есть и рыба?

— Какъ и во всѣхъ рѣкахъ кульджинскаго края, отвѣтилъ И. С. Туземцы ловить въ Кашѣ *маринку*, *усаца* — это виды русскаго линя, *османа* — это видъ форели и серебристаго *окуна*. У насъ только въ Сайрамъ-норъ нѣтъ рыбы, потому что вода этого озера солоновата. Вообще Сайрамъ-норъ какое-то странное озеро: волнуется безъ вѣтра, гуси въ немъ живутъ также какіе-то своеобразные — маленькіе и голубые. Да, нашъ край хоть и не великъ, а все въ немъ разнообразно: и населеніе, и животное царство.

Затѣмъ И. С. Герасимовъ передалъ намъ, что изъ хищныхъ животныхъ въ горахъ и на равнинахъ кульджинскаго края водятся: волкъ, лиса, шакалъ, куница, рысь, барсъ, тигръ, медвѣдь и кабанъ. Кромѣ того, здѣсь довольно и охотничьихъ травоядныхъ животныхъ. Таковы: *маралъ* — горный олень, по мѣстному *тау-теке*. Рога этого животнаго, какъ извѣстно, цѣнятся очень дорого всѣми монгольскими племенами, и въ особенности китайцами, какъ средство противъ импотенціи, возбуждающее и укрѣпляющее силы. Рога мараловъ падаютъ съ нихъ весной; отрѣзаются только самые концы роговъ и продаются весьма дорого. Такъ, незадолго до нашего пріѣзда въ Мазаръ, джунгары Шиненги за 24 пары роговъ взяли 1,000 рублей. Рога идутъ сначала въ городъ Вѣрный, оттуда почтою въ Кяхту и далѣе въ Китай, гдѣ продаются будто бы на вѣсъ золота.

Нѣсколько мараловъ мы видѣли потомъ въ г. Вѣрномъ въ саду генерала Колпаковского. Это красивыя и кроткія животныя, совсѣмъ похожія на оленей; ростомъ они съ годовалаго жеребенка.

За маралами слѣдуетъ назвать горнаго барана *архара* или *кулджу*, такъ что и самое названіе города происходитъ будто отъ этого животнаго; послѣ него встрѣчаются въ горахъ *бугу* и *джуръ*, также изъ породы козъ, а въ степяхъ живутъ: красный баранъ *букунъ* и *каракуйрокъ* (сайгакъ чернохвостка, *antilopa saiga*).

Здѣсь же, къ слову сказать, что въ Кульджѣ мы видѣли два замѣчательные примѣра прирученія дикихъ животныхъ: въ помѣщеніи учебной команды 1 Семирѣченскаго полка живетъ дикая свинья, которая каждодневно, когда казаки ѣздятъ поить лошадей,

бѣжить впереди команды и такимъ же порядкомъ возвращается домой, если только по дорогѣ ее не отобьютъ собаки; тѣмъ не менѣе, она послѣ возвращается въ казарму. Другой примѣръ: командирѣ учебной команды, есаулу Лебедеву, подарили двухъ медвѣдей, изъ которыхъ одинъ, молодой и злой, не позволялъ къ себѣ подходить: съ нимъ было не мало возни. Но А. М. Лебедева, терпѣніемъ и лаской, въ нѣсколько дней успокоила звѣря, такъ что онъ сталъ брать изъ рукъ сахаръ, куски арбуза и т. п.

Мѣха на кульджинскомъ базарѣ цѣнятся сравнительно весьма недорого. Приводимъ здѣсь цѣны, полученныя нами на мѣстѣ отъ аксакала Бушри-Гафи, которому мы вообще обязаны за многія услуги и просимъ нашихъ добрыхъ кульджинскихъ знакомыхъ выразить ему нашу признательность.

Одна шкурка:

Мерлушка — отъ	10 к.	до	20 к.
Лиса	2 р.	—	2 р. 50 к.
Волкъ	1 р.		
Сурокъ	10 к.		
Барсъ	5 р.		
Куница	5 р.		
Медвѣдь	2 р.	до 3 р.	
Тигръ	5 р.	— 10 р.	
Бугу, горный козель	2 р.		
Джуръ, тоже	80 к.		

Огдохнувши и полюбовавшись Кашемъ, мы поднялись въ обранный путь къ Мазару.

— Я проведу васъ другою дорогою, сказалъ Герасимовъ, и мы поѣхали по самому берегу рѣки на югъ. Огромные камни заграждали намъ дорогу на каждомъ шагѣ; нерѣдко лошади спотыкались, такъ что въ одномъ мѣстѣ самъ И. С. Герасимовъ едва не упалъ съ конемъ съ обрыва. Это было при подъемѣ на Авралъ-тау. Виды кругомъ были также хороши; рѣка глухо шумѣла и сверкала внизу; погода стояла превосходная, только безлюдье мѣстности какъ-то тяжело бросалось въ глаза. Но вотъ, наконецъ, мы увидѣли и туземцевъ. Это были таранчи. Стоя на берегу рѣки, они длинными шестами поворачивали къ себѣ плывшія по рѣкѣ лѣсины.

— Это собиратели дровъ, пояснилъ Герасимовъ. Рѣка несетъ лѣсъ съ горъ, гдѣ онъ валится въ нее отъ непогоды и другихъ причинъ. Дрова у насъ дороги.

— Почему же населеніе не пользуется каменнымъ углемъ изъ Кульджи.

— Топили бы да провозъ сюда будетъ стоить дороже угля.

Слѣдуя берегомъ Каша, мы обогнули Авраль-тау и все время между скалъ и кустарниковъ, подъ крутыми горами, выѣхали къ устью рѣки Борогосуна, впадающаго въ Кашъ. Тутъ черезъ Кашъ построенъ деревянный мостъ на подобіе кавказскаго, т. е. въ оба берега рѣки укрѣплены горизонтально толстыя балки съ помощію насыпей и большихъ камней, которые и держатъ эти балки въ горизонтальномъ направленіи; на нихъ положены новыя балки, и мостъ въ десять сажень длиною и въ двѣ сажени шириною, съ перилами, вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Свѣтлый Кашъ бѣшенно мчался подъ мостомъ въ то время, какъ желтоватая, протекающая по суглинку, вода Борогосуна скромно вливалась въ него. Рассказываютъ, что бывшій султанъ Кульджинскаго хунства Абиаль-огля, проживающій теперь въ Вѣрномъ, приказалъ однажды переплавить черезъ Кашъ, около моста, двухъ лошадей и что онъ тутъ не широка—сажень 15; но зато она бѣшенно быстра.

Правымъ берегомъ р. Борогосуна мы прибыли въ Мазаръ и на другой день къ вечеру благополучно вернулись въ г. Кульджу, съ признательностью вспоминая гостепріимство русскихъ обитателей дажекаго таранчинскаго кента Мазара.

Здѣсь мы кончаемъ наши очерки красиваго, богатаго и гостепріимнаго Семирѣчья.

Кызылкумскій дневникъ

Весною и лѣтомъ 1872 года я состоялъ при отрядѣ, конвоировавшемъ въ пески Кызылъ-Кумъ комиссію для организаціи управленія тамошними киргизами.

Посѣщенная нашей экспедиціей мѣстность еще не была ничѣмъ описана, а потому предлагаемая отрывки во всякомъ случаѣ, при всей ихъ краткости и неполнотѣ, достойны нѣкотораго вниманія. Форму дневника я избралъ единственно потому, что и на самомъ дѣлѣ ежедневно, послѣ перехода и записывалъ все интересное, пополняя замѣтки распросами болѣе или менѣе компетентныхъ туземцевъ.

I.

Отъ города Дизаха до ущелья Темиръ Кобукъ.

22-го Апрѣля (послѣдній день св. Пасхи). Отрядъ выступилъ на урочище Клы, въ 12 верстахъ отъ города Дизаха (Джизакъ). Клы—ключъ идетъ отъ кишлака Клы, въ 6 верстахъ отъ подножья Каратау. Весною весь избытокъ воды, вслѣдствіе таянія снѣговъ на горахъ, сбѣгаетъ изъ Яны-Курганъ-Су или Дизахъ-дарьябатъ-су (по русски Змѣйка),—въ оврагъ Клы, вдоль Каратау, и тогда Клы играетъ сильно; Клы теряется въ томъ огромномъ солончакѣ Тузь-Конъ, который, начинаясь въ 3 тамахъ на С. З. отъ Дизаха, уходитъ параллельно горамъ Каратау далеко на С. З., занимая огромную площадь неопредѣленныхъ очертаній въ 200 верстъ длиною. Ниже я скажу объ этомъ солончакѣ еще нѣсколько словъ. Отрядъ поидетъ вдоль горъ Каратау (называемыхъ неправильно Нуратинскими горами), на С. З. до кишлака Темиръ-Кобукъ-ата, откуда путь уклоняется на С. С. З. къ Тамды или Тамлы, нѣкогда бухарской крѣпостці.)

23 Апрѣля. Дневка на Клы, за недостаткомъ верблюдовъ подъ провіантъ. Горы, находящіяся передъ нами, на всѣхъ картахъ и

въ официальной перепискѣ, именуются то Нура-тау, то Нурата-нынъ тау, или просто Нуртау; на самомъ же дѣлѣ они имѣютъ много названій. Отъ города Дизаха тянутся на С. З. двѣ горныя группы: одна начинается съ ущелья Иланута (ворота Тимура), другая на окраинѣ голодной степи, въ трехъ ташахъ отъ названнаго города на С. З. и идетъ параллельно первой, отдѣляясь отъ нея широкой равниной Аузь-Кингъ (широкій ротъ), и имѣя на С. отъ себя помянутый выше солончакъ Тузь-Канъ. Первая группа известна подъ общимъ названіемъ Каратау, и только западный конецъ ея, противъ города Нурата, зовется горами Нуратау. Въ остальныхъ частяхъ своихъ группа эта носитъ множество названій по тѣмъ кишлакамъ, которые занимаютъ ея щели, по ключамъ или даже по святымъ могиламъ; на примѣръ: Нурекъ-тау, Синаръ-ата-тау (св. могила) Богданъ-ата-тау (св. могила) и т. д. по всему протяженію хребта на С. Западѣ. Параллельно Каратау идетъ Актау, очерчивающей долину Зеравшана. Вторая, начинающаяся у Дизаха, горная группа, зовется по большей части Чимкурганъ, по имени бывшей нѣкогда на восточномъ мысу ея крѣпости, основанной будто-бы лѣтъ 20 тому назадъ, бекомъ Дизаха, Кавагатъ-шахомъ. Кавагатъ былъ впоследствии правителемъ Ташкента, въ пору занятія русскими Алматовъ (Вѣрнаго) и Токмана, и построилъ въ Ташкентѣ медресе. Кромѣ развалинъ Чимкургана, эта горная группа не имѣла и не имѣетъ осѣдлостей; равнымъ образомъ она представляетъ собою совершенно голыя горы, поросшія лишь у подножія полынью и мѣстами вонючкой. Вотъ названіе главныхъ возвышенностей этой группы: Яманъ-ашу (дурной перевалъ), Текединяръ (козелъ скакнетъ), Беръ ишакъ (одинъ ишакъ или точнѣе: дорога одному ишаку), Ханъ-банди, Тул-буюнъ, Тимъ-тау. Главныя изъ этихъ возвышенностей суть: Караулъ-сангиръ, — Кулфзоръ-ата, Усканчукуръ другой Яманъ-ашу, Аузь-кингъ, другой Аузь-кингъ, Бозъ-айтырь Игаръ-билъ и Танги. Общее названіе горъ Тимъ-тау. Всѣ эти горы сглаживаются со степью противъ ущелья и кишлака Учма. Тутъ же кончается и равнина Аузь-кингъ, носящая несомнѣнные слѣды покрывавшаго ее когда-то моря или, по крайней мѣрѣ, огромнаго воднаго потока, устлавшаго равнину мелкимъ щебнемъ и валунами, еще во времена можетъ быть, историческія.

24-го Апрѣля. Отрядъ пошелъ къ кишлаку Нурекъ. До него отъ

Дизаха, по общепринятому счету, 5 ташей или 40 верстъ, на самомъ же дѣлѣ гораздо больше. Дорога ровная, глинистая или песчаная или же покрытая мелкимъ щебнемъ (дресвой): къ Нуреку она усыпана щебнемъ и пересѣчена небольшими оврагами. Недалеко отъ кишлака ее пересѣкаютъ горныя ключи: Устуханъ и Нурекъ, попадающіе на пашняхъ. Отрядъ сталъ на ночлегъ въ двухъ верстахъ отъ Нурека; въ этомъ кишлакѣ до 70 дворовъ; жители узбеки карамангыта; занятія ихъ: земледѣліе, садоводство и въ большихъ размѣрахъ скотоводство. (Произведения свои (хлѣбъ, шерсть) нурекцы сбываютъ на базарѣ въ Дизахѣ и въ соседнемъ кишлакѣ Янги или Богданъ. Мѣстная святыня, — могила Багланъ-ата находится у подножія горы Нурекъ, видимой въ ясную погоду изъ Дизаха. Нурекцы считаютъ себя переселенцами изъ Туркестана.)

25-го Апрѣля. Изъ Нурека въ Учму по общему счету 26 верстъ. Дорога не ровная, мѣстами идетъ по камнямъ и почти все время — подъ горами; до кишлака Янги или Богданъ-ата, ее пересѣкаютъ Османъ-сай (близъ дороги могила Османъ-ата), Иланчи-сай и Кульба-сай. Изъ ущелій выглядываютъ садикъ; кишлаки, тѣхъ же наименованій, находятся въ ущельяхъ. Въ Яны-кишлакѣ отрядъ засталъ базаръ, для чего и сдѣланъ былъ привалъ. Торговля идетъ между мѣстными узбеками и заѣзжими изъ Дизаха или изъ Зеравшанской долины торговцами ситцемъ, платками, кишимиемъ, сѣдлами съ ихъ принадлежностями, хлѣбомъ и канаусомъ, впрочемъ въ незначительномъ количествѣ. Въ Яны-кишлакѣ живутъ узбеки мангытъ, — родичи эмира. Изъ Яны-кишлака видѣны на сѣверѣ, изъ-за горъ, солончакъ Тузь-Канъ. Дорога до Учмы имѣетъ тотъ же характеръ; недалеко отъ Учминскаго ущелья черезъ нее идетъ ручей Диристанъ. Кишлакъ Учма, въ ущельѣ и на ключѣ того же названія; въ Учмѣ живутъ узбеки-наймани.

26-го Апрѣля. Отрядъ выступилъ къ ущелью Фаришъ, по холмистой, покрытой камнями, мѣстности, въ виду горъ Каратау. Въ въ попутныхъ ущельяхъ зеленѣютъ деревья. Это кишлаки: Балабанъ, Сасыкъ, Сафаръ-ата, Камышъ и Сарымсаклы. Каждый изъ нихъ непремѣнно расположенъ на горномъ ключѣ своего имени. Жители первыхъ четырехъ кишлаковъ узбеки (найманъ, алтыбекъ, и туркмены), а въ Сарымсаклы на половину алтыбекъ, на поло-

вину ходжи-потомки пророка. Они вышли сюда изъ Сафаръ-ата, въ которомъ есть могила святаго Сафаръ-ата; а уже известно, что ходжи обыкновенно живутъ около святыхъ могилъ, какъ примѣръ: ходжи дагбидскіе, ходжи Измаила, ходжи Баговатдина и т. п. Въ Сарымсаклы бываютъ базары. Садоводство во всѣхъ этихъ кишлакахъ довольно значительно, хотя обработка земли подъ хлѣбъ сопряжена съ большимъ трудомъ, потому что почва весьма камениста и ее нужно предварительно очистить отъ камня. Оттого видны мѣстами на поляхъ большія кучи собраннаго съ полей камня песчаника.

Съ Фариша начинаеи весьма оригинальное своимъ прошлымъ населеніе: въ Фаришѣ, Асрафѣ и въ Симтабѣ жители говорятъ по таджикски, какъ и горожане Ферганы и Зеравшанской долины, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ зовутъ себя узбеками, выходцами изъ Туркестана, вмѣстѣ съ турменами аксакъ-токсакъ *). Примѣръ того, что таджики, подъ вліяніемъ узбековъ, забыли свой природный языкъ и заговорили особымъ, смѣшаннымъ нарѣчіемъ (сартовскимъ), мы видимъ на горожанахъ Сыръ - Дарьинской области (сартахъ); но явленіе, вродѣ того, которое встрѣчается здѣсь, т. е., что узбеки заговорили по-таджикски, это явленіе новое, конечно, возможное, но тѣмъ не менѣе очень оригинальное, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сомнительное, потому что эти мнимые узбеки, говорящіе по-таджикски, окружены исключительно узбеками. Кто же вліялъ на нихъ и отъ какихъ таджиковъ выучились они таджикскому языку? Наружность ихъ также противъ нихъ: между ними много блондиновъ, съ русыми бородами, а обиліе садовъ, и вообще болѣе или менѣе культивированная жизнь, къ которой ни одинъ узбекъ, кромѣ турка и татарина-ногайца, не способенъ, все это убѣждаетъ, что разбираемая нами народность есть—чистѣйшіе гальча, т. е. горные таджики, какъ, впрочемъ, я писалъ объ этомъ еще и прежде; эти таджики позаимствовали отъ окружающихъ ихъ узбековъ только одинъ обычай—выходить на лѣто изъ кишлаковъ въ юрты и кочевать въ окрестностяхъ. Турмены аксакъ-токсакъ, обитая на южномъ склонѣ Актау, слѣдовательно ближе къ таджикскому населенію Зеравшанской долины,

*) Преданіе о нихъ помѣщено въ статьѣ народа Средней Азіи.

скорѣе могли бы заговорить по-таджикски; между тѣмъ, они остались цѣльными, хотя и очень порядочно культивировались: развели садикъ и пахутъ землю (Зарбандъ, Андакъ и другіе кишлаки Катта-Курганскаго отдѣла). Въ Фаришѣ я не узналъ ни одного преданія по этому поводу, а потому отложилъ развѣдки до слѣдующаго кишлака Симтаба, гдѣ разсчитываю на тамошняго казы.

27-го апрѣля. Дорога попрежнему идетъ въ виду горъ Каратау, все также голыхъ и угрюмыхъ. Направо, къ сѣверу открылась уже степь, съ ея Тузъ-кономъ, бѣлѣющимъ мѣстами на горизонтѣ. Конъ буквально значить рудникъ, копъ, такимъ образомъ Тузъ-конъ будетъ значить соляной рудникъ. Имъ пользуется все сосѣднее степное и горное населеніе, а торговля солью простирается до Ташкента и по всѣмъ осядностямъ на Сырѣ. Зимой солончакъ бываетъ покрытъ снѣгомъ, а потому добываніе соли производится только лѣтомъ и осенью, всегда промышленники снимаютъ мотыгами верхній слой земли, обыкновенно наносный отъ дождей и перемѣшанный съ солью, и изъ-подъ этого пласта берутъ болѣе или менѣе чистую соль. Современемъ, побывавъ хотя на крайнѣ этого солончака, я надѣюсь поговорить о немъ подробнѣе.

Путь нашъ каменистъ. Огромныя кучи песчаника, сложенные здѣсь и тамъ, на нѣсколько верстъ отъ дороги, направо и влѣво, ясно, говорятъ, какого труда стоитъ земледѣльцу его пашня. Почва пропитанная, если можно такъ выразиться, камнемъ, и огромныя площади, часто покрытыя каменными кучами, все еще представляютъ обилій матеріалъ для новыхъ кучъ; такимъ образомъ, почти все предгорье, въ свою очередь, представляетъ неистощимую каменную копъ, въ противоположность сосѣднему Тузъ-кону, богатому солью. Горы голы и скалисты, и глазъ отъ радно отдыхаетъ лишь на немногихъ ущельяхъ съ ихъ садами и клеверными посѣвами—вѣрный признакъ присутствія воды. Мы прошли въ виду кишлака Аграфъ, потомъ черезъ ключъ Андигинъ, мимо кишлика Маджринъ и достигли Симтабскаго ручья. На выходѣ изъ ущелья дорога завадена огромными валунами. Тропинка вверхъ по ручью ведетъ въ симтабскіе сады и въ самый кишлакъ Симтабъ, а также къ базарной площадкѣ, окруженной высо-

кими горами. На ней нѣсколько землянокъ и мазанокъ изъ щебня, съ цементомъ изъ глины. Базаръ плохъ до того, что я не шелъ на немъ простыхъ сартовскихъ подковъ, хотя въ единственной лавочкѣ аптара (мелочника) оказались русскіе ситцевые платки, зеленый чай, тютютейки, иглы и даже разноцвѣтное душистое мыло. Д. Трегубова, московской фабрикаціи, съ французскою надписью, а подковы все таки нѣтъ, потому что здѣшніе туземцы совсѣмъ не имѣютъ обычай ковать лошадей, какъ сообщилъ мнѣ это симтабскій казы, провожавшій меня на базаръ, по дорогѣ, засыпанной камнями. Садикъ Симтаба очень живописны, чему много содѣйствуютъ тутъ же стоящія, непривѣтливыя на видѣ, песчаниковыя горы. Въ Симтабѣ до 400 дворовъ; сакли изъ щебня, переложеннаго глиной; жители, таджики, въ тѣхъ же голубыхъ бумажныхъ халатахъ, какъ и все среднеазиатское простонародье, только обувь здѣшнихъ горцевъ ничто иное, какъ наши поршни, т. е. башмаки изъ сырой кожи, съ ремнями, которые переплетаются на подъѣмѣ, обвиваютъ по опучѣ берцевую кость и завязываются подъ колѣномъ или выше его. Извѣстно, что въ такой обуви нога не скользитъ по камню, которымъ окружены со всѣхъ сторонъ эти горцы. По словамъ старика казы, симтабцы—таджики, хотя и зовутъ себя узбеками колѣна-сарай. Казы также симтабскій таджикъ, что онъ и объяснилъ съ перваго слова, выразивъ удивленіе и недоумѣніе по поводу того, что одножителю его, отъ мало до велика, считаютъ себя узбеками. Казы рассказалъ преданіе, что предки здѣшняго таджикскаго населенія жили когда-то въ городѣ Ичкелы-Зоры, между Туркестаномъ и Чардара, по лѣвую сторону Сыръ-Дарьи; что еще при Тимурѣ хромомъ, Ичкелы-Зоры были населены и богаты; но потомъ не то какой-то чудовищный змѣй, не то междоусобицы—выгнали жителей, и они пришли сюда, въ горы. Теперь городъ этотъ лежитъ въ развалинахъ. На одной изъ картъ мнѣ случилось видѣть довольно подробно, снятое Зарѣчье Сыра, между Джулекомъ и Аральскимъ моремъ. Тамъ значилось пунктиромъ старое русло Сыра, проходившее южнѣе настоящаго, и тамъ же показаны развалины нѣсколькихъ городовъ. Есть ли тамъ Ичкелы-Зоры—не помню, да и казы говорилъ, что въ книгахъ разсказаннаго имъ преданія нѣтъ.

Какъ и всюду въ Средней Азии, населеніе здѣшнихъ горъ имѣло свои смутныя времена. Почти во всѣхъ кишлакахъ есть небольшія крѣпостцы (нурганы), построенныя на скалахъ, въ самой глубинѣ ущелій, запертыхъ обыкновенно непроходимыми горами, такъ что защищать приходилось только выходы изъ ущелій, откуда обыкновенно и напиралъ пришлый врагъ. Дабы закрыть эти выходы, построены во многихъ кишлакахъ оборонительныя стѣны изъ камня. Такъ въ Симтабѣ одна изъ подобныхъ стѣнокъ, защищающая сѣверную сторону кишлака, построена 40 лѣтъ тому назадъ, когда симтабцы враждовали съ кыркъ-юзамъ. Въ Ура-Тюбе правилъ въ ту пору отецъ извѣстнаго Абдуля-Гафара-диванъ-беги, живущаго теперь въ Ташкентѣ. Кыркъ-юзы нѣсколько разъ бросались въ ущелье, но не могли овладѣть кишлакомъ, и потерявъ нѣсколько убитыми и ранеными, возвратились во-свои-си. Жители занимаются садоводствомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ и огородничествомъ. Послѣднее присуще всему населенію ущелій, и огромныя дынныя плантаціи засѣваются противъ каждаго кишлака на степи, тамъ, гдѣ горныя ключи, ослабѣвъ въ своемъ стремленіи, разливаются по плоскостямъ, образуя мѣстами даже болота. Эти разливы, отстоящіе отъ ущелій верстъ на 5, 6, 7 и даѣе, называются лойва, отъ таджикскаго слова: лой-грязь. Дыни здѣсь рѣжутъ на куски, завязываютъ на нитки и вялятъ на солнцѣ, какъ это дѣлаютъ хивинцы, бухарцы и низовые увалыцы.

Жизнь каратаускаго горца; таджикъ онъ или узбекъ, подчинена его хозяйству. Мартъ и апрѣль онъ живетъ въ юртѣ, въ кишлакѣ, ради подножнаго корма его скоту; въ маѣ переходитъ въ садъ; начинаются сильныя жары и вмѣстѣ съ ними созрѣваютъ тутовые ягоды, а вслѣдъ затѣмъ—урожъ и другіе плоды, или живетъ онъ на овощной плантаціи, которая также требуетъ караула. Только поздней осенью населеніе возвращается въ кишлаки для того, чтобы перезимовать въ нихъ, снова промѣнять свою унавоженную, какъ они сами выражаются; осѣдлость на юрту или садъ.

28-го апрѣля. Слѣва идутъ все тѣ же голыя, песчаниковыя горы; дорога болѣе свободна отъ камня, идетъ по холмамъ, ми-

мо кишлаковъ: Сафъ (милькъ нѣкоего Мадьяръ-бая) и другихъ, Симбулакъ, Иджъ-калинъ и Кискентъ или Иджъ-кичикъ, населенныхъ тѣми же мнимыми узбеками. По словамъ туземцевъ, въ оврагѣ Кискентъ похоронены гдѣ-то нѣсколько солдатъ, умершихъ въ 1868 году въ отрядѣ. Направо отъ насъ разстилается волнистая степь и бѣлѣетъ мѣстами Тузъ-конъ.

Кишлакъ-Темиръ-Кобукъ-ата лежитъ въ ущельѣ и на ключѣ того же названія. Почва камениста и значительно перемѣшана съ кристалликами роговой обманки. Въ Кобукѣ живутъ узбеки колѣна беркутъ, аргынъ и найманъ.)

30-го апрѣля. На утро ждемъ похода далѣе. Отрядъ поднимается обыкновенно до восхода солнца, такъ что до полудни бываетъ уже на новомъ ночлегѣ. Предстоящій намъ путь пойдетъ по колодцамъ къ горамъ Курганъ-тепе, видимымъ отсюда на горизонтѣ, на З. С. З.

II.

Отъ ущелья Темиръ-Кобукъ до Тамды.

Въ предлагаемыхъ здѣсь отрывкахъ я не преслѣдовалъ ученыхъ цѣлей; я имѣлъ въ виду лишь дать понятіе о тѣхъ степяхъ, которыя мы прошли, или, точнѣе говоря, о той дорогѣ, на которой до насъ еще не бывала русская нога. Дорога эта идетъ по степямъ, отъ ущелья Темиръ-Кобукъ, въ горахъ Каратау, къ урочищу Тамды. Въ замѣткахъ моихъ я говорю лишь о томъ, что обратило на себя вниманіе въ нашемъ скучномъ путешествіи.

1-го мая. Отъ Темиръ-Кобука до колодца Балта-Салдыръ 25 верстъ. Степь поросла полынью и воюнчюкой (*Scordosma cobtida*). Всюду множество змѣй, длинныхъ, тонкихъ сѣраго цвѣта, и преслѣдующихъ ихъ коршунѣвъ. Подняли ягненка-сайгака (*Antilopa paiga*). Послѣ продолжительной гонки, мы заворотили его на стрѣлковъ, и тамъ онъ, совершенно измученный, попалъ на зубы ротной собакѣ: Казалось бы страннымъ, какъ это млекопитающее животное живетъ въ такую знойную пору въ безводной степи;

но киргизы объяснили, что сайгакъ не нуждается въ водѣ, пока трава зелена, а потому и держится въ степяхъ. Проѣзжая въ половинѣ апрѣля черезъ голодную (Мурзарабатскую) степь, я слышалъ отъ киргизъ, что около Мурзарабата также водится много сайгаковъ. Дрофа почти постоянная спутница сайгака, но въ этотъ переходъ мы встрѣтили только одну птицу этой породы: она недалеко отъ насъ перебѣжала дорогу и скрылась въ кустахъ полыни. Въ 17 верстахъ отъ Темиръ-Кобука начинаются пески; они холмисты и поросли колючкой и разными неприхотливыми степными травами. Горы Каратау уклоняются къ югу и замѣтно ниже предъидущихъ. Эти горы составляютъ, такъ называемую, туркменскую волость. Туркменцы зимуютъ въ кишлакахъ, а лѣтомъ выходятъ въ пески на колодцы. Въ попутныхъ ущельяхъ находятся Туркменскіе кишлаки: Укунъ-Акъ-тюбе, Чангарлыкъ, Ширхаузъ-Кошрабатъ и Штау.

Колодецъ Балта-салдыръ (около 20 саж. глубиною) лежитъ на меридианѣ бухарскаго города Хатырчи. Вода въ немъ къ употребленію годна. Отверстіе колодца на нѣсколько аршинъ въ глубину выложено известнякомъ и песчаникомъ. Вода выкачивается небольшой кожаной бадьей по блоку, сливается въ бассейнъ, откуда идетъ въ желоба изъ небольшихъ плитъ, кругомъ этого бассейна. Близъ колодца живутъ нѣсколько туркменскихъ семействъ нуратинскаго вѣдомства, они сообщили мнѣ, между прочимъ, что лежащій на пути нашѣмъ колодецъ Бисъ-чапанъ, и нѣкоторые другіе, испорчены учючевавшими въ Хиву біями: Ута-тляу и Алимбаемъ.

2-го мая. Отрядъ уклонился отъ колодца Бисъ-Чапана на югъ, единственно вслѣдствіе слуховъ объ испорченныхъ колодцахъ (*), мы направлялись къ колодцамъ Косъ-баиги. На пути встрѣчаются колодцы: Мулла-Наурузъ (15 саж.). Иръ-Назаръ (15 саж.) и Чакмакъ (около 18 саж.). Въ двухъ верстахъ отъ колодца Чакмакъ, вожакъ нашъ, туркменъ, указалъ небольшой холмъ, гребень котораго состоитъ изъ массы кремнезема; всѣ окрестные жители пользуются кремнями съ этого холма. Кремни идутъ въ незна-

(*) Кроме того, комисіи, для организаціи Кызылъ-Кумскихъ киргизовъ, имѣла въ виду провести по этой южной дорогѣ границу съ Бухарскимъ ханствомъ.

чительномъ количествѣ даже въ Бухару, когда какой нибудь заѣзжій афферистъ нагружаетъ ими нѣсколько курджуновъ (переметныхъ сумокъ) и сбываетъ этотъ товаръ правовѣрнымъ, недалеко пока ушедшимъ въ способахъ добыванія огня отъ первобытной цивилизаціи. Слово акмакъ значитъ собственно огниво.

Горы Курганъ Тюбе холмятся вправо отъ дороги. Слово Курганъ-Тюбе переводится: крѣпостной бугоръ, и это невольно наводитъ на мысль о существованіи здѣсь когда-то города. Преданія объ этомъ разнорѣчивы: одни киргизы говорили, что въ старыя времена здѣсь дѣйствительно существовалъ городъ, столь обширный, что онъ покрывалъ всѣ возвышенности Курганъ-тюбе — впрочемъ, не особенно высокія и широкія. Но другой вожакъ туркменъ объяснилъ дѣло иначе и проще: когда то тутъ зимовалъ бухарскій отрядъ, выставившійся противъ враждебныхъ ташкентцевъ; для помѣщенія этого отряда, вѣроятно и была выстроена небольшая крѣпостца или курганъ, оттого и горы стали звать-ся Курганъ-тюбе.

Вожакъ нашъ оказался хозяиномъ колодца Чакмакъ, который онъ вырылъ на свой счетъ. Колодецъ, глубиною 18 сажень; расходы были слѣдующіе: рытье каждой сажени обходится одну теньгу, а всѣ 3 р. 80 к. Кроме того, истрачено 4 барана и нѣсколько пудовъ муки на угощеніе рабочихъ и гостей, собравшихся по этому поводу къ счастливому обладателю колодца. Мѣстностями, указывающими на близкое присутствіе воды, считаются солончаки, но вода изъ колодцевъ на такихъ мѣстностяхъ не всегда бываетъ хороша; затѣмъ удобна для добыванія воды почва горныхъ щелей и самыя большія затрудненія представляютъ возвышенныя плато.

Нѣсколько верстъ нашего пути отъ колодца Балта-Салдыръ шли по песчанымъ холмамъ (барханамъ), покрытымъ разнородными травами, перечень которымъ будетъ представленъ особо, съ замѣтками, какія указалъ мнѣ собрать. Травы эти покрываютъ всѣ пройденныя нами степи.

Изъ царства животныхъ за этотъ переходъ попались всего только нѣсколько наземныхъ черепахъ, множество ящерицъ и одна змѣя. На дорогѣ я видѣлъ шкуру обыкновеннаго ежа.

Поперекъ нашего пути прошли двѣ довольно торныя дороги: одна изъ Кошрабата, въ горахъ Капатау, а другая — изъ Нурата,

черезъ Кызылъ-чарабатъ, каменное зданіе въ родѣ Мурза-рабата постройки Абдуль-хана. Обѣ дороги идутъ на Учъ-Каюкъ, переправу на Сыръ.

На колодцѣ Косъ-байги отрядъ встрѣтили бии, т. е. старшины каракалпаковъ, кочевья которыхъ начинаются у сосѣдняго колодца Сулы.

3-го мая. Таже степь до колодца Сулы и далѣе до колодца Казанъ-тусты, около котораго выложена изъ глины небольшая мечеть, или просто муллашка, какъ принято у насъ называть постройки этого рода. Вода вообще, во всѣхъ колодцахъ годна для питья, хотя неумѣренное употребленіе ея все-таки вліяло на желудокъ, впрочемъ безъ ослабленія; явленіе общее у всѣхъ больныхъ, которыхъ однако немного. Дѣйствіе воды замѣтно даже на лошадяхъ нашего отряда.

Между колодцами: Сулы и Казанъ-тусты, вправо отъ дороги въ нѣсколькихъ верстахъ видны высоты Учъ-басъ-тюбе. Песчаные бугры до колодца Баймакъ-танты покрыты тѣми же травами. Вода въ колодцѣ Баймакъ лучше другихъ; бассейнъ обложенъ плитамъ, между которыми есть нѣсколько плитъ изъ нуратинскаго мрамора. Появился саксаулъ, но весьма тонкій, почти негодный для топлива. Во время этого перехода, я замѣтилъ очень оригинальный признакъ присутствія колодцевъ; появленіе травы хазаръ-асбандъ (кукушкинъ ленъ), по-киргизски абраспанъ, обыкновенно она почти одна покрываетъ почву вокругъ колодцевъ, на нѣсколько десятковъ и даже, мѣстами, сотенъ сажень во всѣ стороны. Трава эта растетъ кустами, на жирномъ стеблѣ, съ темно-зеленымъ листомъ и бѣлымъ цвѣткомъ. На кормъ скоту она не идетъ, но зато имѣетъ множество другихъ примѣненій въ обществѣ, на что намекаетъ и ея названіе хазаръ-асбандъ — значитъ, тысяча потребъ. Сѣмянками ея окуриваютъ только что родившихся домашнихъ животныхъ, а иногда и дѣтей; бухарскіе дуваны (юродивые) одуряютъ себя дымомъ этихъ сѣмянъ; почетному гостю также кидаютъ въ жаровню горсть сѣмянъ этого растенія, какъ я самъ испыталъ на себѣ въ одномъ кишлакѣ, въ окрестностяхъ города Кокана.

На этомъ переходѣ мы снова видѣли сайгака, всего въ нѣсколько десяткахъ сажень отъ колодца и стоявшихъ тутъ-же

юртъ каракалпаковъ. Встрѣчается очень много сѣрыхъ куропатокъ (буздрукъ) и большихъ ящерицъ ишкмеръ, весьма лаковыхъ, будто бы, до козьего и овечьего молока. По словамъ киргизъ эти ящерицы высасываютъ молоко у спящихъ овецъ и козъ, отчего дѣлается у нихъ воспаление сосковъ. Самое слово: ишкмеръ—Значитъ сосущая—козу. Вообще-же ящерицы туземцы зовутъ кесертка.

Почти при полномъ отсутствіи птицъ, насъ удивило, близъ колодца Байманъ, появленіе обыкновенной средне-азиатской горлицы встрѣчающейся только въ мѣстностяхъ богатыхъ водой и тѣнью. Что могло завлечь ее въ степь изъ сосѣднихъ горныхъ садовъ—сказать трудно. Вредныхъ насѣкомыхъ изъ летающихъ и ползающихъ нѣтъ; только придорожный жукъ навозникъ дѣлаетъ свои запасы изъ конского помета, да появился еще какой-то невиданный мною до селъ желтый муравей, очень юркое и надоедливое насѣкомое. Хищныхъ птицъ также не видно, даже обыкновенныхъ воронъ нѣтъ, и только жаворонки и подорожники свищутъ и поютъ во всѣхъ кустахъ.

4 мая, къ колодцамъ Масте путь безводенъ. Дорога идетъ по песку, частью дѣликомъ, частью представляетъ собою торный путь. На 7-ой верстѣ дорога проходить между двумя буграми, правильной куполообразной формы, извѣстными подъ поэтическимъ названіемъ Кызъ-имчакъ т. е. грудь дѣвушки. На право поднимаются не высокія горы. Казакъ-бай, Джиты-тау, и на горизонтѣ, впереди насъ высится Бель-тау. На половинѣ пути, мы пересѣкли дорогу на соляное озеро Масте-конъ, или Кокма-конъ, доселѣ никому изъ русскихъ неизвѣстное. Не далеко отъ колодцевъ Масте, вправо отъ дороги, между песчаными холмами глянело и самое озеро, оказавшееся однако въ этомъ мѣстѣ просто солончакомъ, не дающимъ соли, добываемой изъ другихъ бассейновъ озера, восточныхъ и сѣверныхъ. Посланный туда джигитъ привезъ образецъ соли, оказавшейся хорошаго качества.

Вода колодцевъ или точіе соланчаковъ Масте хуже предыдущаго Байманъ—тапты. Урочище Масте—котловина, на днѣ которой пять колодцевъ; тутъ-же, на склонѣ небольшая; глиняная модельня и кладбище, съ двумя звачками надъ могилою какого-то мусульманина праведника. Плиты этого кладбища изъ мрамора,

извѣстняка, богатого гипсомъ: съ надписями по киргизски и по персидски,—обстоятельство, указывающее, что вліяніе бухары на эту мѣстность существовало и существуетъ доселѣ. Упомяну объ этомъ, совершенно нормальномъ, по видимому, явленіи единственно потому, что киргизы далеко не такъ набожны и фанатичны, какъ осѣдлые жители здѣшняго края. Такъ въ противуположность нѣсколькимъ плитамъ смиренно гласящимъ что въ лѣто 1245 (1828) тутъ успокоился нѣкто Булатъ стрѣлокъ и т. п., я на томъ же кладбище набрелъ на одну плиту, безъ надписи съ высѣченными на ней изображеніями: сабли, копій, сайгана, сабаки и осѣдланнаго коня. Верхъ плиты занимаетъ человѣческая фигура, съ распростертыми объятіями и винтовкой за спиной. Эта человѣческая фигура, собака и конь изображены съ самыми циническими подробностями, которыя сами по себѣ не могли бы имѣть мѣста ни гдѣ, не только на кладбищѣ; да и самыя фигуры (суреть) исламъ, какъ извѣстно, не допускаетъ, усматривая въ нихъ начало языческое. Но киргизы не обращаютъ на это вниманія и часто мѣшаютъ свою набожность съ крайнимъ цинизмомъ. Впрочемъ, извѣстно также, что никто такъ охотно не вставляетъ въ брань священные предметы, какъ киргизъ.

На кладбищѣ много также череповъ разныхъ животныхъ,—это приношеніе живыхъ покойникамъ. Гипсъ встрѣчается въ здѣшнихъ стенахъ во многихъ мѣстностяхъ, онъ зовется киргизами буртасъ и переженный идетъ на выдѣлку кожъ, а также, какъ бѣлила, сбывается въ города, потому что киргизскія юрты побѣлки не требуютъ.

5 мая. Посѣтили солончакъ и пробѣжали далѣе, по окружающимъ его солянымъ озерамъ. Солончакъ состоитъ изъ впадинъ, или совершенно голыхъ, называемыхъ всѣми узбеками, въ томъ числѣ и киргизами *какъ*, т. е. голь, гладь, или подернутыхъ тонкимъ слоемъ, по большей части горькой, вывѣтрившейся соли. *Какъ* имѣетъ иногда совершенно крѣпкую, съ виду—утрамбованную поверхность, такъ что даже лошадь не оставляетъ на ней слѣда; иногда-же на оборотъ; *какъ* представляетъ собою топъ, по которой нельзя сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ не только конному, но и пѣшему человѣку; подобный *какъ* называется *бат-какъ*. Оба вида *какъ* существуютъ близъ вновь открытыхъ мѣсто—

находений соли. Первая топь, подернутая солью, идет версты на четыре, параллельно той дорогѣ, по которой мы приѣхали съ колодца Байманъ—тапты на колодецъ Масте, т. е. съ востока на западъ. Топь эта непроходима и только въ двухъ мѣстахъ есть издавна утопанные тропинки, съ одного берега на другой. Изъ обоихъ береговъ этой топи сочатся нѣсколько, едва замѣтныхъ соленыхъ ручейковъ. Одинъ изъ этихъ началъ уже осаждаѣть соль, такъ что со временемъ можетъ быть и эта топь обратится въ самосадочное озеро. Восточнымъ концомъ топь эта примыкаетъ къ небольшому озеру, также дающему соль, пласть ея покрытъ мутной водой; за этимъ озерцомъ лежитъ другое, такихъ-же размѣровъ, т. е. сажень 100 въ диаметрѣ. Берега изрыты ямами, въ которыхъ валялись туземцы, пользуясь отъ всевозможныхъ накожныхъ и даже, будто-бы, отъ нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзней. Проводникъ нашъ увѣрялъ, что соляныя грязи въ этихъ ямахъ излечиваютъ даже сифилисъ. Лечатся обыкновенно въ июнѣ. Тутъ-же сохранилось нѣсколько шалашей изъ стеблей ассафетиды (вонючки), гдѣ временно живутъ промышленники: Это обыкновенно байгуши т. е. бѣдняки. Они добываютъ соль, складываютъ ее на берегу, и сбываютъ торговцамъ, для своза въ Нурата или мѣстнымъ кочевникамъ для повседневнаго употребленія. Добываніе соли производится весною и лѣтомъ, когда озера освобождаются отъ воды, испаряющейся вслѣдствіе жаровъ; добываніе соли очень просто: сначала сгребаютъ мотыгами верхній, вывѣтрившійся и горькій на вкусъ слой соли и тогда выступаетъ совершенно прозрачный растворъ (тузлукъ); по мѣрѣ углубленія, растворъ этотъ принимаетъ все болѣе розовый цвѣтъ и четверти на полторы глубины встрѣчается уже черный илъ, неприятнаго запаха, перемѣшанный съ отдѣльными кристаллами соли. Когда мотыга достигаетъ этого ила, онъ окрашиваетъ растворъ въ цвѣтъ желтовато-черный. Верхній слой соли, называемый шуръ, горекъ, второй солонѣ, третій, нижній, съ виду грязный—самый лучшій слой. Впрочемъ, просохнувъ, онъ принимается такой-же бѣлый цвѣтъ, какъ и два верхнія слоя. Соль вообще мокра, а потому для просушки ее сыпаютъ въ рѣшето или на армяки и потомъ подкладываютъ подъ нихъ небольшіе сруб-

ники, изъ стеблей вонючки; вода стекаетъ что необходимо для того, чтобы соль была легче.

Въ этомъ же восточномъ направленіи мы встрѣтили еще двѣ небольшія котловины съ солью и повернули на сѣверъ, на главную копъ. Тутъ, проѣзжая по одному солончаку, нельзя не обратить вниманія на одинъ небольшой, но весьма характерный ландшафтъ. Нѣсколько песчаныхъ холмовъ, оранжеваго цвѣта, съ ярко-зелеными кустами гребенчика и полыни, обрамляли бѣлую, какъ снѣгъ, поверхность солончака. Этотъ оригинальный своими красками пейзажъ не оживлялся ни птичкой, ни бабочкой, ничѣмъ.—

На главномъ озерѣ, мы нашли посланныхъ изъ лагера рабочихъ, и они при насъ, въ самое короткое время, въ троемъ наскребли одною мотыгой два батманы соли; хорошія качества ея не подлежатъ сомнѣнію уже потому одному, что она имѣетъ огромный сбытъ, а именно: цѣлыми сотнями верблюдовъ везется въ Нурата (около 150 верстъ) и на видъ лучше соли изъ той огромной копи, которая начинается у Джизаха (Тузь-конъ, и о которой я говорилъ уже въ началѣ моего походнаго дневника). Здѣшняя соль продается отъ 2 до 5 тенегъ за батманъ. Все собраніе этихъ соляныхъ озеръ зовется различно, лайда-конъ, масте-конъ, кокма-конъ. Туземцы говорили, что озера неистощимы, потому, что вода, выступая изъ пробойнъ въ пластвѣ, скоро осаждаѣтъ, подъ вліяніемъ воздуха, свѣжія частицы соли, что и позволяетъ безошибочно назвать эти озера самосадочными.

6 Мая. Направленіе наше изъ западнаго и сѣверо-западнаго перемѣнилось почти въ сѣверное. Дорога, и вообще окрестности, также другія; мы идемъ по камнямъ съ горы на гору. Горы заняли весь горизонтъ съ востока, сѣвера и сѣверо-запада. Эти горы продолженіе тѣхъ, которыя мы видѣли третьяго дня; сегодня киргизъ добавилъ къ прежнимъ названіямъ еще два: Чибикъ-тау и Тюртъ-куль. Прямо передъ нами Казакъ-бельтау, на сѣверо-западѣ вдали. Арсланъ-бельтау. Дорогу покрываютъ обломки песчаника и бѣлаго мрамора, выходящаго мѣстами на гребняхъ переваловъ довольно значительными массами, что наводитъ на предположеніе о присутствіи этого камня подъ почвой. Песку очень мало, растительность та же. За двѣ версты до колодцевъ Аякъ-кудукъ открывается низъ, бѣлѣетъ кладбище и недалеко отъ него ви-

дны невысокія скалистые, песчаниковыя возвышенности. Тутъ находятся два колодца съ хорошей горной водой, выложенные камнемъ. Рядомъ съ ними, на холмѣ, ясно видны слѣды какого-то оборонительнаго сооруженія, а именно весь холмъ, имѣющій до 600 шаговъ въ окружности, былъ когда-то обнесенъ стѣною изъ песчаника; груды этого камня, разнообразныхъ и неправильныхъ формъ, отчетливо показываютъ направленіе стѣны. Середину этой городишны занимала другая изъ того же камня, шаговъ въ 200 въ окружности, составлявшая какъ бы урду (цитадель) всего этого укрѣпленія. Впрочемъ, рва у него не было, потому что ни малѣйшаго слѣда его невидно. Преданіе относитъ эту постройку ко времени позднѣйшему, и именно приписываетъ ее нѣкому Ир-Назаръ-беку, правителю буркутовъ въ (буркутъ—одно изъ 92 узбекскихъ коѣнъ, есть и киргизы рода буркутъ), враждовавшему съ городомъ Нурата. Оба колодца въ ту пору были ключами, на что дѣйствительно намекаетъ и самый вкусъ воды. Близъ одного изъ колодцевъ растетъ нѣсколько кустовъ колючки, акъ-чингалъ, обнесенныхъ каменной оградой. Сначала по небольшому отрывкамъ отъ одеждъ, казалось, что эта могила святаго; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что тутъ обоготворены именно кусты колючки. Разспросы не дали мнѣ ничего, кромѣ свѣдѣнія, что инициатива этого обоготворенія неодушевленнаго предмета принадлежитъ киргизскимъ женщинамъ. Во всякомъ случаѣ, это остатокъ язычества, и понынѣ не чуждаго киргизамъ въ видѣ нѣкоторыхъ обрядовъ. Оригинально то, что рядомъ съ этимъ святымъ кустомъ, на сосѣднемъ кладбищѣ, мраморныя и известняковыя плиты написаны по-персидски, а нѣкоторыя украшены цитатами изъ корана, рукою мастера, учившагося, можетъ быть, въ благородной Бухарѣ, твердымъ ислама.

Вотъ уже второй переходъ, какъ мы не видимъ населенія, потому что вокругъ колодцевъ нѣтъ кормовъ.—Киргизы говорятъ, что кормы хороши около Тамды, а потому и населеніе скучилось около этого урочища. Болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ населенія Кызылъ-кумовъ я надѣюсь представить особо, послѣ достаточнаго ознакомленія съ краемъ. Здѣсь же, относительно распределенія населенія по пути нашему, нужно замѣтить, что съ

Джизака начинаются киргизы: Кунградъ до колодцевъ Балта-салдыръ; съ колодцемъ Сулы до Аякъ-карагалпаки, а съ Арыстанды-алчинъ, группирующіеся и около Тамды.

7-го мая. Степь изъ травянистой перешла въ песчаные холмы. О всѣхъ пескахъ, пройденныхъ нами доселе, съ урочища Темиръ-Кобукъ, киргизы говорили, что это передовые пески пустыни, и что съ каждымъ годомъ песчаная степь Кызылъ-Кумъ, выметывая огромныя массы песку на югъ, очевидно ширится насчетъ сосѣднихъ травянистыхъ бухарскихъ степей, такъ что рано или поздно владѣнія Бухары и съ этой стороны можетъ постигнуть участь нѣкоторыхъ ея округовъ и городовъ на нижнемъ Зеравшанѣ, засыпанныхъ пескомъ съ сѣверо-запада.

Предъ нами все тѣ же горы Казанъ-бель и Арыстанды—цѣль нашего нынѣшняго почти 35-верстнаго безводнаго перехода. Однообразіе пути нарушалось появленіемъ сайгаковъ, изъ которыхъ одного снова поймали. Пѣхота, шедшая другой дорогой, видѣла огромную ящерицу болѣе 1½ аршина длиною; казаки и джигиты преслѣдовали животное, но безъ успѣха.—За 10 верстъ до колодцевъ Арыстанды, мы вступили въ горы того же названія и каменистымъ логомъ, со скалистыми берегами—очевидно, русломъ какого-то потока—шли до ночлега, оказавшагося въ томъ же логѣ, близъ нѣсколькихъ колодцевъ, съ хорошей водой, окруженныхъ кибитками алчинцевъ. По всему этому ущелью въ большемъ числѣ растетъ обыкновенная ромашка.

8-го мая. Тѣмъ же каменистымъ логомъ вышли мы снова на холмистую степь, пройдя такимъ образомъ горную группу Арыстанды насквозь. На сѣверо-востокъ она сглаживается со степью; зато впереди возникаютъ новыя горы—Бель-тау. По неровной мѣстности, кое-гдѣ черезъ пески, мы достигаемъ этихъ Бель-тау и вдоль ихъ доходимъ до колодца Мурунъ. Направо, вдали, синѣютъ еще новыя горы Тахтанымъ-тау и Тамды-тау, надѣво—Актау. Всѣ эти горы совершенно голы. Тутъ пролегаетъ большая торная дорога изъ Бухары въ Казалинскъ и Перовскъ; она идетъ мимо ключей Тамды, отдѣлая отъ себя это урочище.

На колодцѣ Мурунъ кочуетъ нѣсколько кибитокъ рода алчинъ. Дорога сегодня все та же: или голая степь, покрытая сѣрой, почти черной оцвѣтшей подынью, или солончакъ, или, наконецъ, нѣ-

сколько верстъ песку, поросшаго колючкой, между которой печально глядятъ желтыя стебли вонючки. Животной жизни также мало, какъ и въ другихъ частяхъ степи Кызыль-кума; собаки подняли земляного зайца; киргизъ, свѣсившійся съ сѣдла, убилъ нагайкою змѣю, считая это, какъ и русскій человѣкъ нѣкоторыхъ мѣстностей, дѣломъ душеспасительнымъ; свѣжій слѣдъ сайгака прошелъ поперекъ дороги, быстро мелькнула въ кусты ящерица, двѣ-три черепахи выглянули и спрятали головы въ свои щиты, да одинъ одишенекъ за всю дорогу ястребъ мышатникъ парилъ надъ степью, высматривая себѣ добычу. На всемъ этомъ 35-верстномъ пути колодезь нѣтъ: они находятся на значительныхъ разстояніяхъ по сторонамъ.

9 мая. Идемъ къ Тамды гористой мѣстностью, вдоль горъ Актау и черезъ колодезь Акъ-Кудукъ. До Тамды не болѣе 20-ти верстъ. Урочище это совершенно неожиданно открывается съ горъ, съ края широкаго ущелья; на противоположномъ концѣ его, среди равнины, обрамленной съ юга горами, а съ сѣвера песками, видно нѣсколько деревьевъ. «Это малый Тамды—сказалъ мнѣ вожакъ; а большой Тамды будетъ сейчасъ направо за этими горами... А это Джаманъ Кызыль-кумъ» добавилъ онъ, указывая на сплошные песчаные холмы, сливавшіеся на сѣверѣ съ горизонтомъ.

Достигаемъ малаго Тамды: нѣсколько кибитокъ подъ вербами, небольшой ключъ, тѣнь и вообще присутствіе жизни пріятно дѣйствуетъ на человѣка, послѣ знойной, безлюдной степи и голыхъ горъ.—Идемъ къ большому Тамды, но, какъ будто въ видѣ послѣдняго одолженія, пустыня снова заявляетъ себя: болѣе полверсты идемъ мы по сплошному, сыпучему песку, до самыхъ стѣнъ бывшей резиденціи бека.

Но вотъ видны и деревья на берегу ключа, слышно его журчанье; вдали, по склону, зеленѣютъ клеверныя поля.... Подобно путникамъ Сахары, мы почти имѣемъ право воскликнуть: «Слава Аллаху! Онъ—благословилъ нашъ путь въ пустыню!» Подобно имъ, послѣ-деяти дневнаго странствованія по песку, камню, мы достигли наконецъ оазиса Тамды.

Описаніе этого мѣста я представляю ниже; въ заключеніе, нужнымъ нахожу добавить, что я записывалъ все, въ надеждѣ, что отрывки изъ моего дневника пригодятся кому либо впослѣд-

ствіи, какъ дорожникъ, тѣмъ болѣе, что путь, пройденный нами до Тамды черезъ степь, считается лучшимъ и кратчайшимъ здѣшнимъ путемъ.

По окраинамъ Букана.

Прибывъ къ Тамды, коммисія по устройству Кызыль—кумскаго населенія черезъ 5 дней предприняла поѣздку къ Буканскимъ горамъ, и въ 15 дней объѣхала эти горы по ихъ окраинѣ кругомъ. Предлагаемый дневникъ обнимаетъ эти 15 дней. Надобно сознаться, что замѣтки по такой печальной и однообразной мѣстности, какъ степь Кызыль—кумъ, неизбежно должны получить отпечатокъ того-же однообразія; но, съ другой стороны, вспомнимъ, что здѣшній край намъ почти неизвѣстенъ, а потому всякое слово о немъ имѣетъ значеніе, какъ первое слово.

Поставивъ Тамды центромъ, мы имѣемъ, приблизительно, 300-верстный радіусъ къ ближайшему, хивинскому городку Шурахана, 500 верстъ къ Казалинску, 400 верстъ къ Перовску, 350 верстъ къ Туркестану, 400 верстъ къ Дизаху (Джизаку) и только отъ бухарскаго торговаго посада Гыждувана мы находимся въ 200 верстахъ.

15 Мая выступили изъ Тамды къ Буканскимъ горамъ; первый ночлегъ долженъ быть на колодцахъ Бисбулакъ, почти въ 40 верстахъ. Сначала путь въ западномъ направленіи, верстъ на 10 по глинистой и дресвяной почвѣ; слѣва его сопровождаютъ горы Актау, а справа пески Джаманъ-Кызыль, въ которые мы и пошли недалеко отъ колодца Адина. Тутъ дорога поворачиваетъ на сѣверо-западъ; пески усиливаются, переходятъ даже въ сыпучіе, простираясь на всѣ четыре стороны огромными буграми, кажется, безъ предѣла. Однако предѣлъ имъ есть; но я буду говорить о площади песковъ Кызыль-кумъ вообще въ свое время, когда болѣе познакомлюсь съ краемъ, здѣсь же ограничусь лишь тѣмъ, что въ этотъ день мы шли до окраины песковъ верстъ 25 или 30, и вышли на край огромной солонцеватой плоской

котловины, къ колодцамъ Бисбулакъ. Пройденные нами песчаные холмы поросли саксауломъ, колючимъ кустарникомъ куянтъ—суякъ (тамарискъ) и другими, впрочемъ, немногими мѣстными травами. Всю дорогу съ Тамды дулъ сильный сѣверовосточный вѣтеръ, взметая песокъ. Кромѣ Адина и нѣкоторыхъ другихъ, отстоящихъ однако отъ дороги довольно далеко, — колодцевъ на этомъ пути нѣтъ. За этотъ переходъ я замѣтилъ въ пескахъ много ящерицъ, голубого шура, огромнаго филина, пугача, вылетѣвшаго почти изъ-подъ ногъ моей лошади и стрижей. Въ колодцахъ Бисбулакъ оказалось сносная вода. Тутъ не мало удивили меня своимъ присутствіемъ горлицы и одинокой грачъ, Богъ вѣсть, откуда залетѣвшіе въ эту непривѣтную ни для кого пустыню. Населенія также невидно. Выѣхавшій къ отряду, на встрѣчу, киргизъ, говорилъ, что на Бисбулакѣ населеніе было, но заслышавъ о насъ разбѣжалось, по наущенію нѣкоего Кильдыбая, въ разныя стороны. Приѣхавъ на Бисбулакъ прежде транспорта, мы должны были ждать его нѣсколько часовъ на 30 градусномъ жару, среди степи. Песокъ, несомый вѣтромъ, какъ снѣгъ во время метели, буквально колѣлъ лицо и шею, подобно игламъ, а закрытыя отъ него съ головою было невыносимо жарко. Наконецъ, черезъ три часа привезли палатки, но тогда и вѣтеръ уже стихъ, потому что смерклось.

16 мая, отъ Бисбулака къ колодцу Кокбатасу идетъ пологая степь, мало по малу переходящая въ волнистую. Кое-гдѣ попадались совершенно обнаженные солончаки; безъ всякой растительности и между ними особенно великъ Огъ-джитмасъ. На востокѣ, на далекомъ горизонтѣ, видны горы Сугутты, впереди холмятся Кокбатасъ, а за ними синѣютъ Алтынъ-тау (золотыя горы) одна изъ грудъ Букана. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вышеле наружу бѣлый, иногда слегка красноватый, мраморъ, посредственнаго качества, потому что онъ слишкомъ мягокъ; на одномъ подъемѣ есть гипсъ. За всю дорогу ни одной птички; безлюдье полное, только караванъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ встрѣтился на пути, но при немъ былъ всего одинъ киргизъ возчикъ съ женою. Колодцевъ также нѣтъ, кромѣ Яны-Казгана въ 5 верстахъ отъ Бисбулака, и то соленый. Вѣтеръ все тотъ же сѣверо-восточный. Подчиняясь, ему очевидно кочуютъ и пески; такъ, юго-западная

сторона каждаго куста, каждаго камня, каждой возвышенности покрыта пескомъ, тогда какъ сѣверо-восточная обнажена отъ него. Это указываетъ на постоянство вѣтровъ.

Отрядъ, ходившій здѣсь осенью прошлаго года, встрѣтилъ здѣсь тотъ же вѣтеръ, значить кочевка песковъ въ юго-западномъ направленіи, дѣло, такъ сказать, обычное, чѣмъ и объясняется почти ежегодная утрата Бухарскимъ ханствомъ нѣсколькихъ квадратныхъ миль травянистой степи. Пески, конечно, завалили бы и самый Зеравшанъ, если бы не имѣли передъ собою горъ Буканскихъ, Актау, Арсланъ-тау, Тамдинскихъ и наконецъ каратау, что между Нурата и Джизакомъ.

Колодцы Кокбатасъ находятся въ котловинѣ, подъ горами; всѣхъ колодцевъ болѣе 12. Впрочемъ, это собственно не колодцы, а подземные резервуары съ ключами. Всѣ они вырыты по два, соединены между собою желобами на поверхности земли, а между нѣкоторыми есть сообщенія и подъ землею. Киргизы говорили, что предварительно вырываютъ нѣсколько аршинъ почвы и обыкновенно встрѣчаютъ при этомъ камень, пробиваютъ его какимъ либо желѣзнымъ орудіемъ и тогда является вода; современемъ она размываетъ почву подъ камнемъ и такимъ образомъ является подводный бассейнъ. Корму кругомъ Кокбатаса нѣтъ, но должно думать, что онъ бываетъ, потому что вокругъ нѣкоторыхъ колодцевъ видны кое-какія постройки изъ глины, для барановъ и ягнятъ, а маленькая мазанка, изъ глины же пополамъ съ камнемъ, зовется мечетью. На воищемъ и топкомъ ключѣ, идущемъ вдоль лощины Кокбатасъ, бѣгали песочники и чибисъ. Въ верховьяхъ этой лощины есть колодцы, называемые верхнимъ Кокбатасъ.

27 мая. Отъ Кокбатаса до Юзъ-Кудука сначала двѣ версты неглубокаго ущелья, затѣмъ, до самыхъ колодцевъ Юзъ-Кудукъ пересѣченная мѣстность по камню и по глинѣ, и наконецъ на 25 верстѣ—пески. Впрочемъ, тропинка все время торная, пески же нанесены сюда изъ виднѣющагося на востокѣ и сѣверовостокѣ Шуль-Кызыла или Улу-Кызыла, т. е. большаго Кызыла, скрытаго доселѣ горами Кокбатасъ. Вѣтеръ попрежнему сѣверо—восточный и въ расположеніи этихъ наносныхъ песковъ замѣтно тоже явленіе, что и вчера. Вѣроятно пески, запыли бы всю мѣстность,

покрытую буканскими и другими горами, если бы тутъ не было этихъ горъ. Песчаные холмы поросли вонючкой (*Assa faetiada*), колючкой разныхъ видовъ и двумя видами ковыля; одинъ изъ нихъ—видъ мѣстный, называемый киргизами селеу, растение колючее; другой—общіе нашимъ южнымъ степямъ. Оба вида представляютъ хорошій кормъ для лошадей; по дорогѣ видны только однѣ ящерицы, да выскочилъ и немедленно скрылся одинъ овражекъ или сусликъ. Киргизы убѣждены, что ящерицы современемъ dorостаютъ до размѣровъ полутора-аршинной величины, а потому и убиваютъ ихъ. Вообще, противъ ящерицъ киргизы питаютъ суевѣрное предубѣжденіе; они полагаютъ, что если ящерица, по какому нибудь случаю, коснется мужчины или женщины, то дѣлаетъ ихъ бесплодными.

Однако, я не замѣтилъ отвращенія къ ящерицамъ въ джигитѣ, который при мнѣ однажды убилъ это животное въ окрестностяхъ Тамды и принесъ въ лагерь.

18 мая, дневка. Колодцы Юзь-Кудукъ лежатъ почти въ ущельѣ; на нихъ стоитъ аулъ, кибитокъ въ 15, рода Алчинъ. Кругомъ виднѣется много барановъ. Глава этихъ киргизъ, старый Амандыкъ, издавна ходилъ караванбашемъ между Оренбургомъ и Бухарою. По обстановкѣ его большой и чистой юрты, разбитой для членовъ комиссіи, замѣтно вліяніе бухарской цивилизаціи, напр. разставлены мѣдные луженые сосуды для айрана, кумыза и огромные кувшины изъ красной мѣды для воды. Впрочемъ, это не мѣшаетъ остальнымъ киргизамъ дичиться насъ. При въѣздѣ, на пригоркѣ сидѣло нѣсколько стариковъ, и я, мимоѣздомъ слышалъ между ними замѣчаніе одного, что дѣти ихъ (т. е. семейства) конечно испугаются, видя солдатъ. Дѣло въ томъ, что намъ пужно было пройти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кибитокъ, занятыхъ черпомазыми киргизами и ребятишками. Тутъ-же, за пригоркомъ стоялъ небольшой войлочный шаламъ; тутъ помѣстился кылау, т. е. молодой женихъ, пріѣхавшій навѣстить свою невѣсту. Онъ не заплатилъ еще всего калыма, а потому, по обычаю, и долженъ до полной уплаты калыма, быть только временнымъ гостемъ своей невѣсты. Случается, что подобный женихъ или вѣрнѣе—мужъ совсѣмъ бросаетъ жену и дезертируетъ куда вѣду-

мается; бываетъ и такъ, что брошенная жена, въ свою очередь, бѣжитъ съ кѣмъ нибудь отъ стыда.

Сегодня пришелъ сюда караванъ изъ Бухары; онъ идетъ въ Троицкъ съ матой и халатами. Вообще, кое какое торговое движеніе тутъ есть; незадолго до отъѣзда нашего въ Тамды, пріѣхалъ изъ Казалинска татаринъ; онъ торговалъ между киргизами сахаромъ (40 к. фунтъ), спитымъ чаемъ (1 р. 30 к. фунтъ), ситцемъ, платками и т. п. На прошломъ переходѣ встрѣтились намъ два верблюда, навьюченные бараньей шерстью: это татаринъ вымѣнялъ у киргизъ и отправилъ въ Казалу, а самъ онъ остался въ Тамды распродать остальной товаръ.

19-го мая. Отъ Юзь-Кудука къ колодцу Архаръ. — Поднялись на восточный склонъ Букана и шли имъ съ перевала на перевалъ, до самого Архара, всего около 26 верстѣ. Это—дорога нагорная, по которой, ради кормовъ, кочуютъ и киргизы; караванная дорога осталась вправо, ниже, у подножья Буканскихъ горъ, именно, между этими горами и песками Улу-Кызылъ, мелькающими изъ за-горъ здѣсь и тамъ на восточномъ горизонтѣ. На попутныхъ колодцахъ: Чалхаръ, Бакты-куль, Сартлы, Назыкъ, Казана-тащи, Учъ-Чаканъ и Чайли появилось населеніе. На колодцахъ Архаръ также оказались кочевники. Всего, съ юзкуджскими, я насчиталъ до 100 кибитокъ. По обѣимъ сторонамъ нашей дороги къ Архару паслись значительныя стада барановъ. На 11 верстѣ встрѣчается неглубокой песокъ, а также песчаная окрестность колодца Архаръ. Вообще киргизы должны любить это взгорье, потому что оно богато полынью, единственнымъ кормомъ ихъ стада. На 11 верстѣ, также на западѣ, видны горы Тоба-бергенъ; за ними горы Ирлиръ и колодець Куддаръ, около котораго есть небольшое укрѣпленіе на холмѣ, нѣсколько деревьевъ и пашень; есть и легенда, что кто-то и когда-то увезъ ханскую дочь и жилъ въ этой крѣпости, грабя караваны на проходящей тутъ большой караванной дорогѣ изъ-за Сыра въ Бухару. Преданіе это совершенно сходно съ тамдинскимъ о нѣкоемъ Басанѣ, также похитителѣ ханской дочери. Можетъ быть, что и на самомъ дѣлѣ здѣшнія степи были убѣжищемъ не только похитителей принцессъ, но и всевозможныхъ воровъ, что

отчасти находимъ и доселѣ. Конечно, подобные авантюристы жалели по преимуществу къ мѣстностямъ воднымъ и заводили на нихъ незначительныя оскѣдлости, въ родѣ Кульдара, Тамды, Аяка и, можетъ быть, многихъ другихъ, которыхъ мы пока еще не удалось видѣть.

Въ аулахъ, пройденныхъ нами сегодня, я слышалъ пѣтуха, замѣняющаго киргизамъ часы; на дорогѣ встрѣтился удотъ и ястребъ-мышеловъ. Киргизы сообщили мнѣ, что въ здѣшнихъ горахъ водятся волкъ, лиса и заяцъ; оттого киргизы держатъ и борзыхъ (тазы), чрезвычайно граціозныхъ и не дешевыхъ животныхъ туркменской породы. Около стадъ виднѣлись огромные и мрачные стражи, псы-волкодавы. За спиной проезжаго баранщика киргиза я видѣлъ тульскую двухстволку.

Колодцы Архаръ находятся также въ ущельѣ, обставленномъ скалистыми возвышенностями изъ аспида, довольно порядочнаго качества. Здѣсь никогда небыли русскіе, а потому нѣкоторые мужчины, дѣти, а болѣе всего женщины, при нашемъ приближеніи убѣжали изъ аула на окрестныя высоты; но всѣ они вскорѣ вернулись. Старшина аула оказался въ высокой смушковой шапкѣ хивинскихъ узбековъ. Конечно, это вліяніе Хивы или Ургенджа, какъ обыкновенно здѣсь называютъ это владѣніице.

— «Я ношу эту шапку давно», говорилъ старшина, «потому и привыкъ къ ней.»

Оказывается, что хивинцы не далѣе, какъ въ прошломъ году, по уходѣ рекогносцировочнаго отряда, упрекали киргизъ, что они не дали имъ знать о приходѣ русскихъ. Вообще, появленіе здѣсь бухарскихъ и хивинскихъ зякетчи, а также туркменскихъ разбойничьихъ шаекъ, и даже бухарскіе и коканскіе набѣги, бывшіе когда-то—все это очень свѣжо въ народной памяти.

Съ половины 6-го часа пополудни началась по ущелью Архаръ, буквально песчаная мятель. Въ 20 саженяхъ такіе предметы, какъ напр. юрта, казались уже неясными. Горизонтъ покраснѣлъ; мятель, шла почти съ сѣвера на югъ. Къ вечеру стихло, хотя небо не переставало казаться зловѣщимъ. По словамъ киргизъ, явленіе это бываетъ во всѣхъ песчаныхъ мѣстностяхъ и продолжается иногда нѣсколько часовъ, а иногда и нѣсколько дней. Въ самое короткое время постели наши, лежавшія въ юр-

тѣ на землѣ, покрылись довольно значительнымъ слоемъ песку. Такія мятели очень вредны для глазъ какъ человека, такъ и животныхъ. Сначала я полагалъ, что это самое явленіе Вамбери принялъ за самумъ, въ пустынѣ между Шураханомъ и Бухарою; но нѣкто Саутъ-бай, старый и бывалый киргизъ, подтвердилъ, что на урочищѣ Халь-ата дѣйствительно бываютъ такіе песчаные ураганы, которые заносятъ даже цѣлые аулы. Урочище Халь-ата находится на сѣверо-западъ отъ Бухары, по дорогѣ къ Шура-хана.

20 мая. Взамѣнъ вчерашней песчаной мятели, сегодня съ ранняго утра небо покрыто тучами. Шелъ небольшой дождь и атмосфера освѣжилась. Во весь переходъ (верстъ 30) солнца не было видно изъ-за тучъ. Тяжести шли дорогой южнѣе; коммисія же, съ казачьимъ конвоемъ, ѣхала дорогою сѣвернѣе. Съ Архара мы поднялись на гору; грунтъ версты на 4 песчаный и холмистый. Миновали скалистыя ущелья Кыръ-буканъ и Уй-буканъ, и затѣмъ потянулись пески. На югъ виднѣется почти ровная степь до горъ Джиръ-тау; на сѣверъ—холмится Буканъ-тау. Достигли колодцевъ Бакали, въ оврагѣ,—и опять степь до оврага Ярлыганъ съ колодцемъ того же имени. Отъ колодца Ярлыганъ до Уразали, верстъ 8 снова шли по ровной степи, мимо горъ Буканъ справа, состоящихъ изъ небольшихъ паралельныхъ хребтовъ, съ гребнями изъ чернаго и желтаго песчаника, и мѣстами съ прослойками аспида. Видно населеніе, и въ разныхъ мѣстахъ я насчиталъ до 50 кибитокъ. Всюду бродятъ стада барановъ, верблюдовъ, небольшіе косяки лошадей и ни одной коровы, которыхъ у здѣшняго населенія совсѣмъ нѣтъ. Здѣшніе киргизы довольствуются молокомъ козымъ и овечьимъ.

Кромѣ крупнотокъ и жаворонковъ, никакихъ другихъ птицъ и животныхъ я не видалъ.

Колодцы Уразали находятся въ широкомъ ущельѣ, и около нихъ стоятъ до 40 кибитокъ. Киргизы не дичатся насъ, даже женщины шутятъ съ казаками и солдатами. Тѣмъ не менѣе, народъ этотъ дикъ. Одинъ молодецъ пренаивно просилъ показать ему зеркало, и очень удивился такой диковинкѣ. Пѣсни и сигналы на горнѣ привлекали толпы киргизовъ, большихъ и ребятъ,

которые сбѣгались, сломя голову. Между молодыми киргизами есть нѣсколько довольно красивыхъ лицъ; женщины же некрасивы и неопрятны. На многихъ мужчинахъ надѣты огромныя бараньи шапки, съ овальнымъ верхомъ. Это уже настоящій туркменскій головной уборъ. Оружія видно мало и то однѣ плохія сабли.

Часовъ около 7 вечера гремѣлъ громъ и шелъ дождь, второй въ этомъ году: онъ долженъ освѣжить и степь, и воздухъ.

21-го мая. Прошлою ночью дождь шелъ часовъ до 10. Сегодня утромъ пасмурно; переходъ къ колодцамъ Тобабергенъ. Еще съ Кыр-Букана мы измѣнили направленіе изъ сѣверо-западнаго на западное, а съ Букали на югозападное, которымъ и идемъ сегодня. Неровная песчанистая и мѣстами глинистая степь, со слѣдами вчерашняго дождя, на половинѣ пути (на 10 верстѣ) смѣнялась небольшими песками, въ виду горъ Канкашаръ. Тутъ есть и колодецъ съ аулами. Начался мелкій но довольно сильный дождь, прямо въ лицо, промочившій насъ порядочно, такъ что когда мы поднялись, на первыя скалистыя возвышенности Тобабергена, то у всѣхъ передняя половина платья была мокра, а спины сухи. Кругомъ растлались скалистыя, голыя горы, круто кончавшіяся на западѣ; такимъ образомъ, мы стояли на восточной окраинѣ этого горнаго плато. За горами на сѣверѣ, въ туманѣ синѣли холмы Улу-Кызыла, а на западѣ и югѣ простиралась ровная степь, покрытая въ нѣсколькихъ мѣстахъ разливами воды, сбѣжавшей съ горъ послѣ вчерашняго дождя, на юго-западѣ замыкавшаяся какими-то возвышенностями. Говорили, что за ними лежитъ Минбулакъ, нашъ пограничный пунктъ съ Хивою. Предъ нами извивалось подъ гору голое, каменистое и узкое ущелье, точнѣе — щель, потому что когда мы спустились въ него, оно оказалось всего въ нѣсколько сажень шириною, съ голыми отвѣсистыми боками изъ голубаго и сѣраго песчаника, изъ котораго состоятъ и всѣ эти горы. Еще до спуска въ это ущелье, на гору выѣхалъ посланный впередъ нашъ джигитъ и съ нимъ молодой киргизъ изъ ближайшаго аула, гдѣ мы предполагали имѣть ночлегъ. Джигитъ объявилъ, что кибитки для насъ начали ставить и онъ будетъ готовъ, хотя жителей и постигло большое несчастье, а именно: вчера послѣ полудня огромный дождевой потокъ устремился съ горъ тѣмъ самымъ ущельемъ, передъ которымъ мы

стояли, увлекъ за собою огромные камни, опрокинулъ и полумаль юрты, унесъ скотъ; погибъ даже одинъ человѣкъ. Мы спустились въ ущелье и на первомъ же луку увидѣли исковерканныя стѣнки юртъ; мокрыя женщины и дѣти жались подъ самыми стѣнами ущелья, въ небольшихъ шалашахъ изъ оставшихся войлоковъ; кое-гдѣ валялись несобранные послѣ наводненія арканы и т. п. Ущелье шло корридоромъ, извиваясь наклонно къ западу и выставляя на поворотахъ острые камни. Другіе камни привлеченные потокомъ, лежали здѣсь и тамъ посерединѣ ущелья. Я показалъ встрѣчному киргизу на одинъ изъ подобныхъ камней, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, и спросилъ: неужели и этотъ камень принесенъ вчера водою?—Были и больше, отвѣчалъ киргизъ. Погибшій при наводненіи старикъ былъ унесенъ водою изъ этого ущелья и, можетъ быть, разбитъ о скалу на поворотѣ или убитъ валуномъ.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по этому первозданному корридору, мы выѣхали на большую котловину къ аулу изъ 20 или 25 кибитокъ. Тутъ находятся колодцы Тобабергенъ. Наши юрты только что ставились, мѣстами киргизки и дѣти выглядывали изъ шалашей; на серединѣ русла, промчавшагося тутъ вчера потока, лежалъ мертвый оселъ: его сбило кибиткой. Стадъ я не видѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ верблюжатъ; привязанные къ юртамъ, они непрерывно ревели по матерямъ: киргизы говорили, мнѣ что это бѣдствіе (наводненіе) хуже туркестанскаго набѣга. Наводненіемъ унесло на степь, въ тѣ равнины, которыя мы видѣли, или разломало, по словамъ однихъ, 11, а по, увѣренію другихъ, только 7 юртъ, убило старика, поломало много утвари: чашекъ, ложекъ и т. п., потопило болѣе 30 барановъ и 3-хъ ословъ; искалечены—двое ребятъ да 3 верблюда. Подобное же бѣдствіе было въ этихъ мѣстахъ года 3 или 4 тому назадъ.

— Слава Богу, что народъ уцѣлѣлъ, говорили киргизы, а скотъ куда ни шелъ!.. Вотъ жаль только посуду: здѣсь достать ее трудно.

Однако, несмотря на постигшее аулъ несчастье, киргизы встрѣтили насъ привѣтливо, безпрекословно отдали свободныя юрты и не разбѣжались отъ насъ, какъ это было на Архарѣ, хотя и ближе живутъ къ границѣ, слѣдовательно должны были бы дичиться насъ болѣе.

22-го мая. Тѣмъ самымъ ущельемъ которымъ вчерашнее наводненіе ринулось на степь, мы выѣхали изъ горъ Буканскихъ, или собственно Тобабергенъ, по направленію къ Минбулаку. Длина этого ущелья верстъ 5, вначалѣ оно круто и каменисто, а потомъ сглаживается со степью. Вчерашнее наводненіе размыло солнцеватую почву ущелья и дорога шла по грязи; при переходѣ нѣкоторыхъ овраговъ, верблюды нашего транспорта скользили и падали. Кромѣ мелкаго саксаула и жидкой полыни, въ ущельѣ нѣтъ ничего. Выйдя изъ ущелья, мы оставили влѣво небольшія высоты Кызъ-имчакъ, а также какіе-то безымянные холмы, и пошли по степи, почти ровной до самого Минбулака. Она мѣстами песчана и покрыта тѣми же растеніями, какъ и пройденная нами доселѣ мѣстности. За версту до Минбулака дорога спускается въ кольцообразную долину, очевидно служившую когда-то ложемъ озера, окружавшаго тѣ песчаные холмы съ родниками, которые и составляютъ теперь собственно урочище Минбулакъ (т. е. 1,000 источниковъ). Въ дѣйствительности ихъ нѣтъ и двухъ десятковъ, да и тѣ, въ большинствѣ, даютъ плохую воду. На Минбулакѣ мы не нашли населенія; здѣсь было только нѣсколько кибитокъ верблюжьихъ пастуховъ, которые кочевали въ окрестности, но и тѣ собирались уже уйти въ пески, потому что тутъ нѣтъ корму. Да и вообще вся степь пройденная нами, отъ Тобабергена до Минбулака, непривѣтна; непріятное впечатлѣніе ея усиливалъ сильный зной. Киргизы увѣрили, что на Минбулакѣ мы можемъ встрѣтиться съ хивинцами; но мы нашли у одного изъ родниковъ только небольшой караванъ нашихъ киргизъ съ Букана: они шли домой съ Аму, изъ кишлака Шахъ-Абасъ-Вади, гдѣ купили джугары по 70 к. батманъ въ 2 пуда. Показанная ими хивинская джугара оказалась гораздо крупнѣе коканской и бухарской. Шахъ-Абасъ-Вади—кишлакъ съ базаромъ, лежитъ недалеко отъ Аму, ниже Шурахана; шли они 6 дней. Здѣсь кстати сообщаемъ маршрутъ къ Шура-хану отъ Минбулака; весь переходъ на коняхъ совершается въ 5 дней; направленіе все время югозападное.

1-й день.—Колодецъ Бисекты,—дорога глинистой степью, полынѣ; вода въ колодцахъ годна.

2-й день.—Бузаубай — пол-дороги степь, пол-дороги песокъ; вода годится.

3-й день.—Музребъ или Мушребъ въ таишъ отъ Бузаубай; песокъ, вода хороша. Тутъ обыкновенно днюютъ послѣ первыхъ двухъ переходовъ.

4-й день.—Соръ-булакъ, песокъ и

5-й день.—Торговый кишлакъ Шураханъ на Аму.

Въ Шураханѣ бываютъ базары, есть много садовъ, находится и войско, но сколько—сказать трудно, потому что всѣхъ служащихъ безразлично называютъ сипо, т. е. военный, или, вѣрнѣе, такъ называютъ всѣхъ тѣхъ, кто служить правительству, хотя бы даже только по сбору податей. Говорили, что въ Шураханѣ есть зякетчи, но есть ли бекъ, т. е. градоначальникъ или губернаторъ—я не добился. Можетъ быть состоящую при зякетчи челядь и называютъ сипо, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тамъ есть конница *). За переходъ къ Минбулаку мы подняли зайца; сайгакъ-самка съ козленкомъ прошла недалеко поперекъ дороги, шагомъ, потому что сайгаченокъ за ней не успѣвалъ; на холмахъ-Бызъ-имчакъ сидѣлъ большой степной орелъ, называемый киргизами каракусъ; пролетѣло нѣсколько куропатокъ и луговая ласточка или тиркушка. Изъ пресмыкающихся, кромѣ ящерицъ и черепахъ, невидно ничего. Собственно на Минбулакѣ живутъ песочники и шуры; кромѣ ихъ, прилеталъ на короткое время желто-головый ястребъ—змѣятникъ.

Въ чинкѣ, т. е. скатахъ, окружающихъ Минбулакъ, есть гипсъ; желобъ лучшаго минбулакского колодца сдѣланъ изъ гипса; пласты его настолько велики и прозрачны, что изъ нихъ можно было бы выдѣлать звенья въ оконныя рамы, вмѣсто стеколъ.

23-го мая. Почти всю прошлую ночь дулъ сильный сѣверовосточный вѣтеръ и шелъ дождь. Повременамъ гремѣлъ громъ, то и дѣло сверкала яркая молнія. Ночь прошла благополучно, рано утромъ мы поднялись съ мѣста и круто поворотили на юго-востокъ. Такимъ образомъ, мы окружамъ горныя группы Буканъ, Алтынъ и другія, направляясь къ нашему походному пункту—Тамды. Съ Минбулака отрядъ тронулся (безъ дороги) по рыхлому солонцу, мѣстами разведенному водой послѣ вчерашняго дождя,

*) Эти разспросныя свѣдѣнія, когда мы были въ Шураханѣ, за послѣдній хивинскій походъ,—почти подтвердились.

что нѣсколько и затрудняло нашъ путь: тутъ же пришлось переправиться черезъ нѣсколько ручьевъ той же дождевой воды, стремившейся съ чинка въ долину. Верстахъ въ 6-ти отъ Минбулана, мы поднялись на чинкъ, устѣянный кусками слюды, ярко блистѣвшими на солнцѣ. Далѣе, степь оказалась песчанистой, съ саксауломъ и проч., и шла до новаго спуска съ чинка; пройдя версты двѣ низью, мы снова поднялись на чинкъ и верстѣ 20 слишкомъ шли то по песку, то по солонцу безъ дороги, пока не наткнулись, подъ прямымъ угломъ, на небольшую тропку. Мы повернули по ней налѣво и верстѣ черезъ 20 достигли колодца Тюсюбулакъ, пройдя всего съ 4 часовъ утра до 4 пополудни болѣе 50 верстѣ, по зною, безъ дороги, безъ колодцевъ. Только въ одномъ мѣстѣ видѣли мы небольшую лужу дождевой воды, изъ которой напились казаки и напоили лошадей. Попадались намъ и маленькія лужицы, и онѣ не остались безъ вниманія: казаки подсаживались къ нимъ съ ложками и набирали ими воду въ чашки, а не то—прямо хлѣбали изъ нихъ мутную воду и закусывали сухаремъ. Вообще, пришлось не мало потерпѣть въ этотъ переходъ. У нѣкоторыхъ вышелъ табакъ, и они жгли въ папиросахъ бараний пометъ и какую-то траву. Впрочемъ, въ иныхъ аулахъ покупали у киргизовъ за баснословныя цѣны корешки (махорку).

Непривѣтлива степь въ знойную пору: солнце жжетъ, кажется, насквозь, во рту сухо до горечи, рѣчь не идетъ на умъ, то и дѣло хочется спросить вожака: «далеко-ли еще?» Алысъ (далеко), отвѣтитъ, навѣрное, вожакъ и опять тянется та-же непривѣтливая, горячая, убійственно однообразная степь.

Въ этотъ день насъ велъ братъ тамдынскаго старшины Достъ-Мухаммента, Иманбай, коротенькій и толстенный киргизъ, на рыжей лошади, малый лѣтъ 30, съ круглымъ, плоскимъ и бронзоваго цвѣта лицомъ. Относительно его способностей можно сказать лишь одно, что онъ проѣзжалъ по этимъ степнымъ мѣстамъ только разъ въ жизни,—и то въ дѣтствѣ; однако же ведя насъ, ни разу не сбился съ дороги. Такова его память или, вѣрнѣе, чутье.

За весь этотъ переходъ я видѣлъ нѣсколько ящерицъ и пару куropатокъ; послѣднія поспѣшно лѣзли черезъ пустыню, какъ бы убѣгая ея непривѣтливости. Затѣмъ—никакихъ признаковъ животной жизни. Кругомъ холмистая степь, даже невидно горъ на

горизонтѣ, и только въ одномъ мѣстѣ бѣлѣютъ на югѣ и переливаются въ раскаленномъ воздухѣ какіе-то солонцеватые скаты.

Колодцевъ Тюсю-кудукъ—два, на нѣсколько верстѣ одинъ отъ другаго, у подножья чинка. Корму кругомъ нѣтъ и помина, въ особенности для лошадей; верблюды, пущенные на волю, ѣли саксаулъ и колючку, а лошадей покормили молодымъ камышемъ, случайно открытымъ однимъ изъ казаковъ въ сосѣднемъ оврагѣ.

Мы стали на сѣверномъ колодцѣ, гдѣ вода оказалась пригодной.

24-го мая. Ничего замѣчательнаго, кромѣ безотраднaго вида пустыни и отсутствія всякой жизни, и только вчерашній длинный переходъ, выбившій нѣкоторыхъ лошадей и верблюдовъ изъ силъ, принудилъ отрядъ дневать на этой угрюмой мѣстности.

25 Мая. Переходъ въ 16 верстѣ на ключъ Сулы-Тюбеликъ, въ юго-восточномъ направленіи, по саксауловой степи. — На сѣверо-западѣ заснѣжи группы Букана и Алатынъ-тау. На юго-западѣ показались Каракудукъ-тау и бугоръ Шуль-тубе. Подъ этимъ послѣднимъ, ближе къ намъ, забѣлѣлся огромный солончакъ. По ближайшемъ осмотрѣ, онъ оказался въ родѣ того большаго солонца безъ соли, который мы видѣли по дорогѣ къ колодцу Масте, на пути между Тамды и Джизахомъ, и за которымъ потомъ открыли нѣсколько самосадочныхъ озеръ. Сегодняшній солонечъ состоитъ изъ нѣсколькихъ котловинъ и зовется Сулы-Тюбеликъ-соръ. Нѣкоторыя котловины также осаждаютъ соль, но хуже мастенской; кристаллы ея мельче, пластъ всего въ палецъ, потому что подъ нимъ воды нѣтъ, или очень мало, а безъ нея озеру трудно бороться съ солнцемъ, которое, силою своего зноя, двояко препятствуетъ дѣятельности солонца: во-1-хъ, испаряетъ воду, безъ которой немислимо осажденій и во-2-хъ, вслѣдствіе быстраго испаренія, образуетъ на поверхности солончака пузыристую, горькую кору, ярко бѣлаго, слегка голубоватаго, цвѣта, негодную въ пищу.

Съ солонцевъ я выѣхалъ на дорогу отряда и нашелъ его близъ небольшого озера, сплошь поросшаго зеленымъ камышемъ; отрядъ былъ остановленъ и казаки запаслись кормомъ для лошадей, голодавшихъ уже пять дней, съ колодца Уразали, откуда собственно и начались особенно безплодныя мѣстности.

Изъ озера идетъ небольшой ручеекъ слегка горьковатой воды, проходить черезъ другое озеро, съ такимъ же камышемъ, выход-

дить изъ него и пропадаетъ недалеко въ пескахъ. Воду этого ручья лошади пили. Недалеко отъ первого озера есть небольшая мазанка съ камышевой крышей—кажется, притонъ пастуховъ, пока скотъ ихъ пасется на озерахъ. Въ прибрежныхъ кустахъ живетъ одинъ изъ безчисленныхъ видовъ камышевки или кустового пѣвуна.

Въ двухъ верстахъ отъ озеръ, за небольшимъ песчанистымъ переваломъ, въ песчаной же котловинѣ, между двухъ солончаковъ—оказался небольшой ключъ, бившій изъ песчаного бурга. Вода оказалась вполне удовлетворительной и мы стали здѣсь на ночлегъ.

Посланный на ближайшій (сѣверо-западный) солонецъ, джигитъ привезъ образецъ соли, качество которой изложены мною выше. Киргизъ видѣлъ на солонцѣ слѣды разработки: солью пользуются окрестные киргизы. На Сулы-Тюбеликѣ нѣтъ населенія, потому что нѣтъ кормовъ.

26 мая. Отъ Сулы-Тюбелика направились по твердому песку на колодець Турабай. Идемъ попрежнему на юго-востокъ, въ виду горъ: Ирлиръ и Алтынъ. На западъ видна сопка Шуль-тюбе. Пески начинаютъ переходить въ холмы. На пол-пути, на самой дорогѣ, шесть горькихъ колодецевъ—Алташи; съ нихъ видны прямо на юго-востокъ горы, Тюменбай и Тамды. Верстахъ въ 10 отъ Алташи пески усиливаются, переходятъ въ сыпучіе и начинается Джаманъ—кызылъ.—Черезъ двѣ версты этого песку, встрѣтили аулъ въ 10 кибитокъ близъ колодца Каратамыръ-Яныказканъ. Тутъ свалено множество тюковъ съ хлопкомъ; караванъ этотъ идетъ изъ Бухары куда-то за Сыръ. Дуетъ сильный западный вѣтеръ; по равнинѣ вокругъ колодецевъ играетъ буквально песчаная метель. Песокъ колетъ лицо. До колодца Турабая—три версты. Отрядъ нагналъ татаринъ-прикащикъ какого-то оренбургскаго купца, также татарина, живущаго въ Бухарѣ. Прикащикъ этотъ ѣдетъ къ своему хозяину и проѣхалъ степь отъ Казалы благополучно.

Во весь этотъ переходъ небо хмурилось, дулъ вѣтеръ и путь не представлялъ ничего интереснаго; только на самомъ колодцѣ Турабай мы развлеклись брачнымъ поѣздомъ молодой киргизской невесты. Молодой ѣздилъ за женой въ хивинскіе предѣлы и теперь возвращался съ нею на Тюменбай. Онъ женился назадъ тому

пять или шесть лѣтъ, но за неуплатою калыма, не могъ взять жену изъ дома родительскаго. На 5 верблюдахъ были навьючены юрта, сундуки, утварь, только что родившійся верблюжонокъ и все это покрыто было коврами. Кorteжъ напоилъ на Турбаѣ верблюдовъ и пошелъ дальше.

Молодая, нарядно одѣтая, ѣхала, закрывшись, верхомъ на лошади, подъ яркой красной попоной; молодой—смуглый, среднихъ лѣтъ киргизъ, въ синемъ суконномъ халатѣ, съ саблей и фитильной винтовкой, въ мѣховой шапкѣ, крытой краснымъ плюсомъ; напоивъ лошадей, онъ отѣхалъ отъ колодца послѣднимъ.

27 мая. Вчера, въ сумерки, обвалился подъ тяжестью солдатъ и казаковъ колодець Турабай, глубиною болѣе 15 саженъ. Одинъ изъ казаковъ упалъ вмѣстѣ съ провалившеюся землею, но, къ счастью, даже не ушибся, отѣлвавшись только незначительную ссадиною руки. Провалъ колодца объясняется тѣмъ, что саксауловый срубъ опустился внизъ, по песку, размокшему отъ небрежнаго обращенія съ водой. Лишившись воды, отрядъ и въюки вышли на походъ, около часа ночи; было очень темно, шелъ мелкій дождь; вожакъ шлѣпкомъ и буквально ошупью вели отрядъ съ бархана на барханъ. Но вотъ на востокѣ заблѣло;—дождь пересталъ падать; мы шли по глубокому песку. То былъ уже Джаманъ—Кызылъ, который мы проходили 12 дней тому назадъ, выйдя изъ Тамды. Черезъ 15 верстъ перехода мы вышли на полынную степь, которая привела насъ къ колодцу Тюменбай. Весь южный горизонтъ занятъ горами. Актау и Асугара; на западномъ горизонтѣ высится одинокій бугоръ Акъ-чоку. Я не хочу повторяться, а потому ничего не скажу о растительности.

Колодець Тюменъ-бай два, и оба они вырыты въ котловинѣ; вода въ нихъ вполне пригодна для питья. Мы нашли на тюменбаѣ до 20 кибитокъ. Молодая чета также разбила здѣсь новенькую юрту, киргизски со всего аула хлопчатъ около нея и около молодой четы, рассчитывая конечно, на угощеніе и, само-собою разумѣется, удовлетворяя свое весьма понятное любопытство.

28 мая. Отъ Тюменбая до Бисапана—30 в. горами Актау скалистыми и голыми, въ юго-восточномъ направленіи. Верстахъ въ 8 отъ Тюменбая дорога входитъ въ узкое каменистое ущелье, версты 4 длиною. Ущелье это упирается въ котловину Чуакбай

съ колодцами, и дорога поворачиваетъ почти прямо на востокъ, крутымъ логомъ; тутъ много колодцевъ, частию пустыхъ, частию же дѣйствующихъ; въ одномъ мѣстѣ есть нѣсколько небогатыхъ кибитокъ и какая-то глиняная городьба. Черезъ нѣсколько верстъ мы приѣхали къ прѣсному ключу Куджамбы, около котораго есть могила какого-то святаго, Будбулдыкъ-ата; однако могилы не видно, только на одномъ изъ сухихъ сучковъ дерева навязано нѣсколько бѣлыхъ тряпокъ—очевидно приношеніе набожныхъ киргизскихъ женщинъ, носящихъ исключительно бѣлые повязки. Въ утесахъ надъ ключемъ гнѣздятся куропатки.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о горахъ Актау.

Онѣ звались когда-то горами Будбулдукъ-аста-тау; но когда 40 лѣтъ тому назадъ, кочующіе здѣсь алчичцы пришли сюда изъ за Сыра, и передъ ними забѣлѣли на горизонтѣ эти горы, то они назвали ихъ Актау, т. е. Бѣлые горы. Онѣ почти голы, скалисты и высятся въ одномъ переходѣ отъ Тамды на западѣ, представляя собою почти квадратную группу, на 40 или 50-верстной площади. Кромѣ куропатокъ, въ нихъ живутъ архары, горные бараны.

Затѣмъ, преданія и невѣжество ихъ обитателей киргизовъ сохранили легенду о какихъ-то таинственныхъ существахъ, населяющихъ эти горы будто-бы и доселѣ. Существа эти имѣютъ образъ человѣка, обросли шерстью и волосами и зовутся джизтырнакъ, т. е. когтистые.

Другіе киргизы говорили мнѣ, что существа эти похожи на женщинъ. Существуетъ еще легенда, что одинъ мергенъ (стрѣлокъ), охотясь за архарами, встрѣтился съ джизтырнакомъ, поссорился съ нимъ и, не долго думая, убилъ его.

Охотникъ прибѣгъ при этомъ къ хитрости: онъ покрылъ своими халатами трупъ убитаго имъ архара, а самъ спрятался за кустъ; джизтырнакъ принялъ покрытаго халатомъ барана за стрѣлка и запустилъ въ него свои когти, но тутъ же упалъ мертвымъ отъ пули охотника. Киргизы вѣрятъ въ существованіе джизтырнаковъ.—Мнѣ называли одного киргизскаго ходжу, здравствующаго и доселѣ, который видѣлъ, какъ въ лунную ночь подходилъ къ аулу джизтырнакъ и какъ потомъ онъ убѣжалъ, преслѣдуемый собаками. Есть киргизы, видѣвшіе жилища джизтырнаковъ, въ пе-

щерахъ, устланныхъ пескомъ. Эти жилища наполнены, по ихъ словамъ, какимъ-то особеннымъ невыносимымъ запахомъ.... Но оставимъ всю эту таинственную поэзію горъ на долю ихъ младенчествующихъ обитателей, и пользуясь этимъ случаемъ, припомнимъ разсказанную Вамбери встрѣчу его съ одичавшимъ человѣкомъ, въ пескахъ между Аму и Бухарою.

Отдохнувъ подъ деревьями Куджамды, мы перешли небольшую возвышенность, и, мимо двухъ кладбищъ, вышли на настоящую дорогу къ Бисапану, до котораго и достигли, пройдя еще 20 верстъ. Бисапанъ оказался также среди горъ, и съ хорошей водой. Завтра идемъ къ Тамды.

29 мая. Опять горы того же характера, какъ и предыдущія. На одномъ подъемѣ видна въ горѣ жила ярко-красной охры, да и все подножіе сосѣднихъ высотъ, богато этой краской. Недалеко отъ колодца Акъ-кудукъ, на гребнѣ одной высокой горы, мы видѣли со дна ущелья сажку горнаго барана съ ягненкомъ. Миновавъ—Акъ-кудукъ, гдѣ киргизы очень привѣтливо поили насъ овечьимъ молокомъ, отрядъ выступилъ на дорогу къ Тамды, повернувъ круто на сѣверъ. Мы шли уже этою дорогою, когда впервые приближались къ Тамды, 9-го мая.

Тамдинскіе киргизы встрѣтили отрядъ игрой: скачкой съ козломъ и вечеромъ были угощены начальникомъ отряда.

Такъ благополучно кончилось наше путешествіе по неизвѣстной странѣ. Предстоящее движеніе будетъ на сѣверо-востокъ отъ Тамды, къ горахъ Тохта-тау, въ мѣста, также доселѣ неизвѣстныхъ, не видѣвшихъ ни одного европейца.—

Пустыня на востокъ отъ Тамды.

Нашъ кызылъ-кумскій дневникъ, какъ и прежде, носить на себѣ отпечатокъ пустыни. Стень и песокъ, песокъ и стень, поросшая саксауломъ и колючкой, жгучее солнце, печальный становища киргизовъ, подернутая мглою песчаной метели.... На сколько трудно путешествовать по подобнымъ мѣстностямъ, на столько же трудно извлекать изъ подобной обстановки веселые мотивы; ихъ заглушаетъ все одна и та-же непривѣтная дѣйстви-

тельность, царящая самовластно по всей Кызыль-кумской пустынь, так что невольно спрашиваешь себя: какъ люди живутъ въ этой несчастной сторонѣ? А люди, какъ и всюду, живутъ среди своихъ неприхотливыхъ радостей и печалей, подчиняясь тому же процессу существованія, въ силу котораго эскимось бродитъ по своимъ снѣжнымъ равнинамъ, а цивилизованный европеецъ толчется на биржѣ.

Послѣдній путь лежалъ на сѣверо-востокъ отъ Тамды, этого рая, въ сравненіи съ прочими мѣстами Кызыль-кумовъ, благодаря ключу и нѣсколькимъ десяткамъ вербъ. Мы пошли къ горамъ Тохтатау.

Горы Тохта-тау составляютъ какъ бы продолженіе на востокъ тѣхъ горъ, которыя, подъ разными наименованіями, образуютъ систему горъ Букавскихъ. Отдѣляясь отъ одной изъ группъ этой системы, а именно отъ группы Кокбатаъ, подъ названіемъ Сугутты, и слѣдуя далѣе, почти прямо на востокъ, отдѣльными возвышенностями подъ названіемъ Джитымъ-тау, Кюйгенъ-тау, Коскудукъ-тау, цѣпь эта заканчивается почти на меридіанѣ г. Туркестана горами, называемыми собственно Тохта-тау. Еще нѣсколько восточнѣ тянутся холмы Дюртъ-кудукъ-тау, но они совсѣмъ незначительны. Тутъ именно, около небольшой возвышенной полынной степи, называемой Джусанды-кыръ, пески Кызыль-кумъ раздѣляются на двѣ вѣтви: сѣверную и южную, и обхватываютъ горы Тохта-тау и Букавскія... Но общую топографію Кызыль-кумовъ, я представляю особо, въ общемъ очеркѣ здѣшней пустыни. Теперь же обращаюсь къ дневнику.

6 іюня. Изъ Тамды направились на востокъ, мимо горъ Тамды и Кынгыръ. Повернувъ на сѣверо-востокъ, вступили въ пески Джаманъ-кызыль, такіе же глубокіе, какъ и тѣ, которые проходили мы 15 мая между колодцами Адина и Бишбулакъ и 26, 27 мая между колодцами Алтаци и Тюменбаемъ. Ширина Джаманъ-Кызыла въ этомъ мѣстѣ равняется верстамъ 20 съ лишнимъ. Подъ конецъ этого разстоянія, пески постепенно понижаются: мелѣются; дорога идетъ черезъ два большихъ голыхъ солонца Камысты-соръ, гдѣ въ скатахъ (чинкѣ) попадаетъ будто-бы ископаемая соль, *) а самые солнцы весною служатъ будто-бы резер-

*) Есаулъ Ранневъ, командированный обследовать эту соль, взрылъ одинъ скатъ, и на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ дѣйствительно нашелъ соль съ про-

вуарами для снѣговой воды, которой киргизы и пользуются. За тѣмъ, дорога проходить черезъ соленые родники Соръ-булакъ и выходить на огромную песчанисто солонцеватую равнину Сугутты съ подземными резервуарами, на которыхъ мы нашли 25 кибитокъ Алчинъ-Балхы. Нужно замѣтить, что здѣшніе киргизы зовутъ ключемъ (булакъ) не одни только ручьи на поверхности земли, но и подземные бассейны, похожіе на малорусскіе криницы, и только совсѣмъ глубокіе колодцы зовутъ кудукъ. О ключахъ Сугутты есть также преданіе, а именно, что у святаго Хазрета туркестанскаго, когда онъ летѣлъ черезъ Кызыль-кумы съ водою всей Аму-Дары, распоролся въ этомъ мѣстѣ турсукъ съ водою. (Сюгольмакъ—по-киргизскіи значить распоротся). Хотя во время своего воздушнаго путешествія Хазретъ уронилъ надъ урочищемъ Тамды только одну каплю воды (тамъ), а подъ Сугутты разлилъ цѣлый турсукъ, но послѣднее урочище все-таки не можетъ похвастаться обиліемъ воды и ея качествами, тогда какъ тамдинскій ключъ, по справедливости, можетъ быть названъ источникомъ жизни и т. п. поэтическими выдумками... Впрочемъ здѣсь, рядомъ съ неумолимою дѣйствительностью, всѣ эти выдумки не кажутся смѣшными нисколько, потому что на маршъ отъ Минбулака къ Тамды намъ самимъ приходилось видѣть источники жизни въ каждой дождевой лужѣ.

Солонцеватая равнина Сугутты, мѣстами занесенная пескомъ, тянется далеко на западъ до Минбулака, вдоль южнаго склона Тохта-тау и въ виду горъ Букавскихъ. Противъ ключей Сугутты она закрыта съ сѣвера высотами Кюйгенъ-тау, за которыми разставляются Улу-кызыль, идущій къ Букану; 15 мая мы стояли въ этой равнинѣ лагеромъ, около колодцевъ Бишбулакъ, тогда дулъ во всю свою силу сѣверо-восточный вѣтеръ, взметая песокъ, сегодня тоже, такъ что вѣтеръ этотъ можетъ быть названъ здѣсь господствующимъ, обстоятельство, подтверждаемое и самымъ направленіемъ Джаманъ-кызыла.

За весь этотъ переходъ встрѣтили только земляного зайца.

слоями желтаго ила. Но добываніе ея нестойтъ труда, потому что въ 5 часовъ времени едва набрали 1½ фунта.

Животное это, вмѣстѣ съ другими подземными грызунами, вырыло всѣ холмы, такъ что нога лошади проваливается по колено. Пески покрыты саксауломъ, тамарискомъ, разными видами колючки и вонючкой.

7 июня. Направляемся, какъ и вчера, на сѣверо-востокъ къ колодцу Стузъ, 25 верстъ. Степь слегка песчаная, мѣстами полынная или голая; нѣкоторые спуски также изъ красной горшечной глины. Почти все время видны горы Актау, что близъ Тамды: дорога идетъ по холмамъ, или въ виду ихъ и тѣхъ небольшихъ горокъ, которыя извѣстны тутъ подъ названіями Кюйгенъ, Косъ и Огузъ. По дорогѣ 4 колодца: Косъ-Дюртъ, Шургъ и Тохты. Близъ Тохты черезъ ущелье идетъ дорога въ Перовскъ изъ Бухары. Съ колодца Косъ виденъ на югъ огромный солончакъ Балямъ-соръ, на которомъ добывается много соли, совершенно годной въ пищу. На всѣхъ попутныхъ колодцахъ есть киргизы; на Косъ-кудукъ насъ угощали отваромъ урюка. Это мѣстный напитокъ, не лишенный пріятности, въ особенности послѣ затхлой воды изъ колодцевъ. Около Огузъ-кудука, какъ и около Аяго, есть боготворимый кустъ акъ-чингиль. Вокругъ него разбросаны черепя животныхъ. Это—приношенія. На Огузъ 20 кибитокъ киргизовъ Алчинъ-Кильдыбай и куполообразная мазарка-мечеть.

По дорогѣ видѣли куропатокъ.

8 июня. Отъ Огуза до Симтаса 25 верстъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи. Сначала шла твердая степь, поросшая полынью, а потомъ, съ колодца Джирыкъ пески до Симтаса, колодца съ плохой водою. Вообще, не встрѣтилось намъ ничего замѣчательнаго, кромѣ 100-лѣтняго старика, который сказывалъ, что онъ пришелъ сюда изъ-за Сыра, въ числѣ прочихъ киргизовъ рода Кирситъ, назадъ тому 50 лѣтъ.

9 июня. Отъ колодца-Джазеке, на востокъ 30 верстъ, по песку, мѣстами глубокому и поросшему высокимъ и частымъ саксауломъ. Киргизы зовутъ эту поросль Карачубаръ и жгутъ тутъ уголь для Бухары и Нурата. Кое-гдѣ видны слѣды зимовокъ; такъ, на 13 верстѣ, близъ колодца Учъ-кудукъ, есть даже землянка. Кругомъ очень много саксаула, такъ что въ крайности онъ можетъ быть доставляемъ въ обиліи на Сыръ, до котораго тутъ нѣсколько дней ходу.

Ни вчера, ни сегодня на пути не видѣли мы никакихъ признаковъ животной жизни; не видно даже ящерицъ, обыкновенно шмыгающихъ поперегъ дороги, подъ ногами лошадей. Пропалъ также и хазораспандъ—растеніе, указывающее присутствіе воды подъ почвой и близость колодца, какъ это замѣчалось на всемъ пути отъ Темиръ-кобука до Тамды, къ Букану и Минъ-булаку и обратно.

19 июня. До колодца Сарке 12 верстъ по песку и саксауловому лѣсу. Тутъ встрѣтилъ насъ бій киргизовъ, Алаша-Седень, издавна извѣстный по всѣмъ кызылъ-кумамъ за наѣздника и барантача. Здѣшніе киргизы какъ будто видѣе и щеголеватѣе видѣнныхъ нами доселѣ. Между женщинами оказалось также нѣсколько очень пріятныхъ лицъ. Вода въ Сарке хороша; кромѣ того, мы нашли тутъ въ обиліи и отваръ урюка, называемый киргизами Джангакъ-су (орѣховая вода); продали киргизы и самого урюка, сухаго и до нельзя грязнаго, и также твердаго, какъ орѣхъ. Очевидно, что нуратинскіе и гыждуванскіе садоводы сбываютъ непріятливымъ кочевникамъ самый негодный сортъ этого продукта.

11 июня. Направляясь попрежнему на востокъ, по песчаной степи, мимо колодцевъ Рыскуль и Косъ, достигли колодца Утабая, съ хорошей водой. День очень жаркій, переходъ—30 верстъ. Между Рыскуломъ и Косомъ, влѣво отъ дороги, высятся холмы Дюртъ-Кудукъ. Населенія мало; появились скорпионы. Они живутъ въ пескѣ подъ корнями саксаула.

12 июня. Шли по песчанымъ холмамъ, до колодца Тюлькебая, прямо на востокъ, безъ дороги, потому что степь эта составляетъ какъ бы пограничную полосу между кочевьями кызылъ-кумцевъ малой и средней ордъ. Степь изрыта норами всевозможныхъ землероекъ: лошади то и дѣло проваливаются, что и заставляетъ ежеминутно ждать паденія. За всю дорогу видѣли только одного хоряка. На первомъ колодцѣ, Тюлькебай, не оказалось населенія, а потому мы спустились, подъ прямымъ угломъ, на югъ къ другому Тюлькебаю, гдѣ и нашли нѣсколько кибитокъ.

13 июня. Прошлой ночью нѣсколькихъ джигитовъ ужалили скорпионы, впрочемъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ не продол-

жительной боли. Сегодня направляемся на юг къ колодцу Читакъ, до котораго 25 верстъ, степью, мѣстами довольно песчаной съ саксаульникомъ, мимо колодезь: Мулла (горькій), Чукуръ и Косъ.

Окрестности очень печальны. Горизонтъ кругомъ заставленъ песчаными буграми. Вотъ уже нѣсколько переходовъ невидно никакой птички.

Колодезь Читакъ имѣетъ хорошую воду. По равнинѣ, гдѣ онъ расположенъ, ходитъ сильный юговосточный вѣтеръ, мятетъ горячій песокъ, такъ что горизонтъ буквально закрытъ песчаной мятью, и нѣтъ возможности выйти изъ палатки. Стада барановъ и козловъ, какъ бы нища защиты сбѣжались къ колодцу. Жаръ нагрѣтаго песку на столько силенъ, что подошва не выноситъ его, если защищена обыкновенной комнатной обувью; этотъ горячій песокъ летитъ по пустынь, проникаетъ въ палатки и положительно отравляетъ существованіе. Къ тому же еще вѣтеръ грозитъ снести жилище, да и сносилъ уже не разъ, среди дня и ночи. Поэтому мы, кажется имѣемъ право сказать, что за этотъ походъ мы ознакомились съ лишениями далеко необыденными.

14 июня. Характеръ степи тотъ же. Мимо колодца Мыкты-бай (разрушеннаго) мы достигли колодца Кенбай; вода хороша; кругомъ много скота, въ томъ числѣ довольно ишаковъ — животное, которое до сихъ поръ мы почти не встрѣчали у здѣшнихъ киргизовъ.

15 июня. Идемъ 18 верстъ къ колодцу Тенбай. Жаръ невыносимый; на песокъ видны слѣды джека, особаго вида дрофы; птица эта во всемъ похожа на дрофу, только значительно меньше ея. На югѣ видны горы Каратау, а именно та часть, которая составляетъ такъ называемую туркменскую волость. Владѣлецъ колодца старикъ Тинбай, вынесъ хлѣбъ-соль, состоявшій изъ кашышковъ тѣста, обжаренныхъ въ бараньемъ салѣ (баурсакъ), молока, кишмишу, сахару и леденцу. Всѣмъ этимъ мы очень довольны. только сѣверо-восточный вѣтеръ засыпаетъ насъ горами песку.

16 июня. До колодца Кувандыка 15 верстъ, сначала на юго-западъ и потомъ на западъ. Пески и пески, саксаулы и тамарискъ. Бѣй Кувандыкъ выноситъ хлѣбъ-соль того же характера и поитъ чаемъ изъ самовара — давно невиданная нами рѣдкость. Вообще Кувандыкъ, и по одеждѣ кажется горожаниномъ,

а не степнякомъ. Вода въ колодцѣ хороша, но песокъ летитъ, вьется и беспощадно проникаетъ всюду. Всякій, заснувшій съ открытымъ лицомъ (а закрыться значитъ задохнуться), просыпается съ размазанной физиономіей: уши, носъ, волосы полны песку, неприятный потъ покрываетъ тѣло, голова тяжела. Нѣсколько отраднѣе бываетъ вечеромъ, когда спадаетъ жаръ; но и вечеромъ нельзя поручиться, что не задуетъ опять несносная песчаная мять, или не ужалитъ во снѣ скорпионъ; почти каждую ночь кто нибудь ужаленъ этимъ насѣкомымъ. Доселѣ исключительнымъ жилищемъ скорпиона я считалъ стѣны старыхъ сартовскихъ жилищъ; оказывается, что онъ живетъ и плодится въ пескѣ, подъ корнями травъ и кустарниковъ.

Сегодня киргизы чистили колодезь Кувандыкъ. Для этого одинъ молодецъ снялъ сорочку, надѣлъ армячишко, сѣлъ въ петлю на концѣ толстаго аркана и спустился въ колодезь, на глубину болѣе 15 сажень. Черезъ нѣсколько времени отправили туда и другаго молодца, по немаломъ однако съ его стороны сопротивленія. Колодезь выложенъ почти до половины саксауловымъ срубомъ и кажется на первый взглядъ пропастью. Грязь вытаскиваютъ чужанымъ ведромъ. Чистка производится или периодически, или по мѣрѣ надобности.

Колодцы пустыни, эти истинные источники жизни, всегда представляютъ самое оживленное мѣсто среди печальныхъ киргизскихъ стойбищъ. Кругомъ колодезь тѣснятся стада, женщины и дѣти; киргизы или таскаютъ воду, или сидятъ совершенно праздно. Впрочемъ, ношеніе воды — общій трудъ; случается, что мужчина принимаетъ изъ колодца бадью, а на верблюдѣ, который вытаскиваетъ ее, сидитъ молодница или старуха, а не то дѣвочка или совершенно голый и черный, какъ уголь, киргизенокъ. На одномъ колодцѣ подобный мальчуганъ, всего четырехъ лѣтъ отроду, болѣе трехъ часовъ возилъ воду изъ колодца подъ отвѣсными лучами солнца! На другомъ колодцѣ крошка-киргизенокъ (я думаю, лѣтъ трехъ) привелъ поитъ двухъ верблюдовъ, которые, въ сравненіи съ нимъ, казались еще громаднѣе, потому что голова повѣшавшаго ими существа едва доходила ихъ колѣнъ. Умныя и кроткія животныя, какъ и всегда, солидно шагали во слѣдъ за

своимъ лилипутъ-вожакомъ. Вотъ, съ какихъ вырабатываются эти желѣзные люди, которымъ нипочемъ ни зной, ни холодъ, ни пустыня съ ея непредѣльными и печальными песками! Все вниманіе киргизовъ поглощено уходомъ за скотомъ. За ягнатами и верблюжатами киргизки ухаживаютъ едва-ли не болѣе, чѣмъ за собственными дѣтьми. Бута, т. е. верблюженка — предметъ особенной заботливости каждой хозяйки, въ особенности если этотъ бута изъ породы наръ, т. е. одnogорбый. Я видѣлъ, какъ киргизка привела къ колодцу подобнаго верблюженка и громкимъ крикомъ: «нарбута! нарбута!» т. е. пропустите! «бута-ханъ!» принудила отогнать отъ корыта одного изъ верблюдовъ, чтобы дать напиться своему толстенькому и лохматому любимцу, глупо озирающемуся во все стороны. Напившись, фаворитъ началъ такъ прямо относиться ко всему окружающему, прыгать и извлекать, что потѣшилъ всю колодезную публику, и преслѣдуемый ея смѣхомъ, неуклюжимъ галопомъ убѣжалъ въ аулъ, а вслѣдъ за нимъ пустилась и его патронесса.

17-го июня. До колодца Бокбай 25 верстъ, по песчаной степи, черезъ колодець Айтбай. Кое-гдѣ видны слѣды зимнихъ стойбищъ; городьба, кости павшихъ животныхъ и ямы, въ которыхъ хранился снѣгъ, заготовленный зимою для весны.

18-го июня. До колодца Чигыра 22 версты. Пески здѣсь возвышаются цѣлыми горами, въ особенности близъ колодца Тарыкты, гдѣ они тянутся небольшимъ хребтомъ, съ юга на сѣверъ, подъ названіемъ Ульканъ-сары-бель.

19-го июня—до колодца Шайлилы, мимо многихъ колодецевъ съ прѣсной водой. Отсюда направление измѣняется изъ западнаго въ сѣверо-западное къ Тамды. На колодцѣ Шайлилы достойны вниманія нѣсколько коровъ, потому что этотъ домашній скотъ здѣшніе киргизы не разводятъ и мы доселѣ его не видѣли.

20 июня—до колодца Аманчура, по глинистой степи до колодца Бигельды и по песку до колодца Аманчура, всего 20 верстъ. На Бигельды близъ аула, приготовленъ къ отправленію въ Бухару саксауловый уголь. Выжиганіе угля—промыселъ здѣшнихъ киргизовъ, благодаря обилію и толщинѣ саксаула. Вся эта мѣстность называется Кара-чубаръ, и на половину уже выжжена угольщиками.

Уголь сбывается въ Нурата, Гыждуванъ и Бухару, отъ 8 до 10 денегъ или 1 р. 60 к. до 2 р. за верблюда.

Показалась животная жизнь; щуръ и ящерицы, которыхъ не было видно нѣсколько дней.

Колодезь Аманчура, къ величайшему нашему удивленію оказался осыненнымъ двумя побольшими талами, растущими на краю бассейна, въ который киргизы набираютъ воду изъ колодца. Деревца заботливо огорожены сухимъ саксауломъ. Такимъ образомъ, культура растений въ степи Кызылъ-кумъ дѣло не совсѣмъ не возможное, даже песчаной пустынѣ, каковой по всемъ правамъ и могутъ назваться Кызылъ-кумы.

21 июня—къ колодцу Курмантай, черезъ колодцы: Аганъ, Куянбай, Кыйсыкъ, Уракъ, Исъ, Табынъ и Алтынъ. Переходъ въ 25 вер.

22 июня, — идемъ къ Тамды песками до колодца Кынгыръ, и горами до Тамды, всего 35 вер. Въ скалахъ горъ мѣстами видна красивая охра, употребляемая мѣстными киргизами на окраску шерсти, рѣшетокъ, юртъ и т. п. и охра желтая, впрочемъ плохого качества.

Но вотъ и тамдинскія вербы, вотъ бѣлыя палатки стрѣлковъ, и мы снова почти дома, на чистой водѣ тамдинскаго ключа... Впрочемъ, относительно воды пройденныхъ нами колодецевъ, нужно замѣтить, что вообще она годна къ употребленію, и примѣровъ разстройства желудка почти не было, потому должно полагать, что мы уже привыкли къ этой водѣ, тогда какъ въ первые дни похода по колодцамъ сѣристо-водородный газъ колодезной воды давалъ себя знать и намъ, и нашимъ конямъ. Тамдинская вода очень хороша; единственный недостатокъ ея—обиліе пивокъ. Случайно проглоченныя съ водой, онѣ прицѣпляются во рту и въ горлѣ лошадей, собакъ и даже людей. Одинъ изъ джигитовъ нашихъ 9 дней носилъ въ горлѣ пивку, выдѣливъ много крови и жаловался на упадокъ силъ, пока слизнякъ не выпалъ самъ собою. Лошадь съ пивками во рту совсѣмъ не рѣдкость. Тѣмъ не менѣе, стоянка въ Тамды—рай, если бы не каждодневные песчаные смерчи, которые налетаютъ на нашъ лагерь, да еще постоянные вѣтры съ сѣверо-востока и сѣверо-запада пылятъ въ наши юрты и палатки. Но о Тамды вслѣдъ за симъ будетъ говорено подробнѣе.

Разись Тамды, въ пустынь Кызылжумъ.

Въ умѣ среднеазіятца, въ особенности осѣдлаго, постоянно преобладаетъ направленіе мистическое, а потому и проглядываетъ оно почти на каждомъ шагѣ, и въ исторіи Средней Азіи, и въ современной намъ, обыденной жизни ея обитателей; только въ далекомъ будущемъ можно ожидать перемѣны этого направленія на иное, практическое, Средняя Азія неистощимый рудникъ священныхъ легендъ о всевозможныхъ мусульманскихъ святыхъ; въ этомъ Средня Азія, зашла гораздо дальше Аравіи, родины ислама, гдѣ подобное явленіе казалось бы скорѣе могло считаться нормальнымъ. Здѣсь горы, доли, рѣки, овраги, могилы и всевозможныя урочища большею частію окружены легендами, исключительно священнаго содержанія, и съ простодушною вѣрою въ непреложность ихъ, какой нибудь старикъ, иногда ученый мулла, рассказываетъ вамъ небывальщину, путаясь въ хронологию и ни мало о томъ не заботясь, потому что ему дороги отцовскія преданія или сказанія его книгъ, и едва ли кому удастся убѣдить его въ нелѣпости его рассказовъ. Я иногда пытался мудрствовать и разочаровывать этихъ дѣтей природы, но въ концѣ концовъ все-таки соглашался съ ними, и смиренно записывалъ ихъ сказки, подобно тому, какъ и въ настоящемъ случаѣ, безпрекословно записалъ сказочныя преданія объ урочищѣ Тамды. Вотъ эти преданія, въ томъ видѣ, какъ они были переданы мнѣ киргизами:

Святые: Ходжа Богаватдинъ (могила его въ Туркестанѣ) заспорили однажды о томъ, кто изъ нихъ могущественнѣе? Споръ кончился тѣмъ, что Хазретъ-султанъ забралъ всю воду Аму-Дарьи въ свой платокъ и полетѣлъ черезъ Кызыл-кумы въ г. Туркестанъ. Одно преданіе говоритъ, что пролѣтавъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь находится урочище Тамды, оазисъ среди песчаной степи, онъ уронилъ каплю воды и она превратилась въ ключи, называемые потому и доселѣ Тамлы, а по киргизскому выговору Тамды, т. е. капельные. Другое преданіе гласитъ, что Хазретъ спустился здѣсь, для намаза

и должно употреблялъ имѣвшуюся при немъ воду Аму-Дарьи для омовенія (тарать)...

— А говорятъ что рѣка Аму все-таки и теперь больше Сыра, замѣтилъ я рассказчику.

— «Да, они потомъ помирились, потому что Богаватдинъ раскаялся и Хазретъ-султанъ отдалъ воду назадъ отвѣчалъ мнѣ киргизъ рассказчикъ.

— Значитъ, Хазретъ сильнѣе?

— «Еще бы!» въ одинъ голосъ сказали мои собесѣдники.

Должно помнить, что султанъ Хазретъ родомъ узбекъ и святой, особенно чтимый кочевниками, а Богаватдинъ — таджикъ. Извѣстенъ постоянный антогонизмъ, существующій между этими средне-азиатскими національностями? Напримѣръ, въ данномъ случаѣ каждая изъ нихъ слѣпо будетъ стоять за своего святаго, забывъ что между временемъ жизни того и другого — разнища въ нѣсколько сотъ лѣтъ.

Но, какъ бы то ни было, ключи Тамды, надо думать, въ весьма далекомъ прошломъ были уже въ распоряженіи человѣка. Опрометчиво было бы добиваться отъ киргизъ какихъ бы то ни было положительныхъ сказаній, хотя бы по книгамъ или преданіямъ о тѣхъ народахъ, которые пили воду изъ этихъ ключей: киргизы не имѣютъ литературы, а настоящіе муллы — книжники между ними большая рѣдкость. «Гдѣ же намъ знать какіе народы, по волѣ Божіей, прошли по лицу земли? Сказали старики, когда я началъ надѣлать имъ разспросами. Старики сказывали намъ, что давнымъ давно какой-то будто бы рабъ — персіянинъ. по имени Басанъ Тинъ, увезъ изъ Ургенджа ханскую дочь и поселился съ нею здѣсь. Вонъ у крѣпости есть мѣсто, обложенное камнемъ; мы считаемъ его могилой Басана, по преданію, но одинъ ученый кары (т. е. знающій наизусть коранъ) въ Нураѣ, сказалъ кое-кому изъ нашихъ, что это не могила Басана, а что тутъ зарыты сокровища, и что зарылъ эти сокровища какой-то проходившій караванъ, боясь разбойниковъ, а для того, чтобы сдѣлать это мѣсто неприкосновеннымъ, водрузилъ на немъ тугъ — знамя, какъ будто на могилѣ святаго или шанда — преподобнаго. Знамя это впоследствии кто-то снялъ, но тронуть это мѣсто мы все-таки не рѣшились: кто знаетъ, можетъ быть, тамъ и въ самомъ

дѣлѣ похороненъ святой? О Басанѣ намъ сказывалъ одинъ изъ здѣшнихъ бековъ, Касымъ-бекъ, лѣтъ 30 тому назадъ.—Потомъ старики называли намъ какого-то Нуртая; въ здѣшнихъ горахъ его именемъ зовется ключъ, въ трехъ или четырехъ ташахъ отсюда. Кто изъ нихъ построилъ крѣпость ту, кирпичъ который собираютъ теперь наши солдаты на печи—мы не знаемъ; но кирпича было очень много и часть его пошла въ стѣны теперешняго Кургана, построеннаго по волѣ эмира Насруллы, пожалуй, болѣе 40 лѣтъ тому назадъ...

— Но остался ли кирпичъ отъ какой-нибудь постройки Абдула-хана?—Вѣдь онъ любилъ строить все изъ кирпича? полюбывалъ я.

— Этого мы не слыхали.

— Но я все-таки думаю, что Абдулла-ханъ не могъ не замѣтить Тамды, по его положенію на большой дорогѣ, на р. Сырь. А за какое время помните вы Тамды бековъ изъ Бухары?

— Лѣтъ за 40, когда мы, алчинцы и другіе киргизы малой орды, пришли сюда изъ-за Сыра, подъ началомъ Даудъ-бая-батура. Онъ явился къ эмиру въ Бухару и получилъ позволеніе кочевать около Тамды; тогда же былъ присланъ въ Тамды нѣкто Бердали; онъ построилъ тотъ курганъ, который вы застали. Даудъ-бай былъ назначенъ бекомъ и жилъ въ курганѣ, но черезъ годъ онъ умеръ; тогда бекомъ былъ назначенъ старшій сынъ Дауда-Бегимъ, послѣ него строитель кургана Бердали, потомъ Шамши, за нимъ Ханазатъ, который правилъ всего одинъ мѣсяцъ и съ казенными деньгами, собранными въ подать, бѣжалъ за Сырь; послѣ него опять правилъ Шамши, потомъ Касымъ, за нимъ Сафаръ-Мирахуръ и послѣдній бекъ Абду-Каримъ-Мирахуръ уѣхалъ въ Бухару, по вѣсти русскими Самарканда.

— А правда ли, что эмиры, ссылали сюда бековъ за проступки?

— Беки назначались въ Тамды, какъ и въ другіе города, общимъ порядкомъ, даже тягались изъ-за этого мѣста, потому что хорошо здѣсь наживались. Приѣдетъ кто-нибудь изъ нашихъ вліятельныхъ лицъ въ Бухару, всѣ, желавшіе быть беками въ Тамды, просили ихъ ходатайства передъ эмиромъ. Сюда дѣйствительно ссылали эмиръ бековъ другихъ городовъ и разныхъ виновныхъ;

но они содержались безвыѣздно въ Курганѣ, подъ надзоромъ здѣшняго бека.

— А много было у него войска?

— Всего 40 нукеровъ; пушекъ не было, да и надобности въ нихъ не видѣлось: мы не помнимъ и не слышали ни объ одной ссорѣ бека съ народомъ.

— А какіе были при бекѣ чиновники?

— Былъ одинъ мирза; еще былъ одинъ, въ родѣ казы, впрочемъ онъ только собиралъ деньги ника-пулъ (брачныя), кухутекъ (за пригульный скотъ, продававшійся обыкновенно черезъ шесть мѣсяцевъ) и представлялъ ихъ беку. Присуждать къ смертной казни бекъ не имѣлъ права; онъ судилъ только маловажныя дѣла, или отправлялъ виновныхъ къ эмиру. Случалось, что бекъ и самъ ѣздилъ въ Бухару, или посылалъ туда чапара (т. е. гонца), отсюда 30 ташей до Бухары; на хорошемъ конѣ джигитъ проѣдетъ ихъ въ двое сутокъ.

— А во сколько дней джигитъ доѣдетъ отсюда до рѣки Аму, примѣрно до г. Шурахана?

— Дней въ 5 доѣдетъ.

— Какъ давно насажены въ Тамды деревья и кто развелъ клеверъ?

— Это дѣло Шамши-бека во второе правленіе его, а частию еще Даудъ-батура; они-же развели и клеверъ.

Урочище Тамды, или правильнѣе по книжному Тамлы,—холмистая мѣстность на сѣверномъ склонѣ небольшихъ степныхъ горъ Актау, и въ виду тѣхъ песковъ, которые извѣстны у киргизовъ подъ именемъ Джаманъ. Кызылъ (подразумѣается еще слово: кумъ—песокъ); тогда выйдетъ въ переводѣ: дурной, непривѣтливый, Кызылъ—кумъ (красный песокъ). Этотъ Джаманъ Кызылъ и дѣйствительно непривѣтно тянется въ виду Тамды, съ востока на западъ, гдѣ сливается съ Улу-Кызыломъ или Шуль-Кызыломъ. На томъ мѣстѣ гдѣ лежитъ урочище Тамды, пересекаются приблизительно 42 параллель и 34 меридіанъ къ востоку отъ Пулкова.

Урочище Тамды, конечно обязано своему значенію ключамъ. Ихъ два, на версту одинъ отъ другаго. Большой Тамды бьетъ изъ земли нѣсколькими струями, на склонѣ небольшой покатости,

почти у подножія того берега, на которомъ стоитъ крѣпость. Малый Тамды, ключъ скудный, сочится изъ почвы горизонтальной. Вода хороша въ обоихъ ключахъ, но въ большомъ можетъ быть названа дѣйствительно превосходною, въ особенности послѣ степныхъ колодезевъ. Малый Тамды скуденъ водою; большой, спускался по покатости, орошаетъ нѣсколько деревьевъ вербы, нѣсколько танановъ клевера и овощныхъ плантацій. Только въ знойномъ климатѣ и въ мѣстностяхъ, подобныхъ Тамды, окруженныхъ на нѣсколько сотъ верстъ пустыней, человѣкъ отводитъ, въ числѣ прочихъ даровъ Божьихъ, должное мѣсто водѣ.

Приѣхавъ на большой Тамды, я пошелъ къ самому источнику, въ сопровожденіи каракалпакскаго бѣя Баки, человѣка грамотнаго, и онъ, стоя надъ источникомъ, все время велъ разговоръ истаго сына степей о премудрости и благодати Божьей, явившейся дѣтямъ своимъ въ образѣ источника. Виѣстѣ съ почвою, около Тамды оживлена также животная и растительная жизнь. По берегамъ двухъ небольшихъ бассейновъ изъ воды ключа бѣгаютъ обыкновенные песочники (*tringua menuta*); видѣли мы пару утокъ; на вербахъ чирикаютъ воробьи; по окрестнымъ холмамъ довольно много куропатокъ; по вечерамъ вылетаетъ откуда-то нетопыръ. Вредныхъ или хотя бы беспокойныхъ насѣкомыхъ нѣтъ. Джигитъ, ѣздившій въ сосѣдній саксауловый лѣсъ, убилъ саблею какую-то ящерицу, болѣе 10 аршинъ длиною.

Крѣпость Тамды находится въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ большаго Тамды. Крѣпость расположена на холмѣ, въ формѣ почти равносторонняго прямоугольника. Западная половина крѣпости выше, и потому въ ней находились главные помѣщенія бека и горнизона; собственно аркъ или резиденція, занимаетъ середину укрѣпленія и командуетъ остальными его частями. Крѣпость очень невелика, саженъ 20 вдоль, и саженъ 20 или 25 поперекъ. При бухарцахъ она была больше, нижняя стѣна, проходившая по второй террасѣ холма, была скрыта, какъ несоотвѣтствующая назначенію, да при бухарцахъ, бывшая кажется, только скотнымъ дворомъ. Тутъ есть слѣдъ подземнаго хода къ ключу. Стѣны собственно арка до 80 саженъ вышины, остальные ниже. Стѣны эти сложены частію изъ песчаника, пополамъ съ глиною, частію изъ глины и жженого кирпича.

оставшагося отъ существовавшей тутъ древней постройки. Съ цитадели видно окрестности; на сѣверъ Джаманъ-кызыль сливается съ горизонтомъ, на западѣ травянистая степь и тѣ же пески, на югѣ и востокѣ горы и холмы Актау. Съ юго-восточнаго барбета въ полверстѣ отъ крѣпости, видно обнаженіе красной охры, по киргизски кызыль—касекъ. Киргизы красятъ ею остовы кибитокъ и мѣтять барановъ.

Тамды, конечно, не имѣетъ значеніе какъ крѣпость, въ особенности съ подобными стѣнами, но какъ пунктъ стратегическій Тамды стоитъ вниманіе, по своей близости къ границамъ Хивы и Бухары. Курганъ Тамды былъ крайнимъ пунктомъ бухарскаго вліянія на сѣверѣ, и не безъ успѣха исполнялъ свое назначеніе; подобнымъ же образомъ крѣпостца Тамды можетъ служить и намъ. Населеніе здѣшнихъ степей составилось изъ тѣхъ, которые не хотѣли подчиниться нашей власти на Сырѣ; на это населеніе вліяли въ разное время Садыкъ, Назаръ-Каракъ и другіе среднеазійскіе авантюристы. Правительство: бухарское и хивинское, а коканское и подавно, относились къ этому населенію безразлично довольствуясь какимъ-то ничтожнымъ якетомъ. Вслѣдствіе этого населеніе стало вольнолюбивымъ, почти до дикости. Не даромъ старшій тамдинскій бѣй Достъ-Мухаммедъ, дикарь умный и хитрый, говоря о своемъ народѣ, уподоблялъ его тучамъ, бродящимъ повсюду. Сравненіе очень удачное и лучшаго административнаго пункта, какъ Тамды, въ пескахъ Кызыль-кумъ нѣтъ.

Пустыня Кызыль-кумъ.

По замѣчанію одного путешественника, песчаная и каменистая или солонцеватая пустыни составляютъ поясъ стараго свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, Сахара, Барка, Аравія, степи южной Персіи, степи Средней, или Центральной Азіи, наконецъ Гоби или Шамо идутъ непрерывно одна за другою съ запада на востокъ, минуя Европу, которая, конечно, и этому обстоятельству, между прочимъ, обязана своимъ высокимъ культурнымъ развитіемъ, отличающимъ ее отъ другихъ частей, какъ стараго, такъ и новаго свѣта.

Огромныя солонцеватая, песчанистая или каменистая степи

Средней Азии, занимаютъ пространства между Иртышемъ, Аму, Каспійскимъ моремъ и Тянь-шанемъ.

На этой огромной площади, склоняющейся къ Каспійскому и Аральскому морямъ, мѣстами видимъ необозримые голые солонцы, или солонцеватые степи, покрытые разными родами колючки и солянокъ, мѣстами голыя, болѣе или менѣе поднятыя надъ уровнемъ моря каменистыя плато, или даже цѣлыя горныя системы. Кое-гдѣ по берегамъ немногихъ рѣкъ, находимъ луга, лѣса и наконецъ—пески, по большей части, сплошные и весьма глубокие, извѣстные у киргизовъ подъ общимъ названіемъ кумъ, покрываютъ здѣсь и тамъ равнины Средней Азии. Такъ, сѣверный берегъ Аральскаго моря засыпанъ песками: Большой и Малый Барсуки, рядомъ съ ними, почти къ самымъ верховьямъ Сыра, примыкаютъ столь извѣстные всѣмъ, бывавшимъ въ Средней Азии, пески Каракумъ (черные), черезъ которые идетъ дорога въ Ташкентъ; далѣе на востокъ лѣвый берегъ р. Чу покрытъ песками Акъ-кумъ (бѣлые) еще далѣе на востокъ берега озера Балхаша и рѣки Или засыпаны песками Сары-кумъ (желтые) и Батнакъ-кумъ (тонкіе); наконецъ, сѣверная часть пространства между р. Сыромъ и Аму занята огромной и непривѣтной песчаной пустыней Кызылъ-кумъ (красные пески).

Эту послѣднюю пустыню я посѣтилъ въ маѣ, и іюнѣ 1872 года, и предлагаемые ниже очерки суть результаты моихъ наблюденій.—Надобно замѣтить, что Кызылъ-кумъ наибольшая изъ песчаныхъ пустыней Средней Азии и что она доселѣ не имѣетъ болѣе или менѣе обстоятельнаго описанія.

1. Очертанія и границы.—Пески Кызылъ-кумъ представляютъ площадь неправильныхъ очертаній, ограниченную на с. р. Сыромъ и старымъ русломъ этой рѣки, подъ названіемъ Яны-Дарья *) на западѣ они подходятъ къ Аральскому взморю, къ рѣкѣ Аму (за меридіанъ къ в. отъ Пулкова **); на югѣ къ предѣламъ бухарскаго ханства пески Кызылъ-кумъ доходятъ, приблизительно, до 40 параллели, они уйдутъ со временемъ и южнѣе, потому что ежегодно ширятся въ этомъ направленіи на счетъ травянистыхъ степей

*) Впрочемъ, немного песковъ есть на с. отъ Яны-Дарьи.

**) Это и всѣ послѣдующія опредѣленія основаны на картѣ Струве, приложенной къ соч. П. И. Пашинно: Туркестанскій край, въ 1866 году.— При многихъ недостаткахъ, карта эта все-таки имѣетъ извѣстный авторитетъ.

Нуратинскаго бекства и даже хлѣбородныхъ земель Каракульскаго округа.—Объ этихъ оригинальномъ стремленіи песковъ въ своемъ мѣстѣ будетъ говорено нѣсколько подробнѣе. На востокъ границу Кызылъ-кума составляетъ неправильная линія, приблизительно, по 38 меридіану.—Особенность границы песковъ Кызылъ-кумъ заключается въ томъ, что всюду, гдѣ я ни былъ на ихъ окраинѣ, они граничатъ со степью или съ горами рѣзкою чертою, характеризующею такимъ образомъ флору и даже фауну данной мѣстности, потому что, на р., саксаулъ плохо растетъ вмѣстѣ съ полынью, т. е. на солницѣ, безъ песку, и огромный полуторааршинный ящеръ живетъ лишь въ саксаулѣ,—избѣгая открытой степи.—Только къ сторонѣ Нуратинскаго бекства и къ голодной степи (что между городами Джизакомъ и Чиназомъ), да къ сторонѣ Сыра (на сѣверѣ) пески Кызылъ-кумъ или рѣзко обрываются въ рѣку, или спускаются къ травянистымъ равнинамъ, переходятъ въ травянистую степь постепенно, но и тамъ мѣстами есть внезапные переходы къ степи такъ, что слѣдуя высокими и сыпучими песчаными холмами, вы, приблизясь къ ихъ окраинѣ, неожиданно и круто спускаетесь на твердую полынную степь или голый солончакъ.

II. Пространство, характеръ, поверхности, горы. Площадь песковъ Кызылъ-кумъ равняется почти 3000 кв. миль.—Впрочемъ, не пужно думать, что все это пространство сплошь покрыто однимъ лишь пескомъ.—Это было бы такою крайностью, на какую природа не способна.—Пески Кызылъ-кумъ все-таки пріютъ челоуѣка, а у челоуѣка не хватило бы силъ бороться съ тѣми размѣрами, которые представляютъ пески Кызылъ-кумъ, если бы они были сплошнымъ пескомъ; между тѣмъ мы находимъ въ этихъ пескахъ киргиза, который въ нихъ по своему счастливъ.

Пески Кызылъ-кумъ покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горами, правда, голыми и каменистыми, тѣмъ не менѣе умѣряющими общее печальное впечатлѣніе пустыни.—Огромныя холмистыя и травянистыя площади перемѣшаны здѣсь и тамъ съ высокими песчаными холмами; сплошные совершенно голые солонцы идутъ иногда на многія версты, и все же въ концѣ концовъ печальныя, въ особенности въ зной, песчаная пространства преобладаютъ надо всей остальной обстановкой края, что и вызвало то общее названіе, которое носятъ страна: Пески Кызылъ-кумъ.

Въ географіи уже достаточно извѣстны, такъ называемыя (хоть и неправильно) горы Нуратынъ-тау, что идутъ на в. отъ Дизаха, составляя продолженіе Кашгаръ-давана, отрога Тянь-шаня. Направленіе этихъ горъ правильно называемыхъ горами Каратау, съверо-западное до меридіана г. Перовска (приблизительно 35-й меридіанъ къ в. отъ Пулково), гдѣ горы Каратау уклоняются на западъ, и гдѣ отъ нихъ отдѣляется въ видѣ невысокихъ каменистыхъ холмовъ въ С. З. направленіи цѣлая цѣпь, возвышенностей подъ разными наименованіями: Курганъ-тюбе, Казакъ-бай, Аякъ, Арыстанъ-тау, Бель-тау. Кынгыръ-тау, Тамды-тау, Актау и Тюменбай-тау. Все это небольшія каменистыя группы, кромѣ Актау и Тюменбай-тау; но и эти два достигаютъ 3500 ф. надъ уровнемъ моря. У сѣвернаго подножія горъ Кынгыръ, Тамды, Актау и Тюменбай-тау (примѣрно на 42 параллели) начинается предварительно каменистая и соленая, впрочемъ, не широкая степь потому рѣзко встаютъ пески Джаманъ Кызылъ,—особенно замѣчательные своею непривѣтливостью, что и объясняется словомъ Джаманъ—дурной. За этой узкой полосой песковъ (верстѣ въ 30 шириною) въ томъ же с. з. направленіи лежатъ горы Буканскія.

Онѣ представляютъ треугольникъ, острый уголъ котораго смотритъ на с., и именно этотъ уголъ зовется у киргизовъ горами собственно Буканскими (Кыръ-буканъ и Уй-буканъ); остальные стороны этого треугольника, также, какъ и группы, лежащія внутри его боковъ, носятъ совершенно особыя мѣстныя названія.—Восточный бокъ его состоитъ изъ группъ: Кокбатасъ, Юзкудукъ и Архаръ; сѣверный уголъ составляютъ группы: Кыръ-буканъ, Уй-буканъ и Бакали; западный бокъ очерчиваютъ: Уразали и Тобабергенъ, постепенно понижающіяся и переходящія въ солонцеватую волнистую степь къ урочищу Минбулакъ, нашему пограничному пункту съ Хивой.—Основаніе этого треугольника, или его южный бокъ, съ Минбулака по направленію къ в., представляетъ сначала крутыя совершенно голыя солонцеватые скаты (по киргизски чинкъ), а потомъ переходить въ горы Алтынъ-тау (золотыя горы), названныя такъ, должно думать, потому, что онѣ содержатъ много роговой обманки или мѣднаго блеска.—Горы Алтынъ-тау образуютъ ю. в. уголъ треугольника, упираясь въ группу Кокбатасъ.—Внутренность этого треугольника занята груп-

пами: Кульдаръ, Ирлирь и т. п. по названіямъ колодцевъ, какъ и всѣ предыдущія группы.—Вода всюду основа жизни, а въ пустынѣ тѣмъ болѣе, и киргизъ называетъ именами колодцевъ все, что ихъ окружаетъ: горы, овраги и проч. Отъ этого-же юго-восточнаго угла, такъ называемыхъ Буканскихъ горъ начинается, впрочемъ не близко, по направленію къ в., совершенно особая гряда невысокихъ горъ, также подъ разными наименованіями по колодцамъ: Сукутты, Джитымъ—тау, Угузъ-тау, Тохта-тау,—и послѣ небольшого перерыва песчаной степью, эта гряда кончается на меридіанѣ форта Джулекъ *) холмами Дюртъ—Кудукъ.

Я назвалъ всѣ видѣнныя мною горы Кызыкъ-кума, да другихъ и нѣтъ, если не считать горами отдѣльные и весьма не высокіе курганы, разбросанные по степи всюду.

Кызылкумскія горы состоятъ изъ песчаника, известняка и асида, перемежающихся между собою, а также съ охрою, гипсомъ и горшечною глиною.—Ниже, перечисляя произведенія страны, я назову мѣста нахожденія всѣхъ этихъ матеріаловъ. Ими, правда никто не пользуется и они, за немногими исключеніями, какъ увидимъ ниже, составляютъ мертвый капиталъ, тѣмъ не менѣе горы существуютъ въ Кызымъ-кумѣ не даромъ: онѣ стражи пустыни, о нихъ разбиваются летучіе пески и за ними прячутся отъ этихъ песковъ травянистыя степи, безъ которыхъ стадамъ кочевниковъ, въ особенности весной, было-бы плохо.

Вершины горъ по большей части представляютъ собою голыя скалы, лишенныя всякой растительности, тогда какъ ущелья, въ которыхъ попадаетъ мѣстами вода, питаютъ свойственные каменистой почвѣ травы и кустарники, по большей части изъ семейства терновниковъ и солянковъ.

Представителями горной фауны является лишь Архаръ (горный баранъ). Но и о животныхъ, обитающихъ въ Кызымъ-Кумѣ, будетъ говорено ниже, а здѣсь перейдемъ къ обзору песчаныхъ и травянистыхъ степей и солонцевъ.

III. Песчаная и травянистая степи и солонцы. Всѣ пространства между названными выше горами заняты или песками, или травянистыми степями или наконецъ голыми безплодными солонцами.

*) Отъ Пулково 36 меридіанъ.

Песчаные пространства, какъ и выше сказано, преобладаютъ надъ горами и солонцами. Можно думать, что въ далекомъ прошломъ пески занимали только восточную половину покрытой ими теперь территории и что они постепенно ширились на западъ, минуя горы. Это движеніе песковъ замѣтно и до сихъ поръ, благодаря с. в. вѣтру, который и до сихъ поръ съ замѣчательнымъ постоянствомъ и силою дуетъ въ Кызыль-кумахъ, заноса песками Бухарское ханство. Почти за 3 мѣсяца нашего пребыванія въ Кызыль-кумѣ, и почти каждый день дулъ одинъ и тотъ-же вѣтеръ съ с. в., и только раза два или три за все это время онъ измѣнялъ свое направленіе, а потому во многихъ мѣстностяхъ замѣчалось слѣдующее явленіе: песокъ осаждался на подвѣтренной, т. е. ю. з. сторонѣ каждаго даже небольшого кустика и камешка, тогда какъ навѣтрянная ю. в. сторона ихъ была обнажена. Стремясь такимъ образомъ съ с. в. на ю. з. пески разбились о горы Тохта-тау на двѣ вѣтви: сѣверную (Шуль-Кызыль или Улу-Кызыль большой Кызыль), что разстилается на сѣверъ до р. Сыра, и огибаютъ Буканскія горы, и на южную вѣть, что устремилась по узкой равнинѣ между горами: Кынгиръ, Тамды, Актау, и Буканской группой. Эта вѣть зовется Джаманъ-Кызыль, дурной Кызыль, и въ самомъ дѣлѣ весьма непривѣтна. Это буквально песчаный хребетъ до 30 верстъ шириною. Обѣ эти вѣтви соединяются будто-бы близъ урочищъ Асугара и Касай, и снова сплошнымъ потокомъ стремятся къ Аму-Дарьѣ, растилась и на югъ, почти до г. Бухары. Къ сторонѣ Нуратинскаго бекства замѣтно тоже явленіе, что на сѣверѣ, т. е. что пески постепенно спускаются все южнѣе и южнѣе, прорвавшись клиньями между тѣми невысокими горами, которыя, отдѣлившись отъ Каратаускихъ горъ, идутъ на с. в. группами подъ разными названіями, какъ это и сказано выше. Подобные же песчаные клинья въ ю. з. направленія есть на с. в. склонѣ Буканской группы; но тамъ они невелики, потому что горы останавливаютъ пески, иначе, кажется почти, все Сыръ-Амударьинское междурѣчье (древній Мауранагръ) было-бы сплошной песчаной пустыней.

Тюркское слово: Кызыль-Кумъ, буквально значитъ по-русски красный песокъ. Въ самомъ дѣлѣ, песчаные холмы нѣкоторыхъ мѣстностей описываемой территоріи, окрашены въ яркій оранже-

вый цвѣтъ, чего нѣтъ въ извѣстныхъ пескахъ Каракумъ, т. е. черныхъ, лежащихъ на правомъ берегу нижняго Сыра. Этотъ оранжевый цвѣтъ песчаныхъ холмовъ окаймляется иногда сѣбно-бѣлыми солонцами, зеленью саксаула и гребенщика: тогда образуются очень оригинальные пейзажи, невольно останавливающие на себѣ вниманіе. Песчаные холмы, голые или поросшіе травами и не большіе, здѣсь и тамъ встаютъ выше и выше, а на 35 меридіанѣ (къ востоку отъ Пулкова) близъ колодца Чигыръ въ кочевьяхъ киргизовъ рода Табукты, совсѣмъ похожи на горы съ крутыми и сыпучими подъемами. Эти песчаные горы зовутся Ульканъ-соръ-бель, т. е. спина большого солонца. Дѣйствительно, по обѣ стороны этого хребта идутъ пески сравнительно мелкіе и солонцы.

Травянистые степи или сплошь покрыты полынью на почвѣ слегка песчанистой, какъ напр. степь Джусандыгыръ (на 36 мер. къ в. отъ Пулкова), похожая на оазисъ среди песковъ, или соприкасаются съ солонцами, или, наконецъ, покрываютъ взгорья Букана и др. горныхъ группъ. Въ ю. в. части Кызыль-кума травянистые степи перемѣшаны съ песчаными пространствами, которыя, подаваясь клиньями все южнѣе и южнѣе, ширятся, какъ сказано выше, на счетъ первыхъ и отнимаютъ пастбища у Нуратинскихъ и Бухарскихъ кочевниковъ. Горные логи и ущелья, и также котловины, не всегда доступны пескамъ, а потому горы и предгорья никогда не бываютъ пусты отъ кочевниковъ, если даже соприкасаются непосредственно съ солонцами, на которыхъ, конечно, нѣтъ корма для скота, но зато легче рыть колодцы, потому что подъ солонцеватой почвой вода ближе къ поверхности земли,—хотя и не всегда бываетъ удовлетворительнаго качества. Киргизы не пренебрегаютъ солонцами и лѣтуютъ, и зимуютъ на нихъ зачастую, какъ и на всякихъ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, огромный солонецъ идетъ отъ Минбулака (32 меридіанъ) вдоль всего южнаго склона Буканской группы, вдоль горъ Тохта-тау и др. на в. и кончается приблизительно на 35 меридіанѣ. Онъ богатъ колодцами и занятъ стойбищами киргизовъ, стада, которыхъ находятъ кормъ на окружающихъ горахъ: съ с. Алатынъ, Сугутты, Тохта и др. съ юга Кынгиръ, Тамды, Акъ и Тюменбау-тау.

Кызыль-кумские солонцы трех родов. 1) Сорь—это рыхлые, пухлые солонцы; 2) Какъ—солонцевато глинистые, какъ бы утрамбованные голые пространства и 3) Батпакъ—топкие, подернутые легкимъ налетомъ соли впадины, по большей части въ соседствѣ озеръ съ само-садной солью. Названный выше огромный солонецъ принадлежитъ къ 1-му разряду. Такие солонцы обыкновенно содержатъ въ себѣ воду, иногда хорошую, иногда горькую, соленую или горько-соленую; 2-я категория солонцевъ встрѣчается всюду во всей Арало-Каспійской низменности, и также достигаетъ иногда огромныхъ размѣровъ. Такой широкій—и широкій даже для маневрированія стотысячной арміи, глинистый и утрамбованный, какъ на казакъ, солонецъ Окъ-джитмасъ (т. е. пуля не долетитъ), есть на пути между колодцами Биш-булакъ и Кок-батасъ (между 33 и 34 меридіанами къ в. отъ Пулкова). Въ этомъ же родѣ раскинулся солонецъ по дорогѣ между ключами Тамды и колодцами Сугутты (между 34 и 35 меридіанами); но этотъ мягче бишбулакского и можетъ быть отнесенъ скорѣе къ 1-му разряду, т. е. къ солонцамъ рыхлымъ, хотя и тотъ, и другой одинаково напоминаютъ на существованіе тутъ когда-то, хотя можетъ быть и временно, (при нештучныхъ переворотахъ), водныхъ бассейновъ, потому что оба солонца обставлены скатами, иногда довольно высокими (чинкъ) со слѣдами соли, гальки и раковинъ. Но о водѣ Кызыль-кумовъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

IV Воды Кызыль-кума: ключи, колодцы, снѣговые бассейны и дождевые потоки. При всей непривѣтливости своей, пески Кызыль-кумъ все-таки, какъ жилище человѣка, снабжены водой на столько, что въ нихъ, хотя подѣ-часъ, и не безъ нужды, существуетъ органическая жизнь. Первое мѣсто принадлежитъ, конечно, ключамъ (булакъ) ихъ два рода: одни быють изъ земли совершенно прѣсною водой,—какъ два ключа Тамды (на пересѣченіи 42 параллели и 32 мер. къ в. отъ Пулкова) и Сулы-тюбеликъ (на 33 мер.), другіе медленно сочатся изъ глинистой или песчаной почвы, образуя открытые, какъ Кожанды, или закрытые, какъ Кокбатасъ, Минбулакъ и Анкъ, подземные бассейны. На Кокбатасѣ подобные бассейны встрѣчаются парами, т. е. одинъ бассейнъ соединяется съ другимъ корридормъ. Случается такъ, что если, по мѣрѣ на-

добности вычерпаютъ всю воду изъ этихъ бассейновъ, то за ночь она наполняетъ ихъ снова.

Колодцы Кызыль-кума исключительно въ пескѣ на различной глубинѣ, а именно отъ 1 до 20 сажень. Они похожи на внутренность бутылки изъ-подъ рейнвейна, и на четверть своей глубины, а иногда и до половины, выложены известнякомъ, песчанякомъ или саксаулкомъ. Роятъ ихъ исключительно на мѣстностяхъ, богатыхъ травой (кукушкинъ ленъ), о которой въ своемъ мѣстѣ будетъ говорено особо. Обыкновенно, болѣе или менѣе состоятельный киргизъ, пожелавъ обзавестись колодцемъ, нанимаетъ рабочихъ, рѣжетъ барана—и колодезь въ нѣсколько дней готовъ. Киргизы стоятъ за свои колодцы и нерѣдко тягачутся съ тѣми, кто не званый и не прошенный прикочуетъ въ соседство пользоваться чужою водою. Время отъ времени колодцы чистятся. Для этого спускаютъ въ колодезь на арканѣ одного или двоихъ молодцовъ, которые наполняютъ бадью грязью, а народъ наверху тащить ее наружу. Киргизы говорили, что внутри колодца настолько холодно, что необходимо надѣвать поверхъ сорочки чекмень (т. е. армякъ), что они и дѣлаютъ. Впрочемъ, по большей части они надѣваютъ чекмень изъ экономіи на голое тѣло, а сорочку оставляютъ наверху. Колодцы подвержены многимъ случайностямъ, а именно, засоренію, измѣненіямъ вкуса воды и обваламъ. И то, и другое и, третье одинаково непріятно для кочевника, для котораго въ пустынѣ колодезь составляетъ сокровище, а третье обстоятельство, т. е. обвалъ, сопряжено бываетъ иногда и съ несчастіемъ. Поэтому поводу Кызыль-кумские киргизы не даромъ очень своеобразно выражаются: «ваша земля принадлежитъ царю, а вода Богу». 26 Мая отрядъ нашъ пришелъ ночевать на колодезь Турабай (приблизительно, на пересѣченіи 33 меридіана и 42 параллели). Выдержавъ лошадей, казаки отряда повели ихъ къ колодцу, у котораго, по обыкновенію, было уже много киргизовъ, киргизокъ, ребятишекъ, нашихъ стрѣлковъ-солдатиковъ и разнаго скота. Надобно замѣтить, что колодцы въ степи—сборный пунктъ всѣхъ по дѣлу и безъ дѣла. Офицеры нашего отряда также отъ бездѣлья ходили на колодцы посмотрѣть на процедуру водопоя всевозможныхъ двугорбыхъ и одnogорбыхъ верблюдовъ и верблюжатъ (нарбута), полюбоваться граціей смуглой

и пригожей киргизки, пришедшей изъ сосѣдняго аула за водой, словомъ—провести пріятныя сумерки, потому что вслѣдъ за призывомъ горниста къ вечерней зарѣ, обыкновенно наступала въ лагерь тишина и сонъ.

Итакъ, у колодца Турабай столпилось много всякаго народа, и стоялъ самый разнообразный гамъ отъ скота и людей.... Какъ вдругъ къ этому гаму присоединился еще какой-то трескъ, затѣмъ крики удивленія, ужаса, такъ что мы, сидя въ нашихъ кибиткахъ сейчасъ же предположили что-то чрезвычайное... Оказалось, что колодецъ обвалился подъ тяжестью осаждавшей его толпы, потому что песчаные бока, его отъ небрежнаго обращенія съ водою, размокли и поползли внизъ, увлекая за собою все, что попало.... А попалъ лишь одинъ казакъ и три ведра, за которые онъ ухватился и былъ извлеченъ наружу лишь нѣсколько—помятымъ.

Снѣговья бассейны образуются весною изъ снѣговой воды, которая сливается съ травянистыхъ степей по скатамъ (чингъ) на тѣ утрамбованные солонцы, что зовутся киргизами, Какъ. Большіе водоемы подобнаго рода есть въ окрестностяхъ колодца Сугутты (на 34 меридіанѣ къ в. отъ Пулково). Киргизы пользуются этою водою для своихъ стадъ въ теченіе лишь нѣсколькихъ недѣль, ранней весной; впрочемъ, это зависитъ оттого—какая была весна ранняя или поздняя. Есть можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ подобные вмѣстилища снѣговой воды, но мы не удалось ихъ видѣть, а потому и не могу ихъ назвать. Но судя потому, какъ на маршѣ съ урочища Минбулакъ къ колодцамъ Тюсь-булакъ мы находили на солончакахъ иногда довольно большія впадины съ совершенно прѣсной и отстоявшейся водой, думаю, что временныхъ бассейновъ снѣговой воды въ Кызылъ-кумъ въ извѣстное время года бываетъ много. Четвертый и послѣдній видъ воды Кызылъ-кума суть дождевые потоки, которые свергаются съ горъ по ущельямъ и водомоинамъ, принося иногда съ собою несчастье кочевникамъ и ихъ стадамъ, какъ это привелось видѣть намъ на урочищѣ Тоба-бергенъ, 21-го мая, когда цѣлая рѣка дождевой воды устремилась съ горъ Тоба-бергенъ (эта часть Буканской группы находится между 42 и 43 параллелями), въ долину, снесла и поломала кибитки киргизовъ, убила старика, нѣсколько

штукъ разнаго скота и огромными озерами разлилась по плоскому предгорью. Черезъ 3 дня послѣ этого явленія намъ пришлось переправляться черезъ нѣсколько дождевыхъ потоковъ по дорогѣ отъ урочища Минбулакъ къ урочищу Тюсь-булакъ. Эти потоки мутной воды также образовались отъ дождей, выпавшихъ на высокіе югозападные глинистые скаты Буканской группы, и перерѣзали нашу дорогу, затруднивъ, верблюдовъ съ тяжестями и провіантомъ отряда.

Въ заключеніе этого очерка водъ Кызылъ-кума, нужно сказать нѣсколько словъ о свойствахъ этихъ водъ и о годности ихъ для употребленія. Вода ключей: Тамды, Буджанлы и Сулы-тюбелика совершенно прѣсная; тоже можно сказать и о бассейнахъ снѣговой воды, о нѣкоторыхъ колодцахъ, подземныхъ бассейнахъ и дождевыхъ потокахъ. Затѣмъ, въ очень многихъ колодцахъ и подземныхъ бассейнахъ вода насыщена сѣрнисто-водороднымъ газомъ, порождающимъ поносъ чернаго цвѣта, даже у верблюдовъ и лошадей, непривычныхъ къ этой водѣ, впрочемъ, безъ всякаго ослабленія организма; но туземцы пьютъ эту воду совсѣмъ безъ послѣдствій. Иное дѣйствіе имѣетъ вода горько-соленая, въ которой слышится глауберова соль; колодцы съ такою водою попадаютъ въ Кызылъ-кумъ довольно часто между 34 и 36 меридіанами и 41 и 42 параллелями, гдѣ раскинулся также на многіе десятки верстъ и самый огромный въ Средней Азіи солонецъ—съ самоосадочной солью Тюсь-кокъ. Но, несмотря на подобныя свойства воды, колодцы эти все такъ заняты киргизами. Скотъ пьетъ эту воду, какъ и обыкновенную, а киргизы разводятъ ею квашеное козые и овечье молоко и пьютъ исключительно эту смѣсь, что неизбѣжно и содѣйствуетъ ослабленію слабительныхъ свойствъ соли. Чай изъ подобной воды хорошъ, только самый горячій; чуть остынувъ, онъ получаетъ вкусъ невыразимо-отвратительный. Казалось бы, нѣтъ возможности жить при подобныхъ условіяхъ, но должно быть привычка, въ самомъ дѣлѣ, вторая натура, и человекъ, поставленный въ извѣстныя условія, рано или поздно подчиняется имъ, хоть и не безъ борьбы. Впрочемъ, безъ борьбы нѣтъ и жизни.

V. Произведенія страны по 3 царствамъ природы. Для большаго удобства при изложеніи и наглядности, мы рассмотримъ

произведенія отдѣльно горъ, песковъ, травянистыхъ степей и наконецъ солонцовъ.

Представителями минеральнаго царства Кызыль-Кумскихъ горъ являются:

1. Бѣлый мраморъ, плохого качества, выходящій изъ почвы на гребняхъ переваловъ.

2. Кремень дымчатый и яшмовый. Впрочемъ, во всемъ Кызыль-кумъ кремень есть только на пересѣченіи 4 параллели съ 31 меридіаномъ. Тамъ высится цѣлый холмъ изъ кремнезема. Чинмакъ-тубе, снабжающій всѣ окрестности даже до самой Бухары кремнемъ довольно хорошаго качества, исключительно для домашняго обихода, потому что бухарцы и хивинцы вооружены ружьями фитильными, а спичекъ среднеазіятцы пока еще не знаютъ: остаются кремень и огниво.

Только одинъ Коканъ, да и то въ послѣднее время, благодаря предпримчивости Д. И. Корина, началъ потреблять спички съ его ташкентской фабрики. Такимъ образомъ, кызыль-кумскій кремень весьма хорошее подспорье въ простомъ быту кочевника; но добываясь въ странѣ дѣственной, онъ не составляетъ, чѣй бы то ни было монополи: всякій проѣзжій авантюристъ воленъ забрать его сколько угодно и потомъ располагать имъ по своему усмотрѣнію. 3) Гипсъ, близъ урочищъ Тамды, Минбулакъ и др. Мы сами видѣли плиты до 2-хъ арш. длиною, изъ которыхъ были сдѣланы желоба колодцевъ, надгробные памятники, или выложена внутренность колодцевъ. Затѣмъ гипсъ имѣетъ еще одно огромное примѣненіе: пережженный онъ даетъ хорошія бѣлила для зданій, а потому и вывозится изъ Кызыль-кума въ Бухару и Нурата. 4) Асидъ весьма порядочнаго качества встрѣчается въ буванской группѣ, близъ колодцевъ Архаръ, Уразали и другихъ. Колодцы Архаръ (на 43 параллели) обставлены двумя высокими горами въ видѣ лѣстницъ изъ асида, и имѣютъ очень характерный видъ. 5) Признаки желѣза есть во многихъ мѣстахъ и замѣтны по окраскѣ почвы въ темно-коричневый цвѣтъ, а кое-гдѣ попадаются и вулканическіе шлаки, также съ признаками желѣза. Затѣмъ въ кызыль-кумскихъ горахъ встрѣчается 6) глина горшечная прекраснаго качества, охра желтая (плохихъ достоинствъ) и охра крас-

ная, употребляемая киргизами на окраску деревянныхъ стѣнокъ, кибитокъ, посуды, на мѣту барановъ, которымъ пачкаютъ этой краской спину и т. п.

Всѣ эти произведенія минеральнаго царства встрѣчаются мѣстами и въ травянистыхъ степяхъ Кызыль-Кума, но рельефомъ тамъ не выражаются, а потому онѣ и отнесены мною исключительно къ произведеніямъ горъ.

Основу горъ составляютъ всевозможные известняки и песчаники, перемѣшанные между собою иногда съ мѣдной и слюдистой обманкой (роговая блenda), каковы скаты ущелья Темиръ-кобукъ и горы Алтынъ-тау. Послѣднія въ переводѣ значатъ Золотые горы, хотя ни золота, ни серебра въ Кызыль-кумъ совсѣмъ нѣтъ.

Фауна гора также небогата: одинъ лишь горный баранъ (архаръ) скачетъ по скаламъ, и хотя много и другихъ животныхъ заходятъ въ горы, какъ напримѣръ волкъ, лиса и много птицъ залѣтаютъ туда, какъ напр. орелъ каракушъ*), шуръ, куропатки, но все же горы питаютъ мало животныхъ.

Змѣй въ Кызыль-кумскихъ горахъ нѣтъ; по крайній мѣрѣ мы ихъ тамъ не видѣли. Изъ насѣкомыхъ есть сѣрая вечерняя бабочка, черный муравей и фаланга. Остовъ этого огромнаго, желтаго и ядовитаго паука я видѣлъ въ щели одного киргизскаго памятника близъ горъ и колодцевъ Аякъ (на 41 параллели).

Травянистыя степи суть лучшіе представители всевозможной жизни Кызыль-кума. Начнемъ съ того, что почти исключительно однѣ травянистыя степи питаютъ всевозможныя травы и кустарники, составляющіе кормъ скота и нѣкоторыхъ дикихъ травоядныхъ. Конечно, и горы не всѣ голы, — и онѣ покрыты растительностью, но растительность эта все-таки настолько обща съ растительностью травянистыхъ степей и песковъ, что мы будемъ говорить о ней здѣсь вообще. Начнемъ съ деревьевъ.

Лѣсовъ, садовъ и т. п. въ Кызыль-кумъ нѣтъ. Нѣсколько десятковъ вербъ надъ ключами Тамды во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ лишь о необыкновенныхъ способностяхъ бухарцевъ и вообще осѣдлаго средне-азіатскаго населенія садить лѣса и

*) По зоологіи, каракушъ.

разводить сады. Лѣтъ 40 тому назадъ, на Тамды не было ни одного дерева и тамдинскія вербы, насажены тутъ бухарскимъ комендантомъ Шамши *) также, какъ и на ключахъ Каджанды, верстахъ въ 40 отъ Тамды, навѣрное, какой нибудь усердный человѣкъ насадилъ надъ находящеюся тутъ могилою святаго нѣсколько средне-азиатскихъ вязовъ или кайрагачей, да лѣтъ 8 тому назадъ бій Седень обсадилъ колодезь Аманчура также нѣсколькими вербами. Такимъ образомъ, деревья Кызыль-кума на перечесть; но все-же онѣ свидѣлствуютъ, что культура деревьевъ возможна въ Кызыль-кумѣ, хотя для этого необходимо не киргизское бродяжничество и разбой, а сартовское миролюбіе и склонность къ оскѣлости. Кромѣ названныхъ, я не видѣлъ въ Кызыль-кумѣ ни одного дерева. Говорили, что есть нѣсколько деревьевъ на урочищѣ Кульдоръ, въ серединѣ Буканскихъ горъ, но тамъ я не былъ.

Послѣ вербы и вяза представителемъ лѣсовъ Кызыль-кума находимъ саксаулъ. Это въ высшей степени полезное растение, изъ породы хвойныхъ, встрѣчается въ Кызыль-кумѣ всюду; но на осмотрѣнной нами территоріи, особенно богатой, является мѣстность Кара-чубаръ, почти на пересѣченіи 42 параллели и 35 меридіана (къ в. отъ Пулкова). Самъ я видѣлъ замѣчательные по размѣрамъ экземпляры этого дерева. Киргизы жгутъ его на уголь, который сбывается въ сосѣдніе бухарскіе города и кишлаки, т. е. деревни. Извѣстно, что оскѣлое среднеазиатское населеніе по большей части ограничивается углями, которые разжигаютъ подъ особыми сидѣньями посрединѣ саклей и такимъ образомъ коротають несуровую вообще въ Средней-Азіи зиму. Верблюды кызыль-кумскаго угли **) стоитъ отъ 1 руб. 60 коп. до 2 руб. Поташь изъ листьевъ молодого саксаула идетъ въ составъ киргизскаго мыла.

Отличительнымъ и преобладающимъ растеніемъ Кызыль-кума являются разные виды колючки и полынь. Изъ колючки прежде всего назовемъ янтакъ; ее очень много въ кочевьяхъ киргизовъ

*) Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ.

**) Въ Средней-Азіи очень оригинально мѣряютъ нѣкоторыя статьи торговли грузомъ, поднимаемымъ однимъ верблюдомъ, а верблюдъ поднимаетъ обыкновенно отъ 10 до 16 пудовъ.

Кунградъ, между 41 и 42 параллелями, ее ѣсть верблюдъ и на ней то именно выходятъ по утрамъ тѣ прозрачныя и сухаристыя капли сока, которыя зовутся у насъ манной, а у ташкентцевъ и у всякихъ другихъ сартовъ-янтакъ-шакаръ.

Перейдемъ отсюда къ другимъ видамъ колючихъ растеній Кызыль-кума.

1) Куянь-суякъ—(тамарискъ), кустарникъ до 1½ саж. вышиною съ голубымъ цвѣткомъ, годенъ лишь на дрова.

2) Акъ-чингилъ кустарникъ, разной величины, годенъ на дрова, но во многихъ мѣстахъ обоготовленъ киргизскими женщинами, которыя обѣшивали его доскутками своихъ одеждъ. Конечно, это остатки язычества.

3) Акъ-шиконъ—колючая травка съ цвѣтами, напоминающими иммортель. Животнымъ въ пищу не идетъ.

4) Тюя-карынъ . . } виды, колючки любимыя верблюдомъ
и бараномъ.

5) Бизильдекъ.

6) Селеу, мѣстный, весьма колючій ковыль, годный на кормъ лошадямъ.

Кромѣ обыкновенной степной полыни (*Abcentium vulgaris*), въ Кызыль-кумѣ растетъ, такъ называемая, вѣничная полынь, идущая на кормъ всему киргизскому скоту. Бугровой полыни, что понадается въ большемъ количествѣ на в. Арало-каспійской низменности (по Уралу и Эмбѣ), въ Кызыль-кумѣ нѣтъ. Затѣмъ слѣдуетъ поименовать нижеслѣдующія, преобладающія въ Кызыль-кумѣ, травы.

Куртъ-пешемъ, изъ семейства луковичныхъ, любимо бараномъ. Каурыкъ (*Scardsma faetida*), вонючее растеніе изъ семейства зонтичныхъ; полутора аршинный цилиндрической стебель его, въ 1½ вершка толщиною, идетъ на городьбу для козлятъ и ягнятъ; жирныя сѣмяна этого растенія, съ чесночнымъ запахомъ во время цвѣтенія, жуютъ отъ жажды, когда подъ рукою нѣтъ воды. Туркестанскіе солдаты въ насмѣшку зовутъ это растеніе бухарскою канустой. Въ Персіи растеніе это культивировано (*ferula assa faetida*) и даетъ честночную эссенцію на приправу въ пищѣ. Въ Кызыль-кумѣ растеніе это нейдетъ даже на дрова, потому что

придаетъ пищу непріятный чесночный запахъ, и только одинъ баранъ весною ѣстъ молодые листья фетиды,—затѣмъ ни одно животное къ нему не подходитъ.

Кагря—метлица употребляется въ пищу всѣми домашними животными. Кызылча—хвощъ ѣдятъ бараны; хвощевый поташъ употребляется киргизами какъ приправа къ нюхательному табаку. Кыръ-буунъ хвощевидное растеніе; поташъ его сбывается киргизами въ Бухару на мыло по 2 р. 40 к. за верблюда. Аджерикъ-басъ, одинъ изъ видовъ ржаника, употребляется всѣмъ домашнимъ скотомъ, такъ какъ и рангъ, изъ семейства луковичныхъ, первая весенняя травка, отъ которой очень скоро поправляется скотъ. Каикъ-отъ, трава сайгака (*Antilopa saiga*). Пока трава сайгака зелена, онъ держится въ степи безъ воды, а потомъ уходитъ къ берегамъ р. Сыра или Аму. 1-го мая мы утомили гонкой и поймали двухъ игнать-сайгаковъ на 41 параллели, а потомъ, съ наступленіемъ жаровъ, когда трава Каикъ-отъ уже присохла, мы не видѣли ни одного: они ушли въ сосѣдство воды. Хазорасбандъ (кукушкинъ ленъ)—растеніе очень замѣчательное, съ смолистымъ стеблемъ и листомъ, съ одуряющимъ запахомъ сѣмени, оно нашло очень много примѣненій въ жизни суетѣрнаго и любящаго наркотики фанатическаго среднеазіатца. Трава эта имѣетъ свою легенду. Когда-то 1000 мусульманъ сражались гдѣ-то и съ кѣмъ-то; пришла пора молитвы и они привязали коней своихъ къ кусту этой травы, отчего и произошло ея названіе. Хозаразбандъ—привязъ 1000 лошадей. Сѣмянками этой травы одуряютъ себя бухарскіе диваны (дервиши); хозяйки окуриваютъ дымомъ этихъ сѣменъ новорожденныхъ дѣтей своихъ, а также домашній скотъ, и прицѣпляютъ пучки травы, въ видѣ талисмана, надъ дверями кибитокъ. Передъ почетными гостями бросаютъ на огонь горсть сѣмянъ этой травы, а по обилію ея въ степи неизбѣжно узнается близкое присутствіе подъ почвой воды; значитъ, можно рыть колодезь. Суттуганъ въ переводѣ молодница, жирная трава, отъ которой скотъ даетъ больше молока. Обыкновенная ромашка растетъ въ ущельяхъ горъ, также какъ и ковыль нашихъ южныхъ степей попадаетъ въ незначительномъ количествѣ на травянистыхъ плоскостяхъ. Затѣмъ остается упомянуть нѣсколько видовъ мѣстныхъ травъ, и кустарниковъ, которые служатъ

въ пищу скоту, не представляють ничего оригинальнаго. Таковы: карасура, теке-сакаль, алабута, кызыль-чопъ истекъ-мія (шалфейное растеніе) и карабархынъ, кустарникъ, родственннй саксаулу, и употребляемый на топливо. Вообще-же говоря, я перечислилъ здѣсь всѣ сколько нибудь полезныя растенія Кызыль-кума, и думаю, что перечень мой когда нибудь пригодится специалисту, который скажетъ слово науки на пользу общую, оставивъ за мною во всемъ этомъ трудѣ скромную роль пионера.

Фауна Кызыль-Кума богата на столько, на сколько богата флора. Тѣмъ не менѣе мы находимъ въ этой пустынѣ представителей всевозможныхъ животныхъ организмовъ.—Обитатели горъ уже названы мною выше.—Травянистыя степи населяютъ сайгаки, волки, лиса, разные виды землероекъ, зайцы, суслики и ежи.—Всѣ царства пернатыхъ, этимъ степямъ свойственны: коршунъ, горлицы, подорожники, жаворонокъ, ястребъ-мышатникъ, куропатка, ястребъ-змѣятникъ. Изъ пресмыкающихся: черепахи наземныя, ящерицы разныхъ видовъ, изъ которыхъ замѣчательна шикмеръ, т. е. сосущая козу, ибо ящерица этого вида въ самомъ дѣлѣ, сосетъ спящихъ козъ и портитъ имъ сосцы.—Изъ насѣкомыхъ въ травянистыхъ степяхъ живутъ: жуки навозники и др. виды его, и сѣрая вечерняя бабочка со всѣми видами этого въ высшей степени разнообразнаго насѣкомаго.—Около ключей Тамды и др. встрѣчаются иногда песочники (*tringa*), разные виды камышеновъ или кустовыхъ пѣвуновъ, бакланъ, кармورانъ и даже залетаетъ иногда со степи кроншнепъ. Собственно песчаные пространства питаютъ почти тѣ же виды четвероногихъ и птицъ и, кромѣ ихъ, еще кабана, который однако уходитъ на лѣто въ камыши на р. Сыръ, а изъ пресмыкающихся находимъ въ пескахъ огромнаго ящера въ 1½ аршина длиною, чрезвычайно оригинальное существо, весьма удивившее всѣхъ, кто не зналъ о его существованіи въ животномъ царствѣ.—Впрочемъ, ящеръ этотъ совершенно безвреденъ, хотя киргизы опасаются прикасаться къ нему живому, потому что, по мнѣнію ихъ, человѣкъ становится отъ этого импотентнымъ.

Въ пескахъ же находимъ много жуковъ, оригинальнаго желтаго муравья и мѣстами множество скорпионовъ. Последніе иногда не давали покоя, въ особенности ночью, замѣняя собою та-

нимъ образомъ другого паразита, котораго въ Кызыль-Кумѣ нѣтъ.— Уколы скорпионовъ также безвредны. Относительно желтаго муравья и ящерицъ можно замѣтить, что природа весьма мудро распорядилась дать имъ верхніе покровы, сообразно обитаемыхъ ими мѣстностей, вслѣдствіе чего ихъ трудно отличить отъ земли.— Извѣстно, что это-же явленіе замѣчается всюду на многихъ породахъ гусеницъ, птицъ и др. животныхъ.— Безсильныя и безвредныя сами по себѣ, онѣ, такимъ образомъ, обманываютъ враговъ, безъ которыхъ въ природѣ нѣтъ ни одного животнаго организма.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ валокцевъ и о домашнихъ животныхъ кызыль-кумскихъ киргизовъ, чтобы закончить эту главу.

По минеральному царству солонцы даютъ соль, самосадочную, каковы напр. видѣнныя мною озера: Тузь-юнъ (между 35 и 37 меридіанами, Лайликонъ, между 34 и 35 мер., Сулы-тюбеликъ между 32 и 33 мер. и Бась-хашъ-соръ также между 34 и 35 мер.—Всѣ эти озера осаждаютъ соль весьма хорошаго качества, добываемую киргизами безъ особенныхъ усилій, съ помощью однихъ мотыгъ, и сбываемую въ сосѣднія бухарскія и хивинскія бекства, отъ 40 к. до 1 р. За батманъ въ 8 пуд.

Домашнія животныя кызыль-кумскихъ киргизовъ состоятъ изъ лошадей, верблюдовъ, которыхъ особенно много у рода Кунградъ, въ восточной части пустыни, и изъ барановъ и козъ, дающихъ шерсть и молоко, эту почти единственную пищу кызыль-кумскаго киргиза.—Коровъ въ Кызыль-Кумѣ нѣтъ: только на колодѣ Шай-лялы, въ кочевьяхъ рода Тобукты есть будто-бы нѣсколько коровъ; затѣмъ въ пройденныхъ мною мѣстахъ о нихъ нѣтъ и рѣчи.—Съ нашимъ отрядомъ зашли въ Кызыль-кумъ нѣсколько коровъ, какъ мясная цорція, но и онѣ видимо ослабли отъ недостатка корма.—Изъ другихъ домашнихъ животныхъ есть въ Кызыль-кумѣ ослы, въ кочевьяхъ киргизовъ Средней орды, затѣмъ собаки, пастушья и борзья (тазы) туркменской породы, весьма красивыя и дорого цѣнимыя животныя; есть обыкновенная домашняя кошка, а изъ домашнихъ птицъ—лѣтучъ замѣняющій киргизамъ будильникъ.

VI. Климатъ Кызыль-кума. Необыкновенный жаръ отъ неску и

голыхъ горъ, песчаные бураны лѣтомъ, и сильные холода и снѣжные бураны пополамъ съ пескомъ зимою, составляютъ отличительный признакъ климата Кызыль-кума. Перваго обстоятельства я былъ очевидцемъ, а второе утверждаютъ единогласныя показанія мѣстныхъ киргизовъ. Вообще вѣтра, будь они съ пескомъ или снѣгомъ, неизбежно, должны дуть въ Кызыль-кумѣ очень сильно, потому что сила ихъ значительно возвышается горными щелями или междугорьями, черезъ которыя они проходятъ. Трудно забыть тѣ жгучіе, песчаные ураганы, что сопровождали насъ по Кызыль-куму. Жгучій вѣтеръ, вадыйяя песокъ и нагрѣвая его дуетъ по неизвѣстной причинѣ исключительно съ с. в. походя такимъ образомъ на какой-то мѣстный пассатъ. Къ этому должно присовокупить, что онъ одинаково опасенъ на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ самому Сахару: онъ кружитъ въ пустынѣ стада, губитъ одинокихъ путниковъ, а въ мѣстности Халъ-ата (на пересѣченіи 41 параллели и 32 меридіана) огромные песчаные смерчи грозятъ иногда цѣлымъ ауламъ и караванамъ конечною гибелью. Начинается это явленіе простымъ вѣтеркомъ, который постепенно переходитъ въ ураганъ; песокъ летитъ и рѣжетъ лицо; небо меркнетъ и принимаетъ зловѣщій видъ, какъ зарево далекаго пожара; вѣтеръ горячъ, какъ будто дуетъ изъ печи; на 10 сажень не видно вокругъ ничего, кромѣ летящаго песка, стада барановъ и верблюдовъ съ ревомъ инстинктивно бѣгутъ къ своему колодцу и ложатся около него; люди закрываютъ свои юрты. Начавшись въ половинѣ дня, ураганъ свирѣпствуетъ до заката и иногда дуетъ и всю ночь; тогда бываютъ и несчастные случаи: ураганъ, какъ бы сговорившись съ голодными стадами волковъ, переполашиваетъ стада, отбиваетъ ихъ отъ ауловъ, затоняетъ въ песчаныхъ горы, въ которыхъ нетрудно задохнуться... Поэтому трудно представить себѣ, что либо печальнѣе подобной ночи, отнимающей иногда у кочевника очень много добраго... Конечно, снѣжные бураны въ соединеніи съ холодомъ, являются бичемъ такимъ же страшнымъ, хотя совершенно въ другомъ родѣ. Такимъ образомъ вопреки поговоркѣ, что крайности не сходятся, въ Кызыль-кумѣ мы видимъ человека—киргиза поставленнымъ почти круглый годъ между холодомъ и зноемъ. Холода Кызыль-кума я не знаю, что же касается жара, то онъ по наблюденіямъ, производившимся при на-

шемъ отрядъ—простирается далеко за 30 гр. Р. въ тѣни, а жаръ песка превышаетъ болѣе 50 гр. Р. Тонкая подошва обыкновенной комнатной обуви уже не выноситъ подобной температуры. Мы говорили доселѣ о зимѣ и лѣтѣ. Объ осени и веснѣ слѣдуетъ замѣтить вообще, что онѣ при умѣренно-теплой погодѣ сопровождаются ливнями, одинаково вредными въ мѣстностяхъ гористыхъ, потому что дождевые потоки, какъ замѣчено мною выше стремясь съ горъ, застигаютъ кочевниковъ врасплохъ, ломаютъ юрты, убиваютъ людей и пр. Тогда же перѣдки въ Кызылъ-кумъ и темныя бурныя ночи, въ родѣ той, которую провелъ отрядъ нашъ съ 22 на 23 мая на урочищѣ Минбулакъ. Кроме того, мы ждали впрочемъ, по словамъ лазутчиковъ, нападенія хивинцевъ изъ ближайшаго мѣстечка Шурахана, на р. Аму.

Съ закатомъ солнца небо заволочили тучи, задулъ вѣтеръ, пошелъ дождь. Нашу палатку втеченіи ночи срывало два раза: кругомъ царилъ неизобразимая темь; посты были придвинуты къ самому лагерю, рундъ ходилъ непрерывно. Признаться, я, не раздѣляя ожиданія нападенія азіатцевъ... На утро съ нами случилось, нѣчто хуже хивинской атаки: гроза отбила у насъ барановъ—наше единственное довольствіе, потому что окрестные киргизы, залышавъ насъ, ушли въ хивинскіе предѣлы или въ недостижимые пески и намъ не у кого было что либо купить. Но барановъ нашли въ сосѣднемъ саксаулѣ и мы продолжали нашъ путь. Хотя на людяхъ отряда были лишь рубахи и плащи, хотя много холодныхъ ночей послѣ большихъ переходовъ по зною перенесли люди нашего отряда, довольствуясь зачастую дурной водой,—но больныхъ за все время похода было только двое, и то легкой простудой. Значитъ, климатъ Кызылъ-кума, несмотря на его крайности, все-таки хорошъ. Въ самомъ дѣлѣ, и населеніе бодро и здорово на видъ такъ что совсѣмъ невиднo, чтобы оно терпѣло лишенія отъ климата обитаемой имъ мѣстности.

VII. Историческій очеркъ Кызылъ-Кума. Далекое прошлое Кызылъ-Кума должно быть весьма таинственно, если и сосѣднія, болѣе культурованныя страны, какъ Хива, Бухара и Коканъ затеряли свою древнюю исторію по невѣжеству ихъ первобытныхъ обитателей или по фанатической исламитской замкнутости, которая присуща имъ и доселѣ. Но теперь мы стережемъ развитие исторической и

всякой другой жизни этихъ ханствъ, а хотя бы лѣтъ 10 тому назадъ, какія же были у насъ представленія о прошломъ, настоящемъ и будущемъ, такъ называемой, Средней Азіи?... Мы оставимъ этотъ вопросъ до времени, и перейдемъ непосредственно къ прошлому Кызылъ-кума, и сдѣлаемъ небольшой очеркъ этой мѣстности въ этомъ отношеніи.

Въ глубокой древности, а именно еще до походовъ Александра Великаго (361—323 до Р. Х.) все междурѣчье отъ р. Яксарта (Сыръ-Дарья) до р. Окса (Аму-Дарья) было обиталищемъ скифовъ. Такъ говорятъ объ этомъ древніе историки: Страбонъ, Плиніи и др., хотя впрочемъ страна эта была въ ту пору недостижима ни для кого, потому что въ этомъ не видѣлось ни научной, ни экономической надобности.— Но принявъ въ соображеніе, что на с. отъ Яксарта обитали скифы, названные историки по аналогіи населили ими и описываемую нами мѣстность. Вообще, древніе относились ко всѣмъ подобнымъ мѣстностямъ,—какъ къ обиталищу духа зла (Аримана), какъ говорятъ они это и про теперешнюю киргизскую степь.— Выходило, что по весьма простой причинѣ: страны были недоступны, обитатели ихъ дики въ самихъ историкахъ и въ тѣхъ, для кого они писали, было много наклонности къ таинственному, а потому и слагались представленія совсѣмъ не наши; тѣмъ не менѣе они дошли до насъ.— Позже, въ періодъ распространенія на сѣверъ арійской народности, нѣкоторые мѣстности Аму и Сыръ-Дарьинскаго междурѣчья, получили названія какъ напр. Харезмъ (Хива), Садіана (Бухарское ханство) и Фергана (ханство Коканское).— Но все-таки это южныя части края и сѣверъ его, т. е. нынѣшніе пески Кызылъ-кумъ оставались обиталищемъ единственнаго бродячаго народа Арало-Каспійской низменности—скизовъ, подъ разными наименованіями. Наступилъ для Средней Азіи греческій періодъ (IV вѣка до Р. Х.). Согдіана (т. е. Бухарское ханство) какъ-разъ ближайшее къ Кызылъ-Куму въ ту пору было уже значительно цивилизовано, существовали уже Маракандъ или Миранда, т. е. Самаркандъ и многіе другіе города, покоренные, какъ извѣстно, Великимъ Александромъ.— Но вполнѣ побѣдоносное шествіе этого полководца на столько же безслѣдно прошло для Средней Азіи со смертію знаменитаго македонянина. Наступаетъ рабскій періодъ. Исламъ распространяется въ Согдіанѣ

и укрѣпляется въ ней. Область между Аму и Сыромъ получаетъ, отъ арабовъ, названіе Мауранагра. Арабы того времени были очень умны и предприимчивы; они пропагандировали религію своего пророка огнемъ и мечемъ, казнями и полигаміей. — Можетъ быть, ктонибудь изъ нихъ и заглядываетъ въ сѣверную часть Мауранагра, т. е. нынѣшній Кызылъ-Кумъ, но мы не имѣемъ объ этомъ извѣстій. — Но вотъ идетъ изъ за Тянь-шаня Чингизъ ханъ (начало XIII вѣка) все приходитъ въ движеніе. Орды дикаго завоевателя, переваливъ Небесныя горы, стремятся на Маурангръ и разбиваются на два страшные потока: одинъ идетъ на сѣверо-западъ внизъ по Яксарту, другой — на юго-западъ въ долину Зеравшана, стремится по ней и разливается до Окса. Кызылъ-кумъ является такимъ образомъ какъ бы бесплодною скалою среди моря, на которой никому и нечего дѣлать. Но, можетъ быть, и въ этотъ разъ ктонибудь забрелъ туда, однако исторія объ этомъ всетаки молчитъ. Впрочемъ, вспомнимъ природу Кызылъ-кума, можно догадаться, что тамъ нечего было дѣлать завоевателямъ, особенно того времени, жаждавшимъ войны ради сокровищъ. Очень вѣроятно, что въ Кызылъ-кумѣ и пріютились авантюристы, но весьма вѣроятноже, что туда авантюристы эти бѣжали послѣ, изъ сосѣднихъ общинъ завоевателей, уже болѣе или менѣе сложившихся.

Это подтверждается двумя легендами, слышанными мною на мѣстѣ, правда, очень схожими, тѣмъ не менѣе подтверждающими послѣднее предположеніе. — По легендамъ этимъ, герои Кызылъ-Кума являются похитителями принцессъ. Во всякомъ случаѣ, герои эти прежде всего, конечно, были похитителями женщинъ, еслибъ онѣ даже и не были принцессами. Такъ нѣкто Басанъ-тинъ-Алебъ увезъ дочь будто-бы хивинскаго хана и поселился въ Кызылъ-кумѣ на урочище Тамды, гдѣ основалъ курганъ, т. е. крѣпость, и грабилъ караваны, шедшіе изъ за Яксарта на Оксъ. — Могила этого рыцаря пустыни и до сихъ поръ показывается около того холма, на которомъ онъ, можетъ быть, первый завелъ осѣдлость. — Послѣ тутъ же былъ изъ женого кирпича курганъ постройки бухарскаго хана Абдуллы слишкомъ 200 лѣтъ назадъ, потомъ 40 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ построилъ тутъ курганъ Насыръ — Аллахъ (отецъ настоящаго эмира) и наконецъ въ послѣднее время на стѣнахъ этого кургана вѣялъ рускій флагъ, а

рядомъ, на ключахъ Тамды стоялъ нашъ отрядъ. Въ средней Азіи рѣдкое урочище не имѣетъ преданій. Могила Басана неприкосновенна, какъ могила святая, хотя кое-кто и порывался разрыть ее, благодаря слухамъ о зарытыхъ въ ней будто-бы сокровищахъ. — Впрочемъ, вариантъ этой легенды говоритъ, что онъ совсѣмъ не могила богатыря, а на самомъ дѣлѣ складъ сокровищъ, когда какой-то караванъ; испугавшихъ разбойниковъ, зарылъ тутъ свой грузъ, и для того чтобы замаскировать дѣло, водрузилъ надъ нимъ тугъ-т. е. знамя, какъ это всегда бываетъ надъ могилами мусульманскихъ святыхъ, а въ средней Азіи подобные предметы неприкосновенны — мнѣ кажется болѣе чѣмъ гдѣ либо. Тамъ не разроютъ могилы богача и не снимутъ позолоченнаго яблока (маковицы) съ коня надъ могилой какогонибудь мѣстнаго героя. Другая легенда похожа на эту слово въ слово, только мѣстомъ притона похитителя хивинской принцессы было урочище Куль-даръ въ Буканскихъ горахъ, гдѣ также сохранился курганъ на неприступной горѣ и даже съ колодцемъ. Далѣе въ узбеко-тюркской, или, такъ называемый монгольскій періодъ, а именно при Тимурѣ, т. е. болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, къ с. в. части Кызылъ-кума (на 43 и 44 параллеляхъ) проходили рукава Сыра и на нихъ были осѣдлости напр. Ичкели-Зори и другія. Преданія объ этомъ живутъ въ горахъ Каратау (южнѣе 41 параллели) гдѣ обитатели горныхъ кишлаковъ зовутъ себя переселенцами изъ Ичкели-Зори, откуда выгналъ ихъ на югъ какой-то драконъ. Я дѣлаю насчетъ этого переселенія такое предположеніе: не песокъ ли, которымъ постепенно заметала р. Сыръ-Дарья свои рукава и берега, — заставилъ народъ перейти на югъ въ горныя щели? Что Кызылъ-кумъ вообще произведеніе Сыра — это не подлежитъ сомнѣнію: рѣка наносила песокъ, онъ распространился на западъ силою вѣтра и хотя это было работой нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, это всетаки въ извѣстной степени вѣроятно. Очевидно то, что въ узбекскій періодъ Маурангръ былъ поприщемъ цѣлыхъ тюркскихъ племенъ; такъ, на урочищѣ Аякъ есть развалины укрѣпленія, построеннаго нѣкимъ Ирназаръ-бекомъ, предводителемъ Буркутовъ (одно изъ колѣнъ узбекскаго народа), когда онъ враждовалъ съ нуратинскими беками. Потомъ при ханѣ бухарскомъ Абдулѣ та-

шкенцы и другіе обитатели праваго берега Сыра дѣлали набѣги на жителей каратаускихъ горъ, причемъ неизбѣжно переходили поперекъ съ с. на ю. восточную часть Мауранагра. На этотъ предметъ Абдула-ханъ выстроилъ вдоль горъ нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ, изъ которыхъ сохранились: Ата-Навай и Чимъ-курганъ. Вторженіе на Мауранагръ, или просто сношенія съ ними ташкенцевъ подтверждается еще и тѣмъ, что въ глубинѣ Кызыль-кума, а именно около самыхъ буканскихъ горъ, найдена древняя мѣдная монета съ надписью: тагя—Джунусъ (шапка Юнуса), который былъ одинъ изъ первыхъ правителей Ташкента въ эпоху подчиненія этого города узбекской народности. Все это говорилъ мнѣ нѣкто Сауль-бай, старый киргизъ кочующій на урочище Юзъ-кудукъ. Онъ-же рассказывалъ, что 40 лѣтъ тому назадъ, Буканскія горы и вся мѣстность на югъ отъ нихъ были пусты; что киргизамъ малой орды стало плохо на низовьяхъ Сыра отъ хивинскихъ и коканскихъ нашествій, и что они перешли на лѣвый берегъ Сыра, сѣли на Буканъ и на, всѣхъ тѣхъ урочищахъ, которыя занимаютъ и по сіе время. Въ слѣдующей главѣ я перечислю этихъ киргизовъ по родамъ. Придя на новыя мѣста, они отправили депутацію къ эмиру Насырь-Аллаху, прося принять ихъ въ подданство и эмиръ соизволилъ на ихъ поселеніе въ пустынь. Такъ, предводитель рода Алчинъ, Даутъ-батуръ основался на ключахъ Тамды, гдѣ эмиръ построилъ для него укрѣпленіе; бухарскому государю и лестно, и въ известной степени выгодно было принять новыхъ подданныхъ, они увеличивали его казну податями. Такъ, они платили зякетъ съ барановъ и дюгъ-пулы (подушную подать) отъ 40 коп. до 2 р. съ юрты. Что-же касается зякета съ барановъ, то онъ выражался въ слѣдующихъ формахъ.

Съ каждаго имѣвшаго до 100 барановъ брали 16 тенегъ, или 3 р. 20 к., что и составляло 1 зякетъ; съ 100 съ 102 и т. д. до 200 6 р. 40 к. (или 2 зякета); съ 200 до 300—9 р. 60 к. 3 зякета); съ 300 до 400—12 р. 80 к. (4 зякета) и т. д. въ постепенной прогрессіи.

Съ козъ 100—1 р. 60 к. и такъ даѣе, въ томъ-же порядкѣ, какъ и съ барановъ.

Съ верблюдовъ съ 5 до 10 штукъ 1 зякетъ—3 р. 20 к.,

съ 10 штукъ 2 зякета; съ 11,—14 2 зякета; съ 15—3 зякета; съ 16—19 3 зякета; съ 20—4 зякета.

Суди по количеству скота въ Кызыль-кумѣ, можно думать, что сборъ съ него былъ очень значителенъ. Кромѣ этого, эмиру дорого было то предпочтеніе, которое оказали ему киргизы передъ ханомъ хивинскимъ, принявъ его подданство.

Съ этимъ переселеніемъ въ Кызыль-кумъ киргизовъ, начинается совсѣмъ новая исторія существованія этого края. Киргизы, которыхъ надобно замѣтить, вслѣдъ за алчинами очень много перешло и изъ Средней орды, начинаютъ жить на новой территоріи все тою же жизнью, какая отличается всѣ кочевья и воинственные племена: возникаютъ междоусобія, грабежи (барымта); коканцы и хивинцы дѣлаютъ набѣды на Кызыль-кумъ; киргизы грабятъ, ближайшія къ нимъ прибрежья Аму и бухарскіе караваны, или нападаютъ другъ на друга, какъ напр., ссорились недавно два бія Достъ и Седенъ, какъ ханъ хивинскій вмѣшался въ ихъ распрю и какъ она кончилась чуть не побоемъ, еслибы не отрядъ рекогносцируя въ концѣ 1871 года Кызыль-кумъ, не остановилъ ихъ отъ кровопролитія. Каждый разъ издавна имѣлъ и имѣетъ доселѣ своихъ наслѣдственныхъ представителей; кромѣ того киргизами Кызыль-кума за послѣдніе годы вертели, султанъ малой орды Сыдыкъ, сынъ известнаго мятежника Кенисары Касимова, и нѣкто Назаръ - Каракъ, родомъ бухарскій узбекъ, когда мы покоряли Самаркандъ. Наконецъ Атамкутъ, молодой и храбрый киргизъ Большой орды, чапраштинскаго рода, сначала милиціонеръ, въ отрядѣ генерала Черняева, а потомъ поручикъ русской службы, управлялъ Кызыль-Кумскими киргизами и дезертировалъ.

Перейдемъ къ послѣдней главѣ нашего описанія,—къ этнографіи Кызыль-Кума.

VIII. Этнографическій очеркъ.

Всѣ три киргизскія орды, т. е. Большая, Средняя и Малая, имѣютъ своихъ представителей въ средѣ кызыль-кумскихъ киргизовъ. Расположеніе киргизовъ въ Кызыль-кумѣ совершенно соответствуетъ общей картѣ, т. е. расположенію самыхъ ордъ; а именно: киргизы Малой орды занимаютъ западную часть Кызыль-

кума, Средней, среднюю, Большой-восточную. Приблизительно 34 и 36 меридианы могут составить границы кочевій тѣхъ, другихъ и третьихъ.

Въ предыдущей главѣ сказано было, что первыми пришли, 40 лѣтъ тому назадъ Алчины; но, кажется и другіе киргизскіе роды Малой, Средней и Большой ордъ, одинаково вызванные обстоятельствами, въ тоже время покинули свои старыя кочевья и пошли на лѣвый берегъ Сыра искать приволья или безнаказанности преступленій совершаемыхъ въ мѣстахъ прежняго жительства. Конечно въ послѣднемъ случаѣ руководителями массъ были известные представители ихъ; султаны, бии и т. п. Пройдя 43 и 44 параллели киргизы осѣли на Буканѣ и другихъ горныхъ группахъ, потому что нашли тутъ воду и пастбища. Вотъ списокъ, киргизскимъ родамъ съ ихъ отдѣленіями и съ показаніемъ занятой ими мѣстности.

Малой орды:

1) Родъ Алчинъ. Отдѣленія этого рода Балхы, Каратамыръ, Кельдибай, Астинъ, Тюлюнгутъ, Арыстанъ-тау, Тамды-тау, Акъ-тау на Буканѣ и на югъ доходятъ до самой Бухары.

2) Роды: Керситъ, Джинасъ, Алтынъ, Аламъ и Таздоръ, по южному склону горъ Шохта-тау. Извѣстные также подъ однимъ общимъ названіемъ: Байбала или Джитыру.

3) Тама, Табыкъ, Джагалбайлы, Кердеры южнѣе предыдущихъ.

Средней орды:

1) Тобукты, Канглы, Аргынъ, Джалаиръ и нѣкоторые другіе восточнѣе предыдущихъ, прикасаются на югъ къ кочевьямъ каракалпаковъ.

Большой орды:

1) Кунградъ на с. до р. Сыра, на ю. до Каратаускихъ горъ.

Можетъ быть я опустилъ какой нибудь родъ, но это во всякомъ случаѣ зависѣло не отъ меня: мы могли его не назвать. Кромѣ этого, между множествомъ кибитокъ одного какого нибудь рода встрѣчается иногда одна или двѣ кибитки, другаго, такъ что совсѣмъ точный списокъ киргизскимъ родамъ составить было трудно, да и надобности въ немъ особенной нѣтъ, потому что главные роды выше названы всѣ.

Не менѣе трудно опредѣлить и численность Кызылъ-кумскихъ киргизовъ, потому, что народъ этотъ привыкъ къ независимости и случалось такъ, что при одномъ лишь слухѣ о нашемъ движеніи укрывался въ пещи или въ горы, не желая объявляться. Впрочемъ когда киргизы сядутся аулами на зимнія стойбища, тогда можно опредѣлить точную цифру населенія, хотя прочно установиться цифра эта не можетъ: Киргизы то и дѣло переходятъ снова на правый берегъ Сыра или за Аму и обратно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ въ 1867 г. спрятались въ Кызылъ-кумѣ, избѣгая новыхъ порядковъ, которые вводились тогда во всемъ Туркестанскомъ краѣ вновь составленнымъ положеніемъ, а теперь снова мало по малу возвращаются на прежнія кочевья за Сыръ; на мѣсто ихъ идутъ въ Кызылъ-Кумъ новые и т. д. Однако приблизительно киргизовъ въ Кызылъ-Кумѣ должно быть до 3000 кибитокъ, что составитъ населеніе въ 15,000 душъ обоюбого пола. Конечно преобладающимъ занятіемъ этого населенія мы находимъ скотоводство, въ которомъ преобладающимъ элементомъ являются бараны, козы и верблюды, какъ это мы и видѣли выше. Земедѣліе въ незначительныхъ размѣрахъ существуетъ на ключахъ Тамды, гдѣ алчины сѣютъ клеверъ и дыни; на урочищѣ Каракъ-ата*), въ 40 верстахъ отъ колодца Арыстанъ (между 34 и 35 меридианами) и на Кулдарѣ въ Буканскихъ горахъ, также будто-бы воздѣлываютъ землю, но я въ этихъ мѣстахъ не былъ; затѣмъ киргизы занимаются торговлей между собою и съ сосѣдними бухарскими и хивинскими осѣдлостями. Они везутъ туда шерсть пережженный гипсъ, охру, саксауловый уголь, арканы и т. п. и въ замѣнъ вывозятъ для себя джугару (видъ кукурузы) продуктъ весьма любимый киргизами, и предметы роскоши: дешевыя бумажныя ткани, платки и т. п. исключительно русскаго издѣлія. Торговля внутренняя выражается въ обмѣнѣ или продажѣ всевозможнаго скота, войлоковъ и т. п. Впрочемъ сборныхъ базарныхъ пунктовъ нѣтъ. Киргизамъ доступны въ извѣстной степени всѣ ремесла. Они шьютъ для себя непрехотливую обувь, выдѣлываютъ кожи, куютъ желѣзо, дѣлаютъ сѣдла и стѣнки для своихъ юртъ и т. д.

*) Въ Бухарскихъ предѣлахъ.

Люди богатые, которыхъ довольно между кызыль-кумскими киргизами обставляютъ себя на городской ладь: носить чалмы и бухарскіе халаты, ѣдятъ и пьютъ изъ городской глиняной или мѣдной посуды, ѣздятъ на сартовскихъ сѣдлахъ и вообще во всемъ выдѣляются изъ толпы, благодаря тому, что случай доставилъ имъ возможность походить на горожанъ,—идеалъ кочевника въ дѣлѣ цивилизаци и комфорта. Таковы въ этомъ отношеніи, извѣстные мнѣ киргизы: старикъ Аман-дыкъ издавна караванъ-башъ, т. е. проводникъ каравановъ между Оренбургомъ и Бухарою и бій рода Тобукты Кувандыкъ. У послѣдняго есть даже русскій самоваръ. Конечно и старшины киргизовъ, люди болѣе или менѣе богатые. Таковы: бій Алчиновъ, Достъ Мухамедъ, бій-Алаша-Сабуръ, Седень и др.

Въ прежнее время богатые люди держали даже рабовъ изъ персіянъ и авгановъ,—что весьма замѣчательно, ибо авганы одного толка съ киргизами—суиниты, а законъ ислама не велитъ держать рабомъ единовѣрца, но киргизамъ продавали подобныхъ рабовъ перекупщики отъ туркменъ, и, понавъ въ пустыню, рабы поневолѣ мирились съ своимъ положеніемъ, а если и не мирились, — бѣжали или ссорились съ хозяевами, то очень часто рисковали жизнью. Хозяинъ являлся деспотомъ. Я помню рассказъ старика раба Хосана, какъ онъ бѣжалъ отъ своего господина, какъ былъ пойманъ, возвращенъ, вынесъ страшные муки и какъ однажды сердитый хозяинъ, за какое-то пустое обстоятельство, въ порывѣ бѣшенства выхватилъ изъ за пояса ножъ и отрубилъ ему ухо... Вопросъ объ этихъ несчастныхъ, конечно, поднять. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, проживъ многіе годы, обжились съ своими хозяевами. Таковы именно нѣсколько семей персіянъ,—рабовъ богатого Кунграда Нурадуинъ-бана, близъ ущелья Темиръ-кубукъ, въ горахъ Каратау, на южной окраинѣ Кызыль-кума.

Наружность, домашній бытъ, одежда, религія, нравы, обычаи и языкъ Кызыль-кумскихъ киргизовъ совершенно сходны съ общими киргизскими, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ особенностей одежды, какъ напримѣръ, киргизы ближайшіе къ хивинской границѣ, носятъ высокія туркменскія шапки, а сосѣди сартовскихъ городовъ надѣваютъ чалмы; но это объясняется чисто склонностью къ под-

ражанію: а потому и говорить о киргизахъ Кызыль-кума болѣе нечего, хотя въ остальномъ мы, кажется исчерпали весь запасъ свѣдѣній объ этомъ народѣ и обитаемой ими мѣстности, а потому и закончиваемъ статью.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Нѣсколько маршрутовъ Кызыль-Кума.

1) Отъ города Джизака до Тамды.

	Версты.
Деревни: Нурекъ, узбекская деревушка.	40
» Учма, тоже	20
» Фаришъ	25
» Сиятабъ.	30
» Темиркабукъ.	20
Колодцы: Балта-саддыръ, колодець начало Кызыль-кума	25
» Косъ-байти, колодець	25
» Байманъ-тапты.	20
» Масте	25
» Аякъ.	18
» Арыстанды	18
» Мурунь	35
» Акъ	15
» Тамды ключи	20
Итого.	356

11) Отъ Тамды по окраинамъ Буканскихъ горъ (по колодцамъ).

Бишбулакъ.	25
Кокбатасъ.	30
Юзъ-кудукъ	35
Архаръ.	30
Уйбуканъ	6
Кыръ-буканъ	6
Баккали.	8
Уразали	10
Тобабергенъ.	20
Минбулакъ	35
Итого.	205

III. Отъ Минбулака до Шарапхана (на Аму-Дарью до Шарапхана (на Аму-Дарью, дорога по пескамъ на колодцы).

	Версты.
Бисекты	30
Бузаубай	20
Мусребъ	10
Соръ-булакъ	25
Шурханъ на р. Аму	25
Итого	110

18) Отъ Минбулака до Тамды.

Колодцы: Тюсь-булакъ	60
» Сулытюбелигъ ключъ	10
» Турабай	30
» Тюменбай	40
» Бисапанъ	25
» Тамды	35
Итого	200

V. Отъ Тамды до Бухары.

Колодцы: Мурунъ	21
Камысты	48
Киндерли	8
Агытма	56
Колодцы: Сурча	24
Ходжа Гумбазъ	24
Айналма	4
Ляклякъ	12
Гыждуванъ, посадъ	12
Г. Бухара	30
Итого	235

VI. Отъ Тамды до переправы Учъ-Каюкъ.

(На Сыръ).

Колодцы: Сугутты	25
Угузъ	12
Самтазъ	10
Дезеке	20
Серке	10

	Версты.
Утаубай	10
Дмамбай	40
Тасты	30
Дюсебай	50
Аши	40
Дюртъ кудукъ	40
Учъ-каюкъ (на лѣвомъ берегу Сыра)	20
Г. Туркестанъ (на правомъ берегу Сыра)	35
Итого	342

Примѣчаніе. Маршруты эти, обнимающіе собою почти 1,500 верстъ по пустынѣ, основаны на разспросахъ киргизовъ, на съемкѣ топографа г. Ерофѣева и на моихъ личныхъ наблюденіяхъ за маршемъ нашего отряда. Вообще говоря, они приблизительно вѣрны.

Воспоминанія о Хивѣ.

(Бѣглая замѣтка).

Совершившееся нынѣ громкое событіе—покореніе Хивинскаго ханства, принадлежитъ исторіи. Наши труды, наша борьба съ природой составляютъ предметъ удивленія Европы, и настоящіе успѣхи нашего оружія вполне вознаградили неудачи Бековича и Перовскаго. Будущему историку предстоитъ задача подробно сопоставить въ три похода противъ Хивы, опредѣлить ихъ значеніе и тѣ услуги, которыя они оказали цивилизаціи.

Не касаясь въ настоящихъ замѣткахъ ни разбора чисто военныхъ операцій противъ Хивинскаго ханства, ни заключеннаго съ ханомъ мирнаго договора, о чемъ надѣмся поговорить современѣ, мы полагаемъ не безъинтереснымъ для читателей познать ихъ пока, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, собственно съ физіономіей Хивы, ея населеніемъ, главнѣйшими правительственными лицами и т. п.

I.

Хивинское ханство представляет собою оазисъ на низовьяхъ рѣки Аму-дарьи. Съ сѣвера оазисъ этотъ примыкаетъ къ поросшимъ камышомъ южнымъ берегамъ Аральскаго моря, а со всѣхъ остальныхъ сторонъ ханство окружено песчаными степями. Рѣка Аму течетъ въ предѣлахъ ханства болѣе 400 верстъ, и эту линію слѣдуетъ принять за наибольшее протяженіе оазиса; ширина его нигдѣ не превышаетъ 100 верстъ, а потому общая площадь оазиса будетъ приблизительно, около 600 квадратныхъ географическихъ миль. Эта площадь и составляетъ собственно древній *Хоразмъ*, нынѣшнее Хивинское ханство. Окрестныя степи, населенныя полудикими *киргизами* и *туркменами* разныхъ родовъ, хотя номинально входятъ также въ составъ территоріи ханства, но даже сами-властители Хивы никогда не были увѣрены въ покорности своевольныхъ, кочевыхъ обитателей этихъ степей и нерѣдко вели съ ними продолжительныя и кровопролитныя войны.

Сѣверная часть оазиса, т. е. дельта р. Аму, почти сплошь покрыта камышевыми зарослями и населена полукочевыми *узбеками* изъ колѣна *каракалмакъ*. Съ востока къ нимъ примыкаютъ *киргизы* разныхъ поколѣній, обитающіе вокругъ урочища *Дав-кара*; съ запада, по лѣвому берегу рѣки, по Ай-бугирской топи *), живутъ также киргизы, преимущественно изъ тѣхъ, которые эмигрировали въ Хиву въ разное время и по разнымъ причинамъ. Широта городовъ *Куны-Ургенча* и *Ходжейли* составляетъ границу между дельтою рѣки и южною частью ханства.

Объ эти неровныя части хивинской территоріи значительно отличаются одна отъ другой въ культурномъ отношеніи: дельта обработана, сравнительно, менѣе и покрыта камышевыми порослями, тогда какъ остальная часть ханства хорошо воздѣлана и производитъ всѣ свойственные Средней Азій виды хлѣба (кромя ячменя) и фрукты. Тутъ же проходятъ и всѣ значительныя оросительныя каналы ханства: Полванъ-ата, Газаватъ и друг. Въ этой же южной части обитаетъ и коренное населеніе ханства: *узбеки*

разныхъ поколѣній и *сарты*, а также *дугма* (персіяне-рабы), которыхъ, впрочемъ, довольно много и у сосѣднихъ туркменовъ, примыкающихъ своими кочевьями къ западной и южной границамъ ханства, а частью живущихъ даже въ предѣлахъ самого оазиса. Таковы: *чаудуры*, *юмуды*, *карадашлы*, *имрали*, *кара-мгылы* и другіе *). Туркмены *теке* и *сары* прикасаются къ южной границѣ ханства и номинально считаются васалами хана. Правый берегъ рѣки занятъ *киргизами* (алчинъ и друг.) и туркменскимъ колѣномъ *ата*. Немногіе осѣдлые пункты праваго берега (Шураханъ, Чимбай и друг.) населены смѣшаннымъ людомъ: *узбеками*, *сартами*, *персами*; но преобладающимъ населеніемъ здѣсь все-таки остаются *киргизы* и *каракалмаки*.

Таково въ общихъ чертахъ распределеніе народностей Хивинскаго ханства. Поверхность страны ровная, покатая къ сѣверу, на что указываетъ какъ направленіе главной водной артеріи, рѣки Аму, такъ и всѣхъ большихъ оросительныхъ канавъ. Горь въ Хивинскомъ ханствѣ нѣтъ, кромѣ небольшой каменистой группы на правомъ берегу рѣки, *Шейхъ-дэжалы* и холмовъ *Учъ-Учагъ*, на которыхъ вышелъ нашъ Туркестанскій отрядъ 11-го мая 1873 года.

Переправа войскъ этого отряда на лѣвый берегъ произведена была, какъ извѣстно, противъ урочища Акъ-камышъ. Лѣвый берегъ Аму-дарьи сразу далъ знать себя: дорога пошла среди обработанныхъ полей и садовъ, мимо хивинскихъ жилищъ. Это были четырехугольные дворы съ высокими глиняными стѣнами и множествомъ клѣтокъ внутри ихъ, служащихъ жилищемъ для людей и для скота; но жителей не было: они были согнаны въ городъ Хиву, будто бы, для его защиты. Безразсудная мѣра, стоившая многимъ изъ нихъ почти полного разоренія! Мы увидѣли жителей лишь въ первомъ попутномъ къ Хивѣ городѣ—*Хазаристъ*. Это весьма значительный торговый и административный пунктъ ханства; городъ обнесенъ стѣной и окруженъ садами.

*) Надобно замѣтить, что эти названія туркменскихъ родовъ многими произносятся и пишутся иначе, такъ, наиримъ: юмуды пишутся неизвѣстно зачѣмъ и почему „юмуды“, тогда какъ туркмены говорятъ и пишутъ *юмуды*.

*) Нынѣ высохшей.

До Хивы оставалось еще 80 верстъ. Страна была всюду одинако хорошо обработана. Поля, сады и чрезвычайно оригинальныя кладбища, мелькая среди зелени своими высокими памятниками, пріятно разнообразили нашъ путь, посаѣ пустой песчаной степи. Былъ конецъ мая; воздухъ былъ прелестный.

29-го мая мы подошли къ гор. Хивѣ и вмѣстѣ съ кавказскими и оренбургскими войсками вступили въ столицу ханства. Хива также обнесена высокой стѣной, изъ-за которой видны, тамъ и сямъ, стройныя минареты мечетей и медресе; кругомъ города сады. Внутренность Хивы напоминаетъ собою всѣ среднеазиатскіе города, но она какъ будто пустыньѣ. Хива на всѣхъ насъ глянула не особенно пріятливо, вслѣдствіе того ли, что на улицахъ было мало народу, или это обычная фizioномія города — рѣшить было трудно. Впрочемъ, жители не косились; одѣтые неизмѣнно въ свои красныя халаты и огромныя овчинныя шапки, они продолжали заниматься своими дѣлами: работали въ окрестностяхъ, торговали на базарѣ и проч. Базаръ очень скоро ожилился; въ лагерь немедленно появились продавцы живности и другихъ продуктовъ, которыхъ хивинцы, какъ и вообще всѣ среднеазіатцы — народъ комерческій и плутоватый — спѣшили сбыть за хорошую плату своимъ новымъ гостямъ. Дѣйствительно, они нажили отъ насъ хорошіе барыши.

Хивинцы говорятъ совершенно оригинальнымъ нарѣчіемъ тюркского языка, нѣсколько схожимъ съ азербейджанскимъ. Типъ же ихъ опредѣлить нелегко, потому что они представляютъ собою, не исключая и самого хана съ его братьями, смѣсь узбековъ съ персами или, точнѣе, съ персіянками. Вслѣдствіе этого, сформировалась, въ особенности въ высшихъ слояхъ общества (купцы, служилые, ходжи) совершенно своеобразная наружность, встречающаяся иногда и въ рабочей массѣ. Отличительныя черты этого типа: острые узбекскія скулы, плоскій носъ и жидкая борода, рядомъ съ большими, правильно очерченными персидскими глазами. Тоже можно сказать и о женщинахъ. Въ Хивѣ закрываются только молодыя женщины или дѣвушки, да и то не въ рѣдкость было увидѣть на улицѣ открытое молодое женское лицо. Такъ, однажды, по тѣсотѣ улицы, запруженной множествомъ арбъ, мнѣ пришлось оставаться близъ одной арбы, на которой

сидѣла женщина. Пока возчики бранились впереди, прокладывая каждый себѣ дорогу, я имѣлъ удовольствіе любоваться прелестными и лукавыми темными глазами сидѣвшей передо мной хивинской дамы. Въ другой разъ я ѣхалъ также по весьма узкой улицѣ, передъ дверью саки ползала ребенокъ. Заслышавъ шаги моей лошади, изъ саки выскочила 3-4-хъ-лѣтняя дѣвочка и, схвативъ ребенка за руку, потащила его къ двери; въ это время я поровнялся съ ними и увидѣлъ въ дверяхъ молодую мать. Въ противоположность страха, выражавшагося на лицахъ ея дѣтей, симпатичное лицо молодой матери пріятливо и застѣнчиво улыбалось. Впрочемъ, въ Хивѣ особенно красивы персіянки, бывшія невольницы хана и другихъ знатныхъ или богатыхъ людей...

II.

Наши войска стояли въ садахъ, почти у самыхъ стѣнъ Хивы. Мы отдыхали, торжествуя побѣду надъ природой и врагомъ. Ханъ, бѣжавшій къ туркменамъ, вскорѣ вернулся въ Хиву. Генералъ Кауфманъ возвратилъ ему его права и назначилъ къ нему, въ качествѣ посредника при сношеніяхъ съ русскими властями, особый совѣтъ. Вмѣстѣ съ подполковниками Ивановымъ и Пожаровымъ я былъ также назначенъ членомъ этого совѣта, собиравшагося въ одномъ изъ пригородныхъ садовъ.

Явившись въ первое засѣданіе, мы нашли хана сидѣвшимъ въ юртѣ на полу; послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ спросилъ у каждаго изъ насъ наши фамиліи и какого мы рода оружія. Затѣмъ, принесли кресла и табуреты и открылись наши засѣданія.

Они продолжались полтора мѣсяца, почти ежедневно, и за это время были обсуждены и рѣшены вопросы: о поставкѣ въ войска дровъ, провіанта и фуража и объ освобожденіи рабовъ. Ханъ председательствовалъ; кромѣ него, въ совѣтѣ засѣдали: новый диванъ-бекъ, *Мадъ-Ниязъ* (назначенный вмѣсто высланнаго въ Казалинскъ Мадъ-Мурада), трюродный братъ хана *Илтезержинакъ* и *мехтеръ*. Иногда присутствовалъ и средній братъ хана, *Ахмедъ* или Атаджанъ. Приводимъ здѣсь краткую характеристику всѣхъ этихъ личностей.

Ханъ-Сейдъ-Мухамедъ-Рахимъ — человекъ неглупый отъ природы, но, видимо, не занимающа дѣлами, а потому облылся. Онъ очень привѣтливъ, хотя говорить тихо и вяло. Какъ у всѣхъ среднеазиатцевъ, умственный горизонтъ его не простирается далѣе свойственныхъ азіатцамъ, часто весьма дивныхъ воззрѣній, въ особенности если предметъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Отвлеченныя сужденія чужды среднеазиатскому уму, который, по преимуществу, утъ практическій; въ отвлеченныхъ же предметахъ онъ принимаетъ направленіе, исключительно, мистическое и доходитъ до смѣшнаго. Ханъ молодъ: ему всего 26 лѣтъ. Онъ носитъ обычную овчинную шапку и зеленый или синій атласный халатъ, съ золотыми застежками подъ ложкой и довольно длиннымъ шейфомъ. Подъ этимъ халатомъ у него нѣсколько пестрыхъ канаусовыхъ халатовъ, а на ногахъ большіе сапоги изъ желтой замши, какъ и на всѣхъ его подданныхъ.

Илтезеръ-инанъ — болѣзненный человекъ, лѣтъ 35; слыветъ медикомъ, имѣетъ кубъ для гонки розовой и т. п. воды. У него хорошій домъ и садъ внутри города, гдѣ онъ угощалъ насъ, на большую ногу, очень вкусными пирогами, пловомъ, жаркимъ, множествомъ сладкихъ печеній и даже пуншемъ изъ рома; въ заключеніе всего, онъ призвалъ музыкантовъ и заѣзжихъ изъ Бухары весьма красивыхъ мальчиковъ-плясунцовъ; они пѣли и плясали такъ же, какъ это бываетъ въ Ташкентѣ и другихъ городахъ.

Атаджанъ-тюра — высокій и худой юноша, 20 лѣтъ; до нашего прихода былъ въ опалѣ у хана за независимость воззрѣній на политику и проч. Это своего рода хивинскій принцъ Наполеонъ. Ханъ опасался его, а потому, въ одинъ прекрасный день, разогналъ его приверженцевъ, отобралъ у него оружіе, до котораго принцъ Ахмедъ большой охотникъ, и запретилъ ему выѣздъ изъ дома. Конечно, съ нашимъ приходомъ Атаджанъ получилъ свободу. Я однажды посѣтилъ его и долго у него сидѣлъ; о себѣ онъ говорилъ, что знаетъ языки: персидскій и арабскій, много бесѣдовалъ съ почтенными учеными и можетъ распознавать драгоценные камни, что это наука мудреная.... Можетъ быть, онъ говорилъ и правду, но, сколько я могъ убѣдиться, воззрѣнія его даютъ поводъ сомнѣваться въ справедливости вы-

сказаннаго имъ о себѣ отзыва. Передъ уходомъ изъ Хивы, я получилъ отъ Атаджана единственный въ Хивѣ подарокъ — двѣ книги на турецкомъ языкѣ: *Равати-Сафѣ* — исторію каджарской династіи въ Персіи, и *Шахъ-нама* Мирахунда — исторію теперешней хивинской династіи. Въмѣсто всякой надписи «на память», какъ это дѣлается у насъ, принцъ Ахмедъ приложилъ къ заглавному листу каждой книги свою печать.

Мадъ-Ниязъ-диванъ-бегъ — лѣтъ 40, сынъ дяди хана и русской невольницы. Очень неглупый и хитрый человекъ, въ настоящее время главный и непосредственный исполнитель воли хана.

Мехтеръ — министръ финансовъ, богатый старикъ, лѣтъ за 50, личность безцвѣтная, обращающая на себя вниманіе лишь по грязному одѣянію, въ которомъ онъ являлся въ совѣтъ, гдѣ постоянно молчалъ.

Кромѣ этихъ совѣтниковъ, ханъ призывалъ въ засѣданіе совѣта еще нѣкоторыхъ экспертовъ, на примѣръ старика Якубъ-бая и другихъ, когда нужно было опредѣлить цѣны на провіантъ, провести въ рѣку пароходы и т. п. Рѣшенія совѣта въ важныхъ случаяхъ докладывались на утвержденіе генерала Кауфмана и приводились въ исполненіе черезъ кого-либо изъ упомянутыхъ сановниковъ, по усмотрѣнію хана. Иногда нужно было очень много терпѣнія и настойчивости, чтобы вразумить окрѣпшія въ извѣстныхъ воззрѣніяхъ головы нашихъ сотоварищей, въ особенности когда дѣло касалось персидскихъ рабовъ. Кромѣ того, хивинскіе сановники были вялы въ исполненіи постановленій совѣта, по своейственной имъ лѣни и привычкѣ дѣлать все не торопясь, и тогда приходилось грозить гнѣвомъ главнокомандующаго. Впрочемъ, нужно все-таки отдать имъ справедливость, въ особенности Мадъ-Ниязу, въ томъ, что, не взирая на тревожное положеніе края, они удовлетворяли всѣ наши требованія, такъ что войска весьма скоро запаслись всѣмъ нужнымъ на время пребыванія въ ханствѣ.

III.

Когда большая часть экспедиціонныхъ войскъ направлена была въ туркменскія кочевья, нашъ совѣтъ прекратилъ свои засѣданія. Я былъ оставленъ въ Хивѣ при особѣ хана, въ родѣ пристава,

а потому каждодневно видѣлся съ его высокостепенствомъ. Для этого я ѣдиль изъ лагеря въ городъ и тамъ, во дворцѣ, неизмѣнно заставлялъ хана въ одной и той же небольшой полутемной комнатѣ, на полу, на простомъ черномъ съ красными разводами туркменскомъ войлокѣ. Комната имѣла одно европейское окно и когда-то была раскрашена и позолочена, но во время нашего пребыванія въ Хивѣ, она, отъ ветхости, выглядывала крайне мрачно, если не грязно. Передъ ханомъ у двери сидѣлъ обыкновенно кто нибудь изъ приближенныхъ, оригинально помѣстившись въ то квадратное углубленіе въ полу, надъ которымъ совершаются омовенія передъ намазомъ....

Въ небольшой передней комнатѣ меня встрѣчалъ одинъ и тотъ же Юсуфъ—любимый камердинеръ хана, молодой человѣкъ, съ чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ, всегда свѣжій, безмолвный и серьезный. Только онъ подаетъ хану кушать, когда ханъ обѣдаетъ на своей половинѣ, а также подноситъ ему чай и кальянъ, причемъ предварительно затынется самъ, оботретъ чубукъ пальцами и потомъ уже подастъ своему повелителю.... Ханъ курить очень часто; онъ такъ полюбилъ наши папирсы, что, затанувшись изъ кальяна, сейчасъ же закуривалъ папирсу, не докуривъ ее, опять просилъ кальянъ и снова принимался за папирсу; потомъ требовалъ себѣ воды, говоря иногда по-русски: «Юсуфъ, дай воды», и молчаливый Юсуфъ утолялъ его жажду изъ большой китайской чашки. Ханъ по-русски не говоритъ; онъ затвердилъ лишь нѣсколько фразъ.

Когда бы я ни приходилъ къ хану, я всегда заставлялъ его въ полнѣйшемъ бездѣйствіи. Замѣтно, было что онъ скучалъ, потому что всегда радовался моему посѣщенію. Покончивъ нашъ офиціальныи разговоръ, если таковой имѣлся по какому бы то ни было поводу — мы начинали бесѣдовать о томъ, о семъ....

— Жарко на дворѣ? спросить бывало ханъ — большой домосѣдъ.

— Очень жарко; но здѣсь у васъ хорошо...

— Здѣсь нѣтъ мухъ и прохладно... А въ лагерѣ много мухъ?

— Очень много и покоя не даютъ....

— Это ничего. Множество мухъ въ лагерѣ, говорятъ, полезно.

Да; наши ученые говорятъ, что мухи дышатъ тѣмъ воздухомъ, который вреденъ человѣку.... Онѣ очищаютъ воздухъ....

— А много у васъ ученыхъ? Гдѣ они живутъ? Холодно-ли въ Петербургѣ? Можно-ли туда ѣхать? Какъ туда ѣхать? и т. д. въ этомъ родѣ. Вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ.

Я всегда съ готовностью удовлетворялъ любопытство хана. Иногда также пріѣзжалъ къ хану сотоварищъ мой по совѣту, подполковникъ Пожаровъ, и садился играть съ ханомъ въ шахматы. Ханъ постоянно терпѣлъ пораженія.

Каждый разъ Сеидъ-Мухамедъ угощалъ насъ пилавомъ и жаренымъ на вертелѣ мясомъ (это кавказскій пашлыкъ, а по-здѣшнему *кабабъ*), причемъ, замѣтивъ, что мы не ѣдимъ жира, ханъ любезно отбиралъ восторону жирные куски и рекомендовалъ кушать тѣ, на которыхъ жира не было.... Угощеніе оканчивалось обыкновенно чаемъ и абрикосами, которые ставили передъ нами въ простой и довольно старой корзинѣ изъ вербовыхъ вѣтвей и ханъ снова принимался выбирать и предлагать скушать тотъ или другой, лучший по его мнѣнію, плодъ.

— Хазретъ, т. е. ваше высокостепенство, сказалъ я однажды хану послѣ привѣтствій,—сейчасъ у воротъ вашего дворца я видѣлъ совсѣмъ чернаго человѣка.... Кажется, это арабъ?

— Нѣтъ, это габешъ (абисинецъ).... Хотите его видѣть? Юсуфъ, приведи сюда габеша, что стоитъ у воротъ.... Ихъ въ Хивѣ всего двое или трое, продолжалъ ханъ, и продали ихъ сюда туркмены теке. Теперь они свободны.

Привели чернаго человѣка. По его словамъ, онъ взятъ въ неволю мальчикомъ и выросъ въ Гератѣ, откуда взятъ въ плѣнъ туркменами и проданъ въ Хиву. Сынъ Африки говоритъ по-персидски и по узбекски.

— Правда-ли что въ Хивѣ сажаютъ преступниковъ на колъ? спросили мы однажды хана.

— Я десять лѣтъ управляю страной, отвѣтилъ ханъ, и при мнѣ не было ни одной такой казни. Притомъ же она существуетъ только для буйныхъ и непокорныхъ рабовъ, а коренныхъ подданныхъ нашихъ мы наказываемъ по шаріату иначе: рѣжемъ уши, носъ, даже голову, или бьемъ палками....

Таковъ былъ отвѣтъ хана; и въ самомъ дѣлѣ, онъ добродушный и слабый человѣкъ, отдавшій власть бывшему диванъ-беку Мадъ-Мураду, а самъ ни во что не выѣшивался. Высланный въ Россію Мадъ-Мурадъ оставилъ по себѣ въ хивинскомъ народѣ самыя безотрадныя воспоминанія.

Дни уходили за днями; я каждое утро посѣщалъ хана и, кажется, конца не было его разпросамъ о Россіи, о нашей арміи, объ управленіи вообще и т. п.

— Я соскучился по генералѣ, говорилъ ханъ, и хочу послать ему письмо и хорошаго коня.... Это у насъ въ обычаѣ.... Прикажу найти по городу хорошую уздечку и весь уборъ, а вы завтра пріѣзжайте вечеромъ посмотрѣть.

Я такъ и сдѣлалъ. Хана я засталъ на терасѣ; ночь была свѣтлая, и полная луна освѣщала терасу и сидѣвшаго на коврѣ повелителя Хоразма. Прямо передъ нимъ высилась стѣня его гарема, а за ними, на высокомъ бугрѣ, картинно рисовалась на ясномъ небѣ дворцовая башня. Кругомъ стояли высокія стѣны, и властитель Хивы, съ блѣднымъ лицомъ, вполне походилъ на узника. Въ рукахъ у хана были четки, а передъ нимъ стоялъ простой глиняный чайникъ съ водой.

— Неужели вамъ не скучно сидѣть тутъ одному? спросилъ я хана. Мнѣ было жаль его.

Ханъ улынулся.

— Нѣтъ, сказалъ онъ. Мы привыкли; впрочемъ, я не всегда одинъ. Позову Палвана, кущбеги, играемъ въ шахматы, читаемъ стихотворенія....

Я положительно жалѣлъ хана; всѣ эти Палваны и кущбеги и т. п. ровно ничѣмъ не отличаются отъ любого чернорабочаго. Правда и умственный кругозоръ хана не широкъ, а потому, должно быть, и выходитъ, что свой своему поневолѣ другъ.

По возвращеніи генералъ-адъютанта Кауфмана изъ туркменскихъ земель, съ ханомъ былъ заключенъ мирный договоръ, вскорѣ послѣ чего туркестанскія войска начали сниматься съ своихъ лагерей и направляться къ городу Ханки, для переправы на правый берегъ. Оренбургскій и кавказскій отряды были также отпущены во свояси.

Переправившись на правый берегъ Аму, войска стянулись къ Шурахану, и заложивъ вблизи этого пункта укрѣпленіе *Петро-Александровское*, тронулись въ обратный походъ тѣмъ же путемъ, каковы и пришли въ Хиву.

Рабы-персіяне въ Хивинскомъ ханствѣ.

Въ виду предложеннаго на обсужденіе хивинскому дивану вопроса объ освобожденіи въ ханствѣ рабовъ-персіанъ, я собиралъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи рабовъ-персіанъ не чрезъ хивинцевъ, которые такъ заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, а чрезъ тѣхъ же рабовъ, которые многими сотнями примкнули къ нашимъ отрядамъ послѣ покоренія обитаемыхъ ими мѣстностей. Я спросилъ болѣе 1000 рабовъ; причемъ записывалъ мѣста ихъ настоящаго жительства, число душъ обою пола, наводилъ справки: сколько по настоящее время находится въ дѣйствительномъ рабствѣ, сколько рабовъ освобождено и какую эти послѣдніе имѣютъ поземельную собственность. Въ оренбургскомъ отрядѣ я разспрашивалъ рабовъ вмѣстѣ съ переводчиковъ генерала Веревкина, есауломъ Баукаевымъ, а въ Туркестанстанскомъ отрядѣ—въ присутствіи есаула Кирилова. Свѣдѣнія о персіанцахъ, находящихся при кавказскомъ отрядѣ, гдѣ ихъ, впрочемъ, немного, были доставлены въ диванъ переводчикомъ подполк. Пожарскаго, прапорщикомъ Зайнелъ-бекъ.

Мадъ-Мурадъ диванъ-беги *) послѣ продолжительнаго разговора съ нимъ, отозвался, что онъ вовсе не знаетъ и не можетъ даже опредѣлить приблизительно цифру рабовъ-персіанъ, хотя и говорилъ сначала, что полагаетъ ихъ отъ 2 т. до 4 т. человѣкъ. Тогда ему указано было, что туркмены въ 1863 году взяли въ плѣнъ, подъ Мервомъ, 40000 персіанъ. Если считать, что туркмены оставили у себя изъ этого числа 5 тысячъ рабовъ, выку-

*) Мадъ-Мурадъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ хана; онъ отправленъ изъ Хивы на жительство въ Россію.

пилось или бѣжало 5 тысячъ, убито и умерло 5 тысячъ, продано въ Бухару 5 тысячъ, то и тогда останется на долю Хивы 10 тысячъ рабовъ, только изъ числа плѣнныхъ въ 1863 году, не считая доставокъ рабовъ въ предшествовавшіе году. Тогда Мать-Мурадъ отвѣтилъ: «Да у, насъ очень много рабовъ; но мы ихъ не считали и я не знаю даже, сколько ихъ было у меня.» По свѣдѣніямъ же, полученнымъ отъ горожанъ-персовъ, у Мать-Мурада было до 150 рабовъ. Мать-Мурадъ отзывался также незна- ніемъ на вопросъ о числѣ рабовъ хана.

Не считая вполне вѣрными цифры, полученные мною отъ персіянъ-рабовъ, я все-таки полагаю, что они достаточно вѣрны. Какъ бы то ни было, придется на первое время, до получения точныхъ статистическихъ данныхъ, удовольствоваться этими цифрами, такъ какъ ханское правительство, повидимому, категорически отказалось дать о персіянахъ какіе бы то ни было свѣдѣнія. Ханъ, въ одномъ изъ засѣданій дивана, между прочимъ, также заявилъ, что цифры *дугма* (персіянъ-рабовъ) онъ не знаетъ и ихъ никто не считалъ, а каждый рабовладѣлецъ былъ полнымъ и безконтрольнымъ владѣтелемъ своихъ рабовъ.

Рабы доставлялись въ Хиву туркменами—также чрезъ Мервъ, а іомудами и чаудорами—чрезъ Гюргень. Впрочемъ хивинскіе торговцы рабами и сами прїѣзжали въ Мервъ или кочевья туркменовъ, гдѣ и пріобрѣтали себѣ невольниковъ. Главными рынками служили обыкновенно всѣ большіе базары въ городахъ: Хивѣ, Куна-Ургенчѣ, Кунградѣ, Чимбаѣ, Ходжеили. Ханка и другихъ, а на правомъ берегу Аму-Дарьи въ Шура-хана и Ша-Аббасъ-Вали, куда туркмены пригоняли рабовъ, по ихъ же выраженію, какъ барановъ. Случалось, что въ одинъ базаръ пригоняли за разъ по 200 и болѣе рабовъ. Продажа пріятномъ шла какъ въ одиночку, такъ и партіями. За нѣсколько дней до прихода нашего на правый берегъ Аму-Дарьи, туркмены привели въ Хиву до 300 рабовъ. Покупщиковъ, вслѣдствіе смутнаго времени, не нашлось, почему вся партія было уведена обратно въ степь.

По словамъ Мать-Мурада, цѣны на рабовъ стояли неровныя, что зависѣло отъ спроса и отъ напlava невольниковъ изъ Туркменіи. Независимо отъ того, цѣны зависѣли также отъ возраста и пола, а еще болѣе—отъ физическихъ качествъ раба или рабы

ни. Вообще же крѣпкій, здоровый мужчина, безъ физическихъ недостатковъ, не шелъ дороже 100 тиллей (малыхъ); молодая женщина, а еще болѣе—дѣвушка не продавалась дороже 300 тиллей (также малыхъ). Дорого, также почти въ той же цѣнѣ, какъ и дѣвушки, продавались мальчики, до 15 лѣтъ, и у Мать-Мурада былъ мальчикъ, стоившій болѣе 250 тиллей.

По словамъ рабовъ, между ними есть такіе, которые находятся въ неволѣ уже болѣе 50 лѣтъ, *) и все это время не могли получить свободы, несмотря на всѣ свои усилія. Рабы отпускались на свободу: или въ награду за долговременную и вѣрную службу, или по выкупу (отъ 50 до 300 тиллей малыхъ). Освободившіеся рабы носятъ названіе *азатъ*, а рабы, освобожденные ханомъ—*ханазатъ*. Въ доказательство, какъ въ Хивѣ относятся къ рабамъ, скажемъ, что также называются и лошади съ ханской конюшни, когда онѣ поступаютъ въ частныя руки. Ханазаты, сравнительно съ азатами, всегда бываютъ обставлены лучше; многіе изъ нихъ остаются служить, и даже доселѣ служатъ хану. Такъ напримѣръ, при ханскомъ садѣ (*намаза*), въ которомъ собирается совѣтъ, служатъ нѣсколько человекъ ханазатовъ.

Большую частію освобожденные рабы нанимаются на полевые работы, къ частнымъ лицамъ; платятъ имъ за то отъ 10 до 30 и болѣе тиллей въ годъ. Почти всѣ освобожденные рабы очень бѣдны; но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ на свободныхъ жителяхъ ханства значительные долги, которые теперь, по ихъ словамъ, пропали безвозвратно.

Возвращеніе рабовъ на родину всегда было затруднительно, потому что выкупъ былъ дорогъ, а пытавшіеся бѣжать рисковали попасть снова въ руки къ туркменамъ, что и случалось неоднократно. Впрочемъ, бывали и такіе, которые свободно проходили съ караванами всю туркменскую степь чрезъ Мервъ, до самыхъ границъ Персіи.

Въ настоящее время весьма немногіе рабы имѣютъ средства къ возвращенію на родину, и если имъ, въ этомъ случаѣ не помогутъ

*) Таковъ напр. Дмитрій Матвѣичъ Постновъ, уроженецъ Нижегородской губ. села чернорѣчья. Онъ уже 55 лѣтъ живетъ въ Хивѣ. Взятъ онъ былъ въ плѣнъ Туркменами, 15 лѣтъ отъ роду.

болѣе состоятельныя родичи ихъ, то положеніе ихъ, при возвращеніи изъ Хивы на родину, будетъ весьма затруднительно. Но большинство изъ нихъ предпочитаетъ погибнуть въ степи, чѣмъ оставаться въ ханствѣ; такъ, по крайнѣй мѣрѣ, заявляли многіе изъ нихъ. Нѣкоторые дугме находятся въ плѣну уже не въ первый разъ. Одинъ молодой иранецъ рассказывалъ, что онъ былъ освобожденъ въ Ташкентѣ генераломъ Черныевымъ, незадолго до похода его къ Джизаку, вернулся чрезъ Оренбургъ, Самару, Астрахань и Астрабадъ на свою родину, Машадъ (Мешхедъ), и женившись тамъ, черезъ два года снова попалъ въ плѣнъ къ туркменамъ, на пастбищъ барановъ въ степи. Между прочимъ, этотъ персіанецъ рассказывалъ, что и туркмены, въ свою очередь, будто бы перфдо жестоко платятся за свои хищническіе набѣги, потому что персы ихъ отважно преслѣдуютъ, захватываютъ, будто-бы, въ плѣнъ сотнями и безпощадно убиваютъ всѣхъ плѣнныхъ. Рассказъ этотъ очень мало вѣроятенъ и совершенно противорѣчитъ установленному уже понятію о трусости персіанцевъ, жителей областей, пограничныхъ со степями, и о безсиліи ихъ противъ отважныхъ туркменскихъ *аломановъ* (наѣздниковъ).

По рассказамъ освобожденныхъ невольниковъ, находящихся при туркестанскомъ и оренбургскомъ отрядахъ, число душъ дугма, обоюго пола, въ 140 городахъ и деревняхъ ханства, доходитъ до 36,806 человекъ. Изъ нихъ собственно рабовъ—29,291; освобожденныхъ рабовъ (азатъ и ханазатъ) 6515 человекъ. Эти рабы, освобожденные на волю нынѣшнихъ ханомъ и его предшественниками, владѣютъ 2634 танапами пашень и 3 танапами садовъ.

Такимъ образомъ, на каждаго освобожденного раба приходится немного болѣе $\frac{1}{3}$ танапа земли, для пропитанія; рабы же (дугма) вовсе ничѣмъ не обезпечены. Этимъ, между прочимъ, объясняется та распущенность, въ которой обвиняютъ ихъ нѣкоторые, и повторявшіеся въ послѣднее время случаи воровства. Впрочемъ, не смотря на изданный ханомъ, по предложенію командующаго войсками, манифестъ объ освобожденіи рабовъ, не всѣ рабовладѣльцы отпустили на волю своихъ невольниковъ. Нѣкоторые, какъ утверждаютъ, засадили своихъ рабовъ въ цѣпи. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что въ г. Ханка находятся въ цѣпяхъ 2500 рабовъ,

въ Сарголи—100 рабовъ, въ Акъ-мечети—25, въ Тегенѣ—45 рабовъ. На день ихъ, будто-бы, выводятъ на работу, въ поле, а на ночь оковываютъ цѣпью и запираютъ въ сакляхъ, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали къ русскимъ. Этому можно повѣрить, зная какъ безчеловѣчно хивинцы, въ большинствѣ случаевъ, обходились со своими рабами, считая ихъ совершенно наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Забитые и подавленные нравственно, нѣкоторые дугме, видѣнные мною, дѣйствительно болѣе походили на рабочій скотъ, и только наружность ихъ, правда весьма жалкая, напоминала человѣка.

Народы Средней Азіи.

(историко-этнографическіе этюды).

I.

Недостатокъ точныхъ историческихъ сказаній о Средней Азіи.—Народы древняго періода исторіи Средней Азіи: скифы, греки, персы и китайцы.

Средняя Азія, какъ и всѣ мѣстности, имѣетъ свою *древнюю* исторію, затѣмъ исторію *среднихъ вѣковъ* и наконецъ исторію *новую*. Древняя исторія Средней Азіи зиждется, по большей части на догадкахъ и лишена строгихъ и точныхъ фактовъ. Даже по сказаніямъ самыхъ древнихъ историковъ, каковы: Аріанъ и Плиній, очень легко потеряться въ лабиринтѣ событій и придти къ самымъ неточнымъ выводамъ. Арабскіе историки временъ халифовъ багдадскихъ и сирійскихъ, равнымъ образомъ не даютъ намъ событій въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ принято называть исторіей. Самый древній авторитетъ—арабская исторія Тарихи-Табари касается дѣла слегка. И остаются одни только голые факты, вродѣ того, что сначала *скифы* бродили здѣсь, а потомъ *персы* хозяйничали въ здѣшнемъ краѣ, строили города, рыли ирригаціонныя каналы и частію остались здѣсь, частію куда-то и по какимъ-то обстоятельствамъ ушли, оставивъ по себѣ однѣ темныя

преданія. Слишкомъ много и пособій, и времени нужно для того, чтобы осмыслить эти преданія, гласящія, что Ташкентъ основанъ *человѣкомъ Каюмарсомъ* *) и что послѣ него правили Ташкентомъ цари *Афросіабъ* и *Кайкаусъ*. Именемъ послѣдняго называется также въ Ташкентѣ одна глубокая канава въ СВ. части города. Около Самарканда народъ называетъ именемъ Афросіаба арыкъ и слѣды стариннаго города, окруженнаго въ воображеніи народа самыми таинственными и заманчивыми легендами о сокровищахъ, зарытыхъ здѣсь Афросіабомъ, до поры до времени, чуть ли не до прихода русскихъ, передъ которыми сокровища эти, какъ передъ такими-же «кафырами», какимъ былъ и Афросіабъ, откроются сами собою, и т. п. Тѣмъ не менѣе есть основаніе думать, что вліяніе на здѣшнюю мѣстность арійскихъ народностей и въ особенности *бактрійцевъ*, считающихся предками персовъ, было когда-то очень сильно и продолжительно, потому что слѣдъ этого народа рѣзко запечатлѣлся на современныхъ намъ жителяхъ береговъ Сыра, Зеравшана и Аму, языкомъ, составляющимъ нарѣчіе персидскаго. Жители эти—*таджики*. Въ своемъ мѣстѣ о нихъ будетъ говорено подробнѣе.

Затѣмъ начинается *греческій* періодъ; но фаланги царя Александра Македонскаго прошли по здѣшнему краю, повидимому, безслѣдно, если не считать серьезнымъ слѣдомъ нѣсколько преданій о томъ, что горные таджики верховьевъ Зеравшана, будто бы потомки знаменитаго македонянина, и, наконецъ, если не считать достовѣрнымъ сказаніе Плинія, что Ходжентъ—*Александрія-Эсхата*, т. е. крайняя изъ всѣхъ Александрій, построенныхъ Александромъ во время его средне-азіятскаго похода.—Таковъ слѣдъ, оставленный греками. Но надобно замѣтить, что имя этого народа здѣсь неизвѣстно и самъ Александръ превращенъ кораномъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣми здѣшними исторіями, въ мусульманина *Зюлькарнея*. Въ предѣлахъ хивинскаго ханства и въ кочевьяхъ тюркменъ слѣды походовъ Александра ясны; тамъ греческія сооруженія около Астрабадскаго залива сохранились лучше и ожидаютъ ученыхъ изслѣдованій.

*) Такъ буквально говорятъ здѣшнія книги и преданія.

Равнымъ образомъ, нашествія на восточныя страны Средней Азіи *китайцевъ* остаются пока голымъ фактомъ и, при отсутствіи матеріаловъ, почти недоступны для изученія.

II.

Народы средняго періода: арабы и узбеки.—Отецъ Іакинфъ: о татаряхъ XIII вѣка.—Чингизъ-ханъ.—Монголы.—Узбекское иго.—Вамбери объ узбекахъ.

✓ Съ половиною VIII вѣка по Р. Х., когда появилась здѣсь магометанская религія, начинается для Средней Азіи ея средняя исторія,—и время съ IX вѣка по Р. Х. и по XIII вѣку, т. е. 400 лѣтъ, время цвѣтущаго состоянія края, благодаря просвѣщенію, занесенному сюда *арабами*. Арабы и персы, передовые народы того времени, основали всѣ здѣшнія большіе города: Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Шарсабизъ (Кешъ), Карши (Нахшебъ) и Бухару. Къ той-же эпохѣ должно отнести и всѣ значительныя ирригаціонныя сооруженія, каковы: Босу, Саларъ, Кейкаусъ *), Тютяртартаръ **) и многія другія, которыя размѣрами своими вызываютъ на предположенія объ ихъ древности. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ этихъ названій, напримѣръ: Ташкентъ, Карши, Саларъ и Босу ***)) обязаны происхожденіемъ *узбекамъ*, племена которыхъ встрѣчаются здѣсь также съ давняго времени, задолго до прихода Чингиза. Это подтверждается тѣмъ, что *тюрки* или *тюркмены*, составляющіе колѣно узбекской семьи, еще въ XI вѣкѣ, обитая въ Хоразмѣ ****)) высылали свои полчища къ багдадскимъ халифамъ для службы по найму и вліяли на дѣла халифата до половины XIII вѣка, когда другое тюрокское племя, обитавшее въ Хоросанѣ, завоевало, подъ предводительст-

*) Въ Ташкентѣ.

**) Около Самарканда.

***)) Ташкентъ, въ переводѣ съ узбекскаго, значить каменный городъ, Карши—напротивъ, Саларъ—положить, а Босу, или Босъ-су (по-киргизски, а по выговору другихъ узбекскихъ колѣнъ Бошъ-су), значить вольная вода.

****)) Т. е. въ Хивинскомъ ханствѣ, гдѣ туркмены многочисленны и доселѣ.

вомъ нѣкоего Османа, Сирію и Малую Азію и положило начало нынѣшней Турецкой имперіи.

Поэтому можно предполагать, что послѣ персовъ и арабовъ повелителями Средней Азіи были узбеки и что изъ многочисленныхъ узбекскихъ народностей прежде всѣхъ пришли изъ-за Тянь-Шаня колѣна: *тюркменз* и *тюркз*. Послѣ нихъ не менѣ древними обитателями Арало-Каспійской низменности и Мауранагра *) могутъ быть названы узбекскія колѣна: *кыпчаки*, *ногай* (наши татары) и другія, завоевавшія Русь въ началѣ XIII в. Послѣдними выходцами изъ-за Тянь-Шаня, по всѣмъ даннымъ, должно считаться многочисленное узбекское колѣно *казакз* (наши киргизы). Появление ихъ на зѣмной почвѣ безъ особенной ошибки можетъ быть отнесено къ концу XVI в. Можно думать, что колѣно это жило первоначально на рр. Чу и Таласѣ, а потомъ, благодаря кочевому образу жизни, раздвинулось на западъ и сѣверъ, даже за предѣлы открывшейся передъ нимъ великой Арало-Каспійской равнины. Но случилось это много лѣтъ спустя, а именно во второй половинѣ XVII и въ началѣ XIX в. (Букеевская орда), и изъ всѣхъ узбекскихъ колѣнъ только одни казаки (киргизы) сохранили и доселѣ кочевой образъ жизни; и доселѣ они незамѣтно совершаютъ переходы изъ-за Тянь-Шаня на Арало-Каспійскую плоскость и обратно, какъ-бы и до сихъ поръ находясь подъ вліяніемъ того толчка, который далъ народамъ Средней Азіи, въ началѣ XIII вѣка Чингисъ-Ханъ.

Съ появленіемъ этого завоевателя, около 1222 г. исторія Средней Азіи и восточной Европы получаетъ совершенно новый характеръ. Здѣшніе аборигены-*таджики* остаются крѣпко на своихъ осѣдлостяхъ; напротивъ, многочисленные *колѣна узбекскія* приходятъ въ движеніе, стремятся на западъ и два вѣка господствуютъ надъ Русью, безпокою въ тоже время и остальную Европу.

Перевороты, происшедшіе въ ту пору (XIII и XIV в.), въ Европѣ и Азіи, наша исторія приписываетъ то монголамъ, то татарамъ, а потому и 200-лѣтнее иго наше зовется то *монгольскимъ* то *татарскимъ*, тогда какъ народы, послѣдовавшіе Русью и осѣвшіе теперь на ея окраинахъ: въ Литвѣ, въ Крыму, въ Астра-

хани и даже на Кавказѣ, были просто на просто *узбеки* разныхъ наименованій, пришедшихъ въ движеніе отъ напыла изъ-за Тянь-Шаня новыхъ племенъ съ Чингизомъ, или вслѣдъ за нимъ.

Отецъ Іакинфъ Бичуринъ, рѣшая вопросъ: кто таковы были татары XIII в., писалъ *), что слово *татаръ* происходитъ отъ передѣланнаго русскими названія тюркского народа *татанъ*, который, вмѣстѣ съ кипчаками, киргизцами, казаками и др. былъ покоритель Россіи. Я не имѣю подъ рукою никакихъ серьезныхъ авторитетовъ по части исторіи нашего иго и народовъ Азіи, а потому не могу ни опровергать, ни утверждать существованіе народа татанъ; но за то, въ свою очередь, могу сообщить, что такого народа здѣсь пока неслышно, хотя между узбекскими колѣнами и доселѣ сохранилось одно, называемое *тоторгъ*. Узбекское колѣно *кыпчаки*, упоминаемое о. Іакинфомъ, несомнѣнно могло быть въ числѣ завоевателей Россіи, какъ и колѣно *ногай* **) и многія другія, потому что всѣхъ узбекскихъ колѣнъ, по преданіямъ, должно быть 92; но трудно допустить, чтобы принимали участіе въ дѣлѣ порабоженія Россіи узбекскія колѣна: *казакз* и *кыргызз*. Впрочемъ, принявъ въ соображеніе, что и современники завоевателей Россіи не знали «откуда они пришли, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть ***)», нельзя положительно отрицать участіе въ походѣ на Русь, въ числѣ другихъ, и кыргызовъ и казаковъ, также какъ нельзя сказать навѣрное, что въ ордахъ, поработившихъ Россію, были *монголы* и притомъ самостоятельнымъ элементомъ; вѣрнѣе, этого быть не могло, потому что *узбеки* и *монголы* искони говорятъ различными языками, исповѣдуютъ различныя религіи, а потому ни подъ какимъ предлогомъ не ужились бы между собою, будучи одинаково дики, фанатичны и безначальны. Легко допустить, что монгольскій элементъ могъ быть заведенъ сюда Чингизомъ, могъ смѣшаться съ тюркскимъ (узбекскимъ тожъ) и безслѣдно пропасть, но самостоятельнымъ онъ быть не могъ. На эти предположенія наводятъ насъ названія тѣхъ неведомыхъ (благодаря сбивчивости преданій) племенъ, которыя привелъ на

*) Московскій Вѣстникъ, 1828 г., № 15.

**) Ногайская орда.

***) Софійскій временникъ.

*) Пространство между рр. Сыромъ и Аму.

здѣшнюю территорію около 1222 года, изъ нѣдръ Азіи Чингизъ-Ханъ.]

Тарихи-Абульхайръ-Ханъ, книга на персидскомъ языкѣ, написанная нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, говоритъ между прочимъ нижеслѣдующее:

«Пропало могущество царей, минуло счастье народовъ, и вотъ по волѣ Божіей, въ нѣкоей землѣ Мугулъ, родился нѣкто Аланкуа; онъ правилъ народомъ и передалъ народъ сыну своему Бузанджаръ-Хану. Послѣ него власть переходила отъ отца къ старшему сыну и правителями были: Туминъ-Ханъ, Байсангыръ-ханъ, Бертонъ-Бахадуръ и Тамучинъ (Чингизъ-ханъ).

«Имъ подвластны были народы: мугулъ (монголъ?), тоторъ, аймакъ, джалаиръ и калмакъ. Однажды Тамучинъ собралъ вождей этихъ народовъ, угостилъ и повелѣлъ войною на Китай. Въ 1½ года онъ покорилъ и разграбилъ до 40 городовъ. Галтонъ-ханъ (конечно, это китайскій императоръ) подчинился ему, прислалъ дары и они раздѣлили между собою власть. Послѣ этого Чингизъ, съ 400 т. войска *) пошелъ на поля-Кипчаковъ **). Сыновей своихъ Чагатай и Угатай (нашъ Ойтай) съ 100 т. онъ послалъ занять городъ Уtrarъ, а самъ съ 300 т. двинулся по Муаранагу и занялъ его. Покоривши Уtrarъ, дѣти соединились съ отцомъ. Чингизъ жилъ 73 года; здѣсь правилъ 25 лѣтъ, а этому минуло 644 года.

Далѣе преданія говорятъ, что пришедшія съ Чингизомъ племена слились съ тѣми, которыя жили здѣсь».

Но кто же эти пришельцы, эти *мугулъ* и *аймакъ*, которыхъ мы въ настоящее время не находимъ въ спискѣ узбекскихъ колѣнъ, тогда какъ *тоторъ*, *калмакъ* и *джалаиръ* доселѣ есть въ окрестностяхъ Самарканда, Бухары и въ Хивинскомъ ханствѣ. Можно предположить, что *мугулъ* и *аймакъ* были монголы, потому что *мугулъ* на языкѣ теперешнихъ калмыковъ значитъ: плохой, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же калмыки прародителей своихъ называютъ прямо *монголъ*; можно предположить, что 400-тысячное языческое племѣне авантюриста Чингиза состо-

яло изъ племенъ узбекскихъ и монгольскихъ. Невольно приходитъся, при отсутствіи точности и даже смысла въ здѣшнихъ преданіяхъ и исторіяхъ начинающихся обыкновенно съ Хазрета-Адама (его высочества Адама), приложить къ плечикамъ Чингиза слова того же Софійскаго временника: «Придоша неслыханніи безбожніи Моавитяне, рекоми татарове, ихъ же добре ясно никто не вѣсть, кто суть и откуда придоша, и что языкъ ихъ и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; зовутъ я татары»...

✓ Относительно языка чингизовыхъ племѣнъ болѣе основательнымъ является предположеніе, что въ нихъ преобладали *узбекскія нарѣчія*; иначе, т. е. если бы племѣна эти были изъ монголовъ, онѣ оставили бы на здѣшнихъ народностяхъ хоть какой нибудь чисто монгольскій слѣдъ, котораго мы однако не находимъ даже въ книгахъ сочиненныхъ 650 лѣтъ тому назадъ.—Таковы сочиненія Ахмеда Ясави Туркестанскаго, написанныя почти тою же узбекскою рѣчью, которой говоритъ большинство народностей Средней Азіи и теперь. А «вѣра» племѣнъ Чингиза была языческая и самъ Чингизъ-ханъ былъ «кафиръ», т. е. невѣрный, потому что мусульманство въ ту пору не пропало еще за Небесныя горы (Тянь-Шань).

✓ Подчинивъ себѣ первобытныхъ колонистовъ края, т. е. осѣдлыхъ таджиковъ и кочевыя племена узбековъ, языческая армія Чингиза, въ свою очередь, подчиняется ихъ вліянію, а именно принимаетъ ученіе Магомета, и орды номадовъ узбековъ, увлекаемыя пришлыми завоевателями, разливаются по низменностямъ Арало-каспійской и Понто-каспійской, поглотивъ беслѣдно пришлыя монгольскія племена мугулъ и аймакъ, тогда какъ другія (напр. тоторъ, должно думать болѣе людныя, притомъ же чисто узбекскія) принимаютъ участіе въ общемъ водоворотѣ событій, причемъ узбеки *тоторъ* какъ разъ первые сталкиваются около 1237 года съ русской землей... Конечно, послѣ нихъ и прочія узбекскія племена, завоевавшія Русь, безразлично прослыли и доселѣ слывуть подъ именемъ *татаръ*.]

Правда, у русскаго человѣка всякій иноземецъ бусурманинъ, а для француза и доселѣ даже житель заволжья un tartare, а вслѣдствіи этого самое Заволжье считается какою-то Тата-

*) Въ подлинникѣ Чоръ-лякъ—400000—Чоръ по персидски 4, лякъ 100000.

**) Поля кипчаковъ—верховья Сыра и вся степь до р. Урала.

рією. Но тотъ и другой дѣлають это совершенно безсознательно, по рутинѣ.

Точно также и племя калмакъ, бывшее, по преданіямъ, въ числѣ тѣхъ, которыя пришли съ Чингизомъ, вызываетъ на сомнѣніе о его существованіи, потому что монгольскій народъ съ этимъ именемъ появился, много послѣ, въ окрестностяхъ Бухары, такъ что представляетъ теперь въ этой мѣстности чистѣйшее узбекское племя, а на низовьяхъ Волги исповѣдуетъ ламайскую вѣру и говорить по монгольски.

✓ Монголы были въ Азіи и въ Европѣ совершенно самостоятельными дѣятелями. Можно допустить, что узбекскія орды, жившія здѣсь, и племена: мугуль, тороръ и другія, приведенныя Чингизомъ, родня этому народу, потому что вышли изъ одной колыбели и родня только потому, что, обитая когда-то на одной территории съ монголами, получили подъ вліяніемъ климатическихъ, условій сходство типа, наконецъ исповѣдывали когда-то, какъ и монголы, язычество; но узбекскія орды и племена Чингиза, которыхъ какъ мы видѣли, не было и подмиліона, далеко не родня монголамъ по языку. Можно думать, что монголы въ первый разъ съ своимъ Атиллою посѣтили Европу въ IV столѣтіи, а потому прошелъ по Средней Азіи и показался на окраинахъ восточной Европы въ XVII вѣкѣ. Въ этотъ послѣдній визитъ монголы извѣстены у насъ подъ именемъ *калмыка*. Разгромивъ подъ начальствомъ Цагана и Галдынь-Церена тогдашнія сѣверныя окраины узбекской территоріи, а именно нынѣшнюю Сырь-Дарьинскую область, калмыкъ-монголы бродили нѣкоторое время по нынѣшней киргизской степи, въ ту пору, за исключеніемъ окраинъ, почти пустой, перешелъ Уралъ, перешелъ Волгу и остался на ней до поры до времени. Пустое пространство за нимъ до р. Урада въ это время успѣшило занять узбекское колѣно *казакъ* (теперешніе киргизы), которому тѣсно стало на Чу и Таласѣ и оно раздвинулось на западъ, оставивъ память о своихъ междоусобицахъ въ названіи р. Таласъ, что значитъ—борьба, споръ.]

Между тѣмъ калмыкъ-монголы основались на низовьяхъ р. Волги; онъ прожилъ на новой территоріи около 100 л.; прожилъ бы онъ и больше, да взяточничество и неурядица, которыми

отличались провинціи въ бластищій вѣкъ Екатерины II, вывели честнаго калмыка изъ терпѣнія и онъ, въ большинствѣ, поднялся на уходы. Заволжье представляло въ ту пору пустыню; на Яикѣ (Уралѣ) было смутно; тамъ готовился Пугачевскій бунтъ; казаки, отказались идти въ погоню за эмигрантами, и калмыкъ-монголы свободно прошелъ низовьями Яика, направляясь этимъ путемъ къ предѣламъ своего отечества. Эта огромная калмыцкая орда оставила свои слѣды на низовьяхъ Волги, на Уралѣ и въ нынѣшней Семирѣченской области; слѣды эти мы видимъ въ калмыкахъ Ставропольской губерніи, въ калмыкахъ казакахъ ламайскаго вѣроисповѣданія на Уралѣ и въ калмыкахъ близъ Вѣрнаго и другихъ мѣстъ Семирѣченской области. Обратный путь этой монгольской орды сохранился въ преданіяхъ, въ названіяхъ разныхъ урочищъ по кочевьямъ Большой и Малой киргизскихъ ордъ, а названные выше остатки этой монгольской орды, прочно водворившейся въ этой мѣстности, узбекъ (киргизъ) назвалъ *калмакъ*. Калмакъ на всѣхъ узбекскихъ нарѣчіяхъ значитъ: *оставаться, отставать*. Русскій человѣкъ перевернулъ названіе это въ *калмыкъ*, а по понятіямъ француза, и калмыкъ, и узбекъ, благо у обоихъ узкіе глаза и большія скулы, да бронзовая кожа, безразлично—un tartar.... Потому кажется, что прямое истинное названіе народа, перевернувшего Азію и Европу и положившаго начало народностямъ Средней Азіи и даже юго-восточной Европы (Крымъ, Кавказъ) должно быть то, которое сохранилъ за собою этотъ народъ черезъ много вѣковъ въ своихъ преданіяхъ, даже послѣ своего разъединенія, а именно: *узбекъ*. Подъ разными названіями онъ произвелъ всѣ перевороты въ Азіи и въ Европѣ, приписываемые иными ничѣмъ невиновнымъ монголамъ, народу съ другимъ языкомъ, и наше, якобы монгольское иго, скорѣе должно зваться *узбекскимъ* или до крайней мѣры *татарскимъ*, потому что узбекъ разныхъ колѣнъ хозяйничалъ въ Азіи и въ Европѣ подъ руководствомъ: *Чингиза, Чагатая, Тамерлана, Тохтамыша, Батия, Мамай* и другихъ въ XIII, XIV, XV и XVI столѣтіяхъ и оставилъ намъ свой слѣдъ въ татарахъ: на Литвѣ, въ Крыму, на Кавказѣ и на Волгѣ.

По преданіямъ, всѣхъ узбекскихъ колѣнъ или баулы, должно быть 92. Достоверныя названія ихъ собрать трудно, потому что

и узбеки, и авганы, и таджики различно именуют 92 колѣна узбекскія. Предшественникъ настоящаго эмира, поручившій будто бы собрать подлинныя названія узбекскихъ колѣнъ, умеръ, не дождавшись конца своему порученію. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ облегченія изслѣдованій будущихъ этнографовъ, въ концѣ статьи моей сообщу списокъ 92 баулы узбековъ, согласно показаній здѣшнихъ старожилловъ.

Вамбери, согласно Борнсу *), насчиталъ въ Хивѣ 32 колѣна узбековъ.

Узбекскія колѣна: *казаки*, *туркменъ* и *каракалпакъ* онъ не считалъ узбеками, а какими-то особыми народностями. Но они такія же особыя народности, какими могутъ назваться великоруссы, малоруссы, чехи и т. п., по отношенію ко всему народу славянскому.

Нѣкоторыхъ колѣнъ, названныхъ Вамбери, совсѣмъ нѣтъ въ окрестностяхъ Самарканда, и здѣшніе старожилы не слыхали такихъ прозваній баулы, т. е. колѣнъ. Вотъ они:

1) Ноксъ. 2) Куланъ. 3) Азъ. 4) Уйгуръ. 5) Ишкелі. 6) Бугурлю. 7) Болгали. 8) Каракурсакъ. 9) Биргулакъ. 10) Тыр-кышъ. 11) Катта-кесеръ.

Но, по словамъ Вамбери, сами же узбеки колѣна казаки (киргизы) говорили ему: «сочти сперва песокъ въ степи, а потомъ насъ—киргизовъ». Поэтому въ списокъ его и значится колѣно *ачмайли*, составляющее здѣсь отрасль колѣна *кенегезъ*, или колѣно *балали*, а здѣсь оно отрасль колѣна *кытай*. Вообще, подробно изучить генеалогію узбекской народности трудно, потому что со многими колѣнами ея, въ особенности по лѣвому берегу Аму, мы не имѣли еще никакихъ сношеній. При томъ же есть основаніе думать, что колѣна узбекскія пришли на здѣшнюю территорию изъ-за Тянь-Шаня не въ одно время бродили, по равнинамъ Средней Азіи, благо онѣ широки, по волѣ своихъ вождей и разбрелись, перемѣшались между собою до невѣроятности **). По

*) Замѣчательно, между прочимъ, что Вамбери, ни разу не ссылаясь на Борнса, какъ будто его и не было,—хотя Борнсъ все-таки достовѣрнѣйшій описатель тѣхъ мѣстъ, по которымъ онъ проѣхалъ назадъ тому почти 40 лѣтъ.

**) Живой примѣръ этого представляютъ кураминцы, какихъ только колѣнъ и поколѣній узбековъ не живетъ за р. Чирчикомъ, въ окрестностяхъ Ташкента.

этому мы находимъ узбекское колѣно *каракалпакъ* въ окрестностяхъ Самарканда и (таковы судьбы человѣческія!) 30 семействъ караколпаконъ мы видимъ на берегахъ Большаго Узеня, приписанными къ Уральскому казачьему войску; кромѣ того, что и въ числѣ киргизовъ есть также цѣлыя поколѣнія, называемыя *каракалпакъ*.

Уральскіе каракалпаки—полукочевники и по языку, одеждѣ и образу жизни и отличаются отъ живущаго съ нимъ бокомъ-о-бокъ другаго, чисто кочеваго, узбекскаго колѣна казаки (киргизы внутренней орды). Но, кто знаетъ, можетъ быть уральскіе каракалпаки сохранили преданіе своей далекой родины, а потому изслѣдованіе ихъ очень интересно.

Узбекскія колѣна перемѣшаны не только между собою, но и съ таджиками. Тѣмъ не менѣе, они зовутъ себя по колѣнамъ или родамъ и поколѣніямъ или тайфа.

— Я киргизъ, скажетъ вамъ дикарь Алатавскихъ горъ или береговъ, Иссыкъ-куля,—но я и узбекъ, добавитъ онъ.

— Предки мои, начало мое узбеки—говоритъ казаки (русскій киргизъ-кайсакъ).

— Мы узбеки,—твердитъ даже сартъ, потомокъ полчищъ царя Кира, или какого нибудь иного, заговорившій, подъ влияніемъ мощнаго народа узбекскаго, его языкомъ. А башкиры? — По неимѣнію данныхъ ничего не скажу противъ того, что они появились на своей территоріи, какъ и многія изъ узбекскихъ колѣнъ, послѣ или прежде Чингиза, но тѣмъ не менѣе можно предположить, что и башкиры тѣ же узбеки. Въ хивинскомъ ханствѣ узбекское колѣно *джалаиръ* имѣетъ отрасль *башкиръ*, а также *каралы*. Судя по языку, можно заподозрѣть также въ узбекскомъ происхожденіи и нѣкоторыя народности Кавказа (Казы-кумукскій и другіе округа Дагестана. См. статью г. Ковалевскаго: *Очерки этнографіи Кавказа* въ одномъ изъ № «Вѣстника Европы» 1868 года). Здѣсь же не лишне добавить, что между киргизами-кочевниками есть поколѣніе или родъ, называемое *черкесъ*.

Огромное сходство рѣчи нашихъ татаръ и киргизовъ съ рѣчью туркменъ, сартовъ и всѣхъ узбекскихъ колѣнъ окрестностей Са-

марканда, сходство наружности, обычаевъ, пѣсень, несмотря на варианты, неизбежные послѣ каждой перемѣны народомъ мѣстности, все это убѣждаетъ въ единствѣ происхожденія названныхъ національностей, кажущихся издавна, благодаря ихъ различнымъ кличкамъ, какими-то особыми и совсѣмъ непохожими другъ на друга народами. Такъ это вошло и въ наши учебники географіи. Но параллели быта и языка *) узбекскихъ народностей, проведенныя опытною рукою, покажутъ единство ихъ происхожденія, а потому, оставивъ вопросъ этотъ на долю специалистовъ, я держу пока мое скромное мнѣніе, основанное на народныхъ преданіяхъ и на личныхъ бесѣдахъ съ представителями каждаго изъ названныхъ выше узбекскихъ колѣнъ; я не думаю, что ради бонтона, какъ говорить Вамбери **), киргизы, кипчаки и калмыки (!?), обжившись въ городахъ, отрекаются отъ своихъ національностей и называютъ себя узбеками.

Киргизу съ Иртыша не для чего было сговариваться съ туркменомъ на берегахъ Мургаба и называть себя, подобно ему, узбекомъ. Что же касается въ этомъ отношеніи до калмыковъ, то я слышу это въ первый разъ; мало этого, я доселѣ не видѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ ни одного калмыка; есть, какъ и выше сказано, около Бухары одно узбекское колѣно *калмакъ*, но и эта помѣсь калмыковъ съ узбеками, оставленная здѣсь калмыцкой ордой во второй половинѣ XII вѣка, въ настоящее время ничемъ не отличается отъ узбековъ.

III.

Очеркъ современныхъ намъ коренныхъ народностей Средней Азіи: — таджики и узбеки.

На основаніи сказаннаго выше, населеніе туркестанскаго края, какъ мы уже сказали, раздѣляется на двѣ народности, а именно: 1) на *остатную таджикскую*, замкнутую неподвижно въ настоящія формы, которая далъ ей исламъ и 2) совершенно са-

*) Понимающіе которое нибудь изъ тюркскихъ нарѣчій приглашаются взглянуть тотъ же № „Вѣстника Европы“, статью Дагестанъ.

**) См. его книгу о путешествіи въ Среднюю Азію.

мостоятельную кочевую или полукочевую народность, *узбекскую*, которая, въ свою очередь, также имѣла сильное вліяніе на таджиковъ, превративъ часть ихъ въ *сартовъ*, осядлый народъ таджикскаго происхожденія, но говорящій узбекскимъ языкомъ. И это вліяніе узбековъ доселѣ такъ сильно, что хотя они и приняли отъ таджиковъ исламъ, однако не нуждаются въ ихъ персидскомъ языкѣ, тогда какъ узбекскія нарѣчія, въ томъ числѣ и сартовское, въ большемъ ходу всюду между таджиками; изъ послѣднихъ только жители глухихъ горныхъ тѣсинъ (галъча) не знаютъ узбекской рѣчи, да и то, если часто спускаются по своимъ дѣламъ въ долины, то усваиваютъ ее очень скоро. Съ сартовскимъ языкомъ можно обойти всю Среднюю Азію, также какъ и съ французскимъ Европу, а съ персидскимъ всю остальную мусульманскую Азію. А потому, здѣсь дипломатическимъ языкомъ считается языкъ таджиковъ, составляющій нарѣчіе персидскаго. Кабинеты коканскій, бухарскій и хивинскій одинаково предпочитаютъ нарѣчіе таджиковъ. Большинство книгъ написано или пишется на таджикскомъ или персидскомъ языкахъ.

Различіе этихъ языковъ можно видѣть изъ записокъ Мирзы Шемса Бухары, переведенныхъ и изданныхъ въ 1861 году В. В. Григорьевымъ, нашимъ извѣстнымъ ориенталистомъ и большимъ знаткомъ Средней Азіи. Въ книгѣ г. Григорьева, между прочимъ, есть глава: «Обозрѣніе діалектическихъ отличій, употребительнаго у бухарскихъ таджиковъ персидскаго языка». Изданіе г. Григорьева вообще представляетъ собою весьма интересную справочную книгу для всѣхъ, интересующихся Средней Азіей.

Узбекъ и таджикъ окрестностей Самарканда, тѣсно связанные религіей, обычаями, одеждой и даже нравами, рѣзко отличаются другъ отъ друга наружностью и характеромъ. Я имѣлъ случай бесѣдовать съ необыкновенно своеобразными представителями обѣихъ народностей: передо мною сидѣли два старика; каждому было по 65 л., оба говорили по узбекски. Одинъ былъ средняго роста, широкій въ плечахъ, съ необыкновенно свѣжимъ и полнымъ лицомъ, окаймленнымъ бѣлою бородою, голубоглазый, съ мягкимъ взглядомъ. Другой — больше чѣмъ средняго роста, неуклюжій, съ выцѣвшимъ и морщинистымъ лицомъ, совсѣмъ беззубъ-

бый, съ небольшою бородкой, неопредѣленнаго вида и цвѣта, и карими бѣгающими глазами. Видѣвшій здѣшнія народности, не запинаясь скажетъ, что первый—узбекъ, а второй—таджикъ. Узбекъ говорилъ мало и тихо, и сидѣлъ смиренно; таджикъ говорилъ много и шумно, вскакивалъ съ мѣста, перебывалъ рѣчь узбека, хотя бесѣда наша одинакова для всѣхъ была первымъ знакомствомъ. Допустимъ даже, что узбекъ и таджикъ между собою были уже знакомы, то тѣмъ болѣе это характеризуетъ обоихъ представителей здѣшнихъ народностей, видѣвшихъ меня, какъ тотъ, такъ и другой впервые.

Я далеко отъ мысли, что характеристика эта вполне закончена; тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, узбеки были основателями преобладающихъ народностей Средней Азіи, а таджиковъ, даже подъ видомъ сартовъ, представляющихъ по своему языку какую-то середину между узбекомъ и таджикомъ, мы и доселѣ находимъ плохими хозяевами, даже въ предѣлахъ той небольшою территоріи, которую они занимаютъ.

✓Таджикъ никогда не ворочалъ судьбами здѣшняго края. Онъ торговалъ и доселѣ торгуетъ; онъ человѣкъ коммерческій, живой, плутоватый, развратный. Узбекъ доселѣ сохранилъ характеръ простодушнаго, далеко не такъ, какъ таджикъ, корыстнаго, храбраго кочевника. Правда, что и узбекъ сильно «отаджился», если можно такъ выразиться, но все-таки онъ далъ исторіи (хотя это и не большая заслуга) Чингиза и Тамерлана; таджикъ же далъ только святыхъ. Казалось-бы, съ современной точки зрѣнія, что наиболѣе склоненъ къ европейской культурѣ долженъ быть таджикъ, какъ субъектъ осѣдлый и меркантильный; но на самомъ дѣлѣ это выходитъ наоборотъ, потому что таджикъ фанатичнѣе узбека, хотя самъ тоже далеко не прежній мусульманинъ. Узбекъ (наши киргизы, татары) шагнулъ уже въ дѣлѣ культуры впередъ. Конечно, и узбекъ достаточно фанатиченъ, но все таки онъ воспримчивѣе таджика и прокъ отъ него будетъ скорѣе, въ особенности тамъ, гдѣ вліяніе таджика было не такъ сильно. Узбекъ, если можно такъ выразиться, благороднѣе таджика и борется болѣе за свою личную свободу, нежели за религію, а таджикъ прежде всего имѣетъ въ виду исламъ, который онъ передалъ и узбеку. Таджикъ подчинился сначала арабу, потомъ узбе-

ку, и частію превратился въ сарта, т. е. забылъ свой языкъ и заговорилъ по-узбекски. Узбекъ-же до насъ никому не подчинялся, и остался почти цѣльнымъ. Правда, онъ принялъ исламъ, принялъ одежду, обычаи и даже многія наклонности таджика, но все-таки остался первенствующимъ.

Не смотря на все это различіе, сліяніе обѣихъ народностей замѣтно и вполне понятно: ихъ соединяетъ дикая религія, предначертанная одинаково точно и крупныя и мелкія явленія ихъ жизни; ихъ соединяютъ экономическія условія края, сдѣлавшіе общими интересы обоихъ народовъ. Сліянію, конечно, много содѣйствовала и та китайская стѣна, которая доселѣ окружала государство Средней Азіи. Эта же стѣна была не малою причиною и того, что народности среднеазиатскія, такъ сказать измельчали, пережили самихъ себя до того, что стали нуждаться въ толчкѣ извнѣ. Но постороннему вліянію не было другаго пути сюда, кромѣ того, которымъ оно зашло, а именно войны. И вотъ,—началась эта война и въ ней вполне обнаружилась духовная скудость національностей, благодаря замкнутости и безобразнымъ формамъ ихъ государственнаго строя. Даже самый поверхностный взглядъ на дѣло вполне достаточенъ для уясненія этой духовной скудости, а событія весною и лѣтомъ 1868 г. *) вполне это подтверждаютъ.

Извѣстно, чѣмъ кончилась попытка здѣшнихъ деспотовъ возстановить свое значеніе усиліями народа, извѣстно, что народное возстаніе даже во имя религіи кончилось и для узбековъ, и для таджиковъ неудачно, потому что въ нихъ самихъ нѣтъ уже ничего цѣлаго и даже религіозная экзальтація ихъ, это высшее проявленіе ихъ духа, оказалась непримѣнимою къ дѣлу. Толпѣ осталось на долю только повиновеніе; но въ томъ-то и бѣда, что безусловное повиновеніе пока невозможно, потому что толпѣ нужно вырождаться, нужно пережить прежніе порядки, или по крайней мѣрѣ, нужно пережить память объ этихъ порядкахъ, и тогда дѣло пойдетъ хорошо. Тогда начнется новая исторія здѣшняго края.

*) Покореніе Самарканда.

За симъ я поговорю вкратцѣ о народностяхъ, обитающихъ въ окрестностяхъ Самарканда, и вообще въ горахъ и долинахъ по р.р. Сыру, Зеравшану, Кашка-Дарьѣ и Аму.

Таджики.

Таджики обоихъ береговъ Сыра и Зеравшана могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, а именно: на таджиковъ горъ и таджиковъ равнинъ.

Таджики горъ по Сыру суть тѣ, которые живутъ въ горахъ, по верховьямъ Чирчика и по тѣснинамъ кряжа Кендырь-даванъ. Это горные таджики праваго берега Сыра.

На лѣвомъ берегу этой рѣки, таджикская народность разсѣяна въ долинѣ, по отрогамъ Кашгаръ-давана и, Богъ вѣсть, гдѣ пропадаетъ за этими горами, на югъ и на востокъ. Эта часть земной поверхности даже доселѣ представляетъ собою страну, мало извѣстную.

Всѣ горы, западнѣ этихъ краевъ, а именно: горы въ верховьяхъ Зеравшана и Кашка-Дарьи, и горы, раздѣляющія бассейны Зеравшана отъ бассейна Сыра, населены таджиками и всею незначительнымъ числомъ узбековъ.

Таджики равнинъ на правомъ берегу Сыра суть сарты, а на лѣвомъ-жители городовъ: Исфара, Канибадама, Ходжента, Ура-Тюбе, Джизака и множества кишлаковъ. Само собою разумѣется, что къ этой же группѣ должны отнести и таджики долины Зеравшана.

Таджики праваго берега Сыра въ юртахъ говорятъ своимъ таджикскимъ языкомъ, а въ долинахъ, или сартовскимъ, т. е. нарѣчіемъ общаго узбекскаго языка, или таджикскимъ (Ходжентъ и другіе города и кишлаки по лѣвому берегу Сыра).

По Зеравшану, какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ, таджиками употребляется по преимуществу свой языкъ (таджикскій-

отрасль персидскаго), господствующій мѣстами даже между кровными узбеками, каковы *кенегезы*, жители Шарсабиза. Впрочемъ они представляютъ собою въ этомъ отношеніи единственный примѣръ того, что таджикская народность усилила узбекскую.

Таджики небогаты названіями родовъ, какъ узбеки. Таджики равнинъ, какъ истые горожане здѣшняго края, зовутъ себя именами обитаемыхъ ими городовъ: ташканди, ходжанди, самарканди, и т. д.; напротивъ, таджики горъ извѣстны въ долинахъ по большей части подъ однимъ названіемъ: *галъча*, хотя въ предѣлахъ территоріи своей, т. е. въ горахъ, тоже носятъ имена обитаемыхъ ими рѣкъ, напримѣръ матча, или общинъ, какъ напримѣръ: кара-тигенъ, или наконецъ ущелій и деревень.

Таджики-горожане плутоваты, изнѣжены, трусливы, фабрикуютъ и носятъ шелкъ, и пропитаны книжной чепухой; таджики-горцы бѣдны, чище нравами, грубы и смѣлѣе горожанъ, ловкіе охотники за дичью, промышленяютъ доставкою въ долины угля, плодовъ, овощей, въ особенности рѣдьки и т. п., а въ замѣнъ, вмѣстѣ съ деньгами, дешевыми, бумажными тканями и прочимъ, запасаются изъ городовъ неѣдыми тенденціями мусульманской цивилизаціи. Кромѣ этого, горцы-таджики, какъ народъ трудовой, отличаются отъ таджиковъ горожанъ бѣдностью, неопрытностью и простотою одежды вообще, а въ особенности обувью, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напоминаетъ черкескія чевяки.

Житейскіе обряды и обычаи таджиковъ весьма немногимъ отличаются отъ сартовскихъ и отъ узбекскихъ вообще. Въ основѣ этого явленія лежитъ одна и таже мусульманская религія, особенно замѣчательная свойствомъ обобщать характеры тѣхъ народовъ, которые ее исповѣдываютъ. Варіанты житейскихъ обрядовъ обитателей обоихъ береговъ Сыра и Зеравшана, горъ и равнинъ, таджиковъ и узбековъ, стоятъ въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, въ какихъ находятся между собою житейскія церемоніи великой русской земли. А потому здѣсь о таджикахъ-горцахъ можно добавить лишь то, что они до того бѣдны, что нищенство пріобрѣло у нихъ даже форму обычая. Задумавъ жениться, горецъ-таджикъ отправляется предварительно нищенствовать въ долины. Не побывавшій съ этою цѣлю въ городахъ встрѣчаетъ разныя серьезныя препятствія со стороны родителей той,

которую избрало его сердце. Родители предполагают въ немъ человека негоднаго къ труду, человека безъ средствъ,—и вотъ онъ беретъ нищенскую суму и идетъ въ ближайшіе пункты болѣе культивированной жизни. Таджики Кара-тигена (владѣнны въ верховьяхъ рѣки Зеравшана, приблизительно на одномъ меридіанѣ съ г. Коканомъ) заходятъ искать счастья даже въ Ташкентъ.

Узбеки.

Прежде всякаго разсказа объ узбекахъ, я нахожу умѣстнымъ сообщить здѣсь преданіе о происхожденіи этого народа, преданіе основанное, какъ и почти вся исторія Средней Азіи, на фантазіи. Нѣкто Абдуманнанъ-ходжа-муфти, житель Пянджшамбе, городка Катта-курганскаго отдѣла, сообщилъ мнѣ изложенную ниже выписку изъ одной мусульманской книги. Ходжа, самъ по себѣ человекъ весьма неглупый, понимаетъ наши цѣли и сочувствуетъ, но—что прикажете дѣлать?.. Замкнулся и онъ въ извѣстномъ возрѣніи на прошлое и настоящее, подобно всѣмъ своимъ землякамъ, и безусловно вѣрить въ ту классическую чепуху, которую я сей-часъ изложу.

Именно этому народу нужно пережить, по крайней мѣрѣ, память о прежнихъ порядкахъ, чтобы начать свою новую исторію.

Сказаніи о происхожденіи Узбековъ,

Въ книгѣ «Кытлырь» говорится, что нѣкто Ахмедъ, сынъ Мастуба, спросилъ однажды пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе! *) о происхожденіи узбековъ. Пророкъ отвѣтилъ: нѣкто узбекъ происходитъ отъ пророка Узгана; Узганъ происходитъ отъ пророка Арміо (Иеремі?), Арміо отъ пророка Толота, Толотъ сынъ пророка Ягудо, Ягудо сынъ пророка Исхака, Исхакъ сынъ пророка Ибрагима. У Ибрагима, (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!) было двѣ жены. Одну звали Биби-

*) Эти слова каждымъ мусульманиномъ должны быть непременно каждый разъ повторяемы при имени пророка, и нѣкоторыхъ другихъ святыхъ.

сара, другую Биби-ходжаръ Отъ Биби-сара родился пророкъ Исханъ. Отъ потомства Исхака произошло 20000 пророковъ (!) Отъ Исмаила произошло 24 рода и въ томъ числѣ нашъ пророкъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!).

Въ книгѣ «Кытлырь» еще сказано, что однажды пророкъ въ горахъ Ухутъ велъ неудачную войну; противники осилили его и много воиновъ его побили, а прочіе струсили. Въ это время толпа невѣдомыхъ вооруженныхъ людей присоединилась къ войску пророка. Пророкъ обрадовался и сказалъ по-арабски: «ухриджумъ!» т. е. «идите впередъ!» Пришлие воины этого не поняли. Пророкъ сказалъ по-персидски: «безенидъ!» т. е. бейте, но они снова не поняли. Увидѣвъ это, тестъ Магомета Абубекръ, сказалъ: «Пророкъ Божій! эти люди пришли изъ Туркестана». Тогда пророкъ возгласилъ по-тюркски: «урушунъ ларъ!» т. е. сражайтесь! Воины, услышавъ это, пошли въ битву и опрокинули враговъ пророка. Пророкъ благословилъ побѣдителей и сказалъ, что Богъ умножитъ ихъ потомство и до конца вѣка помки ихъ населять землю. Воиновъ было 92 человека, и отъ каждого изъ нихъ пойдетъ особый родъ, и имена ихъ до конца вѣка будутъ всѣмъ извѣстны; именами этими теперь зовутся 92 колѣна узбековъ. Такъ, одинъ воинъ звался Хитай и родъ его до селѣ зовется хитай, другаго звали Кипчакъ, и отъ него пошелъ родъ кипчаковъ и т. д.

Узбекская народность представляется теперь передъ нами, частью осѣдлой, частью полукочевой или вовсе кочевой.

Осѣдлые узбеки встрѣчаются во всѣхъ здѣшнихъ городахъ и перемѣшаны съ таджиками, такъ что ихъ трудно отличить другъ отъ друга.

Полукочевые узбеки группируются тамъ и сямъ особнякомъ, а кочевые, не подходя по образу жизни ни подъ одну изъ первыхъ двухъ категорій, странствуютъ всюду. Чисто кочевыми узбеками, могутъ назваться киргизы (вѣрнѣе-казаки); кочевья ихъ примыкаютъ къ долинѣ р. Зеравшана съ сѣвера, а потому, если и встрѣчается гдѣ нибудь между полукочевыми узбеками кочевникъ узбекъ (казака), то вы его не отличите отъ нихъ и не узнаете. Есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Самаркандскомъ отдѣлѣ участки, занятые киргизами, но говорятъ, что киргизы

пристаютъ къ полукочевымъ узбекамъ ежегодно и черезъ нѣсколько лѣтъ, кромѣ привычекъ, нѣкоторыхъ обычаевъ, утрачиваютъ многія статьи туалета записныхъ кочевниковъ, а отчасти и свой рѣзкій казакій (киргизскій) акцентъ мѣняють на болѣе мягкую рѣчь узбековъ полукочевниковъ. Поэтому, чтобы правильно сортировать здѣшнія народности, нужно крайне опытный глазъ, а филологу, кромѣ того; еще и тонкое ухо, потому что и узбекъ хорошо говорить по таджикски, и таджикъ горожанинъ или съ ближайшихъ горныхъ склоновъ, въ огромномъ большинствѣ отлично знаетъ узбекскую рѣчь; только одинъ законченный труженикъ гальча выдаетъ себя, да и то скорѣе наружностью, потому что и онъ часто сходится въ долины и знакомится съ узбекской рѣчью.

Въ исключительномъ положеніи находятся здѣсь, въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ, женщины. Рѣдная сарьянка пойметъ кровную таджичку, обитательницу береговъ Зеравшана, а эта послѣдняя, въ особенности изъ высшаго класса, въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ, задумается надъ черномазою и полудиною женщиною гальча.

О женщинахъ узбековъ, за исключеніемъ кенегезовъ, нечего и говорить: между ними, какъ и между сарьянками, говорить по-таджикски весьма немногія.

По словамъ сторожиловъ, въ окрестностяхъ Самарканда должно быть до 80000 узбекскихъ семействъ.

IV.

Отверкъ современныхъ намъ пришлыхъ народностей Средней Азіи: иране, евреи, индѣйцы, цыгане и авганы.

Въ заключеніе этихъ историко-этнографическихъ этюдовъ о народахъ Средней Азіи, я вкратцѣ сообщу о тѣхъ національностяхъ, которыя не представляютъ собою первобытныхъ и постоянныхъ обитателей здѣшней мѣстности. Къ такимъ національностямъ принадлежатъ:

Ирани.

Такъ называются потомки персіянъ, приведенныхъ сюда будто бы около ста лѣтъ тому назадъ изъ Мерва эмиромъ бухарскимъ Шахъ-Мурадомъ, извѣстнымъ въ здѣшнихъ исторіяхъ также подъ именемъ Магзумъ-Джанатъ-Махони. Покоривъ Мервъ, Шахъ-Мурадъ привелъ сюда только 500 персидскихъ рабовъ; но современемъ они размножились черезъ браки съ таджиками, черезъ добровольныя переселенія изъ Персіи и, наконецъ, черезъ освобожденіе рабовладѣльцами тѣхъ, которые еще такъ недавно въ значительномъ количествѣ сбывались, да и теперь сбываются иногда, на среднеазиатскія рынки туркменами. Такимъ образомъ, образовалась совершенно особая національность, иногда весьма отличная, въ особенности по наружности, отъ таджиковъ и отъ узбековъ. Ирани, въ силу религіозной нетерпимости большинства здѣшняго населенія, были до насъ суннитами; теперь же многіе вернулись къ прежнему своему вѣрованію шиизму, а иные—ни то, ни се. Говорятъ они по таджикски, и разсѣяны по всемъ городамъ Бухарскаго ханства; не въ значительномъ количествѣ они живутъ и въ Ташкентѣ. Въ Самаркандѣ ихъ считаютъ до 2-хъ, а въ Бухарѣ—до 8000 душъ.

Иране издавна составляли то средне-азиатское сословіе, которое называется шакирдъ-пиша (служилые). Придворные служилые среднеазиатскихъ властителей, по большей части, начавъ свою карьеру въ званіи махрама (камердинера) или дорбана (гридня), и т. п., при личныхъ задаткахъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ переходятъ и на высшія ступени іерархіи: они бывають назначаемы своими повелителей, воспитателями ихъ дѣтей, докладчиками просьбъ (одайчи), беками (правителями городовъ), военачальниками и даже не рѣдко посятъ званіе кушъ-беги, (перваго министра). Таковъ и теперешній бухарскій первый министръ Мухаммедъ-шахъ, родомъ ирани; такимъ же былъ и предшественникъ его, нѣкто Хакимъ, чедовѣкъ, хотя и умный, но гордый, стыдившійся своего происхожденія изъ рабовъ и звавшій себя узбекомъ, изъ колѣна алчинъ. Ирани занимаются земледѣліемъ и другими работами по найму, и во всехъ городахъ и деревняхъ группируются обыкновенно особо; въ большинствѣ они далеко незажиточ-

ны, а въ качествѣ народа захожаго, вмѣстѣ съ евреями, сильнѣе другихъ здѣшнихъ національностей симпатизируютъ русскимъ.

Евреи (джугутъ или ягуды)

Эти всемірные граждане появились въ Маурангарѣ, по разсказамъ, около 300 лѣтъ тому назадъ, при эмирѣ Искендеръ-ханѣ, одномъ изъ первыхъ государей, царствовавшихъ въ Бухарѣ дома Шейбани. Здѣшніе евреи—изъ Персіи, а потому говорятъ по персидски, или вѣрнѣе—по таджикски; одежда ихъ отличается отъ узбекской и таджикской только тѣмъ, что, какъ невѣрные, они не имѣютъ права носить чалму. До насъ они не могли также подпоясываться приличнымъ кушакомъ, а непременно веревкой, не могли ѣздить верхомъ по городу и вообще находились въ презрѣніи. Впрочемъ, здѣшніе представители этой всемірной націи,—народъ довольно красивый и весьма полезный при сношеніяхъ съ фанатиками-мусульманами.

Мнѣ говорили, что, 30 лѣтъ тому назадъ, въ Самаркандѣ было всего 5 еврейскихъ семействъ, а въ настоящее время ихъ полагаютъ до 300 душъ. Это размноженіе приписываютъ общему закону и переселеніямъ изъ Бухары.

Самаркандскіе евреи занимаются приготовленіемъ изъ винограда водки и торгуютъ ею; они скупаютъ также шелкъ, красятъ его и продаютъ на базарѣ оптомъ и въ розницу, снабжаютъ за проценты деньгами подобно захожему сюда народу: индѣйцамъ, и вообще проникнуты торгашествомъ, какъ и прочіе ихъ родичи, разбѣянные по лицу земли.

Индѣйцы (инду).

Этотъ, въ высшей степени грязный, недѣятельный и коммерческій народъ, пріѣзжаетъ сюда изъ Пешауара, Бомбая, Лагора и Шикарпура. Индусы занимаютъ въ Самаркандѣ 6 караванъ-сараявъ и торгуютъ кисеей, индиго, русскимъ желѣзомъ, которое везутъ они сюда изъ Бухары, и другими товарами, вообще въ незначительномъ количествѣ, потому что главное занятіе индусовъ—вычисленіе процентовъ на тѣ суммы, которыми они снабжаютъ и мѣстныхъ «правовѣрныхъ» и даже, при случаѣ, русскихъ негодяиновъ. Индусы часто проѣзжаютъ изъ города въ городъ, или живутъ по деревнямъ, какъ и другой родственныи имъ народъ, а именно:

Цыгане (лоу-люли или джуги)

Здѣшніе цыгане почти осѣдлы. Они зимуютъ по кишлакамъ, а теплое время года проводятъ въ полѣ, въ шатрахъ. Люли исповѣдываютъ исламъ и говорятъ по персидски и по узбекски. Есть между ними люди состоятельные, есть и бѣдные. Последніе почти всегда праздны, а если и принимаются за дѣло, то за самое пустое и безвыгодное, напримѣръ: нижутъ на нитку пшеничныя или ячменныя зерна, и продаютъ эти ожерелья за нѣсколько чекъ *), да и то съ обманомъ, дѣтямъ горожанъ. Сильно развиты въ этомъ народѣ также воровство, пьянство и вообще плутни. Такъ, напримѣръ, женщины люли, имѣющія между прочимъ право ходить съ открытымъ лицомъ, печатъ простушекъ-узбечекъ и таджичекъ, кстати и не кстати, кровопусканіями изъ висковъ и щекъ, навязываются къ иной съ совѣтами, въ особенности если знаютъ, что она плохо живетъ съ мужемъ, сулятъ ей счастье и т. п. Все это дѣлается изъ-за тѣхъ же чекъ, и кончается иногда очень печально для сивиллы, потому что случайно нашедшійся мужъ, безъ малѣйшей церемоніи, выгоняетъ ее со двора палкой.

Люли пришли, какъ говорятъ, изъ Индіи. Когда это случилось и сколько здѣсь люли—рѣшить пока трудно.

Есть здѣсь еще одинъ, весьма таинственный народъ, который одни называютъ родственнымъ люли, а другіе выходцами изъ Стамбула. Это, такъ называемые, *мазангъ*. Исключительное занятіе этого народа, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; мелочная торговля на базарахъ. Мазангъ также мусульмане, но женщины ихъ, какъ и люли, ходятъ съ открытыми лицами. Мазангъ—странствующие торговцы; вся лавка мазанга помѣщается на той же лошади, на которой сидитъ торговецъ или торговка. Между торговками мазангъ встрѣчаются весьма пріятныя лица, а голосъ народный говоритъ, что женщины мазангъ въ большинствѣ случаевъ—проститутки. Подробное изслѣдованіе этого народа представить большой интересъ.

Затѣмъ остается еще упомянуть объ *аванахъ*, которые разсѣяны по всѣмъ среднеазиатскимъ городамъ. Весьма немногіе изъ

*) Чекъ— $\frac{1}{4}$ копейки.

нихъ основали здѣсь осѣдлости, большинство же народъ торговый или промышленный. Весьма замѣчательно, что здѣшніе мусульмане не любятъ авгановъ, несмотря на полное тождество религій; они не любятъ ихъ за сварливость, грубость, насилие и за всё тѣ дѣла, которыми ознаменовалъ себя этотъ народъ, владѣя узбекскими провинціями за Аму-Дарьей, или иначе въ Чоръ-Вилаетѣ, гдѣ побѣдители авганы внесли съ собою не мало горя въ общественный, и въ особенности въ домашній бытъ тамошнихъ узбековъ. Авганъ, пользуясь отсутствіемъ мужа, среди бѣлаго дня зашелъ въ женскую половину, и на вопросъ мужа, вошедшаго вслѣдъ за нимъ, въ свою очередь, обратился къ нему съ вопросомъ: «что ему тутъ нужно, и развѣ онъ не видѣлъ у порога туфли гостя? Если видѣлъ, то не долженъ былъ и входить». Въ очеркахъ Самарканда я говорилъ о всѣхъ этихъ народностяхъ.

Въ заключеніе этихъ этнографическихъ этюдовъ, я долженъ оговориться, что не преслѣдовалъ никакихъ специально-ученыхъ цѣлей, а собралъ и написалъ лишь то, что могъ собрать и написать, поэтому я смѣло рассчитываю на снисхожденіе строгихъ и специально знакомыхъ съ дѣломъ цѣнителей. Въ дополненіе моихъ очерковъ, перечислю 92 колѣна узбековъ и сообщу названіе тѣхъ узбекскихъ родовъ, которые живутъ собственно въ Зеравшанскомъ округѣ.

Исчисленіе 92-хъ колѣнъ узбековъ.

Наименованіе колѣнъ.

Мѣста ихъ жительства.

	Живутъ: въ Крыму, Астрахани, Оренбургѣ, Казани, Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на Волгѣ; незначительные поселки ихъ разсѣяны около большихъ среднеазійскихъ городовъ, въ томъ числѣ и около Кашгара.
1) Ногай (наши татары).	Бухара и окрестность этого города.
2) Тоторъ	Отъ Иртыша до Аму и Урала.
3) Казакъ (наши киргизы)	Алатавскія горы и отрогъ Тянь-Шаня: Кашгаръ-Даванъ.
4) Кыргызы (дикокаменные киргизы)	

5) Кунградъ	Верховья Аму и низовья этой рѣки, окрестности г. Карши, среднее теченіе Сыра и частію долина Зеравшана; нѣкоторыя отрасли этихъ колѣнъ зовутся у насъ киргизами.
6) Найманъ	
7) Канглы	
8) Тама	Долина Зеравшана, Устюртъ и низовья Аму. Эти колѣна также частію называются киргизами.
9) Каракалпакъ	
10) Турименъ	Устюртъ, р.р. Маргабъ, Атрекъ, Гергенъ, Аму и горы Кара-тау, въ долину р. Зеравшана.
11) Тюякмы	Долина р. Зеравшана.
12) Тюркъ	
13) Буркутъ	
14) Миситъ	
15) Абу	
16) Сарай	
17) Бахрипъ	Долина Зеравшана и окрестности г.г. Ура-Тюбе и Дизаха.
18) Хитай	
19) Кипчакъ	
20) Мынь	
21) Юзъ	
22) Кыръ	
23) Джалаиръ	
24) Бетошъ	
25) Алчинъ	Долина Зеравшана, Чирчика и Сыра.
26) Аргынъ	
27) Кызылы	
28) Кирейтъ	
29) Рамаданъ	(Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются киргизами).
30) Табынъ	
31) Кенегезъ	Долина Кашка-Дарьи.
32) Мангытъ	Долина Зеравшана и Кашка-Дарьи.
33) Кыятъ	Долина Зеравшана.
34) Саятъ	
35) Джагатай	
36) Дурменъ	Долина Зеравшана.
37) Ушунъ	
38) Муитанъ	
39) Хайбатъ	

40) Кугурлю	} Долина Зеравшана.
41) Баллосъ	
42) Каучинъ	
43) Гарабъ	
44) Калмакъ	
45) Караханъ	} Всѣ эти поколѣнія узбековъ
46) Унъ	
47) Яманъ	
48) Чакмакъ	
49) Арзукъ	
50) Карлукъ	
51) Турдасъ	
52) Катаганъ	
53) Киляучи	
54) Уйротъ	
55) Киботъ	} нужно полагать за Аму-Дарьей
56) Кахатъ	
57) Джужачи	
58) Пулатчи	
59) Джурбутъ	
60) Джіотъ	
61) Буютъ	
62) Арлотъ	
63) Уткутъ	
64) Джарджутъ	
65) Хитъ	} или въ Хивинскомъ Ханствѣ.
66) Сеидли	
67) Турлосъ	
68) Уклонъ	
69) Иляги	
70) Кышликъ	
71) Тыджанли	
72) Бури	
73) Аучи	
74) Утарчи	
75) Тилау	} Впрочемъ, нѣкоторые, въ незна-
76) Кыргынь	
77) Джуйротъ	
78) Турганъ	
79) Сауранъ	
80) Баудалакъ	
81) Ардури	
82) Лякай	
83) Кикчи	

84) Утегентъ	} Впрочемъ нѣкоторые, въ незна- чительномъ количествѣ, живутъ и въ долинѣ Зеравшана.
85) Утканъ	
86) Итчи	
87) Нитягай	
88) Джаусаръ	
89) Аканъ-салды	
90) Аманъ	
91) Абдалъ	
92) Асака	

Но поводу поселенія *туркменовъ* въ названныхъ выше мѣстностяхъ, существуетъ между ними весьма оригинальное преданіе, которое и привожу здѣсь: г. Туркестанъ былъ когда-то мѣстомъ жительства (а теперь сталъ могилой) извѣстнаго мусульманскаго святаго Султана-Ахмеда-Ясави, родомъ узбека, что надобно замѣтить, большая рѣдкость, ибо 9% мусульманскихъ святыхъ арабы, персы или таджики. Изъ табуновъ святаго Ахмеда пропалъ однажды конь (нелишне замѣтить также, что мусульманскіе святые непремѣнно богачи). Святой заподозрилъ въ кражѣ коня двоихъ туркменовъ, которые всѣ, безъ исключенія, кочевали въ окрестностяхъ Туркестана. Туркмены этихъ звали: Акманъ и Караманъ. Они обидѣлись на подозрѣніе и рѣшили отмстить: тайно свели одного изъ своихъ коней въ конюшню Ахмеда, а потомъ, въ свою очередь, объявили на него свои подозрѣнія. Ахмедъ рѣшилъ тѣмъ, что приказалъ всѣмъ туркменамъ удалиться изъ окрестностей Туркестана, какъ недостойнымъ ворами и мошенникамъ, туркмены тронулись черезъ пески Кызылъ-кумъ на югъ. Много потерпѣли они горя во время этого путешествія, а потомъ плутовъ Акмана и Карамана, по волѣ святаго, пройдя пески, окончательно выбились изъ силъ и осыли въ горахъ Нурата, будучи не въ состояніи идти далѣе; прочіе родичи ихъ ушли за Аму и дальше, въ мѣста болѣе благодатныя. Поэтому-то, будто-бы, нуратинскіе туркмены и доселѣ крайне вороваты, бѣдны и поголовно носятъ кличку: аксакъ-токсакъ, т. е. «хромая сволочъ».

О колѣнахъ: кунградъ, алчинъ, аргынъ, канглы, кирейтъ, рамаданъ и табынъ замѣтимъ, что нѣкоторые киргизскіе роды также называются этими именами.

Кенегезы, какъ сказано выше, обитаютъ въ долинѣ Кашка-

Дарьи, а мангиты—въ долинахъ Зеравшана и Кашка-Дарьи. Покоління этихъ узбековъ суть: кара, баурдакъ, тимуръ—ходжа, гаудаякъ, узъ, тазъ, канджагалы, акъ-мангытъ и токъ-мангытъ, изъ котораго происходитъ нынѣшній эмиръ бухарскій. Вообще это поколіе господствующее. Здѣсь же, кстати замѣтить, что съ приходомъ изъ, за Тянь-шаня Чингиза, Бухарой владѣютъ три династіи: 1-я собственно Чингиза, 2-я Тимура и 3-я узбекская до послѣдняго времени.

Первый представитель этой послѣдней династіи былъ нѣкто Мухамедъ-Рахимъ-Ханъ, узбекскій военачальникъ, изъ колѣна мангытъ, вступившій на ханство по смерти одного изъ послѣднихъ потомковъ Чингиза Обайдулла-хана, въ началѣ второй половины прошлаго вѣка. Благодаря слабости Обайдулла-хана, Мухаммедъ-Рахимъ переходилъ къ власти постепенно, и наконецъ, сдѣлался ханомъ Бухары. По смерти его, около 1760 года, ханомъ сталъ, хоть и потомокъ Чингиза, нѣкто Абулъ-Гази, но былъ также на столько слабъ, что ханствомъ правилъ племянникъ Мухаммедъ-Рахима-Даніаль или, какъ говоритъ простонародіе—Даніяръ. Послѣ него, хотя Абулъ-Гази былъ живъ, власть перешла къ сыну его, Даніаля, Шахмураду, который первый принялъ титулъ эмиръ-аль-муменина, т. е. повелитель правовѣрныхъ. Шахмурадъ умеръ будто въ 1801 году. Послѣ него полновластнымъ эмиромъ сталъ сынъ его Мирхайдаръ, которому наследовалъ также старшій сынъ Нассыръ-Ала (крыло Бога) и этому послѣднему, въ свою очередь, старшій его сынъ и настоящій эмиръ Мозаффаръ. Что же касается до Кокана и Хивы, то въ первомъ изъ нихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, водворилась и править доселѣ каракиргизская династія Нарбуты-бія, а въ Хивѣ въ тоже время началъ теперешнюю династію нѣкто Пльтезеръ-Инакъ, родомъ каракалпакъ.

Скотоводство составляетъ почти исключительное занятіе узбековъ; изъ нихъ родъ кунградъ славится баранами и верблюдами; есть между ними владѣльцы 1,000 верблюдовъ.

Каракалпакъ извѣстны рогатымъ скотомъ, а хытай и кипчакъ лошадьми. Эти два послѣднія колѣна узбекскія, обитая въ долины Зеравшана (Міянкаль), болѣе другихъ заняты садоводствомъ и земледѣіемъ, присущимъ и прочимъ колѣнамъ, но въ незначительныхъ размѣрахъ.

Наименованіе узбекскихъ колѣнъ и поколѣній, живущихъ въ Зеравшанскомъ округѣ и мѣста ихъ жительства.

Кунградъ	}	Афринкентскій туманъ (участокъ) Сугутскій и Чалекскій туманы.
Кипчакъ		
Хитай	}	Африкентскій туманъ.
Кыять		
Саятъ	}	Въ Самаркандѣ и Шавдарскомъ туманѣ.
Джагатай		
Дурменъ	}	Африкентскій и Ширазскій туманы.
Найманъ		
Ушунъ	}	Сипке, Улусъ, Кокташъ и Кара-Тюбинскій туманъ.
Мунтанъ		
Джалаиръ	}	Въ Катта-курганскомъ отдѣлѣ.
Канглы		
Алчинъ	}	Самаркандъ и его ближайшія окрестности.
-Мынь		
Кыркъ и Юзъ	}	Ургутскій и Анхорскій туманы Шавдарскій и Ширазскій туманы.
Тюяклы		
Каракалпакъ	}	Панджекентскій туманъ. Шавдарскій, Сугутскій, Ширазскій туманы, Чашманскій туманъ, Джамъ.
Сарай		
Гарабъ	}	Разбросаны по всему Зеравшанскому округу, въ особенности въ Катта-курганскомъ отдѣлѣ. Въ Бухарѣ есть особая помѣсь арабавъ съ узбеками, говорящая плохимъ арабскитъ языкомъ.
Кыргызы		
Тюркъ	}	Ширазскій туманъ, Санзаръ, Усметъ.
Тюркъ		
Казакъ (киргизы)	}	Южные склоны Нурата. Въ незначительномъ количествѣ разбросаны всюду.

Мынь (мингъ), кыркъ и юзъ вырабатываютъ бумажныя ткани, черное сукно, чекмень (кокма) и палазы.

Каракалпаки и сараи выдѣлываютъ половники и подпруги. Колѣна: кыргызы и тюркы — черное, грубое сукно; колѣна: тюркы и казакъ (киргизы) — изготовляютъ ковры, курджуны (переметныя сумы), капы (шѣшки), чекмень (грубое сукно), войлоки, онучи и т. п.

Вообще, должно сказать, что Зеравшанская долина представляется собою такую смѣсь узбекскихъ колѣнъ и поколѣній, что для подробнаго изслѣдованія ихъ нужно много и много времени и возможности не одинъ разъ объѣхать всѣ кишлаки и кочевья.

Узбеки Кенегезъ.

Этнографическій очеркъ.

Узбеками зовется тюркское населенія занятыхъ нами средне-азиатскихъ провинцій. Всѣхъ узбековъ 92 колѣна и здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ изъ нихъ.

Земля кенегезовъ лежитъ на югъ отъ Самарканда, на 3 дня пути *) въ горахъ, и зовется *Шахарзюбъ* (зеленый городъ), а въ просторѣчьи *Шарсабизъ*, какъ мы и будемъ называть ее, по удобству произношенію.

Шарсабизъ — родина знаменитаго Тумураленка (по русскимъ исторіямъ Тамерлана), состоитъ изъ нѣсколькихъ городовъ и деревень. Подробныя свѣдѣнія о нихъ собрать пока невозможно, хотя русскія войска и были въ землѣ кенегезовъ, **) впрочемъ, не надолго, да и не легко собирать какія бы то нибыло свѣдѣнія въ смутное время похода. Извѣстно, что хорошо населенными считаются лишь два города: *Шаръ* и *Китабъ*. Извѣстно также, что цитадель Шара построена при Тимурѣ. Она называется *Акъ сарай* и принадлежить къ числу тѣхъ семи высокихъ зданій временъ Тимура, имена

*) Полагая отъ 25 до 30 верстъ въ день. Въ Средней Азіи разстоянія правильно не измѣрены, и обыкновенно полагаются прихвально.

**) Шахрисабзкая экспедиція 1870 года.

которыхъ здѣшнія лѣтописи сохранили, какъ имена семи чудесъ свѣта. Мечеть Хазретъ въ г. Туркестанѣ, занятомъ нами въ 1864 г., принадлежить къ числу этихъ семи чудесъ мусульманскаго міра. Стѣны Акъ-сарая имѣли, будто-бы, когда-то болѣе 100 аршинъ высоты, но современемъ обвалились, и теперь сравнительно очень невысоки. Преданія сохраняютъ легенду о Тимурѣ который принималъ однажды на стѣнѣ Акъ-сарая посла отъ одного изъ своихъ вассаловъ и, возмущенный дерзостью присланнаго ему письма, бросилъ это письмо со стѣны, приказавъ въ тоже время своей свитѣ достать его.... Немедленно 500 человекъ свиты бросилось со стѣны.... Исторія Средней Азіи набита легендами; нами рассказана одна изъ нихъ.

Земля узбековъ-кенегезъ орошается рѣкою *Кашка-Дарья* и канавами изъ этой рѣки. Кенегезы сѣютъ всѣ роды среднеазиатскихъ земледѣльческихъ продуктовъ, но все это не мѣшаетъ имъ быть очень воинственными.

Они всегда имѣли своихъ бековъ (князей) и, съ помощью гористой мѣстности, а главное, благодаря оригинальному свойству окрестностей городовъ Шара и Китаба затопляться на большое пространство водою, посредствомъ нѣсколькихъ плотинъ, они всегда были крайнѣ вольнолюбивы и никогда вполнѣ не подчинялись даже бухарскимъ эмирамъ, хотя и считались ихъ вассалами.

Попытки эмировъ покорить Шарсабизъ, когда кенегезы не повиновались, всегда оканчивались ничѣмъ. Преданія сохранили впрочемъ, извѣстія объ успѣхѣ эмира Насыръ-Аллаха (Насрулла, или, по народному прозвищу — Батыръ-ханъ) подъ стѣнами Шарсабиза.... Но какой это былъ успѣхъ!... Эмиръ *болше 10 лѣтъ сряду(!)* ходилъ подъ Шарсабизъ, уничтожалъ хлѣбныя посѣвы, сады, не пропускалъ къ кенезамъ изъ сосѣдняго города Карши соль, отчего осажденные страдали цингой и т. п., такъ что кенегезы отворили наконецъ ворота города но Насыръ-Аллахъ заплатилъ за свое торжество жизнью. Женщины кенегезовъ вообще славятся своею красотою, среднеазиатскіе же деспоты, осиливъ одинъ другаго обыкновенно прежде всего обращаютъ вниманіе на имущество, женъ и дочерей побѣжденнаго врага... Насыръ Аллахъ отнялъ у одного изъ шарсабизскихъ бековъ, а именно у Якуба его жену, извѣстную въ свое время во всемъ Туркестанѣ красавицу, сестру правившаго въ ту пору Шарсабизомъ бека Ис-

кандера. По рассказамъ она любила своего мужа, а потому, при первомъ удобномъ случаѣ влила въ ухо соннаго эмира ртути, страданія хана, говорятъ, были ужасны.... Несчастная созналась послѣ страшныхъ пытокъ, и съ двоими дѣтьми была зарѣзана у смертнаго одра своего втораго мужа и повелителя. Ее звали Кенегезъ-Аимъ (въ переводѣ: кенегезянка, мой свѣтъ).

Вамбери рассказываетъ о смерти Насыръ-Аллаха нѣсколько иначе; а именно, онъ говоритъ, что эмиръ умеръ отъ припадка гнѣва, овладѣвшаго имъ вслѣдствіе неслыханнаго упорства, съ которымъ Шарсабизъ противостоялъ тридцати сраженіямъ и шестимѣсячной осадѣ. Третьи преданія говорятъ, что эмиръ скоропостижно умеръ въ государственномъ совѣтѣ, протрадавъ цѣлый годъ сильною головою болью. Наконецъ рассказываютъ также что свирѣпый эмиръ казнилъ передъ своею смертію красавицу Кенегезъ-Аимъ только изъ ревности, опасаясь, что она, послѣ смерти его, снова будетъ счастлива съ другимъ мужемъ.

Теперешній эмиръ, хотя былъ однажды съ войскомъ подъ Шарсабизомъ, но, говорятъ, также безуспѣшно: кенегезы отстояли свою независимость въ своихъ горахъ пока наши войска, въ 1870 году, не взяли Китаба и не подчинили кенегезовъ эмиру. Несомнѣнно, что они, попрежнему, мечтаютъ о независимости. По общимъ рассказамъ, кенегезы вообще отличаются нетерпимостью къ иноземцамъ хотя всетаки оказываютъ гостепримство всѣмъ политическимъ изгнанникамъ и бѣглецамъ изъ Бухары, Кокана и другихъ мѣстъ. Въ преданіяхъ остались имена многихъ владѣтельныхъ особъ, искавшихъ пріюта у кенегезовъ, послѣ политическихъ бурь, которыми такъ богата жизнь среднеазиатскихъ народностей. Въ 1868 году у кенегезовъ укрывался возставшій противъ эмира старшій сынъ его Сейдъ-Абдуль-Маликъ-ханъ, по слухамъ, находящійся теперь въ Кашгарѣ и нетерпѣливо ожидающій смерти отца своего—эмира, дабы занять его мѣсто, что, впрочемъ, ему едва ли удастся, потому что онъ не отвѣчаетъ требованіямъ нашей среднеазиатской политики.

При завоеваніи нами Самарканда, кенегезы держались совершенно независимо. Они дали помощь осажденному нами городу Ургуту, а потомъ держали въ блокадѣ и Самаркандъ; но извѣстно, что все это кончилось ничѣмъ: они уступили силѣ нашего оружія,

хотя насъ было немного. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого кенегезы постоянно держались весьма враждебно, какъ относительно насъ, такъ и относительно эмира. Это разбойничье гнѣздо вызвало въ 1870 году противъ себя походъ, кончившійся взятіемъ главнаго города кенегезовъ Китаба, послѣ чего земля этихъ узбековъ была возвращена эмиру, какъ старинное вассальное владѣніе его предковъ. Беки кенегезовъ: *Джура* и *Баба* бѣжали въ Коканъ. Ханъ Худояръ немедленно выслалъ ихъ въ Ташкентъ, на распоряженіе генераль-адъютанта Кауфмана, и теперь они живутъ въ Ташкентѣ, получая отъ эмира совершенно достаточную для нихъ пенсію. Джура-бій человѣкъ лѣтъ 35, высокаго роста, съ очень пріятнымъ и умнымъ лицомъ; Баба бій—мужчина лѣтъ за 40, съ круглымъ лицомъ и черной бородою, дороденъ и по виду нисколько не отличается отъ простаго туземца, тогда какъ Джура-бекъ держитъ себя всегда очень солидно и сдержано.

Кенегезы, по своимъ торговымъ дѣламъ, всегда тяготѣли къ Самарканду; они возятъ на базары этого города нѣкоторые бумажные ткани, ремни, табакъ, фисташки, марену, шерсть, гранаты одиѣ изъ лучшихъ въ Средней Азіи, сушеный виноградъ и т. п. Кроме этого, горы, обитаемыя кенегезами, богаты дичью; куро-патками разныхъ видовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе одинъ, величиною съ гуся, утками, козами (архаръ), и даже гусями, которыхъ вообще очень мало въ Средней Азіи, даже въ дикомъ состояніи, и которые у кенегезовъ составляютъ, по рассказамъ, домашнюю птицу. Впрочемъ, теперь гуси разведены и въ Самаркандѣ. Въ заключеніе, должно замѣтить, что кенегезы, какъ вообще всѣ горцы, хорошіе стрѣлки, что они и доказали при осадѣ Самарканда, и особливо во время шахрисабзской экспедиціи 1870 года.

На переправѣ.

(Очеркъ быта прилинейныхъ киргизовъ).

Перевороты, происходившіе въ мірѣ въ теченіе сотенъ, можетъ быть тысячъ лѣтъ, внесли очень мало измѣненій въ бытъ киргизовъ. Въ этой націи сохранилась вѣрная картина быта и нравовъ древнихъ туранскихъ племенъ, составляющихъ такое странное смѣшеніе недостатковъ и добродѣтелей.

Вамбери.

Это было осенью 1861 года. Въ компаніи съ Б. А. М., я уѣхалъ изъ Уральска въ Сахарную крѣпость подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотреть на совершенно новую для меня картину — на перепускъ скота на тебеневку.

Въ одно утро отправились мы на берегъ Урала. С. С. и В. А. занялись счетомъ и перепускомъ лошадей, а я началъ глазѣть по сторонамъ. Падалъ снѣгъ. Казаки, киргизы и киргизки ставили для насъ кибитку. Рѣшетчатые стѣнки ея были уже поставлены и укрѣплены; оставалось только поднять *чагаракъ*, т. е. самую верхушку, укрѣпить ее на палкахъ, называемыхъ *унинами*, и обернуть весь этотъ скелетъ войлокомъ. Тогда домъ готовъ; на постройку его требуется много полчаса. Ставить кибитки обязанность женщинъ, и онѣ въ этомъ случаѣ искуснѣе мужчинъ. Желтовато-черная, старая *марджа* (баба) въ дырявомъ черномъ *джавлукѣ* (повязка киргизокъ) кричала и хлопотала всѣхъ сильнѣе, замѣтивъ должно быть, что привязанный по сосѣдству къ дереву, баранъ, обреченъ на закланіе, а потому, надо полагать, чуя, что ему не одобровать, оретъ во всю глотку. Марджа, безъ сомнѣнія, догадывалась, что ожидаетъ барана, и заранѣе воображала котла, наполненный водой и мясомъ, потомъ груды того же мяса, но уже свареннаго и въ чашкахъ передъ гостями; она тайно ласкала даже и желаніе принять на свою отвѣтственность приготовленіе этого мяса, но, несмотря на то, что она была сродни приказному (или старостѣ) киргизъ, ей казалось это несбыточнымъ. А ужъ какъ бы приготовила она!

Между тѣмъ, за Ураломъ сотни киргизскихъ лошадей ожидали перепуска; косяшники, на поджарыхъ и потныхъ коняхъ, рыскали по разнымъ направленіямъ, махая длинными укрюками и отдѣляя извѣстныя части для перегона по льду. Вотъ косяшникъ на красивой сѣрой лошади вѣзся въ табунъ и бьетъ лошадей укрюкомъ безъ разбора по головамъ, спинамъ и бокамъ. Одна часть шарахнулась вправо, другая — меньшая, влѣво. Косяшникъ устремился за послѣдней и заворачиваетъ ее въ къ Уралу. Подстриженный жеребенокъ, отбитый укрюкомъ отъ матери, которая ржетъ въ это время въ другой части табуна, вырывается изъ косяка и стремглавъ несется назадъ. Вдали за перелѣскомъ, чернѣютъ новые косяки и синѣетъ степь. На льду, въ двѣ линіи, стоятъ счетчики казаки и киргизы; важно рисуется хорунжій К., когда-то байгушъ (бѣднякъ) и чернорабочій, а теперь богатъ, облеченный въ нѣсколько халатовъ и богатую лисью шубу, владѣлецъ табунныхъ лошадей и гуртовъ барановъ. Тумакъ (шапка) его обшитъ золотымъ галуномъ; киргизы относятся къ нему почтительно. Такъ всюду распоряжается людьми всемогущая судьба! По узкой долобкѣ, сдѣланной изъ земли, поперегъ всей рѣки, между счетчиками идутъ степные кони, вздрагивая, озираясь и напирая другъ на друга, и стремглавъ вылетаютъ на крутой берегъ, какъ только нога коснется твердой земли. Я присѣлъ на бугоръ и закурилъ папироску. Рядомъ со мной помѣстился какой-то киргизъ, съ чернымъ лицомъ, въ дырявомъ армякѣ и широкихъ кожаныхъ шальварахъ; тумакъ его былъ изорванъ; въ рукахъ онъ держалъ нагайку.

— Ты откуда? спросилъ я.

— Мы отсюда, отвѣтилъ киргизъ, показавъ плетью за Уралъ и сплюнувъ сквозь зубы на сторону. Киргизы изъ вѣжливости и въ отвѣтахъ, говоря о себѣ, употребляютъ множественное число.

— Изъ зимовокъ? спросилъ я снова. Киргизъ кивнулъ головой. Это значитъ, бездѣльниковъ, подумалъ я. Поставилъ онъ здѣсь кибитку, потомъ поможетъ хорунжему К. войти въ нее, т. е. отворить дверь и самъ войдетъ, и сядетъ гдѣ-нибудь у двери, а тамъ глядишь, и подачку получить. Гдѣ бы что ни случилось, а наипаче не далеко и сопровождается заколомъ барана, въ особенности въ аулѣ старшины или маломальска зажиточнаго человѣка,

киргизы собираются туда мгновенно кто пѣшкомъ, кто верхомъ. Догадливые хозяева, зная этотъ милый обычай земляковъ, при закланіи барана, козла или козленка (мясо котораго, вѣсти сказать, очень вкусно, и который передъ смертью особенно крикливъ), затыкаютъ обыкновенно имъ ротъ, дабы крикомъ они не дали повѣстку о наступающемъ торжествѣ, иначе соберется такая ватага, что для нея одного козленка также мало, какъ для стаи волковъ. такъ случилось и тутъ. Киргизы услышали, что пріѣхали зимовные переправлять скотъ... давеча, слышь, приказный у Байтерева взялъ кибитку на переправу, а мѣстный старшина велѣлъ гнать туда же барана. Надо ѣхать.... Катымъ! кричить киргизъ. Ать-пртиб-берь! (жена, сѣдай лошадей!). Жена не говоря лишняго слова, беретъ сѣдло и направляется къ двери; киргизъ, между тѣмъ, потягивается на постелѣ подъ своими дырявыми покрывами съ самымъ разнообразнымъ населеніемъ... Вотъ онъ всталъ. Предупредительная жена давно уже приготовила ему умыться и непременно теплой воды. Киргизъ—сибаритъ, онъ никогда не умывается холодною водою, нѣтъ, чугунный *куманъ*, наполненный водой или снѣгомъ, всегда стоитъ чуть не по горло въ горячей золѣ, и теплая вода всегда къ услугамъ хозяина. Азырь! Готово! слышится снаружи. Киргизъ беретъ плетъ и выходитъ изъ кибитки, жена подводитъ лошадь, помогаетъ мужу сѣсть на лошадь и онъ отправляется на переправу. Если онъ пріѣдетъ рано, то приказный выгонитъ его на ледъ считать лошадей, тогда онъ у дѣла; если же онъ не застанетъ начала, то потеря для него не велика. Онъ тутъ посидитъ на корточкахъ, тамъ посидитъ около такого же бездѣльника-пріятеля, помѣняется съ нимъ вопросами о своемъ собственномъ здоровьѣ, о здоровьѣ скота и понюхаетъ табакъ; спроситъ фамиліи пріѣхавшихъ чиновниковъ, или пустится трактовать стоящихъ вблизи казачьихъ лошадокъ, а потомъ одну изъ нихъ, чего добраго, пожалуй, и стянеть... и это бываетъ: я слышалъ, что по всему уральскому войску, по милости киргизъ, въ ту пору каждагодно пропадали до 500 лошадей! Однихъ отыскивали, за другихъ киргизы платили деньгами или скотомъ, третьи пропадали.

— А вы откуда? спросилъ меня въ свою очередь киргизъ.

— Изъ Уральска.

— А-а-а... протянулъ онъ. А позвольте мнѣ одну такую бумажку. Онъ указалъ на папиросу. Я досталъ. Киргизъ началъ зажигать и, по несчастію, не съ того конца. Не горитъ, сказалъ онъ, и поднялъ на меня свои черныя глаза. Замѣтивъ мою улыбку, онъ недовѣрчиво осмотрѣлъ папироску, и наконецъ, догадался въ чемъ дѣло. Нужно замѣтить, что киргизы вообще, а прилинейные въ особенности, плохіе мусульмане; они знакомы и съ чаемъ, и табакомъ. Даже мясо русскаго рѣзу они ѣдятъ, что почитается дѣломъ совсѣмъ не благочестивымъ. Не прочь они и отъ водки; есть между ними и пьяницы. Я помню около, Гурьева городка, одного старшину, въ чинѣ заурядъ-хорунжаго, который то и дѣло посылалъ въ Гурьевъ гонца верхомъ на верблюдѣ за водкой. Между рабочимъ классомъ пьяницъ, я думаю, было бы довольно, если бы были избытокъ.

А лошади, между тѣмъ, мелькали мимо насъ.

— Ахъ, славная лошадь! воскликнулъ мой сосѣдъ, указывая на тонкую, сѣрую лошадь бывшую подъ косяшникомъ.

— Да; лошадь хороша, подтвердилъ я. А ты желалъ бы имѣть ее? Киргизъ въ отвѣтъ на это только пощелкалъ языкомъ, не спуская съ коня своихъ разгорѣвшихся глазъ. А потный, гибкій конь гордо шелъ въ это время мимо насъ, послушный сильной рукѣ всадника, молодого и крѣпкаго киргиза; длинный укрюкъ тащился позади.

— Эхъ, менеръ-идымъ! поѣздили бы, сказалъ мой сосѣдъ, сдвинувъ на ухо свой тумакъ.

— Что же ты нейдешь въ косяшники? спросилъ я. Вотъ и ѣздили бы да ѣздили на армагакахъ...

— Я былъ прежде косяшникомъ, отвѣчалъ киргизъ; но я былъ тогда молодъ и холостъ, я былъ джигитъ... А вѣдь тамъ, въ степи, зимой трудно: холодъ, кибитки нѣтъ, одинъ кошаръ; придется буранъ, угонитъ косякъ—джигитъ вставай! придетъ волкъ—испугаетъ косякъ—джигитъ выходи изъ кошара, садись на коня... Нѣтъ, для этого старики не годятся; тутъ надо горячую кровь, а то бѣда... Ладно, если зима не тяжела, а то какъ разъ замерзнешь...

Въ это время косяшникъ снова мелькнулъ мимо насъ; сосѣдъ мой снова, въ знакъ удовольствія, пощелкалъ языкомъ, глядя на

коня, и громко поздоровался съ косяшникомъ. Тотъ подъѣхалъ къ намъ. Это былъ молодой и красивый парень лѣтъ 25, въ красномъ хивинскомъ халатѣ. Несмотря на то, что повѣвалъ вѣтерокъ и падалъ снѣгъ, шея киргиза и грудь были открыты.

— Гдѣ же твоя шуба? спросилъ мой сосѣдъ. Я думаю, хозяинъ всеѣмъ снабдилъ тебя...

— Мое платье и все, что надо, тамъ... Онъ указалъ на одну изъ лошадей въ косякѣ, на спинѣ которой былъ навьюченъ кошаръ.

— Да это только кошаръ, замѣтилъ мой сосѣдъ.

— А вотъ видишь еще одна лошадь... вонъ... на ней кошмы, котелъ и платье, и даже баранья нога...

— А!... это хорошо, сказалъ мой сосѣдъ. А много васъ?

— Трое.

— На сколько лошадей?

— Тысячи на полторы.

— Ну, съ Богомъ! Будь здоровъ! Гляди—вонъ жеребцы дерутся... Поди розгони...

Косяшникъ ловко повернулъ коня налѣво. Плеть свиснула въ воздухъ, щелкнула по бедру, киргизъ нагнулся немного впередъ и во весь духъ полетѣлъ разнимать ревнивцевъ... Одни на полянѣ между двухъ косянковъ, поднявшись на дыбы и обнявшись передними ногами, жеребцы рвали зубами другъ друга. По временамъ, уловивъ моментъ, одинъ изъ нихъ быстро отскакивалъ всторону и въ тотъ мигъ, какъ другой кидался къ нему, онъ ловко и непостижимо проворно поражалъ его заднимъ копытами въ грудь и въ морду. Какъ ураганъ, налетѣлъ косяшникъ на бойцовъ, махая урюкомъ и зѣвая во все горло. Нѣсколько ударовъ тому и другому, и все кончено. Киргизы не позволяютъ жеребцамъ драться по весьма простой причинѣ: кони изранятъ другъ друга и испортятъ шкуры.

— Иные жеребцы бываютъ очень злы, сказалъ мой собесѣдникъ, но все не такъ, какъ *бура*. Къ тому не подходитъ!..

Бурю киргизы называютъ самца верблюда; слово *бура* очевидно звуко-подражательное. Пора любви у верблюдовъ бываетъ всего два мѣсяца въ году, и въ эти два мѣсяца бура дѣйствительно опасенъ; его почти всегда держатъ на привязи, потому что онъ

кидается на незнакомыхъ ему людей, будь то конный или пѣшій, и горе тому кого бура догонитъ: онъ сорветъ съ сѣдла, изомнетъ, если не поспѣютъ на выручку. Въ пору любви бура ѣсть очень мало, или даже почти вовсе не ѣсть; онъ дѣлается ровнымъ, подъярывается, какъ говорить у насъ. Марджа - хозяина опоясываетъ его широко цвѣтною подпругою,—бура щеголяетъ. Но страшно взглянуть на этого щеголя: косматая голова, красные глаза, пѣнящійся ротъ, скрежетъ зубовъ и глухое бурчанье дѣлаютъ его не очень привлекательнымъ. Въ работу его не употребляютъ: онъ только блаженствуетъ... Но пройдетъ пора любви и бура снова дѣлается скромнымъ животнымъ. Все это рассказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, пока мы сидѣли на берегу и смотрѣли на перепускъ лошадей, первые косяки которыхъ, перешедшіе уже изъ Зауральской стороны, были въ это время далеко: они черными точками мелькали на западѣ по кызыллубинской дорогѣ на р. Кушумъ. Другая часть лошадей еще переправлялась. Но вотъ послѣдній маштакъ выскочилъ на яръ и на льду пусто.

Всѣ, не исключая и разговорчиваго собесѣдника моего, ушли въ кибитку. Бывшіе съ ними казаки тутъ же развели огромный костеръ и грѣлись кругомъ, пошучивая межъ собою.

— Вишь орда проклятая! говорилъ одинъ казакъ, заслышавъ про барана, завидя дымокъ и тащатся со всѣхъ сторонъ, будто грачи на пададь...

— Вотъ лукавый-то и попуталъ какого-то! подхватилъ другой бородачъ. Гляди, братцы, киргизшика, надо пожагать слѣной, втискался въ воду.

— Вѣрно, этому жарко стало, замѣтилъ третій. Казаки захохотали.

На противоположномъ берегу Урала дѣйствительно одиноко стоялъ маленький, толстенный человѣкъ-киргизъ въ желтомъ зипунѣ. Онъ стряхивалъ и обивалъ палкою сапоги. За спиной у него болтался мѣшокъ и еще что-то. Какой-нибудь нищій — старикъ, подумалъ я. Онъ хотѣлъ пройти по долобѣ, сдѣланной на льду изъ слоя земли, для того, чтобы лошади не скользили, пональ въ пробойну у берега и вымочился. Я пошелъ въ кибитку.

Огонь пылалъ посреди юрты и нѣсколько паръ рукъ были устремлены къ нему. Все общество было на лицо. Старшина Ка-

наевъ, завернувшись въ свою великолѣпную шубу, сидѣлъ одинъ у стѣны и думалъ, повидимому, глубокую думу, сплевывая по временамъ, по киргизскому обычаю, сквозъ зубы на сторону или только показывая, что думалъ. Кто много молчитъ, тотъ умный человѣкъ, говорятъ киргизы. Прочіе киргизскіе старшины и депутаты перебрасывались между собою фразами, нюхали табакъ и то и дѣло плевали въ огонь. Тутъ же около двери сидѣли счетчики, робко поглядывая на старшинъ и на барана, котораго, съ засученными по-локоть рукавами розовой ситцевой рубахи, тутъ же обдирали молодой и ражій киргизъ. Въ головахъ этихъ оборвышей мелькали сладкія надежды получить подачку изъ рукъ старшины, въ видѣ жирнаго кусочка мяса. Когда всѣ обогрѣлись, завязалась бесѣда.

Какъ уроженецъ степей, я много разъ бывалъ въ киргизскихъ компаніяхъ. Когда въ матеріалъ для обыденнаго разговора о начальствѣ и его распоряженіяхъ, о скотѣ, киргизъ непремѣнно, если только онъ расположенъ говорить, заведетъ рѣчь о предметахъ, выходящихъ изъ круга его понятій, мало знакомыхъ ему, или вовсе незнакомыхъ, и даже сверхъ-естественныхъ: воображеніе ребенка любитъ тѣшить себя сказками о разныхъ разностяхъ. Если въ числѣ присутствующихъ есть грамотѣй—мулла или просто человѣкъ бывалый, то рассказамъ не будетъ конца. Увидя вашу папиросу, киргизы поднимаютъ вопросъ о табакѣ, и мулла не замедлитъ объяснить, что трава эта запрещена кораномъ, потому собственно, что проклята пророкомъ Магометомъ, ибо выросла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шайтанъ (дьяволъ) присѣлъ... Но тутъ киргизскій рассказъ не укладывается въ печать. Въ разговорахъ уральскихъ прилинейныхъ киргизъ вы непремѣнно услышите рассказы объ Оренбургскихъ водопроводахъ и водоемахъ (Оренбургъ — городъ киргизскихъ чудесъ) о телеграфѣ, которому киргизы не придумали еще пока никакого названія и зовутъ его просто *чемъ-то*, передающимъ вѣсти неимоვნно быстро, быстрѣе птицы и даже... о, Аллахъ!—быстрѣе вѣтра. Бывалые на Сыръ-дарьѣ вкрявъ и вкось толкуютъ о пароходахъ; мулла рассказывалъ о святыняхъ Бухары и Самарканда, гдѣ, по понятіямъ киргизъ, каждое утро выходитъ изъ земли солнце.

Глубокомысленные старшины, искоса поглядывая другъ на дру-

га и поплеывая въ огонь, важно слушаютъ рассказчика, не подавая вида что они удивлены.—Зато сидящіе у порога киргизы, киргизята и женщины слушаютъ съ самыми уморительными фізіономіями: рты разинуты, глаза выпучены... Алла! Алла! слышится то и дѣло.—Такъ случилось и въ нашей компаніи. Сначала рѣчь шла о переправѣ лошадей, о зимѣ, о сѣнѣ, словомъ о предметахъ близкихъ и дорогихъ киргизамъ; потомъ постепенно и какъ-то незамѣтно киргизы перешли къ религіи, къ обрядамъ, причемъ задѣли обрядъ евреевъ имѣть одного на цѣлое селеніе рѣзакъ, коснувшись обычая русскихъ пить вино и кадымиковъ—ѣсть палый скотъ; затѣмъ свели рѣчь на пищу, на разные роды и виды ея, и наконецъ вдалились таки въ разговоръ о диковинахъ. Поводъ подалъ одинъ старшина, рассказавъ о пѣкомъ муллѣ Чумпакѣ, который однажды, въ жаркій день мимоѣздомъ заѣхалъ въ одинъ аулъ, прямо къ кибиткѣ своего должника и, не слѣзая съ лошади, будто бы выпилъ десять большихъ чашекъ кислаго молока, т. е. больше ведра и, уѣзжая, сказалъ, что на половину долга они кныты. Рассказъ этотъ важно подтвердилъ самъ хорунжій Канеевъ, добавивъ, что онъ знавалъ муллу и что покойникъ за однимъ присѣстомъ съѣдалъ мясо цѣлаго барана и запивалъ почти полведромъ бульону. Тогда каждый изъ присутствовавшихъ началъ называть кого либо изъ своихъ знакомыхъ, обладающихъ подобнымъ аппетитомъ, и оказалось, что и въ данную минуту въ компаніи нашей есть такой рѣдкостный человѣкъ въ лицѣ одного изъ счетчиковъ, широколицатаго малаго съ крупными губами и челюстями, впрочемъ худощаваго, что давало поводъ думать, что онъ обѣдаетъ плохо.

— Онъ даже совсѣмъ сырое сало ѣсть можетъ, заговорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ у двери. Такъ весь бараній хвостъ и съѣстъ, только дайте...

— Да и ты не откажешся, возразилъ малый съ рѣдкостнымъ аппетитомъ. Помнишь...

Но въ это время войлочная дверь юрты приподнялась и къ намъ ввалился малорослый, толстый киргизъ, кривой на лѣвый глазъ; глубокія морщины со всѣхъ сторонъ сходились къ тому мѣсту, гдѣ когда-то находился этотъ глазъ; киргизу на видъ было лѣтъ подъ сорокъ; другой глазъ его небольшой, круглый, быст-

рый и блестящий, обжавъ все собраніе, остановился на хорунжемъ Канаевъ и, небольшая круглая, облеченная въ грязныя ломотья, фигура киргиза устремилась къ сановнику съ распростертыми руками и привѣтствіемъ на устахъ. Старшина важно далъ пришельцу руку и опять погрузился въ свои думы.

— А! Булеке! здоровъ ли? кричали, между тѣмъ, другіе киргизы, и Булеке, пожавъ руку каждаго изъ нихъ не обошелъ, и насъ.

— Осторожнѣе ходи около чиновниковъ, сказалъ Канаевъ. Что ты въ рѣку что ли лазилъ?

— Сейчас провалился въ рѣку... Такой грѣхъ! бормоталъ пришедшій и съ сокрушеніемъ осматривалъ свои мокрые сапоги и полы зипунишка.

— Что это за человѣкъ? спросилъ я Канаева, нѣсколько удивленный пріемомъ, сдѣланнымъ кривому оборванцу.

— Это бѣднякъ и дуракъ, безцеремонно отвѣтилъ Канаевъ. Онъ сирота, ходитъ по всей степи и питается подаеніемъ. Богъ не далъ ему разума. Откуда идешь, Булеке? обратился старшина къ кривому.

Я перенесъ глаза на Булеке; одинокій глазъ его и вся фizioномія совсѣмъ не показывало, что онъ дуракъ, какъ откровенно отрекомендовалъ его старшина.

— Я иду изъ Илека, ваша милость, отвѣчалъ Булеке.

— Это отсюда 350 верстъ, говорю я.

— Онъ идетъ изъ аула въ аулъ, поясняетъ мнѣ Канаевъ, и такъ каждый годъ, гдѣ застанетъ его ночь, тамъ онъ и ночуетъ, а утромъ идетъ дальше. (Кривой слушалъ нашъ разговоръ).

— Онъ не похожъ на дурака, замѣтилъ я.

— Аллахъ не далъ ему разума, снова категорически объявилъ Канаевъ. Онъ ходитъ изъ Илека въ Гурьевъ и возвращается обратно, когда обойдетъ все аулы даже въ камышахъ по берегу моря (Каспійскаго), а потомъ опять выходитъ изъ Илека, и такъ каждый годъ, вотъ уже лѣтъ 15 бродитъ онъ, и все его знаютъ. Теперь онъ идетъ къ морю.

— Да вѣдь отъ Илека до моря верстъ 800! удивляюсь я. Онъ много набираетъ денегъ?

— Ничего. Да и не беретъ, развѣ отъ васъ возьметъ, а отъ мусульманъ не беретъ. Какъ-то дали ему ситцевую рубашку; онъ

взялъ ее, но недалеко отъ аула бросилъ въ кусты, а самъ ушелъ дальше.

Очевидно, что передъ нами былъ странствующій киргизскій пролетарій. Это былъ совсѣмъ не дуракъ, какъ думали киргизы; онъ былъ умнѣ всехъ ихъ, хотя и городилъ имъ челуху и они смѣялись; но кто былъ глупѣе — это вопросъ. Патриархальное гостепрѣимство номадовъ кормило его и укрывало отъ непогоды, и онъ бродитъ по ауламъ всегда сытый и беззаботный. У кривого Булеке всегда было въ запасѣ острое словцо и безграничное терпѣнье, когда надъ нимъ смѣялись, а потому и наша компанія потѣшалась надъ выходками Булеке, даже самъ старшина Канаевъ раза два улыбнулся.

Между тѣмъ, мясо наше уже варилось въ чугунномъ котлѣ среди кибитки, оно уже два раза вскипѣло; варилось оно по-киргизски: въ одной водѣ, безъ всякихъ приправъ, и только горсть крупной соли бросилъ новаръ-киргизъ въ котелъ, и то какъ-бы мимоходомъ. Несмотря на это, бульонъ изъ киргизскаго мяса выходитъ довольно вкуснымъ и весьма питательнымъ. Въ командировкахъ по киргизскимъ ауламъ, мнѣ очень часто приходилось, не сходя съ сѣдла, выпивать поднесенную киргизкой небольшую деревянную чашку этого бульона и цѣлый день не ощущать голода. Достоинство киргизскаго бульона зависитъ отъ умѣнья киргизъ выдерживать варено на огнѣ такъ, что и мясо остается все-таки очень вкуснымъ. Киргизы ѣдятъ сначала мясо и всегда руками, для чего экстренно моютъ ихъ, мысленно читая молитву. Обыкновенно хозяйка раскладываетъ мясо по чашкамъ, отобравъ при этомъ лучшіе, т. е. самые жирные куски въ чашку самого почетнаго изъ присутствующихъ. Туда же она кладетъ и баранью голову. Почтенный такъ гость, отрѣзываетъ отъ головы нѣсколько кусочковъ, кушаетъ ихъ и передаетъ голову слѣдующему за нимъ по мѣсту и вѣсу въ обществѣ, и такъ далѣе странствуетъ баранья голова, мѣняя свою фizioномію, пока достигаетъ до скромно сидящаго у дверей, ея бывшего настуха: онъ обсосетъ и оближетъ ее со всехъ сторонъ и выкинетъ на жертву сторожевому псу. Скушавъ частичку головы, принимаются за мясо и ѣдятъ его такъ аккуратно, съ такимъ аппетитомъ, что любо-дорого

глядѣть. Всѣ косточки обсасываются, разбиваются необычайно ловко посредствомъ пожа, и мозгъ, находящійся въ нихъ, съ присасываньемъ уничтожается; куски жира, на половину съ мясомъ, любимы киргизами особенно, и составляютъ необходимую принадлежность хорошаго стола. Молча удовлетворивъ первый голодъ, киргизы почетные (каждому изъ почетныхъ дается отдѣльная чашка, а на остальныхъ двоихъ и даже троихъ одна) начинаютъ кормить тѣхъ, что сидятъ у порога. Для этого набираютъ въ горсть мяса и, подзвавши избранника, суютъ ему эту порцію прямо въ ротъ, произнося при этомъ бе-исми-алла, т. е. во имя Бога. Поѣвши мяса, пьютъ чашками бульонъ, а потомъ моютъ руки и полощатъ ротъ. Затѣмъ отвалившись отъ пустыхъ чашекъ, чистятъ соломенными зубы, нюхаютъ табакъ, словомъ, предаются кейфу. Богатые принимаются за чай, къ которому подаютъ катышки тѣста, поджаренные въ салѣ. Вообще киргизская кухня не разнообразна. Ее составляютъ лишь вареное или жареное въ салѣ мясо барана, рогатаго скота, верблюда, лошади и молоко во всѣхъ видахъ и отъ всѣхъ названныхъ травоядныхъ. Хлѣба киргизы не знаютъ, хотя и покупаютъ муку для приготовленія изъ нея болтушки на молокѣ. Хлѣбъ у киргизъ составляетъ лакомство. Въ старые годы на Уралѣ за ломоть хлѣба киргизъ работалъ у казака цѣлый день, съ зари до зари.

Когда мясо наше было готово, мы покушали обычнымъ порядкомъ. Криваго Булеке накормили вдоволь, и онъ распростившись со всѣми, отправился въ путь. Затѣмъ киргизы начали убирать посуду и даже самую юрту. Я вышелъ наружу. Кругомъ было пусто. Конскіе косяки, оживившіе на нѣкоторое время окрестную степь, были уже далеко за Ураломъ. По земляной тропинкѣ, сдѣланной на льду для коней, ковылялъ съ котомкою Булеке.

Черезъ два года я опять былъ на низовой уральской линіи, въ Кулагинской станицѣ, и тамъ, къ удивленію моему, снова встрѣтилъ криваго Булеке. Такой же грязный шелъ онъ мимо одной казачьей хаты, когда какой-то шалунъ, работникъ-киргизъ наградила его добрымъ ударомъ по спинѣ лопатой. Булеке огрызнулся и поднялъ свою палку. Я привѣтствовалъ стараго знакомаго: онъ умно и бойко осмотрѣлъ меня своимъ одинокимъ глазомъ и стащилъ съ головы свою мохнатую шапку.

— Опять къ морю идешь? спросилъ я.

— У меня нѣтъ другаго дѣла, отвѣчалъ мой кривой знакомецъ.

— О чемъ это, ваше благородіе, бесѣдуете съ Булеке? сказалъ мнѣ, подходя, богатый казакъ обыватель.

— Да вотъ, давно не видѣлись... И я рассказалъ ему нашу первую встрѣчу съ Булеке.

— И кто только не знаетъ этого Булеке! удивлялся казакъ. Чудное дѣло: зимой въ этихъ лохмотьяхъ онъ проходитъ по всей Уральской линіи, изъ года въ годъ. Недавно буранъ (вьюга) захватилъ его въ степи далеко отъ ауловъ; онъ зарылся въ снѣгъ и пролежалъ всю ночь... Поутру киргизы поѣхали искать отбитый непогодой скотъ; ѣдутъ они и видятъ передъ собою, что снѣгъ зашевелился; они придержали лошадей посмотрѣть на диво... И что же? изъ-подъ снѣга вылѣзъ кривой Булеке! Это онъ спрятался отъ бурана! Диво да и только! А вѣдь одёжонка вся въ дыркахъ... Никто какъ Богъ! заключилъ казакъ.

Хивинскій походъ 1879 года *)

КАЗАЧЬЯ ПЬСНЯ.

(Посвящается сборной казачьей, поручика Буренстама, сотнѣ).

Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,
И предъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ.

И велѣлъ намъ Царь Великій
На Хиву идти въ походъ,
И раздались всюду клики:
За Царя, за Русь вперед!

Мы чрезъ горы въ непогоду,
Припылаючи, прошли....
Слава русскому народу!
Дѣти русской мы земли!

И прошли мы стень, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ....
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Вьетъ съ бархана на барханъ...

Птица рѣдко тамъ летаетъ,
Тамъ песокъ летитъ столбомъ...
А теперь весь міръ узнаетъ,
Какъ шель Кауфманъ молодцомъ!

Слава намъ! Хивинецъ дикій
Передъ нами отступилъ...
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ!...

И прислалъ Онъ намъ „спасибо“
И медаль прислалъ Онъ намъ
На край свѣта мы пошли-бы
По пустынямъ, по пескамъ!...

Шель Вековичъ въ оны годы
И Перовскій ратовалъ;
Но забыты ихъ походы,
И давно ихъ слѣдъ пропалъ....

Только нашъ походъ суровый
Будутъ помнить, будутъ чтить....
За Царя мы всѣ готовы
Наши головы сложить!....

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Стр.	Напечатано.	Читай.
48	24	(фраку)танана	танана
52	8	(тысяченальниковъ)	тысяченачальниковъ
54	(прим.) 4	Мирза-Хакимъ	Мирза-Хакимъ
74	11	онова	снова
81	2	(даразъ)	(даруазъ)
89	24	дарха	дархана
100	29	платковъ	платковъ
132	18	кобъ-бари	коктъ-бари
160	1	припация	припация
182	(1 графа) 14	кок-табаки	коктъ-галактъ
248	1	Яншъ-куртанча	Яншъ-куртанча
367	31	бурхнами	бурханами
370	16	нашки	нашни
396	16	очерзивающій	очерчивающій
—	—	Дичаха	Дизаха
409	2	чтожы	чтобы
—	6	неболшой	небольшой
410	18	акъ-чингалъ	акъ-чингиль
459	18	инкимеръ	инкимеръ
462	34	куль, тированный	культивированный
469	14	Кызыл-кумъ	Кызылъ-кумъ.

*) Эту пьсню Сборная казачья сотня пѣла въ первый разъ при обратномъ походѣ Туркенстанскаго отряда изъ Хивы въ Ташкентъ.